

Загробная жизнь, или Последняя участь человека

Е.А.Тихомиров

Предисловие

Предисловие

Перенесемся мыслю в апостольские времена. Вот великий Апостол языков – в одном из знаменитейших центров древнего язычества, пред именитейшими представителями города языческой мудрости, словом – в Афинском ареопаге. Апостол Христов проповедует народу мудрецов премудрость Божию, говорит об общем всех людей Боге, о Христе воскресшем, о будущей жизни.

Каков же был результат его проповеди?

Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время (Деян.17:32).

Не встречается ли и в наше время учение о воскресении и о будущей жизни точно такой же прием? Не служит ли оно для одних, хотя и взрослых на христианской почве но возвратившихся к языческой мудрости, предметом глумления и соблазна? И не отвращаются ли от него другие, если не умом, то сердцем развлекаемые разными заботами века сего (Мф.13:22), кто своим полем кто своею торговлею (XXII, 5)?

А между тем, последняя участь человека не должна ли служить для всякого предметом глубочайшего внимания, постоянного размышления, добросовестного изучения? Так или иначе, а к вопросу о последней судьбе человека сводятся все вопросы жизни человеческой.

Достоинство прилагаемой книги, конечно далеко не соответствует достоинству и важности рассматриваемого в ней вопроса. Но она исполнит свое скромное назначение, если хотя несколько удовлетворит благочестивой потребности ищущих истинной христианской мудрости и находящих ее в том, чтобы, живя на земле, помышлять о небе и готовиться к жительству на небесах.

Отдел первый. Смерть и бессмертие

1. Господство смерти

Поминай последняя твоя, и во веки не согрешите. (Сирах. 6:39).

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. (Символ веры).

Если бы кто-либо из небожителей, никогда не бывавших на земле, нами обитаемой, явился на ней и обратил внимание на наш род человеческий, то чтобы – вы думаете – наиболее могло поразить его взор? Мне кажется, что его всего скорее удивила бы и поразила наша ужасная смертность. В лице человека он тотчас узнал бы владыку земли, коему все подчинено и волею или неволею служит; а в смерти он тотчас увидел бы лютого врага и тирана, коему этот владыка земли отдан в жертву наряду с последними из бессловесных. И долго ли бы надлежало ожидать ему, чтобы сделать это последнее заключение о нас? Ни единой даже секунды. Ибо на земле, нами обитаемой, – узнайте и ужаснитесь! – не проходит ни единой секунды без того, чтобы не умер кто-либо, так что если бы считать непрерывно и по порядку, ряд смертей человеческих, то сей счет мог бы служить вместо самых верных часов для измерения нашего земного времени. Так бременен и мимоходящий образ бытия нашего здесь! Почти четвертая часть людей для того только, по-видимому и рождается, чтобы умереть, не оставив следа бытия своего, кроме только разве в растерзанном скорбью сердце родителей; для многих минута рождения служит вместе и минутою скончания; многие умирают, не выходя на свет, имея гробом утробу матернюю. Из остающихся жить едва третья часть достигает юношества и едва половина переходит за средину жизни; а доживающих до последних пределов жизни (и велики ли они? – 70, 80 лет!), так мало, как колосьев, кои ускользнули из-под серпажателя. Никто не свободен от смерти. Войдите в полуразвалившуюся хижину – увидите гроб, на горах – смерть, в долинах – смерть, на морях и реках – смерть. Всему есть сроки и времена: смерти – нет (ни срока, ни времени). Она мимо ходит старца и похищает юношу;

оставляет младенца и берет мать, его питавшую; этот употребляет все средства, чтобы избавиться от неважной, по-видимому, болезни и умирает от нее; а тот делает, по-видимому, все, чтобы расстроить свое здоровье и сократить дни, – и живет. Мудрец умирает, не довершив своих открытий, над коими трудился целый век; полководец умирает в навечерии битвы, которая должна бы решить судьбу его отечества; возвращающийся из пути дальнего сын – умирает за час пути от крова отеческого; невеста или жених умирает, возвратившись только или и не возвратившись из-под венца брачного. Смерти нет дела ни до чего нашего, человеческого: это – скелет без сердца и души, с одною косою и серпом. Большею частью она любит предпосылать себе, как вестника и предтечу, различные недуги и болезни. Иногда, как бы любясь страданиями своей жертвы, замедляет приход и удар свой; но она же любит поражать и внезапно, как тать ночной. Сколько людей не встало от ложа ночного, легши на него с замыслами на многие годы! Сколько уснуло последним сном за трапезою! Сколько не возвратилось в дом, вышед на несколько минут! Тщетно наука здравия истощает все искусство и все усилия: сила смерти все та же и та же свирепость и внезапность. Врачи, как бы в отмщение за покушение на невозможное, менее всех пользуются долговечием. Сама религия не спасает от смерти. Вот человек, который всю жизнь посвятил Богу, вере, добродетели и человечеству. Все желали как милости от Неба – продолжения дней его. Но смерть не внимает ни чему, – и праведник лежит бездыханен.

«Взирая на все сие, кто вместе со св. песнопевцем не воскликнет от всей скорбной души: *Что сие, еже о нас быть таинство? Како предахомся тлению! Како сопрягохомся смерти?*».

«Вопрос горький неизбежный! Но кто из людей в состоянии сам собою разрешить его? *Нет гласа и ответа из могилы; несть познан возвратившийся из ада...*».¹

«Если бы не признавать бессмертия души и вечности, то не справедливо ли было бы всю временную жизнь человека считать только непрерывною смертью, которая, наконец, рано

или поздно, перевесив силу рождения, поглотила бы все человечество и всякую жизнь в мире? И было бы последним словом человека на земле его самоотрицание. «Я жил и мыслил, я чувствовал, и действовал: но все это – *ничто*, потому что я умру и буду ничто». Горькие слова, которые придавали бы самый мрачный и безотрадный вид всей нашей жизни! Такое самоотрицание ставило бы духовную жизнь даже ниже телесной, потому что и тело наше по смерти не уничтожается, а только разлагается и смешивается с другими элементами земли».²

2. Происхождение смерти

Откуда смерть в людях? На этот чрезвычайно важный вопрос существуют два противоположных ответа.

Неверующие всех времен, предоставленные руководству своего бедного разума, признают смерть естественною и неизбежною для человека по самой его природе: мы умираем потому, что такова именно была изначала и всегда есть природа человеческая. *Случайно мы рождены и после будем как небывшие; когда тело обратится в прах, – и дух рассеется как жидкий воздух; и нет нам возврата от смерти* (Премуд. Солом. 2:2, 3, 5). Умирая мы отдаем неизбежную дань природе наравне со всеми животными. Как пожелтевший лист спадает осенью с дерева, точно также и человек, сраженный в свою осень неумолимою косою смерти, исчезает, подобно бедному листу, бесследно и безвозвратно...

Таков взгляд неверующих на смерть: смерть – не иное что, как дань природе. К сожалению и мы все бессознательно подтверждаем этот языческий взгляд, когда, желая сказать, что такой – то умер, говорим вместо того, что такой – то заплатил долг или отдал дань природе – выражение языческое, перешедшее и в христианство.

Благодарение милосердному Богу, озарившему нас светом Своего Божественного Откровения, *утаившему от премудрых и разумных и открывшему младенцам* (Мф. 11:25) великие истины и спасительные тайны царства Божия. Теперь отрок и младенец знают о цели бытия человеческого и о жизни нашей за гробом более, нежели сколько знали все языческие мудрецы. Теперь мы знаем не только начало, но и конец, можно сказать – смерть самой смерти.

Божественное Откровение учит, что *Бог смерти не сотворил* (Премудр. Солом. 1:13), *но сотворил человека в неистление* (2:23), и что *смерть вошла в мир завистью дьявола* (ст. 24). Смерть есть дань не природе, а греху; она вторглась в нашу бессмертную природу случайно – посредством отпадения нашего от Источника жизни, Бога, чрез

нарушение Его животворной заповеди. Вот единственно истинный ответ на вопрос о происхождении смерти.

Смерти не было и не могло быть во вселенной, как произведении Существа всесовершенного, в царстве Божьем. Она есть произведение не Творца, а самих тварей, следствие злоупотребления их свободы и деятельности. Тут весьма понятно для каждого, что существа разумно – свободные могли употребить и произвол, и волю, и силы свои, как восхотели – на добро или на зло: могли устремиться по пути правды и жизни вечной или, устремившись по противоположному пути зла и неправды, пойти вопреки законов своего Творца, отделиться от Него, единственного Источника жизни и благобытия, и в сем отделении от Него и противоположности Ему необходимо сретиться с падением, превращением своих сил, истощением и, наконец смертью.

Где и как произошло это ужасное разлучение существ разумно – свободных с Источником жизни и бессмертия, с Богом?

Слово Божье сказывает нам (и кто бы мог сказать это нам без него?), что такое ужасное превращение последовало не на земле, а на небе, последовало, но всей вероятности, еще до сотворения земли нашей и рода человеческого.

Первый мертвец был не на земле, в Эдеме, как мы обыкновенно представляем, а на небе, у самого престола Божия, и был не человек, а Архангел, даже едва ли не первый из Архангелов. Он был ближайшим зрителем совершенств Божьих, первым приемником света не созданного и следовательно блаженнейшим из существ сотворенных.

Что могло недоставать к совершенству его, к упрочению за ним всего совершенства на всю вечность, кроме благодарного повиновения и любви к своему преблагому Создателю? – Но сего – то именно и недостало! Как и почему недостало? Это – тайна, для нас не исследуемая. Но сей светоносный Архангел не устоял в своем чине, не удовлетворился своим достоинством и блаженством, восстал против своего Творца и Благодетеля, возомнил безумно, что не только может обойтись без Его благоволения, но и открыто вступить с Ним в борьбу.

Произошла брань – твари с Творцом: Архангел с клеветами своими (ибо безумие его разделяли с ним и другие ангелы) не устоял против Всемогущего и с неба низринут в преисподнюю!

Вот первый мертвец и первое кладбище в мире! – Не имея, как духи, нашего тела, возмущившиеся ангелы не могли иметь нашей смерти; но вместе с возмущением своим, с отлучением чрез грех от Бога, они тотчас потеряли жизнь, силу и блаженство, сделались мертвыми для жизни в Боге. Как духи нетленные, они не могли потерять вовсе бытия, не могли разрешиться на части и истлеть, как тлеет наше тело; но подверглись стократ большей смерти – вечному и невозвратному отлучению от Бога, единственного Источника всякой истинной жизни.

Эта первая смерть в мире Ангельском была самая ужасная, ибо она тотчас сделалась смертью и вечною, от коей нет воскресения.

Как ни ужасна была эта смерть, на нас она не имела никакого влияния – ибо нас, рода человеческого, даже нашей земли и неба, тогда, по всей вероятности, еще не существовало.

Между тем для показания беспредельности Своего могущества и благодати, Творцу благоугодно было произвести наш мир видимый, чувственный и телесный. Во главу его произведено и поставлено такое существо, которое совокупляло в себе и дух, и тело. То был первый человек, наши прародители. По душе своей и по внутренности своего существа они были подобны ангелам, но сии ангелы – подобные существа облечены были телесностью и в сем отношении походили на прочие телесные существа нашей земли.

Тело их своим видом, частями, действиями, без сомнения, походило на наше тело; но вместе с тем оно имело великое число совершенств, коих нет в нынешнем нашем теле. А главное – оно было бессмертно, не в том смысле, чтобы не могло умереть, как, напр., душа, а в том, что заключало в себе возможность и способность не умирать, а жить вечно, чего нет уже в нынешнем нашем теле.

Таковая драгоценная способность зависела от разных причин, а первое всего от того, что невинный человек был образ Божий, был приискренно соединен с своим Первообразом. Вечная жизнь из существа Божья прямо струилась в существо человека, наполняя душу его, и чрез нее и самое тело мощью и нетлением. Вместе с ним; или – точнее сказать – по тому самому телесная природа первых человеков была превыше нынешнего господства над нею стихий, по коему действуют на нее столько начал разрушительных. В природе, окружавшей человека, ничто не вредило его здравью и силам, а напротив все стремилось к поддержанию его, если бы в том была нужда. Я говорю: *если бы*; ибо телесность человека чистая, проникнутая силою богоподобия душевного, вместо того, чтобы иметь нужду в поддержании своей силы, могла сама быть источником подкрепления и оживления для окружающих ее тварей, низших ее.

По всему этому первый человек, не смотря на то, что с состав существа его входило тело чувственное, обладал способностью не умирать, а жить вечно.

Но он мог и умереть. Путь к этому несчастью был один – отделение от Бога, Источника жизни, причем неминуемо человек предоставлялся самому себе и, не имея в себе самом источника живота, долженствовал подвергнуться бессилию и разрушению всего того, что в нем было разрушимого, то есть всей его телесности. А к разлучению с Богом путь для человека также был один – уклонение от воли Божьей, грех.

Для того, чтобы не впасть в грех и противление воле Божьей и чрез то не потерять бессмертия, человек снабжен был всем нужным до полноты и избытка.

Но в нем была свобода – дар высокий, необходимый для существа разумно – нравственного, но вместе и крайне опасный; ибо по силе этой свободы и человек, как прежде Архангел на небе, мог из себя сделать что угодно: мог остаться в соединении с Источником жизни – Творцом своим; мог и удалиться от Него, к величайшему своему вреду и пагубе.

Чтобы помочь человеку скорее обнаружить свою свободу и волю и через употребление их на доброе утвердиться в добре,

Отеческий Промысел Божий дал человеку в испытание положительную заповедь о невкушении от плодов одного из древ райских. Сим все случаи к падению сводились в один случай, всевозможного искушения невинного человека на зло сокращались в одно, самое невеликое искушение, которое преодолеть было весьма нетрудно.

Чтобы еще более оградить человека от злоупотребления своею свободою и от всех противных внушений, Всеблагий Творец указал даже на пагубные последствия нарушения заповеди, данной человеку, и объявил прямо, что непосредственным следствием того будет смерть. *В он же аще день снесете от него (от плодов запрещенного дерева), смертью умрете* (Быт. 2:17), т. е., по силе сего выражения на священном языке, умрете неминуемо, ужасно, подвергнетесь бедствию величайшему.

Таким образом мы всевозможно ограждены были со всех сторон от опасности. поскольку нам необходимо было показать свою свободу, решить самим, как существам разумным, свою участь, избрать, так сказать, себе образ бытия или в соединении с Богом, по намерению и плану Божью, или по своему мудрованию и прихоти, то для нас нарочно изобретен к тому самый простой и легкий случай. Но вместе с тем взяты все меры, чтобы этот роковой опыт был с нашей стороны удачен и счастлив.

Вообразим теперь положение наших прародителей в Эдеме, даже поставим себя там вместе с ними мысленно: вот пред нами древо запрещенное с его плодами, а над ним заповедь Божья с угрозою смерти.

Не должно ли сказать о сем положении того, что пророк говорил потом от лица Божья народу Израильскому: *Се дах пред лицом твоим жизнь и смерть* (Втор. 30:19; см. стихи 15–18), избирай, т. е., сам любое?

Действительно в Эдеме была пред лицом нашим не только жизнь, – ибо мы ею пользовались, – а самое бессмертие и смерть.

Кто бы мог ожидать, что мы будем так неразумны, так, можно сказать, враждебно ненавистны к самим себе, что

отвергнем и бессмертие, и жизнь, а выберем произвольно смерть?

Но так именно и случилось.³

Кратко и просто сказание Моисеево о падении человека. 'Так и обыкновенно Дух Святой изображает в Писании великие события и тайны, в каждом слове заключая не исследуемую и неизмеримую глубину смысла. Скоро наступит тот страшный день, которым Бог угрожал первому человеку, если он вкусит от запрещенного древа⁴. Не надолго отдалила его от человека любовь к Творцу. Угроза и страх смерти не остановили его приближения. Падший ангел, позавидовав блаженству людей (Премудр. Солом. 2:24), вошел в змия и соблазнил Еву нарушить заповедь Божью⁵. *И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз, и вожделенно, потому что дает знание, и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел (Быт. 3:6).* И исполнилось Слово Божье: человек смертью умер. За святотатственным вкушением от запрещенного древа последовала смерть духа, отчуждение от жизни Божьей (Ефес. 4:18), разъединение с Тем, Кто есть жизнь всего живущего и Свет человеков (Ин. 1:4), изгнание человека из рая, удаление от древа жизни, осуждение на труды, болезни, скорби смерть и разрушение тела, проклятие его ради всей твари. *Как одним человеком грех вошел в мир и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили (Рим. 5:12).*

3. Решение возражений и недоумений⁶

Хотя произведению не свойственно судить художника (Рим. 9:20), но когда есть уже такие, которые, пререкают ему, то позволительно, с благоговейною осторожностью, и оправдывать пути его⁷.

История падения человека или – что тоже – история происхождения смерти, вызывала со стороны иных возражения и возбуждает в других недоумения.

Как мог, говорят, человек восстать против непреложной и святой воли Бога всемогущего и произвести такой страшный переворот в царстве Божьем? Как мог человек, существо ничтожное пред Богом, стать во вражду с Творцом своим и вместе с собою увлечь и всю тварь в бездну нестроения и зла? Почему Творец не уничтожил зла в самом его зародыше, и допустил ему войти в мир? Зачем дана человеку самая возможность зла? Зачем дан случай, или повод ко греху – древо познания? Зачем еще допущен в рай искушитель, столь хитрый и сильный в зле? Как будто мало было одной, данной человеку, возможности греха? Употреблены все средства, чтобы ускорить переход этой несчастной возможности в действительность. Открыт человеку и случай ко греху, дан и опытный учитель греха. – Человек введен Богом в состояние испытания, за которым, если бы он прошел это испытание счастливо, его ожидала светлая и блаженная вечность. Но, говорят, неужели мы признали бы мудрым и добрым такого отца, который бы намеренно ввел своего сына в искушительное и опасное положение, в котором несчастный и погиб; а он после стал бы уверять, что вовсе не погубил своего сына, потому что он только попустил зло, но не хотел его, не содействовал ему? Человек не видит и может не видеть, чем кончится испытание, которому он подвергает другого. Но Бог от вечности предвидел, что человек не устоит в испытании падет и низринет за собою всю тварь: зачем же Бог вводил человека в испытание? Какую цель могло иметь испытание, когда испытующий несомненно знал его гибельный конец.

Нет спора, что решение таких вопросов недоступно разуму, особенно дерзкому и кичливому. Но искреннее и благоговейное желание умудрения найдет в Писании успокоительные на них ответы, доступные разумению человека в этой жизни, в которой *мы ходим верою, и не видением* (2Кор. 5:7), не неудовлетворительные и для разума, пришедшего в послушание веры (Рим. 14:25).

В предвечном совете Триипостасного Божества о сотворении человека Бог определяет создать человека по образу Своему и по подобию (Быт. 1:26, 27). Основная черта образа Божья в природе человеческой есть ее личность, или духовность; а существенные черты духовности – самосознание и свобода.

Бог есть Дух самобытный и бесконечный; а человеческий дух сотворен и ограничен. Следовательно между образом и Первообразом – расстояние бесконечное. Бог, как Дух беспредельный, имеет в Себе всецелую полноту возможных совершенств, без всякого недостатка и ограничения; а потому, как всесовершенный, Он неизменяем, всегда одинаков в Своем существе, в Своих силах и совершенствах. В Духе беспредельном и неизменяемом – и ум беспредельный, всеведение и свобода совершеннейшая, всегда святая и благая, не могущая быть не святою и не благою. Поэтому Бог всемогущ и в нравственном смысле – может все, чего хочет, потому что хочет только созобразного с Своей совершеннейшей природой и не может хотеть того, что ей противно. Свобода Божья всесовершенна, неизменяема, не может ни хотеть, ни делать зла. Никакое сотворенное существо, как бы ни было высоко, совершению, близко к Богу не может иметь такой всесовершенной и неизменяемой свободы. Иначе оно было бы не тварью, не образом Божиим, но существом совершенно равным Богу.

Малым чим, по слову Пророка, умален человек от Ангел, венчан славою и честью (Пс. 8:6). Адам получил из рук Творца могущественные силы и великие совершенства. Ум Адама, говорит Августин, по своей силе и быстроте был настолько же выше величайшего из известных нам человеческих умов,

насколько птица быстрее черепахи. Но и это сравнение представляется Августину слабым и недостаточным. Высок был ум Адама, но не был ум совершенный и неограниченный, для которого невозможно бы было никакое дальнейшее возрастание и усовершенствование. Неограниченное совершенство принадлежит только уму Божескому. Постепенное усовершенствование есть необходимый закон всякого сотворенного духа, какими бы высокими силами и совершенствами не обладал он. Высоко было совершенство ума Адамова; однако ж, это совершенство было не более, как младенческое состояние, в сравнении с тем величием, которого он мог бы достигнуть. И Адаму предлежал путь развития, но путь легкий, быстрый, светлый, без тех скорбей и трудов, с которыми пролагают себе и разрабатывают путь знания его потомки. – Ни одна нечистая мысль или желание не возмущало светлого состояния его ума; Чувственность, с которою у нас непримиримая борьба, которая так часто увлекает и порабощает наш ум, есть уже порождение греха. Внутренняя брань еще не открывалась в душе человека невинного. *Только это я нашел*, говорит Премудрый, *что Бог сотворил человека правым* (Екк. 7:29). Свобода первозданного была свобода чистая и направленная к добру, неколеблющаяся между добром и злом, но совершенно согласная с нравственным законом, с святою волею Божьею. Творец, как святой и благой, не мог вложить в нее искусительного влечения ко злу (Иак. 1:13), но внедрил в сущность ее закон добра, написал Свой закон в сердце человека (Рим. 2:15). Однако ж, эта самая свобода сделалась неточным началом всего зла. Свобода твари, как бы ни была чиста и совершенна, не есть свобода не изменяемая, обладающая всею полнотою нравственного совершенства. Для ограниченной и сотворенной свободы возможна и естественная изменяемость на лучшее, постепенное возрастание и укрепление в добре, но есть в ней возможность и удаления от добра, влечение к злу. Творец создал человеческую свободу чистою, невинною, безгрешною, вложил в нее стремление к добру; но, не разрушая свободы, не мог исторгнуть из нее, возможности зла. При постоянном возрастании и укреплении в добре проходила бы и самая

возможность зла. Свобода пережила бы эту возможность и удалилась бы от нее, как пережила ее укрепшая в добре и теперь уже непреклонная к злу свобода Ангелов: но в сотворенной свободе первоначально должна быть возможность зла, чтобы самое укрепление ее в добре было свободно и непринужденно. Человек так был создан, наделен такими могущественными силами и совершенствами, что для него гораздо легче была добродетель, чем грех, в нем несравненно сильнее была потребность добра, чем возможность зла. «Бог сотворил человека, – рассуждает св. Иоанн Дамаскин, – безгрешным по естеству и свободным по воле; безгрешным – говорю, не потому, чтобы он был недоступен для греха (ибо одно Божество грешить не может), но потому, что возможность грешить имел он не в своем естестве, а в своей свободной воле. Именно, при содействии Божьей благодати, он мог пребывать и преуспевать в добре; а равно, по своей свободе, при попущении Божьем, мог и отвратиться от добра и быть во зле. Ибо то – не добродетель, что делается по принуждению»⁸. Августин различает в нравственном состоянии разумных тварей возможность не уклоняться от добра и невозможность уклониться от добра, или иначе – *возможность не грешить* и *невозможность грешить*. Возможность не грешить есть состояние невинности, в котором поставлен был Адам; невозможность грешить есть состояние Ангелов, святых и блаженных в жизни небесной⁹. Возможность не грешить при постепенном укреплении в добре перешла бы в невозможность грешить, как было и со святыми Ангелами. Некоторые из духов пали по своей свободной воле; другие по той же свободной воле устояли в добре и за это укрепление в добре удостоились получить награду – такую полноту блаженства, которая дает им совершеннейшую уверенность, что они навсегда останутся, непоколебимы. Но человек поступил не по ангельски: вместо того, чтобы возвышаться к невозможности греха, он осуществил возможность зла. Осуществление этой несчастной возможности есть то преступление, грех, который, как говорит Апостол, человек взвошел в мир, а за ним – смерть и все зло.

Предлагают вопрос: «зачем Бог дал человеку самую свободу – дар опасный и гибельный?» – Движимый беспредельною благодатью Бог воззывает к бытию твари, Безмерная любовь Его благоволила, чтобы существовали не одни только бессознательные носители совершенств Божественных – твари бездушные и неразумные, но чтобы были и сознательные и разумные причастники Его блаженства. Ему благоугодно было в тварях не только рабское, бессознательное служение необходимости, но и духовное служение любви. Неприступный и беспредельный, по безмерной благодати Своей, хочет сблизиться с Своею тварью и, сколько возможно для нее, приблизить ее к Себе. Чтобы сколько возможно возвысить и облаженствовать Свое создание, Бог некоторых из тварей украшает и возвеличивает Своим образом и в нем дает им возможность к уподоблению и приближению к Себе, к блаженному соединению с Собою. Ничего нет любезнее для Творца, как видеть образ Своего высочайшего Божеского совершенства. Нет ничего выше и блаженнее для твари, как носить в себе образ Творца. Существенные черты образа Божья и вместе величия человеческого составляют сила ума и сила свободы. Существо разумное не может быть несвободным. Сознание себя самого самостоятельным виною своих стремлений и действий без действительной возможности на самом деле быть виною своих действий – пустой призрак, самообольщение. Поэтому требовать, чтобы Бог создал тварь сознательную и разумную, но не давал ей свободы, значит требовать, чтобы Бог истины оставил Свою тварь в постоянном самообольщении и обмане. Бог мог бы поставить человека в состояние необходимости, которой подчинены животные; но, даруя ему свободу, Он возвысил человека над всеми видимыми тварями и приблизил его к Себе, как священника и царя природы. Следовательно, роптать на Бога за дар свободы значит роптать на Него за то, что Он весьма благ и милостив к человеку, зачем Он так возвысил человека и зачем не уравнил его с животными.

«Но, говорят, если свобода есть столь высокое и существенное состояние человеческого духа, то зачем же

Творец дал ей возможность зла? Разве Он не мог создать свободу без этой губительной возможности?» – Кто дерзнет утверждать, что Бог не мог создать свободы недоступной греху и неодолимой злом? И *из камней* Он может *воздвигнута чада Аврааму* (Мф. 3:9). Но чем бы такая свобода отличалась от необходимости? «Бог, говорит св. Григорий Богослов, почтил человека свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена онаго»¹⁰. «Говорят, рассуждает св. Василий Великий, – почему в самом устройстве не дано нам безгрешности, так что нельзя было бы согрешить, хотя бы и хотели? Потому же, почему и ты не тогда признаешь слугителей исправными, когда держишь их связанными, но когда видишь, что они добровольно выполняют пред тобою свои обязанности»¹¹. Возможность зла так первоначально необходима и естественна человеческой свободе, что, и по суду разума, уничтожить эту возможность в человеке значило бы тоже, что пересоздать человека; точно так же, как теперь остановить в человеке возможность греха значило бы тоже, что совершать над ним постоянное чудо.

Возможность зла представляется нам страшною в невинной свободе Адама потому, что мы сравниваем его возможность с нашею возможностью, которая перешла в нас почти в необходимость зла или, по крайней мере в преобладающую склонность к злу, в страсть греха. Не следует представлять, что возможность зла, как тень неотлучно преследовала невинную свободу Адама и, как внутренний неумолимый искушитель, влекла ее ко греху, подобно тому, как наша чувственность не дает нам покоя и жадно ищет средств и случаев ко греху. Возможность зла в невинной свободе далеко не имела такой страшной силы. Несправедливо представляют себе, что невинная свобода носила в себе возможность зла, как плодотворное семя зла, которое точно также, как и семя вещественное, будучи брошено в землю, уже необходимо совершает раскрытие своих возможностей, необходимо начинает свое развитие. Такая возможность есть скрытая необходимость, и вся вина за осуществление такой возможности падала бы на Того, Кто дал ее. Возможность же

зла в свободе невинной – исключительная, единственная и беспримерная во всем царстве сотворенных возможностей. Как возможность свободы, она не носила в себе необходимости осуществления, могла не переходить в действительность и навсегда остаться только возможностью. Такая самоопределяемая возможность, свободная от необходимости осуществления, не есть дело невозможное и в настоящей свободе человека. Человек имеет полную возможность известного греха: все условия к ее осуществлению благоприятны; готовы – и предмет греха, и средства ко греху; есть даже – чего не было в свободе невинной – внутреннее, сильное влечение ко греху. И при всем этом, человек всегда может оставить свою возможность греха одною возможностью – не сделать греха. Если свобода уже нечистая и ослабевшая может еще подавлять в себе различные греховные возможности, то эта возможность греха, конечно, была несравненно свободнее от греха в человеке невинном, еще чистом и безгрешном. – Еще неестественнее представлять себе состояние невинной свободы, как состояние колебания, как внутреннюю борьбу между добром и злом. Борьба есть уже состояние свободы падшей, или по крайней мере, начинающей падение. Колебание между добром и злом предполагает уже не одну простую возможность зла, но влечение в зло, влечение равносильное с стремлением к добру, с которым оно борется. Человек, у которого сердце двоится, но словам Апостола, подобен волне морской, ветром поднимаемой и разбиваемой (Иак. 1:6,8). Состояние, конечно, не райское. – Несправедливо, наконец, представлять себе состояние невинной свободы равновесием между добром и злом, в котором свобода была одинаково доступна и открыта тому и другому, равно повинна и на добро и на зло. Такое воображаемое равновесие есть тоже, что застой, неподвижность, недвижимое коснение, возможной только в безжизненном веществе. Адам получил из рук Творца могущественные силы ума и воли, направленные к созерцанию и деланию добра; на сердце человека был начертан закон добра, руководитель к Богу. Следовательно для добра дан был закон, определенное требование; для зла была только

возможность. Закон ума, который в человеке падшем является желанием добра, но часто бессильным и бесплодным¹², в невинном состоянии человека, конечно, был стремлением светлым, сильным, беспрепятственным. Сравнивая потребность добра и возможность зла в первобытной свободе, осуществление возможности зла, и по суду разума, признают столь неожиданным и неестественным, что за эту неожиданность и неестественность называют грех Адамов чудом, не исследованной тайною, тьмы.

Напрасно сравнивают Бога с отцом, который, чтобы испытать сына, намеренно его вводит в искусительное и опасное состояние. Бог *не искушает никого же* (Иак. 1:13). Напротив, Бог в отношении к Адаму подобен отцу, который предвидит и мудро предупреждает самую возможность искушения или, по крайней мере, всеми средствами укрепляет его и приготавливает к подвигу испытания. Независимо от того, что возможность зла в невинном человеке была слишком слаба в сравнении с крепкими силами ума и воли, направленными к добру, и немощна пред силою естественного закона, написанного на сердце человека, – независимо от этого Бог Сам непосредственно содействует Адаму к укреплению в добре и предохраняет его от зла, конечно, в такой мере, чтобы не стеснять его свободы.

Рай, в который был введен первозданный, многие из Отцов Церкви представляют себе не только вещественным, но и духовным. По вещественной стороне, рай был блаженным жилищем человека на земле; по духовной стороне, райская жизнь была состоянием особенной близости человека к Богу. При такой близости человека к Богу, тем ужаснее представляется его отпадение от Бога. Из несомненных свидетельств Писания, известно, что в раю бывали Богоявления. Бог непосредственно являлся прародителям, беседовал с ними и вводил их в свет Богопознания. Озаряя ум Адама светом Своих непосредственных явлений и собеседований, Господь Бог не оставил и свободы его без подкрепления всемогущею силою Своей благодати. До своего падения Адам постоянно стоял под ее наитием. «Бог, – пишет

блаж. Августин, – дал человеку добрую волю; такую волю создал в нем Создавший его правым. Он дал ему и Свою вспомоществующую силу, без которой Адам не мог бы устоять в добре, если бы и хотел; но самое хотение добра было представлено его свободной воле. Следовательно он мог бы устоять в добре, если бы хотел; потому что с ним была та вспомоществующая сила, которою он мог и без которой не мог бы устоять в добре. Но что он не хотел устоять, в этом и вина его. Если бы человек по своей свободной воле не отринул благодатного вспомоществования, он навсегда пребыл бы добрым; но он отринул благодать и был отринут ею». (О повреждении и благодати. XI, 31, 32).

И так Адам не мог оправдываться в своем падении тем, чем думают оправдываться в грехах своих его потомки. Прародитель не мог жаловаться ни на тяжесть добродетели, ни на немощь своих сил. Силы он имел могущественные, направление к добру прямое и беспрепятственное. Путь его был путь райский, светлый, блаженный, не затрудняемый еще внутренними греховными влечениями. Благодать осеняла его своею всемошною силою. Сам Бог был его Наставником и Воспитателем. Бог сделан все, что только можно было сделать для твари свободной, не стесняя ее свободы. Со стороны человека требовалось свободное хотение добра. Богу оставалось создать в Адаме самое это хотение, т. е. сокрушить в нем свободу, или спасти человека без его хотения, против воли, насильно. Но такое насильное спасение или облаженствование человека и недостойно Бога, даровавшего свободу, и недостойно человека, как существа свободного. К чему бы тогда была и самая свобода.

«Но к чему говорят – заповедь? Зачем среди дня древо познания, искушение, случай греха? Зачем искунитель?» – Что касается до древа познания, то оно было простое средство, которым свобода могла обнаружить принятое ею направление к добру или к злу. В пустыне при Синае евреи, не имея, из чего сделать идола, слили его из золотых серег, которые они взяли из ушей своих жен и дочерей (Исход. гл. 32). Не женские же украшения были причиной идолопоклонства. И в раю человек,

возмечтавший быть равным с Богом и независимым от Него, нашел бы и иное средство, которым бы обнаружил свое отпадение от Бога, если бы и не было запрещенного дерева. Дерево познания само по себе не имело никакой особенно обольстительной и искустительной силы. Рай полон был красивых плодоносных деревьев. Ева, доколе не смотрела на дерево познания глазами греха, не видела в плодах его какой-нибудь особенной, чрезвычайной красоты. Надобно предположить, что в прародителях был совершенно детский разум, если бы их могла обольстить красота древесного плода. «Но зачем же заповедь?» – «Нам вверен был рай, – пишет св. Григорий Богослов, – нам дана была заповедь, чтобы, сохранив ее, заслужить славу; дана не потому, что Бог не знал будущего, но потому, что Он постановил закон свободы человека, почтив свободу, Бог поставил его в рай. Дает ему и закон для упражнения свободы. Законом же была заповедь – какими растениями ему пользоваться и какого растения не касаться. А последним было дерево познания, и насажденное вначале не злонамеренно, и запрещенное не по зависти»¹³.

«Для чего в рай было дерево познания?» – «Для того, – отвечает св. Василий Великий, – что нужна была заповедь для испытания нашего послушания»¹⁴. А заповедь эта есть тот же внутренний нравственный закон, только в его приложении к частному случаю жизни, или к частному предмету деятельности. Общее требование нравственного закона есть любовь к Богу, преданность Его воле. Но человек не иначе может выражать свою любовь и преданность Богу, как в частных поступках, в различных частных случаях своей жизни и деятельности. Заповедь, как частное, определенное выражение закона, не только не затрудняла свободу на пути добра, напротив, как и все заповеди Божьи, была светом, просвещающим очи человека (Пс. 28:9). Проникая мыслию в заповедь, данную Адаму, мы видим в ней свидетельство о великой премудрости и благодати Заповедавшего. Заповедь дана о самом частном предмете, но при своей частности она проявляет в себе весь дух нравственного закона, всю сущность его требований – любовь, преданность Богу и этим показывает человеку определенный

образ для всей его деятельности; определяет направление всей его жизни – послушание, и повиновение воле Божьей. В таком духе понимал заповедь блаж. Августин: «Древо доброе, но не касайся его. Почему? потому что Я – Господь, а ты – раб, вот вся причина»¹⁵. Если не Господь, то сама заповедь Его говорила Адаму о преданности, покорности Богу: а в этом и вся сущность закона. Бог ограждает заповедь угрозой: *в он же еще день спеете от него, смертью умрете*. Нравственный закон не предсказывал человеку смерти. В душе еще невинной совесть была светла и покойна. В Своей угрозе Бог открывает Адаму то, о чем еще не могла говорить ему совесть, именно – горькие следствия нарушения закона и таким образом заповедью восполняет закон и страхом усиливает в человеке уважение к нему. Наконец, Бог провидит искушение, которому подвергнется человек от дьявола. Любовь и преданность к Богу, Дарователю жизни и всех райских благ ее, сильны были спасти человека от искушения. Но Бог дает человеку еще сильное орудие против искушителя – страха смерти. Для той же благой цели, Он дает заповедь самую легкую и удобоисполнимую: запрещается вкушение плодов одного только древа. Невозможно придумать заповеди более легкой, особенно для того, кто владел целым раем и всею землею. Запрещенный предмет не имел в себе ничего особенно соблазнительного; значит, тем легче человек мог сохранить заповедь, выдержать испытание, отразить искушителя. И так напрасно многие сетуют на древо познания: оно насаждено было с целью мудрою и благою. Заповедь, хотя и была ограждена страхом смерти, но вела не к смерти, а к жизни.

«Но – говорят – известное дело, что запрещение раздражает желание», – «Когда чувствуем пожелание к предмету, – пишет Златоустый, – и нам запрещают этот предмет, то огонь пожелания разгорается сильнее»¹⁶. Еще задолго до Златоуста, Мудрый сделал наблюдение, что ворованные воды (то есть запрещенные удовольствия) сладки и вкусен утаенный хлеб (Притча 9:17). Тоже замечает и Апостол, что заповедь служит поводом греха. *Грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона*

грех мертв (Рим. 7:8). Правда, что запрещение действует на нас как возбуждение и раздражение желаний; но так ли оно действовало на чистую и безгрешную волю Адама? Да если бы и так, то виновата ли в этом заповедь? я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай (Рим. 7:7). Заповедь, указывая человеку зло, выводит его из опасного неведения зла и предостерегает от указываемого зла. В воле человека – воспользоваться предостережением или найти в нем указание и повод к опытному изведанию запрещенного. Бог дал человеку свободу и оградил его свободу заповедью. Свобода пала и в заповеди нашла только повод ко греху. Виноват в этом не Дарователь свободы и не заповедь Его, а падшая свобода. Что же скажем? спрашивает Апостол. Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона... Когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти. Потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею. Посему закон свят и заповедь свята, и праведна, и добра. И так неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак, но – грех (Рим. 7:7,9–13). В худом употреблении лекарства, – объясняет слова Апостола св. Златоуст, виновен не врач, а больной. Бог не для того дал закон, чтобы им воспламенять похоть, а для того, чтобы угащать ее. Хотя вышло и противное, но виновен в том не закон... Что из этого, что грех получил повод посредством закона? Худому человеку и доброе приказание часто служит поводом сделаться еще порочнее. Так дьявол погубил Иуду, ввергнул в сребролюбие и соделал татем принадлежащего нищим. Но не вверенный ему денежный ящик был причиною его гибели, а худое расположение воли. Оно же изгнало из рая Адама и Еву, погубив их вкусить от древа. И не древо было в том виною, хотя им подан повод «.¹⁷

«Но с какою же, – говорят, целью допущен в рай искушитель и при том столь хитрый и сильный в зле?» – Рассуждая, что зло не от Бога, св. Василий Великий предвидит и разрешает вопрос о дьяволе. «Откуда дьявол, если зло не от Бога? Что скажем на

сие? То, что и на сей вопрос достаточно нам того же рассуждения, какое представлено о лукавстве в человеке. Ибо почему лукав человек? – По собственному своему произволению. Почему зол дьявол? – по той же причине¹⁸. Дьявол не создан злым: он пал гордостью и сделался искусителем и врагом человека по зависти. «Отчего у него брань с нами? – продолжает св. Василий Великий. Оттого, что, став вместилищем всякого порока, принял в себя и болезнь зависти и позавидовал нашей чести, ибо видя, что сам низринут из Ангелов, не мог равнодушно смотреть, как земнородный чрез преуспеяние возвышается до ангельского достоинства»¹⁹. Бог не возбраняет дьяволу искушать человека потому же, почему не возбраняет и человеку сорвать смертоносный плод с древа познания. Для этого Богу надлежало бы ограничить их свободу, даже отнять ее у них, но *дары Божьи непреложны* (Рим. 11:29). Двери рая отверсты искусителю; путь к древу познания открыт человеку, потому что и искуситель, и искушаемые – существа свободные, и добро и зло должно быть делом их свободного избрания, а не физической необходимости или нравственного принуждения. Адам не ребенок, чтобы насильно отводить его от искусителя и укрывать от него опасные предметы. Дьявол является в рай не как притеснитель человека, готовый употребить против него насилие и принуждение, но как обольститель, который мог действовать хитростью, советом, внушением, т. е. теми орудиями, которые хотя могут действовать на свободу, но не могут ее принудить, стеснить, приневолить. Бог даровал Адаму крепкий и светлый ум, душу чистую, укрепил сердце его приугожденною любовью к добру, вооружил его страхом смерти, оградил свободу его заповедью ясною, определенною, легкою, облек его силою Своей благодати, Сам непосредственно являясь ему, был его Наставником и Воспитателем. После этого какой же искуситель мог быть опасен для Адама? Какое искушение могло пересилить волю его, кроме искушения собственною похотью, которая и действительно зачала и родила грех? (Иак. 1:14,15). Бог, но уверению Апостола, не допускает искушения, которое было бы не по силам искушаемому (1Кор. 10:13).

Дьявол искушением сам начинает вражду, или открывает борьбу с человеком. Бог попускает эту борьбу, но, по Своей неисследимой мудрости, нисколько не стесняя свободы врагов, направляет эту борьбу к поражению и унижению искушителя и к торжеству и возвышению человека. В борьбе с дьяволом раскрываются и крепнут нравственные силы человека. Зло, измышленное и введенное в мир дьяволом, не переставая быть злом, служит благим и мудрым целям Мироправителя. Никто не станет спорить, что в общем ходе судеб человеческих добро торжествует над злом. Большинство разумных тварей достигает предназначенной им цели, – но прочие гибнут. Зачем же, говорят, Бог создал существа, о которых знал, что они не устоят в добре и погибнут? Не больше ли было бы благодати – вовсе не давать им жизни, чем дать ее на погибель? Подобные вопросы волновали душу одного из мужей близких к Богу. *Лучше было не давать земли Адаму, говорит Ездра, или когда уже дана, удержать его, чтобы не согрешил. Что пользы людям – в настоящем веке жить в печали, а по смерти ожидать наказания? Что пользы нам, если нам обещано бессмертное время, а мы делали смертные дела? Нам показан будет рай, но мы не войдем в него* (3Ездры 7:46,47,49, 53,54). Припомним здесь слова Апостола. *Ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал? Не властелин ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?* (Рим. 9:20, 21). Конечно, человек не мог бы препираться с Богом и требовать у Него отчета даже и в таком случае, если бы он действительно был создан на погибель. Но да идет от нас такая мрачная мысль. В приведенных словах, Апостол ограничивает только необузданную пытливость человеческого разума, который дерзко стремится проникнуть в глубочайшие планы Мироправителя, и научает человека смиренной преданности и покорности Богу премудрому и благому, а вовсе не проповедует нам божество мрачное и бессердечное, подобное судьбе, которую выдумали и пред которою трепетали язычники, Бог, в которого мы веруем и о котором возвещает нам откровенное слово Его, не есть

всемогущая сила. «Если бы у нас кто спросил – говорит св. Григорий Богослов, – что мы чувствуем и чему поклоняемся? – то ответ готов: мы чтим любовь. Ибо, по изречению св. Духа, Бог наш *любвы есть* (1Ин.4:8), и наименование сие благоугоднее Богу всякого другого имени²⁰. Движимый беспредельною благодатью, Бог воззывает к бытию существа Себе близкие и подобные, сознательные и свободные, назначает целью бытия их участие в своем собственном блаженстве, провидит их падение, но и предопределяет их спасение. В предвечном совете Троиединого Божества определено и сотворение человека, и искупление его; поэтому Спаситель наш и называется Агнцем, закланным прежде сложения мира (Апокал. 13:8). Если бы для тех, – рассуждает св. Дамаскин, – которые, по благодати Божьей, предназначены к бытию, послужило препятствием к получению бытия то, что они по собственному произволению сделаются злыми, то зло победило бы благодать Божью»²¹. Если провиденная Богом гибель грешных, как рассуждают некоторые, могла бы остановить Творческую благодать, восхотевшую создать разумных тварей, то почему же обратно блаженство праведных и спасенных, также провиденное Богом, не могло подвинуть Его к творению? И тогда как погибающие во грехах по своей злой воле, при всех средствах спасения, дерзают роптать на Жизнедателя и на благодать Его, миллионы разумных существ ликуют и славословят Творца за радости блаженного бытия. Неужели же хотят, чтобы в глазах Божьих зло было дороже добра, так чтобы из за зла Бог отказал в бытии и добру? И по человеческим соображениям, и неблаго, и несправедливо – из-за гибели немногих лишать блаженства многих. «Бог знал, – пишет св. Златоуст, – что Адам падет; но видел, что от него произойдут Авель, Енос, Енох, Ной, Илия, произойдут пророки, дивные Апостолы – украшение естества, и богоносимые облака мучеников, источающие благочестие»²².

«Но – скажут – каждый дорог сам себе». – Не только себе, но и Богу. Сам Господь уверяет нас, что на небе бывает радость и об одном грешнике кающемся (Лук. 15:7). И чего Бог не сделал и чего не делает, чтобы грешник не погибал во грехах, а

покаялся и обратился? Но перестанем поправлять Премудрого. Перестанем доискиваться того, что было бы лучше сотворенного Им. Хотя от нас сокрыты причины частных Его распоряжений, однако ж утвердим в душах своих следующее положение: от Благого не бывает никакого зла.

4. Что такое смерть?

По своему *происхождению* смерть есть следствие или произведение греха, или, как говорит Апостол, оброк греха (Рим.6:23). Она есть казнь бессмертного человека, которую он поражен за преслушание заповеди Божьей.

По своему *внешнему проявлению*, смерть есть разлучение души с телом, соединенных волею Божьей и волею Божьей опять разделяемых. Смертью человек болезненно рассекается и раздирается на две части, его составляющие, и по смерти нет уже полного человека: отдельно существует душа его и отдельно тело. Последнее, подвергаясь во власть земных стихий, подвергается тлению и разрушению. *И возвратится (тело) в землю, якоже бе, и дух возвратится к Богу, Иже даде его* (Екк. 7:7).

По своей *внутренней, таинственной стороне* смерть есть конец земной, временной жизни и начало иного, вечного жития, есть неизбежный путь, которым человек вступает в будущую жизнь. Поэтому первенствующие христиане называли обыкновенно день кончины верующего *днем рождения* его для вечной жизни со Христом.

5. Противоестественность смерти

Нет ничего достовернее и неизбежнее смерти. *Кто из людей жил и не видел смерти?* (Псал. 88:49). Ежедневный опыт представляет нам смерть, тление и разрушение. Миллионы людей до нас отдали неизбежную дань смерти и на наших глазах смерть похищает неумолимо и безвозвратно свои жертвы. В свою очередь и –

*Мы все сойдем под вечны своды,
И чей-нибудь уж близок час...*

И несмотря на то, нет ничего для человека ужаснее и ненавистнее смерти. Почему же это? Отчего человек так отвращается смерти? Если бы смерть была естественным, нормальным явлением, в таком случае она не возбуждала бы в нас такого ужаса и отвращения, мы не считали бы ее таким великим злом, таким страшным бичом, не видели бы в ней самого непримиримого нашего врага. Но дело в том, что смерть есть противоречие нашей бессмертной природе. «Напрасно нам говорят о листьях, что они желтеют и падают; о временах года, что они имеют каждое свою чреду и конец; тщетно усиливаются убедить нас – смотреть на смерть как на естественное отправление жизни и примирить нас с фактом смерти теми или другими аналогиями (сравнениями), почерпнутыми из жизни природы: наша душа страшится и отвращается смерти как смерти, в каком бы виде она ни являлась ей»²³. С одной стороны болезненность смерти, а с другой – тот непреодолимый страх и ужас, который проникает все существо человеческое при ее приближении, непререкаемо свидетельствуют о том, что телесная смерть не есть естественное, мирное разлучение души с телом, а представляет собою разрыв насильственный и неестественный. Древние еретики пелагиане учили, что только духовная смерть есть наказание за грех, а смерть телесная есть естественное устройство. Опровергая эту мысль еретиков, блаж. Августин между прочим обращает внимание и на ужасающую силу смерти. «Если смерть, – говорит он, – отторгающая душу от тела, не есть смерть карательная, то почему же природа

наша боится ее? Что за причина, что и дитя, едва только выйдет из младенчества, уже трепещет при виде смерти? Почему мы не смотрим на смерть так же покойно, как на сон? Почему считаем великими людьми тех, которые не боятся смерти, и почему такие люди столь редки? Почему и тот, который как сам говорит, желает разрешиться и быть со Христом (Фил. 1:23), не хочет однако раздеться, по приодеться, чтобы смертное поглощено было жизнью (2Кор. 5:4). И не сказано ли было Петру о его славной кончине: *ин тя пояшет и ведет, аможе не хочещи* (Ин. 21:18). Если душа по самому естеству не хочет отторгнуться от тела, то, значит, смерть есть наказание, хотя милость Божья и обращает ее во благо». Он же (Августин) приводит слова Златоустаго из беседы на воскресение Лазаря: «Плакал Христос над Лазарем о том, что дьявол сделал смертными тех, которые могли бы быть бессмертными».

Страх и томление свойственны каждому человеку при его кончине. Это и должно быть так: смерть есть казнь. Хотя эта казнь и смягчается иногда для праведников, но все таки казнь остается казнью. Сам Богочеловек, приготовляясь к принятию вольной смерти, для спасения рода человеческого, был в подвиге, скорбел и тужил; капли пота Его падали на землю каплями крови. *Прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26:38), сказал Он Апостолам, уснувшим от печали и не чувствовавшим приближавшейся напасти. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не яко же Аз хочу, но яко же Ты* (– ст. 39), – так молился Он Отцу. Предсмертный страх ощущала Пресвятая Дева Богоматерь пред своим блаженным Успением, хотя Ей предвозвещены были Архангелом Гавриилом Ее переселение в горния обители и слава, ожидающая Ее там, хотя Дух Святой, обильно обитавший в Ней, увлекал все помышления и все желания Ее на небо²⁴.

«Содержит ныне душу мою страх велик, трепет неисповедим и болезнен есть, всегда изыти ей От телесе, Пречистая, юже утеши»²⁵.

6. Благотворная цель смерти

Будучи следствием и наказанием греха, смерть есть вместе с тем и благодеяние Божье к грешнику. Человек своим грехом издал себе смерть. Бог попускает ее, но делает ее кончиною греха, ею же наказывая грешника, ею же и милуя. Смерть – благодеяние человеку, потому что она изводит душу из земной суеты и крушения, освобождает от земных скорбей и бедствий, порожденных грехом, а главное – пресекает и оканчивает путь самого греха. Смерть есть то убежище, в которое скрывается человек от греховных волнений и искушений. Греховный пламень, разжигаемый на земле соблазнами, по смерти необходимо ослабевает, лишенный пищи. Смертью отнимается у души все, что делает грех обольстительным для чувственности. Чем меньше успеет душа наделать грехов на земле, тем легче и отраднее будет состояние ее за гробом. По такому решительному влиянию смерти на вечную будущность души, смерть действительно есть великое благодеяние для человека.

«Человек подвергнулся смерти», рассуждает св. Феофил (в послании к Автолику), «но и в сем случае Бог оказал ему великое благодеяние, именно – тем, что не оставил его вечно пребывать во грехе. Бог выгнал человека из рая как бы в ссылку, чтобы человек в течение известного времени очистил свой грех и, вразумленный наказанием, снова возвращен был в рай. Как какой-нибудь сосуд только что сделанный, если откроется в нем какой недостаток, переливается или переделывается, чтобы был новый и целый: то же бывает и с человеком в смерти. Для того он и сокрушается ее силою, чтобы во время воскресения был здоров, то есть чист, праведен и бессмертен». Св. Василий Великий видит в смерти избавление от бессмертного недуга. Св. Григорий Богослов признает смерть приобретением для грешника в стране изгнания. «Чрез грех делается человек изгнанником, удаляемым в одно время и от древа жизни, и из рая, и от Бога. Впрочем, и здесь приобретает нечто, именно – смерть, в пресечение греха, чтобы зло не стало

бессмертным. Таким образом самое наказание делается человеколюбием»²⁶. Как грех отделил человека от Бога, так смерть отделяет его от дьявола. «За грех», по словам Златоуста, «Господом благодетельно установлена смерть. Адам изгоняется из рая, чтобы не смел более прикасаться к древу, постоянно поддерживающему жизнь, и не грешил бесконечно. Значит, изгнание из рая есть дело больше попечительности Божьей о человеке, нежели гнева»²⁷. «Сократил Ты продолжение жизни нашей», прославляет св. Ефрем Сирин Бога; «самая большая мера ее – семьдесят лет. Но мы грешим пред Тобою в семьдесят крат седмицею. По милосердию сократил Ты дни наши, чтобы не удлинялся ряд грехов наших»²⁸. И ветхозаветные праведники прозревали под грозным видом смерти ее благодетельную силу. Поэтому они называли смерть взведением души из темницы (Псал. 161:8), отпущением души (Луки 2:20), и не только без страха вступали в долину смертной тени (Псал. 22:4), по и тяжело вздыхали о продолжительности своего земного пришествия (Псал. 119:5).

И в благодатном царстве Христовом, когда держава смерти разрушена крестною смертью Христа Спасителя и верующие в Него искуплены и оправданы от греха первородного, смерть равным образом необходима для совершенного очищения и истребления зла из природы человека, потому что корень его заключается в самом плотском зачатии и следовательно как бы в союзе, связывающем тело с душою; а потому это зло, то есть грех, не иначе может быть истреблено, как только с расторжением этого союза. Сколько бы ни очищал себя человек на земле и как бы ни усовершенствовался в святости, он не может, однако же совершенно истребить в себе самый корень греха и достигнуть такого состояния, чтобы не тяготиться телом и не вздыхать вместе с Апостолом Павлом: *Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти* (Рим. 7:24).

Смерть, изреченная древле как угроза и определенная как наказание первому грешнику, наконец возвещается как успокоение от трудов, на которые осужден возделыватель земли и на которые осудил себя делатель суеты и греха. Тайнозритель пишет: *И услышал я голос с неба, говорящий*

мне: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе. Ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих (Апок. 14:13).

7. Смертный час

Смерть – великое и страшное таинство. И самое таинственное и ужасное в этом таинстве это – самый, момент разлучения души с телом, то, что совершается во внутреннем состоянии умирающего человека, или переход, перерождение человека из жизни телесной в жизнь чисто духовную, из временной – в вечную."Вот наступает последний час человека в этом мире. Болезнь, приблизившая его к смерти, уже прекратилась; она подорвала основы телесного организма и сделала его уже неспособным к дальнейшей деятельности в настоящем его виде, и тело уже не служит духу. Тогда жизнь души начинает отторгаться от частей и органов тела, к которым была прирождена и в которых доселе действовала. Судорожные движения и необычайные сотрясения всего организма показывают, как усиленно, как жестоко это отрешение души от тела; и чем крепче организм, чем сильнее была привязанность духа к телу, тем сильнее эти сотрясения, потому что тем более силы нужно духу, чтобы оторваться от тела. Как страшно уже это одно зрелище! Но всмотритесь ближе: вы увидите, что тут ни одни физические страдания. Трепещет душа, чувствуя свое невольное, быстрое приближение к вечности; в трепете она силится как будто остановиться на этом страшном пути; она порывается как бы уклониться от тех ужасов, какие ее ожидают, или овладеть собою и этими самыми ужасами, чтобы спокойнее и смелее пройти. Но эти порывы, подавляемые более и более приближающеюся смертью, производят только то невыразимое возбуждение и раздражение всех сил и чувств души, которые кладут еще более страшную печать на лице и на все состояние умирающего. Да, в час смерти овладеть собою и самим путем смертным и всеми его ужасами – какая это неизобразимая задача! И я не думаю, чтобы та отчаянная храбрость, которая, немного думая о жизни и смерти, а еще менее о вечности, смело несется навстречу смерти, как например, в битве со врагом или в самоубийстве, верно решала эту задачу. Эта храбрость слепа и потому так отважна только до момента самой

смерти; а в момент смерти душа прозревает, – и скажи мне ты, смелая душа, будешь ли ты так же смела перед тем, что тогда увидишь?

В то время, как в низких степенях и силах душевной жизни, в тех, которыми душа непосредственно привязана к телу, происходит эта ужасная предсмертная борьба, – во внутренней жизни духа, в высшей сфере его духовного бытия совершается другое. Там слабее узы тела; поэтому дух человека скорее и легче отрешается от условий временной жизни, и тогда как внизу его долго еще длится борьба, он у себя вверху сам собою освобождается, и еще прежде решительной смерти тела он уже витает как будто вне тела. Так случается, что в час кончины, еще не совершившейся, человек, или правильнее сказать – дух его, в земном образе, является в отдалении от тела близким по сердцу людям. Но человеку начинает уже открываться и вечность; он уже подходит к рубежу ее. Он еще видит, хотя тускло и нераздельно, земные предметы; еще слышит, хотя и неразборчиво, здешние звуки; еще ощущает в себе, хотя и смешано, земные чувства: но уже сказывается ему и другая жизнь. Он замечает предметы и явления, невидимые для других, слышит необыкновенные звуки, прозревает то, что нам не может быть известно естественным порядком. Еще несколько минут – и человек переступает в вечность. Как вдруг изменяется форма его бытия: дух его видит самого себя, свое собственное существо, как не видел его в теле; он видит предметы и самые отдаленные уже не телесными глазами, а непосредственным разумом и то, что прежде он мог постигать только разумом, теперь он видит как бы глазами; он говорит не членораздельными звуками слова, а мыслию, и то, что прежде он мог представить себе только в мыслях, теперь уже выражает как бы словом; не руками осязает предметы, а ощущениями и чувствами; и предметы самые тонкие и прежде для него неуловимые и неосязаемые он теперь обнимает в ощущениях, как бы в руках; движется не ногами, а одною силою воли; и то, к чему прежде он мог приближаться с великим трудом медленно, через большие пространства места и времени, теперь он настигает мгновенно: никакие

вещественные препятствия его уже не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде; и нет уже для него разделения времени и мест: нет ни часов, ни дней, ни годов, ни веков, нет расстояний ни малых, ни больших, все сливается в один момент – вечность, вечность никогда не оканчивающуюся и всегда только еще начинающуюся; все соединяется в одну точку зрения, и эта точка зрения не подлежит никаким измерениям. Что же он видит и чувствует? Невыразимым ужасом поражает его открывшаяся вечность; ее беспредельность поглощает его ограниченное существо; все его мысли и чувства теряются в ее бесконечности. Он видит предметы, для которых у нас нет ни образов, ни названия; слышит то, что на земле не может быть изображено никаким голосом и звуком; его созерцания и ощущения не могут быть выражены у нас ни на каком языке и никакими словами. Он находит свет и мрак, но не здешний: свет, перед которым наше яркое солнце светило бы менее, чем свеча перед солнцем; мрак, перед которым наша самая темная ночь была бы яснее дня. Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, также отшедших из здешнего мира. Но какое изменение! Это уже не здешние лица и не земные тела: это одни души, вполне раскрывшиеся со всеми их внутренними свойствами, которые и облекают их соответственными себе образами. По этим образам души узнают друг друга; а силою чувства узнают тех, с которыми сближались в здешней жизни. Потом встречаются духу существа также сродные ему по естеству, но такие, которых одно приближение дает ему чувствовать неизмеримо высшую над ним силу их. Одни из них выходят из глубины беспредельного мрака, и все существо их – мрак и зло; они мыслят, действуют, живут одним злом; неизобразимые страдания в них самих и от них другим скорбь и гибель отличают их каждое движение и действие. Но это еще в низших сферах духовного мира, ближайших к миру земному. А там, далее, дух видит бесконечное море непостижимого света, из которого выходят другие существа еще более могучие: их природа и жизнь – одно необъятное добро, неизобразимое

совершенство, невыразимая любовь; неописанный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение.

«Итак в этом чудном мире дух человека, ничем не стесняемый, и силою своей духовной природы, и неодолимою силою притяжения сродного ей мира, летит, летит все далее и далее, до того места, или лучше сказать, – до той степени, до какой могут достигать его духовные силы, и весь поразительным для него образом перерождается. Тот ли это дух, который жил в человеке на земле, дух ограниченный и связанный плотью, едва заметный под массою тела, всецело ему служащий и порабощенный так, что без тела, по-видимому, и жить и развиваться не мог? Тот ли это дух немощный, с таким трудом развивавший здесь и не широкие свои идеи, и не глубокие чувства, и не сильные стремления, так часто и легко падавший под бременем чувственности и всех условий земной жизни? Тот ли, наконец, это дух, в котором и добро было большею частью только в семени, и зло скрывалось глубоко, так что он почти не сознавал сам в себе ни того, ни другого, и так было в нем все нетвердо и перемешано, что и добро побеждалось злом, и во зле проглядывало иногда добро, и нередко являлось одно под видом другого? Теперь что с ним случилось? Теперь все – и доброе, и худое быстро с неудержимою силою раскрывается; его мысли, чувства, нравственный характер, страсти и стремления воли – все это развивается в необъятных размерах; он сам их ни остановить, ни изменить, ни победить не может; беспредельность вечности увлекает и их до бесконечности; его недостатки и слабости обращаются в положительное зло; его зло делается бесконечным; его скорби и духовные болезни обращаются в беспредельные страдания. Представляете ли вы себе весь ужас такого состояния? Твоя душа теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая в себе зло, там явится злостью до бесконечности; твое худое чувство, здесь еще чем-нибудь сдержанное, если ты не искоренишь его здесь обратится там в бешенство. Если ты здесь владеешь собою, там ты уже ничего не можешь с собою сделать: все в тебе и с тобою перейдет туда и разовьется в бесконечность. Чем ты тогда сделаешься? Если ты здесь не хорош, то там будешь темным,

злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, или нет – ты тогда слишком хорошо узнаешь себя и еще гораздо лучше, чем здесь. Помощи никакой и ни откуда уже не будет, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообществе темных, злых сил. Я на этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не можешь, и во веки веков ты будешь страдать – чем? Бешенством от твоего собственного зла, которое не подаст тебе уже никакой надежды к лучшему и не даст тебе покоя в самом себе, – и от этой злой среды, которая будет сильнее тебя, будет вечно окружать тебя и терзать тебя без конца.

«Что же душа добрая, – что с нею? И добро также раскроется во всей полноте и силе; оно будет развиваться со всею свободою, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большею частью сокрытое, неузнаваемое и неоценяемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый все свое блаженство, здесь непостигаемое и подавляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа всею силою своего природного, нравственно развитого и добродетельно возвышенного стремления горе, в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в сообщество светлых, чистейших существ, и сама сделается ангелом т. е. таким же чистым, светлым, блаженным существом. Беспредельная любовь будет соединять и с Богом, с Ангелами и подобными ей душами. Она будет уже во веки тверда в своем добре, и никакое зло – ни внутреннее, ни внешнее, не может уже колебать ее, ни изменить ее, ни повредить ее блаженному состоянию. Но и не праздно будет душа жить и наслаждаться своим добром и блаженством; она будет действовать – действовать своим уже ни, чем не затемняемым, незаблуждающим, а просветленным умом, в созерцании и постижении тайн, здесь неразгаданных и неизвестных, тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни; будет действовать всею силою уже ничем нестесняемых и неповреждаемых чувств сердца, в развитии своей новой, высшей жизни; будет действовать всею крепостью своих

духовных, ничем неудержимых и неразвлекаемых в разные стороны стремлений по пути, указанному ей судом высшей Правды и Любви, к целям, определенным в предвечных идеях царства Божия.

«Что еще сказать вам? Я показал только переход человека в вечность и, так сказать, общие основания загробной жизни. На всякие дальнейшие вопросы я должен отвечать: не спрашивайте»²⁹.

Мы не имеем ни одного непосредственного свидетельства о том, как совершается переход человека из временной жизни в вечную: над концом жизни человеческой простерта рукою самого Промысла Божья непроницаемая завеса. «Кто может приподнять ее хотя отчасти? Всего бы ближе ожидать сего от тех, кои прошли уже вратами смерти, от толикого числа усопших братьев наших. Но – доколе они были еще пред сими вратами, дотоле, без сомнения, сами не знали, что их сретит там; а когда прошли их, и сии врата затворились за ними, для них нет возможности оглянуться назад и сказать нам, что было с ними, когда они проходили их.

«Еще более можно бы ожидать разъяснения для нас великой тайны смерти от тех, коим дано было, оставив эту жизнь, перейти об он пол бытия земного и потом возвратиться назад к нам, в этот мир, то есть от людей, воскрешенных из мертвых. Немного таковых было во всей истории человечества, и, однако, не были таковые, именно те, кои, например, воскрешены были из мертвых Спасителем нашим, как, например, праведный Лазарь. Без сомнения, современники таковых людей, по самому любопытству, не преминули узнать от них, что происходит с человеком во время его смерти. Но если и узнали что-либо, то, так устроившу Промыслу Божью, до нас ничто почти не дошло от этих сведений. А всего вероятнее, – так мнится мне, – что эти воскрешенные никому не раскрывали тайну смерти, хотя и изведали ее на самих себе. Почему не раскрывали? Потому, что им не дано было раскрыть ее, или даже потому, что не могли сделать сего. Ибо для предметов высших и сверх естественных на земном языке нашем нет даже слов к изъяснению. В том и другом смысле –

свидетель нам Апостол Павел, который был восхищен, как сам свидетельствует, до третьего неба, видел и слышал там множество вещей и глаголов: но каких? – о них же, как сам выражается, *нелет есть, нельзя глаголати* (2Кор. 12:4) человеку. Из последующей священной истории христианства мы имеем не более, впрочем, двух – трех сказаний людей, возвратившихся к нам из области смерти; но сии сказания касаются более того, что умершие видели и встречали за пределами гроба, в другой жизни, а не того, что испытали они в минуту самой смерти»³⁰.

8. Смерть праведника

Смерть, как оброк греха, как наказание за грех, страшна для всякого человека, зачатого в беззаконии и рожденного во грехе (Пс. 50:7). «Есть, однако же, кончина без ужасов предсмертной борьбы: душа отходит мирно, конечно, не без смущения и телесных страданий. Это душа чистая, добрая, кроткая. Ясность, самосознание, чистота и тихость чувств, глубокая вера и преданность Богу, отличавшие ее при жизни, не оставляют ее и в час смерти; она владеет собою; внутренняя светлость ее рассеивает пред нею мрак и страх смертного пути, и, всецело вручая себя Богу, она с тихою покорностью отдается последним волнам житейского моря, прибывающим ее к берегам вечности»³¹.

Такова смерть праведника, оставляющего эту жизнь с молитвою старца Симеона в сердце и устах: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром!*

День смерти – торжество Святого!
Среди молчанья гробового
Призывный голос внемлет он,
И тих его последний сон.
Хранитель – Ангел неизменный
Его закроет мутный взор:
Душа постигнет свой простор
И, как орел освобожденный,
Летит в пространстве голубом,
Чтоб там в обители эфира,
Допеть перед благим Творцом
Начатый гимн в темнице мира.

9. Смерть грешника

Коль скоро неизбежно для каждого человека – оставить этот мир и перейти в другой высший, то для каждого должно быть крайне желательно, чтобы сей переход в другой мир, называемый смертью, совершился как можно мирнее и безболезненнее. Тихая и непостыдная кончина есть такое благо, для достижения коего можно отказаться от многих удовольствий в жизни уже потому, что это будет благо последнее в жизни, – в те минуты, когда всего нужнее мир и отрада. Но тот, кто работает греху и служит страстям, должен знать заранее, что если он не исправится, то сие благо для него потеряно, что под конец жизни, при разлуке души с телом, его ожидает не покой и наслаждение, а скорбь и мука.

«Благодать Божья спасительная, не оставляющая человека до самых последних пределов его бытия земного, готова и в сем случае посетить грешника и большею частью является у одра его с знамением искупления и с чашею завета. Но, увы, сие утешительное явление редко успокаивает, а большею частью смущает и пугает грешника среди его предсмертных страданий. Почему? Потому что душа, окаменевшая в зле, неспособна бывает воспринимать в себя капель елее духовного. В самом деле, много ли людей, кои, проведши всю жизнь в грехах, могли бы в последние минуты вдруг обратиться совершенно и раскрыть всю душу и сердце свое для благодати покаяния, подобно покаявшемуся на кресте разбойнику? Ах, многие и на одре смертном остаются подобными другому разбойнику, который и на кресте продолжал свое ожесточение греховное»³².

«Видели ли вы, как отходит из здешнего мира душа злая? Видели ли те невыразимые ужасы, какими сопровождается ее отшествие? Она не знала в жизни, – не имеет и в час смерти ни самосознания, ни самообладания, ни покорности. Все чувства ее волнуются; но эти чувства злы, и раздражение их в последние минуты доходит до крайней степени. Ее зло освобождаясь вместе с нею от последних уз, которыми еще

сдерживалось сколько-нибудь в здешней жизни, со всею силою поднимается и, в виду ужасов смерти, ожесточается до отчаяния. Душа хочет бороться с этими ужасами; она как будто бы вызывает на бой самую смерть и силою собственного зла хочет одолеть ее; она усиливается овладеть отлетающею жизнью, но в то же время чувствуя под собою разверзающуюся бездонную пропасть вечного зла, неодолимо увлекается в нее силою сродных стремлений своей злой природы. В борьбе с жизнью и смертью душа борется еще сама с собою, она терзает самое себя. Можно ли и какими словами выразить весь ужас этих минут? Один внешний вид этого зрелища заставляет живых бежать от умирающих. Так поистине *смерть грешников люта*" (Пс. 33:22).³³

Какова жизнь, такова и смерть!

10. Приготовление к смерти

Из многих вопросов, которые можно предложить себе касательно нашей жизни на земле, едва ли не самый важный вопрос – вопрос о том, как лучше подготовиться к смерти. Некоторые даже из языческих мудрецов поставляли в этом всю мудрость человеческую и называли ее не иначе, как наукою смерти. Для христианина же тем более наилучшее приготовление к смерти составляет самый первый вопрос всей жизни.

Земная жизнь не есть собственно жизнь: это есть непрестанная борьба между жизнью и смертью, в которой мы по перемененно уклоняемся то к той, то к другой, колеблемся между тою и другою. Если мы должным образом оценим то краткое мгновение, на которое мы поставлены здесь, на земле, сравнив его с неизмеримою вечностью, то должны будем признать единственно правильным употреблением земной жизни постоянное приготовление к вечности. *Не имеем здесь, на земле, постоянного града, истинного отечества, но ищем будущего (Евр. 13:14). Наше настоящее жительство – на небесах (Фил. 3:20),* говорит Апостол Христов. *Не бойся, малое стадо! – так завещает Господь ученикам своим на время их земного странствования, – ибо Отец ваш благоволил дать вам царство. Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающие на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет. Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи; и вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, пришедши, найдет бодрствующими: истинно говорю вам, он препояшется, и посадит их и, подходя, станет служить им. И если придет во вторую стражу, и в третью стражу придет, и найдет их так, то блаженны рабы те. Вы знаете, что если бы ведал хозяин*

дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы; ибо, в который час не думаете, придет Сын человеческий. Кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими – раздавать им в свое время меру хлеба? Блажен раб тот, которого господин его, пришедши, найдет поступающим так. Истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его. Если же раб тот скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой; и начнет бить слуг и служанок, есть и пить, и напиваться: то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его и подвергнет его участи с неверными (Лук. 12:32–40, 42–46). Господь заповедует нам превратить земное имение милостынею в Небесное имение, чтобы самое сокровище человека, находясь на небе, влекло его к небу. Он повелевает устраивать свои обстоятельства и располагать всю жизнь так, чтобы постоянно быть готовым к смерти. Называя земную жизнь ночью, Он возвещает, что неизвестно, в которую стражу этой ночи придет смерть – в детском ли возрасте или в юношеском, в зрелом ли мужестве или в глубокой старости Господь угрожает неожиданною смертью тому, кто считая ее далекою от себя, позволяет себе злоупотреблять земною жизнью и дарами Божьими.

Истинные ученики Христовы с точностью исполняли завещание Господа Бога своего. Св. Апостол Павел говорит о себе, что он умирал ежедневно (1Кор. 15:31). В самом деле, кто ежедневно приготовлен к смерти, тот умирает ежедневно; а кто умирает ежедневно, тот живет уже вечною, истинною жизнью³⁴. Св. Антоний Великий дает такие наставления ученикам своим: «Думай сам в себе и говори: я не пробуду в этом мире больше нынешнего дня, – и никогда не согрешишь пред Богом. – Всякий день полагай сам в себе, что этот один день остался тебе в мире сем, – и сохранишь себя от грехов³⁵.

Отче, в руце Твои предаю дух Мой! Таковы были последние слова Господа со креста. Каковы то будут наши последние слова? И достанется ли нам произнести что-либо пред нашею

смертью?... По крайней мере, мы должны быть всегда готовы к смерти и стараться отходить из этого мира так, чтобы самая кончина наша была свидетельством нашей веры и любви к Господу и, если можно, поучением для наших ближних. Возлюбленный Спаситель наш подает нам наилучший к этому пример. Он ли не страдал на кресте? Его ли смерть не была ужасна и даже поносна в очах мира? И не смотря на то – какое терпение, какая любовь к ближним, какое бесконечное всепрощение, какая преданность воле Божьей! Подобно этому надобно умирать и каждому из нас. Надобно отходить из этого мира без ропота и с терпением христианским, простив от всего сердца всем врагам своим, ознаменовав исход свой какими-либо делами любви к бедствующей братии, предав, наконец, дух и все существо свое во всеблагую волю Того, Кто един обладает живыми и мертвыми. Но так как Господь наш был безгрешен и свят, а мы, как бы безукоризненно ни старались вести жизнь свою, всегда совершаем немало вольных и невольных грехопадений, то вместе с этим каждому из нас надобно отходить из этого мира с духом сокрушения о грехах своих и с живою верою в заслуги Искупителя, кровь Которого очищает грехи всего мира.

Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны у Господа просим!

11. Память смертная

Одним из действительнейших средств приготовления к смерти служит постоянное памятование и размышление о смерти, или *память смертная*. *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сирах. 7:39), говорит премудрый сын Сирахов.

Приведем свидетельство одного светского писателя о благодетельности и спасительности памятования о смерти. «Мысль о смерти имеет ту выгоду, что укрепляет человека на поприще добродетели и честности. Пусть в сомнительном случае или когда надобно разрешить, что справедливо и что ложно, подумают только о последнем часе жизни и спросят самих себя: как поступили бы тогда или как бы хотелось тогда поступить? Всякое наслаждение, среди которого можно думать о смерти без страха, конечно, невинно. Если против кого-нибудь возникает ненависть или зависть, или овладевает желание отомстить кому-нибудь за оскорбление, – пусть подумают только о последнем часе жизни, о новых соотношениях для нас в другом мире, и всякая неприязненность тотчас исчезнет. Причина этому та, что, переменяя точку зрения, мы посмотрим на вещь в настоящем ее свете, а не сквозь призму наших собственных, мелких и часто себялюбивых интересов. Мечта исчезает и остается одна существенность»³⁶.

Св. Исаак Сирин говорит: «Кто достойно именуется разумным? Тот, кто действительно уразумел, что есть предел сей жизни; тот может положить предел своим согрешениям» (Слово 21).

«Первая мысль, посылаемая человеколюбием Божиим человеку и напутствующая его душу в живот вечный, есть западающая в сердце мысль об исходе. Этой мысли естественно последует презрение к миру; ею начинается в человеке всякое благое движение, наставляющее его в живот. Божественная сила, содействующая человеку, когда восхощет явить в нем живот, полагает в нем эту мысль в основание, как мы сказали. Если человек не угасит ее житейскими заботами и

суесловием, но возрастит в безмолвии, углубляясь в себя и занимаясь ею, то она поведет его к глубокому ведению, невыразимому словом. Эту мысль крайне ненавидит сатана и употребляет всю силу, чтоб исторгнуть ее у человека. Если бы можно было, он отдал бы человеку царство целого мира, только бы посредством развлечения изгладить эту мысль в уме человека; он сделал бы это охотно, если б мог. Коварный! он знает, что если помышление о смерти укоренится в человеке, то ум его не останется уже более в стране обольщения, и бесовские хитрости в нем не приближаются» (Слово 86).

«Когда приблизишься к одру твоему, скажи ему: одр мой! не сделаешься ли ты в эту ночь моим гробом? Мне неизвестно, не постигнет ли меня в эту ночь, вместо временного сна, будущий, вечный сон. Доколе имеешь ноги, теки к деланию, прежде нежели они свяжутся уздою, которая уже не может разрешиться. Доколе имеешь персты, распни их на молитву, прежде нежели придет смерть. Доколе имеешь очи, исполни их слез, прежде нежели они покроются прахом. Как роза увядает едва дунет на нее ветер, так и ты умираешь, если поколеблется внутри тебя какая-либо из стихий, входящих в состав твой. О, человек! вкорени в сердце твое мысль о твоём отшествии и напоминай себе непрестанно: вот, посланник, долженствующий придти за мною, уже достиг дверей. Что сию? Отшествие навеки, безвозвратное» (Слово 41).

«Как хлеб нужнее всякой другой пищи», говорит св. Иоанн Лествичник, «так размышление о смерти нужнее всех деланий. Памятование о смерти рождает в общежительных иноках усердие к трудам и непрестанное приобучение себя к исполнению евангельских заповедей, особливо же к перенесению бесчестий с сладостью, а в безмолвниках – отложение попечений, постоянную молитву и хранение ума. Эти добродетели – вместе и матери, и дщери памятования смерти. Живое памятование смерти отсекает излишество в пище; когда же со смирением отсечено будет это излишество, – с отсечением его отсекаются и страсти. Как, по определению Отцов, совершенная любовь не падает: так я утверждаю, что истинное предощущение смерти не страшится падений. Как

некоторые признают бездну бесконечною, говоря, что это место не имеет дна, так и памятование о смерти доставляет чистоту и делание, не имеющие пределов. Невозможно, невозможно настоящий день провести благочестиво, если не будем считать его последним днем нашей жизни. Уверимся, что памятование смерти, как и всякое благо, есть дар Божий; потому что часто при самых гробах не проливаем слез и пребываем равнодушными; напротив того часто приходим в умиление и без этого зрелища» (Из 6-й степени Лествицы).

Преподобный Варсонофий пишет одному брату: «Уразумей, что время не медлит, и когда настанет час, вестник смерти неумолим. Кто молил его и был услышан? Он есть истинный раб истинного Владыки, в точности исполняющий повеление Его. Убоимся страшного дня и часа, в который не защитит ни брат ни сродник, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава, но будет лишь человек и дело его. Хорошо человеку помнить смерть, чтоб навыкнуть знанию, что он смертен; смертный не вечен; невечный же, и поневоле оставит век сей. Чрез непрестанную память о смерти человек начинает и произвольно делать добро» (Ответы на вопросы 799 и 644).

Преподобный Филофей Синайский говорит: «Узрев красоту ее (памяти смертной) и будучи пленен духом, а не оком, я захотел стяжать ее сожительницею на время этой земной жизни, соделавшись любителем ее благолепия и честности. Как она смиренна, радостно – печальна, рассматрительна! Как она постоянно страшится будущего праведного истязания. Как она боится отлагать со дня на день добродетельное жительство! Она источает из чувственных очей живую, целительную воду, а из мысленных очей – источник, точащий премудрейшие мысли, которые текут и скачут, веселя смысл. Эту, как сказал я, дочь Адамову, память, говорю, смерти, я постоянно жаждал иметь сожительницею, с нею усыпать, с нею беседовать и исследовать, что будет со мною по разлучении с телом» (Преп. Филофея, гл. 6).

Св. Исихий иерусалимский уподобляет смертную память вратарю, стоящему при дверях души и возбраняющему входить в них лукавым помыслам (Слово о трезвении).

Итак всякому из нас необходимо принуждать себя к воспоминанию о смерти, усваивать сердцу навык размышления о ней, хотя такое размышление и крайне противно грехолюбивому и миролюбивому сердцу. Не смотря на несомненную уверенность в неизбежности смерти для каждого из нас, сначала с величайшим трудом можно принудить себя даже к холодному воспоминанию о смерти. Мы не можем освободиться от того обольстительного и обманчивого мысленного состояния, в котором каждый человек представляется сам себе как бы вечным на земле, считая смерть уделом только других людей, а не своим. Постоянное развлечение мыслей, многообразные житейские попечения похищают у нас мысль о смерти. Если же нам удастся преодолеть себя, и мы начнем сближаться с мыслию о смерти, то по началу для нашего ветхого человека бывает необыкновенно тяжел самый страх, производимый живым воспоминанием и представлением смерти, как предощущением ее: он приводит в ужас ум и воображение; холодный трепет пробегает по телу, потрясает, расслабляет его; сердце томится невыносимую тоскою, сопряженною с безнадеем. Но не должно отвергать этого состояния, не должно опасаться от него пагубных последствий. «Всякому, начинающему жить в Боге», говорит св. Симеон Новый Богослов, – «полезен страх муки и рождаемая от него болезнь. Мечтающий положить начало без такой болезни и уз не только полагает основание на песке своих деяний, но и подобен покушающемуся построить храмину на воздухе, вовсе без основания, что невозможно. От этой болезни вскоре рождается всякая радость; этими узами растерзываются узы всех согрешений и страстей; этот мучитель бывает причиною не смерти, но жизни вечной. Кто не захочет избежать болезни, рождающейся от страха вечных мук, и не отскочит от нее, но произволением сердца предастся ей и возложит на себя ее узы, тот, сообразно этому, начнет скорее шествовать и она представит его Царю царствующих. Когда же совершится это, и подвижник отчасти воззрит к славе Божьей, тогда немедленно разрешатся узы, отбежит мучительный страх, болезнь сердца приложится в радость, явится источник, точащий чувственно

приснотекущие слезы рекою, мысленно же тишину, кротость, неизреченную сладость, мужество, устремляющееся свободно и невозбранно ко всякому послушанию заповедям Божиим» (Деятельных и Богословских глав 66 и 67). Такое изменение совершается от благодатного явления в сердце надежды спасения. Тогда, при размышлении о смерти, печаль растворяется радостью, слезы горькие претворяются в слезы сладостные. Человек, начавший плакать при воспоминании о смерти, как при воспоминании о казни, внезапно начинает плакать при этом воспоминании, как при воспоминании о возвращении в свое бесценное отечество. Таков плод памятования смерти.

Господи, даждь ми память смертную!

12. Бессмертие души

Но память о смерти имеет для человека свое значение и смысл только в таком случае, если она соединяется с памятью о бессмертии, если, то есть смертный человек верит в свое бессмертие.

Великий религиозно – нравственный вопрос о бессмертии души и загробной жизни, встречает в настоящее время троякое отношение к себе: между тем как одни *веруют* в загробную жизнь, а другие решительно *отрицают* ее, для третьих она является предметом очевидной *уверенности*, реально – наглядного *знания*, добытого обычным путем внешнего опыта.

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века – так исповедует христианин, верующий в живаго Бога, признающий в человеке бессмертную душу и ожидающий загробной, вечной жизни, как продолжения и завершения земной, временной жизни.

Случайно мы рождены и после будем как небывшие; когда тело обратится в прах, – и дух рассеется как жидкий воздух; и нет нам возврата от смерти (Премудр. Солом. 2:2, 3, 5) – так говорили и говорят неверующие всех времен, отрицающие бытие Божье и бессмертие души человеческой и ограничивающие все бытие человека одною земною жизнью.

Но есть еще третий разряд людей, которые не отрицая будущей жизни, не довольствуются, однако, в этом случае одною верою, а проповедуют очевидную уверенность в этом великом вопросе бытия. Эти люди вносят в духовную область несродный ей чувственный, материальный элемент, овеществляют ее, признают возможность и действительность явления людей умерших живым в чувственно-реальных формах и думают видеть в этом осязательно-наглядное доказательство бессмертия души человеческой и существования загробной жизни. Это – последователи, так называемого, *спиритизма*, представляющего собою характеристическое и в тоже время странное явление нашего времени. Спиритизм имеет много горячих приверженцев и защитников и за границей, и у нас, и

притом – что всего замечательнее – в лице многих известных натуралистов.

Если мы, ученики и последователи Начальника жизни и Победителя смерти, можем только скорбеть о неверующих, *не имущих упования* на будущую жизнь, то с другой стороны мы не можем относиться сочувственно – одобрительно и к спиритам, этим мнимым, ложным защитникам христианского учения о бессмертии души и будущей жизни.

Следуя наставлению Первоверховного Апостола: *будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостию и благоговением (1Петр. 3:15)*, мы постараемся показать не имущим упования, что наше упование на бессмертие не есть пустая мечта и самообольщение, но имеет за себя самые разумные основания и вполне отвечает всем высшим запросам ума и сердца.

Другой самовидец и служитель Слова убеждает: *Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они (1Ин.3:1)*. Подвергая испытанию духов, вызываемых нашими духовопрошателями (спиритами), мы должны признать, что они не от Бога. Вследствие этого в спиритах мы не можем видеть и иметь союзников в защите христианского учения о бессмертии души.

А) В каком смысле нужно понимать бессмертие души?

Прежде чем начнем речь о бессмертии души человеческой, необходимо, в предупреждение и предотвращение всяких недоразумений и перетолкований, установить правильный взгляд на предмет речи: нужно дать ответ на вопрос, в чем заключается истинное бессмертие души, такое бессмертие, которое одно только может быть дорогим, желательным и утешительным для человека.

Новые саддукеи, не признающие истинного и действительного бессмертия души человеческой, проповедуют нам взамен его, четвероякого рода бессмертие, от которого, однако, мы должны отказаться, потому что чаем для себя лучшего бессмертия, нежели какое обещают нам они.

Самый низкий и грубый род бессмертия – это бессмертие, проповедуемое материализмом. По учению материалистов, душа человека не только теряет свою личность по смерти тела, но и совсем уничтожается, исчезает. Так как она есть не более, не менее как произведение или отправление, или гармония телесного организма, то понятно, что коль скоро не стало этого организма, – не стало вместе с ним и его произведения, управления, или гармонии, т. е., не стало души. Тем не менее однако и материалисты допускают также своего рода бессмертие человека. В чем же оно состоит? А вот в чем: тело человека по смерти разлагается на свои составные элементы или стихии; но эти стихии не исчезают бесследно из мира и не уничтожаются, а сохраняются в общей жизни или экономии природы и входят в другие тела, в живые организмы, вообще образуют собою новые формы жизни: это и есть бессмертие человека. Но ведь это – бессмертие только стихий и сил природы, а не человека: к душе человеческой оно не имеет никакого отношения. Допущение такого бессмертия есть жалкая и грубая насмешка над действительно бессмертным человеком. Такое бессмертие бессмертие «обмена веществ», человек разделяет со всеми без исключения предметами природы.

Кто поселял в народах страх,
Пред кем дышать едва лишь смели, –
Великий Цезарь – ныне прах,
И им замазывают щели!³⁷

Вот все бессмертие, обещаемое нам материализмом!

Второй род бессмертия, допускаемый пантеизмом, отличается более возвышенным характером, хотя и его также нельзя признать истинным бессмертием. Так как душа человеческая, по воззрению пантеистов, есть проявление, или видоизменение абсолютной субстанции (безличного Бога), то она и должна, по смерти тела, возвратиться в эту субстанцию, потеряв в ней свою обособленность и личность. Душа от вечности существовала в абсолютном, как его идея (мысль); потом получила на время обособленность и личность в форме человеческого организма и затем, по разрушении организма, потеряет свою обособленность и личность и опять станет существовать в абсолютном, как его идея. Личное бытие человека в абсолютном можно сравнить с волною на море: сначала мы видим просто необъятную массу воды; но вот из нее выделяется волна, чрез несколько мгновений опять исчезающая в общей массе воды, из которой она выделилась было. Но, теряя свою личность в абсолютной субстанции, душа не уничтожается, не исчезает совершенно: ее субстанция (существо) сохраняется в абсолютной субстанции. В этом и состоит ее бессмертие: она бессмертна не в смысле продолжения личного бытия ее за гробом, а в смысле продолжения или сохранения ее бытия в общей мировой субстанции. Таким образом мы видим, что и пантеистическое бессмертие есть бессмертие собственно не души человеческой, а только абсолютной субстанции, поглощающей ее в себе, подобно тому, как капля поглощается морем и исчезает в нем бесследно. Такое бессмертие проповедуют иногда поэты под формою слияния с природою, исчезновения в природе, которая все дает и все отнимает...

Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вечно бессмертным? –

В целом живи: ты умрешь, – целое ж все будет жить.

(Шиллер).

Третий род мнимого бессмертия есть, так называемое, историческое бессмертие, или бессмертие человека в потомстве. «Мы живем в добрых делах, совершенных нами, делах, которыми мы содействовали прогрессу и усовершенствованию человечества. Мы живем в тех истинах, которые громко проповедовали, не боясь людей, которые мы передали в наследство будущим поколениям, обязанным осуществить их на деле. Идея Аристотеля и произведения Рафаэля живут еще и теперь и постоянно оживают в произведениях индивидуумов, подражающих им и образующихся по ним»... (Мишле). Говорить, что *мы* живем или будем жить в наших мыслях и делах, конечно, можно, но только – фигурально, не собственно: ведь существо наше не исчерпывается до дна теми идеями и делами, которые мы оставляем в наследство потомству, не отождествляется с ними; оно от этого не умаляется и не сокращается само в себе, точно так же, как не умаляется в своем составе и существе солнце, несколько тысячелетий освещающее и согревающее землю. То, что называют историческим бессмертием, есть бессмертие не самой души человеческой, не человека самого по себе, а только его полезных, а иногда и вредных, разрушительных идей, его славных, а часто и безславных, постыдных дел. Поэтому – то историческое бессмертие, начинающееся и оканчивающееся на земле, и принадлежит не всем людям, или лучше и строго говоря, оно принадлежит только весьма немногим, исключительным или привилегированным людям, и притом не самым только лучшим, но вместе и рядом с ними и самым худшим, – не только друзьям и благодетелям человечества, не только Аристотелям и Рафаэлям, но и таким гениям зла и разрушения, каковы Нероны, Калигулы, Тамерланы и другие подобные им.

«Чего стоят приговоры истории, которая часто записывает в свои скрижали выдающееся и даже мелкое злодейство, в роде убийств из за угла, в роде злодейского покушения Каракозовского или Гартмановского, – миллионы же благороднейших подвигов удостоиваются чести только

забвения? Подумайте об этих воинах Наполеона, в которых он видел только пушечное мясо для миража собственной славы. Ведь каждый из этих воинов был далеко благороднее своего вождя, потому что проливал свою собственную кровь за него, по чувству воинского долга. Что же такое сам Наполеон, за что и для кого проливал он чужую кровь, тщательно впоследствии оберегая свою, и губил миллионы чужих жизней? По слову Спасителя: *больше сел любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя*. Положить свой живот за веру, Царя и отечество – это величайший подвиг человеческого самоотвержения. Но подумайте, сильна ли история наградить бессмертием эти сотни тысяч и миллионы истинных самоотверженных героев, которые увлажили кровью и утучнили собственными костями почву примерно Куликова поля, или Бородина, или Севастополя, или же бесмерные пространства Кавказа и Закавказья, нашего Новороссийского края, Балканского полуострова, Малой Азии до Эрзерума и т. д. без конца и числа? Сильна ли история даже вместить на своих скрижалях все эти миллионы славных, достойных вечной памяти имен, *ихже Ты един, Господи, веси?*".³⁸

Наконец, четвертый род измышленного бессмертия есть родовое бессмертие, то есть непрерывное и нескончаемое существование не каждого отдельного человека, но всего рода человеческого как целого. Таким образом бессмертием человечества исключается и уничтожается бессмертие человека. «Каждое поколение и в нем каждая особь существует лишь затем, чтобы породить свое потомство; но и последнее существует только для того, чтобы произвести следующее за ним поколение. Значит, каждое поколение имеет смысл своей жизни только в следующем, то есть, другими словами, жизнь каждого поколения бессмысленна; но если бессмысленна жизнь каждого, то, значит, бессмысленна жизнь всех. Это бессмысленное существование называется «жизнью рода». Но есть ли это в самом деле жизнь? Если каждое поколение существует только для того, чтобы погибнуть с появлением нового, которому в свою очередь предстоит такая же гибель, и если род живет только в таких непрерывно гибнущих

поколениях, то жизнь рода есть постоянная смерть, и путь природы есть явный обман. Цель здесь для каждого поколения в чем – то другом (в потомстве); но и это другое само так же бесцельно, и его цель опять – в другом, и так далее без конца. Настоящей цели нигде не находится, все существующее бесцельно и бессмысленно, как неисполнимое стремление. Родовая потребность есть потребность вечной жизни; но вместо вечной жизни природа дает вечную смерть»³⁹. Таково это мнимое родовое бессмертие!

Все четыре рассмотренных нами рода бессмертия (материалистическое, пантеистическое, историческое и родовое бессмертие), при всем незначительном отличии друг от друга, сходятся между собою существенно в том, что отрицают и уничтожают личность человека за пределами гроба. Между тем человеку, как единственному в природе личному существу, должно принадлежать и бессмертие *личное*, а не такое, какое принадлежит всем прочим предметам и тварям природы. Это последнее состоит в неуничтожении родов тварей (но не видов их и не отдельных особей) или в постоянном существовании и непрерывном сохранении всех сил и стихий природы в одном и том же количестве, не смотря на все многообразные их комбинации. Если бы и человеку принадлежало только такое бессмертие, в таком случае это значило бы, что он один между тварями *смертен* в собственном смысле слова, потому что уничтожение в нем личного самосознания было бы подлинным уничтожением его как человека. В мире животных каждая особь есть простой экземпляр рода, для которого совершенно все равно – умереть раньше или позже, так как его роль может быть одинаково выполнена и другими остающимися экземплярами. Но в человечестве другие личности не могут заменить и вознаградить собою той, которая исчезла бы: в ней исчез бы целый самостоятельный духовный мир, существующий не для других только, но и для себя; в ней погибло бы целое самосознательное существо, имеющее цель своего бытия не в роде только, как напр. животные, но и в себе самом; в ней погиб и уничтожился бы один из самостоятельных духовных атомов – подобий Божества.

Итак истинное, действительное бессмертие души человеческой состоит в том, что она по смерти тела, будет продолжать свое существование за гробом как существо личное, самосознательное, разумно – нравственное с сохранением воспоминания о прошлой земной жизни, – в том, одним словом, что загробная жизнь будет продолжением земной жизни, только в другой форме и в других условиях, но без утраты самосознания и личности – коренных основ бытия человека. Непрерывность и тождество личного бытия человека – вот его истинное бессмертие. Смерть не прерывает существование человека, а только видоизменяет его.

Б) Значение веры в бессмертие души для жизни человеческой

Истина бессмертия души человеческой не есть только отвлеченная, теоретическая или – как думалось бы иным – мистически – бесплодная истина: нет! это вместе с тем – самая жизненная истина, признание или непризнание которой сопровождается величайшими практическими последствиями. Мы имеем полное право и основание сказать, что вся жизнь человеческая, как личная, так и общественная, в последнем своем, глубочайшем основании, зиждется на вере в бессмертие души. «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные *высшие* идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают⁴⁰». Поэтому то вера в бессмертие души есть повсюдный спутник каждого человека и каждого народа на жизненном пути. Ею обуславливается и определяется направление и цель всей жизни человеческой. «Знание того, смертна душа или бессмертна, касается целой жизни», говорит Паскаль⁴¹. «Бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей. Тут казалось бы даже противоречие: если жизни так много, то есть, кроме земной, и бессмертная, то для чего бы так дорожить земною – то жизнью? А выходит именно напротив, ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения не в своем бессмертии связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее⁴²».

В самом деле, если жизнь моя есть не более, как

Дар напрасный, дар случайный,

если она – один только *миг*, если я не сегодня – завтра должен обратиться в *нуль*, точно также, как и все прочие люди – мои собратья: то какая же может быть разумная цель, какое необходимое назначение мое на земле? Я – только случайный гость, безучастный зритель, неизвестно кем и для чего помещенный на одной из бесчисленного множества планет во

Вселенной, не связанный никакими обязательствами, никакой ответственностью, не видящий и не знающий для себя впереди никакой цели...

С какую сокрушительною, убийственной силою действует на человека мысль о смерти при отсутствии веры в бессмертие, характеристический пример этого представляет нам знаменитый критик наш Белинский. Приведем несколько отрывков из его писем по поводу смерти друга его Станкевича. Вот что он писал к Боткину: «Станкевич умер! Боже мой! кто ждал этого? Не был ли, напротив, каждый из нас убежден в невозможности такой развязки столь богатой, столь чудной жизни? Да, каждому из нас казалось невозможным, чтоб смерть осмелилась подойти безвременно к такой божественной личности и обратить ее в ничтожество. В *ничтожество*, Боткин! Увы! ни вера, ни знание, ни жизнь, ни талант, ни гений не бессмертны! Бессмертна одна смерть: ее колоссальный и победоносный образ гордо возвышается на престоле из костей человеческих и смеется над надеждами, любовью, стремлениями»... И далее в том же письме: «мысль о тщете жизни убила во мне даже самое страдание. Я не понимаю, к чему все это и зачем: ведь все умрем и сгнием, – для чего ж любить, верить, надеяться, страдать, стремиться, страшиться? Умирают люди, умирают народы, – умрет и планета наша, – Шекспир и Гоголь будут ничто»... Почти то же самое писал Белинский Ефремову: «Мысль о том, что все живет одно мгновение... эта мысль превратила для меня жизнь в мертвую пустыню, в безотрадное царство страдания и смерти. Смерть! – вот истинный Бог мира... Зачем родился, зачем жил Станкевич? что осталось от его жизни, что дала ему она⁴³?».

Так мыслил и чувствовал в свое время Белинский. В наше время идут в этом отношении далее: от теоретического отрицания бессмертия переходят к практическому отрицанию его, выражающемуся в самоубийстве. Вспомним Левина, героя романа графа Л. Н. Толстого: «Анна Каренина». Размышляя о сильно, безотвязно занявшем его вопросе о последней судьбе человека, он ясно увидел, что, если не признавать бессмертия, то «для всякого человека и для него впереди ничего не было,

кроме страдания, смерти и вечного забвения; и он решил, что так нельзя жить, что надо или объяснить свою жизнь так, чтобы она не представлялась злой насмешкой какого – то дьявола, или застрелиться»⁴⁴. И только совершившийся в нем вскоре процесс внутреннего перерождения из неверующего в верующего спасает его от петли или пули. Действительно, «самоубийство, при потере идеи о бессмертии, становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть – чуть поднявшегося в своем развитии над скотами; потому что без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно немислимо и невыносимо»⁴⁵.

Вывод необходимости самоубийства составляет для многих как бы последнее слово новейшей науки, которая приравнивает человека к обезьяне и сулит ему в будущем один конец с нею – абсолютное (полнейшее) ничтожество, – той науки, которая устами Гартмана, творца «философии бессознательного», проповедует новую *религию будущего*, у последователей которой все прошения будущего «Отче наш » должны будут слиться в одно прошение: «Избави нас от бытия!»

На наших глазах, число случаев самоубийства возросло в такой значительной степени, что это печальное явление сделалось по – справедливости *знамением* нашего времени. Характеристично при этом то, что почти общим мотивом (основанием) приводящим к самоубийству, слышится одно: «жизнь надоела, – не стоит жить». Нет сомнения, что это явление имеет связь и соотношение с общим духом и направлением нашего времени – времени пантеистически – пессимистической философии Шопенгауэра и Гартмана. По учению этой философии, бытие хуже и ниже небытия; вся и всякая индивидуальная жизнь есть зло и бедствие; источник всех бедствий жизни заключается необходимо в самой жизни. Поэтому конечною целью жизни и деятельности всякого человека должно быть уничтожение самой основы всякой жизни. Мораль, вытекающая из этого учения, проста и немногосложна: это – призыв к самоубийству в той или другой форме.

Мы не хотим, конечно, сказать того, чтобы все самоубийства происходили вследствие сознательного усвоения

этого пессимистического учения, этого новобуддизма в мире христианском. Но дело в том, что основной тон этого безотрадного учения гармонирует с направлением нашего времени и служит выражением его. Развитие роскоши, жажда удовольствий, усиленная погоня за исключительно практическими интересами – вот явления характеризующие общественные нравы нашего времени. Поэзия и все идеальное – не во вкусах нашего реалистического времени. Современный человек, как истинный сын практического, положительного века, ищет обыкновенно везде и во всем под разными видами «хлеба», т. е. материальных благ и наслаждений. Отсюда совершенное равнодушие к высшим целям жизни, ко всему тому, что придает настоящую цену и смысл жизни, что питает и поддерживает ее, и в конце концов – равнодушие к самой жизни, к этому бесцветному и бесцельному существованию. И вот «больной сын больного века», разочаровавшийся в жизни, накладывает на себя руки, оставляя нам в назидание свою горькую исповедь: «жизнь надоела, – не стоит жить».

Мне пожалуй укажут, что в наш век убивают себя люди и никогда не занимавшиеся никакими высшими вопросами; тем не менее убивают себя загадочно, без всякой видимой причины. Мы действительно видим очень много (а обилие это опять-таки – своего рода загадка) самоубийств странных и загадочных, сделанных вовсе не по нужде, не по обиде, без всяких видимых к тому причин, вовсе не вследствие материальных недостатков, оскорбленной любви, ревности, болезни, ипохондрии или сумасшествия, а так, Бог знает из-за чего совершившихся. Такие случаи в наш век составляют большой соблазн, и так как совершенно невозможно в них отрицать эпидемию, то обращаются для многих в самый беспокойный вопрос. Все эти самоубийства я, конечно, объяснять не возьмусь, да и разумеется, не могу, но зато я несомненно убежден, что в большинстве, в целом прямо или косвенно, эти самоубийцы покончили с собой из за одной и той же духовной болезни – от отсутствия высшей идеи существования в душе их. В этом смысле наш индифферентизм, как современная русская болезнь, заел все души. Право, у нас теперь иной даже молится

и в церковь ходит, а в бессмертие души не верит, то есть, не то что не верит, а просто об этом совсем никогда не думает. А между тем лишь из этой одной веры выходит весь высший смысл и значение жизни, выходит желание и охота жить. О, повторяю, есть много охотников жить без всяких идей и без всякого высшего смысла жизни, жить просто животною жизнью, в смысле низшего типа; но есть, и даже слишком уж многие, и – что всего любопытнее – с виду, может быть, и чрезвычайно грубые и порочные натуры, а между тем природа их, может быть, им самим неведомо, давно уже тоскует по высшим целям и значению жизни. Эти: уж не успокоятся любви к еде, к любви, к кулебякам, к красивым рысакам, к разврату, к чинам, к чиновной власти, к поклонению подчиненных, к швейцарам у дверей домов их. Этаким застрелится именно с виду *ни из чего*, а между тем непременно от тоски, хотя и бессознательной, по высшему смыслу жизни, не найденному им нигде. О, глядя, на многих из этаких, разумеется, трудно поверить, чтоб они покончили с собою из за «тоски по высшим целям жизни». – «Да они ни об каких целях совсем и не думали, ни об чем таком не говорили, а только делали *пакости*» – вот всеобщий голос! Но пусть не заботились и делали пакости: высшая тоска эта – знаете ли вы твердо, какими сложными путями, в жизни общества, передается иногда иной душе и заражает ее? Идеи летают в воздухе, но непременно по законам; идеи живут и распространяются по законам слишком трудно для нас уловимым; идеи заразительны, и знаете ли вы, что в общем настроении жизни иная идея, иная забота или тоска, доступная лишь высокообразованному и развитому уму, может вдруг передаться почти малограмотному существу, грубому и ни об чем никогда не заботившемуся, и вдруг заразить его душу своим влиянием? Укажут мне, пожалуй, опять, что в наш век умерщвляют себя даже дети или такая юная молодежь, которая и не испытала еще жизни. А у меня именно есть таинственное убеждение, что молодежь – то наша и страдает и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни. В семьях наших об высших целях жизни почти и не упоминается, а об идеи бессмертия не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко

относятся к ней сатирически – и это при детях, с самого их детства, да еще, пожалуй, с нарочным назиданием... Наше юное поколение обречено само отыскивать себе идеалы и высший смысл жизни. Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл. От наших умных людей и вообще от руководителей своих она может заимствовать в наше время, повторяю это, скорее лишь взгляд сатирический, но уж ничего положительного, то есть, во что верить, что уважать, обожать, к чему стремиться: и все это так нужно, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда, во все века и везде! А если бы и смогли и в силах еще были ей передать что-нибудь из правильных указаний в семье или в школе, то опять – таки и в семье и в школе (конечно, не без некоторых исключений), слишком уже стали к этому индифферентны за множеством иных, более практических и современно – интересных задач и целей⁴⁶.

Но тут может случиться еще и другая, противоположная крайность: теряя веру в бессмертие, человек должен или отчаяться в жизни, не видеть в ней никакого смысла и потому отказаться жить, или же, если уж жить, то жить одною низменною, животною жизнью, держась эпикурейского правила: *Станем Петь и пить, ибо завтра умрем* (1Кор. 15:32). А к чему приводит последование этому правилу? «Сие правило (приведем слова одного из знаменитых наших проповедников), которое Апостол, от лица не знающих или не желающих знать воскресения мертвых, приводит в поругание им, которое очень годилось бы для нравственной философии бессловесных, если бы они имели преимущество философствовать, – в самом деле составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, все законы, если бы удалить от них мысль о будущей жизни. Тогда – не прогневайся, ближний и брат, если и ты сделаешься пищею людей, которые любят ясти и пяти; ибо если не стоит труда благоустроить собственную жизнь, потому что *утре умрем*, то точно также не стоит труда щадить и жизнь другого, которую завтра без остатка поглотит могила. Так забвение о будущей жизни ведет к забвению всех добродетелей и обязанностей и

превращает человека в скота или зверя»⁴⁷. А вот еще слова одного оратора – демократа на Брюссельском съезде интернационала в 1874 году: «Кто отнимает у народа небо, тот должен дать ему землю. Вы, жалкие фарисеи – либералы, отняли у народа утешение религиозной веры и не хотите снять с него железное иго ваших железных машин: где же ваша логика? Логика всемирной истории строже, – строже вашей логики. С потерю неба народ всегда настойчиво требовал земли в полное владение. И он логически прав: если нет Бога и загробной жизни, дайте нам, пожить в полное удовольствие на земле, – такова логика народа». Такова – скажем мы с своей стороны – неизбежная логика здравого, нормального человеческого рассуждения: без веры в свое бессмертие человек только лживыми, обольщающими софизмами может навязывать себе высшие, истинно – человеческие побуждения, стремления и цели. «Отрицая в человеке человека – с душой, с правами на бессмертие, материалистический социализм проповедует какую-то правду, какую – то честность, какие – то стремления к лучшему порядку, к благородным целям, не замечая, что все это делается ненужным при том, указываемом им случайном порядке бытия, где люди, по его словам, толпятся, как мошки в жаркую погоду в огромном столбе, сталкиваются, мнутся, плодятся, питаются, греются и исчезают в бестолковом процессе жизни, чтобы завтра дать место другому такому же столбу. Если это так, тогда не стоит работать над собою, чтобы к концу жизни стать лучше, чище, правдивее, добрее. Зачем? Для обихода на несколько десятков лет? Для этого надо запастись, как муравью, зернами на зиму, обиходным уменьем жить, такую честностью, которой синоним – ловкость, столькими зернами, чтобы хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтобы было тепло, удобно... Какие же идеалы для муравьев?»⁴⁸.

Нам могут возразить, что и среди людей, неверующих в загробную жизнь, есть очень много людей истинно благородных, выполняющих свое человеческое назначение ничуть не хуже, если еще не лучше людей, верующих в бессмертие; причем эти люди, признающие земную жизнь пределом всего своего

существования, не находят в этом никакой причины и основания тяготиться земною жизнью и искать насильственного выхода из нее. Мало того: – некоторые проповедуют даже, что только тогда, когда у всех исчезнет вера в бессмертие, только тогда каждый будет правильно пользоваться действительною жизнью, исполнять, как следует, свои обязанности и наслаждаться истинным блаженством»⁴⁹.

На это мы должны сказать следующее. Природа человеческая исполнена неуловимых иногда противоречий, и эта противоречивость ее служит иногда во благо человеку, хоть бы применительно к занимающему нас вопросу. Скажите, много ли людей, действительно неверующих в свое бессмертие или, по крайней мере, вполне *последовательных* в своем неверии? Думаем, что – очень мало. Иной, невидимому, действительно не верит в будущую жизнь, – по крайней мере, старается уверить себя в этом. Между тем на деле, сам того не сознавая, он живет теми духовными истинами, которые всосал с матерним молоком, теми верованиями, в которых был воспитан. Но от него ускользает это глубоко – коренящееся внутреннее противоречие, раздвоение его существа. Таким образом невыносимая, убийственная, для человека мысль о ничтожестве парализуется у него в своем действии иными, противоположными началами, живее и сильнее говорящими в нем, составляющими истинный источник жизни человеческой. Что же касается того, будто общество людей, решительно отказавшихся от веры в бессмертие должно бы было представлять собою вполне нормальное человеческое общество, то утверждать это, по меньшей мере, довольно трудно – впредь до осуществления такого несбыточного идеала человеческого существования. Но если позволительно судить по представляемым историей образчикам приближения к такому идеалу, то действительность скорее опровергает, нежели подтверждает такие утопические, бессмысленные теории. К счастью, вера в человека, каков бы он ни был, дает право надеяться, что он никогда не дойдет до совершенного забвения и отрицания Бога и бессмертия души.

И так вера в бессмертие души, служа выражением нормального, здорового состояния природы человека, составляет основание нравственно – разумной жизни человеческой, имеющей в ней самое первое и коренное свое предположение. Ею же держится и весь строй общественной жизни человеческой: она связывает между собою людей во имя общих высших интересов их, во имя общего высшего их назначения, не оканчивающегося здешнею земною жизнью. Смертный сын земли должен сделаться вечным гражданином неба. Имея это постоянно в виду, помня это высокое свое предназначение, он сообразно с ним располагает и устрояет первую, предуготовительную ступень своего существования – земную жизнь свою. При забвении же о вечности он ходит во тьме и не знает, куда идет (Ин. 12:35), потому что путь его не озаряется светом веры в бессмертие, потому что он стоит на ложном пути, приводящем его к ложному концу.

В) Существо и происхождение души человеческой

С вопросом о назначении и последней судьбе души находится в неразрывной связи вопрос о ее существовании и о ее начале, или происхождении: первый вопрос заключается уже необходимо во втором.

Два диаметрально противоположных взгляда господствуют на *существо души человеческой*.

По одному взгляду душа есть самостоятельное и самодеятельное начало жизни, соединенное с телом, начало, которое, до тех пор, пока живет в теле, пользуется, правда, для своей деятельности и своего проявления телесными органами, но во время смерти человека отделяется опять от тела и продолжает существовать независимо от него.

Другой взгляд (с которым мы уже познакомились отчасти выше) признает душу не самостоятельным и самодеятельным началом жизни, а только суммой отправлений телесных органов; с уничтожением этих последних в смерти прекращается, само собою разумеется, и всякая деятельность души: так называемая душа умирает вместе с телом.

Последний взгляд не составляет результата только уже новейшей науки, как часто утверждают. Уже саддукеи отвергали существование бестелесной души и не признавали воскресения мертвых, то есть существования души по смерти человека. Вообще то мнение, что душа не имеет бытия отдельно от тела, имело своих последователей и защитников во все времена.

С точки зрения этого взгляда, конечно, не может быть речи ни о бессмертии, ни о будущей жизни, ни о загробном воздаянии.

Вопрос о *происхождении души человеческой* – один из самых трудных и неудоборазрешимых вопросов в области учения о человеке. «Вот стар уже я», – говорил о себе блаженный Августин, – «а и теперь так же не понимаю тайны происхождения души, как не понимал в юности».

Объяснить происхождение существа материального считали всегда задачей нетрудною. Но как и от чего может

происходить существо простое, духовное, какова душа? Так как каждая отдельная душа появляется на свет и начинает проявлять свою жизнь – деятельность только в известное историческое время, то естественно рождается вопрос: откуда и как она появляется? Существуют издавна три разных ответа на этот вопрос, или три гипотезы для объяснения происхождения души человеческой: 1) гипотеза *предсуществования* (praesexistentianismus), 2) гипотеза *творения* (creatianismus) и 3) гипотеза *переведения* (traducianismus или generatianismus).

Рассмотрим каждую из них.

1. Гипотезою *предсуществования* душ предполагается, что все души человеческие существуют от создания мира⁵⁰ и до вселения в тело живут где-либо или в соединении с Богом или в так называемой общей мировой душе или же странствуют по телам животных, и потом каждая, когда рождается для нее тело, в наказание или в награду, вводится в него, как в готовый дом. Этому мнению, в том или другом виде, следовали, древние языческие народы (индийцы, египтяне, персы, мексиканцы, монголы и другие), а из философов: Эмпедокл, Пифагор, Платон, Порфирий. Из учителей и писателей Церкви к этому мнению – в лучшем его смысле склонялись, по-видимому, Ориген, Климент Александрийский, Немезий; и перечисление душ допускалось только гностическими сектами. Мнение это подкрепляли теми свойствами души, которые как бы невольно возводят мысль за начало настоящего бытия – в вечность; таковы неизъяснимые из опыта явления – происхождение идей; прирожденность зла или добра, предопределенная как бы тому или другому, счастливая или несчастная доля и проч.

Рассмотренная гипотеза всегда встречала справедливое порицание со стороны святых отцов Церкви; и в опровержение ее св. Иустин Философ, Григорий Нисский, Василий Великий и другие говорили следующее:

а) Она противоречит внутреннему опыту: мы не помним никакого периода жизни и деятельности до начала сознания; и потому соединение наших душ с телами не может быть ни наградой, ни наказанием; а без этого ни настоящая, ни предыдущая жизнь при этой гипотезе не может иметь никакого

смысла⁵¹. Пятый Вселенский Собор, осуждая мнение Оригеново о предсуществовании человеческих душ, выражается: «Церковь, последуя божественным словам, утверждает, что душа творится вместе с телом, а не так, чтобы одна творилась прежде, а другое после, по лжеучению Оригена».

б) Она влечет за собою множество недоумений, чем и где была душа до соединения с телом, что делала или почему была в бездействии, для чего послана в тело и т. д.

в) Наконец она основывается на ложном понятии об отношении души к телу, считая тело столько же случайным и внешним для души, сколько дом для живущего в нем или одежда для надевающего ее, – что несправедливо.

Что же касается до вышеупомянутых явлений опыта, в которых эта гипотеза думает находить подкрепление себе, то они гораздо лучше объясняются из других начал, а именно: а) идеи имеют начало своего происхождения в стремлении духа к Бесконечному; б) прирожденность зла или добра есть наследство от прародителей и предков; в) непонятное для нас распределение жребиев есть дело Премудрого Промысла.

Впрочем справедливость требует сказать, что в этом мнении есть и часть истины. В самом деле, не весь я произошел во времени: к бытию моему принадлежит нечто, выходящее за пределы естества, что вложено в меня Богом и что следовательно прежде начала бытия моего в Нем.

2. Гипотеза *творения* (новотворения, творения вновь) душ полагает, что души не существуют от начала мира, но творятся Богом в то самое время, когда образуется для них тело. Защитниками этого мнения из отцов церкви были; Феодорит, Кирилл Александрийский, Амвросий, Иларий. К принятию его располагали их частью невыгодные стороны других гипотез, частью высокое достоинство души, не могущей иметь земного происхождения и долженствующей выходить непосредственно из рук Творца. Но святые отцы Церкви находили и в этой гипотезе некоторые неудобства, а именно:

а) Она вводит в естественный порядок мира сверх естественное творение.

б) Она разрывает естественную связь поколений рода человеческого между собою и делает необъяснимым переход как физических, так и нравственных свойств, а следовательно и греховной порчи от родителей к детям, – переход, который, однако ж, подтверждается всеобщим опытом. Если душа выходит чистою из рук Творца (а иною она не может выходить из Его рук), в таком случае откуда же в ней зло? От тела? Но этой мысли не принимали никогда серьезные мыслители христианские: они не допускали, чтобы нравственный характер души определялся телом и чтобы тело было источником зла.

в) Она подчиняет творческую волю Божью действию страстей человеческих, иногда самому беззаконному.

Тем не менее однако и в этом мнении есть нечто истинное: я, как неделимое, имею начало бытия; но я не могу быть обязан своим бытием одной только подобной мне твари самой по себе, – я должен возводить причину моего происхождения к единому Творцу – Богу.

3. Гипотеза *переведения* душ принимает, что души всех, и самых отдаленнейших потомков, содержались в праотце рода человеческого, или как действительные существа или только в возможности и потом переходят или переводятся преемственно от родителей к детям, когда образуется принадлежащее той или другой душе тело. К этому мнению, однако с особенным ограничением, склонялась большая часть восточных отцов, именно: Григорий Богослов, Афанасий, Великий, Ириней и многие другие богословы от Тертуллиана до наших времен, также многие врачи и физиологи. Подтверждение его можно находить в опыте, который показывает, что и телесные, и душевные свойства переходят от родителей к детям.

Большая или меньшая состоятельность этой гипотезы зависит от того, как она объясняет происхождение души от душ родителей. Именно можно предположить один из трех следующих способов: а) или душа родителей от существа своего *уделяет* новое начало жизни, которое потом раскрывается в рожденном. Но это несовместно с простотою души исключаящей всякую делимость, б) Или душа, имеющая произойти, уже заключалась некоторым духовным семенем в

душе родителей и из нее *развивается*. Но всякое воображение изнемогает, усиливаясь представить себе это бесконечное «завитие» одних душ в другие от нашего времени до первых людей. Или, наконец, в) души родителей имеют способность просто производит вновь существо себе подобное. Но чтобы тварь как тварь могла производить другую тварь, это – противоречие.

Однако, нечто и из этой гипотезы допустить необходимо. Если род человеческий должен иметь между собою связь и если опыт свидетельствует о непосредственной связи детей с родителями, то что-нибудь в душах наших происходит и от родителей.

Отцы Церкви тайну происхождения души любили более преходить благоговейным молчанием, нежели изъяснять. Не для того, чтобы разоблачить эту тайну, но чтобы устранить неправые мнения, привязываемые к неправильному взгляду на происхождение души, представим здесь некоторые замечания об этом предмете.

1. В рождении живых существ действует сила Божия. Бог, хотя даровал ее тварям, однако, не может отказаться от нее, а признает ее Своею; почему рождающееся по отношению к Богу есть творение Божье. Поэтому Августин говорит: «Как бы ни происходила душа, все же она есть творение Божье». Но с другой стороны родотворящая сила Божья усвоена существу тварей. Поэтому появляющаяся на свет душа по отношению к родителям есть их *рождение*, а не творение; ибо (замечает св. Василий Великий) – творение не из существа творящего, а рождение – из существа рождающего.

2. Родотворящая сила есть по существу своему духовная; поэтому из представления происхождения душ нужно удалять всякие материальные образы. Рождение вообще есть явление духовное на всех степенях бытия: от смертного рождается смертное, от бессмертного – бессмертное, от Вечного – Вечное, но все духовным образом. Поэтому св. Ириней и св. Иустин мученик, называя душу рожденною, тем не менее, однако, признают ее бестелесною и нетленною.

3. Родотворящая сила Божья имеет качество всеобщее; но, нисходя в мир явлений, она а) производит только неделимые в человечестве – души, наши я. Почему то, что в нас есть выше нашего и, не рождается, а приходит отвне, от Бога. Поэтому Антоний Великий, признавая человека состоящим из тела, души и ума, говорит: «Душа есть в мире как *рождается*, а ум превыше мира, как *нерожденный*»⁵². Притом, б) открываясь чрез взаимодействие родителей, родотворящая сила Божья и в образе проявления своего определяется их природою и ее состоянием. Поэтому то дети в физических и духовных чертах носят на себе образ родителей.

Вышеприведенное объяснение соглашает в себе все три рассмотренные гипотезы, принимая в себя то, что в них есть лучшего и устраняя их крайности.

Душа, как неделимое, как это я, существо изменяющееся, происходит вместе с телом от родителей, до происхождения своего находится в состоянии возможности в их естестве, именно – в усвоенной им родотворящей силе, и чрез них и от них получает действительное бытие. Вот гипотеза *переведения*!

Но чтобы это я могло быть настоящею, разумно – свободною, богоподобною душою, для этого должно превзойти в него нечто высшее его, что одушевляло бы его стремлением к Божественному, давало душе духовную жизнь и возвышало ее над всем случайным и преходящим. Это есть богоподобный дух, не рождающийся от родителей и вообще не происходящий, а вливаемый Богом в душу после ее происхождения. Одушевленная им, душа возвышается из области времени в вечность и по некоторому самообольщению усваивает себе свойства вечности, считает себя старейшею своего начала, как бы совечною Богу. Вот гипотеза *предсуществования*!

Между тем происходящая душа есть новое существо, из состояния чистой возможности переходящее в действительное бытие; основание его хотя и заключается в родителях, но у них – в том, что в них выше их самих, именно – в бесконечной силе Божьей, влияющей в них. Действие же этой силы всегда проявляется под влиянием свободной воли Божьей, возвышающейся над всеми отношениями времени.

Переведение существа из состояния чистой возможности в состояние действительного бытия свободною волею Божьею есть творение. Вот гипотеза *творения*!

В Православно-Догматическом Богословии преосвященного Макария учение о «происхождении каждого человека и в частности происхождении душ» изложено следующим образом:

Хотя все люди происходят от прародителей путем естественного рождения, однако ж, тем не менее, Бог есть Творец и каждого человека. Разность только в том, что Адама и Еву Он создал непосредственно, а всех потомков их творит посредственно – силою Своего благословения, которое Он даровал нашим праотцам вдруг по сотворении их, сказав: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1:28), и которое, будучи изречено однажды, как слово Всемогущего, не потеряет своей действенности до окончания веков. Посему – то в Священном Писании говорится, что Бог не только создал наших прародителей, но и –

а) *сотворил есть от единыя крове весь язык человек, жити по всему лицу земному* (Деян. 17:26), *Сам дал всем живот и дыхание и вся* (– 25).

б) творит каждого человека. *Руце Твои сотвориште мя и создасте мя*, восклицают Иов и Псалмопевец (Иов. 10:8; Псал. 118:73); и в других местах: *Дух Божий сотворивый мя...* (Иов. 33:4); *Ты создал еси мя* (Псал. 138:5). Сам Бог говорит к Иеремии: *прежде неже Мне создати тя во чреве, познах тя и прежде неже изыти тебе из ложе сна, освятих тя, пророка во языки поставих тя* (Иерем. 1:5).

в) творит тело человека: *кожею и плотию мя облекл еси, кости же и жилами шил мя еси* (Иов. 10:11); *не утаится кость моя от Тебе, юже сотворил еси в тайне* (Псал. 138:15; снеси Псал. 32:15), вызывают пред Богом те же священные писатели;

г) творит душу человека. Эту мысль выражают: Екклесиаст: *и возвратится перст в землю, якоже бе, и дух возвратится к Богу, Иже даде его* (12); пророк Исаия: *так о глаголет Господ Бог, сотворивый небо и водрузивый е, утверждеи землю и яже*

на ней, и дали дыхание людям, иже на ней, и дух ходящим на ней (22:5; снеси 57:16); пророк Захария: глаголет Господь, прострый небо, и основали землю, и создали дух человек в нем (12:1). Со всею же ясностью это верование Церкви ветхозаветной выразила благочестивая жена иудеянка, когда, во дни гонения Антиоха, убеждая детей своих вкусить смерть ради закона Божия, говорила им: не всем, как в чреве моем явистесь, ниже бо аз дух и живот дах вам, и коегождо уды не аз составах, но мира Творец, создавын род человек, и всех изобретый рождение, и дух и жизнь вам паки воздаст с милостию, яко ныне сами себе презираете ради законов Его (2Макк.7:22–24).

Что касается, в частности, вопроса о происхождении душ человеческих, то православная церковь, на основании означенных текстов, всегда держалась, как и ныне держится (Православное Исповедание, ч. 1-я, ответ на вопр. 28), мысли, что они творятся Богом. Об этом непререкаемо засвидетельствовал пятый Вселенский Собор, когда, осуждая мнение Оригеново о предсуществовании человеческих душ, выразился: «Церковь, последуя божественным словам, утверждает, что душа творится вместе с телом, а не так, чтобы одна творилась прежде, а другое после, по лжеучению Оригена». Засвидетельствовал, по крайней мере, относительно Церкви восточной, блаж. Феодорит: «св. Церковь, веруя божественному Писанию, учить, что душа творится вместе с телом, но не так, чтобы с самым семенем, из которого образуется тело, и она получала бытие, но что, по воле Творца, она тотчас же является в теле по его образованию». Засвидетельствовали относительно Церкви западной св. Лев, папа римский и блаж. Иероним. «Кафолическая вера, – говорит первый, исповедует, что каждый человек, по своему телу и душе, образуется и одушевляется в утробе матерней Творцом всяческих, так, впрочем, что остается зараза греха и смерти, переходящая от прародителя на потомство». А блаж. Иероним спрашивает: «откуда все люди имеют души? – ужели от родителей, подобно неразумным животным, так что, как тело рождается от тела, так душа от души? Или разумные твари,

ниспавши на землю по пристрастию к телам, соединяются с человеческими телами? Или действительно (как и учит Церковь на основании слов Спасителя: *Отец мой доселе делает, и Аз делаю* – Ин. 5:17, и слов Захарии: *создавай дух человека в нем* (Зах. 12:1, и Псалмопевца: *создавый наедине сердца их* – Псал. 32:15) ежедневно творит души Бог, Коего хотение есть уже дело и Который не престаёт быть Творцом?» Не упоминаем уже о частных учителях Церкви: Лактанции, Амвросие, Иларие Ефреме Сирианине, Кирилле Александрийском, Геннадие и других, которые ясно проповедуют в своих писаниях, что души человеческие творятся Богом.

Как же понимать это творение душ? Сама церковь с точностью не определяет; но, на основании представленных свидетельств пятого Вселенского Собора, блаж. Феодорита и особенно св. Льва, и в соответствии с другими догматами Церкви, надобно полагать, что здесь разумеется не непосредственное творение Божье, а посредственное, – что Бог творит человеческие души, как и тела, силою того самого благословения – *растится и множится*, которое Он даровал нашим праотцам ещё в начале, – творит не из ничего, а от душ родителей. Ибо, по учению Церкви, хотя души человеческие получают бытие чрез творение, но так, что на них переходит от родителей зараза прародительского греха, – а этого не могло бы быть, если бы Бог творил их из ничего. Скажут ли, что такое творение душ от душ родителей для нас совершенно неизъяснимо, когда человеческая душа есть существо простое? Правда. Но для нас совершенно неизъяснимо и то, чтобы Бог, Дух чистейший, мог рождать из существа Своего Сына и изводить Св. Духа, – однако ж, Откровение учит, что Бог действительно вечно рождает из существа Своего Сына и вечно изводит Св. Духа, не подвергаясь никакому делению... Потому – то ещё древние учителя Церкви повторяли, что тайна творения наших душ понятна одному Богу. Принимая мнение о творении человеческих душ от душ родителей, мы естественно тем самым отвергаем: а) мнение, будто души происходят от семени родителей, от которого происходят и тела, – мнение, очевидно, допускающее вещественность человеческой души и ее

смертность вместе с телом⁵³; б) мнение, будто души происходят сами собою от душ родителей, как тела от тел, допускающее неизбежно делимость души и следовательно также вещественность ее и смертность: потому что существо, совершенно невещественное, никогда не может, без особенного творческого всемогущества, произвести из себя какое-либо другое существо⁵⁴; в) наконец, мнение, будто души человеческие творятся Богом из ничего и посылаются Богом в тела, неудобно примиряемое с догматом православной церкви о распространении первородного греха от родителей на детей путем естественного рождения⁵⁵.

Когда же именно творятся человеческие души и соединяются с телами? Образование тела, как вещественного, происходит в утробе матерней постепенно; а душа, существо простое, может твориться только мгновенно, и действительно творится и дается от Бога, по учению православной церкви, «в то время, когда тело образуется ужей соделается способным к принятию оной» (Прав. Испод. ч. 1 – я, отв. на вопр. 28). Так учили и древние учителя Церкви: Кирилл Александрийский, Августин, Феодорит, Геннадий и другие, и в доказательство своих слов указывали на слова св. пророка Моисея: Исх. 21: 22 – 24. Вот как, например, раскрывает мысль свою блаж. Феодорит: *«тот же пророк (Моисей) в законах своих еще яснее учит, что сперва образуется тело, а потом вливается душа. Ибо, говоря о том, кто поразит беременную женщину, он дает такой закон: аще кто поразит жену непраздну, и из идет младенец ее неизображен, – тщетою да отщепится. Аще же изображен будет, да даст душу за душу, око за око и проч. (Исх. 21:22 – 24)*. Этим самым он дает разуметь, что неизображенный или необразовавшийся младенец еще не имеет души, а образовавшийся имеет душу». С другой стороны, можно указать и на другие места Писания, из которых видно, что младенцы еще во утробе матерней, следовательно до рождения своего, имеют души. Например, о Ревекке замечено: *изроста же младенца в ней* (Быт. 25:22); св. Елизавета говорит о самой себе пред Пресвятою Девою Мариєю: *се бо, яко быст глас*

*целования твоего во ушию моею, възграся младенец
радощами во чреве моем (Лук. 1:44; снеси Иерем. 1:5).*

(Правосл.-Догмат. Богословие, том I, § 79. Изд. 4-е. Спб.
1883 г., стр. 439 – 443).

Г) Доказательства бессмертия души человеческой

При том высоком интересе и том важном значении, какое имеет для человека вопрос о бессмертии его души естественно ожидать, что этот вопрос будет не только привлекать его сердце, но и занимать его ум, то есть, что он будет предметом не религиозного только убеждения, или веры, но также и предметов теоретических или философских исследований. И действительно, люди искони пытались проникнуть в таинственную область загробной жизни, усиливались так или иначе разрешить великий вопрос о последней судьбе человека. После всего того, что было говорено в разные времена за и *против* веры в бессмертие, нельзя не согласиться, что она имеет за себя такое «облако свидетелей» и свидетельств, что только научное легкомыслие и слепое предубеждение может приравнять ее к обыкновенным человеческим суевериям и несбыточным мечтам.

Мы имеем в виду изложить здесь главнейшие доказательства, которыми обыкновенно подкрепляют истину бессмертия души человеческой, считая, однако, нужным оговориться сейчас же, что не все эти доказательства имеют одинаковую убеждающую и доказательную силу и что вообще мы не можем и не обещаем представить доказательства безусловно ясные и неопровержимые в математическом смысле, такие доказательства, против которых не могло бы быть сделано никаких возражений. Это не значит, однако, чтобы истина бессмертия души человеческой не имела в свою пользу веских оснований, чтобы ее следовало отнести к разряду безосновательных фантазий, пустых басен. Это значит только то, что религиозно – нравственные истины – к числу каковых принадлежит и истина бессмертия души – не могут быть доказываемы математическим путем, путем убеждения одного ума: они воспринимаются и усвояются преимущественно сердцем, и сердечное убеждение или неубеждение в них отражается соответственным образом и в уме. *Сказал безумец в сердце своем: нет Бога.* И многие безумцы говорят то же самое

сначала в сердце своем, а потом и в уме своем. Что $2 \times 2 = 4$, этого я не могу допустить, потому что это – математическая аксиома, основывающаяся на законах моего ума. Но что нужно любить ближнего, к этому ум мой не обязывает меня с принудительною силою: это решает мое сердце, мое нравственное развитие и расположение. Не все любят ближних, но все обязательно признают, что $2 \times 2 = 4$. Следует ли, однако, из этого, что нравственная истина – любовь к ближнему менее разумна, основательна и обязательна в своем роде, нежели математическая аксиома $2 \times 2 = 4$? Мы признаем математические истины неопровержимыми и бесспорными; а между тем если бы геометрия противоречила нашим страстям, нашлось бы немало людей, которые стали бы оспаривать твердость ее доказательств» («Лейбниц». Сердце – исходище жизни, глубокий источник убеждений и предубеждений. *От сердца исходят помышления злые* (Мф. 15:19), но и благие. Оно дает тон и направление даже умственному складу человека. «Мы познаем истину не умом только, но и сердцем», говорит Паскаль. Система нашего мышления – это ни более, ни менее, как история нашего сердца. Все мои убеждения вытекают из внутреннего расположения, а не из ума» (И. Г. Фихте). «Собственно говоря все сводится к внутренним расположениям: ими вызываются мысли» (Гете).

Итак, представляя доказательства в пользу истины бессмертия души человеческой, мы имеем в виду раскрыть и оправдать ее разумность, показать, что она не только не противоречит ни одной здоровой человеческой истине, напротив того вполне гармонирует с разумным взглядом на мир и человека и служит прекрасным и возвышенным его завершением.

а) Непосредственное сознание

Мысль о бессмертии души не дается нам опытом. Ежедневный опыт представляет нам напротив того смерть, тление и разрушение. В каждую секунду темная могила поглощает по одному сыну земли; каждая секунда отнимает у кого-либо из нас дорогое существо и уносит его туда,

Откуда никто не приходит!

И для каждого из нас настает в свое время эта ужасная, ничем непредотвратимая секунда...

Откуда же в нас, в противность столь очевидному и подавляющему опыту, мысль о бессмертии, о вечной жизни? Как нам пришло в голову думать о бессмертии и желать его? Это может быть объяснено только тем, что человек носит идею о своем бессмертии в своем духе: она присуща ему непосредственно. Она служит в нем выражением голоса природы, который никогда не обманывает. «Идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества»⁵⁶. Следовательно жить для человека значит сознавать и чувствовать себя бессмертным. С другой стороны, почему человек так отвращается смерти, зная ее полнейшую неизбежность? Если бы смерть была естественным, нормальным явлением, в таком случае она не возбуждала бы в нас такого ужаса и отвращения, мы не считали бы ее таким великим злом, таким страшным бичом, не видели бы в ней самого непримиримого нашего врага. Но дело в том, что смерть есть противоречие нашей бессмертной природе, и сознание этого противоречия служит сильнейшим, невольным свидетельством о нашем бессмертии.

«Есть ли в человеке чувство своего бессмертия? Должно быть. Как существо, предназначенное к бессмертью, человек по этому самому не может не иметь предчувствия о том; и действительно, нет человека, который, в известные минуты жизни, не ощущал в себе того, что превышает смерти. Во всех ли равно это чувство? – Нет; в иных очень сильно, в иных так

слабо, что почти его нет. От чего зависит эта разность? От природы или от воли самого человека? – Чувство бессмертия, как и все прочие чувства в нашей душе, может усиливаться и ослабевать. Когда прилагают старание, то оно усиливается, когда небрегут о том, тем паче, когда действуют противным образом, то оно ослабевает.

«От чего же именно усиливается это драгоценное чувство и от чего ослабевает?»

«В настоящем состоянии человека, в составе его, очевидно; два начала: одно – бессмертное, которое не исчезает в смерти, другое – смертное, которое продолжается только до гроба и там разлагается и исчезает. Каждое из сих начал производит в человеке сродное себе чувство: начало бессмертия производит чувство бессмертия, начало смертное производить чувство смертности. Оба начала эти – бессмертное и смертное – так тесно сочетаны, что составляют теперь одно целое: посему – то и чувство бессмертия с чувством смертности сливается в одно неопределенное чувство. Такая неопределенность чувств недолго может продолжаться: с продолжением времени, когда человек начинает действовать самостоятельно, одно какое-либо чувство берет верх, вместе с тем другое слабеет и умалывается. Если берет верх чувство бессмертия, то чувство смертности слабеет; если напротив, усиливается чувство смертности, то чувство бессмертия делается слабее. Зависит же это от того, чем наиболее человек начинает жить и действовать. Если он живет более тем, что есть в нем истиннобессмертного, – духом, совестью, законом: то усиливается чувство бессмертия. А если предается сильно тому, что в нем есть смертного, – плоти и крови: то усиливается чувство смертности. И с чем наиболее он живет, то наиболее и чувствует, тем наиболее и проникается, от того заимствует силу и чувство»⁵⁷.

Если поэтому непосредственное сознание, или чувство бессмертия иногда затемняется, заглушается и даже вовсе теряется в некоторых людях, то это не служит еще опровержением его необходимости и всеобщности: это уже явление ненормальное, вызываемое такими причинами и обстоятельствами, которые влияют вообще искажающим

образом на природу человеческую. «Есть много охотников жить без всяких идей и без всякого высшего смысла жизни, жить просто животною жизнью»⁵⁸. У таких людей, конечно, нечего искать ясного и отчетливого сознания своего бессмертия: они исказили в себе образ Божий и человеческий, почему и не могут служить нормою для суждения о человеке, когда идет речь о высших вопросах и интересах человеческих.

Здесь нельзя не припомнить характеристически – верного изречения одного из древних христианских апологетов: «душа – по природе христианка». Вот почему мы находим в ней свидетельство об одной из существеннейших христианских истин, с которою неразрывно связано все тело восстановления природы человеческой в ее истинном и чистом виде, – об истине бессмертия души человеческой.

Итак мы можем сказать, что непосредственное сознание, или чувство бессмертия не есть выражение какого-нибудь единичного, случайного и произвольного желания: это – всеобщая, неизменная и отличительная черта человека, когда бы и где бы он ни жил и на какой бы степени образования не находился. Мы слышим в нем голос природы человеческой.

б) Метафизическое, или онтологическое доказательство

Если Декарт сказал: «я мыслю, следовательно я есть» то мы можем сказать: «я есть, следовательно я бессмертен, потому что он *есть*. Мы знаем, однако, что не все; разделяют это убеждение, что, напр., материалисты и пантеисты не допускают возможности личного бессмертия человека. Отчего же такое различие, такая противоположность во взгляде на этот важный вопрос? Это различие зависит, очевидно, от различия во взгляде на существо души человеческой: вот где основание этого различия взглядов на судьбу души по смерти человека. Для материалиста душа человеческая не есть самостоятельное начало, независимое и отличное от тела, она есть продукт нашего телесного организма и потому прекращает свое бытие вместе с разрушением, смертью этого организма, – умирает вместе с ним. Точно также и для пантеиста душа человеческая не есть самостоятельное существо, или субстанция: она есть не иное что, как проявление общей мировой субстанции, которая одна только действительно существует и в которую возвращается или с которою сливается душа по смерти человека, совершенно теряя свое личное бытие. Неправильный взгляд на существо души сопровождается, естественно, и ложными выводами относительно будущей, конечной ее судьбы.

Что такое душа человеческая? Душа человеческая есть единичная, то есть простая и невещественная субстанция, самостоятельное и самодеятельное существо, и притом существо самознательно – личное; одним словом, она есть духовный атом. Из этого понятия о душе человеческой с необходимостью вытекает невозможность ее уничтожения, или ее бессмертие. Во – первых, душа человеческая есть единичная, не сложная, духовная субстанция. Это доказывается единством ее отправлений: все разнообразные впечатления, воспринимаемые душою, сводятся в ней к единству сознания. Единство сознания предполагает единство сознающей субстанции. А это единство исключает всякую сложность и

материальность. Этим самым опровергается само собою учение материалистов, отождествляющих душу с нервной системой, которая, как известно, представляет большую сложность. Мы согласились бы, пожалуй, с учением материалистов, если бы им (учением) могли быть объяснены факты душевной жизни; но этого – то именно мы и не видим. Для примера возьмем один факт из области мышления, именно – суждение. Всякое суждение предполагает единство субъекта или субстанции, высказывающей суждение. Во всяком суждении должно быть, как известно, не меньше двух различных представлений, соединяемых вместе, напр., *душа бессмертна*. Но в суждение мы хотим уничтожить это двойство или множество представлений об единении их: мы не хотим представлять отдельно *душу* и отдельно *бессмертие*, а хотим представить дело так, чтобы душа заключала в себе бессмертие; иначе, не сделав этого об единения, мы можем искать бессмертия не в душе, а еще в другом чем-нибудь. Для большей наглядности положим, что мы поделили между двумя лицами два представления, которые должны быть объединены в суждении: если у каждого из них будет по одному представлению, то суждение не можете образоваться. Если, напр., одно из них будет представлять только: *душа*, а другое только: *бессмертна*, то ни то, ни другое не в состоянии будет составить суждение: *душа бессмертна*. Это суждение может образоваться только в таком случае, если одно и то же лицо, то есть один и тот же судящий субъект соедините вместе, приведете к единству оба представления. А спинной и головной мозг не составляет единичной простой субстанции: он состоит из бесчисленного множества клеток, которые в свою очередь состоят из множества атомов. Следовательно нервную систему, или мозг, нельзя считать причиной духовных отправлений; мозг не дает возможности составить даже простое суждение. Таким образом единством духовных отправлений души, или единством ее сознания предполагается и доказывается ее единство, простота, или духовность, существенно отличающая ее от всего вещественного, сложного тленного. Как духовная субстанция,

чуждая вещественной сложности, она не может подлежать разложению и уничтожению.

Во-вторых, называя душу человеческую самостоятельным и самодеятельным началом, мы этим самым приписываем ей, как единственной действующей причине, всю умственную и нравственную деятельность человеческую: душа действует самостоятельно сама из себя. И здесь мы опять становимся в прямой разрез с материализмом, отрицающим самостоятельную деятельность души человеческой. Уже выше мы видели, что без признания души за самостоятельную, действующую причину мы не можем ни представить, ни объяснить себе ни одного самого простого факта в области мышления. Говорить, как говорят материалисты, что мозг мыслит и ощущает, – все равно, что говорить: играет скрипка или флейта, но не музыкант. Без музыканта скрипка и флейта не могли бы издать ни одного звука; и без души мозг, не смотря на все возбуждения извне, не мог бы производить мышления и ощущения. Воспользуемся еще для доказательства того, что душа есть самостоятельно действующая субстанция, примером из области воли и чувства. Возьмем например *чувства страха*. Как ни просто и ни сложно, по-видимому, это чувство, однако, мы можем отличить в нем, по крайней мере четыре представления: во – первых, представление о чем – то опасном, напр., о хищном звере, о пропасти или о чем-нибудь другом подобном, потому что без такого представления мы не имели бы никакого основания пугаться; затем – второе представление, дающее нам знать, что опасность угрожает не другому кому-либо, а именно нам самим, потому что иначе мы чувствовали мы только жалость и сострадание, а не страх (если бы, т. е. при опасности, угрожающей другому, мы находились сами в безопасности); в – третьих, сюда присоединяется еще представление о том, что опасность была не несколько лет тому назад или что она предстоит нам еще только впереди, но что то, чего мы боимся, наступает сейчас же непосредственно; наконец, в – четвертых, кроме этих представлений, из коих каждое, взятое отдельно само по себе, не возбуждает еще страха, – в страхе заключается еще особенное ощущение боязни, которое знакомо

каждому и которое не может быть объяснено тому, кто еще не испытал его. Если мы допустим, что душа не есть самостоятельно действующее существо, но что описанные аффекты производятся мозгом, в таком случае мы должны будем поделить эти четыре различных момента между четырьмя различными клеточками или атомами мозга: одна частица мозга: носила бы представление опасного предмета, другая – представление того, что опасность грозит нам самим, третья – представление того, что опасность предстоит в данную минуту, четвертая заключала бы в себе самое чувство страха. Допущение этого есть очевидная нелепость, потому что страх возможен только в таком случае, если эти четыре момента совпадают в одном нераздельном пункте, след., в единичной субстанции. В самом деле, как могла бы четвертая частица мозга бояться, если она не видит опасности? Если же она видит опасность, значит, отправление первой частицы мозга есть и ее отправление. Тоже самое следует сказать и о других двух моментах. Следовательно страх может появиться только тогда, если одна и та же субстанция носит в себе различные условия отправления в их единстве. Как ни прекрасно и ни полезно разделение труда, но в настоящем случае оно невозможно.

А что душа при своих отправлениях находится в известной зависимости от тела, это – другой вопрос. Мы отнюдь не отрицаем зависимости души от тела, но должны сказать, что весь вопрос об этой зависимости сводится только к тому, что душа зависит от тела не по – своему бытию или существу, а только по проявлению своего бытия, по своей деятельности, причем она пользуется телом как своим покорным орудием, так что зависимость ее от тела можно сравнить с зависимостью государя от его министров, чрез которых он отдает свои приказания. Очевидная ошибка материалистов заключается в том, что они смешивают существо души с условиями и обстоятельствами, сопровождающими ее деятельность, смешивают, значит, совершенно разнородные и несравненные вещи. «Как желчь есть отравление печени, точно так же говорят материалисты – мысль есть отправление мозга». Но ведь желчь сама – вещь чувственная осязаемая, тогда как мысли мы не

можем ни видеть, ни осязать. Причина и ее произведение оказываются разнородными, несоизмеримыми предметами. Душевные явления тесно связаны с телесными, и каждому духовному акту, ощущению, представлению или отвлеченной идее неизбежно соответствует какое-нибудь физическое – химическое или вообще механическое изменение в нервно – мозговых тканях. Это и понятно. Человек – не бестелесный дух, и пока он живет в условиях своего настоящего существования, нельзя думать, чтобы душевные явления, каково бы ни было их начало – духовное или материальное, происходили вне связи с телесными, так что – бы телесные явления в одном и том же человеке шли своим чередом, а душевные – своим. Этим объясняется и доказывается единство только *действий*, а не *деятелей*, только связь, а не единство и не тождество душевных явлений с материальными, точно так же, как нельзя, напр., заключать о единстве или тождестве телеграммы с распространением электрического тока по проволоке.

Не душа есть продукт телесного организма, как говорят материалисты, но наоборот – тело есть, можно сказать, произведение души, орудие ее, которым она распоряжается по своему благоусмотрению. Состоя из различных составных частей, из различных элементов видимого мира, составляя в некотором смысле случайную форму природы, тело должно подлежать разрушению со стороны сил природы при враждебном столкновении с ними: оно, так сказать, разбивается в наших руках, как хрупкая посуда. Но душа наша, как самостоятельное духовное существо, хотя и соединенное с телом, однако, отличное и независимое от него по своему бытию и существу, не может подлежать разрушению: она бессмертна.

В третьих, душа человеческая есть не индивидуальное только, мыслящее и действующее, но сверх того самосознательно – личное существо. На все наши мысли, желания, стремления, словом – на всю нашу умственную и нравственную жизнедеятельность мы налагаем печать нашего самосознания, делаем ее нашим личным достоянием. Мы сознаем себя непрерывно и неизменно одним и тем же

существом от первого пробуждения в нас сознания и до последнего момента нашей жизни; мы постоянно отличаем себя от всего, что вне нас и что – не мы. Если индивидуальная (обособленная) жизнь свойственна еще в низшей степени и всем животным, то лично – самосознательная жизнь принадлежит на земле исключительно одному только человеку: животные живут как бы во сне, жизнь их сливается с жизнью природы. Один человек является существом личным, всегда и во всем проявляющим и сохраняющим свое «я»: свет самосознания озаряет и освещает весь путь, все течение его жизни; и будучи однажды вожжен этот внутренний свет не может уже потухнуть, а пребудет навсегда *светильником светящим и горящим*.

По смерти человека, – то есть, вернее, по смерти тела человека, – душа его не перестает существовать: она вступает только в новую форму существования – существования для себя, а не для других. Вот пред нами лежит умерший человек: вместе с его смертью прекратилась душевная жизнь, проявляющаяся при посредстве тела. Умерший уже не смеется и не говорит, глаза его ничего не видят, он не может отвечать на наши вопросы и просьбы: одним словом исчез всякий след прежней жизни. Если доверять только непосредственному свидетельству внешних чувств, то как не сказать, что и душа его точно так же мертва, как и тело. Однако, односторонность и поспешность этого суждения вполне очевидна. В самом деле, всякий человек знает, что он может проявлять себя другим, сообщать им свои мысли и чувствования только чрез посредство тела – при помощи звуков, различных телодвижений и т. п.; но он знает в то же время, что он существует сам по себе и без или помимо этих видимых знаков, мало того – он может даже сам по себе думать и чувствовать совершенно противное тому, что обнаруживает своими телодвижениями и словами, как напр., актер – комик может находиться в печальном настроении духа вследствие каких-нибудь своих личных неприятных обстоятельств, между тем другим он кажется веселым. Поэтому необходимо различать жизнь *для себя* или *в себе* от жизни *для других*. Жизнь для себя каждый из нас знает только сам по себе

и в себе. Другим она может становиться известною только при посредстве телесных знаков, то есть всякий другой узнает жизнь чужой души только такую, какою она существует для других, а не для себя. Вот почему людям часто приходится жаловаться на то, что они не могут показать и выразить вполне другим, напр., любимому человеку или недоверчивому судье, свое внутреннее расположение, все движения своего сердца, так чтобы другие могли узнать и понять их вполне. И так мы имеем право сказать, что со смертью человека прекращается его жизнь для других; но не имеем никакого основания утверждать, что она перестала существовать и сама по себе и для себя. Такое заключение было бы, по меньшей мере, поспешно. Объясним это примером. Мы слушаем игру отличного скрипача, видим движения его пальцев по струнам и восхищаемся его игрою. Но вот, по какому-нибудь несчастному случаю, скрипка его разбивается и затем бросается в огонь. Мы уже не видим более движений пальцев скрипача по струнам и не восхищаемся уже его игрою. Для других он перестал быть скрипачом; но имеем ли мы право делать заключение, что музыкальная способность и искусство, умерли в нем вместе с уничтожением его скрипки? Кто знает, не найдет ли он когда-нибудь лучшей скрипки и не явится ли тогда и для других еще лучшим скрипачом?

И так человек бессмертен по своей природе, или по своему существу. Но где последнее основание и, так сказать, запечатление его бессмертия? По учению Писания, бессмертие принадлежит одному только Богу (1Тим. 6:16). Да, собственно и абсолютно бессмертен один Бог – самосущее и самобытное Бытие, единый Сущий. Человек же бессмертен, если можно так выразиться, взаимообразно, во второй степени. Как часть мира, человек проявляет тройственную связь: во первых, с видимой природой, во вторых, с прочими людьми – его братьями и, в третьих, с Богом – Виновником всякого бытия, с Богом, Который

Конец с началом сопрягает

И смертью живот дарит.

В этой последней, важнейшей и таинственнейшей связи коренится основа бессмертия человека: Бог есть субстанция души человеческой. Говоря так, мы не отнимаем у души

человеческой ее самостоятельного бытия, не впадаем в пантеизм: Бог не есть для нас спинозистическая субстанция, которая одна только есть все. Мы хотим только сказать, что Бог проявляет Себя как благой и премудрый Виновник в самостоятельно – личных существах, отличив их печатью Своего вечного существа, заронив в них искру Своей божественной жизни, которая (искра) не может уже погаснуть, но должна разгореться в полную разумно сознательную – бессмертную жизнь. Он сообщил человеку *дыхание жизни* (Быт. 2:7); *Им мы живем, и движемся, и существуем* (Деян. 17:28), имея великую заповедь и питая возвышенную надежду сделаться подобными Ему. (Мф. 5:48,1. Иоан. 3:2) – в меру нашего конечного существа.

Некоторые из отцов Церкви признают также душу человеческую бессмертною не по естеству, а по *благодати Божьей*.

Св. Кирилл Иерусалимский говорит: «Знай, что ты имеешь душу свободную, творение Божье прекрасное, сотворенное по образу Создателя, бессмертное по благодати Бога, Который делает оное бессмертным, творение живое, разумное, нетленное по благодати Того, Который даровал сие» (Огласит. поуч. 4, 69).

Св. Иринеи Лионский, говоря о бессмертии души нашей, замечает, что «это Богом сотворенное существо, хотя и получает начало своего происхождения... но продолжает существовать и продолжается в долготу веков, по воле Творца Бога, так что и происхождение в начале, и бытие после того есть для него дар» (Против ересей, II, 34).

Так же учат св. Иустин Мученик (Разговор с Трифоном, 6), Татиан (Против Греков, 13), Арновий (Против язычников, II, 14, 18, 32, 35), Феофил (К Автолику, II, 34, 36).

Таким образом человек есть такое существо, в котором бесконечное начало соединяется с конечным телом, которое, рождаясь во времени, затем, по самой природе своей, должно продолжаться в вечность: с запасом приобретенных на земле мыслей, стремлений, привязанностей оно переходит в новую жизнь, в которой, несвязанное уже телесною ограниченностью,

вступает в ближайшее соотношение с тем вечным, сверхчувственным и нравственным миром, которого он по природе своей состоит членом, и с тем Верховным Разумом, от которого оно получило свое бытие.

в) Телеологическое, или психологическое доказательство

В заголовке этого доказательства мы можем поставить старинное изречение: *Ars longa, vita brevis* (наука долга, жизнь коротка), с небольшой перефразировкой его: «Жизнь коротка, задача жизни необъятна». Зачем мы живем на земле? Какая цель и какое назначение нашего существования? И осуществляется ли наше назначение вполне в здешней жизни? Вот вопросы, с которыми тесно связан вопрос о бессмертии человека.

Все в этом мире имеет свое назначение и все достигает своего назначения – согласно с законами и пределами, указанными каждому роду предметов и существ. Никто не может сказать, чтобы солнце, чтобы дерево, чтобы животное не исполняли, не хотели или не могли исполнять его, они исполняют его по необходимости.

Все прекрасно в Божьем мире! –

именно потому, что все в нем – от великого до малого – следует неуклонно своему назначению, представляя в совокупности великую и возвышенную гармонию целого.

Посмотрим на человека – высшее в видимом мире существо, венец творения на земле. Подобно всем прочим существам в мире, и он, конечно, имеет свое назначение: он должен сделаться и быть тем, чем ему следует быть – человеком, то есть он должен развить все силы своего существа, раскрыть все содержание своей природы, исчерпать полноту своего существования до последних возможных пределов. Теперь спрашивается: достигают своего назначения все прочие твари?

1. Человек есть прежде всего существо *разумное*. И так первая цель его жизни – развитие его ума. Более двух тысяч лет назад философ Аристотель в одном из своих знаменитых творений сказал: «Всякий человек имеет естественное желание знать»⁵⁹. Любовь к знанию есть изначальный элемент нашей природы. Человек имеет такую жажду знания, что с каждым

расширением своих познаний чувствует потребность новых открытий в области истины, никогда вполне не удовлетворяясь достигнутыми уже результатами знания. А между тем, чем более расширяется пред ним горизонт знания, тем более встречает он неизъяснимых тайн, недоступных его уму. Только самодовольно – мелкие умы не хотят ничего знать о тайнах природы, тогда как величайшие и серьезнейшие исследователи истины всегда сознают, что тайна повсюду составляет начало и конец, Альфу и Омегу, что самосуществование мира и последнее основание всех законов остается и останется навсегда величайшею тайною. «Я знаю одно, – что ничего не знаю», повторит вслед за Сократом всякий серьезный изыскатель истины, сопоставляя результаты, достигнутые человеческою мыслию, с бесконечною областью еще неисследованного и неисследимаго. Чем ближе, по-видимому, человек подходит к идеалу истины, тем более этот последний удаляется от него на недостижимую высоту, не переставая, однако, манить его к себе надеждою всезнания. И если спросят человека, посвятившего всю жизнь исследованию истины, перенесшего *тяготу и зной дня* в неутомимой погоне за идеалом истины, – если спросить его: «что есть истина?» то он должен будет ответить словами великого Апостола: *теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно* (1Кор. 13:12), или смиренным призыванием одного из величайших умов (Ньютона): «я – не более, как ребенок, собирающий раковины на морском берегу».

«Что мы не можем ничего знать, это сожжет мое сердце», – вот что влагает поэт (Гете) в уста одного из страстных и самоотверженных искателей истины (Фауста)...

И так мы приходим к тому признанию, что развитие человеческого ума не знает пределов, не имеет остановки, что жажда знания не столько удовлетворяется, сколько возбуждается только и раздражается теми познаниями, какие человек приобретает и может приобретать на земле, что самой продолжительной жизни не хватает ему не только на то, чтобы читать и понимать, но чтобы только разбирать по складам

великую книгу природы, что, одним словом, человек как разумное существо не достигает на земле своего назначения.

Что же из этого следует? Следует одно из двух: или человек есть аномалия в великом царстве природы, обнаруживая стремления, идущая далее пределов его земного существования и не могущая быть удовлетворенными, получив таким образом от щедрот природы, по какой – то странной ошибке или слепому капризу, более, нежели сколько ему требуется для земного его назначения; следует, одним словом, что «человек слишком широк для этого мира, – его нужно бы сузить». Но мы не имеем никакого основания допускать такие аномалии, потому что природа представляет везде и во всем гармонически целесообразный порядок, мудрую экономию, строгую бережливость, Или же следует допустить, что истинное назначение человека не ограничивается земною жизнью, что оно восходит за пределы его земного существования, что развитие его ума будет продолжаться в другой жизни, где он будет созерцать Вечную Истину и при свете ее преуспевать в уразумении всего сущего, что это развитие ума и это преуспевание в познании не будут иметь пределов. В противном случае, – если бы, то есть назначение человека прекращалось с его смертью, – он представлял бы действительно аномалию: это значило бы, что природа его организована вопреки, несоответственно своему назначению и есть как бы отрицание самой себя.

Таким образом бесконечное развитие человеческого ума требует бессмертия человека.

«Когда я был младенцем, то по – младенчески говорил, по – младенчески мыслил, по – младенчески рассуждал; а когда стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, – тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, – а тогда познаю, подобно как я познан » (1Кор. 14:11, 12).

2. Человек есть существо разумно – свободное. Как ум его требует себе пищи – знания, точно так же и воля его стремится проявить себя в деятельности, сообразной с существом и достоинством человека – существа нравственно свободного. И

как уму его постоянно предносится недостижимый идеал истины, так воля его стремится к осуществлению добра. Что заставляло людей, которых весь мир не был достоин, скитаться по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11:38). Что населяло пустыни и леса подвижниками, убежавшими от мира и посвящавшими целую жизнь самоусовершенствованию, тяжелой и непрерывной борьбе с самими собою, борьбе, от которой они никогда не успокаивались? – стремление к осуществлению нравственного идеала. Но чем ближе они были, невидимому, к этому идеалу, тем выше видели его над собою. Все мы стремимся сделаться и быть добрыми и нравственными, но никогда не можем успокоиться в этом стремлении, дойдя до сознания, что нам ничего уже не остается делать в этом отношении, что мы достигли нравственного совершенства. Напротив того, чем серьезнее наше стремление к нравственному совершенству, тем сильнее и больше тяготит нас сознание, что достижение нравственного совершенства невозможно для нас. Да и как достигнуть нам в здешней жизни нравственного совершенства, когда, по признанию людей, стоявших на возможной для человека нравственной высоте, мы постоянно делаем не то, что хотим, а то, что ненавидим (Рим. 7:15). Как нам достигнуть нравственного идеала, когда наш нравственный идеал есть богоподобие. *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный* (Мф. V, 48) – вот заповедь, данная нам Тем, Который один из всех людей осуществил в Себе нравственный идеал. И так только тогда, когда, пройдя переходную ступень земной жизни и сбросив с себя ветхого человека, *тлеющего в похотях прелестных*, мы соединимся в другой жизни с Вечным и Высочайшим Добром, – тогда только мы получим возможность беспрепятственно восходить *от силы в силу* в достижении нравственного совершенства – *в меру возраста Христова*, в достижимую для нас меру богоподобия, «Возлюбленные! еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин. 3:2).

Таким образом нравственное наше совершенствование предполагает и требует более широкого поприща, нежели какое

отведено для нас в настоящей жизни. Остановка в начале пути, на исходном пункте развития ненормальна точно также, как ненормально пребывание в младенческом возрасте в течение всей жизни.

Приходится слышать иногда такое возражение: множество людей и даже целые народы не обнаруживают в себе большой способности и стремления к умственному и нравственному развитию, напр. кафры, готтентоты и другие.

На это мы должны ответить следующее. Решаясь подвергать своему обсуждению явления духовной жизни мы должны делать свои заключения не по исключительным, особенно же уродливым явлениям в этой области, а по нормальным. Когда мы беремся определять меру способности наших духовных сил к развитию, то должны иметь в виду не кафров и готтентотов, а людей, могущих служить истинными представителями своего рода. С другой же стороны и относительно кафров и готтентотов, а равно и других диких племен нужно заметить, что путешественники, описавшие эти племена, слишком уже преувеличивали их неспособность к умственному и нравственному развитию; опыт же (напр., успехи христианской миссионерской деятельности) показывает, что и в этих младенчествующих народах кроются или дремлют немалые духовные силы, и если они не развились, то благодаря лишь неблагоприятным условиям исторической жизни этих народов. «Рассказы путешественников, откуда почерпаются все сведения (относительно диких народов), иногда очень сомнительны. Если не вполне верными оказываются их описания орудий, жилищ, обычаев, племенных особенностей и произведений местностей, обитаемых дикими, то как осторожно мы должны принимать свидетельства путешественников о религиозном и нравственном состоянии племен, посещенных ими! Эти идеи смутны и неясны в самых душах их, да и высказываются они ими на самых бедных и неразвитых наречиях; а на языке неразвитом трудно выражаются истины отвлеченные, как бы они просты нам ни казались. Притом большая часть дикарей не любят, когда их расспрашивают об их убеждениях»⁶⁰.

Еще говорят против телеологического доказательства бессмертия души человеческой: некоторые люди уже в здешней жизни, по-видимому, раскрывают все то идеальное содержание, которое заключалось в их природе, и развитие их иногда доходит до того пункта, где вполне раскрываются их индивидуальные силы и уже начинается поворот назад.

Но это наблюдение страдает неточностью и односторонностью. Если некоторые люди под конец своей жизни кажутся не могущими уже идти далее и более развиваться, то они только *кажутся* такими. На самом же деле отнюдь нельзя оспаривать той истины, что в настоящей жизни человек развивается односторонне, так что если в нем до возможных наивысших пределов раскрывается одно идеальное дарование, то остальные присущие его природе дарования или едва пробуждаются или раскрываются в весьма ограниченных размерах. Так Гете сказал о себе: «Я охотно помирюсь с несправедливостью, чем равнодушно перенесу беспорядок». Но и в сфере чисто нравственных влечений и способностей, развиваемых человеком в настоящей жизни, замечается та же односторонность; иной обнаруживает замечательно правдивый характер, но у него недостает мягкости и нежности сердца; другой обладает любящим, всепрощающим сердцем, но за то у него или слабо умственное развитие или нет силы воли и т. д. Таким образом, если бы даже человек достигал иногда в здешней жизни полного развития какой-либо из своих способностей (чего допустить, однако, нельзя), то этим все таки далеко еще не исчерпывалось бы все содержание и все богатство его духовных дарований.

3. Обладая умом, жаждущим истины, и волею, стремящуюся к нравственному совершенству, человек одарен еще *сердцем*, жаждущим счастья, блаженства. Все мы

О счастии с младенчества тоскуем

и ищем его до гробовой доски, так что жизнь человека едва ли не справедливо будет охарактеризовать, назвавши ее погонею за счастьем. Но сколько на свете несчастных! А где счастливые? Найдется ли хоть один человек, который мог бы сказать о себе чистосердечно, что сердце его вполне довольно

и покойно, ничего не желает, ни о чем не тоскует? С самого начала жизни наша природа, пробуждаясь со всеми ее потребностями и силами, встречает мир, по-видимому, представляющий безграничную область для удовлетворения этих потребностей и для развития этих сил. При взгляде на этот мир, кажущийся таким светлым и полным счастья, наша природа порывается к нему с горячими надеждами и ожиданиями. Ни одна из этих надежд не осуществляется, ни одно из этих ожиданий не оправдывается. Пока мы молоды, несчастье нас больше удивляет, чем ужасает: нам кажется, что оно есть только аномалия, и вера наша в счастье не колеблется. Аномалия эта повторяется; но мы все еще крепимся. Но, наконец, какой-нибудь слишком сильный удар поражает нас и вдруг открывает нам глаза; а затем, чем дальше мы живем, тем яснее и яснее представляется нам и обнажается пред нами печальная истина: надежды, которыми прежде смягчались несчастья, исчезают и сменяются горьким разочарованием. В конце концов мы приходим к тому же заключению, к которому пришел некогда премудрый царь израильский, имевший полную возможность узнать и оценить человеческое счастье; «все суета!» В чем же заключается тайна неудовлетворимости сердца человеческого ничем земным? Вся тайна заключается в том, что все земное непрочное и непостоянно, что на свете нет ничего такого, что могло бы само по себе и навсегда доставить нам полное счастье. В здешней жизни мы можем иметь только предчувствие истинного счастья, предназначенного человеку, который тоскует по нем, не находя его. Мы будем наслаждаться им только по соединении с Вечным Источником блаженства – Богом. Оно будет дано нам на новом небе и новой земле; тогда Бог отрет всякую слезу с очей наших, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо все прежнее пройдет (Апокал. 21:4). «Ты создал для нас для Себя, и сердце наше неспокойно до тех пор, пока не найдет покоя в Тебе»⁶¹. Тогда все труждающиеся и обремененные найдут для себя успокоение от земных скорбей, бед и треволнений.

А теперь, здесь все мы, труждающиеся и обремененные, плаваем по житейскому морю, обуреваемые множеством всяческих зол и бедствий, не находя себе нигде верного пристанища. Вражда и раздор между людьми, внутренний разлад людей с самими собою, кровавые войны, голод, мор, и болезни, плачевное социальное положение миллионов людей, влачащих самое жалкое существование, без всякой надежды на улучшение своего положения, – вот картина человеческого счастья, с тех пор, как запомнят себя люди! «Каждое столетие, может быть, каждое десятилетие человечество развивается более и более обогащается новыми знаниями, новой опытностью, изобретает множество новых средств против того или другого из физических и нравственных зол, удручающих его. Но что же – зла в мире действительно становится меньше? Нужды, болезней, страданий в наше время меньше, чем было за 100, за 200, за 1000, за 5000 лет назад? Едва ли какой-либо серьезный и искренний мыслитель и наблюдатель человеческой жизни стал бы с решительностью отвечать на этот вопрос утвердительно. Зло человеческой жизни – горе и страдание всякого рода как будто растет со средствами, изобретаемыми против него»⁶².

Среди этих бедствий и зол жизни нас стараются утешить тем, что если страдают и мучаются отдельные личности человеческие, за то целое человечество идет вперед, развивается, совершенствуется, и ценою частных страданий покупается общее благо человечества, которое и достигнет некогда всеобщего благоденствия. Таким образом каждый из нас – страдальцев может сказать вместе с трудолюбивою пчелою:

И моего тут капля меду (правда, пока еще будущего) есть! Печальное утешение!

«Цель истории заключается не в личном удовлетворении, а в общем благе; общее же благо состоит в разнообразии и гармоническом единстве частей, а не в равном для всех развитии и распределении жизненных средств.

Всеобщее равенство никогда не может быть для нас идеалом, потому что оно противоречит природе вещей и

человека. Если бы мы даже представили себе, что человечество достигло наконец идеального блаженства, равно простирающегося на всех, то все же позднейшие поколения были бы привилегированными в сравнении с предыдущими. Им выпало на долю высшее счастье, полное осуществление человеческого назначения; но что случилось с их предшественниками, которые пролагали им дорогу. За что все эти страдания и слезы? за что угнетение и нищета, которые они претерпевали для того только, чтобы когда-нибудь другим было лучше? Если мы предположим даже, что в конце развития человек способен вполне достигнуть своего назначения, то это нисколько не касается многих миллионов людей, погибших на пути. Скажем ли мы, что они были орудиями высших целей человечества и что в этом состояло истинное их назначение? Но нравственный закон запрещает нам смотреть на человека только как на средства: служа высшим целям он вместе с тем всегда сам остается целью, ибо он – носитель абсолютного начала, и если эта личная цель не достигнута, то назначение его не исполнено. Недостаточно следовательно указывать на будущее совершенство человеческого рода: требование, чтобы назначение человека было исполнено, прилагается равно и к прошедшим, и к настоящим поколениям, ибо природа у всех одна. А так как в земной жизни это назначение не исполняется, то здесь опять оказывается противоречие между природою вещи и действительным ее существованием. Отсюда следует, что известная нам действительность составляет только частное проявление этой природы, которая не исчерпывается настоящею жизнью, но предназначена и для другой, где она может проявиться вполне.

«Наконец никакое совершенствование не может уничтожить величайшего противоречия человеческой жизни – смерти. Смерть составляет естественное событие для физического существа. Весь органический мир основан на преемственности сменяющих друг друга особей, которые умирая оставляют после себя других, рожденных от них же и назначенных заступить их место. Как физическое существо, человек подлежит тому же закону; но как существо духовное, он не

может не видеть в нем противоречия с высшим своим естеством. Сознание и стремление человека не ограничиваются настоящей жизнью: они простираются на прошедшие и будущее. Человек полагает себе цели, идущие далеко за пределы отмежеванного ему земного существования. Наконец, у него есть привязанности, которые имеют не временный только характер и не исчезают с удалением возбуждающего их предмета, а сохраняются как вечные, неразрывные части его существа. Человек может еще помириться с тем, что цели, которые он преследовал, не будут им достигнуты: они могут быть исполнены другими. Он может покориться печальной необходимости разлуки с любыми местами, с вечно – сияющей природою, с отечеством, в судьбах которого он принимал живое участие: все это было дано ему, и всем этим он в свое время наслаждался; затем настает очередь и для других. Но он никогда не может примириться с мыслью, что любимое им существо превратилось в ничто, что тот разум, то чувство, которые составляли предмет глубочайшей его привязанности, исчезли как дым, не оставив по себе и следа. Против этого возмущается все это существо. Устремляя в вечность свои умственные взоры, человек простирает в вечность и свои сердечные привязанности. А если таковы глубочайшие основы его естества, то предметом этой привязанности не может быть что-либо преходящее. Перед гробом любимого существа из глубины человеческого сердца опять вырывается роковой вопрос: зачем дано ему любить таким образом, если предмет этой любви ни что иное, как мимолетная тень, исчезающая от первой случайности? Или зачем отнимается у него предмет любви, когда эта любовь есть самое высокое и святое, что есть в человеческой жизни? И тут на эти вопросы может быть один только ответ: бессмертие! Любовь, носящая в себе вечность, в себе самой заключает неискоренимое убеждение, что предмет ее вечен, так же, как и она сама. И это убеждение не есть только пустое самообольщение чувства, которое старается утешить себя в невозградимой потере. Разум, так же, как и чувство, говорит нам, что иначе быть не может, ибо без этого, жизнь высшего в известном нам мире создания была бы только

возмутительною шуткою, разыгранною над ним каким – то злым духом, в руки которого предана его судьба.

«Для физического существа смерть ни что иное, как конец его жизни; для существа духовного, одаренного разумом и чувством, простирающимся в вечность, она имеет совершенно другое значение. Она не только служит переходом к высшей жизни, но она составляет связь между видимым и невидимым миром, между небом и землею. Смерть напоминает человеку, что все для него не ограничивается целями и земными привязанностями, что, нося в сознание бесконечного, он принадлежит к высшему, вечному и бесконечному миру и что только там все вложенные в него силы, все стороны его естества могут достигнуть полного своего назначения. Без этой мысли вся человеческая жизнь представляется неразрешимой загадкой, странным противоречием; напротив, озаренная ею загадка превращается в светлую истину, и противоречие разрешается в высшую гармонию»⁶³.

г) Нравственное доказательство

Мы молимся ежедневно Отцу небесному: *Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое* – царство святости и правды. Но в то же время мы видим ежедневно, что имя Божье далеко не всеми людьми и не всегда святится, что *весь мир, лежит во зле* (1Ин.5:19), представляет собою царство греха и неправды. Какое резкое несоответствие, какая роковая противоположность! И ужели такому порядку вещей суждено продолжаться вечно? Нет! *Мы ожидаем нового неба и новой земли, на которых будет обитать правда* (2Петр. 3:13); *мы чаем жизни будущего века, в которой алчущие и жаждущие правды насытятся* (Мф. 5:6).

Человеку присущ нравственный закон – закон святости и правды, как высший двигатель и направление жизни. Он вложен в природу человеческую Верховным Законодателем – Богом. Язычники делают законное по природе, потому что закон написан у них в сердце и находится под охраною и наблюдением совести (Рим. 2:14, 15). В трагедии греческого поэта Софокла «Антигона» выражена та нравственная аксиома, что основной закон, который управляет нашею жизнью, за который мы жертвуем самою жизнью, – не закон человеческий, не правило нами созданное, но принадлежит к неписанным и вечным законам Божества: «начало его не вчера и не сегодня, но от вечности, и никто не знает тайны его рождения». И так нравственный закон с одной стороны всеобщ, а с другой – освящается высшим, непререкаемым авторитетом.

Если в нравственном законе мы должны видеть безусловно обязательное предписание, если исполнение его составляет безусловную обязанность человека, то непременно требуется, чтобы человек находил в нем и личное свое удовлетворение. Иначе это предписание противоречило бы его природе, а потому и не могло бы быть для него верховным законом. В отношении к разумному существу это требование тем необходимее, что в силу самого нравственного закона, разумное существо должно всегда рассматриваться как цель, а

не только как средство. Оно исполняет нравственный закон свободно, а не по принуждению, и это одно дает его действиям нравственный характер. Свободное же исполнение возможно только под тем условием, чтобы исполняющий мог найти в нем и личное удовлетворение. Наконец, если это предписание безусловно, то все остальное должно непременно с ним сообразоваться. Нравственная жизнь не всегда дает счастье, но мы не можем не признать, что она одна делает человека достойным счастья. В этом состоит требование справедливости, составляющей существенную часть самого нравственного закона. Из безусловного значения этого закона вытекает как необходимое последствие, что добродетель должна быть награждена, а порок должен быть наказан. Если же мы не всегда видим это в настоящей жизни, то непременно должно предположить, что это исполнится в будущей. Иначе нравственный закон теряет для нас свой безусловный характер.

Против необходимости соответствия между добродетелью и счастьем возражают, что добродетель сама по себе делает счастливым того, кто преуспевает в ней. Если же добродетельный человек счастлив одною своею добродетелью, в которой имеет заслуженную им награду, то и соответствие между добродетелью и счастьем и требуемое этим соответствием бессмертие души человеческой не составляет необходимого требования нравственного порядка. Послушаем, например, что говорит об этом известный *Штраус*. «Доказательство (бессмертия души), выводимое из идеи возмездия, может быть сформулировано таким образом. Так как люди добродетельные часто несчастливы в этом мире, а порочные часто остаются ненаказанными, то необходимо, чтобы существовал другой мир, где бы по своим заслугам получили одни награду, а другие – наказание. Если предположить даже, что этот аргумент имеет какую-либо силу, то и тогда он может говорить лишь в пользу большей или меньшей продолжительности человеческой жизни после смерти. Ибо коль скоро души будут раз соответственно награждены или наказаны, ничто уже не препятствует им впасть в ничтожество. Но если всмотреться в дело ближе, – этот аргумент окажется ничтожным и не имеющим

никакого основания. В самом деле, добродетель не носит ли в себе своей награды, а порок – своего наказания? Не было ли бы достойно человека ставит честность, величие души выше всего, даже если бы он был убежден, что душа не бессмертна? Не в том ли именно и состоит добродетель, чтобы в своих действиях не руководствоваться – не скажу представлением какого-нибудь блага, – это возможно, но представлением другой какой-нибудь награды, кроме той, какую необходимо составляет самое совершение добродетели? Только невежественные и порочные люди думают, будто истинная свобода состоит в полной возможности беспрепятственно следовать своим страстям; только они на жизнь и разумную и нравственную смотрят как на тягостное рабство, на повиновение божественным законам – как на тяжелое ярмо, за всю тяготу которого должно вознаградить будущее возмездие. В глазах мудрого нет ни одного благородного и истинно великого человека, который бы не был счастливее и достойнее подражания, чем самый могущественный негодяй».

Это возражение, справедливо поражающее только грубое, эгоистически – утилитарное отношение к добродетели, не касается и не может поколебать самой основы, ядра нравственного доказательства бессмертия души человеческой. Что недостойно человека делать из добродетели – предмет низкого, житейского расчета и интереса, это мы узнаем впервые не от Штрауса: тоже самое проповедуют и великие мыслители христианские, с тем только различием, что это не приводит их к тем конечным выводам, к каким приходит Штраус. Вот что говорит св. Григорий Богослов: «Истинно любомудрые и боголюбивые любят общение с добром ради самого добра, а не ради почестей, уготованных за гробом. Ибо это уже вторая ступень похвальной жизни – делать что-либо из за награды и воздаяния, а третья – избегать зла по страху наказания»⁶⁴. Точно так же учит пустынный философ – христианин Исаак Сирин: «На второй ступени человек побуждением к исполнению заповедей Божьих и к совершению добрых дел имеет с одной стороны собственное спасение, а с другой – эти самые

заповеди; на третьей же ступени любовь к правде снедает его сердце, и единственно потому он творит правду»⁶⁵.

Любовь к правде снедает сердце правдолюбца и он не желает и не требует себе никакой другой награды, кроме созерцания торжества закона правды, который мы призваны исполнять, и общения с тем бесконечным нравственным миром, которого этот закон делает нас членами, то есть созерцания Вечной Истины и Вечного Добра.

Возражение, что добродетель сама по себе служит наградой и что тот, кто ищет иного удовлетворения, тем самым является недостойным награды, – это возражение имело бы силу в таком случае, если бы человек был чисто духовным существом, а не духовно – чувственным. Но природа его двойственная и эта двойственность составляет самое существо его личности и необходимое условие ее существования. Человек не может не любить тот чувственный мир, в котором он живет, потому что он видит в нем поприще для осуществления вверенных ему духовных начал, и эта любовь одна дает ему силу осуществлять в нем эти начала. Иначе следовало бы не действовать, а удаляться от мира: земная жизнь не имела бы смысла. Если же деятельность человека приносит ему только страдания, может ли он удовлетвориться сознанием, что он исполняет высший закон? – Может, если он сознает, что страдание только временное, а удовлетворение будет вечное; – нет, если за пределами страдания он не видит ничего другого. Ибо зачем он в таком случае обречен на страдание? Зачем ему дана личная сторона, которая должна оставаться неудовлетворенною именно вследствие того, что он исполняет высший закон? Где тут справедливость Всемогущего и Премудрого Существа, управляющего вселенною? Противоречие здесь тем более явное, что страдания, которые испытывает человек, не физические только, а и нравственные. Он видит бедствия ближних, страдания и смерть любимых существ; он видит извращение нравственности, торжества порока, презрение ко всему, что свято для человеческого сердца. И чем выше его нравственное сознание, тем глубже его страдания.

Каин убил брата своего Авеля. А за что убил его? За то, что дела его были злы, а дела брата его добры (1Ин. 3:12). И кровь Авеля – и всех Авелей на земле – вопиет на небо об отмщении...

Все лучшие представители рода человеческого шли узким путем креста и страданий; а те, которые создавали им кресты и страдания, *роскошествовали на земле и наслаждались, напивали сердца свои, как бы на день заклания* (Иаков. 5:5)...

Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся седин старца. Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным (Премудр. Солом. 2:10,11)... И вот – слезы, стоны, страдания и ведомые, и неведомые миру....

А вот злодей – дерзкий, чудовищный – совершает такое вопиющее злодеяние, что мы поражены ужасом и в святом негодовании готовы сказать:

*Нет, если этот человек не будет
Наказан страшно, то примусь я смело
Грехи творить...*⁶⁶

В виду таких грустных и безотрадных явлений перед человеком возникает грозный вопрос:

«Зачем окровавленный, несчастный, влачится праведник под крестную ношу, тогда как нечестивый, счастливый и победоносный, едет на гордом коне?

«Или Господь не всемогущ? Или Сам Он – виновник зла?»

«Так не перестаем мы спрашивать, пока нам наконец не заткнут рта горстью земли. Но что же это за ответ?» (Гейне).

И точно – ответа нет, если все ограничивается земным существованием, если мы устраним то, что неверующие называют священными притчами и благочестивыми гипотезами, но что в сущности составляет необходимый вывод философии, так же, как необходимое данное всякой религии. Для отдельного лица противоречие между бесконечным и конечным не разрешается земною жизнью, потому что земная жизнь – не иное что, как преходящее мгновение среди вечности, следовательно никогда не может соответствовать безусловным

требованиям разума. Между тем это противоречие должно быть разрешено именно для отдельного лица, потому что оно является исполнителем безусловного закона. Если все ограничивается для него земною жизнью, то самое сознание исполненного закона не может дать удовлетворения человеку: удовлетворение дается единственно убеждением, что присущий его разуму и сердцу нравственный закон есть безусловный закон Вселенной связывающий его с невидимым и вечным миром, которого он состоит членом. Только уверенность, что мир управляется Всемогущим Разумом и что в нем царствует Правда, способна возвысить человека над всеми превратностями жизни и дать ему несокрушимую силу для исполнения добра. Если же нравственный закон, вместо того, чтобы связывать человека с вечностью и с безусловными началами мироздания, ограничивается для него пределами земного бытия, то закон теряет свое безусловное значение и становится относительным. Тогда человеку остается только взвесить, какого рода удовлетворение он предпочтет в этот кратковременный период, который дан ему для жизни. Выбор зависит от вкуса.

Отсюда ясно, что невозможно видеть искажение нравственности в признании будущих наград и наказаний. Это было бы справедливо, если бы эти награды представлялись в виде земных благ, потому что это значило бы превратить безусловный закон в средство для достижения частных целей. Но когда удовлетворение должно состоять, в созерцании торжества того закона, который мы призваны исполнять и в общении с тем бесконечным нравственным, миром, которого этот закон делает нас членами, то есть в созерцании Вечной Истины и Вечного Добра: то надежда на подобное удовлетворение составляет безусловное право всякого разумно – свободного существа, призванного исполнять безусловный нравственный закон. Без этого самое исполнение закона становится вопиющим противоречием.

С другой стороны тот же нравственный закон, который, предписывая безусловно, обещает исполнителю справедливое воздаяние, раскрывает нам, почему в настоящей жизни

добродетель не только не может, но и не должна получить ожидающей ее награды. Если бы добродетель сама собою вела к полному удовлетворению человека, то не было бы заслуги, не было бы и вины. Для свободного существа награда составляет не естественное, а нравственное последствие его действий: она должна быть заслужена, а для этого требуется испытание. Последнее служит не только пробным камнем добродетели, но и средством возвести ее на высшую ступень. Нравственная сила свободного лица изощряется испытанием, а нравственное его понимание становится глубже. Каково должно быть испытание и когда получится награда, это, разумеется, остается неизвестным человеку, которого знание частных отношений ограничивается мгновением, отведенным ему для земного бытия. Это ведает только Тот, Кому открыта глубина человеческого сердца и Кто окидывает взором всю вечность, для которой предназначен человек.

«Неправедный пусть еще делает неправду, нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще и святой да освящается еще. Се, грядущее скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам Его (Апокал. 22:11, 12).

д) Оптимизм и пессимизм

В своем взгляде на мир и жизнь люди искони проявляли резкую противоположность. Между тем как одни – натуры благодущные находят в мире все прекрасным и наслаждаются всеми благами жизни с восторгом и упоением, прославляя и благодаря Виновника мира, – другие напротив того, постоянно мучатся и страдают, редко чем бывают довольны, находя мир исполненным всяких несовершенств, зол и бедствий, от которых люди никогда не освободятся.

Какой из этих двух взглядов правильнее и разумнее? Пусть сами представители того и другого выступят на сцену и помогут нам разрешить этот вопрос.

Оптимист – представитель светлого взгляда на мир – упрекает пессимиста в том, что он унижает Божественное мироправление, не имеет веры в благого Творца и Промыслителя, не замечает того обилия счастья, которое достается в здешней жизни в удел всем без различия; говорит далее, что в самом несчастий человек никогда не бывает лишен надежды на лучшее, что вообще нормальное и постоянное настроение человека – счастливое и довольное. Несчастья так же редки, как и грозы в природе, представляя собою благодетельный процесс очищения и обновления; притом же они не необходимы и не всеобщы. Сохранение жизни сопряжено с удовольствиями и размножение рода человеческого сопровождается величайшим благом – любовью. Даже в смешанных чувствованиях – сострадании, грусти, печали преобладает элемент удовольствия.

Пессимист – представитель мрачного взгляда на мир, – становясь прямо на моральную точку зрения, относится презрительно к оптимистическому благодущию, которое довольно всем потому, что незнакомо с высшими и истинными обязанностями и благами человеческими. Так называемая добродетель людская – для него ни что иное, как жалкий эгоизм, блестящий порок, обращающийся в ничто при строгом сознании долга, точно так же, как тает снег при появлении

солнца. Сохранение жизни – непрерывное мучение, потому что, гонимые постоянно от одной потребности к другой, люди никогда не находят себе удовлетворения, Любовь – мечта, благородная иллюзия, неизбежно влекущая за собою раскаяние и разочарование; брак – гнетущие нас оковы, дети мучение и тяжелая обуза для нас и мы – виновники зла для них, произведши их на этот несчастный свет. Зло – везде и во всем; нигде мы не находим действительно прекрасного, доброго, истинного. Мировая скорбь – вот истинное ощущение, необходимо сопровождающее нас во всю жизнь и лишь изредка прерываемое краткими иллюзиями счастья, после которых мы делаемся тем более несчастными. «Блаженны те, которые не ждут ничего хорошего от жизни, ибо они не будут обмануты», – вот заповедь блаженства пессимизма!

На чьей же стороне справедливость? Обе стороны правы, каждая с своей точки зрения, но обе и неправы, потому что утверждают противоположное друг другу. Примирение между ними возможно с устранением противоположных точек зрения и привнесением новой точки зрения, разрешающей противоречия.

Если этот мир представляет собою законченное существование, в таком случае право – на стороне пессимиста, потому что наши нравственные понятия и требования простираются гораздо дальше и выше того, что представляет нам наличная действительность и мы делаемся необходимо добычею мировой скорби. Но если человеческое существование здесь на земле есть только переходная, предварительная ступень высшего развития, то нельзя не признать, как много прекрасного и утешительного представляет уже это преддверие храма совершенства, так что с этой точки зрения даже зло становится удобопереносимым с помощью веры и надежды. И тогда уже справедливая жалоба пессимиста на то, что в человечестве не существует истинного прогресса, теряет свою силу, потому что это значило бы все равно, что жаловаться на дрессировщика птиц, который не смотря на многолетние усилия, не может усвоить птицам человеческой речи. Для известной ступени может существовать всегда только известный предел

развития и безрассудное желание срывать плоды высших ступеней с низших.

После этого нам уже не трудно произнести приговор. Пессимист прав по отношению к оптимисту в том, что, возбуждаемый и язвимый жалом идеала, не может найти на земле совершенства; неправ же он в том, что не имеет основания и права искать совершенства на земле. Оптимист неправ по отношению к пессимисту в том, что недостаточно глубоко и серьезно проникнут сознанием возвышенности идеала и удовлетворяется низшими требованиями и низшими благами, весьма далекими от совершенства, но он прав в том, что на подлежащей ступени вообще и невозможно высшее совершенство, и, однако, уже здесь мы видим некоторые проблески будущего света и совершенства.

Таким образом неразрешимый спор этих двух мирозерцаний представляет новое доказательство бессмертия души человеческой и будущего совершенства в другой жизни, потому что в противном случае (то есть, ограничивая развитие человека и человечества пределами земной жизни) мы должны признать неразрешимое противоречие жизни, законодательство мира, идущее в разрез с самим собою. Допуская же *жизнь будущего века* мы легко находим разрешение противоречий и можем примирить спорящие стороны на основании высшего закона. Истина всегда – там, где находится разрешение затруднений и где данные в опыте явления поддаются закономерному, гармоничному и целесообразному пониманию и объяснению.

е) Завершительное доказательство

В истории человечества есть один выдающийся факт, на который можно смотреть как на венец и завершение всех доказательств бессмертия души человеческой, как на наглядное доказательство этого бессмертия и будущей жизни. Этот величайший из всемирно – исторических фактов есть *воскресение из мертвых Спасителя мира Иисуса Христа*. Это чудо из чудес составляет основу всего христианства, стоящего и падающего вместе с ним; на нем же основываются все наши надежды на вечную жизнь после всеобщего воскресения и истребления последнего врага нашего – смерти.

«Если о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают. Ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умерших во Христе погибли. И если мы в сей только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... Как мы носили образ перстного (Адама), так будем носить и образ небесного (Христа)». (1Кор. 15:12 – 22. 49).

Но действительно ли Иисус Христос воскрес из мертвых?

Воскресение Иисуса Христа есть не только предмет нашей живейшей веры: оно есть вместе с тем достовернейшее, удовлетворительнейшим образом засвидетельствованное, историческое событие. Немного существует частных фактов в истории, в пользу которых можно было бы представить столько

многосторонних, жизненно – истинных фактов, как факт воскресения Христова.

Между тем никакой другой факт не встречал более энергического противоречия со стороны неверия, как воскресение Христова: отрицание действительности воскресения Христова со стороны неверующих началось с самого дня этого необычайного события и продолжается до сих пор.

Сказание евангелий о воскресении Господа заключается, в главных чертах, в следующем. Когда, по распятии Господа, прошел день покоя во гробе – суббота, наступило великое утро воскресного дня, в которое Господь Бог положил печать на дело искупления и могущественно явил Иисуса Христа Своим Сыном и Спасителем мира чрез воскресение Его из мертвых. В самое раннее утро воскресного дня, при землетрясении, явился ангел с неба и отвалил камень от двери гроба. Стражи, от страха, побежали в город и об явили о случившемся первосвященникам. Жены первые услышали о воскресении и увидели Воскресшего. Сначала Мария Магдалина пришла ко гробу и увидела камень отваленным. В страхе и тревоге, она поспешила в город к Петру и Иоанну и известила их об этом. Между тем другая Мария; Саломия и Иоанна, при восходе солнца, прибыли ко гробу. Там они увидели ангела, который возвестил им о воскресении Иисуса и повелел им сказать ученикам, что Иисус явится им в Галилее. Жены удалились и не говорили ничего никому, кроме учеников, которые, в унынии своем, приняли эту весть за пустую молву. Впрочем, Петр и Иоанн поспешили ко гробу, а за ними пошла и Мария Магдалина, Изумившись при виде пустоты гроба и не быв в состоянии объяснить себе этого, оба они возвратились назад. Мария же еще оставалась там. Тогда она увидела во гробе двух ангелов, которые дружественно приветствовали ее и когда она со слезами обратилась от них назад, то увидела и Самого Господа, которого сначала приняла за садовника, но скоро признала по звуку Его голоса. Он повелел ей возвестить ученикам о предстоящем вознесении Его на небо и сказать им, чтобы они предварительно ожидали явления Его в Галилее.

Мария исполнила это повеление; но ученики не поверили ей. Поэтому Господь признал за благо явить Себя, как воскресшего, ученикам еще в Иерусалиме, чтобы поднять и оживить упавший дух их. Так в течение того же воскресного дня Он являлся и Симону Петру, и двум ученикам на пути в Еммаус. Исполненные радости, они поспешили возвратиться в город, где нашли десять апостолов и других учеников собравшимися в затворенной горнице. Внезапно явился Господь посреди их, исполненных испуга, и удостоверил их в Своем телесном явлении, вкусив несколько пищи и позволив им прикоснуться к Себе. Затем ученики еще оставались в городе, надеясь, что Господь удостоверит в Своем воскресении и неверного соапостола их Фому, не присутствовавшего при этом явлении. И действительно Господь явился в следующий воскресный день одиннадцати апостолам вместе, и убедившийся Фома признал Его своим Господом и Богом. Теперь, наконец, ученики, утвержденные в своей вере, отправились из Иерусалима в Галилею, где они должны были ожидать Господа. Там Иисус Христос явился, при озере Тивериадском, семерым из Своих учеников, восстановив, при этом случае, Симона Петра, в его апостольское звание и вместе предсказав ему об имеющей быть некогда мученической кончине его. Наконец, Воскресший явился на горе в Галилее одиннадцати апостолам и более, чем 500 ученикам, как основателям и руководителям будущего новозаветного общества. После этого важнейшего явления, апостолы опять возвратились в Иерусалим и согласно повелению Господа, собрались в четверток на горе Елеонской, близ Вифании. Здесь Господь явился им в последний раз. Он обратил взор их от будущего, когда Он имел устроить царство славы, к настоящему, в котором им предстояло еще выполнить великую задачу, – заповедал им оставаться в Иерусалиме и ожидать сошествия Святого Духа, исполнившись которого они должны были быть свидетелями Его до концов земли. Потом, благословляя их, Он вознесся и скрылся в облаке, чтобы возвратиться на престол Божий и воспринять славу Свою. Между тем два явившиеся ангела утешили учеников,

пристально смотревших на небо, обетованием будущего пришествия их Господа и Учителя.

Факт воскресения Христова, посрамивший и униживший неверие и злобу врагов Иисусовых, не мог не вызвать с их стороны отрицания, которое было тем яростнее, чем недобросовестнее.

Враждебные Иисусу Христу первосвященники и старейшины иудейские распустили молву, что Он не воскрес, но что ученики Его, украли мертвое тело Его, воспользовавшись сном стражи, приставленной к Его гробу, и затем пронесли весть о Его, воскресении. – Но молва, пущенная иудеями, есть ни что иное, как клевета по истину воскресения Христова, и притом клевета самая нелепая. Похищение тела Христова учениками во время сна стражей представляется и невозможным, и безрассудным, если вникнуть во все обстоятельства дела. И прежде всего оно представляется совершению невозможным *со стороны апостолов*. Известно, что они были дотоле люди робкие и боязливые: откуда же взялась у них теперь такая необыкновенная спелость? Им ли было похищать мертвого, когда они оставили живого? Они рассеялись в паническом страхе при виде нескольких рабов с дреколиями, пришедших взять Иисуса: как же отважились они теперь напасть на вооруженных воинов? Да и что могло побудить их на такой отчаянный поступок? Зачем им нужно было мертвое тело их Учителя? С другой стороны, возможно ли в самом деле допустить, чтобы апостолы приблизились к пещере гроба, разломали печать и отвалили огромный камень от дверей ее, пробыли в ней немало времени и потом унесли из нее мертвое тело своего Учителя, не разбудивши всем этим ни одного из воинов, как бы глубоко все они не спали? Нельзя при этом забывать и того, что стражи приставлены были ко гробу, с дозволения Пилата, самими иудеями, как сами же они запечатали и гроб. Без сомнения, они выбрали для стражи воинов наиболее преданных им и известных по своей бдительности и благонадежности. Как же могли эти воины допустить такую оплошность? Они говорят: «Ученики Иисуса, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали» (Мф. 28:13). Но

как воину ссылаться на сон во время стражи? Да и откуда узнали они об этом воровстве, когда они спали таким крепким сном, что ничего не видели и не слышали? Что за свидетельство спящих?.. Наконец, похищение тела Иисусова учениками представляется несообразным и невероятным, если рассмотреть обстоятельства, последовавшие за этим мнимым похищением. Воины сознаются, что они спали, когда обязаны были бодрствовать, что они допустили похитить тело Иисусово, когда должны были устеречь его. Следовательно они были виновны в высшей степени, по их собственному сознанию. И что же? – их не только не наказывают, а напротив – еще дают им *довольно денег!* Отчего же им такая милость? Известно, как строго взыскивалось тогда за подобные преступления. Ирод велел казнить воинов, стерегших апостола Петра в темнице, за то, что они не устерегли узника, освободившегося из заключения чудесным образом (Деян.12:19); а воины, не устерегшие тела Христова во гробе, не только оставлены без всякого наказания, а еще и награждены. Не менее виновны были бы и апостолы, если они похитили тело своего Учителя, вопреки всем предосторожностям со стороны начальства; однако, и их оставляют без внимания, не отыскивают, не судят, не наказывают. Почему же первосвященники и старейшины иудейские, имея полную возможность и к тому же величайший для себя интерес расследовать это дело, так сказать, по горячим следам, вовсе и не думают о расследовании его? Почему они открыто, судебным порядком, не обличают обмана, чтобы этим раз навсегда заградить уста апостолов? Далее – чрез несколько недель, когда апостолы своею проповедью о воскресении Христа Спасителя стали обращать к Нему целые тысячи иудеев, синедрион потребовал их к себе на суд; но и здесь, на суде, синедрион не обвиняет и не обличает апостолов в похищении тела Иисусова, а лишь строго запрещает им проповедовать о имени Иисуса (Деян.4:1–21). То же самое повторилось потом и в другой раз, когда синедрион задумал было даже умертвить апостолов за их проповедь о Воскресшем, но, выслушав мнение Гамалиила, ограничился только телесным наказанием их и подтверждением своего прежнего запрещения

– говорить о имени Иисуса (Деян. 5:27–40). Что же опять это значит? Почему синедрион, запрещая апостолам проповедовать воскресшего Христа, не изобличает их в похищении тела Христова и даже вовсе не упоминает об этом похищении? Причина очень понятна: Иудеи сами выдумали сказку о похищении тела из гроба, а потому и знали очень хорошо, что надлежащее расследование этого дела скорее всего могло обличить в обмане их же самих. Таким образом клевета, распространенная иудеями во вред истине воскресения Христова, сама произносит решительный приговор о своей лживости и несостоятельности. Если где, то здесь в особенности, по замечанию Златоуста, *солга неправда себе* (Псал. 26:12).

«Да рекут иудее, како воины погубиша стрегущии Царя? Почто бо камень не сохрани Каменя жизни? Или погребенного да дадят или воскресшему да поклонятся, глаголюще с нами: слава множеству щедрот Твоих, Спасе наш, слава Тебе!»⁶⁷.

Сколько нелепа рассмотренная клевета на истину воскресения Христова, столько же напротив несомненно – достоверно свидетельство апостолов об этой истине. Апостолы, называющие себя преимущественно свидетелями воскресения Христова, не могли в этом случае сделаться жертвами обмана. Они совершенно и безошибочно знали Иисуса Христа, потому что жили с Ним около трех с половиною лет и находились при Нем почти неотлучно. Следовательно они не могли смешать Его с кем либо другим в то время, как Он являлся им по воскресении, и принять вместо Него другого. Далее, если бы они говорили, что только кто-нибудь один из них видел Господа после Его смерти, то еще можно было бы подумать, что этот единственный свидетель видел призрак или принял одно лицо вместо другого. Но апостолы утверждают, что они *все* видели воскресшего Спасителя и что в одно время Он явился даже более, нежели *пяти стам* братьев (1Кор. 15:6), то есть последователей Его. Как же допустить, чтобы такое множество людей, все вместе могли обмануться и притом (что еще страннее) – все одинаковым образом? Еще если бы апостолы говорили, что видели воскресшего Господа только однажды, и

то издали, на короткое время и как бы мельком, – опять позволительно было бы подозревать ошибку. Но Воскресший – свидетельствуют они, являлся им многократно в продолжении сорока дней – то порознь некоторым, то всем вместе, и пред их же глазами вознесся на небо. Наконец, во время Своих явлений Он имел с ними продолжительные беседы, изъяснял им Писания, открывал тайны Своего царства, которые они должны были проповедовать, предсказывал им то, что с ними случится, и начерчивал план их будущих действий? Он даже, собственно для удостоверения учеников, вкушал пред ними пищу и питье, показывал им Свои изъязвленные руки и ноги, Свои ребра, пронзенные копьем, и заставлял их осязать Его. Ужели же и после всего этого апостолы могли не узнать своего Учителя, могли как-нибудь обмануться? Замечательно еще то, что апостолы в настоящем случае показали себя особенно мнительными и недоверчивыми. Они чувствовали всю важность Воскресения Христова и потому всеми мерами старались до очевидности убедиться в нем. Они не увлекаются первою вестью о воскресении Господа, не верят друг другу, не доверяют даже с первого раза собственным глазам. Эта неторопливость в веровании, эта осторожность, с какою апостолы принимают весть о воскресении Христовом, эти доказательства, которых они требуют для собственного убеждения в факте воскресения, со всею непререкаемостью свидетельствуют, что если апостолы, наконец, поверили решительно и окончательно, то значит они разузнали истину самым полным и очевидным образом. С другой стороны нельзя подозревать апостолов в том, чтобы они имели намерение обмануть других, говоря о воскресении своего Учителя. Этому противоречит прежде всего их нравственный характер. Возможно ли предположить умысел обмануть других в людях, которые проповедуя нравственность самую чистую и святую, какую когда-либо слышал мир, сами первые оправдают ее своею жизнью? Этому противоречат далее самые обстоятельства их проповеди. Они проповедуют о воскресении своего Учителя в том городе, где он был распят, вслух всех тех людей, которые видели Его и были даже виновниками Его

крестной смерти, проповедуют спустя не более пятидесяти дней после события, когда у всех еще живы были воспоминания о жизни и смерти Иисуса Христа, и когда поэтому всякому легко было обличить проповедников во лжи. Они начинают свою проповедь во время величайшего праздника, на который стеклось в Иерусалим бесчисленное множество народа из всей Иудеи и даже из чужих стран; они как бы ожидали подобного дня, чтобы вызвать на борьбу с собою целые тысячи врагов. И как же допустить, чтобы в проповеди их скрывался умысел обмануть других? Апостолы не могли иметь никаких ни внутренних, ни внешних побуждений решиться на такой умысел, а напротив даже имели все побуждения и причины отказаться от него. В самом деле, что могло бы заставить их проповедовать о воскресении Иисуса Христа, если бы Он действительно не воскрес? Прежняя любовь к Нему? Но эта любовь в таком случае необходимо должна была охладеть и даже превратиться в ненависть, они видели бы теперь в Нем человека, который обольстив их несбыточной мечтою, заставив их покинуть дома, имущество, мирные занятия вооружив против них весь народ иудейский, наконец оставил их на произвол судьбы. Или надежда благ мира? Но проповедовать Иисуса Христа воскресшего значило об являть иудеям, что они – убийцы истинного Мессии, т. е. открыто обвинять их в величайшем преступлении, какое только можно вообразить, и следовательно подвергать себя всей злобе и ненависти этих людей, которые в мщении за себя были неукротимы, как известно уже было апостолам из опыта над их собственным Учителем. Между тем, если бы они согласились перейти на сторону врагов своего Учителя, если бы объявили, что умерши Он не воскрес, хотя неоднократно предрекал о Своем воскресении и следовательно был обманщик; в таком случае они не только избавились бы от всех угрожавших им опасностей, но без сомнения получили бы и немалые выгоды. Первосвященники и старейшины не жалели же денег для стражей, чтобы только они разгласили нелепую молву о похищении тела Иисусова. И так апостолы были достоверными свидетелями воскресения Иисуса Христа, такими

свидетелями, которые по собственному признанию их, *не могли не говорить того, что видели и слышали* (Деян. 4:20).

Апостольская проповедь о воскресении Иисуса Христа встречена была и со стороны древних язычников сомнением и насмешками (Деян. 17:31, 32). И для новейших язычников основа христианства – воскресение Основателя его, продолжает до сих пор служить предметом глумления и пререкания. Рассмотрим главнейшие возражения новейших противников христианства против действительности воскресения Христа Спасителя.

Мысль, будто ученики, украв мертвое тело своего Учителя, распустили потом молву о Его воскресении, вообще так странна и нелепа, что новейшие последователи противохристианского направления почти не решались уже повторять ее вслед за древними иудеями⁶⁸, а вместо нее стали измышлять новые клеветы на истину воскресения Христова.

Так рационалисты прошлого столетия (и между ними в особенности *Паулюс, Бардт, Шлейермахер*) утверждали, что Иисус Христос не умер на кресте, а только приведен был в состояние летаргии и потом в прохладном каменном гробе снова приведен был в чувство – попечением друзей и сильным запахом ароматов. После этого Он показывался ученикам в разных местах и, наконец, изнемогая в томительных страданиях, умер где – то в неизвестности. Новейшие рационалисты (*Вейсе, Эвальд, Штраус, Баур* и вообще, так называемые, *тюбингенцы*), признавая несостоятельность гипотезы о летаргическом сне Иисуса Христа, прибегли к новой гипотезе – так называемого *визионерства*, или *мечтательности*. Они думают, что Христос, действительно умерши на кресте, не воскресал из мертвых; а те явления Его по воскресении, о которых рассказывается в евангелиях, были *внутренними* явлениями, фактами слишком *возбужденного воображения* Его учеников, словом – субъективными *видениями*, не имевшими в существе своем ничего действительного. Не опровергая подробно этих новых клевет, тем более, что они отчасти опровергаются высказанными уже прежде соображениями о смерти и воскресении Иисуса

Христа⁶⁹, мы заметим здесь только, что действительность необычайного факта воскресения Христова положительно доказывается всею последующею судьбою веры и Церкви Христовой. Внезапная и решительная перемена в характере учеников Христовых, очевидные чудеса в истории их жизни и проповеди, чрезвычайно быстрое распространение христианства, не смотря на все, по-видимому, непреодолимые препятствия к тому, – все эти события не могут быть поняты и объяснены без воскресения Иисуса Христа, и притом воскресения действительного, а не мнимого или только воображаемого. Словом, воскресение Иисуса Христа обосновано так же твердо, как и само христианство: без первого не существовало бы и последнего.

Одним из сильных возражений против действительности воскресения Иисуса Христа служил некогда вопрос: «Если Иисус Христос действительно воскрес, то почему Он, вместо того, чтобы явиться своим ученикам, не явился своим судьям и всему иерусалимскому народу, как воскресший из мертвых, как святой, оправданный Богом и прославленный Своим воскресением? Удивительная мудрость Спасителя и верность взгляда, проявлявшаяся в каждом Его слове, в каждом Его поступке, высказывается и в той тайне, которою Он окружил от неверующего мира Свое величие. Торжественное явление Иисуса Христа по воскресении иерусалимскому народу и судьям Его было бы не согласно ни с смиренным характером Его, всегда чуждавшегося всяких шумных свидетельствований о Себе, ни с желанием Его, чтобы неверующий мир был приведен к Богу только религиозным и нравственным могуществом слова и духа евангельского, ни с свойствами спасительной веры и царствия Божья, которое приходит не с шумом и блеском, но неприметным, внутренним образом (Лук. 17:20, 21). Вынужденная вера не есть вера. Притом же злоба врагов Иисусовых могла бы устоять в своем неверии и при явлении им Воскресшего: могли бы сказать, что явившийся или не умирал или ожил не божественною силою. Кроме того явление Распятого могло бы восстановить народ против духовной власти, могло бы повлечь за собою вмешательство римского

правительства, – и мирное основание христианской Церкви сделалось бы невозможным.

Наконец, действительность воскресения Иисуса Христа заподозривают на основании незначительных разногласий в евангельских сказаниях об этом событии. Но в этих разногласиях евангелистов видно только то, что встречается всегда и везде, если только свидетели передают какое-нибудь важное происшествие, сделавшее глубокое впечатление на умы. В таком случае они обыкновенно не передают фактов, ясно, дипломатически, с объективной точки зрения; но каждый рассказчик примешивает всегда к рассказу свои обыкновенные личные впечатления. А какое впечатление может сравниться по своей силе с тем, которое испытали апостолы, узнавшие о воскресении своего возлюбленного Господа и Учителя? Понятно, что свидетели воскресения Господа, под влиянием объявшего все существо их глубокого чувства радости, были даже не в состоянии усмотреть и запомнить в точности, микроскопически все побочные обстоятельства этого радостного события; а отсюда произошло естественно и то, что и в передаче этих обстоятельств должны были оказаться некоторые разногласия. Частные разногласия евангельских повествований о воскресении Иисуса Христа, при единогласии их в общем и существенном, служит лучшим и яснейшим признаком отсутствия всякого преднамеренного вымысла, нарочитого взаимного соглашения со стороны апостолов относительно воскресения Иисуса Христа. Что сказала бы новейшая критика, если бы в исторических памятниках, которые мы имеем, то есть в четырех наших евангелиях, существовало полнейшее согласие? Какое это было бы для нее торжество! Тогда сказали бы, что наши евангелия не отражают личного характера их писателей, с уверенностью стали бы утверждать, что это согласие – не иное что, как явное выражение мифа, выдуманного первобытною Церковью. «Самое разнообразие и как бы несходство повествований евангельских о воскресении поразительно свидетельствуют о его истине, как нельзя более соответствуя существу столь нового события, столь поразительно и потому приводящего чувства самих учеников в

смущение, в смущение радости, удивления, в святое смущение, которое Духу Божью угодно было сохранить и в Писании – с память и назидание Церкви»⁷⁰.

Чтобы показать слабость и несостоятельность возражений отрицательной критики против мнимых разногласий и противоречий между евангельскими повествованиями о воскресении Христовом, укажем для примера на одно возражение. Оно касается числа ангелов, явившихся мироносицам: по Матфею и Марку им являлся *один* ангел, а по Луке и Иоанну – *два*. Это мнимое противоречие вполне объясняется из хода самого события: хотя евангелисты повествуют и об одном и том же событии, тем не менее изображают не одни и те же части, или моменты его. Против такого объяснения можно, пожалуй, возразить, что в таком случае и ангелы должны быть у евангелистов не одни и те же. Совершенно справедливо. Но не забудем при этом вспомнить слова *Лессинга*, относившегося к толкованию Св. Писания с тою разумною свободой, которая чужда многим критикам новейшего времени. «Холодные отыскиватели противоречий! неужели же вы не видите, что евангелисты не считают ангелов? Весь гроб, все обширное пространство около гроба невидимо было наполнено ангелами. Здесь было не два только ангела, как какие-нибудь два гренадера, которые стоят у дверей квартиры вышедшего генерала: здесь были их миллионы; не всегда являлся один и тот же, не всегда одни и те же два. То являлся один, то другой; то в этом месте, то в другом; то один, то вместе с другими; то они говорили, то – другое». Нельзя не согласиться с этим мнением лучшего немецкого критика. Правда, против него могут сказать, что оно – более поэтический образ, чем ученое рассуждение. Но истина всегда и везде одна и та же – и в ученом трактате, и в поэтическом произведении.

История первенствующей Церкви Христовой представляет нам достовернейшего свидетеля воскресения Христова уже после вознесения Господа на небо.

Общество верующих во Христа, составлявшее в первые дни своего существования *малое стадо*, после сошествия Св. Духа на апостолов в день Пятидесятницы начало быстро

увеличиваться в своем объеме: только двумя проповедями апостола Петра приобретено было Церковью 8,000 членов и затем *Господь ежедневно прилегал спасаемых к Церкви* (Деян. 2:47). Центром новоосновавшейся Церкви был святой город Иерусалим, а главнейшими врагами ее – бывшие враги Основателя ее – первосвященники, старейшины и фарисеи.

Спустя около двух лет после вознесения Господа, один из таких врагов Его, и Его Церкви, ярый фарисей, *неумеренный ревнитель отеческих преданий* (Галат. 1:14), терзавший и отдававший их в темницу, не довольствуясь такою беспощадно – разрушительною деятельностью в Иерусалиме и дыша угрозами и убийствами на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим. Но на пути в Дамаск с ним случилось нечто неожиданное и необычайное. Когда он приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба, он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» Он сказал: Кто Ты, Господи? – Голос же сказал: «Я Иисус, которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9:1–5). Этот то Савл, после бывшего ему чудесного видения, из жестокого гонителя Церкви превратился в ревностнейшего апостола, более всех потрудившегося в деле евангельского благовествования.

Какого рода было это видение Савлу или Павлу? За разрешением этого вопроса обратимся к его собственному свидетельству. Говоря в первом послании своем к Коринфянам⁷¹ о явлениях Воскресшего, апостол Павел заканчивает собою ряд тех лиц, которым Господь явился после Своего воскресения: «*После всех Он явился и мне, как некоему извергу*» (1Кор. 15:8). Это пишет тот, кто, бесспорно, есть один из трезвейших умом и преданейших истине людей, какие существовали когда – либо. Но не могло ли явление на пути в Дамаск быть мечтательным видением, как утверждает Штраус? Мы охотно соглашаемся с Штраусом, что Павел был способен к духовным видениям. Он сам повествует нам (2Кор. 12:1 и дал.) о различных видениях и откровениях, случавшихся в его

апостольской жизни; и в Деяниях Апостольских прямо говорится (Деян. 18:9; 22:17); что между ними были и видения Христа. И так, чем лучше были известны Павлу свойства духовного видения, тем яснее он должен был, в данном случае, сознавать, призрачное ли *видение* было ему или сверх естественно действительное *явление*. Теперь спрашивается: принимал ли сам Павел явление Христа при Дамаске за духовное видение или за истинное событие, за телесную действительность? Этот вопрос может быть разрешен с точностью на основании первого послания к Коринфянам. Здесь Павел указывает на бывшее ему явление Воскресшего на последнее из всех. Если же Павел (как повествуется в Деяниях Апостольских и как принимает Штраус) после явления, за которым последовало его обращение, имел неоднократные видения Христа, то из выражения: «после всех » следует, что это явление при Дамаске не могло быть только духовным видением следует напротив того, что явление заключило собою ряд тех событий, которые должны были окончиться вскоре после воскресения Иисуса Христа, составляя переход от видимо – земного к дальнейшему, чистодуховному общению Господа с Его учениками, так как они принадлежали единственно к истории основания Церкви; призвание же апостола язычников было в этой истории необходимым эпизодом, осуществимым только посредством личного явления Христа. Тоже заключение вытекает и из 9-й главы первого послания к Коринфянам. Здесь апостол говорит: «Не апостол ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?» (ст. 1). Напоминанием о своем лицезрении Господа, Павел хочет доказать свое апостольское достоинство, свою равноправность с Петром и другими апостолами. Но все это доказательство могло иметь силу только в таком случае, если событие при Дамаске было принимаемо среди верующих за действительное событие, которое было удостоверено и другими свидетелями и о котором Павлу достаточно было только напомнить. И так мы спрашиваем: по воззрению Павла, могло ли одно духовное видение Христа служить доказательством апостольского звания в Церкви? Получать духовные видения было, бесспорно,

признаком пророка, а не апостола; апостольское же звание, по воззрению Павла, есть иное и высшее, чем пророческое. Следовательно и это явление Господа, которым Павел доказывает свое апостольское звание, должно быть не таким видение, какое доступно одинаково каждому пророку и другим христианам, а иным. Так как лицезрение исторической жизни Иисуса и в особенности Его воскресения, и личное призвание воскресшим Господом было исключительным преимуществом апостола пред пророком, то оно (лицезрение) могло быть ему только в телесном виде, как было столь часто Петру и другим апостолам, прежде и после смерти Христовой. К этому надобно присовокупить, что Павел в 15-й главе первого послания к Коринфянам, именно с целью уничтожить возникшее в коринфской церковной общине сомнение касательно воскресения тела и доказать будущее телесное воскресение всех, обращается к воскресению Христа, первенца из умерших. Возможно ли же, чтобы Павел, для доказательства воскресения тела, ссылаясь на такое событие, которого нетелесность, как духовного видения, была известна ему? Возможно ли, чтобы на телесности этого явления он основывал не только действительность своего апостольства, но и собственное свое спасение при жизни и по смерти, если событие это было такого рода; что он не знал, был – ли он при этом в теле или вне тела? И так мы видим, что Павел, по собственному опыту знавший духовные видения, с ясным сознанием, и полною уверенностью принимал явление Христа при Дамаске не за духовное видение, а за действительное явление. После этого по какому же праву можно было бы извращать свидетельство этого мужа, высказываемое им с такою выразительностью о самом важном для него и священнейшем событии всей его жизни!

Для кого эти доказательства будут еще недостаточны, чтобы несомненно убедиться в немечтательном событии явления Иисуса Христа при Дамаске, тому можно предложить вопрос: мечтательное созерцание Христа в небесной славе вообще мыслимо ли возможно ли психологически в Павле, еще не обратившемся, еще неверующем и гонителе? Возможно ли, чтобы образ прославленного Христа, торжествующего в величии

воскресения, наполнял так душу Павла одновременно с неукротимым стремлением, с пламенным желанием – истребить с земли имя распятого Назарея? Чтобы представить его возможным, Штраус выдумывает, будто Павел на пути в Дамаск был уже в сильнейшем колебании, был уже на половину верующим, будто он, пораженный мученической кончиною Стефана и не удовлетворяемый своею фарисейскою ревностью о законе, был уже в глубине души занят вопросом: не прав ли, в самом деле, гонимый им Иисус? – Но в Деяниях Апостольских и в собственных посланиях Павловых видны следы совсем противного. Смерть Стефана не могла поразить зилота Савла, потому что именно по поводу ее в нем и воспламенилась ревность к гонению. Если же она не поразила его, а скорее воспламенила, то можно спросить: какая же мученическая смерть могла произвести на него впечатление? И если бы действительно он, вследствие какого-нибудь запавшего в его душу впечатления, был недоволен самим собою и чувствовал смущение, то, как человек прямодушный и богобоязненный, он, из опасения восстать против Бога, Прежде всего удержался бы от гонения; на самом же деле, судя по всему, что мы знаем, он дышал угрозами и убийством, дышал ими на самом пути в Дамаск, пока Христос не воззвал к нему: «Савл! что ты Меня гонишь?» Таким образом, по всем известным нам данным, внутреннее расположение Павла было таково, что только очевиднейшее доказательство того, что гонимый им Иисус есть истинный, царствующий в величии Мессия, могло исцелить его от фарисейского образа мыслей, – что только Сам Христос, Своим телесным явлением в небесной славе, мог превратить этого крепкого мужа, сердце которого было закрыто такою твердою броней, из яростнейшего гонителя в предданнейшего служителя. Надобно еще заметить при этом, что, со дня события при Дамаске, Павел сознавал себя в действительном жизненном общении с прославленным Христом, когда говорил: «Уже не я живу, но живет во мне Христос » (Гал. 2:20). Если же бы это явление было просто духовным видением, произведением его раздражительных нервов, если бы ему вовсе не являлся живой Христос во плоти, который мог

сообщить ему Свою действительную божественную жизнь: то вся вера, все возрождение, вся спасительная борьба и победа великого апостола основывалась бы на иллюзии, на одних субъективных естественных силах, а не на «силе Божьей во Христе ко спасению всякому верующему». Но возможно ли, чтобы все это было иллюзией, чтобы иллюзия произвела такое нравственное чудо, какого не могли произвести ни мудрость греков, ни закон Ветхого Завета? Если мы решимся уличать во лжи глубочайшее нравственное убеждение святейшего мужа, ничем не удовлетворявшуюся, но во Христе успокоившуюся совесть его, – то кому же после этого будем верить?

И так воскресение Иисуса Христа засвидетельствовано достоверными свидетелями и свидетельствами; оно свидетельствуется непрерывно всею историею христианства. Как Христос *воистину воскресе*, так воистину воскреснем и мы. Как же неверующие говорят, что не будет воскресения мертвых? Христианство есть религия Воскресшего, умертвившего смерть. Настоящая смерть есть только неизбежный переход к бессмертию: *то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет (1Кор. 15:36)*. В этих словах великого апостола заключается прекрасная, полная глубокого смысла аналогия бессмертия человека, взятая из естественной жизни. Посеянные зерна, сгнивая в земле, сохраняют нетленным свой росток – зародыш будущего растения, совершенно сходного с тем, которое произвело его. Здесь не простая передача жизни от одного растения другому, но полное сохранение зародышем своей жизни и проявление ее в новой форме. Зерно – это человек в нынешнем его состоянии, существо единичное, особое, отличающееся известными качествами, имеющее свою личную жизнь. Но вот это существо умирает, идет в землю, сеется, как зерно. Погибает ли оно бесследно, сгнивши, разложившись на составные части? Нет! Как зерно явится прекрасным растением, которое не отлично от брошенного в землю зерна, но есть то самое зерно, которое сгнило в земле: так и человек, истлевший в земле, превратится в прекрасное существо, с новым духовным телом, но не отличное от того человека, который

умер, – оно будет тот же самый человек, только ставший нетленным.

Знаешь, что когда земной наш дом, сия хижина (т. е. тело); разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный (2Кор. 5:1).

Д) Заключение

Солнце скрылось за горизонт; погасла вечерняя заря. Но вот рассеялся исчез мрак ночи и уже занимается утренняя заря...

Человек угас и сошел во мрак могилы. Но только холодное и мрачное неверие видит один разлагающийся труп и землю, тяжело падающую на гробовую крышку, под которою сокрыта добыча смерти: вера и надежда прозревают светлую зарю новой славной жизни после мрака смерти... «Умиравший человек – заходящее светило, заря которого уже блещет над другим миром » (Гете).

Неверие, верящее только тому, что видит, издевается над нашею святою верою и светлою надеждою, как над *мечтами* и *призраками*. Так некогда современники Колумба издевались над ним, как над пустым и сумасбродным мечтателем, забравшим себе в голову какую то неоткрытую, еще неведомую страну. И что же? – несбыточные, как казалось, мечты мечтателя, против ожидания осуществились, и мнимо здравомыслящие были посрамлены...

Да, мысли о бессмертии, о будущей жизни действительно представляются как бы призраками и грезами сонного для людей, все помышления и стремления которых всецело поглощены будничною жизнью с ее опьяняющими впечатлениями, не дающими одуматься и образумиться. Под влиянием этого неумолкающего, развлекающего, шума жизни людей бродят точно во сне или в чаду, принимая призраки за действительность и мечты за истину. Пробуждающий отрезвляющий голос веры обращается к ним с кротким увещанием: «любите настоящее, но ищите лучшего!»

«О человек, непременно о бессмертный, хотя бы ты о том не думал, хотя бы и не хотел того! Берегись забывать твое бессмертие, чтобы забвение бессмертия не сделалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей и чтобы забываемое тобою бессмертие не убило тебя на веки, если оно тебе, не ожидающему его и неготовому, внезапно явится. Не

говори отчаянно: *утре умрем*, чтобы тем необузданнее устремляться за наслаждениями смертной жизни. Говори с надеждою и страхом: «утре умрем на земли и родимся или на небесах или в аде». И так надобно поспешать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укреплять в себе начало к небесному, а не к адскому рождению»⁷².

Вопрос о конечной цели нашей жизни – это первый и главный вопрос всей нашей жизни. Если мы не в состоянии отыскать для себя верховную цель нашего существования, которая всегда и повсюду светила бы нам путеводною звездою и двигала бы нас попутным ветром к пристани, в таком случае нам остается одна участь – носиться на разбитом судне, без руля и без паруса по бурному и безбрежному морю до тех пор, пока все мы один за другим, погибнем в волнах его.

Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?

Ужели наша жизнь есть только приведенье,

И трудная стезя к ничтожеству ведет?

Ах, нет, мой милый друг, не будем безнадежны:

Есть пристань верная, есть берег безмятежный...

Блаженство – наша цель.

В. А. Жуковский.

13. Спиритизм

Выше мы говорили, что спиритизм, получивший в наши дни такое сильное распространение, вызывается быть защитником и поборником веры в бессмертие души. Но этот самозванный защитник одного из существеннейших пунктов христианского учения отзывается сам весьма сильно материализмом: он основывает свою защиту бессмертия души и будущей жизни не на каких-либо нравственно – разумных, удобоприемлемых, убедительных доводах, не на духе и силе, но на внешних явлениях фантастически – загадочного, весьма странного и подозрительного свойства, лишенных всякой разумности. Спиритизм невольно разоблачает свой скрытый корень, изобличает свою родственную связь с господствующим направлением нашего века. Вот почему он, представляя собою, по-видимому, влечение к таинственному, мистическому, мирится и уживается в то же время с противоположным стремлением к грубо – реальному, эмпирическому. Он есть чадо грубого материализма, есть «материализм, лишенный логики», и отнюдь не может быть союзником христианства. *Рожденное от плоти есть плоть (Ин. 3:6)* и не мирится с духом и рожденным от духа.

Мы не имеем намерения разбирать учение спиритов или вступить с ними в полемику, а имеем только в виду высказать несколько общих взглядов и соображений в отпор спиритизму, руководствуясь главным образом притчею Христа Спасителя о богатом и Лазаре.

Вот эта притча:

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его, и возопив сказал:

отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой; ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо, вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. И сверх всего того между вами и нами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят. Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, – пошли его в дом отца моего; ибо у меня пять братьев: пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме! но если кто из мертвых прейдет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят». (Еванг. Луки 16:19–31).

Жил один безжалостный, бессердечный богач, жил в полное свое удовольствие, нисколько не заботясь о других ел, пил и веселился, полагая в этом весь смысл, всю суть жизни. Тут же на глазах его жил жалкий нищий, разделявший и пристанище, и пищу с его собаками, которые оказывались сострадательнее своего хозяина к несчастному. Наконец, благодетельница – смерть прекратила страдания бедняка. Но и беспечно – веселого богача богатство его не спасло от смерти: он умер, и его похоронили, конечно, так же пышно, как он и жил. За гробом участь богача и нищего меняется: нищий утешается, блаженствует на лоне Авраамовом, а богач попадает в место мучения⁷³. Богач, теперь тысячекратно более несчастный, нежели сколько был счастлив в земной жизни, видит вдали Лазаря, которого когда – то не удостаивал и взглядом, и просит Авраама облегчить его (богача) страдания чрез посредство этого бывшего нищего, в свое время безропотно переносившего свои страдания. Но просьба несчастного богача оказывается неудобоисполнимою: он уже получил в земной жизни доброе свое в полной мере и воспользовался этим добрым до сытости, до пресыщения. Он алкал и жаждал на земле *только* земного – и теперь ему нечем насытить своей бедной бессмертной души, алчущей пищи духовной, не гибнущей. Да и никто уже, если бы

даже и захотел, не может переменить его участи, которую он сам себе приготовил: между Лазарем и им утверждена *великая пропасть*, не переходимая ни с той, ни с другой стороны. Это – пропасть между добром и злом, между светом и тьмою, между которыми не может быть общения.

Потерпев неудачу в своей просьбе относительно себя самого, бывший богач обращается к Аврааму с просьбою относительно оставшихся у него на земле братьев, причем в этой новой просьбе его слышится, хотя и невысказываемое прямо, сетование на то, что он, может быть, не совсем справедливо подвергся своей жестокой участи, потому что не был в свое время как должно предварен и достаточно предостережен, чтобы иметь возможность избежать того, что его постигло теперь так неожиданно для него⁷⁴. Он хочет предупредить и исправить эту несправедливость, по крайней мере, по отношению к живущим еще на земле, если его собственная участь уже непоправима. «У меня», говорит он Аврааму, «пять братьев; пошли к ним Лазаря, чтобы он засвидетельствовал им, каким мукам подвергает человека такая жизнь, какую вел на земле я и какую ведут и они. Вняв свидетельству явившегося с того света они переменят жизнь свою и не придут по смерти в это место мучения».

Но Авраам отвергает и эту просьбу богача, просьбу, по-видимому, совершенно основательную, дышащую притом похвальным состраданием к погибающим по темному неведению. Он отвечает: «У них есть верные, надежные руководители в жизни и указатели пути на небо – Моисей и пророки; пусть слушают их, и они наверное не прейдут в это место мучения». Но богач находит недостаточным для своих братьев этого руководства в жизни, вполне достаточного для всех других. Он лучше знает своих братьев, чем Авраам, и уверен, что они не слушают ни Моисея, ни пророков, что они глухи к Божественному откровению и руководству, как глух был и он сам при жизни. Вот если бы случилось такое необыкновенное событие, что к ним явился бы житель другого мира и рассказал бы им, что там делается, – тогда они поверили бы ему, покаяться бы, переменили бы свою жизнь и

уже наверное не пришли бы в это место мучения, как пришел он, не имевший, к несчастью, такого чрезвычайного, спасительного откровения. «Нет, – убеждает он Авраама, – Моисей и пророки не помогут им, не спасут их; но если кто из мертвых прейдет к ним, покаются».

Однако, отец веры не убеждается доводами сына неверия и в своем новом и последнем ответе ему подтверждает и усиливает свою прежнюю мысль. «Ты утверждаешь, – говорит он ревностному не по разуму ходатаю за своих братьев, – ты утверждаешь, что они покаются, если к ним прейдет кто-нибудь из умерших; а я говорю тебе, что если они не слушают Моисея и пророков, возвещающих им пути жизни, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят *не захотят* поверить».

Богач, вероятно, сознал справедливость и основательность слов Авраама и принужден был замолчать.

Такова глубоко – знаменательная притча о богатом и Лазаре, приподнимающая пред нами таинственную завесу загробной жизни и дающая нам ключ, руководительную нить для должной оценки учения спиритизма.

Попытаемся стать на точку зрения приточного богача и наших неприточных спиритов. Справедливо ли в самом деле, что явление с того света наших умерших братьев нам, живущим еще на земле, могло бы оставаться совершенно бесследным для нас, не заставило бы нас очнуться от наших суетных дел и помышлений, не произвело бы решительного и притом весьма благотворного влияния на всю нашу жизнь? А что сказать о *неверующих* в загробную жизнь? Если вера в существование будущей жизни имеет действительную и существенную важность для человека (а в этом не может быть никакого сомнения), то не должен ли Бог, в отечески – промыслительной заботливости о спасении людей, устроить именно так, чтобы умершие возвращались иногда (и чем чаще, тем лучше) на землю для положительного и, так сказать, безропотного удостоверения людей в существовании жизни за гробом? Тогда уже никто не имел бы основания и права сомневаться в действительности будущей жизни; а если бы кто дерзнул усомниться и после этого, то был бы уже совершенно безответен. А такое наглядное

и осязательное удостоверение этой важной истины необходимо особенно в наше время – время ослабления и упадка веры. Для убеждения нашего недостаточно уже Моисея и пророков, мало Евангелия и апостолов, мало даже обычных и доступных нам средств познания; нам нужны чрезвычайные знамения и откровения. Если к нам придет кто-нибудь из умерших с того света, то мы поверим, потому что *увидим, осязаем*.

Так думал евангельский богач; то же самое проповедуют и современные спириты. Но то, чего так добивался, хотя и напрасно и безуспешно, первый, благополучно и беспрепятственно достигнуто последними, к ним, по их желанию и даже вызову, являются обитатели загробного мира со своими свидетельствами и откровениями.

Вот что говорит один из наших отечественных поборников спиритизма: «Существует или нет другой мир или все ограничивается миром чувств; бессмертна ли душа или она только продукт материи и разрушается вместе с телом после смерти? Медиумические явления⁷⁵ заключают в себе разрешение этого вопроса. Они дают категорический ответ на него».⁷⁶

Немецкий профессор Фихте младший, глубже раскрывая и обосновывая эту же самую мысль, говорит следующее: «Нынешний спиритуализм утверждает главным образом возможность того, что в просторечии весьма неопределенно и неудачно называется *явлением духов*. Если допустить реальность этих явлений, то они будут неотразимым фактическим доказательством продолжения нашего личного существования после смерти. А такое фактическое вполне осязательное доказательство не может, конечно, не иметь большой цены для того времени, которое именно впало в отрицание бессмертия и в гордой самоуверенности сильного ума думает, что уже счастливо оставило позади себя подобные суеверия. С этой точки зрения вопрос получает решительный интерес и даже культурно – историческое значение... Все априорные (теоретические) доводы в пользу продолжения существования нашей личности по смерти не могут идти в сущности далее того, что показывают мыслимость, даже

вероятность этого существования и ослабляют сомнения, противопологаемые этим доводам. Само по себе это важно и имеет значение, но недостаточно. Здесь, как и вообще во всяком фактическом вопросе, нужны доказательства, основанные на фактах, на твердо установленной, неоспоримой реальности. Только таким образом упомянутая возможность восходит на степень несомненной действительности. Если бы такие фактические доказательства были найдены и упомянутая действительность вполне доказана сообразно с логическими началами опытного естествознания, то это было бы – утверждаю я – таким результатом, с которым по внутренней силе и значению не сравнился бы ни один из результатов встречающихся во всей истории цивилизации. Старинный вопрос о значении человека был бы таким образом положительно решен, и все сознание человечества стало бы ступенью выше. Человек *знал бы*, то, что открывалось ему до сих пор лишь в области верования, предчувствий и теплых надежд; он *знал бы*, что он – член вечного духовного мира, в котором будет продолжаться его жизнь, что временное существование его на земле составляет лишь дробную часть, отрывок будущей вечной жизни, что ему только там сделается доступно понимание его назначения. Приобретая такое глубокое убеждение человечество прониклось бы совершенно новым воодушевляющим пониманием своей жизни, идеализмом сильным фактами. Это равнялось бы полной переработке человека по отношению к его сущности и деятельности, было бы, так сказать, *воздержанием*⁷⁷".

Итак спириты, не довольствуясь *верою* в бессмертие души и будущую жизнь, хотят добиться положительного *знания* об этом предмете, основанного на *видении*, и обещают от этого знания самый благодетельный переворот в человечестве. Допустим на минуту возможность непосредственного телесного общения умерших с нами, то есть возможность приобретения нами таким путем знания о бессмертии и будущей жизни. Но не обольщают ли себя спириты относительно плодов этого знания? не преувеличивают ли чересчур значения и важности его? Вопрос: будет ли служить для нас это знание лучшим,

надежнейшим руководством в нашей нравственной жизни, нежели вера? Сомнительно. Знание само по себе не спасет нас, не даст нам ни силы, ни внутреннего расположения к усовершенствованию себя в добре. Чтобы верно и успешно достигать нашего человеческого назначения, для этого мы отнюдь не нуждаемся в *знании* того, во что теперь *веруем* и что открыто нашей вере настолько, сколько это необходимо для нас в виду достижения нами главной цели нашей жизни. У нас есть уже светильник для нашей жизни, достаточно освещающий наш жизненный путь, – Божественное Откровение, заключающееся в слове Божьем. Это – высшее и самое лучшее руководство для человека в деле его спасения. Если же человек дошел до такой степени нравственного отупения и падения, что не верит и не слушается этого голоса Божья; если он утратил восприимлемость к божественной истине, содержащейся в слове Божьем; если наконец, он не внимлет голосу своей совести: то для него всякие другие уверения в истине будут напрасны: он не поверит и самым очевидным доказательствам. Самый глухой в мире человек – тот, который *не хочет* слушать. Если мы *не хотим* верить, *не хотим* обратиться, то нам не помогут и самые очевидные чудеса, самые ясные свидетельства – хотя бы и загробных жителей. Это очевидно из примера иудеев, которые, не уверовав в Иисуса Христа в силу Его возвышенного учения, продолжали коснеть в неверии и ожесточении даже и тогда, когда видели воскресшими мертвых (Мф. 27:52), и даже помышляли убить воскресшего Лазаря (Ин. 12:10), вместо того, чтобы изменить свое внутреннее расположение, оставить свою злобу и нераскаянность в виду очевидного свидетельства в лице его о том, что их ждет впереди вечность, ужасная для злых и нераскаянных. Вот почему и Сам Иисус Христос после воскресения Своего явился только ученикам Своим и веровавшим в Него братьям, но не счел нужным явиться Своим неверующим врагам, находя это совершенно бесполезным для них, потому что и это отнюдь не способствовало бы обращению их. В деле спасения, в деле обращения главную роль играет сердечное желание, внутреннее *расположение* жить по заповедям Божиим, исполнять волю

Божью, но отнюдь не теоретическое *знание* или головное *убеждение* в том, что хорошо и что дурно. Красноречивым и убедительным подтверждением этого служит ежедневный опыт. Сердце представляет более глубокий источник сомнений и предубеждений, нежели ум; и убедить или переубедить сердце гораздо труднее, нежели ум.

В настоящей жизни мы ходим *верою, а не видением* (2Кор. 5:7); и возрождение человека и человечества зависит не от незнания, но от веры, с которою и в которой дается сила Божья в возрождение и спасение.

Род лукавый и неверующий *ищет знамений* уже не с видимого неба, но из невидимого, таинственного мира, совершенно сокрытого от чувственного глаза, но отчасти открытого оку веры – не для любопытства, а для назидания. Что же? думаете ли, что если бы этому слишком любопытательному роду даны были действительно знамения из этой таинственной области, то это послужило бы ему во благо? Нет! он не перестал бы, в дерзости и ненасытности неверия, требовать все новых и новых знамений, будто бы для убеждения в истине и излечения своего неверия. На самом же деле эти знамения, не столько удовлетворяя, сколько раздражая и разжигая его всепожирающее любопытство (или, если хотите, научную любознательность), не приносили бы никаких благотворных нравственных плодов. И не повторилось ли бы с этим нашим чудолюбивым родом то же самое, что было некогда с иудейским лукавым и развращенным родом: «столько чудес (знамений) сотворил Он (Христос Спаситель) пред ними, и они не веровали в Него» (Ин. 12:37).

"Если бы кто из мертвых воскрес», говорит Авраам богачу. Следовательно мертвые не воскресают и не являются с того света живущим на земле? Допустим, что Бог удовлетворил бы неразумному и противоестественному желанию некоторых людей (в роде приточного богача) – сделал бы возможным явление умерших на земле. К чему – бы это повело? что достигаюсь бы этим? Посмотрим. Если бы такие явления умерших бывали только некоторым, так сказать, привелегированным людям, избранным натурам, то другие

могли бы не доверять их свидетельству, могли бы считать эти чрезвычайные события плодом их фантазии и подвергать таким образом сомнению действительность их . Значит , эти явления требовали бы еще критической проверки и санкции, вместо того, чтобы служить окончательным, непрекесаемым доказательством требуемой истины. Затем, если бы явление умершего нам пришлось увидеть только однажды во всю нашу жизнь, то впечатление от него мало – по – малу изгладилось бы и мы пришли бы пожалуй под конец, к убеждению, что это явление было не более, как обманом чувств . Если бы даже и не так, во всяком случае мы не могли бы нашего *личного* убеждения в существовании загробной жизни, добытого путем явления нам умершего, сделать *общим* убеждением, таким же твердым и несомненным, как наше собственное: наше свидетельство, естественно, могло бы быть встречено сомнением и недоверием. Наконец, если бы явления умерших повторялись часто и всем, то они перестали бы быть явлениями сверхестественными, и живущие, вследствие привычки, стали бы к ним совершенно равнодушны: как явления обыденные, они перестали бы производить на нас особенное впечатление. *И сбылось бы пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышайте – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите (Мф. 13:14).*

Необходимо еще заметить и то, что умершие, отрешившиеся совершенно от условий здешней жизни, перешли в новую область бытия и узнали в загробной жизни такие тайны, *которых нельзя пересказать человеку (2Кор. 12:4):* узнавший эти тайны не может пересказать их бы людям, продолжающим еще жить в условиях земной жизни. Между умершими и живыми образовалась в этом отношении *великая пропасть*, перешагнуть чрез которую не дано никому⁷⁸.

Таким, образом желание, чтобы умершие являлись на землю для сообщения нам каких либо откровений относительно загробной жизни, есть детски – неразумное и даже преступное желание, равняющееся покушению на ниспровержение естественно – необходимого, неизменного, богоустановленного порядка природы и жизни человеческой, есть насильственное,

неразумно – дерзкое вторжение в ту таинственно – недоступную для нас область бытия, из которой нет уже возврата.

В доказательство того, что явления умерших живым могут быть не только *чудесные* – по соизволению и силе Божьей, но и *естественные* – по желанию и вызову людей, спириты ссылаются на библейское повествование об Аэндорской волшебнице, вызвавшей Самуила по просьбе Саула (1 Царств 28:7 – 25). Однако, и в этом явлении пророка Самуила мы не можем видеть естественного явления, вызванного волшебницей, а должны видеть в нем явление чудесное – дело Божье. Постараемся доказать это.

Если бы вызывание умерших Аэндорскою волшебницею и в особенности вызов умершего пророка Самуила, равно как и другие волшебные вызывания умерших были делом естественным, то Господь, Творец, естества, не мог бы безусловно осудить все волшебные вызывания умерших вообще, а запретил бы и осудил только те волшебные вызывания умерших, которые совершаются для предосудительных и неодобрительных целей, подобно тому, как Он осуждает не всякую естественную жатву и не всякое естественное собрание в житницу, а лишь греховное собрание сокровищ для себя, для своих греховных целей, с забвением Бога (Лук. 12:21). Между тем слово Божье безусловно запрещает вызывание умерших и всякого рода гадание и волшебство. Законодатель еврейский Моисей говорит народу своему от лица Божья: *Не должен находиться у тебя обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это.* (Второз. 18:11, 12). *Когда скажут вам, говорит Господь Бог устами Своего пророка, обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чрево вещателям, тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых? Обращайтесь к закону и откровению* (Исаии 8:19, 20). И так явление Самуила по вызову Аэндорской волшебницы не могло быть делом естественным. Как же в таком случае понимать его? Не было ли оно обманом или же следствием

болезненного душевного состояния, расстроенного воображения, болезненного состояния нервов, как объясняют некоторые? По этому противоречит весь ход и характер библейского повествования о вызове пророка Самуила. Библия повествует: 1) что Саул явился к волшебнице переодетым, и она не знала, кто пришел к ней, а узнала в пришедшем царя только уже после явления Самуила. Следовательно нельзя предположить одинаковости душевного настроения у волшебницы и у Саула и приспособления первой к последнему; 2) Самуила увидели как волшебница, которая испугалась громко вскрикнула и, успокоенная Саулом, сказала: *вижу как бы Бога, выходящего из земли*, – так и Саул, который узнал Самуила и имел с ним разговор; 3) Явившийся Самуил прежде всего грозно обличил Саула за то, что последний прибег к вызову и вопрошанию его, когда Господь отступил от него, затем предсказал, что Господь исполнит то, что говорил чрез него Саулу – отнимет у Саула царство и отдаст Давиду и что Саул и его сыновья падут в предстоящем сражении с филистимлянами; 4) Наконец, Саул пал на землю от сильного испуга после предсказания Самуила. Следовательно все явление совершалось при полном сознательном состоянии Саула.

Если таким образом явление Самуила не было с одной стороны делом естественного человеческого вызова, а с другой не было и обманом или следствием болезненного душевного состояния самого Саула, а между тем имело место действительное явление Самуила: то кто же произвел это явление? Дьявол? Так действительно и объясняют явление Самуила многие толковники: говорил и порицал чрез волшебницу вовсе не Самуил, а тот же дух тьмы и лжи, который может преобразиться и в ангела света и который на сей раз принял облик Самуила. Но против такого объяснения говорит вся речь явившегося Самуила: его *грозное обличение* Саула за нечестивый вызов и вопрошение, когда Господь отступил от него, его *точное предсказание* исполнение грозного суда Божья над Саулом и гибели последнего с своими сыновьями за неисполнение воли Божьей . Такая речь могла послужить к

вразумлению и спасению Саула и, очевидно не свойственна злему духу, ищущему только погибели человека.

Остается признать явление Самуила сверх естественным, чудесным делом Божиим. Против такого объяснения говорят; невероятно, чтобы Бог стал открывать свою волю чрез посредство языческой волшебницы, и таким образом утверждал суеверное заблуждение Саула, верившего в силу волшебства: 1) Явившийся Самуил и изрек прежде всего, как мы видели, грозное обличение Саулу за нечестивый вызов и предсказал гибель нечестивому вопрошателю; и 2) Господь мог обратить суеверное ремесло волшебницы, в средство для Своего грозного пророчества, точно так же, как Он обратил в пророчество коварное мнение, данное архиереем Каиафою относительно Господа нашего: *Лучше, что бы один человек умер за людей* (Ин. 11:50, 51). Промысел Божий, управляющий всеми творениями, самые злые действия людей обращает к спасению людей и к славе Своего имени. Поэтому нет ничего несообразного с Божественным мироправлением признать явление Самуила Саулу у Аэндорской волшебницы сверх естественным, чудесным делом Божиим. Аналогический случай с вызовом Самуила из другого мира, представляет пророчество Валаама. «Сам Бог чрез Валаама – говорит блаженный Феодорит благословил народ, чрез нечестивого прорицателя предрек будущее и провозвестил спасение вселенной; и при сем и дух нечестивый говорил, но действовал Божий и всесвятый Дух»⁷⁹.

Таким образом ссылка спиритов на авторитет Библии служит не в пользу, а скорее во вред им. Является еще вопрос (и вопрос существенной важности): сношения наши с умершими (если бы были возможны) сопровождались ли бы такими благодетельными и вожделенными результатами, каких ожидают и какие обещают нам от них наши спириты? Не открылось ли бы напротив того с первого раза, что нам гораздо лучше отказаться от сношений с загробными жителями, что мы должны благодарить всеблагого Бога за то, что Он связал уста мертвых непрерывным молчанием и закрыл от нас непроницаемою завесою врата вечности?

Дадим здесь место слову одного из наших известнейших архипастырей, коснувшегося занимающего нас вопроса еще в то время, когда о спиритизме у нас не было еще больших толков:

Что мешает усопшим братьям нашим явиться к нам и провести среди нас их и наш праздник? Из нас, вероятно, многие желали бы сего, особенно те, кои еще не осушили слез после потери присных и любезных сердцу своему; думаю, что и из усопших немалое число таких, кои, чтобы доставить утешение оставшимся, весьма бы захотели опять придти в наш мир. И, однако же, никто, никто не приходит! Мы не ходим к ним потому, что не можем; без сомнения, и они не приходят потому же, что не могут...

Но если бы угодно было Господу, – скажете вы, то премудрость Его нашла бы и дала бы умершим средства и способ делаться для нас видимыми и приходить в общение с нами. – Без сомнения, так; но потому самому, что сего способа не дано, явно, что это не угодно Богу; а поскольку не угодно Богу то должно полагать, что это было бы вредно для нас. В самом деле, и не много думая видишь, что пользы из общения живых с умершими было бы мало, а вред мог бы выходить великий! Какая польза? Утешение в разлуке, успокоение сетующих, несколько менее слез на могилу, несколько тише вздохов? Скажите сами, стоит ли из сего поднимать завесу вечности и нарушать безмолвие гробов? И кто еще знает – утешило ли бы нас это свидание с умершим? Не облились ли бы мы еще горчайшими слезами, узнав о его состоянии? Не отравило ли бы это всей жизни нашей? Но положим, что свидания с умершими всегда доставляли бы некоторое утешение; думаете ли, однако же, чтобы они были безвредны? Я опасюсь в сем случае за многое, – опасюсь за живых – и умерших. Всего вероятнее во – первых, что сообщение наше с миром духов не остановилось бы на должных пределах: многие простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь гаданиям, суеверию, волшебством, а потом и самым ужасным порокам нравственным. Такому злу именно подверглись некоторые из древних народов, у коих найдены были богопротивные средства

сообщаться с миром духов; почему Моисей под опасением смерти запретил израильтянам искать сего сообщения. Во-вторых, на что обратилось бы сношение живых с мертвыми? Думаете ли, что предметом его была бы вера святая, любовь христианская, усовершенствование себя в терпении, в смирении, в кротости? Увы! и без сообщения с миром духов можно быть заранее уверенным, что все это сообщение обращалось бы большею частью около предметов недешеполезных: и у одних оно истощилось бы в суетном любопытстве о тайнах мира духовного, знание коих нисколько не накидает душу; у других излилось бы в жалобах на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорчения, земные неудачи; иные потребовали бы от умерших совета, как вести свои дела, выполнить то или другое предприятие. А как исправить свое сердце, как освободиться от страстей, как приуготовиться к вечной жизни на небе,— об этом, вероятно, спросили бы немногие, да и для чего спросили бы? — то же, может быть, более из любопытства, с тем, чтобы завтра забыть то, о чем спрашивали ныне. Таким образом нравственной пользы от сообщения с миром духов мы приобрели бы мало; а между тем возможность сообщения с другим миром непрестанно возмущала бы порядок нашего мира, нарушала бы правильное течение наших дел и занятий, наших мыслей и желаний. Задумали бы, напр., какое-либо предприятие, — ждали бы, пока можно получить о нем мнение из другого мира. И кто знает какое мнение? Мертвые не всеведущи; нередко мог бы быть подан совет не благой, — а мы увлеклись бы им. Наконец, поскольку здешняя жизнь наполнена разного рода неудовольствиями, то, видя разверзающимися пред собою двери вечности, многие по нетерпению стремглав начали бы бросаться в другую жизнь; между тем как теперь не только вера и совесть, — самый мрак гроба своею непроницаемостью останавливает самых наглых и недовольных своею участью. И о мертвых нельзя сказать, чтобы возможность сообщаться с нашим миром, не была сопряжена для них с опасностью. Трудно и представить, чтобы они приобрели от сего? Знать, что и как бывает у нас в здешней жизни, они знают и без того. Видеть ничтожность и суету земных

дел и помышлений – это им виднее, нежели нам. Зачем же бы они приходили к нам? Доканчивать свои неоконченные дела? Это не их дело, – иначе что значила бы смерть? Между тем, не получая для себя пользы от нисхождения в наш мир, усопшие могли бы получать вред от того. Каждый возврат на землю более или менее, а всегда земленил бы их снова. С возвратом к прежним лицам и вещам у многих оживали бы нечистые, земные привязанности; между тем как теперь огонь плотских страстей, как бы они ни были сильны, не имея у мертвых питания от земли, обращенный на самого себя, тускнеет и угасает. Таким образом благо и наше, и усопших братьев наших требует, чтобы завеса, простертая между нашим и их миром, никогда не подымалась, чтобы мертвые и живые были вовсе разобщены на время. И велико ли это время? – десять, двадцать, много тридцать лет. Не уезжают ли некоторые еще вживе на столько времени от родных своих и друзей? В сем отношении мы все, живые, похожи на людей, стоящих у великой и широкой реки в ожидании переправы: ладья, не могши вместить вдруг всех, непрестанно возвращается и берет по несколько. Но возвращаются ли те, кои переправились чрез реку, за оставшимися? Никогда: они обыкновенно ожидают их к себе на противоположном берегу. Так, конечно, ожидают теперь и нас сродники и знаемые нас обон – пол бытия. Мы молились о успокоении их после плавания; а они, вероятно, приносили моления о нас, чтобы наше плавание к ним было благотечно и безбедно»⁸⁰. И в другом месте этот же архипастырь рассуждает:

«Если бы можно было умершим, по крайней мере, передавать каким-либо образом в наш мир свои желания! Многие, если не все, из сродников и ближних наших почли бы за долг для себя привести их в исполнение. Но сие невозможно! Лишившись своего тела, человек вместе с ним теряет все средства к сообщению с сим миром и с оставшимися в нем, кои с своей стороны, будучи облечены телесностью, не в состоянии проникать в область духов, где находятся умершие. Посему, как бы вас не продолжали любить здесь, как бы ни желали вам всякого блага за гробом, никто не в состоянии знать и исполнить вашу волю, ни вы передать ее им. О вас будут жалеть и

плакать, о вас будут молиться и во имя ваше благодетельствовать, к чему так располагает всех чад своих св. Церковь; но сообщения с вами ни у кого не будет. Все намерения, желания, нужды ваши погребены будут навсегда с вами, и никто не узнает на земле, разве Сам Господь благоволит открыть о том кому-либо особенным образом, что, как видим из св. истории, бывает крайне редко»⁸¹.

Таким образом явления умерших с того света на землю отнюдь не могут быть допущены: они невозможны, они бесцельны и, наконец, они, вопреки уверению спиритов, были бы скорее пагубными, нежели благотворными для нас. С кем или с чем имеют дело спириты на своих духовызывательных сеансах, мы оставляем пока в стороне этот вопрос – вопрос о причине или источнике спиритических явлений; но твердо и несомненно знаем одно, что умершие не принимают никакого участия в медиумических опытах: они почивают мирно телами в гробах, а души их пребывают без исходно в предрешенном для каждого из них месте. Только громогласная труба Архангела пробудит некогда всех уснувших сном смерти для того, чтобы всем явиться пред судилище Христово, когда будет решена вечная участь каждого: до тех же пор священный покой умерших должен оставаться неприкосновенным, и нарушение этого покоя со стороны живущих есть дерзкое святотатство.

А что умершие действительно не принимают участия в медиумически – спиритических опытах, это ясно обнаруживается на самых этих опытах. Дело в том, что если у спиритов фигурируют иногда на их сеансах имена известных умерших личностей (великих людей), то всегда в ущерб и подрыв духовызывателям, потому что – и это весьма замечательно – загробные сообщения великих людей оказываются *всегда ниже* той разумности, которую они являли во время своей земной жизни, но *никогда не выше* ума и образованности тех медиумов, чрез посредство которых они делают свои сообщения и дают свои откровения.

И самые откровения духов оказываются крайне мелочными, странными, не сообщающими решительно ничего нового и неизвестного нам, ничего достойного внимания, ничего

серьезного, что могло бы давать им какую-нибудь цену и значение. Такие откровения, какие получают наши спириты, не могут произвести никакого переворота в человечестве, не могут послужить к возрождению его; они заставляют только сожалеть о тех легковверных, которые ждут от них каких – то серьезных результатов...

Действительно же серьезную и вместе с тем печальную сторону в этом деле представляет одно суеверное убеждение спиритов в том, что они имеют, дело с загробными жителями, являющимися к ним по механическому вызову их медиумов, то есть грубое и пагубное заблуждение, в которое впадали многие языческие народы древности и от которого Бог предостерегал Свой избранный народ чрез Моисея и пророков (см. выше).

Вы хотите знать, что вам делать и как жить, чтобы достигать своего человеческого назначения? – *Обращайтесь к закону Божью и откровению*, обращайтесь к Евангелию и учению апостольскому – *и довлеет вам*. Зачем спрашивать об этом мертвых? Они не скажут и не могут сказать вам ничего лучше и больше того, что содержится в этом чистом и верном зеркале жизни, данном нам Самим Богом. А если вы допытываетесь познания неведомых для человека тайн, то *смотрите, чтобы кто не увлек вас* или чтобы вам самим не увлечься пустым обольщением (Колос. 2:8)...

Итак, между умершими и живыми не существует вовсе общения? Нет! между умершими и живыми, между переселившимися уже в вечность и еще ждущими этого переселения существует действительно общение, но только не видимое, телесное и осязаемое, а невидимое, духовное, таинственное, проводником которого служат любовь и молитва, – *любовь никогда не отпадающая*, не перестающая, и молитва, разверзающая небо и нисходящая до ада.

Коснемся теперь в коротких словах истинной причины или источника спиритических явлений.

Спиритизм давно известен у нас: давно уже многие стали восседать за столиками, шляпами и тому подобными предметами, ожидая вращения... Хотя, впрочем, он и был явлением обыкновенным, однако, не возбуждал общего и

серьезного внимания. Но в 1875 году проповедь спиритизма вдруг получила необыкновенную силу, вдруг стала вопросом литературы, предметом общих и живых толков: спиритизм выступил из той полутьмы, в которой он прозябал – по крайней мере, в России.

Первоначальная родина современного спиритизма⁸² есть Северная Америка. Путь ему был подготовлен безотрадной пустотой усиливающегося там материализма и бессилием сект, все более и более разветвлявшихся. Время его происхождения относят к 1848 году; но первые его зародыши появились гораздо раньше. Американский спиритизм составляет только новый вид того ложно – мистического направления, стремящегося к разрушению церковной жизни, которое обнаружилось еще прежде в сведенборгианстве и квакерстве, особенно в отрасли последнего, известной под названием *трясущихся*, а отчасти и в методизме. Равным образом и внешние опыты, спиритов имели предшественника в месмеризме (животном магнетизме). Вот почему в 1848 году известие о стучащих духах, появлявшееся очень часто и прежде, произвело такое сильное впечатление. Как грибы после дождя сразу целой массой стали появляться самые разнообразные формы суеверия – мантика, магия, астрология и т. д. Устраивались заседания, чтобы зрители могли быть свидетелями необыкновенных явлений, которые были обусловлены присутствием известных нервных личностей («медиумов») и на которые смотрели как на явления духов. Вскоре не только простое любопытство, но и научное исследование обратили внимание на новые явления: образовались многочисленные общества, поставившие своей задачей исследование спиритических фактов и люди с известными именами открыто об явили себя решительными приверженцами и защитниками спиритизма или спиритуализма⁸³.

Из Америки спиритизм перешел в Европу и в различные европейские колонии в других частях света. К главнейшим распространителям спиритизма в Европе, кроме шотландца Юма, наделавшего столь шуму своими медиумическими способностями, принадлежат: физик Крукс и зоолог Уэллес в

Англии, барон фон Гильденштуббе и педагог Ипполит Ривэль (псевдоним Аллана Кардека) во Франции, русский статский советник Аксаков в Германии. Но в Европе спиритическое движение встретило вначале мало сочувствия. Внимание к нему возбудилось только тогда, когда в 1878 году лейпцигский австро – физик Целльнер с американским медиумом доктором Слэдом, в присутствии своих друзей, профессоров Фихнера, Вебера и Шейбнера, устроил 12 сеансов, результаты которых обнародовал в своих «Научных Рассуждениях».

Как в Америке, так и в Европе многие общества сделали спиритические явления специальным предметом своих исследований. Спиритские периодические издания выходят почти во всех странах Европы; самая плодovitая в этом отношении страна – Англия.

Число последователей спиритизма весьма значительно. В одной Северной Америке их, говорят 10 миллионов. Общее число их некоторые полагают в 20 миллионов.

Явления, обыкновенно происходящие на спиритических сеансах, относятся частью к интеллектуальной частью к физической области.

Первые *интеллектуальные* явления обнаружились при посредстве столов, которые стучали ножкой и, согласно предварительному условию, известным числом ударов отвечали на предложенные вопросы. Но очень скоро этот способ корреспонденции был заменен гораздо более простым и удобным способом: к корзинке прикрепляли грифель или карандаш, а также устраивали особый аппарат (так называемый *психограф*) – дощечку с находящимся на ней подвижным показателем, который, как только медиум налагал свою руку на аппарат, двигался по буквам алфавита, расположенным дугообразно. Впоследствии открыли, что некоторым медиумам достаточно было взять в руку карандаш или перо, – и они начинали писать с лихорадочной поспешностью, как бы находясь под каким – то посторонним влиянием, что даже без внешнего участия медиума, лишь в его присутствии, сами собой появлялись буквы на доске или на листе бумаги (прямое, непосредственное письмо духов). Спириты говорят, что кроме

письменных сообщений они получают и устные, именно: или медиум говорит в состоянии подобном магнетическому сну или вообще слышатся слова и фразы.

Содержание этих сообщений большею частью довольно незначительно; некоторые фразы просто глупы. Конечно, встречаются иногда глубокие и прекрасные мысли; но они или не заключают в себе ничего нового или же не имеют никакого надежного ручательства за свою истинность. Естественно – научных или исторических объяснений совсем нет в числе спиритических сообщений. Предсказания, касающиеся обстоятельств жизни отдельных личностей, сами спиритские авторитеты признают подозрительными и недостоверными. Нужно, однако, сознаться, что некоторые спиритические явления напоминают сродные им состояния сомнамбулизма и ясновидения. К этой категории относятся особенно так называемые *врачующие медиумы*, во время болезней совершенно верно определяющие болезнь и указывающие верный способ лечения. Спиритические откровения, касающиеся загробной жизни, большею частью примыкают к сфере идей различных спиритических групп.

Физические явления, происходящие обыкновенно на спиритических сеансах, большею частью довольно просты и однообразны. Они состоят в движении столов и других предметов, в уменьшении веса разных вещей, в различных прикосновениях к присутствующим, в музыкальных аккордах и т. п. Более удивительно внезапное исчезновение мебели, завязывание узлов на бечевке со связанными концами, сцепление колец и другие действия по-видимому, предполагающие проникновение материи, а также появление частей человеческого тела и полных человеческих фигур, или так называемая материализация духов. Спириты говорят даже, что у них есть фотографии и гипсовые слепки с материализованных духов. Но рассказы о мнимой материализации духов возбуждают мало доверия, потому что во многих из них упоминаются несколько подозрительные обстоятельства.

Почти все вышеупомянутые явления и кроме них еще другие были результатом опытов, произведенных Целльнером вместе с Слэдом и строго проверенных. В справедливости его сообщений не может быть никакого сомнения, особенно потому, что за нее ручаются Фехнер, Вебер и Шейбнер.

Едва ли мы имеем право сомневаться в том, что спиритические явления большею частью следует объяснять естественными причинами. Но если бы кто-либо захотел вывести из этого такое заключение, что ни в одном явлении не может иметь места так или иначе сверхестественный элемент, то это заключение было бы ошибочно: духи не могут творить чудеса сами из себя, – они могут произвести в природе какое-либо действие лишь употребляя ее силы способом, соответствующим цели. И очень вероятно, что духи всего легче могут произвести необыкновенные действия в видимой природе и овладеть самым медиумом именно посредством тех естественных деятелей, которые находятся в распоряжении человеческой души при ее органических отправлениях, или же посредством электро-магнетических сил, которые освобождаются и вступают в действие под влиянием медиума. И так мы не имеем никакого основания, находя естественные причины спиритических явлений, исключать потому самому всякое соучастие в них духов, как будто явления в своей целостности должны необходимо истекать из одного только источника. С другой стороны столь же неосновательно совершенно устранять естественные причины потому только, что не все явления можно объяснить из них одних.

Но действительно ли спиритические явления такого рода, что они вынуждают признать происхождение их от неизвестной разумной причины? Если знаменитые естествоиспытатели, не смотря на свое отвращение к признанию сверх естественных причин и не смотря на противоположное мирозерцание, которого они держались прежде, вынужденные силою фактов, считают духовные существа виновниками спиритических явлений, то уже это одно служит сильным доказательством против возможности исключительно естественного объяснения. Оставим, однако, в стороне это соображение и предоставим

говорить самим фактам. Хотя и трудно определить точным образом, как далеко не может простираться естественное объяснение, но можно указать некоторые явления, о которые разбиваются всевозможные попытки объяснения. Сюда относится прежде всего так называемое *прямое, непосредственное* письмо духов. Когда грифель, находящийся между двумя аспидными досками, приложенными одна к другой, приходит в движение известным способом и пишет одно или несколько предложений, заключающих в себе ответ на предложенный прежде вопрос, – то это явление должно исходить от какого-нибудь разумного существа: в этом не может быть никакого сомнения. Если предположить, что сам медиум есть в этом случае действующий субъект, то должно признать, что он может своей волей двигать отдаленный предмет или начавшееся уже обыкновенным способом движение направлять по своему произволу, и что он может ими проникать взором в закрытые темные пространства или совершенно слепым образом давать движению подлежащее направление, как того требует письмо с определенными перерывами и строчками. Но такое допущение несостоятельно.

Мы можем оставить здесь совершенно в стороне вопрос о том, насколько может установиться сношение между одушевленными существами посредством животного магнетизма, потому что в настоящем случае речь идет о действии на предмет неодушевленный. Чтоб привести такой предмет в определенное движение, дух или должен иметь силу непосредственно действовать на расстоянии (т. е. на предметы удаленные от него) или должен быть в состоянии чрез известное посредство вызвать целый ряд правильных движений.

Но *непосредственное* действие на расстоянии уже само по себе невозможно. Всего менее духу может принадлежать способность актом воли приводить в движение материальный предмет, от него удаленный, когда этот дух не может двигать даже собственное свое тело, коль скоро бывает парализован организм, чрез который проявляется двигательная сила, отличная от воли.

Посредственное действие на расстоянии, хотя и находится во власти человека, но в настоящем случае для него недостает необходимых условий. Нельзя же в самом деле думать, чтобы какой-нибудь материальный деятель служил не для того только, чтобы переносить исходящее от субъекта физическое движение на двигательный аппарат, но чтобы он заменял самый этот аппарат и исполнял правильные действия, которые совершенно чужды его природе и не могут быть точно предначертаны субъектом во всех подробностях уже вследствие недостающего ему знания. Но согласимся даже с тем, что медиум был бы в состоянии исполнить все это сам собою: все – таки здесь являются особенные обстоятельства, которые делают эту уступку совершенно бесполезною. Хотя медиумы по большей части делают свои сообщения – письменные и устные, на своем родном языке, но иногда сообщения эти бывают зараз на нескольких языках и даже на таких, которых не знает сам медиум: есть говорят, медиумы, которые пользуются в этом случае самыми разнообразными чужими диалектами. При этом должно заметить, что мысль высказываемая в спиритических изречениях, часто бывает неизвестна медиумам; ответ на некоторые вопросы бывает неожидан для них самих и не всегда, невидимому, соответствует их желаниям. Наконец, можно упомянуть еще о том, что на некоторых сеансах появляются рукописания, признаваемые тождественными с почерком известных личностей, живших в прежнее время и написавших будто бы собственноручно то или другое на сеансе; при повторительных опытах в почерке не обнаруживается никакой перемены. Это обстоятельство подтверждает ту мысль, что медиум пользуется постороннею помощью.

Кроме письма грифелем есть еще другие спиритические явления, очевидно, предполагающие соучастие некоторого таинственно – разумного существа. Таков, напр., опыт с узлами, игра на музыкальных инструментах, особенно на скрипке, исчезновение и появление различных предметов, опыты «материализации» и вообще все те опыты, которые требуют определенных, хорошо рассчитанных комбинаций и не могут быть исполнены непосредственно самим медиумом или по

самому свойству не могут быть произведены рукою человека. Равным образом доставка свежих фруктов из отдаленных стран немыслима без вмешательства постороннего действующего субъекта. Наконец, должно еще упомянуть о бывающих иногда откровениях относительно неизвестных обстоятельств, в особенности давно бывших или будущих событий.

В виду таких явлений нельзя не сомневаться, что здесь имеет место вмешательство каких – то таинственных разумных существ. Свидетельство медиумов о том, что они не могут действовать по своей воле, но чувствуют подчинение какой – то посторонней силе, подтверждает это предположение. Только этим объясняется тот факт, что медиумические откровения, при всем разнообразии в подробностях, обнаруживают общую основную тенденцию и замечательным образом – частью прямым, частью окольным путем, частью явно, частью скрытно, частью ближайшим, частью отдаленным способом влияют на определенное культурное движение, которое должно иметь своим последствием полный переворот, особенно в религиозном отношении. Мы не будем рассуждать здесь о том обстоятельстве, что на спиритических сеансах различные духи сами заявляют о себе и что, по словам медиумов, они (то есть медиумы) во время своих конвульсивных состояний видят себя окруженными какими – то таинственными образами: сначала должно быть еще доказано, что вышеупомянутые явления исходят от постороннего разумного существа и что видение образов происходит не от галлюцинации.

Если, на основании этого результата, мы считаем себя в праве приписывать спиритические явления действию, духов, то возникает вопрос: возможно ли, чтобы духи действовали на материальный мир и производили вышеупомянутые необыкновенные явления? Некоторые полагают, что это невозможно, если не приписывать самому духу известного рода материальность. Нет, однако, никакого основания для такого ограничения. Все сотворенные существа находятся в известном порядке, который требует возможности влияния высших существ на низшие, не исключая при этом различия бытия и образа действия; ибо для того, чтобы сделать вещь объектом

действующего существа, требуется не однородность их природы, но лишь определенный, установленный Самим Творцом порядок отношений между ними. Проявление сил духовного субъекта, высшего по своей природе, совершенно иного рода, нежели проявление материальных деятелей; тем не менее она может быть равнозначительна деятельности этих последних и производить тоже самое действие на известные предметы. Поэтому Фома Аквинский не колеблется приписать чистым духам способность действовать на материальный мир и притом посредством местного движения, чрез которое и достигается проявление различных естественных сил⁸⁴. Если верно то, что духовные существа могут действовать на материальный мир, то вопрос о том, в состоянии ли они вызывать специально спиритические явления, теряет всякое значение. Никто не станет сомневаться в том, что они, в силу своей высшей прозорливости, гораздо лучше знают различные естественные силы и вместе с тем могут гораздо лучше комбинировать их и гораздо скорее применять к делу, нежели человек, и во всяком случае легче могут производить явления, о которых идет речь, чем медиумы и все члены спиритического кружка, тем более, что невидимость их много помогает им при совершении многих необыкновенных действий.

Но есть другие соображения, подвергающие, по-видимому, сомнению ту мысль, что спиритические явления происходят от духов: откуда такое множество непонятных или нелепых изречений? откуда столько противоречий в оракулах духов? Почему эти изречения представляют собою по большей части только отражение воззрений, господствующих в самих вопрошающих лицах и не содержат никаких объяснений относительно неизвестных предметов?

Спириты дают на все эти вопросы ответ, на первый взгляд довольно удовлетворительный. Они указывают на множество глупых, безумных, злых, лживых и насмешливых людей, которые умирают ежедневно и уносят с собой в иной мир все свои особенности; в виду множества такого рода душ, оставивших тело, может ли возбуждать хотя малейшее удивление множество нелепостей и противоречий в

спиритических изречениях? Если вместе с тем взять во внимание, что различные духи чувствуют тяготение и влечение только к кругу людей духовно – сродных с ними, то можно будет найти некоторое объяснение и фамильному сходству между воззрениями, господствующими в спиритических кружках, и обращенными к ним изречениями духов. Несколько труднее решается вопрос о том, почему духи не сообщают новых открытий Целльнер, Ульрици и другие выставляют основанием этого недостаток разумения с пашей стороны. Так как духи «были людьми, то они должны знать, что мы, сообразно с нашим человеческим существом, можем доходить до познания природы *только* путем опыта и что поэтому мы не поняли бы учения о природе в форме понятий, идей». Подобным образом объясняется так же молчание духов относительно нравственно – религиозной истины: «внешнее сообщение таких познаний не может быть полезно для нас, ибо, чтобы обрести нравственно – религиозную истину, мы должны искать ее свободно и самостоятельно».

Все эти ответы удовлетворительны только на вид и притом только в том случае, если мы предположим, что таинственные существа, производящие спиритические явления, суть *человеческие души* и что мы должны видеть в спиритизме дело Провидения. Неудовлетворительность их явствует из следующего. Наша неспособность воспринимать объяснения относительно природы вещей не так велика, чтобы духи не могли сообщить нам никаких новых познаний.

Разумному учителю в короткое время удастся сообщить талантливым ученикам такие естественно – научные знания, которых даже и не предчувствовал Аристотель, и притом таким образом, что ученики сами легко могут убедиться в справедливости сообщенных истин. Почему же духи не могли бы оказать нам подобную услугу. А как легко было бы духам сообщить нам драгоценные *исторические* сведения! Как облегчилась бы трудная работа историка, если бы он мог вызвать души великих людей прошлого времени и спросить их об истинном положении вещей в их время или, по крайней мере, получить от них некоторые указания для отыскания еще

неизвестных источников! Между тем историческая наука доселе ни одной строчкой не обязана сообщениям духов, тогда как нас угощают пустыми романами и пошлыми стихами из иного мира, как будто у нас самих еще мало этого вздора. Весьма разумно, по-видимому, то соображение, что духи оказываются молчаливыми лишь по высшим побуждениям, именно потому, что они не хотят мешать естественному, свободному усвоению истины. Беда только в том, что на самом – то деле они не очень молчаливы, а напротив часто слишком болтливы, но при этом открывают только то, что мы или уже знаем сами, или же должны возвратить им назад, за совершенную негодностью. Высшие побуждения вообще совершенно чужды большей части духов: это доказывается содержанием их сообщений. Следовательно причины, почему спиритизм не предлагает никаких новых открытий, следует искать в иных соображениях. Можно было бы, пожалуй, избежать этого вывода – различием высших и низших духов, если бы нравственное совершенствование шло всегда рядом с умственным преуспеянием. Но опыт свидетельствует, что именно самые развитые умственно люди в нравственном отношении бывают нередко настоящими чудовищами.

Различием высших и низших духов нельзя также объяснить противоречия между сообщениями различных духов: эти противоречия существуют и в откровениях так называемых высших духов и притом относительно таких предметов, которые они необходимо должны были бы знать, – особенно в подробных сведениях о загробной жизни. Точно также многое множество пошлостей и нелепостей в изречениях духов не находит удовлетворительного для себя объяснения в указании на множество, глупцов и злодеев в числе умерших. В самом деле, если при вызывании духов главное значение, по утверждению спиритов, имеет симпатия, то непонятно, почему галантным салонным кавалерам и дамам часто оказываются такие неприятные сюрпризы их умершими товарищами и единомышленниками? И где же и причем те друзья человечества, которые во всю жизнь самоотверженно старались сблизиться именно с нравственно испорченными людьми,

чтобы исправить и возвысить их? Если Провидение хочет пользоваться откровениями духов как средством для спасения и облагорожения человечества, то почему Оно дает при этом первое место душам бесполезных и пустых людей? Непонятно также то странное явление, почему духи могут находить такое удовольствие в шутках и насмешках и почему в нравственном отношении они очень часто стоят гораздо ниже живущих на земле людей, между тем как с другой стороны нам говорят, что вообще существует непрерывный прогресс и что испорченное существо, переселившись в другой мир, находит во зле свое наказание, так что зло становится для него *совершенно невыносимым*.

Таким образом представленные объяснения спиритических явлений, взятые все вместе и порознь, оказываются неудовлетворительными. Но из этого не следует, что спиритические явления не могут быть рассматриваемы все таки как проявления духов. В самом деле, если признать, что тут дают знать себя *демонические* влияния, то все затруднения устраняются. Противоречия, пошлые шутки и насмешки вообще свойственны демоническому началу. Отсутствие научных открытий объясняется с этой точки зрения также очень легко: Провидение не позволяет демонам предупреждать естественно развитие человечества, хотя они могут сообщать отдельным лицам некоторые тайны, но не могут сообщить ничего такого, что помешало бы ходу общечеловеческого интеллектуального развития.

Однородность откровений духов с воззрениями и склонностями, преобладающими в различных спиритических кружках, однородность, замечается часто, хотя и не всегда, может, правда, представлять в этом случае некоторое затруднение. Но следует обратить внимание на два обстоятельства; 1) мы не говорим, что *все* спиритические явления должно приписывать духам, – дело идет только о возможности того, что сюда примешивается демоническое начало; 2) следует заметить, что демоны, насколько они участвуют в спиритических явлениях, в начале лучше всего

достигают своей цели именно хорошо рассчитанным приспособлением к тем людям, с которыми они имеют дело.

Высказывая это мы не хотим еще утверждать положительно, что в основании спиритизма действительно лежит демоническое влияние: прежде чем произнести об этом решительное суждение, мы должны подвергнуть тщательному исследованию все притязания спиритов. Мы хотим теперь сказать только – то, что ничто не мешает привлечению духовных существ для объяснения некоторых спиритических фактов и в конце концов необходимо будет согласиться с этим заключением. Упомянутые выше необыкновенные явления не могут существовать без причины. Если для произведения их недостаточны человеческие силы, то источник их остается искать в высших духовных, разумных существах; ибо очевидно, что они не имеют непосредственного происхождения от Бога. А если бы их производили разумные существа не совершенно бестелесные, но лишь одаренные более тонкой организацией, недоступной нашим чувствам, то эти существа дали бы нам объяснение относительно своей истинной природы, и им не удалось бы, да они и не пытались бы представляться нам в человеческом образе. Если материалист находит нелепою мысль, что упомянутые явления производятся духами, то он забывает, что ему неизвестны очень многие причины, и потому, при разумном рассуждении, он ничего не может иметь против той мысли, что может быть, и без его согласия существуют чистодуховные деятели.

Каким образом действуют таинственные существа, принимая участие в спиритических явлениях, этого мы не можем знать. Всякая попытка дать точное объяснение на этот счет не может иметь значения, коль скоро признано, что тут действуют сверх естественные разумные деятели. Можно представить лишь некоторые предположения.

Из физических явлений спиритизма самую большую трудность для объяснения представляет внезапное исчезновение предметов из виду и удаление их из закрытых пространств. Пытались дать различные объяснения этого явления. Некоторые утверждают или, по крайней мере, считают

мыслимым, что предметы разлагаются на свои атомы посредством электромагнитических сил и потом чрез соединение их (атомов) опять восстанавливаются в своем прежнем виде. Этим может быть объяснено как то, что предметы удаляются из закрытых пространств, так и то, что они делаются невидимыми, потому что разложившиеся составные части не могут действовать на наши чувства. Само собою разумеется, что и откровения духов подтверждают эту мысль⁸⁵. Эту мысль нельзя считать совершенно невозможною, если иметь в виду предметы только неорганические.

Целльнер прибегает не гипотезе о четырехмерном пространстве: по его мнению, разумные невидимые существа перемещают предметы в четвертое измерение пространства⁸⁶. Но эта гипотеза совершенно несостоятельна. Пространство с четырьмя измерениями заключает в себе внутреннее противоречие, и потому нельзя утверждать, что хотя мы и не можем составить себе представления об нем, но можем составить об нем понятия. Есть, без сомнения, очень много предметов, которых мы не можем представить себе наглядным образом, не находя их, однако, поэтому немислимыми то есть внутренне противоречащими, но когда заходит речь о четырехмерном пространстве, то у всякого непредубежденного человека сейчас же является убеждение о чем – то невозможном: возможность эта заключается в самой сущности предмета, совершенно независимой от нашего представления. Всякая попытка оправдания этого взгляда только еще яснее выставляет на вид его полнейшую несостоятельность.

Всегда неудачнее ссылка для экзегетического обоснования гипотезы о четвертом измерении на два места Библии, именно на посл. к Ефес. 3:18 и кн. Иова 11:7–9. Говоря о долготе, широте, глубине и высоте любви Христовой, апостол обозначает в этом случае измерение в глубину двумя соотносительными понятиями, согласно обычному словоупотреблению (высота и глубина составляют не два различных измерения, а одно). То же можно сказать и об указанном месте книги Иова, где высота неба противопоставляется лишь глубине преисподней, и потому не остается места для неизвестного четвертого измерения. И

кто бы подумал, чтобы Божественное Откровение, вообще не предлагающее никаких объяснений естественно – научных и математических истин, при своем обыкновенном образном способе выражения в указанных местах, могло сокровенно намекать на такую глубокую тайну!

Непонятно также, каким образом эта гипотеза – предполагая даже ее справедливость – может способствовать устранению или уменьшению затруднений, представляемых вышеупомянутыми. По аргументации Целльнера и других мы можем наглядно уяснить себе дело, представив себе существо, имеющее только два измерения – в длину и ширину. Как мы (то есть существа трехмерные) могли бы сделать какой-нибудь предмет невидимым для такого существа, переместив его (предмет) в третье измерение, то есть с плоскости в высоту или глубину: так и духи (существа четырехмерные) могут делать для нас, существ трехмерных, предметы невидимыми, удалив их в четвертое измерение или же совсем устранив из замкнутых пространств чрез отверстие четвертого измерения. Равным образом разумные четырехмерные существа могут из четвертого измерения вступить в наше трехмерное пространство и явиться перед нами. Такие соображения страдают значительною неясностью. Предполагается, что возможно существо, которое может представить себе два измерения без третьего. Но это предположение можно: мы можем мыслить плоскость только в пространстве (трехмерном), так что в тоже время нам представляется постоянно, хотя и неясно, третье измерение. И это обстоятельство не случайно: оно истекает из самой природы вещей, потому что плоскость есть только разрез или ограничение пространства. Еще неправильнее мысль, будто возможно существо, фактически имеющее только два измерения: чистые линии и чистые плоскости – не более, как отвлеченные представления, и никогда не могут существовать в действительности.

Далее сторонники теории Целльнера, по-видимому, предполагают, что всегда должно существовать или существует соответствие или согласие между числом измерений, принадлежащих известному существу и представимых для него.

Но и это предположение совершенно произвольно. Если рассматривать мир с точки зрения гипотезы Целльнера, то окажется, что он имеет три измерения лишь случайно, если только вообще можно сказать, что он имеет их три, а не более.

Затем предполагается, что предмет может быть перемещаем из одного измерения в другое, из плоскости в высоту (или глубину), из трехмерного пространства в четвертое измерение, и что четвертое измерение само по себе обитаемо, то есть может иметь свое особое содержание. Опять – противоречие на противоречии. Если существо не находится в измерении глубины (в третьем измерении), то оно и не может быть в него перемещено, и наоборот как бы высоко оно ни поднималось и как бы низко не спускалось по третьему измерению, никогда оно не может уйти из плоскостного измерения, оно может только переменять свое место в пространстве, постоянно остающемся равным себе. Измерения, свойственные пространству по самой природе его, принадлежат ему необходимо всюду даже в самой малейшей частичке его, и ничто пространственное не может существовать без всех трех измерений. Сообразно с этим и тело может быть только передвигаясь по направлению *четвертого измерения*, если оно уже находится в четвертом измерении, и сколько бы оно в нем ни двигалось, все прочие измерения всюду сопровождают его. Поэтому мы не понимаем, каким образом тело, вследствие какого бы то ни было передвижения, может вдруг совершенно исчезнуть из виду, когда мы можем проследить три измерения до самых отдаленных пределов, – разве только предположить, что около каждой малейшей части трехмерного пространства находится еще отдельное четырехмерное пространство, как тайное убежище для духов.

Что касается *интеллектуальных* явлений на спиритических сеансах, то знание мыслей медиума со стороны духов не представляет никакой трудности, так как медиум, вследствие чрезмерного развития известных сторон своей природы, доступных духам, более других людей обнаруживает свое внутреннее содержание. Предсказание будущих событий по

большей части бывает весьма загадочным и основывается, как кажется, на догадках.

И так многие спиритические явления, не поддающиеся никакому естественному объяснению, требуют для скольконибудь удовлетворительного толкования их – допустить действие высших разумных существ, и именно *злых духов, демонов*. Остается одно из двух: или отвергнуть действительность необычайных фактов и явлений, происходящих на спиритических сеансах (но достоверность их засвидетельствована самым несомнительным образом) или же видеть в них произведение лукавых духов, ищущих прельстить и уловить в погибель легковверные не твердые в вере души...

Чтобы иметь более близкое понятие о духе и существе спиритизма, познакомимся отчасти с *откровением, взглядами и стремлениями* спиритов.

Под спиритическим откровением мы разумеем содержание высказанных спиритическими медиумами таинственных изречений или объяснений. Таинственные существа, выдающие себя за гениев или за души умерших людей, дают часто весьма подробные сведения о загробной жизни, заключающие в себе однако, не, иное что, как фантастическое изображение состояний здешней жизни. Они сообщают нам сведения о последовательных фазах развития духа, о существовании множества миров и форм бытия, о числе и свойстве сфер, которые дух должен пройти одну за другою, пока он достигнет вершины совершенства. Сферы эти суть отображения или подобия земли: там есть горы, равнины, реки, сады, виноградники, нивы, движимые имущества, промышленные предприятия, пища, одежда, состоящая из «фосфорических начал», и т. д. Низшие духи пользуются нашими путями сообщений, если не предпочитают ходить пешком.

Нельзя искать согласия между этими фантастическими сообщениями. Даже в учении о Боге «духи» противоречат друг другу, некоторые, по-видимому, ничего о Нем не знают. Характеристично в этих откровениях в особенности отрицание вечных адских мук и существования демонов, насколько они отличны от злых человеческих душ. Спириты согласны между

собою в том, что приписывают необыкновенные явления, свидетелями которых они бывают, духам – добрым или злым душам умерших людей, или же высшим добрым душам. Сообразно с этим, они признают общение мира духовного с живыми людьми, которое может быть переводимо в область чувственных явлений почти механическим способом. Они согласны между собою еще в том, что указывают спиритизму высокую провиденциальную задачу для будущности рода человеческого и особенно ожидают от него, что он – ослабит развитие материализма, поможет счастливому решению социального вопроса и произведет блестящую эпоху для науки и религии. Некоторые спириты откровенно соглашались, что новая магия и мантика (то есть спиритизм имеет несомненное сродство с прежде бывшими формами суеверия, но полагают, что спиритизм относится к ним точно так же, как химия к алхимии и астрономия к астрологии.

Как в важнейших метафизических вопросах, так особенно в учении об отношении спиритического «откровения» к христианству между спиритами существуют глубокие разногласия. В этом отношении можно различить два главных направления – пантеистическое и деистическое. Глава первого направления – знаменитый американский духовидец и теософ Дэвис (род. 1826 г.), бывший ученик сапожного мастера: он должен считаться ближайшим предтечей и непосредственным творцом спиритизма. Свое учение он продиктовал сначала в бессознательном состоянии похожем на магнетический сон, и изложил в книге: «Принципы природы, ее божественные откровения и голос к человечеству»⁸⁷ потом развил в различных сочинениях, особенно в 5 – ти томном творении: «Великая Гармония». Дэвис описывает подробно процесс возникновения мира, все развитие природы, в которой Великий Дух организовал для себя тело; он рассказывает начало и ход истории человечества и даже будущую судьбу духа человеческого. Чрез смерть дух вступает на новый путь, на котором он, проходя 7 сфер одну за другою, достигает все большего и большего совершенства и блаженства.

Главный представитель *деистического* направления – Аллан – Кардек, на основании откровений разных медиумов развивших спиритическую систему и изложивший ее в книгах. Он учит, что Бог создал мир духовный и телесный. Этот мир есть первоначальный и нормальный. Духи разделяются на несколько классов и весьма неравны между собою по совершенству. Духи 1-го класса – ангелы, или чистые духи, отличающиеся своею близостью к Богу, знаниями, любовью к добру и чистотой своих чувств. Другие классы более и более удаляются от этого совершенства; духи низших степеней склонны ко многим из человеческих страстей и имеют расположение к злу. Есть также глупые и легкомысленные духи, нарушители мира и мучители, не очень добрые и не очень злые. Духи не остаются навсегда в одном и том же классе: они совершенствуются, проходя различные ступени духовного порядка. Это усовершенствование достигается чрез перевоплощение, для одних служащее – искуплением, а для других – миссией. Материальная жизнь – это испытание, которому они должны подвергнуться несколько раз, пока не достигнут полного совершенства. Душа, оставляя тело, возвращается в мир духов, чтобы потом опять начать новое материальное существование – по истечении более или менее продолжительного времени, в течение которого она находится в состоянии странствующего духа. Воплощение духов совершается всегда в *человеческой* душе: было бы заблуждением думать, что душа или дух может воплотиться в тело животного. Так учит Кардек, но сами «духи» относительно этого пункта высказываются не очень ясно. Каждое последующее телесное состояние духа относится к предшествующему как дальнейшее усовершенствование, движение вперед, а не назад. Связь, соединяющая душу с телом, представляет собою некоторый полуматериальный покров, который после смерти служит для духа эфирным телом. Когда душа возвращается в мир духов, то все прежние ее состояния вновь оживают в ее воспоминании. Духи непрерывно действуют на видимый мир; они составляют силы природы, из действия которых можно вывести множество

непонятных и ложно объясняемых явлений. Можно вызывать всех духов без различия и получать от них какие угодно сообщения, в какое бы время не жили люди, одушевленные ими.

К христианству спиритизм, по воззрению Кардека, относится не враждебно, но как его восполнение: спиритизм сообщает надлежащее понимание христианства. Посланничество и дела Христовы объясняются из спиритических принципов. В особенности выставляется на вид согласие нравственного учения спиритизма с таковым же учением Евангелия.

Каковы цели и стремления спиритизма? К чему он идет и ведет? Неопределенная религия без церкви, без священства, без таинств – вот цель, к которой он стремится. Без сомнения, между спиритами есть немало таких, которые уважают христианство; но большею частью Христос имеет для них лишь значение великого «спирита», который воплотился однажды или же воплощался много раз. Таких же спиритов, которые еще веруют в Божество Иисуса Христа, очень мало: они стоят одиночками.

Стремление к основанию новой религии без священников достигло осуществления в Северной Америке уже в самом начале нового движения. Едва прошло несколько лет, как у спиритов появились уже свои лица, свои катехизисы, свои газеты, свои пророки и пророчицы, медиумы и ясновидящие, свое воскресное богослужение, свои праздники, свои местные общества, свои государственные учреждения. Особенно усердно посещаются, так называемые, «полевые митинги», собирающиеся в лесах, рощах и т. д. и привлекающие многих ораторов и медиумов, а также тысячи любопытных путешественников. При этом прилагается очень много стараний для изящного устройства палаток, оркестра и певческих хоров; одним словом, употребляются все меры для того, чтобы развеселить собирающихся духов, по крайней мере, в некоторых местах. Эти торжественные празднества находятся по-видимому, во внутренней связи с спиритическим учением. В Париже ежегодно отправляется «праздник всех душ » с

поминальными речами. Некоторые спириты весьма усердно пропагандируют свою новую религию, и между мнимыми откровениями духов советы заботиться о распространении спиритизма занимают не последнее место.

И у нас это новое учение начинает приобретать приверженцев и последователей... Да сохранит нас от него Бог!

По плодам их узнаете их (Мф. 7:16).

Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они. Духа Божья и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это – дух антихриста (1Ин. 4:1 – 3).

Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, и от истины отвратят слух, и обратятся к басням (2Тим. 4:3, 4).

Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским (1Тим. 4:1)⁸⁸.

14. Мнение митрополита Московского Филарета о стологадании⁸⁹

О стологадании печально слышать, что многие, как будто дети какую-нибудь новою игрою, с жаром занялись оным, не подумав, чем играют и чем кончиться может игра. Разделяю ваше мнение, что занятие сие непозволительно.

Представим себе, что сын в доме отца, имея свободу пользоваться всем, что ему нужно, и многим, что приятно, не довольствуется сим и, встретив хранилище, от которого ему не дано ключа, поделывает ключ и отпирает оное, положим, не для того, чтобы украсть, а только, чтобы посмотреть, что там скрыто. Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совестно сыну? Не должно ли быть неприятно отцу? Вот суд о всяком гадании или ворожбе, в том числе и о стологадании, по самому простому взгляду на сие дело.

Но если внимательнее посмотрим на опыты – суд должен сделаться строже.

Я не любопытствую: но общее любопытство, а в некоторых желание знать истину и отречься от лжи и вреда приведены в такое движение, что до меня сами собою доходят многие сведения о стологадательных опытах и притом такими путями, что нельзя сомневаться о истине сих сведений.

Одному гадалею стол дал предсказание о некотором происшествии, которое должно было возбудить ожидание и могло расположить к некоторым приготовлениям, и назначил время, в которое сему происшествию надлежало последовать. Назначенное время прошло, а предсказанного не случилось. Что, если бы, при вере в стологадание, сделаны были некоторые приготовления, соответственные предсказанному происшествию? Это необходимо кончилось бы стыдом, а могло кончиться и вредом.

Пред одним страстным стологадателем стол оклеветал близкую к нему особу. Теперь, говорят, борющийся с подозрением стологадатель и оскорбленная особа проводят бессонные ночи. Сих немногих опытов довольно, чтобы понять,

как не мало виновны и как ведут себя к неблагоприятным последствиям непокоряющиеся премудрому и благому Богу, запершему от нас сокровенное и будущее, и покушающиеся отпереть оное поддельными ключами.

Но это еще не все. Стологадатели поняли, что дерево не может понимать вопросов и давать сообразные с вопросами ответы. Посему они спрашивали, кто им отвечает, и многие из них получили в ответ имена разных умерших. Теперь спрашивается: действительно ли стологадателям отвечают души умерших, которых имена им об являются, или имена сии употребляются ложно и под ними скрываются некие неизвестные? В сем последнем случае сии неизвестные суть лжецы, приписывающие себе чужие имена. Но ложь не принадлежит чистым существам: отец лжи есть дьявол. И так стологадатели осторожно должны размыслить, с кем имеют дело и от кого хотят узнать сокровенное. Здесь можно вспомнить наставление преподобного Антония Великого относительно демонов: «если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним».

Но если отвечающие стологадателям суть действительно умершие, то суд о сем деле давно произнесен Самим Богом, чрез пророка Моисея, в 18-й главе книги Второзакония: *да не навикнеша творити по мерзостем языков тех; да не обрящется в тебе очищая сына своего и дочь свою огнем, волхвуй волхвованием и чаруя, и птицеволшебствуй, чародей обивая обиванием, утробоволхвуй, и знамено – смотритель, и вопрошали мертвых: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всяк творяй сие; сих бо ради мерзостей потребит я Господь Бог твой от лица твоего* (ст. 9 – 12).

Знают ли сей суд столоволхвователи, вопрошающие мертвых? Помышляют ли, какому строгому осуждению подлежит дело их? Оно причисляется к мерзостям, за которые хананейские народы Бог осудил на истребление. Если бы кто из стологадателей сказал, что он не домогается беседы с мертвыми, а просто от стола получает знаки в разрешение вопросов любопытства или надобности, – справедливость требует сказать и сему: не прав и ты. Ты не знаешь, кто тебе

отвечает, но знаешь, что дерево отвечать не может; следовательно ты должен заключить, что неизвестный тебе отвечающий есть один из тех, которые наименовали себя другим при подобных опытах.

В четвертой главе пророчества Осии читается следующее изречение: *в знамениях вопрошаху и в жезлах своих поведяху тем* (ст. 12). Яснее с еврейского: *народ Мой дерево свое вопрошает, и жезл его отвечает ему*. Пророк показывает два вида гадания: *древом и жезлом*. Под именем древа, без сомнения, разумеются деревянные идолы, от которых, неизвестными нам приемами, получаемы были ответы (Суд. 18:5, 6). Очевидно, это дело богопротивное, как соединенное с идолопоклонством. Под именем *жезла отвечающего* разумеется гадание посредством жезлов, по приметам, на которую сторону они падают, быв поставлены, или ложатся ли замеченною стороною вверх или вниз и проч., что называлось жезлогаданием или жезловолхвованием.

Хотя в сем втором виде гадания не видно отношения к идолопоклонству, однако, и оно вместе с первым осуждено пророком, как измена истинному Богу: *духом блужения прельстишася и соблудтша от Бога своего* (Осии 4:12). От сего обвинения не может увернуться стологадание, как бы ни старалось оно изъяснить себя легким и благовидным образом.

Для тех, которые смотрят на стологадание как на новое открытие неизвестной доныне силы в природе и на сем, может быть, думают основать для себя законное право продолжить над нею исследование, не бесполезно заметить, что их делу не принадлежит честь не только разумного, но и случайного нового открытия в природе: они только каким – то образом пробрались в область старого языческого суеверия. Тертуллиан в 23-й главе своей Апологии христианства, обличая мечты языческой магии и приписывая их действию демонов, говорит: «*чрез них и козы, и столы обыкновенно производят гадания*». Он только не объясняет, какие приемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданиям.

Скажет ли кто, что его стол говорит нечто достойное принятия. Не должно и сим прельщаться, дух пытливый в

отроковице города Филиппов говорил о Павле и Силе, по-видимому, достойное приятия: *сии человецы раби Бога Вышнего суть, иже возвещают нам пут спасения* (Деян. 16:17). Но апостол не только не был сим доволен, но и не мог перенести сего с терпением: он изгнал духа. Простите, что я разговорился. Для вас сие не нужно; но, может быть, сим возбудится ваше внимание, чтобы ближнему, могущему принять, подать совет Премудраго: *высших себе не ищи и крепльших себе не испытуй. Яже ти повеленна, сия разумевай, несть бо ти потреба тайных. – Во избы тцех дел твоих не любопытствуй: вящшая бо разума человеческого показана ти суть. Многи бо прельсти мнение их и мнение лукаво погуби мысль их* (Сирах. 3:21–24).

Отдел второй. Частный суд

1. Действительность частного суда

Человеку положено однажды умереть, а потом суд (Евр. 9:27). Смерть и сама по себе есть суд, приговор Божий над человеком за удаление от Бога – Источника жизни; но этот суд, как приговор после первого греха, есть вместе суд и *милость*. Любовь Божья, провидя грех, создала человека в таком составе, чтобы духу и телу была возможность идти особыми, различными путями. Смерть, *оброк греха*, решительно поражает только тело, расторгая его связь с духом; но таким образом поражается собственно лишь естественная основа греха: *умерший освободился от греха (Рим. 5:7)*. И вот духу есть возможность возрождения и возрожденному возможность шествия новым особенным путем.

«Суд над человеком бывает по смерти, а не до смерти, и на небе, а не на земле. Если же суд произносится на земле и до смерти, то он всегда более или менее неверен, – неверен, если произносится и по смерти человека, но на земле, а не на небе. Вообще земной суд никогда не может быть безусловно верен... Не может быть верен потому, что человеческое ведение судящих всегда бессильно обнять все безусловно признаки обсуждаемого частного деяния, как и вообще человеческий рассудок бессильно обнять все бесконечное множество признаков какого – бы то ни было частного явления. Человеческое ведение бессильно тем более, если приходится обнять и обсудить целую жизнь того или другого, живого ли умершего ли человека; бессильно потому, что для правильной оценки всех деяний целой жизни человека нужно обнять и взвесить все обстоятельства, среди которых он вращался, как и все движения его сердца, какие лежали в основе его поступков. А это доступно только всевидящему Сердцеведцу: ограниченному же ведению человека безусловно недоступно»⁹⁰.

Итак, как скоро душа разлучается с телом, она приводится к Богу на суд, который в отличие от всеобщего и последнего суда, имеющего быть при кончине мира, называется *частным*, потому что совершается не торжественно пред лицом целого мира, как

тот, и имеет целью определить участь души не на целую вечность, как последний суд, а только на время – до всеобщего воскресения.

Что непосредственно по смерти каждого человека совершается над ним суд; а) об этом учит слово Божье; б) это проповедуют отцы и учителя Церкви; в) этого требует здравый разум.

а) Учение о действительности частного суда известно еще в Церкви ветхозаветной. Премудрый сын Сирахов говорит: *Легко для Господа в день смерти воздать каждому человеку по делам его. Минутное страдание производит забвение утех, и при кончине человека открываются дела его* (Сирах. 11:26, 27). Душа пред Богом, своим Творцом, Искупителем и Судьею! Между душою и Богом уже нет никаких посредств. Душа пред Богом так, как она есть, ни какою она казалась другим, ни какою она хотела казаться себе, но в истинной своей действительности. С другой стороны, по совлечении телесного облачения, душа и себе самой является во всей своей наготе, в яснейшем сознании своего нравственного состояния. «Если же легко для Господа в самый день смерти воздавать людям по заслугам; если по воле Его, действительно бывает открытие человеку дел его при самой кончине, а не отлагается это до всеобщего суда: то необходимо допустить, что бывает для человека вдруг по смерти его и суд частный. Иначе с какою целью в это время открываются человеку все дела его? Что значит это самое открытие? И для чего замечает Премудрый, что в самый день смерти легко для Господа воздать человеку по делам его?»⁹¹.

Св. апостол Павел ясно и положительно учит о действительности частного суда, говоря: *Человеку положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9:27). Слова апостола очевидно не полагают никакого промежутка между смертью и судом, и следовательно имеют в виду и разумеют не всеобщий суд, а частный.

б) Св. Григорий Богослов, упомянув о кончине царя Констанция, замечает, что он переселился из здешней жизни, «принесши, как сказывают, бесполезное раскаяние при

последнем издыхании, когда всякий бывает искренним судьёю самого себя, по причине ожидающего там судилища»⁹².

Св. Иоанн. Златоуст внушал своим слушателям: «Никто из живущих на земле, не получив разрешения во грехах, по переходе в будущую жизнь, не может избежать истязания за оные. Но как здесь преступники из темниц приводятся на суд в оковах, так и по отшествии из сей жизни, все души приведутся на страшный суд, обремененные различными узами грехов»⁹³. «По отшествии из здешней жизни, мы предстанем на страшный суд, отдадим отчет во всех делах своих и если пребывали во грехах, то подвергнемся истязанию и казни; а если решимся хотя мало внимать себе, то удостоимся венцев и благ неизреченных. Зная сие заставим молчать противомыслящих, а сами вступим на путь добродетели, да с упованием, приличным христианину, предстанем на оный суд и получим обетованные нам блага»⁹⁴. *Уготовляй на исход тела твоя и уготовися на путь* (Притч. 24:27). Если ты у кого похитил что-либо, возврати и скажи подобно Закхею: *возвращу четверицею* похищенное (Лук. 19:8). Если ты поносил кого, если сделался врагом кому-либо, примирился до судилища. Все разреши здесь, чтобы тебе без скорби увидеть оное судилище. Доколе мы здесь, дотолé имеем добрые надежды; а как отойдем туда, уже невластны будем покаяться и смыть с себя грехи. Посему должно приготовляться непрестанно к исходу отсюда. Ибо что, если Господу угодно будет позвать нас вечером? что если завтра?»⁹⁵.

Блаж. Августин называет «справедливейшим и весьма спасительным верование, что души бывают судимы, как только исходят из тел, прежде нежели явятся на тот суд, где они будут судимы уже в телах воскресших»⁹⁶.

Св. Димитрий Ростовский поучает: «Нам, православным христианам, довлеет комуждо на всяк день и на всякую ночь чаяти неизвестного часа кончины жизни своя и ко исходу быти готову: то нам страшный суд комуждо свой, прежде общего всем суда страшного»⁹⁷. Суд есть двоякий: особенный и общий. Особенный суд всяк человек, умирая, имеет; ибо тогда увидит вся дела своя⁹⁸. Мы чаем по вся дни и ночи и на всяк час пришествия к нам Господня, но еще не того страшного

пришествия, имже приидет судити живых и мертвых и воздати комуждо по делам его; еще не того на всяк час чаем времени, в неже (по словеси Петра апостола) *небеса с шумом мимо идут, стихии же сожигаемы раззорятся, земля же и яже на ней дела сгорят* (2Петр. 3:10), но чаем кождо своего смертного часа, в он же суд Божий приидет пояти душу от тела, в кий час комуждо свое особое бывает о содеянных истязание; того часа на всяк час ожидаем, якоже Сам Господь, оберегая нас, в Евангелии учит: *будите готови, яко, в он же час не мните, Сын человеческий приидет* (Лук. 12:40)⁹⁹.

в) Нельзя допустить того, чтобы состояние душ, от смерти человека до всеобщего суда, оставалось безразличным, неопределенным¹⁰⁰. Каково будет тогда это состояние? Бессознательное? Но это противоречило бы природе души, коренную черту которой составляет самосознание. Да если бы такое состояние было и возможно, то с какою целью могло бы оно быть допущено премудрым Промыслом? А если это состояние будет сознательное, в таком случае оно уже не может быть безразличным и неопределенным; потому что душа не может сознавать себя, находясь в неопределенном состоянии. И так необходимо допустить определенную участь для каждой души непосредственно по смерти человека, то есть необходимо предположить частный суд, которым должна определяться эта участь.

2. Образ частного суда – мытарства

а) Предварительные замечания

«Частный суд Божий над душами, по разлучении их с телом, предваряется, по учению православной церкви, истязанием их на так называемых, *мытарствах*, чрез которые они, восходя от земли в сопровождении ангелов, проходят воздушное пространство и на которых злые духи задерживают их и обличают все грехи, сделанные ими в жизни¹⁰¹».

Правосудие Божье совершает суд над душами, исшедшими из тела, посредством ангелов – как святых, так и злобных. Первые, в течение земной жизни человека, замечают все его добрые дела, а вторые замечают все грехи его. Когда душа начнет восходить к небу, руководимая святыми ангелами, темные духи обличают ее неизглаженными покаянием грехами ее, как жертвами сатане, как залогами общения и одинаковой с ним вечной участи.

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в известном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязает в нем душу, когда она достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в отеческих писаниях *мытарствами*, а духи, служащие в них – *мытарями*.

Мытарем во времена Христовы и в первые века христианской церкви назывался сборщик государственных повинностей. Так как эта обязанность, по простоте древних обычаев, поручалась лицу без строгой ответственности и отчетности, то мытари позволяли себе все средства насилия, разного рода ухищрения, придирки, бесчисленные злоупотребления и бесчеловечное грабительство. Они обыкновенно становились при городских публичных местах, чтобы никто не мог избежать их зоркого наблюдения. Поведение мытарей сделало их ужасом для народа. По понятию, его, имя мытаря означало человека без чувств, без правил, способного

на всякое злое дело, на всякий унижительный поступок, дышащего и живущего ими, одним словом – человека отверженного. В этом смысле Господь сравнивает упорного и отчаянного преступника церкви с язычником и мытарем (Мф. 18:17). Для ветхозаветных поклонников истинного Бога ничего не было отвратительнее слугителя идолов: столь же ненавистным был для них и мытарь. Название мытарей перенесли с людей на бесов, стерегущих восход от земли к небу, по сходству должности и исполнения ее. Как сыны и наперсники лжи, демоны уличают души человеческие не только в действительно совершенных ими грехах, но и в таких, каким они никогда не подвергались. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством и наглостью, чтобы вызвать душу из рук ангельских и увеличить ею бесчисленное множество адских узников.

Господь Иисус Христос, совершающий невидимо Сам частный суд над душами человеческими посредством ангелов, допускает к нему и *клеветников братии нашей* (Апок. 12:10) – злых духов для того, чтобы пред душой беспристрастно оценивались все дела ее. «И прилично, – говорит св. Василий Великий, – чтобы суд Божий был не насильственный, а напротив того имел более общего с теми судами, какие бывают у людей, и подсудимым давал место к оправданию, чтобы человек, видя дело свое приведенным в ясность, и при наказании подтвердил неопровержимые суды Божьи, согласившись, что наказание положено на него по всей справедливости, а также и при помиловании усматривал, что прощение дано ему по закону и в порядке¹⁰²».

Не предажд мене в души стужающих ми: яко восташа на мя свидетеле неправедны, и солга неправда себе (Псал. 26:12) – так говорит Дух Святой от лица души человеческой, описывая невидимую борьбу ее с невидимыми врагами.

б) Учение церкви о мытарствах

Учение о воздушных мытарствах впервые встречается в знаменитом творении св. Афанасия Александрийского – в его «Житии св. Антония Великого», которое было написано около 365 года, тогда же переведено на латинский язык (около 365 –

370 г.) и пользовалось всеобщим благоговейным уважением во всем христианском мире, как на Востоке, так и на Западе. Св. Златоуст советует всем христианам читать это житие; а блаж. Августин говорит о себе, что чтение жизни св. Антония Великого много содействовало его обращению.

Св. Афанасий Великий повествует следующее: «Однажды он (Антоний), при наступлении девятого часа, начав молиться перед вкушением пищи, был внезапно восхищен Духом и вознесен ангелами на высоту. Воздушные демоны противились его шествию: ангелы, препираясь с ними, требовали изложения причин их противодействия, потому что Антоний не имел никаких грехов. Демоны старались выставить грехи, содеянные им от самого рождения; но ангелы заградили уста клеветников, сказав им, что они не должны исчислять согрешений его от рождения, уже изглаженных благодатью Христовою, но пусть представят, если имеют, грехи, соделанные им после того времени, как он поступлением в монашество посвятил себя Богу. При обвинении демоны произносили много наглой лжи; но так как клеветы их лишены были доказательств, то для Антония открылся свободный путь. Тотчас он пришел в себя и увидел, что стоит на том самом месте, на котором стал для молитвы. Забыв о пище он провел всю ночь в слезах и стенаниях, размышляя о множестве врагов человеческих, о борьбе с таким воинством, о трудности пути к небу чрез воздух и слова Апостола, который сказал: *несть наша брань к плоти и крови, но к началам власти сего воздуха*¹⁰³, – который (т. е. Апостол), зная, что воздушные власти того только и доискиваются, а том заботятся со всем усилием, к тому напрягаются и стремятся, чтоб лишить нас свободного прохода к небу, увещевает: примите вся оружия Божья, да возможете противиться в день лют (Ефес. 6:13), да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно (Тит. 2:8)¹⁰⁴».

Св. Ефрем Сирин говорит: «Когда приближаются владычные силы, когда приходят страшные воинства, когда божественные изъятеля повелевают душе переселиться из тела, когда, увлекая нас силою, отводят в неминуемое судилище: тогда, увидев их, бедный человек... весь приходит в

колебание, как от землетрясения, весь трепещет... Божественные изъятели, появ душу, восходят по воздуху, где стоят начальства, власти и миродержители противных сил. Это – злые наши обвинители, странные мытники, описчики, денщики; они встречают на пути, описывают, осматривают и вычисляют грехи и рукописания сего человека, грехи юности и старости, вольные и невольные, совершенные делом, словом, помышлением. Великий там страх, великий трепет бедной душе, неопикуемая нужда, какуу потерпит тогда от неисчетного множества тьмами окружающих ее врагов, клеветущих на нее, чтобы не дать ей взойди на небо, поселиться во свете живых, вступить в страну жизни. Но святые ангелы, взяв душу, отводят ее¹⁰⁵.

Св. Макарий Великий поучает: «Когда человеческая душа исходит из тела, совершается великое некое таинство. Ибо, если она виновна во грехах, то приходят полчища демонов, злые ангелы и темные силы, берут сию душу и увлекают ее на свою сторону. Сему никто не должен удивляться. Ибо, если человек, будучи еще жив, находясь еще в сем мире, покорился, предался и поработился им, то не более ли они будут обладать им и поработать его, когда он выйдет из сего мира? Что касается до другой, лучшей части людей, то с ними происходит иным образом. То есть, при святых рабах Божьих и еще в сей жизни находятся ангелы, духи святые окружают их и хранят. А когда души их разлучатся с телом, то лики ангелов принимают их в свое общество, в светлую жизнь и таким образом приводят их к Господу»¹⁰⁶.

Св. Иоанн Златоуст, сказав, что умирающий, хотя бы был великим властелином на земле, объемлется смущением, страхом, недоумением, когда увидит страшные власти ангельские и противные силы пришедшие, чтоб разлучить душу от тела, – присовокупляет: «Тогда нужны нам многие молитвы, многие помощники, многие добрые дела, великое заступление от ангелов при шествии чрез воздушное пространство. Если, путешествуя в чужую страну или чужой город, мы нуждаемся в путеводителе, то сколько нужнее нам путеводители и помощники для руководства нас мимо невидимых

старейшинств, и властей, и миродержителей этого воздуха, называемых и гонителями, и мытарями и сборщиками податей!» – От лица почивших христианских младенцев св. Златоуст так витийствует и богословствует: «Нас святые ангелы мирно разлучили от тела, и мы свободно миновали старейшинства и властей воздушных. Мы имели благонадежных руководителей. Лукавые духи не нашли в нас того, чего искали а не увидели того, что желали бы увидеть. Увидев тело неоскверненное они посрамились; увидев душу чистую, чуждую злобы, они устыдились; не нашли они в нас слов порочных и умолкли. Мы прошли и уничтожили их; мы прошли сквозь них и попрали их; *сеть сокрушися, и мы избавлена быхом. Благословен Господь, иже не даде нас в ловитву зубом их* (Псал. 123:7, 6). Когда это совершилось, руководившие нас ангелы возрадовались; они начали лобызать нас, оправданных, и говорят в веселии: агнцы Божьи! ублажаем ваше пришествие сюда: отверзся вам прародительский рай; предоставлено вам лоно Авраама. Прияла вас десная рука Владыки, призвал Его глас в десную часть. Благосклонными очами воззрел Он на вас, в книгу жизни вписал Он вас. И сказали мы: Господи, праведный судия! Ты лишил нас благ земных, – не лиши небесных. Ты отлучил нас от отцов и матерей, – не отлучи от святых. Твоих. Знамения крещения сохранились целыми на нас; тело наше мы представляем Тебе чистым, по причине младенчества нашего»¹⁰⁷. И еще: «Или не знаете, как возмущают душу грехи в день кончины? Как волнуют сердце? В сии – то минуты воспоминание о добрых делах, подобно ведру во время бури, успокаивает смущенную душу. Ибо если будем бодрствовать, то сей страх неразлучен будет с нами еще и в жизни; когда же останемся бесчувственными, то он, без сомнения, предстанет тогда, когда будем разлучаться с сею жизнью. Ибо и узник тогда наипаче скорбит, когда выводят его на суд; тогда наипаче трепещет, когда приближается к судилищу, когда должен он дать отчет. Посему много услышишь рассказов об ужасах при последнем конце и страшных явлениях, которых самый вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великою силою потрясают оный и страшно взирают на предстоящих,

тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучиться с ним, ужасался видения приближающихся ангелов. Ибо если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то какое будет наше мучение, когда увидим приближающихся ангелов грозных и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела, когда много будет она рыдать, но вотще и без пользы!»¹⁰⁸.

То же самое излагают, более или менее подробно св. *Григорий Нисский* (о крещении), св. *Епифаний* (о ересях 75), *Евсевий Кесарийский* (*Demonstr. Evangel.* 3,5; *Praeparat. Evang.* XI, 20,) *Палладий Еленопольский* (Лавсаик гл. 24, стр. 89 – 90. Спб. 1850 г), *Макарий Александрийский* (Слово о исходе души, в Христ. Чт. 1831 г. XLIII, 126 – 131).

Св. Василий Великий в одном месте говорит: «Никто же да не льстит себе суетными словесы (Ефес. 5:6). Ибо внезапно нападет на тебе всегубительство (1Сол. 5:3) и постигнет переворот, подобно буре. Приедет угрюмый ангел, насильно поведет и повлечет душу твою, связанную грехами, часто обращающуюся к тому, что оставляет здесь, и рыдающую безгласно, потому что уже сомкнулось орудие плача»¹⁰⁹. А в другом месте: «Займись же размышлением о последнем дне ибо без сомнения, не будешь ты одна жить вечно; представь себе смятение, сокращение дыхания и час смертный, приближающийся Божий приговор, поспешающих ангелов, душу в страшном при этом смущении, немилосердно мучимую грешною совестью, обращающую жалостные взоры на тамошнее, наконец, – неотвратимую необходимость дальнего онога переселения»¹¹⁰.

Евсевий, епископ галликанский, поучает: «Пред разрешением от тела поздно будет душе раскаиваться в своих беззакониях. Увы! что будет с нею, когда виновники смерти (злые духи) начнут влачить ее по обширному воздушному пространству и водить темными путями?»¹¹¹.

Преподобный *Симеон, Христа ради юродивый*, достигший высоты христианского совершенства, поведая сотаиннику своему, диакону Иоанну, о приближающейся своей кончине и великом воздаянии на небе, возвещенных ему откровением

свыше, говорил: «Ничего не знаю в себе такого, что было бы достойно небесного воздаяния, разве восхощет Господь помиловать меня туне Своею благодатью. Зная, что и ты скоро будешь взят отсюда; почему позаботься, сколько у тебя силы, о душе твоей, да можешь безбедственно пройти чрез область воздушных духов и избегнуть лютой руки князя тьмы. Ведает Господь мой, что и я одержим большою печалью и великим страхом, доколе не миную эти грозные места, на которых истязаются все дела и слова человеческие»¹¹².

Блаженный Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, постоянно беседовал о смерти и об исходе души от тела, как ему о том открыто было преподобным Симеоном Столпником. «Когда душа выйдет из тела и начнет восходить к небу, ее встречают лики бесов и подвергают многим затруднениям и истязаниям. Они истязают ее во лжи, клевете, ярости, зависти, гневе, памятозлобии, гордости, срамословии, непокорстве, лихве, сребролюбии, пьянстве, объедении, злопомнении, волхвовании, братоненавидении, убийстве, воровстве, немилосердии, блуде, прелюбодеянии. Во время шествия души от земли к небу самые святые ангелы не могут помочь ей: помогают ей единственно ее покаяние, ее добрые дела, а более всего милостыня. Если не покаемся в каком грехе здесь по забвению, то милостынею можем избавиться от насилия бесовских мытарств. Братия! ведая это, убоимся горького часа встречи с суровыми и немилостивыми мытарями, часа, в который придем в недоумение, что отвечать нам истязателям нашим. Ныне покаемся во всех грехах наших, дадим по силе нашей милостыню, могущую проводить нас от земли на небо и избавить от задержания бесами. Велика их ненависть к нам, великий страх ожидает нас на воздухе, великое бедствие».¹¹³

Преподобный Максим Исповедник говорит в своем послании к Кувикуларию: «Кто из подобных мне, оскверненный нечистотою грехов, не убоится присутствия святых ангелов, которые имеющего отойти из сей жизни, по повелению Божью, силою, гневно и против воли его, изгонят из тела? Кто, сознавая за собою злые дела, не убоится встречи жестоких и немилосердных лукавых бесов»¹¹⁴.

«Душа, возлетевши по смерти на воздух к вратам небесным, – говорит *св. Исихий*, – имея с собою и в себе Христа, и там не устрашится врагов своих, но мужественно, как и ныне, будет отвечать им во вратах. Только да не ослабеет она до исхода своего вопить день и ночь к Господу Иисусу Христу. Он отмстит за нее вскоре, по неложному и божественному Его обещанию, выраженному в притче о судии неправедном. Точно, говорю вам, отмстит и в настоящей жизни, и по исшествии души из тела. – Найдёт на нас час смерти, придёт он и избегнуть его будет невозможно. О, если бы князь мира и воздуха, долженствующий тогда встретить нас, нашел наши беззакония ничтожными и незначительными и не мог обличить нас правильно! В противном случае, восплачемся бесполезно. Раб, говорит Писание, *ведавший волю господина своего и не исполнивший ее, биен будет много* (Лук. 12:47, 48). Не видит света родившийся слепым: так и не пребывающий в трезвении не видит богатого сияния высшей благодати и не освободится от лукавых и богоненавистных дел, слов и помышлений. Таковой, при кончине своей, не свободно минует тартарских князей»¹¹⁵.

Преподобный Исаия Отшельник в завещании ученикам своим заповедал «ежедневно иметь пред очами смерть и заботиться о том, как совершить исход из тела и как пройти мимо властей тьмы, имеющих встретить нас на воздухе» (Слово I). В XVI Слове он говорит: «Помысли, какова радость души предавшего себя в служение Богу и совершившего это служение! При исшествии его из этого мира, дела его будут подвизаться за него: ангелы, увидев его избавившимся от властей тьмы, возрадуются о нем. Когда душа выйдет из тела, ей сопутствуют ангелы; навстречу ей выходят темные силы, желая удержать ее, и истязуя, не найдут ли в ней чего своего. Тогда не ангелы противоборствуют врагам, но дела, совершенные душою, ограждают ее и сохраняют от врагов, не допуская им прикоснуться к ней. Если победят дела ее, то ангелы воспевают ей песнь хвалы и ведут ее с веселем пред лице Божье. В тот час она забывает все, принадлежащее к земной жизни, и все понесенные ею труды. Со всем тщанием и

усилием постараемся во время сего краткого века делать добро и сохранять его неприкосновенным для зла, чтоб было нам возможно спастись от рук князей, уже ожидающих нас: они лукавы и немилостивы. Блажен тот, в ком не найдется чего-либо, принадлежащего им: его радость, веселье, покой и венец превыше всякой меры» (Добротолубие, часть 1 – я).

«Опомнись, душа моя, – умилительно обращается Скитский инок Евагрий к самому себе, – и помысли, как вынесешь внезапное разлучение свое от тела, когда грозные ангелы придут за тобою и восхитят тебя в час, в который ты не ожидаешь, и во время, о котором ты не знаешь! Какие дела пошлешь ты пред собою на воздух, когда начнут истязать тебя о делах твоих враги твои, находящиеся в воздухе» (Пролог, 27 октября).

Учение о мытарствах находим также у *Иоанна Лествичника*, преп. *Феодосия Печерского*¹¹⁶, св. *Кирилла Туровского*¹¹⁷, *Марка Ефесского*, *Гавриила Филадельфийского*, св. *Дмитрия Ростовского*¹¹⁸ и у других.

Затем учение о мытарствах вошло в жизнеописания Святых и в священные песни и молитвы, употребляемые православною церковью.

Святой великомученик Евстратий, претерпев страшные пытки и мучения и совершив дивные чудеса, пред принятием смертной казни за непоколебимое исповедание Христа, вознес к Богу молитву, в которой сперва возблагодарил Его за то, что Он призрел на него и даровал во время земных страданий победить невидимого врага, дьявола, потом, переходя к предстоящему разлучению души с телом говорит «Смутилась и возболезновалась душа моя, при нахождении своем из окаянного и скверного тела. Чтоб не уловил ее в чем лукавый супостат и не изверг во тьму за неведомые и ведомые грехи, соделанные мною во время сей жизни, Владыко! будь милостив ко мне, и да не узрит душа моя мрачного взора лукавых демонов, но да примут ее ангелы Твои светлые и пресветлые. Да будет слава святому имени Твоему, и Твоею силою возведи меня на божественное Твое судилище. Когда буду судиться, да не восхитит меня рука князя мира сего для ввержения меня,

грешного, в глубину ада; но предстань мне будь Спасителем и Защитником моим. Телесные же эти мучения суть увеселения для рабов Твоих¹¹⁹.

Подобным образом и святой великомученик Георгий, поправший благодатью Христовою все ужаснейшие мучения, изобретенные злобою мучителей, воскресивший пред очами их мертвеца, низвергший идолов единым именем Господним, когда пришел на место казни, излил такую предсмертную молитву: Благословен Господь Бог мой, не предавший меня в челюсти ловцов моих, не возвеселивший о мне врагов моих и избавивший душу мою, как птицу от сети ловцов! Владыко! и ныне услышь меня: предстань мне в сей час моей кончины и избавь душу мою от козней воздушного князя, этого ужасного противоборца и его нечистых духов. Не поставь в грех согрешивших против меня в неведении, но Твое прощение и любовь даруй им, да они, познав Тебя, получают часть с избранными Твоими во царствии Твоем ».

Великий угодник Божий, зритель тайн, св. Нифонт, епископ Кипрского города Констанции, стоя однажды на молитве, увидел небеса отверстыми и множество ангелов, из которых одни исходили на землю, а другие восходили горе, вознося человеческие души в небесные обители. Он начал внимать этому зрелищу, и вот – два ангела стремились к высоте, неся душу. Когда они приблизились к блудному мытарству, вышли мытоимцы бесы и с гневом сказали: «Наша эта душа! Как смеете нести ее мимо нас, когда она наша?» Ангелы отвечали: «На каком основании вы называете ее вашею?» – Бесы сказали: «До самой смерти она грешила, оскверняясь не только естественными, но и чрез естественными грехами; к тому же осуждала ближнего, а что всего хуже – умерла без покаяния. Что вы скажете на это?» – Ангелы отвечали: «Поистине мы не поверим ни вам, ни отцу вашему, сатане, доколе не спросим ангела – хранителя этой души». Спрошенный ангел хранитель сказал: «Точно, много согрешил этот человек; но только что сделался болен, начал плакать и исповедовать грехи свои Богу. Простил ли его Бог, о том Он ведает. Его власть, Его праведному суду слава». Тогда ангелы, презрев обвинение

бесов, вошли с душою во врата небесные. – Потом блаженный увидел и другую душу, возносимую ангелами. Бесы, выбежав к ним, вопияли: «Что носите души без нашего ведома, как и эту златолюбивую, блудную, сварливую, упражнявшуюся в разбое?» Ангелы отвечали: «Мы наверное знаем, что она, хотя и впала во все это, по плакала, воздыхала, исповедовалась и подавала милостыню, и потому Бог даровал ей прощение». Бесы сказали: «Если эта душа достойна милости Божьей, то возьмите грешников всего мира: нам нечего здесь трудиться». – Ангелы отвечали им: «Все грешники, исповедующие со смирением и слезами грехи свои, примут прощение по милости Божьей, умирающих же без покаяния судит Бог». Так посрамив бесов они прошли. Опять видел Святой возносимую душу некоторого боголюбивого мужа, чистого, милостивого, ко всем любовного. Бесы стояли вдали и скрежетали на эту душу зубами: ангелы же Божьи выходили к ней навстречу из врат небесных и приветствуя ее, говорили: «Слава Тебе, Христе Боже, что Ты не предал ее в руки врагов и избавил ее от преисподнего ада!» – Также видел блаженный Нифонт, что бесы влекли некоторую душу к аду. Это была душа одного раба, которого господин томил голодом и побоями и который, не стерпев томления, удавился, будучи научен дьяволом. Ангел – хранитель шел вдали и горько плакал, бесы же радовались. – Опять видел Святой душу, несенную по воздуху ангелами и отнятую у них бесами на четвертом мытарстве: душа эта была ввергнута в бездну. То была душа человека, преданного блуду, волшебству и разбою и умершего внезапно, без покаяния¹²⁰.

Святая церковь в своих песнопениях возвещает и напоминает чадам своим учение о мытарствах, чтобы насеять в сердцах их душеспасительный страх и приготовить их к безбедному переходу из временной жизни в вечную.

В каноне молебном ко Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице, поемом при разлучении души от тела всякого православного, читается:

Воздушного князя, насильника, мучителя, страшных путей стоятеля и напрасного сих словоиспытателя, сподоби мя прейти невозбранно, отходяща от земли» (песнь 4, тропарь 4).

«Убегнути ми варвар бесплотных полки, и воздушные бездны возникнути, и к небеси взыти ми сподоби» (песнь 8, тропарь 2).

«Горького мытарств начальника, миродержца, отжени далече от Мене» (песнь 8, тропарь 3).

На *келейном правиле*, в молитвах после кафизм, Церковь влагает в уста молящегося следующие прошения: «Господи мой, Господи! даруй ми слезы умиления, яко да ими Тя умолю очиститися прежде конца от всякого греха; страшно бо и грозно место имам пройти, тела разлучився, и множество мя мрачное и бесчеловечное демонов срящет» (по 4-й кафизме). «Соверши мя Твоим совершенством, и тако мя настоящего жития изведи, да невозбранно прошед начала и власти тьмы, Твоею благодатью, узрю и аз неприступные Твоя славы доброту неизреченную» (по 17-й кафизме).

В молитве пред кондаками и икосами *акафиста Божьей матери* читается:

«О, Мати Царя небесе и земли! прощение всем согрешениям моим испроси, житию моему подаждь исправление, и на кончине от воздушных врагов немятежное прешествие» (Акафисты и каноны, издание Киево – Печерской Лавры).

«Мертвии Тобою (Богоматерь) оживляются, Жизнь бо упостасную родила еси: неми прежде, благоглаголиви бывают, прокаженнии очищаются, недужи отгоняются, духов воздушных множества побеждаются» (4 тропарь 8 песни в акафисте Божьей Матери:

В *осьмогласнике* возсылаются следующие моления к Божьей Матери):

«В час, Дево, конца моего руки бесовские мя исхити, и суда, и прения, и страшного истязания, и мытарств горьких, и князя лютого, и вечного осуждения» (пяток, глас 4» песнь канона 8).

«Истязания мя, Пречистая, в час смертный исхити от бесов» (четверток, глас 4, песнь 6).

«В час, Дево, кончины моя руки бесовские и осуждения, и ответа, и страшного испытания, и мытарств горьких, и князя лютого, и огня вечного исхити мя» (вторник, глас 4, песнь 8).

«Владычице и Мати Избавителя, Ты предстани мне в час исхода моего, истязуему мне от воздушных духов о яже несмысленною мыслию содеях » (пятник, глас 3, песнь 6).

«Егда плотского союза хочет душа моя разлучитися, тогда ми предстани, Владычице, и бесплотных врагов советы раззори, и сих челюсти сокруши, ищущих пожрети мя нещадно: яко да невозбранно пройду на воздусе стоящия князи тьмы» (суббота, глас 2, песнь 9).

В «Чине на разлучение души от тела, внегда человек долго страждет», читается:

«Ныне убо время все живота моего яко дым претече, и предсташа прочее ангели, послании от Бога, окаянную мою душу ищуще немилостиво» (Требник).

«Се предсташа множество лукавых духов, держаще моих грехов написание, и зовут зело, ищуще безстыдно смиренныя моя душа» (там же, песнь 1, тропари 2 и 3).

«Помилуйте мя, Ангели всесвятии Бога и Вседержителя, и избавите мытарств всех лукавых » (там же, песнь 7, тропарь 2).

В *Каноне Ангелу – Хранителю*:

«Да покрывает срам и студ студная и смрадная, и мрачная лица вражия, егда смиренная моя душа от тела распрядается» (Канонник, песнь 6).

«Да узрю тя одесную окаянных души моя предстояща, внегда исчезати от Мене нужно духу моему, и ищуща мя пояти, горькие враги отгоняюща» (там же, песнь 9).

«Молю тя хранителя моего, буди ми защититель и поборник непоборим, егда прехожду мытарства, лютого миро держца» (песнь 9).

Во второй молитве Святителю Николаю:

«Во исходе души моя помози ми, окаянному: умоли Господа, всея твари Содетеля, избавити мя воздушных мытарств и вечного мучения» (Акафисты и каноны, издание Киево – Печерской Лавры).

Прошение об избавлении воздушных мытарств помещено также в молитве Преподобному Сергию Радонежскому и в молитвах другим Святым.

в) Основания для учения о мытарствах в Священном Писании

«Такое непрерывное, всегдашнее и повсеместное употребление в Церкви учения о мытарствах, особенно же между учителями четвертого века, непререкаемо свидетельствует, что оно передано им от учителей предшествовавших веков и основывается на предании апостольском¹²¹, что оно, иначе говоря, основывается на Священном Писании и вполне согласно с ним.

Во-первых, по изложенному нами учению о мытарствах, к людям умирающим, при разлучении их души от тела, являются ангелы Божьи и духи истязатели. И Сам Спаситель в притче о богатом и Лазаре замечает: *Умер нищий и отнесен был ангелами на лоно Авраамово* (1 Лук. 16:22). А в притче о человеке, у которого был хороший урожай, и который рассчитывал пожить в довольстве и веселии, Бог говорит этому человеку: *Безумный в сию ночь душу твою возьмут у тебя* (Лук. 12:20), – *возьмут, истязут* (по славянскому тексту), как всего справедливее думать, духи недобрые. Св. Иоанн Златоуст рассуждает: «Лазаря отвели тогда ангелы. Напротив душу одного (богача) взяли страшные некие силы, может быть, посланные для этого, ибо душа не сама собою отходит к иной жизни, потому что это и невозможно. Если мы, переходя из города в город, имеем нужду в руководителе, то кольми паче нуждаться будет в путеводителях душа, исторгнутая из тела и представляемая к будущей жизни. Посему – то она отлетая от тела, часто то возникает, то ниспускается, и боится, и трепещет. Ибо сознание грехов и всегда мучит нас, но особенно в тот час, когда предстоить нам быть отведенными на тамошние истязания и страшное судилище»¹²².

Кроме того Свящ. Писание учит, что ангелы вообще суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1:14), что они заботятся о нас продолжение всей нашей жизни (Псал. 110: 10, 11), суть наши неотлучные пестуны, руководители, особенно ангел-хранитель, даваемый каждому при крещении (Мф. 18:10, Псал. 33:8). После этого очень естественно, что эти добрые духи не оставляют нас

своею помощью и в тяжкие минуты смерти, что они не отказываются сопутствовать нашей душе, руководить и поддерживать ее и в продолжение страшного, вовсе неизвестного ей, перехода из настоящей жизни в пределы вечности. С другой стороны Свящ. Писание учит, что вся деятельность злых духов направлена постоянно к нашей гибели (Ефес. 6:12, 2Тим. 2:26, 1Сол. 3:5), что *противник наш дьявол, с своими клеветами, ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить* (1Петр. 5:8). Не следует ли ожидать, что он не упустит удобного случая сделать, если возможно, что-либо к гибели нашей души и в минуты разлучения ее с телом?

Во-вторых, в учении о мытарствах говорится, что, по разлучении от тела, душа человека, совершая свой путь в высший мир чрез воздушные пространства, постоянно встречает здесь падших духов. И слово Божье свидетельствует, что воздух как бы наполнен духами злобы поднебесной (Ефес. 6:12), – наполнен, разумеется, не телесно, или вещественно, а духовно¹²³, что князь их есть князь власти воздушной (Ефес. 2:2) и что следовательно душа человеческая, едва только исходит из тела, неизбежно вступает в их область.

В-третьих, учение о мытарствах говорит, что эти темные духи, как мытари – истязатели, останавливают душу во время пути ее к небу на разных мытарствах, припоминают ей постепенно разные виды ее грехов и всячески стараются осудить ее, между тем как добрые ангелы, сопутствующие душе, в тоже время припоминают противоположные грехам добрые дела ее и заботятся об оправдании ее. Такая деятельность духов злобы очень естественна: они не могут не знать и не помнить всех наших грехов, не могут не употреблять, при представляющемся случае, всех усилий, чтобы осудить нас, когда, по учению Свящ. Писания, они суть постоянные наши искушители и соучастники во всех наших беззакониях (1Сол. 3:5, 1Ин. 3:8) и стремятся к одной пели – лишить нас вечного спасения (Лук. 8:2, 1Петр. 5:8). Столько же естественна и благотворная для нас деятельность добрых ангелов, которые, будучи нашими наставниками во всяком добре и руководителями к вечному спасению (Евр. 1:14), без сомнения,

и знают наши добрые дела, и, по любви своей, не могут не содействовать нашему оправданию.

Наконец, *в четвертых*, в учении о мытарствах представляется, что Бог не Сам непосредственно творит суд частный над душою человека, по разлучении ее с телом, а попускает истязать ее духам злобы, как бы орудиям Своего грозного правосудия, и вместе с тем употребляет в орудия Своей благодати ангелов добрых. Но если и при кончине мира, когда Господь явится во всей славе Своей, чтобы судить живых и мертвых, Он не Сам непосредственно будет совершать все, относящееся к суду, а *пошлет ангелов Своих*, которые *соберут из царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную* (Мф. 13:41, 42; см. 24:31), – что удивительного, если и суд частный Он совершает не непосредственно, а чрез духов Ему служебных, разумеется, присутствуя при этом невидимо и Сам, как вездесущий. Равным образом, если известно, что до всеобщего суда, когда и падшие духи получают окончательно мзду свою (Иуд. 6), Бог попускает им вообще действовать против человека (Иов. 1:12, 1Петр. 5:9) и иногда употребляет их еще на земле в орудия Своего праведного гнева против грешников, как *ангелов лютых* Псал. (77:49, 1Кор. 5:5), – что удивительного, если Он попускает им быть такими же орудиями правды Его и во время частного суда над душами человеческими, употребляя в тоже время орудиями благодати Своей ангелов добрых¹²⁴.

г) Святого Отца нашего Кирилла, Архиепископа Александрийского, слово о исходе души и страшном суде¹²⁵

Боюсь смерти, потому что она горька. Трепещу геенны бесконечной. Ужасаюсь тартара, не имеющего в себе теплоты. Боюсь тьмы, лишенной и слабого мерцания света. Трепещу червя, который будет нестерпимо угрызать и угрызениям которого не будет конца. Трепещу немилостивых ангелов, которые будут присутствовать на суде. Ужас объемлет меня, когда размышляю о дне страшного и нелицеприятного суда, о престоле грозном, о Судие праведном. Страшусь реки огненной, которая течет пред престолом и кипит ужасающим пламенем

острых мечей. Боюсь мучений непрерывных. Трепещу казней, не имеющих конца. Боюсь мрака. Боюсь тьмы кромешной. Боюсь уз, которые никогда не разрешатся, – скрежета зубов, плача безутешного, неминуемых обличений.

Судия праведный не потребует ни доносителей, ни свидетелей, не будет нуждаться в посторонних показаниях или уликах; но все, что мы ни сделали, о чем ни говорили, о чем ни думали, все обнаружит пред очами нас грешных. Тогда никто не будет ходатайствовать за нас, никто не освободит от мучения – ни отец, ни мать, ни дочь, ни другой кто-либо из родственников, ни сосед, ни друг, ни благодетель, и ничто не избавит – ни раздача имений, ни множество богатства, ни гордость могущества; все это как прах – в прах обратится. И подсудимый, один будет ожидать приговора, который или освободит его от мучений или осудит на вечные мучения, смотря по делам.

О, горе мне, горе мне! Совесть будет обличать меня. Писания будут свидетельствовать против меня и уличать меня. О, душа, дышавшая сквернами, с гнусными делами твоими! Увы мне! Я растлил телесный храм и опечалил Духа Святого. О, Боже! истинны дела Твои и неисследованны судьбы Твои! Ради временного греховного наслаждения – вечно мучусь, ради плотской сладости – предаюсь огню. Праведен суд Божий: потому что когда меня призывали, я не слушался; учили, – не обращал внимания; доказывали мне, – я пренебрегал. Читанному и узнанному я не давал веры, но находил для себя лучшим оставаться в небрежении, лености и унынии, препровождая время в пустых шатаньях и беседах, и наслаждался и насыщался суетою и бурями мирскими; в радостях и веселии мирском провел все годы; месяцы и дни моей жизни, трудился, подвизался, страдал в пустых заботах о временном, тленном и земном.

Но какому страху и трепету подвергнется душа, какая предлежит ей борьба и чем она должна запастись на неминуемое время разлучения ее от тела, – на это я не обращал и внимания и не подумал во время. Ибо при исходе души окружают нас с одной стороны воинства и силы небесные, с другой – начальники тьмы, силы вражеские, содержащие в

своей власти мир лукавый, начальники мытарств, воздушные истязатели и надзиратели за нашими делами, с ними и исконный человекоубийца дьявол, сильный в злобе своей, которого язык, по слову пророка, как острая бритва (Псал. 51:4), стрелы сильного изощрены с горящими углями (Псал. 69:4), и который сидит в засаде и подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище (Псал. 9:29–30), великий змей, отступник, ад, разверзающий уста свои, князь власти тьмы, имеющий державу смерти, как особым неким образом судит душу представляя и исчисляя все грехи и беззакония, сделанные нами делом, словом, в ведении и неведении, от юности до дня кончины, когда душа возьмется на истязания.

Воображаешь ли, душа моя, какой страх и ужас обьимет тебя в тот день, когда увидишь страшных, диких, жестоких, немилостивых и бесстыдных демонов, которые будут стоять пред тобою, как мрачные мурины! Одно видение их ужаснее всяких мук. Смотри на них душа смущается, приходит в волнение, метается старается укрыться чтобы не видеть их, прибегая к ангелам Божиим. Душа, поддерживаемая и возвышаемая ангелами, проходя воздушные пространства, на пути своем встречает мытарства – как бы отдельные группы духов, которые наблюдают над восхождением душ, удерживают и препятствуют восходящим. Каждое мытарство, как особое отделение духов представляет душе свои особенные грехи. Первое мытарство духов – оглаголения и чревного неистовства. На нем представляются духами грехи, в которых душа согрешила словом, каковы: ложь, клевета, заклęcia, клятвопреступления, празднословие, злословие, пустословие, кощунства, ругательства. Также и грехи чревобесие: блудодеяние, пьянство, безмерные смехи, нечистые и непристойные целования, блудные песни. Святые ангелы, которые наставляли и руководили душу в добре, напротив обнаруживают то, что она говорила доброго устами и языком: указывают на молитвы, благодарения, пение псалмов и духовных песней, чтение Писаний, – словом, выставляют все то, что мы устами и языком принесли в благоугождение Богу. Второе мытарство – духов лести и прелести к видению очей.

Они износят то, чем страстно поражалось наше зрение, что приглядно было для глаз, и привлекают к себе пристрастных к непристойному взиранию, к непотребному любопытству и к необузданному воззрению. Третье мытарство – духов нашептывателей к чувству слуха, или просто наушников. Все, что лестно раздражает наш слух и страстно услаждает нас в их ведении, и они все то приемлют от любителей слушать и хранят. Четвертое мытарство стражников над прелестью обоняния: все, что страстно обращается к услаждению чувства обоняния, как – то – благовонные экстракты из растений и цветов, так называемые «духи», масти, обыкновенно употребляемые на прельщение блудными женщинами, – все это содержится стражниками этого мытарства. Пятое мытарство сторожит то, что сделано лукавого и непотребного осязанием рук. Прочие мытарства – мытарство злобы, зависти и ревности, тщеславия и гордости, раздражительности и гнева, острожелчия и ярости, блуда и прелюбодеяния, также убийства и чародеяния и прочих деяний богомерзких и скверных, о которых на сей раз не говорим подробно, потому что расскажем в другое время в правильном порядке, так как всякая душевная страсть и всякий грех имеет своих представителей и истязателей.

Видя все это и еще большее и гораздо худшее, душа ужасается, трепещет и метается, доколе не принесен будет приговор освобождения. Как тягостен, болезнен, плачевен и безутешен этот час ожидания – что будет? Божественные силы стоят против нечистых духов и приносят добрые деяния души – делами, словами, помышлениями, намерениями и мыслями. Между добрыми и злыми ангелами стоит душа в страхе и трепете, пока от деяний – слов и дел своих, или подвергшись осуждению, будет связана или оправданная, освободится; ибо всякий свяжется узами собственных своих грехов. И если душа окажется достойною, по благочестивой и богоугодной жизни в сем веке, то принимают ее ангелы Божьи, и уже без печали совершает она свое шествие, имея спутниками святые силы, как говорит Писание: *яко веселящихся всех жилище в Тебе* (Псал. 86:7). И исполняется написанное: *отбеже болезнь и печаль и воздыхание* (Исаии 35:10). Душа, освободившись от

лукавых, злых и страшных духов, наследует эту неизглаголанную радость. Если же какая душа окажется жившею в небрежении и блуде, то услышит ужасный оный глас: *да возмется нечестивый, да не узрит славы Господни* (Исаии 26:10). И наступят для нее дни гнева, скорби, нужды и тесноты, дни тьмы и мрака. Святые ангелы оставляют ее, и она подвергается власти мрачных демонов, которые, муча ее немилосердно низводят в землю рассекши ее ввергают связанною неразрешимыми узами в землю темную и мрачную, в низменные ее части, в преисподние узилища, в темницы ада, где заключены души от века умерших грехов, *в землю в темну и мрачну, в землю тьмы вечныя, идеже несть света, ниже видении живота человеческого* (Иов. 10:21–22), как говорит Иов, – но где пребывает вечная болезнь, бесконечная печаль, непрестанный плач, неумолкающий скрежет зубов и непрерываемые вздыхания. Там горе, горе всегдашнее. Увы мне, увy мне! восклицают – и нет помощника, вопиют – и никто не избавляет. Невозможно пересказать той крайней нужды жалостного состояния, язык отказывается выразить болезни и страдания там находящихся и заключенных душ. Никто из людей не может раскрыть страха и ужаса, никакие уста человеческие не в состоянии высказать беду и тесноту заключенных. Стенают они всегда и непрестанно и нет милующего; зовут, – и никто не слышит; рыдают, – и никто не утешает, никто нейдет на помощь; взывают и крушатся, – но никто не оказывает милости и сострадания.

Тогда – где слава мира сего? Где тщеславие? Где пища? Где наслаждение? Где довольство и пресыщение? Где мечтательные планы? Где покой? Где мир? Где имения? Где благородие? Где красота? Где мужество плоти? Где ложная, льстивая женская красота? Где бесстыдная и дерзкая смелость? Где красивые одежды? Где нечистая и гнусная сладость греха? Где мажущиеся благовонными мазями и окуривающие себя благовониями? Где пьющие вино с игрою на музыкальных инструментах; при звуках тимпанов и гуслей? Куда скрылось высокомерие живших без всякой боязни? Где сребролюбие и славолубие и происходящее от них

немилосердие? Где бесчеловечная гордость, которая пренебрегает всем и гнушается всеми, думая о себе, что она есть что – то великое? Где пустая и суетная человеческая слава? Где нечистота и ненасытимое вождение? Где величие и господство? Где царь? Где князь? Где настоятель? Где начальник? Где гордящиеся множеством богатства своего, несострадательные к нищим и презирующие Бога? Где театры, зрелища и увеселения? Где кощунники, смеходеи, насмешники и беспечально живущие? Где мягкие одеяния и постели? Где высокие здания и широкие ворота? Где пожившие в бесстрашии? Тогда увидевши себя без всего ужаснутся, ужаснувшись воскликнут, смутившись подвигнутся: трепет обнимает их и болезни, как рождающую; уносимые бурным вихрем сокрушатся. Где тогда мудрость мудрецов? Где красноречие ораторов и напыщенные их речи? *Увы! смятошася, подвигошася яко пьяный, и вся мудрость их поглощена бысть (Псал. 56:27). Где премудр, где книжник, где совопросник века сего (1Кор. 1:20)?*

О, братья! подумайте, какими нам быть должно, когда мы должны отдать отчет подробно во всем, что мы ни делали, было ли то важное или незначительное! мы дадим ответ Праведному Судье даже во всяком праздном слове (Мф. 12:36). С другой стороны каковыми нам должно быть на тот час для получения у Бога той милости, чтобы при разлучении нас друг от друга стать одесную Царя Небесного! В какой степени нам нужно приготовиться к той неизглаголанной радости, чтобы услышать сладчайший глас Царя царствующих к тем, которые будут по правую у Него сторону: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам от сложения мира (Мф. 25:34)!* Тогда наследуем блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его (1Кор. 2:9).* И тогда то уже не будет тревожить нас никакая печаль, никакая болезнь и опасение. Будем чаще помышлять об этом.

Будем представлять себе и бесконечную муку грешников, и то, какой они будут испытывать стыд пред Праведным Судиею, когда приведенные на страшное судилище, не будут в

состоянии сказать ни одного слова в свое оправдание. Какому подвергнутся сраму, когда будут отделены на левую сторону Царя! Какой мрак покроет их, когда Господь возглаголет к ним гневом Своим и яростью Своею смятет их (Псал. 2:5), когда скажет к ним: *Идите от Мене проклятии в огонь вечный уготованный дьяволу и ангелам его* (Мф. 15:41)! Увы мне, увy мне! Какая скорбь и болезнь, какая теснота, какой страх и трепет обнимет дух их, когда услышат грозный глас всех сил небесных: *Да возвратятся грешницы во ад* (Псал. 9:18)! О горе, горе! Какой поднимут плач, вопль и рыдание ведомые на горькие вечные муки! как будут стенать, биться и терзаться! Увы, мне, увy мне! Каково – то место, где плачевоплие, скрежет зубов, – так называемый тартар, которого и сам дьявол трепещет! О горе, горе! Какова та геенна с неугасимым огнем, который горит и не освещает! Увы мне, увy мне! Каков тот неусыпающий и ядовитый червь! Увы увy! Какова тамошняя тьма внешняя, никогда ничем не освещаемая! Увы мне, увy мне! Каковы те немилостивые и жестокосердые ангелы, которые приставлены находиться при муках! Ибо они глубоко посрамляют и люто бьют. Мучимые усиленно взывают там, – и нет никого, кто бы спас их; воззовут ко Господу, и не услышит их. Тогда уразумеют, что все земное – житейская пустота, и что они считали благом здесь, опротивеет; чем они услаждались, то окажется горче желчи и всякого яда.

Увы грешникам! Вог праведники стоят одесную Царя, а они скорбят. Теперь, когда грешники плачут, праведники радуются; когда праведники ликовствуют, грешники рыдают; когда праведники в прохладе, грешники в томлении и бедствии. Увы грешникам! Они осуждаются, а праведники прославляются. Увы грешникам! Когда праведники наслаждаются всякими благами, они во всяком лишении бедствуют. Увы, грешникам! Когда праведники ублажаются, они унижаются. Праведники во святыне, грешники же в огнепалении. Праведники восхваляются, а грешники в поругании. Праведники во святых обителях, грешники в вечном изгнании. Праведники услышат: «Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира». Грешники же:

«Идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его». Праведники в раю, грешники в неугасимом огне. Праведники наслаждаются, грешники злостраждут. Праведники ликуют, грешники мучатся связанные. Праведники поют, грешники плачут. Праведники возглашают трисвятую песнь, грешники оплакивают свое треокаянство. Праведники вкушают сладость пения, грешники терпят бедственную гибель. Праведники в недрах Авраамовых, грешники в кипучих волнах велиара. Праведники в спокойствии, грешники в смущении. Праведники орошаются, грешники опаляются пламенем. Праведники веселятся, грешники иссыхают в горькой печали. Праведники в величии, грешники в тлении. Праведники возвышаются, грешники глубже и глубже низлагаются. Праведники окружаются светом, грешники омрачаются. Праведники блаженствуют, грешники мятутся. Праведники наслаждаются созерцанием Бога, грешников сокрушает пламень огненный. Праведники – сосуды избрания, грешники – сосуды геенны. Праведники – очищенное золото, испробованное серебро, драгоценные камни, грешники – дрова, стебли, сено, подгнета для огня. Праведники – царская пшеница, грешники – гибельные плевелы.

Праведники – избранное семя, грешники – плевелы, пища огня. Праведники – божественная соль, грешники – смрад и зловоние. Праведники – чистые Божьи храмы, грешники – скверные жилища демонов. Праведники в светлом чертоге, грешники в бездонной пропасти. Праведники в светосияниях, в лучезарном свете, грешники в бурном мраке. Праведники с ангелами, грешники с демонами. Праведники ликуют с ангелами, грешники рыдают с демонами. Праведники среди света, грешники среди тьмы. Праведники утешаются Святым Духом (Параклитом), грешники раздираются в муках с демонами. Праведники предстоят престолу Владыки, грешники стоят пред непроходимым мраком. Праведники всегда открыто взирают на лице Христово, грешники бессменно стоят пред лицом дьявола. Праведники поучаются тайнам Божиим от ангелов, грешников научают своим тайнам демоны. Праведники возносят молитвы, грешники издают непрестанный плач.

Праведники находятся в горних селениях, грешники пресмыкаются долу. Праведники на небеси, грешники в бездне. Праведники в вечной жизни, грешники в погибели смертной. Праведники в руце Божьей, грешники там, где дьяволы. Праведники в общении с Богом, грешники с сатаной.

Увы, грешникам, когда они будут разлучены с праведниками! Увы грешникам, потому что дела их обнаруживаются и помышления сердец объявляются! Увы, грешникам, потому что хитрые намерения их обличаются, и сплетения лукавых помыслов распутываются и истязаются, и мысль взвешивается! Увы, грешникам, потому что они ненавистны для святых ангелов и гнусны для святых мучеников! Увы, грешникам, потому что они изгоняются из чертога! Увы, какое тогда раскаяние! Увы, какая тогдашняя скорбь, какая тогдашняя нужда! Увы, какая тогдашняя буря! Ужасно разлучаться от святых, еще ужаснее разлучаться от Бога. Бесчестно быть связанным по рукам и по ногам и быть вверженным в огонь. Болезненно и горестно быть отосланным во внешнюю мрачную тьму, чтобы скрежетать зубами и истаевать; тяжело – непрестанно мучиться. Ужасно, когда запекается язык от пламени; безотрадно просить капли воды и не получать. Горько быть в огне, вопить и не получать помощи. Непроходима дебрь и неизмерима пропасть. Заключение не убежит оттуда; не будет выхода содержимому, непроходима темничная стена; жестоки стражи; темница мрачна; узы неразрешимы оковы неснимаемы. Слуги того адского пламени дики и свирепы. Ужасны и мучительны орудия. Ногти тверды и несокрушимы. Жилы воловы жестоки. Смолы мутны и кипучи. Гнойна площадь зрелища. Одры раскалены до красноты угля. Жар невыносимый. Червь смраден и зловонен. Судилище закрыто для прощения и милости. Судия нелицеприятен. На приговор нет извета к оправданию. Лица сильных посрамлены. Властители стали убоги, цари – нищи. Мудрецы стали невеждами, сладкоречивые ораторы глупыми и неприятными, богатые бедными.

Не слышно притворных речей льстецов. Кривизны лукавства объявлены, неправда лихоимцев обнаружена. Смрад

душит обоняние сребролюбцев. Разоблачена скрытная гнилость лицемеров. Соразмеряют с виною налагающие язвы: пред ними все обнаружено и объявлено. Увы, грешникам: они нечисты, скверны и мерзки пред Богом. Как скалились и осквернились их души! Как они осквернили тело и душу, не соблюдши одежды святого крещения! Как в ослеплении изменили они свое сердце, не приняв в ум того, что сочетались со Христом и отреклись дьявола! Как отдалились от прямого пути, ходивши во тьме неведения, предавшись сну лености и погрузившись на дно геенны! Как отчуждались света добродетелей, возлюбив греховную тьму, чтобы ходить широким и пространном путем злобы! Как они забыли путешествие Господа, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Его бесчисленные и не исследуемые благодеяния! И очистившись водою божественного крещения, осветившись Духом Святым и украсившись муром духовного радования, ради ничтожной, гнусной и ненавистой сладости пренебрегли столь великими дарами и поработили себя духу прелюбодейства! Увы, оставившим усыновление Богу и предавшимся сладостям мира! Увы, следующим мирским мудрованиям! Увы, любящим тьму греховную! Горе удаляющимся от света истины! Увы, ходящим в ночи греха! Увы оставляющим, светлый день боговедения! Увы, предающимся злему обычаю смеха! Увы клеветующим друг на друга! Горе наушникам и производящим раздоры и мятежи! Увы, клятвопреступникам! Увы, чревоугодникам, им же бог – чрево! (Филип. 3:19). Увы, пьяницам!

Блажен, кто в здешней жизни охуждает и смиряет себя ради Бога: он возвеличен будет Всевышним Богом, прославится ангелами и не станет на суде ошуюю. Блажен человек, который пребывает в молитвах, терпелив в постах, с радостью присутствует на бдениях, борется и прогоняет сон, преклоняет колена на Божье славословие, ударяет в перси, возносит руки горе, возводит очи на небо к Господу, размышляет о Сидящем на престоле славы, об Испытующем сердца и утробы. Ибо такой насладится вечными благами и соделается другом, братом, сыном и наследником Божьим, лице его воссияет как солнце в день судный в царствии небесном. Кто любит истину, тот

становится другом Божиим; а кто постоянно лжет, тот друг демонов. Ненавидящий лесть избавляется проклятия. Кто терпит искушения, тот венчается как исповедник пред престолом Христовым. Кто в напастях ропщет и негодует, в приключившейся скорби унывает и хулит, тот впал в прелесть и страдает умственной глухотой. Кроткий, тихий, смиренномудрый Богом похвывается, ангелами убажается и людьми почитается. Человека же гневливого, яркого и желчного Бог ненавидит; таковой питается плодами горечи бесовской, пьет вино змеиной ярости и неизлечимый яд аспида. Чистые сердцем созерцают славу Божию, осквернившие же ум свой видят дьявола. Делющие зло, помышляющие о непотребном, злоумышляющие против ближнего устраниют себя от общения с Богом. Кто страстно взирает на чужую доброту и красоту, тот лишается райской красоты. Радующиеся грехопадению других сами впадают в грех. Желющие чужого лишаются своего и погибают. Гордые, тщеславные, человекоугодники осуждаются с дьяволом. Лицемеры мучатся с сатаной. Питающие тело свыше меры и потребности творят душу голодную. Кто грешит в разуме и без принуждения и не кается, тот мучится с неверными. Те, которые говорят: «в молодости погрешим, в старости покаемся», находятся в поругании и прельщении у демонов; потому что сознательно и свободно согрешают или соизволяют на грех, и покаяния не сподобляются, но в молодых летах серпом смерти пожинаются, как Аммон, царь иудейский; который прогневил Бога своими нечестивыми намерениями и скверными мыслями (4Цар. 21:19–24. 2 Парал. 33:21 – 25). Осутились в умствованиях своих и омрачилось несмысленное сердце у тех, которые говорят: «завтра покаемся, а сегодня погрешим»; таковые погубляют и настоящий день, растлевают и оскверняют тело, грязнят свою душу, омрачают ум, затмевают мысль и заглушают совесть, – а и не подумают, что завтра они, может быть, будут похищены смертью.

Те, которые не ищут того, что потеряли, не приобрели и того, что относится ко спасению; те, которые не рассчитывают, как прибавляют убыток к убытку, не только не получают прибыли, но и головы теряют; те, которые не трудятся разумно

и не бодрствуют в молитвах, попадают в плен своих суетных и скудных помыслов, а плененные, нехотя и не по воле, работают злему обычаю. Кто невнимательно участвует в богослужении, тот весьма многого лишается. Кто не слушает с охотою и вниманием Божественных Писаний, но предается сну лености, тот вместе с пятью юродивыми девами заключится вне чертога небесного Жениха. Пренебрегающие постом, как средством ко спасению, погружаются в чревоугождение и одолеваются грехом, борющим похоть блудною. Не соблюдающие заповедей Божьих уязвляются от демонов и осуждаются в геенне огненной. Удаляющиеся от святой Церкви и причастия Святых Таин бывают врагами Божьими и друзьями демонов. Ереси безбожных еретиков будут посрамлены, род неверных погибнет. Когда воссядет судить Испытующий сердца и утробы, острейший паче всякого меча обоюдоостра, доходящий даже до разделения плоти и духа, членов и мозгов, и судящий помышления и мысли сердечные, – тогда увидишь не часть какую-нибудь из многого, но все открытым, все обнаруженным. Тогда волка не укроет овечья шкура и внешнее показывание дел не прикроет внутренних помышлений. Нет создания, которое бы не было известно Создавшему, но вся нага и объявлена пред очами Его.

Ополчимся же Божьими заповедями против страстей плоти, смирим гордые помыслы, подвигнемся на брань с дьяволом, озарим мысль духовною бодростью (трезвением), подавим греховные помыслы, позаботимся приобрести готовность и любовь к молитве, трезвенный ум, бодренную мысль, чистую совесть, всегдашнее воздержание, усердный пост, нелицемерную любовь, истинную чистоту нескверное целомудрие, нелъстивое смирение. Постараемся приобрести непрестанное псалмопение, чтение без тщеславия, коленопреклонение без гордости, моление нескудное, житие чистое, правдолюбие, усердное странпоприимство, милостыню без размышлений, благоугодное терпение. Остановим потоки желчи, истребим гнев, удалим от себя уныние, пресечем ярость, иссушим сребролюбие, чтобы не убояться нам общей смерти – жнеца рода человеческого, не убоимся губителя человеков.

Истинная смерть – не та, которая разлучает душу от тела, но та, которая удаляет душу от Бога. Бог есть жизнь: кто отлучает себя от Него, тот умирает и не имеет дерзновения к Богу, потому что удалился от жизни. Истинная смерть есть дьявол. Отец смерти – дьявол стоит как крепко вооруженный ратоборец, чтобы напасть на нас и повергнуть в свою власть. Не дадим нечистым демонам посмеяться над нами. Мы имеем Бога, Который есть наш Спаситель, а демонов погубитель. Имея на себе это мертвенное тело мы не избежим смерти: да подвигнемся же мужественно на победу над нечистыми демонами. Если мы будем иметь в сердце страх Божий и в душе будем носить память о смерти, то пусть вооружатся на нас все демоны: они не причинят нам никакого вреда, а окажутся овнами, без успеха бьющими стену, потому что стену нашу найдут несокрушимою, ибо с нами будет Господь Бог наш, Которому принадлежит слава, честь и власть во веки веков. Аминь.

д) Порядок и число мытарств

«Чадо Григорие! видела я лица, каких никогда не видала, и слышала слова, каких никогда не слыхала; только молитвами преподобного отца нашего Василия могла я перенести все лютое и тяжкое, что встретила я тогда дел моих ради. Как, чадо, изображу тебе болезнь телесную и лютое горе, беду умирающих? с чем сравню этот час?

Представь, что кто-нибудь нагой брошен в огонь, и сгарающая в нем обращается постепенно в пепел: так точно болезнь смертная и горький час разлучения души с телом разрушают человека. Воистину люта смерть подобных мне грешников!»

Так повествует преподобная Феодора, ученица преподобного Василия Нового¹²⁶, ученику его Григорию в сонном видении.

«Когда душа моя разлучилась с телом, – продолжает она свое повествование, – тогда ангелы Господни взяли ее на руки свои. Бесы, окружившие мой одр, показывали написанными все мои грехи, а святые ангелы – все добрые дела мои. В это время внезапно явился преподобный Василий и сказал святым ангелам: «Душа сия много послужила старости моей; я молился о ней Богу, и Бог даровал мне ее». С этими словами он подал

святым ангелам полный червлёный мешок и сказал: «Когда будете проходить воздушные мытарства, выкупайте ее этим от долгов ее и, наконец, введите в уготованную мне от Господа обитель, да пребывает там. Сказав это преподобный стал невидим; а святые ангелы взяли меня, и мы пошли по воздуху на восток».

Руководимая двумя святыми ангелами, преподобная Феодора начала подниматься к небу и была встречена темными духами *первого мытарства*, на котором истязаются грехи человеческие *словом*, как – то: празднословие, сквернословие, насмешки, кощунство, пение непристойных песен, бесчинные восклицания, хохоты и тому подобное. По большей части человек вменяет эти согрешения в ничто, не кается в них пред Богом и не исповедует их отцу духовному. Но Господь явственно сказал: *за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься (Мф. 12:36, 37).* И Апостол завещает: *никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших. Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам (Ефес. 4:29; 5:4).* Демоны с жестокостью и упорством обвиняли душу, представляя все согрешения ее *словом*, содеянные от самой юности. «Я молчала, – говорит преподобная Феодора, – чувствуя невыносимый стыд и трепеща от страха». Но святые ангелы оспаривали демонов – обвинителей и противопоставляли грехам добрые дела, совершенные душою. Таким образом, искупленная на этом мытарстве Феодора начала подниматься выше и приблизились ко *второму мытарству* – мытарству *лжи*, на котором истязается всякая ложь, клятвопреступления, призвание имени Божья всуе, неисполнение обетов, данных Богу, утаение грехов пред духовником на исповеди. «Остановив нас, духи этого мытарства начали испытывать меня подробно, и я обличена была в двух грехах, именно: случилось мне не раз лгать, впрочем, в вещах маловажных, чего я не вменяла и в грех, и еще много раз, по ложной стыдливости, я неискренно исповедала грехи свои пред отцом моим духовным. Радуюсь тому, в чем меня обличили, бесы хотели исхитить меня из рук

несущих ангелов; но святые ангелы, как и прежде, противоположили нечто из добрых дел моих и таким образом, искупив меня, повели выше». После этого они достигли *третьего мытарства* – мытарства осуждения и клеветы, где истязаются оклеветание ближнего, осуждение, уничижение, обеславление его, ругательство и насмешки над ним, с забвением собственных согрешений и недостатков. Подвергшихся грехам этого рода лютые истязатели истязают с особенною жестокостью как антихристов, предвосхищающих сан Христов, и самозванных судей, судящих ближнего, хотя сами достойно тысячекратно большего наказания. «Но во мне, по благодати Божьей, немного что нашлось из этих грехов, и мы пошли выше». На *четвертом мытарстве* – мытарстве *чревоугодии* истязаются объедение, пьянство, ядение без молитвы, нарушение постов, сластолюбие, пресыщение, пированье, словом – все роды угождения чреву. По избавлении от этого мытарства, Феодора, несколько ободрившись, вступила в беседу со святыми ангелами и сказала им: «Кажется мне, никто из живущих на земле не знает совершающегося здесь и того, что ожидает грешную душу по смерти?» Святые Ангелы отвечали ей: «Разве не объясняет этого Божественное слово, ежедневно читаемое в церквах и проповедуемое служителями Божьими? Но пристрастившиеся к земным суетам не обращают внимания на слово Божье, считают наслаждением ежедневное насыщение и пьянство, пресыщаются и упиваются без страха Божья, имея себе богом чрево, не помышляя о будущей жизни и не внимая Писанию, которое говорит: *горе вам, насыщенные ныне! ибо взалчете* (Лук. 6:25). Баснею считают они Святое Писание, живут в небрежении и довольстве, ежедневно веселятся светло и пируют при звуки музыки и при пении хоров, подобно богачу, упоминаемому в Евангелии. Впрочем те из них, которые милостивы, благодетельствуют пищим и помогают нуждающимся, удобно получают от Бога прощение своих грехов и ради милостыни своей проходят мытарства безбедственно. *Милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех* (Товит. 16:9). Тем, которые не стараются милостынями очистить грехи свои, невозможно избежать бедствия на

мытарствах: их похищают мытари и низводят, люто муча, в преисподние темницы ада, где держат в узах до страшного Христова суда». Так беседуя они достигли *пятого мытарства* – мытарства *лености*. Там сочтены все дни и часы, проведенные в лености, в нерадении о служении Богу; там истязается уныние, оставление церковных молитвословий, по лености, небрежению и хладности к Богу; там истязаются тунеядцы, снедающие чужие труды и не хотящие сами трудиться, также наемники, получающие плату, но исполняющие свою обязанность с небрежением. За этим мытарством следовало *шестое мытарство* – мытарство *воровства*, или *татьбы*, на котором рассматриваются всякого рода хищения, грубые и благовидные, явные и тайные; потом – *седьмое мытарство* – мытарство *сребролюбия* и *скупости*. «Не были мы также задержаны и на этом мытарстве, потому что в жизни своей не заботилась я о множестве имений и не была сребролюбива, но довольствовалась тем, что Господь посылал мне; а что имела у себя, из того усердно уделяла требующим». Затем ангелы с Феодорою достигли *восьмого мытарства* – мытарства *лихвы*, на котором истязаются отдающие деньги свои в рост, старающиеся о незаконном прибытке, делающие все из корысти и присвояющие себе чужую собственность. Здесь также они не были задержаны, пошли далее, благодаря Бога, и пришли к *девятому мытарству* – мытарству *неправды*, на котором уличаются несправедливые судьи, увлекающиеся на судах пристрастием или мздою и оправдывающие виновных, а невинных осуждающие; здесь рассматриваются ложные весы и меры купцов и прочие неправды. «Но мы, по благодати Божьей, безбедно прошли и это мытарство, равно как и следующее за ним» – *десятое мытарство* – мытарство *зависти*. На нем истязают завидующих благу ближнего, людей злорадных, не имеющих любви, братоненавистников, недружелюбных и подобных им.

Выше помещается *одиннадцатое мытарство* – мытарство *гордости*, где надменные духи с презрением истязают гордость, тщеславие, самомнение, презорство, величание, невоздаяние должной чести родителям, духовным и

гражданским властям, неповиновение им и послушание их. «Не смотря на гнев истязующих духов, мы свободно прошли и *двенадцатое мытарство* – мытарство *гнева и ярости*, благодаря Господа, покрывающего грешную мою душу, по молитвам отца моего, преподобного Василия». Затем следовало *тринадцатое мытарство* – мытарство памятозлобия, на котором немилосердно истязаются держащие в сердце злобу на ближнего и воздающие злом за зло. «Но милосердие Божье и там меня покрыло, потому что я от юности, по мере сил моих, блюлась от этого греха и хотя гневалась иногда, однако, всемерно удерживалась питать в душе зло на брата, зная, что *без любви и незлобия невозможно спасение*, какие бы жертвы я ни приносила Богу». По прошествии из этого мытарства, Феодора спросила ангелов: «Прошу вас, скажите мне, откуда эти страшные воздушные власти знают все злые дела всех людей, живущих во всем мире, не только явные, но и тайные?» Святые ангелы отвечали: «Каждый христианин получает от Бога при святом крещении ангела – хранителя, который, невидимо храня человека, наставляет его денно – ночью на всякое благое дело в течении всей жизни его до самого смертного часа. Он записывает все добрые дела этого человека, за которые последний мог бы получить милость и вечное воздаяние от Господа в небесном царстве. Также и князь тьмы, желающий вовлечь весь род человеческий в свою гибель, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который всюду следует за человеком, замечает все его злые дела, поощряет к ним кознями своими и, посещая мытарства, записывает там все грехи человека, внося каждый грех в соответственное мытарство. Вот почему воздушным властям известны грехи всех людей во всем мире. Когда ж душа, разлучившись с телом, стремится взойти на небо, к Создателю своему, тогда лукавые духи препятствуют ей в том, обличая ее грехами ее, записанными у них. Если душа имеет больше добрых дел, нежели грехов, то они не могут удержать ее. Если же найдется в ней более грехов, то они удерживают ее на время и заключают в темнице невидения Бога: там они мучат ее, доколе сила Божья попустит их мучить и доколе эта душа не

будет искуплена церковными молитвами и милостынями ближних. Если же душа окажется столько грешною и мерзостною пред Богом, что ей не остается никакой надежды спасения, но ожидает ее вечная погибель, то они тотчас же низводят ее в бездну, где имеют и для себя уготованное место вечного мучения: они держат ее там до второго пришествия Христова, после которого душа соединится с телом и уже вместе с ним будет мучиться в геенне огненной». После этой беседы Феодора достигла *четырнадцатого мытарства* – мытарства *убийства*, на котором истязаются не только разбой и убийство, но и всякое ударение, заушение, нанесение раны, причиненное в гневе. «Но мытарство это мы миновали безбедно, равна как и» – *пятнадцатое мытарство* – мытарство *волхования*, где истязаются чародейство, обаяние, составление отрав, наговоры, шепоты и чародейное призывание бесов. На этом мытарстве темные духи не нашли ничего чем бы уличить блаженную Феодору, и в ярости кричали ей: «Придешь на блудные мытарства – увидим, избежишь ли их?» Подымаясь еще выше, она спросила святых ангелов: «Неужели все христиане проходят этими местами и никому из них невозможно пройти, не подвергаясь истязаниям и страху?» Святые ангелы отвечали: «Нет другого пути для христианских душ, выходящих к небу: все проходят здесь, но не все бывают так истязаемы, как истязаются подвергшиеся грехопадениям и не вполне исповедовавшиеся в них, стыдившиеся отца духовного и утаившие пред ним свой постыдные дела. Если же кто по истине исповедует грехопадения, жалеет о них и раскаивается в содеянном зле, того грехи невидимо заглаждаются милосердием Божиим, и когда душа придет сюда, воздушные истязатели, разогнув свои книги, ничего не находят в них, почему не могут ни оскорбить ее, ни утешить, и душа с радостью восходит к Престолу Благодати». Во время этой беседы они достигли *шестнадцатого мытарства* – мытарства *блуда*, на котором истязается всякого рода любодеяние, т. е. блудный грех лиц, не обязанных супружеством, а также помысел блудный, коснение в этом помысле, соизволение на него, услаждение им, сладострастные воззрения, скверные осязания

и прикосновения. Когда Феодора достигла этого мытарства, темные духи, принадлежащие к нему, очень удивились, что она дошла до них, и с жестокостью обвиняли ее, особенно по причине ее неоткровенности пред духовным отцом. «И обличили меня нечистые духи в сем грехе, показывая мне даже самые лица, с которыми я грешила в юности моей, и время и место когда и где я согрешила. И не было у меня, что сказать им в свою защиту, – только трепетала я от страха и исполнялась стыда. Видя мое смущение святые ангелы сказали за меня: «Давно оставила она блудную жизнь и много лет пожила в чистоте и воздержании». – «Знаем, отвечали бесы, что давно оставила она блудную жизнь, – но где ее добрые дела?» Тогда святые ангелы представили им как мои добрые дела, так и многое из дарованного святым Василием, и я избавившись от беды, могла идти с ангелами далее». Потом они пришли на *семнадцатое мытарство* – мытарство *прелюбодейное*, на котором истязаются блудные грехи лиц, живущих в супружестве, не сохранивших супружеской верности и брачного ложа неоскверненным; здесь грозно истязаются похищения и насилия блудные, также блудные падения лиц, посвященных Богу, обещавших чистоту свою Христу, но нарушивших обет. *Восемнадцатое мытарство* – мытарство *содомское*, где истязаются все противоестественные блудные грехи и кровосмешения, вообще все сквернейшие, тайно совершаемые дела, *о них же, по словам апостола срамно есть и глаголати*. Когда они миновали это мытарство, святые ангелы сказали Феодоре: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства! Знай, что редкая душа минует их свободно: весь мир погружен во зле соблазнов и скверн, все люди сластолюбивы. *Помышление сердца человеческого – зло от юности его (Быт. 8:21)*. Мало умерщвляющих плотские похоти, и мало таких, которые бы свободно прошли мимо этих мытарств. Большая часть дошедши сюда, погибает. Власти блудных мытарств хвалятся, что они одни более всех прочих мытарств наполняют огненное родство в аде. Благодарю Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца твоего, преподобного Василия? Уже более не

увидишь страха». После этого они пришли на *девятнадцатое мытарство* – мытарство ересей, где истязаются неправильное мудрование о вере, сомнения о вере, отступничество от православной веры, богохульства и тому подобные согрешения против единого истинного исповедания веры. «Это мытарство я прошла без испытания, и мы были уже недалеко от врат небесных». Но и еще встретили их злобные духи последнего – *двадцатого мытарства* – мытарства *немилосердия*, на котором истязаются немилосердие и жестокость. Нет слов изобразить лютость истязателей и князей этого мытарства. Вот где суд без милости не сотворившему милости. Хотя бы кто совершил многие подвиги, посты, бдения, коленопреклонения, молитвословия; хотя бы кто соблюл чистоту Девства неоскверненной и изнурил воздержанием тело, но был немилосерд и затворял сердце свое от ближнего, – тот с этого мытарства низвергнется в адскую бездну, и нет ему милости во веки.

Наконец, Феодора, вместе с своими святыми спутниками и руководителями, приблизилась с неизреченною радостью к вратам небесным. Врата небесные светились, как кристалл; из них разливалось неизреченное сияние, и стояли в них солнцеобразные юноши. Увидев преподобную, руководимую ангелами, они исполнились веселья о ней, что она, покрываемая Божьим милосердием, избежала воздушных мытарств, и с великою любовью ввели ее во врата.

«Потом ангелы привели меня, – повествует блаженная Феодора, – в обитель отца моего, блаженного Василия, и сказали мне: «Ныне преподобный Василий память о тебе творит». Из этого я разумела, что исполнился сороковой день по разлучении моем с телом».

Когда это видение кончилось, и Григорий, пробудившись от сна и удивляясь тому, что видел и слышал, встал и пришел к преподобному Василию принять обычное благословение, – преподобный спрашивает его: «Где ты был в ночь сию, чадо Григорие. Спал, отче, на одре моем, отвечал Григорий. Старец продолжал: «Знаю, – телом ты почивал на одре, но духом был инде. Разве ты забыл, что Бог открыл тебе в эту ночь в сонном

видении? Вот ты получил желаемое: видел Феодору и многое слышал, от нее самой, и в моей обители был и видел, что благодатью Христовою уготовано мне ради малого труда моего».

Григорий же, слыша это, уверился еще более, что сон его был не мечта, но Божье откровение.

е) Сороковой день и его значение

Спрашивал святой Макарий Александрийский ангела, сопровождавшего его в пустыне: «Прошу тебя изъяснить сие: когда святыми Отцами предано совершать в церкви приношение Богу за усопшего в 3-й, 9-й и 40-й день, то какая из того происходит польза душе преставившегося?»

Ангел отвечал: «Бог не попустил ничему быть в церкви Своей неблагопотребному и бесполезному, но установил в Церкви таинства и повелел совершать оныя. Ибо когда в 3-й день бывает в церкви приношение, то душа умершего получает от стрегущего ее ангела облегчение в скорби, которую она чувствует от разлучения с телом, получает потому, что за нее совершено славословие и приношение в церкви Божьей, от чего в ней рождается благая надежда. В продолжение же двух дней душе позволяется вместе с находящимися при ней ангелами ходить по земле, где хочет. Поэтому душа, любящая тело, скитается иногда около дома, в котором разлучилась с телом, иногда около гроба, в котором положено тело, и таким образом проводит два дня, как птица ища себе гнезда. А добродетельная душа ходит по тем местам, в которых имела обыкновение творить правду. В третий же день Тот, Который воскрес в третий день из мертвых, повелевает, в подражание Его воскресению, вознестись всякой христианской душе на небеса для поклонения Богу всяческих. И так церковь имеет благое обыкновение совершать в третий день приношение и молитву за душу.

«После поклонения Богу повелевается от Него показать душе различные приятные обители Святых и красоту рая. Все это рассматривает душа шесть дней, удивляясь и прославляя Содетеля всего, Бога. Созерцая же все это она изменяется и забывает скорбь, которую имела, будучи в теле. Но если она

виновна во грехах, то, при виде наслаждений Святых, начинает скорбеть и укорять себя, говоря: Увы, мне! Как я осуетилась в том мире! увлеклась удовлетворением плоти и провела большую часть жизни в беспечности, и не послужила Богу как должно, дабы и мне удостоиться этой благодати и славы. Увы, мне бедной!

«По рассмотрении же, в продолжение шести дней, всей радости праведных, душа опять возносится ангелами на поклонение Богу. Итак хорошо делает церковь, совершая в 9-й день службы и приношение за усопшего.

«После вторичного поклонения, Владыка всех повелевает провести душу по аду и показать ей находящиеся там места мучения, разные отделения ада и разнообразные мучения нечестивых, находясь в которых души грешников непрестанно рыдают и скрежещут зубами. По этим различным местам мук душа носится 30 дней, трепеща, чтобы и самой не быть осужденною на заключение в них. В 40-й день она опять возносится на поклонение Богу, и теперь уже Судия определяет приличное ей по делам ее местопребывание. Итак, правильно поступает церковь, совершая поминовение в сороковой день об усопших, принявших крещение».

Таково ангельское откровение святому Макарию Александрийскому о состоянии душ усопших!

Итак, сороковой день от разлучения души с телом есть день определения участи или жребия души в загробной жизни всеобщего воскресения на частном суде Христовом.

При этом нельзя не отметить знаменательного соответствия между состояниями Господа Иисуса Христа и судьбою усопших.

«Как в сороковой день не от смерти Господа, так как она разрешилась Его воскресением, но именно от Его воскресения, Господь превознес воспрιαтое Им в Свою личность человеческое естество в решительное состояние Своей славы – восседание на престоле Его Божества, одесную Отца: так, по этому первообразу, усопшие в сороковой день по смерти своей вводят своими душами в определенное, соответственное своему нравственному достоинству состояние.

«Как Господь, совершив дело нашего спасения в Своей жизни и смерти и запечатлев его Своим воскресением, увенчал все это дело Своим вознесением в сороковой день Своей прославленной жизни: так души усопших, совершив свое жизненное поприще на земле, в сороковой день своей загробной жизни, в области духовной получают, по Христову суду (частному еще, конечно), свой заслуженный жребий».

«Как Господь наш, вознесшись в сороковой день Своей жизни, открывшейся в Нем по смерти Его воскресением, *всегда сидит одесную Бога Отца, прочее ожидая, дóндеже положатся врази Его подножие ног Его* (Евр. 10:12, 13): так и усопшие в своем состоянии и жребии, присуждение которого им от Господа церковь полагает в сороковой день по их смерти, остаются (хотя и не без возможности перемены) до всеобщего воскресения и страшного суда Христова».

Это соответствие признается и утверждается в самом слове Божьем. Апостол говорит: как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, единожды принеся Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение (Евр. 9:27, 28)¹²⁷.

ж) Два необходимых замечания о мытарствах

1. «Что делается с душою в продолжение первых сорока дней по ее разрешении от тела? Почему в сороковой день, а не вслед или непосредственно за смертью оказывается судьба покойного определению (хотя и не решительно, не без возможности изменения по благодати Божьей, испрашиваемой верою и церковью) Христовым частным судом до всеобщего воскресения и суда? Разве нравственное состояние и достоинство совершившего подвиг жизни не определимо без предварительных исследований и даже истязаний?»

Само собою разумеется, что нравственное состояние и достоинство человека не только всегда открыто для нашего Судии Господа, но определяется для самой души человека чрез самые его нравственные расположения и дела, как только они появляются или совершаются. Но дело в том, что это нравственное состояние и достоинство духа человеческого

открыться вполне для собственного сознания и ощущения может (до раскрытия характера и порядка вечной жизни после всеобщего воскресения) не иначе, как с некоторою последовательностью и постепенностью, при последовательном выступлении для его сознания и ощущения внутреннего порядка и процесса образования в нем известных расположений, совершения им известных дел. Этот нравственный порядок и процесс обосновывается всегда на свободном произволении или самоопределении человека, но не иначе, как под влиянием живых духовных сил света и тьмы. Это теперь совершается сокровенно. Но без определенного разграничения того, что принадлежит свободному самоопределению человека, от того, что относится к влияниям на него духовного мира, не может вполне выясниться и определиться для человека нравственное его состояние и достоинство. И вот перед вами открывается глубокий, соответственный самому существу дела смысл, так называемых мытарств, или некоторых духовных испытаний, которые проходит душа в первое время по разрешении от тела, – испытаний, при ясности для души влиявших на нее сил света и тьмы. Само собою разумеется, что образ этих испытаний для нас вполне невыясним теперь, соответствуя уже новому, для нас неведомому еще, порядку бытия загробного, и потому даже и неизобразим иначе, как только согласно с чувственно образным порядком нынешней жизни. Так именно, а не иначе, церковь, со свидетельства святых, и возвещает нам об этих мытарствах... Через эти мытарства или испытания выясняются для души нравственное ее состояние и достоинство: последние, и действительно, должны выясниться не иначе, как по отношению и к земному поприщу человека, и к светлому назначению его от Бога, и к ниспадению его в адские мраки. Известно, что нравственные действия и движения верующего бывают такие или другие, добрые или худые, судя по тому, насколько он бывает внимателен, бодрствен или небрежен по отношению к долгу и свойству земного своего поприща, к памяти об ожидающем человека рае и аде. Это все, с свойственною душевной жизни последовательностью, и должно выступать со всею силою для созерцательного сознания

отшедшей из нашего мира души, при испытательном выяснении нравственного ее состояния и достоинства, пока, наконец, суд Христов (частный), с открытою уже для самой души правдою, назначит жребий ей до всеобщего, уже решительного суда. Последовательный порядок всего этого, без сомнения, вполне согласно с самым существом и началами нашего спасения, соотнобразяется с порядком состояний Христовых, раскрывшихся от Его смерти до запечатлевшего и увенчавшего все Его дело, превознесения Его, и с человечеством Его, до престола Его Божества, так как и самый порядок этих Христовых состояний, кроме обоснования его в Божественных соотнобразениях и планах Христова домостроительства, был согласен несомненно и с восприимчивостью человеческого Его естества, нам сродного»¹²⁸.

2. «Должно заметить, что как вообще в изображении предметов мира духовного для нас, облеченных плотью, неизбежны черты, более или менее чувственные, человекообразные, так в частности неизбежно допущены они и в подробном учении о мытарствах, которые проходит человеческая душа по разлучении с телом. А потому надобно твердо помнить наставление, какое сделал ангел преподобному Макарию Александрийскому, едва только начинал речь о мытарствах: «земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных»¹²⁹ Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а сколько для нас возможно, в смысле духовном, и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой церкви, при единстве основной мысли и мытарствах, представляются различными (сравн., напр., подробное изображение мытарств в слове св. Кирилла Александрийского и в житии преподобного Василия Нового»)¹³⁰.

3) Действительное бытие дьявола

Не только учение о мытарствах, но и все вообще учение христианское необходимо предполагает не прозрачное, а действительное бытие дьявола, личного противника Бога и людей; и отрицание существования и деятельности дьявола именно как существа личного и разумного, потрясает и

ниспровергает все гармоническое здание учения о домостроительстве Божьем. Между тем признание существования злого духа как личности, как хорошо известно, служит для многих камнем притыкания. Очень многие готовы признать бытие Божье, не прочь даже допустить существование добрых духов, но находят неудобным и невозможным признание существования злого духа, от которого всячески стараются отделаться. Вот почему мы находим нужным рассмотреть именно здесь этот существенно важный вопрос.

И прежде всего обратимся к Божественному Откровению, выраженному в слове Божьем.

Тоже слово Божье, которое говорит о духах добрых, говорит также и о духах злых (Лук. 7:21), называя их еще *духами нечистыми* (Мф. 10:1), *духами злобы* (Ефес. 6:12), *бесами* или *демонами* (Лук. 8:30, 33, 35). В частности оно различает между ними одного главного, которого именует всего чаще *дьяволом* (1Петр. 5:8), *искусителем* (Мф. 4:3), *сатаной* (Апок. 22:2, 7), иногда *веелзевулом* (Лук. 11:15), *велиаром* (2Кор. 6:15) *князем мира сего* (Иоан 12:31), *князем власти воздушныя* (Ефес. 2:2), *князем бесовским* (Мф. 9:34) и под.; а прочих злых духов, по отношению к нему, называет *ангелами дьявола* (Мф. 25:41), *ангелами сатаны* (Апок. 12:7, 9).

Что этот дьявол и ангелы его принимаются в Свящ. Писании за существа личные и действительные, а не воображаемые только, это видно – во *первых* из книг ветхозаветных, в которых повествуется, что не раз, когда пред лице Божье являлись ангелы Божьи, вместе с ними являлся и дьявол, и потом подробно описываются те многоразличные бедствия, какими дьявол искушал праведного Иова, по допущению Вседержителя (Иов. 1:6; 2:2 и след.). Повествуется также, что *дух лукавый давяше Саула*, когда *отступил* от него *Дух Господень* (1 Цар. XVI), что *воста диавол на израиля и подусти Давида, да счислит Израиля* (1 Парал. XXI, 1). В пророчесственном видении Захарии изображается первосвященник Иисус, стоящим пред лицом ангела Господня, а одесную Иисуса – диавол, как его обвинитель (Захар. III, 1). Наконец, Премудрый свидетельствует: *завистию диаволею*

смерть вниде в мир (Прем. Солом. II, 24). Во всех этих случаях, особенно же в первом и в двух последних, не представлять диавола существом личным и действительным значило бы совершенно извращать смысл речи.

Во вторых, из новозаветных книг еще яснее видно признание диавола существом личным и действительным. Для доказательства этого достаточно привести несколько примеров.

Об ясняя притчу о семени и плевелах, Спаситель говорит: *Сеющий доброе семя есть Сын человеческий; поле есть мир; доброе семя – это сыны царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть ангелы* (Мф. XIII, 37 – 39). Здесь диавол представляется таким же существом действительным и личным, как Сын человеческий, как ангелы, как сыны царствия и сыны лукавого.

Когда фарисеи обвиняли Спасителя, будто Он *изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского* (Мф. 12, 24), то Спаситель не только не сказал, что веельзевул и его бесы не суть существа действительные, чем прямо была бы опровергнута нелепая мысль фарисеев, – напротив, отвечал такими словами, которыми ясно засвидетельствовал подлинность бытия сатаны и его царства. *Если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как – же устоит царство его? И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями. Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас царствие Божье. Или как может кто войти в дом сильного и расхитить, вещи его, если прежде не свяжет сильного и тогда расхитит дом его* (– 26 – 29).

Когда апостолы спросили однажды Спасителя наедине, отчего они не могли изгнать духа нечистого из человека. Господь также не только не сказал им, что это вовсе не был дух нечистый и что вообще нечистые духи не существуют на самом деле, напротив преподавал правило, как изгонять злых духов: *сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста* (Марк. 9:29).

В том страшном приговоре, который произнесет праведный Судия грешникам: *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его* (Мф. 25:41), дьявол и его ангелы ясно отличаются от злых людей и представляются существами действительными, которым определено вечное наказание.

Апостол Иаков говорит: *(И бесы веруют и трепещут Иак. 2:19)*. Значит, они суть существа разумные, мыслящие.

Апостол Иоанн свидетельствует: *Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего – то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола* (1Ин. 3:8). Можно ли согласиться, чтобы здесь под именем дьявола разумелось существо не действительное, а только воображаемое?

Апостол Павел пишет: *Чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы* (2Кор. 2:11), – и следовательно изображает дьявола существом мыслящим; а в другом месте выражает желание, чтобы противящиеся истине освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю (2Тим. 2:26), – и таким образом учит, что дьявол есть существо личное, имеющее собственную волю.

Против библейского учения о дьяволе возражают, что представление о дьяволе возникло не на почве народа Израильского, но имеет персидское происхождение, и что иудеи усвоили себе это представление уже в плену вавилонском: библейское учение о дьяволе имеет, говорят, несомненное сходство с персидским учением об Аримане, злом начале. С другой стороны утверждают, что в тех местах евангелий, где идет речь о дьяволе, Иисус Христос только приспособляется к иудейской народной вере или суеверию.

На это мы должны сказать следующее:

а) Учение о дьяволе существовало у народа Израильского несомненно гораздо раньше плена вавилонского, как видно из приведенных выше мест ветхозаветных книг.

б) Ветхозаветное учение о дьяволе представляет диаметрально противоположность с персидским учением об Аримане:

Ариман считается по дуалистическому учению персов самостоятельным богом, а падший сатана есть *творение*, происшедшее от Бога и обуславливаемое Богом.

Ариман с значительным успехом воюет с Ормуздом (добрым началом), а дьявол – только бессильное, хотя и сопротивляющееся орудие Божественного Промысла.

Ариман творит вредных животных, – дьявол не творит, а старается только разрушать.

Наконец, Ариман произошел из вечного первосущества (Zeruane akerene) прямо в качестве злого начала, тогда как дьявол, по учению Писания (Ин. 8:44, 2Петр. 2:44; Иуд. 6), первоначально был добрым и сделался злым только вследствие злоупотребления своею свободой.

в) Мудрое приспособление Иисуса Христа к предрассудкам толпы, хотя Он Сам и не разделял их, составляло, говорят, характеристическую особенность Его учения. И в учении о злом духе. Он, по утверждению некоторых, только приспособлялся к иудейским понятиям о дьяволе и об ангелах вообще. Однако, этому утверждению противоречит то обстоятельство, что в данном случае Иисус Христос допускает такое приспособление не только к народу, но и к ученикам Своим, о которых однако прямо говорит, что им дано знать тайны царствия Божья (Лук. 8:10): и им также Он неоднократно и недвусмысленно говорит о дьяволе (Мф. 8:25, 39; 16:17; Лук. 8:5,12; 10:17 – 20; 22:31 и друг. места). Вполне несомненно, – и этого отнюдь нельзя опровергнуть, – что Иисус Христос положительно представлял как народу, так и ученикам Своим, дьявола источником греха. Вообще все попытки устранить учение о дьяволе из священного Писания оказывались всегда тщетными, несостоятельными: если уж какое другое понятие можно назвать вполне *библейским*, то в особенности понятие о дьяволе.

Сын Божий явился в мир для того, чтобы разрушить дела дьявола (1Ин. 3:8). Поэтому Ему нельзя было избежать борьбы с князем тьмы. Второму Адаму предстояло возратить все то, что потерял первый Адам. Итак как первый Адам не устоял в искушении, то ему (искушению) должен был подвергнуться снова второй Адам. К нему приступил в пустыне древний змий –

искуситель, но был Им отражен и посрамлен. Отвергающие бытие дьявола и читающие его пустою фантазмагорией тем самым допускают, будто Христос явился в мир для того, чтобы разрушить дела пустой мечты. И если дьявол есть не более, как только олицетворение злого начала, то значит Христос был только безличною идеею. А допускать, – как хотят некоторые, – что искушение Иисуса Христа в пустыне было не действительным, историческим событием, а только внутренним процессом, совершавшимся в душе Искупителя мира, значит покушаться на Его безгрешность: если Он был искушаем своими собственными внутренними мыслями и пожеланиями, то, стало быть, Он носил в Себе злые мысли и влечения и потому Сам был грешником. А этим разрушался бы весь образ Иисуса, начертанный нам евангелистами. Искушение *должно было* и *могли* придти к Нему только *извне*, но отнюдь не изнутри, как оно пришло и к первому человеку.

Да, и к первому человеку искушение пришло извне: человек не был отцом лжи, не был самостоятельным виновником, творцом греха. Он имел роковое несчастье сделаться только сыном лжи и греха. Один есть отец лжи, виновник греха и всякого зла – дьявол.

Что грех действительно существует, это – факт несомненный, удостоверяемый жизнью и историей. Но грех не есть нечто изначала и необходимо данное в самой природе человеческой. Не составляет ли он следствия ограниченности природы человеческой или низшей степени добра, переходной только ступени к совершенству: нет, он есть положительное отрицание добра, положительное зло.

Откуда же грех в человеке? Нельзя возводить его к Богу, в котором нет никакой тьмы (1Ин. 1:5) и который не искушает никого к злу (Иак. 1:13, 17). Было бы ужасно и противно всякой психологии производить грех из самой природы человеческой. Его можно возводить только к духовному злему существу, стремящемуся отторгнуть волю человека от святой воли Божьей. Если мы ведем борьбу с существующим в нас самих злом, если в самые святые минуты душу нашу часто обуревают тяжкие искушения, то кто не скажет, что эта борьба происходит

не от плоти и крови, как первого своего источника, но от невидимых сил, враждующих с Богом из за обладания нашим сердцем. Объяснить вполне существование зла, его страшную глубину и могущество можно не иначе, как только при допущении духовного мира, закоренелого в зле и находящегося в таинственных отношениях к человеку.

Вместе с тем учение о злом духе искушающем, обольщающем, подстрекающем на зло полно для человека великого утешения и проливает свет надежды в такие области жизни, которые – не будь этого учения – были бы покрыты непроглядным, безотрадным мраком. В самом деле, как ни глубоко пал человек, однако, он как относительно первого греха, так и относительно каждого из последующих грехов есть только существо, подвергшееся и подвергающееся соблазну и обману, а не дьявольски злое. У него всегда остается надежда на исправление и искупление. Но поистине нельзя было бы не придти в отчаяние, если бы пришлось верить, что все те разнообразные внушения зла; которые подымались в сердце человека, в нем самом и зарождались. Поистине нельзя было бы без мрачного отчаяния глядеть на судьбу всего рода человеческого, если бы необходимо было верить, что все гнусные грехопадения и страшные преступления, совершенные человечеством, были им самим задуманы, взлелеяны в его собственной груди, а не внушены посторонним влиянием. Но если это сделано было *врагом* (Мф. 13:28), тогда не следует еще терять надежды: хотя сердце человеческое и есть та почва, на которой прозябли все злые помыслы и злые дела, однако, самое семя, из которого они прозябли, всеяно в него чужою рукою.

«И кто станет отрицать существование в человеке этих дьявольских внушений, совершенно отличных от его животных стремлений? Конечно, никто, испытавший в своей груди страшную возможность подстрекательства ко греху, никто, изучавший надлежащим образом нравственные летописи мира. Чем, как не этим, объяснить то, что люди не только отступают от Бога, но и восстают против Него? что беззаконники, вместо того, чтобы просто забыть Бога, не касаясь уже Его вовсе,

произносят Его имя своими устами так же часто, если еще не чаще тех, кто любит Его и служит Ему? Как иначе объяснить изрыгаемые на Него дерзкие хулы, ту деятельную ненависть к Нему, которой нельзя не признать в иных злых людях? Они – не атеисты, – это слово выразило бы слабо и неверно, кто они: нет, они скорее антитеисты. Чем иным может быть изъяснено услаждение при виде страданий или при причинении мучений, многие странные изобретения злобы, а главное – свирепость и, так сказать, сладострастие в ненависти? Чем иным изъяснить предпочтение зла ради самого зла и ту неистовую радость, которую люди часто находят в нарушении закона, услаждаясь самым этим нарушением, и все иные «*mala gaudia mentis*» (злые утехи ума), так хорошо охарактеризованные поэтом одной фразой?

«Тайна эта столько же необъяснима, сколько и страшна до тех пор, пока человек и слышать не хочет ни о подземном духовном мире, ни о небесном; но она становится весьма понятной, как скоро мы признаем зло, гнездящееся в человеке, не вполне его собственным, как скоро мы открываем грехопадение, предшествовавшее его падению, и законопреступника, согрешившего прежде него, – того, который пал не так, как пал человек, потому что падение человека милосердо приостановлено тою же плотью, при посредстве которой оно и сделано; а этот первопадавший пал так, как могут пасть только духи – с высоты неба в бездну ада. Этим же объясняется и то, что раз он пал, восстать он уже не может никогда, так как он никем не был обольщен, не был искушен другим, как обольщен и искушен был Адам: он сам предпочел зло вполне сознавая, что оно зло; сам отступился от добра, вполне сознавая, что оно добро; и таким образом его грех является по существу своему грехом против Духа Святого и как таковой не может быть прощен ни в этом веке, ни в будущем. Все объясняется, как скоро мы признаем существование такого духа, который, погибнув сам без надежды искупления, старается погубить таким образом другие создания Божьи: считая для себя еще малой победой то, что довел человека до животного состояния, он хотел бы сделать и его дьяволом.

Бесчисленные нравственные, и духовные явления этого падшего мира свидетельствуют и уверяют в личном существовании такого искусителя»¹³¹.

Что касается числа падших или злых духов, то Священное Писание не определяет его, но дает разуместь, что число это велико, когда говорит о бесах и духах нечистых в числе множественном (Лук. 10:17, 20; Ефес. 6:12 и друг.), свидетельствуют, что в стране Гадаринской Спаситель из одного человека изгнал бесов многих – легион (Лук. 8:30) и представляет изречение Спасителя: *если сатана разделится сам в себе, то как устоит царство его* (Лук. 11:18). Значит, нечистые духи составляют целое царство. Некоторые из учителей церкви, на основании слов Апокалипсиса (12:4): *хвост его (змея) отторг третью часть звезд небесных* гадали, что дьявол увлек за собою третью часть мира ангельского¹³². Но другие – наибольшая часть – держались той мысли, что «им отторгнуто, ему последовало и с ним ниспало бесчисленное множество подчиненных ему духов»¹³³, не определяя, сколько именно.

Отдел третий. Погребение и поминовение православного христианина

1. Погребение православного христианина

То, что ты сеешь, не оживет если не умрет (1Кор. 15:36).

а) Отходная

При конце жизни человека, при отходе его из этого мира, над ним читается особый *канон*, который в Требнике Малом озаглавляется так: «Канон молебный ко Господу нашему Иисусу Христу и пречистой Богородице Матери Господни, при разлучении души от тела всякого правоверного». При конце канона полагается особая молитва. Этот канон, читаемый «от лица человека, с душою разлучающегося и не могущего глаголати», обыкновенно называется *отходною*.

Вот несколько тропарей из этого умирительно – трогательного канона:

«Се мя, Владычице, страх усрете, его же и бояхся, се подвиг велик объят мя, в немже буди ми помощница, надежде спасение моего».

«Устне мои молчат и язык не глаголет, но сердце вещает: огонь бо сокрушения сие снедая внутри возгарается и гласы неизглаголаннми Тебе, Дево, призывает».

«Ночь смертная мя постиже неготова, мрачна же и безлунна, препущающи неприготовлена к долгому оному пути страшному, да спутешествует ми твоя милость, Владычице».

«Великой последней гласящей трубе в страшное и грозное воскрешение суда, воскресающим всем, помяни мя тогда, Святая Богородице».

«Зря конец близу жития моего и помышляя безместных мыслей, деяний же, Всечистая, душу мою делательницу, люте уязвляюся стрелами совести: но преклоншися милостивно буди мне предстательница».

В заключение всего от иерея глаголетсЯ следующая *молитва на исход души*.

«Владыко Господи Вседержителю, Отче Господа нашего Иисуса Христа, Иже всем человеком хотяй спастися и в разум истины приити, не хотяй смерти грешному, но обращения и живота! Молимся и милися Ти деєм: душу раба Твоего (имя рек) от всякие узы разреши, и от всякие клятвы свободы, остави прегрешения ему, яже от юности, ведомая и неведомая, в деле

и слове, и чисто исповеданная, или забвением или студом утаенная. Ты бо един еси разрешали связанные и исправляя сокрушенные, надежды неначаемым, могий оставляти грехи всякому человеку, на Тя упование имущему. Ей, человеколюбивый Господи, повели, да отпустится от уз плотских и греховных, и приими в мире душу раба Твоего сего (имя рек), и покой ю в вечных обителях со Святыми Твоими, благодатию едиnorodного Сына Твоего, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, с Ним же благословен еси, с пресвятым, и благим, и животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь».

В большом Требнике (глава 75) есть особый «Чин, бываемый на разлучение души от тела, внегда человек долго страждет». Этот Чин состоит из канона и двух молитв, из коих первая («Молитва о души судимей») по содержанию вполне сходна с молитвою в Отходной, а вторая «о долгострадающем умрети» читается так:

«Господи Боже наш, иже неизреченною Твоею мудростию создавый человека и от персти сего вообразивый, в вид и доброту красивый, яко честное и небесное стяжание, в славословие и благолепие Твоя славы и царства, за еже по образу и по подобию сего привести, но понеже заповедь преступи Твоего повеления, прием образ и не сохранив и сего ради да не зло бессмертное будет, человеколюбию повелевый разрешению сему и нерушимей сей узе, яко Бог отцев, Твоим Божественным хотением отсецши и разытися, и телу убо от них же сложися разытися, душе же тамо преселитися, идеже и еже быти прияла есть, даже до общего воскресения: сего ради молимся Тебе безначальному и бессмертному Отцу, и едиnorodному Твоему Сыну, и пресвятому Твоему Духу, да от тела разрешение (имя рек), во упокоение сотвориши, и аще что в ведении или в неведении приразися Твоей благодати, или под клятвою священническою бысть, или своя родители преогорчи, или клятву преступи, или в мечтания демонская и волхвования студная впаде, завистию лукаваго демона, прощения от Твоея неизреченныя благодати моля: ей, Владыко Господи Боже, услыши мене грешного и недостойного раба Твоего в час сей и

разреши раба Твоего (имя рек) нестерпимыя сея болезни и содержащая его горькие помощи и упокой его, идеже праведных дуси, яко Ты еси упокоение душ и телес наших, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь».

б) Омовение и облачение умершего

Ни один народ не оставлял без попечения тел своих умерших: для всех был священ тот закон, чтобы погребение сопровождалось приличными обрядами. В своих погребальных обычаях каждый народ, сообразно с своим духом и характером, выражал свою заботливость о скончавшихся. Суеверные египтяне бальзамировали тела своих умерших, обвязывали их тонкими повязками хранили их или в пирамидах, или в других местах. Воинственные и жестокие римляне омывали тело умершего холодной водою, намащали его и сжигали на устроенном для этого костре. Когда пламя совершенно погасало, собирали пепел тела, кропили его вином и молоком и заключали со слезами и духами в урну. У народа Божия – иудеев мы встречаем также погребальные обряды, но более кроткие, сообразные с природою, чуждые суеверия и бесчеловечия язычников. Иудеи не бальзамировали и не сжигали тел умерших, но намащали их благовониями, обвивали тонким полотном и погребали в пещере, или гроте (Ин. 19:39 – 41). В память умершего преломляли над ним хлеб (Второз. 26:14. Иерем. 16:7); а для выражения своей скорби о скончавшемся посыпали голову пеплом, а иногда налагали на себя пост (1Цар. 31:13; 2Цар. 1:12; 3:35). Св. вера Христова, сообщившая между прочим, и высокое понятие о человеке – христианине, заставляет с почтением смотреть на него и тогда, когда он ляжет бездыханен и мертв. Этот умерший христианин теперь – добыча смерти, жертва тления, но он член Иисуса Христа (1Кор. 12:27); в развалинах этого, некогда величественного храма, носился, жил и действовал животворящий Дух Божий (1Кор. 6:15 – 19); тело христианина освящено приобщением божественного тела и крови Христа Спасителя.

Можно ли же не воздавать почтения Иисусу Христу, Которого умерший есть член? Можно ли презирать Духа Святого, Которого умерший был храмом?»¹³⁴. Наконец, это мертвое и тленное тело христианина снова оживет и облечется

нетлением и бессмертием (1Кор. 15:53). Поэтому – то наша православная церковь, освящая своими священнодействиями все важнейшие случаи в жизни христианина, не оставляет сына своего без материнских попечений и тогда, когда он перешел из этого мира в далекую и неведомую страну вечности. Трогательные обряды, совершаемые св. церковью над гробом христианина, не пустые и пышные церемонии, которые часто изобретаются тщеславием и суетностью человеческого и которые не трогают сердца и ничего не говорят уму, напротив того имеют глубокий смысл и значение и, будучи основаны на внушениях св. веры, ведут свое начало от богопросвещенных мужей древности.

Когда тело христианина лежит бездыханно, тогда с материнскими попечениями церкви о умершем начинаются и заботливые попечения о нем дружбы, родства и знакомства. *Тело*, или по выражению Требника¹³⁵, *мощи* усопшего тотчас по смерти *омываются* – в знамение духовной чистоты и непорочности жизни умершего и из желания, чтобы он в чистоте предстал пред лице Бога по воскресении. Основанием этого благочестивого обычая служит для христиан пример Божественного нашего Исккупителя, прей чистое тело Которого, по свидетельству св. Иоанна Златоуста¹³⁶, по снятии с креста было омыто, а также пример христиан времен апостольских, имевших обыкновение омыwać тела своих усопших (Деян. 9:87). У писателей после апостольских веков мы находим не только свидетельства об обыкновении омыwać тела усопших, но и подробные описания самого образа совершения этого обряда в древней христианской церкви. Так из жизнеописания св. Макрины, сестры св. Василия Великого, мы узнаем, что омовение тела умершего простиралось на все части тела и что при совершении этого обряда петы были псалмы богодухновенного Давида. Сочинитель 2-го слова на Иова, приписываемого обыкновению св. Златоусту, представляя трогательную картину нежной родительской заботливости об умирающем – сыне, упоминает между прочим и об омовении. «Когда сын испустит дух, то родители по повелению Того, Кто

даровал им сына, заботятся о нем, расprostируют его руки, закрывают глаза и омывают».

Но монахов и священников не омывают после смерти. «Егда кто от монахов ко Господу отыдет, понеже не подобает омыватися телу его, ниже видетися отнюдь нагу, на сие учиненный монах отирает мощи его теплою водою, творя прежде губою крест на челе скончавшагося, на персех, на руках, на ногах и на коленях, вящше же ничтоже»¹³⁷.

«Егда кто от мирских священников отыдет ко Господу, приходят три священницы и снемлют его со одра, и полагают на земли на рогозинице. И понеже не подобает измovenну быти, обнажену от священников, отирают его со елеем чистым»¹³⁸.

После омовения тела христианина, его *одевают в новые одежды*. Этим заранее указывается на новое одеяние нашего нетления и бессмертия (1Кор. 15:53)¹³⁹. Одежды одеваются сообразные званию или служению умершего. Они изображают, что по воскресении человек должен будет дать отчет Богу, как он исполнял свой долг в том звании, в которое был призван; ибо «вси оживут, кийждо в своем чину» (1Кор. 15:22, 23). Итак, одевают в монашеское одеяние и обвивают его мантиею, для чего она разрезывается несколько и усopший обертывается укроем, или пеленою (Ин. 11:44), крестообразно¹⁴⁰. Лицо его закрывается в знак того, что умерший во время земной жизни удален был от мира. Умершего священника одевают сперва в обычные его одежды, потом и во всю священническую одежду и покрывают лицо его воздухом, в знак того, что он был совершитель тайн Божьих и особенно святых тайн Тела и Крови Христовых. Этот воздух потом уже не бывает в потреблении, но опускается с умершим в землю. «Диакона же и прочих клириков такожде по облачении в обычных одеждах, в их чиновни надежная одеяния облачении да будут»¹⁴¹. Усопшего архиерея облачают в архиерейскую одежду. Епископ постригшийся пред смертью в схиму, в схиме и погребается, а обыкновенный – в ризах¹⁴².

На умершего мирянина, одетого в новые и чистые одежды, полагают *саван* (lintheum, пелены) – белый покров, указывающий на те белые одежды, в которые облачают по крещении, и

потому знаменующий, что умерший сохранил до конца жизни обет, данный им при крещении¹⁴³.

Белый покров, полагаемый ныне на умершего, заменил собою белые одежды; в которые имели обыкновение облекать умерших в древней христианской церкви. Обычай этот восходит ко временам самого Иисуса Христа, которого тело обвито было чистым полотном (Лук. 23:53). Тела святых мучеников были облакаемы в чистые льняные одежды. О всеобщности этого обычая в древней христианской Церкви можно заключать из слов блаженного Иеронима (в жизни Павлы), который убеждает богачей своего времени не тратить богатства на погребальные одежды и не оставлять древнего и священного обычая облекать умерших в простые белые одежды. Св. Златоуст, объясняя значение белых погребальных одежд, называл их одеждами нетления и бессмертия. Мы имеем самое осязательное свидетельство о всеобщности этого обычая в древней Церкви: в Риме и в других местах находили тела древних христиан в белых одеждах. Эти белые одежды состоят из рубашки, которую древние называли *плащаницею* (сикдоний). Рубашка завязывалась подвязками, как обыкновенно пеленают младенцев. Затем головная повязка, называемая *убрусом* (сударем), покрывала не только лицо, но и всю верхнюю часть тела до ног.

В руки как архиерею, так и священнику дается *Евангелие*, в знак того, что они возвещали людям учение Евангелия. Кроме Евангелия, в руки архиерея и священника обыкновенно полагается еще *крест* – символ спасения живых и мертвых; в руки монаху и мирянину полагают *икону* Спасителя, в знак того, что они веровали во Христа и предали Ему душу, что они в жизни предзрели Господа пред собою и теперь переходят к блаженному лицезрению Его со Святыми.

Когда наступит время полагать усопшего во гроб, тогда священник *кропит святою водою тела* умершего и *ковчег* его извне и изнутри и *абие* влагает е в нем¹⁴⁴.

На челе умершего полагается *венчик*. Умерший христианин украшается венцем, как борец, с честью оставивший поле подвига¹⁴⁵, как воин, одержавший победу. На венчике находится

изображение Господа Иисуса Христа, Пречистой Богоматери и св. Иоанна Предтечи, с надписью «Трисвятого». Этим показывается, что окончивший свое земное течение надеется за свои подвиги получить венец (2Тим. 4:7,8) только по милосердию Троиственного Бога и ходатайству Божьей Матери и Предтечи.

Когда явились венчики, полагаемые на чело умершего, в таком виде, то есть с изображением Иисуса Христа, Божьей Матери и св. Предтечи и с написанием Трисвятого, исторически определить нельзя, по недостатку свидетельств. В Требнике, употребляемом в настоящее время, и в Требнике Петра Могилы нет ни одного намека на обряд увенчивать умершего. Вероятно, обычай этот соблюдался в род и был так всеобщ в церкви, что не требовал положительных узаконений и правил, оставшись таким образом незамеченным в истории, по самой своей всеобщности и обычности.

Тело умершего покрывается священным *покровом* в знак того, что умерший, как верующий и освященный таинствами, находится под покровом Христовым.

Над умершим архиереем и священником читается *Псалтирь*, по словам Симеона Солунского, в умилоствление Бога. Ибо говорит он, какая другая может быть жертва Богу в умилоствление о предлежащем, как не сия, то есть благоветствование о воплощении Бога, Его учении, таинствах, даровании оставления согрешений, спасительных страданиях за нас, животворной Его смерти и воскресении.¹⁴⁶ Евангельское слово выше всякого «последования», и его прилично читать над освященными¹⁴⁷.

Над умершим мирянином и монахом читается *Псалтирь*. Это чтение утешает сетующих об усопшем и располагает их к молитве о нем Богу. Так как чтение Псалтири по умершим назначается преимущественно для молитвы за него, то оно прерывается поминовением усопшего, с особенным молитвенным обращением к Богу, с произношением самого имени покойного. Обычаем принято повторять такое молитвенное обращение к Богу по окончании нескольких псалмов, отделяемых в книге Псалтирь словом: «Слава». Эта

молитва, начинающаяся словами: «Помяни, Господи Боже наш», печатается не между псалмами, а в Последовании «на исход души», которое находится как в Псалтири Малой; так и в Псалтири с последованием.

В древней христианской церкви над гробом христианина пелись псалмы во все то время, доколе умерший оставался непогребенным. Трогательное зрелище представляет нам св. Григорий Нисский, описывая, как при гробе сестры его целую ночь пел псалмы и как эта торжественность напоминала собою те катакомбы, куда собирались первые христиане для совершения молитв над гробами мучеников¹⁴⁸. Иногда, впрочем, и в древности, как и в наше время, чтецы читали Псалтирь над умершим, как можно заключить из слов св. Златоуста: «Для чего, – спрашиваю я тебя, – призываешь ты пресвитеров и поющих псалмы? Не для того ли, чтобы и они тебе доставили утешение и почтили мертвого?»¹⁴⁹.

Не без причины и не без цели церковь, с древних времен, положила читать над гробом умершего книгу Псалмов, а не другую книгу Священного Писания. Христианин должен с радостью провожать брата своего из земли странствия, кровавых подвигов и трудов в блаженную страну вечности и петь торжественный псалом и гимн Богу, освободившего усопшего от уз мира. С другой стороны смерть ближних наших возбуждает в нас столько разнообразных чувствований и мыслей. Что же лучше петь нам над гробом нашего ближнего, как не Псалтирь, которая воспроизводит все многообразные движения души нашей, так живо сочувствует и нашей радости, и нашей скорби, так много проливает утешения и ободрения в скорбящее сердце?¹⁵⁰ Наконец, книга Псалмов такова, что всякий молящийся и читающий ее может произносить слова ее как свои собственные, чего нельзя сказать ни о какой другой книге¹⁵¹. Поэтому, слыша над гробом христианина уныло – томный голос чтеца, воображаешь, что молитва богодухновенного царя – пророка Давида как бы произносится, запечатленными устами самого умершего: он как бы сам из гроба умоляет милосердие Божье о своем помиловании.

в) Панихида

Так как, по учению церкви, душа человека проходит страшные мытарства в то время, когда тело его лежит бездыханно и мертво, то, без сомнения, в это время она (душа усопшего) имеет великую нужду в помощи церкви. Чтобы облегчить душе переход в другую жизнь, над гробом православного христианина, тотчас по смерти его, начинаются молитвы об упокоении души его, или поются *панихиды*.

Начало панихид, или всенощных бдений, восходит к самым первым временам христианства. Гонимые иудеями и язычниками, христиане могли молиться и совершать бескровную жертву, без помехи и тревог, только в самых уединенных местах и ночью. Ночью же только могли они убирать и провожать на вечный покой тела святых мучеников. Это делалось так, истерзанное, обезображенное тело какого либо страдальца за Христа они тайно, с большими предосторожностями и иногда с величайшими опасностями для самих себя, уносили куда-нибудь в далекую пещеру или в самый уединенный, безопасный дом; здесь в продолжение всей ночи они пели над ним псалмы, потом отдавали ему благоговейное целование и к утру предавали земле. Впоследствии точно так же провожали на вечный покой и тех, которые хотя и не страдали за Христа, но всю жизнь посвящали на служение Ему, как напр., проводил на вечный покой св. Григорий Нисский сестру свою Макрину (память ее 19-го июня). Такое всенощное псалмопение над почившим называлось *панихидою*, то есть всенощным бдением. Отсюда молитвы и псалмопения над почившим или в память его и получили название панихиды.

Панихида начинается псалмом девятым: «Живый в помощи Вышнего» и т. д. В этом псалме выражается мирная безтревожная жизнь человека, живущего под покровом Всевышнего, – до того мирная и безтревожная, что его не могут возмутить не только никакие страшные для других явления здешней жизни, но даже и переход из этой жизни в другую,

столь ужасный для всех. Ничего не убоится он, – не только жизненных стрел, но и ужасов смертной ночи. Откуда же такая небоязненность? От несокрушимой ничем веры в слова Господа: «За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прослаблю его». Можно ли с таким Заступником и Покровителем бояться чего бы то ни было, хоть бы то было страшнее самой смерти?

После псалма следует великая ектенья, в которой после каждого прошения, молящиеся возглашают: «Господи помилуй».

Миром Господу помолимся.

О свышнем мире и о спасении душ наших Господу помолимся

Помолимся Господу об оставлении согрешений скончавшегося, да незабвенна будет память об нем.

Помолимся Господу об упокоении, мире и доброй памяти всегда незабвенного раба Божья (такого – то).

Помолимся Господу, чтобы Он простил ему всякое согрешение, намеренное и не намеренное.

Помолимся Господу, чтобы он (скончавшийся) мог без осуждения предстать пред страшным престолом Господа славы.

Помолимся Господу о тех, которые плачут, скорбят, ждут утешения от Христа.

Помолимся Господу, чтобы скончавшийся был избавлен от всякого мучения, скорби и душевных страданий, и был вселен там, где все полно светом лица Божия.

Помолимся, чтобы Господь Бог наш упокоил душу его в месте светлом, радостном, мирном, там, где праведники пребывают.

Помолимся Господу, чтобы он (скончавшийся) вступил в среду Авраама, Исаака и Иакова.

О избавить нас от всякие скорби, гнева и нужды, Господу помолимся.

Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью.

Испросив милость Божью, царство небесное и оставление грехов тому (скончавшемуся) и себе самим, поручим Христу Богу друг друга и всю нашу жизнь. (Тебе, Господи).

Чтомым же ектеньям иереи все преклонше главы чтут молитву сию тайно:

«Боже духов и всякой плоти, победивший смерть, уничтоживший власть дьявола и даровавший жизнь Твоему миру! Сам, Господи, упокой душу скончавшегося раба Твоего (такого – то) в месте света, блаженства, мира, где нет никаких мук, скорбей и душевных страданий. Как благой и человеколюбивый Бог, прости ему всякое согрешение, совершенное им или словом или делом или мыслию; потому что нет человека, который провел бы земную жизнь без греха: един Ты без греха; правосудие Твое – правосудие вечное и слово Твое – истина».

Первостоятель же возглашает:

«Потому что Ты, Христе Боже наш, воскресение, жизнь и упокоение усопшего раба Твоего (такого – то), и Тебя прославляем с безначальным Твоим Отцем, и пресвятым, и благим, и животворящим Твоим Духом, теперь и всегда и в вечные веки, аминь».

Затем *Аллилуйя* трижды и тропарь:

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Содетелю, упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего: на Тя бо упование возложи, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Слава:

На Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

И ныне:

Тебе и стену и пристанище имамы и молитвенницу благоприятную к Богу, Его же родила еси, Богородице безвестная, верных спасение.

После этого поется 118-й псалом, или 17-я кафизма, обозначаемая в богослужбных книгах словом: *Непорочны* (словом, находящимся в первом стихе ее: «Блажени непорочии в путь, ходящий в законе Господни»). В этой кафизме

изображается блаженство ходивших в законе Господнем. Особенность пения ее состоит здесь в том, что она разделяется не на три *Славы*, как прочие кафизмы, а на две половины, или статьи. В первой половине к каждому стиху прибавляется припев: «Помяни, Господи, душу раба Твоего». Окончательные стихи (92-й и 93 – й) первой половины: «Если б не закон Твой утешением моим был, погиб бы я в бедствии моем. Во век не забуду повелений Твоих, ибо ими Ты оживляешь меня» – поются трижды.

Потом ектенья малая, собственно заупокойная:

Паки и паки миром Господу помолимся.

Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божья (имя рек) и о еже проститися ему всякому прегрешению, вольному же и невольному.

Яко да Господь Бог учинит душу его, иде же приведши упокоятся.

Милости Божия, царства небесного и оставления грехов (его у Христа, бессмертного Царя и Бога нашего просим. (Подай, Господи).

Господу помолимся.

Иерей произносит втай (Типик, глава 14) молитву: «Боже духов». Лик же поет тихогласно (Тип. гл. 14 и Последование субботы мясопустная) «Господи помилуй» 40 раз, дónдеже скончает священник молитву: «Боже духов» (Тип. гл. 13).

Затем возглас. «Яко Ты еси воскресение и живот...

После этого поется вторая статья кафизмы, начинающаяся словами (ст. 94): «Твой есмь аз, спаси мя; яко оправданий Твоих взысках», с припевом к каждому стиху: «Упокой, Господи душу раба Твоего». В заключение поются трижды конечные стихи псалма: Жива будет душа моя и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне. Заблудих яко овча погибшее, взыщи раба Твоего, яко заповедей Твоих не забых».

Вслед за этим поются *тропари непорочны*, или тропари за упокой (числом 8), с припевом к каждому стиху из 118-го псалма. «Благословен Ты, Господи! научи меня уставам Твоим».

«Лик Святых обрел источник жизни и дверь в рай: да найду и я путь туда чрез раскаяние, я, потерянная овца. Спаситель! воззови (подай мне голос, найди) и спаси меня».

«Святые мученики, проповедавшие Агнца Божья и сами закланные, как агнцы, и переселившиеся туда, где жизнь не стареет и вечно не изменяется! молитесь Его усердно, чтобы Он даровал нам прощение грехов».

«Вы все, которые шли тесным и горьким путем, которые во время земной жизни наложили на себя крест, как ярмо, и верою последовали за Мной! приидите насладитесь теми наградами, которые Я приготовил вам, и венчайтесь венцами небесными».

«Хоть и ношу я на себе язвы грехов, но все же я отражение Твоей невыразимой языком человеческим славы. Владыка! окажи милосердие Твоему созданию, очисти по Своему человеколюбию и даруй мне желанную отчизну, делая меня снова жителем рая».

«Ты, вначале из ничтожества создавший меня и украсивший Своим Божественным образом, но за нарушение заповеди опять возвративший меня в землю, из которой я взят! восставь меня, чтобы во мне отразилось прежнее совершенство».

«Боже! упокой раба Твоего и всели его в рай, где лики Святых и праведники сияют, как светила (небесные). Господи! упокой скончавшегося раба, оставляя (ставя ни во что) все грехи его».

(Слава): «Благоговейно воспеваем трисиятельное единого Божества, взывая: Свят Ты, Отец безначальный и собезначальный Сын и Божественный Дух! Просвети нас, служащих Тебе верою, и избавь вечного огня».

(И ныне) «Радуйся, чистая, родившая Бога плотию для спасения всех, Ты, чрез которую спасся род человеческий! Богородица чистая, благословенная! да найдем и мы чрез Тебя рай».

«Аллилуия, аллилуия, аллилуия, Слава Тебе Боже!" (трижды)».

Затем заупокойная ектенья, седальны, псалом 50-й и *канон усопших*, с припевом к тропарям: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего».

По третьей песни ектенья и *седален*:

«О, поистине все – суета, вся жизнь – тень и сновидение. Так напрасно ж суетится всякий житель земли (всякий земнородный), как говорит Писание: хотя бы мы приобрели и целый мир, все таки переселимся в могилу, куда переселяются одинаково и цари, и нищие. Но, Христе Боже, упокой преставившегося, как человеколюбивый».

По шестой песни ектенья и *кондак*:

«Со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, где нет болезней, скорбей и страданий, но жизнь вечно блаженная».

Икос: «Сам Ты, Творец и Создатель человека, един бессмертен; а мы – все земные, из земли созданы и в ту же землю возвратимся, как повелел Ты, Создатель: ты – земля и в землю возвратишься. Туда – то все мы, земнородные, и пойдем, с надгробными рыданиями возглашая песнь: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя».

По девятой песни – Трисвятое, Отче наш и заупокойная лития:

«Спаситель! упокой с праведными духами душу раба Твоего скончавшегося, сохраняя ее в блаженной жизни, которая у Тебя, человеколюбивый».

«Господи! упокой душу раба Твоего в месте покоя, где покоятся все Святые Твои, ибо Ты един человеколюбивый ».

(Слава): «Ты – Бог, сошедший во ад и освободивший содержащихся там: Сам упокой и душу раба Твоего».

(И ныне): «Дева, единая чистая и непорочная, родившая Бога без семени! моли, чтобы спаслась душа его».

Ектенья и отпуск, в заключение которого возглашается:

«Господи! в блаженном успении подай вечный покой скончавшемуся рабу Твоему (такому – то) и сотвори, чтобы незабвенна была память его».

«Вечная память!» отвечают на это возглашение трижды молящиеся.

г) Вынос тела

Не долго мертвое тело православного христианина остается в том месте, где он преставился, но скоро выносится в храм для отпевания. Пред выносом тела из дома совершается над ним лития, сопровождаемая каждением вокруг него. Это каждение или означает то, что душа умершего христианина, подобно кадильному фимиаму, возносящемуся вверх, восходит на небо, к престолу Вышнего, или же знаменует приятность в очах Божьих молитв церкви об умершем¹⁵². Начало и основание священного обычая православной церкви кадить тело умершего можно находить в примере Иисуса Христа, которого тело при погребении, намащено было благовонными мастьями (Ин. 19:39, 40). Подтверждением этой мысли служит то, что в священных обрядах, изображающих погребение Иисуса Христа, всегда употребляется каждение фимиамом, знаменующим те ароматы, которыми намащено было тело Спасителя¹⁵³.

Погребальная процессия христианская, не смотря на свой печальный характер, отличается священной торжественностью.

В воздухе раздается архангельская песнь в честь Святой Троицы: *Святой Боже*, в ознаменование того, что умерший при жизни исповедовал Живоначальную Троицу и теперь переходит в царство бесплотных духов, окружающих престол Вседержителя и немолчно воспевающих Ему трисвятую песнь. При выносе из дома в церковь усопших священников и монахов обыкновенно поются песнопения, положенные в Требнике при выносе их из церкви к могиле и имеющие отношение к их званию, – именно при выносе *священника* ирмосы великого канона: *Помощник и Покровитель*, а при выносе *монаха* – стихиры: *Как житейская сладость пребывает печали не причастна...*

«И взявше мощи усопшего отходим в храм, предыдущим священником со свечами, диакону с кадильницею»¹⁵⁴. И все окружающие гроб и провожающие покойника имеют в руках зажженные свечи, как бы торжествуя победу и выражая духовную радость о возвращении своего брата к вечному и

неприступному Свету '). Этот святой обычай восходит своим началом к глубочайшей христианской древности. Когда тело св. Иоанна Златоуста было перенесено из Коман в Константинополь, то у сопровождавшего это шествие многочисленного народа были в руках свечи, так что Босфор (пролив Константинопольский) казался огненным от отражения в волнах его света ламп З). Св. Григорий Нисский повествует, что диаконы и пресвитеры провожали гроб блаж. Макрины с зажженными свечами. Когда св. Цезарий, брат св. Григория Богослова, торжественно несен был ко храму Мучеников, то мать его умеряла скорбь свою о сыне несением свеч пред гробом его.

При провождении умершего, священно и церковнослужителям повелено идти пред гробом, младшим впереди, а старшим близь гроба, по два в ряд, и пред умершим нести крест¹⁵⁵. Иногда вместо креста несут икону.

При погребении священников и архиереев, обыкновенно впереди гроба несут хоругви, крест и Евангелие. И несение тела священника сопровождается звоном.

Есть местности (в южных губерниях России), в которых от глубокой старины, сохраняется обыкновение при выносе всякого умершего медленно ударять в колокол.

Этот погребальный звон напоминает живым, погрязшим в суете земной страшную трубу Архангела, зовущую на суд. Прислушиваясь к нему невольно припомнишь свой конец; невольно помолишься за почившего, хотя бы он был совсем для нас чужой. Нельзя не пожалеть о том что этот прекрасный, умильный обычай не везде соблюдается.

Погребальная процессия древних христиан, при торжественности своей, представляла вместе и трогательное зрелище любви, дружбы и признательности живых к умершему. Тело усопшего было несено ко храму, а не перевозимо. Друзья, родственники и благодетельствованные несли тело своих умерших друзей, родственников и благодетелей. Так, св. Григорий Нисский сам нес тело сестры своей Макрины. Иногда сами первосвященники оказывали свое уважение к благочестивым умершим, подставляя свои святительские плеча

под гробовые носилки. Впоследствии впрочем в больших городах учрежден был особенный класс людей для выноса тела умерших христиан. В Африке эта обязанность лежала на *кающихся*. 81 – е правило IV-го Карфагенского собора повелевает кающимся выносить мертвых и погребать их.

Благочестивый обычай – останавливаться с погребальной процессией пред храмами, встречающимися на пути, и молиться здесь о упокоении усопшего, имеет древнее основание. Историк Созомен повествует¹⁵⁶, что когда тело Мелетия, епископа Антиохийского, несено было из Константинополя в Антиохию, то в городах при каждом месте, достойном уважения, процессия останавливалась и пелись псалмы.

В Большом требнике, в Последовании исходном монахов, сказано: «Вземше братия мощи умершего, относят в церковь, и аще убо Священник есть отшедый брат, полагаются мощи его посреде храма, аще же простец (то есть простой монах), в притворе». То же говорит и Симеон Солунский: «Усопших настоятельствовавших посвященных отпевают внутри храма, а монахов простых и мирян в притворе, что мы еще видим в некоторых святых обителях». Но он прибавляет, что ныне этот чин оставлен¹⁵⁷. Поэтому в Требнике, в последовании погребения мирских человек, и читаем: «Егда же приидут во храм, мощи убо полагаются в паперти (*или в храме*, яко же zde в Велицей России обыче»). По принесении в церковь, тело умершего поставляется посреди храма с лицом открытым и обращенным к востоку (головой к западу, а ногами к востоку), а около гроба становятся светильники. Таким положением тела умершего, церковь хочет выразить свое материнское желание, чтобы не только живые, но и умершие участвовали духовно в приношении таинственной жертвы и чтобы усопший, не имея возможности молиться Богу своими мертвыми и запечатленными устами, молил благого Бога о помиловании самым своим положением.

д) Отпевание

По совершении божественной литургии, начинается последнее молитвословие об умершем христианине, или совершается чин погребения.

Чин отпевания и погребения мирян, по своему составу, подобен панихиде или утрени и состоит из трех частей, во 1-х, из чтения псалмов 90-го: «Живый в помощи Вышнего» и 118-го: «Блажени непорочнии»; во 2-х, из пения канона, стихир, блажен, чтения Апостола и Евангелия и ектении; в 3-х, из стихир при последнем целовании, отпуста, пения при несении тела умершего к могиле и литии на ней.

При отпевании мирян 17-я кафизма, или псалом 118-й, разделяется на *три* статьи, или части. В первой и последней статьях каждый стих псалма сопровождается пением «Аллилуия», а каждый стих второй статьи – пением: «Помилуй раба твоего». Статьи же, или части кафизмы обозначаются в богослужебных книгах так: 1-я статья словами: «Непорочнии в путь», 2-я статья словами: «Заповеди Твоя (т. е. словами из первого стиха второй статьи «Руце Твои сотвориште мя и создасте мя, вразуми мя и научуся заповедем Твоим»., стих 73); 2-я статья обозначается словами: «Имя Твое», (которыми оканчивается 1-й стих 3-й статьи: «Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое», стих 132). Когда мы читаем в Требнике, в последованиях погребения мирян и священников, что поют «Непорочнии в путь», «Аллилуия», то должны знать, что эти слова, принадлежащие первой статье, поет сначала один певец на клиросе, и притом особым напевом (каждую статью на особый глас), и что затем всю ту статью должны петь и прочие певцы тем же напевом, с присоединением, после каждого стиха статьи, слова: «Аллилуия». Точно также и перед второю статью печатаются слова: «Заповеди Твои», «Помилуй раба Твоего», а перед третьею статью: «Имя Твое», «Аллилуия». Все это означает, что во 2-й статье, после каждого стиха равно как и после слов: «Заповеди Твоя», должно присоединять: «Помилуй раба Твоего», а на 3-й статье, после

каждого стиха и после слов: «Имя Твое», должно прилагать: «Аллилуия»; и таким образом певцы должны петь все стихи тем же напевом, каким предназначал их петь один¹⁵⁸.

После 1-й и после 2-й статьи произносится заупокойная (малая) ектеня. После 3-й статьи поются тропари непорочны: «Святых лик обрете источник жизни», с припевом; «Благословен еси, Господи». Затем следует заупокойная ектеня и тропарь (называемый в 14-й главе Типикона; «седален покоин»):

Покой, Спасе наш, с праведными раба Твоего и сего всели во дворы Твоя, якоже их писано, презирая, яко благ, прегрешения его, вольная и невольная, и вся, яже в ведении и в неведении, Человеколюбце.

(Слава, конец): И вся, яже в ведении и в не ведении, Человеколюбце.

(И ныне, Богородичен): От Девы возсиявый миру, Христе Боже, Сыны света тою показавый, помилуй нас.

Затем начинается вторая часть отпевания. Читается 50-й псалом. *Помилуй мя, Боже*, и поется канон, творение Феофаново¹⁵⁹, его же краестроичие (акrostих): «Шестую припеваю отшедшему песнь». При каноне обыкновенно поется припев: Упокой, Господи, раба Твоего».

Содержание канона: моление о почившем; объяснение, каким путем вошла смерть в среду людей, созданных для бессмертия; указание средств восторжествовать над нею и получить бессмертие, как восторжествовали мученики и все угодившие Господу Богу.

По 3-й песни канона и малой ектении об упокоении, поется седален: «Воистину суeta всяческая...», а по 6-й песни и после малой ектении, поется кондак: «Со Святимы упокой» и икос: «Сам един еси бессмертный».

По 9-й песни канона и малой ектепии, поются на 8 гласов *восемь самогласных стихир*¹⁶⁰, в которых изображается скоротечность жизни и тленность земных благ¹⁶¹. Стихиры самогласны – это вопль человека над развалинами жизни человеческой, вопль о суete, ничтожности, всех бедствиях и скорбях, вопль – следствие горького опыта и плод внимательных наблюдений над всеми сторонами жизни

человеческой. Это – не ощущение только, но как бы осязание во всем земном тления, разрушения и смерти; это картина жизни человеческой, не радующая и не пленяющая взора нашего, по возбуждающая болезненное сотрясение во всем нашем существе, – картина, при взгляде на которую рассеиваются все наши надежды на земное, разбиваются о камень все наши помыслы и мечты, ноет сердце и болит душа...

«К какой жизненной радости не примешивается скорбь? Какая слава держится непоколебимо? Все ничтожнее тени, все обманчивее ночных грез! Одно мгновение – и все уничтожается смертью! Но, Христе человеколюбивый, упокой того, кого Ты воззвал от нас, во свете лица Твоего и в наслаждении уготованном Тобою избранным».

«О, как тяжело разлучение души с телом! О, как невыносима тогда ее скорбь! – и нет никого, кто бы разделил с нею эту скорбь. Обращается она к ангелам, – и напрасно молится им; призывает на помощь людей, – и никто не является. Но, братья мои возлюбленные, вспомнивши свою мимолетную жизнь, будем просить у Христа упокоения усопшему и своим душам великой милости».

«Все человеческое – суета, что нейдет дальше смерти; богатство – ни к чему; слава – только до могилы. Предстанет смерть – все пропало. Но будем молить бессмертного Христа: Господи! взятого от нас упокой там, где наслаждаются блаженством все, угодившие Тебе».

«Где есть мирское пристрастие? где есть привременных мечтание? где есть золото и серебро? где есть рабов множество и молва? Вся – персть, вся – пепел, вся – сень. Но приидите, возопиим бессмертному Царю: Господи, вечных Твоих благ сподоби представльшегося от нас, упокая его в нестареющем блаженстве Твоем».

«Вспомнил я слова пророка: я – земля и пепел. Потом всмотрелся в могилы и увидел обнаженные кости, и сказал себе: да кто ж тут царь, кто воин? который богатый или нищий? который праведник или грешник? Но, Господи, упокой с праведными раба Твоего!»

«Начаток мне и состав зиждительное Твое бысть повеление: восхотев бо от невидимого же и видимого жива мя составить естества, от земли тело мое создал еси, дал же ми еси душу Божественным Твоим и животворящим вдохновением. Тем же, Христе, раба Твоего во стране живущих и в селениях праведных упокой».

«По образу Твоему и по подобию создавый в начале человека, в рай поставил еси владети Твоими тварьми. Завистью же дьяволею прельстився, снеди причастия, заповедей Твоих преступник быв. Тем же паки в землю, от нея же взят бысть, осудил еси возвратитися, Господи, и испрости упокоение».

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробех лежащую по образу Божью созданную нашу красоту – безобразну, бесславно, не имущую вида. О чудесе! что сие еже о нас бысть таинство? како предахомся тлению? како сопрягохомся смерти? – воистину Бога повелением, якоже писано есть, подающего преставльшемуся упокоение».

Какая сладость в жизни сей
Земной печали не причастна?
Чьи ожиданья не напрасны?
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели.
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?
Все – пепел, призрак, тень и дым;
Исчезнет все, как вихорь пыльный;
И перед смертью мы стоим
И безоружны, и бессильны:
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские веленья...
Приими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!
Как грозный витязь, смерть нашла,
Меня, как хищник, низложила,
Свой зев разинула могила

И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада! –
Из гроба к вам взываю я, –
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем, как цветы.
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши – разрушенье...
Прийми усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!
Средь груды тлеющих костей
Кто царь? кто раб? судья иль воин?
Кто царства Божья достоин?
И кто отверженный злодеи?
О, братья! где серебро и золото?
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?
Все – пепел, дым, и пыль, и прах,
Все призрак, тень и приведенье.
Лишь у Тебя на небесах,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнет все, что было плоть,
Величье наше будет тленье...
Прийми усопшего, Господь,
В Твои блаженные селенья!
И Ты, Предстательница всем!
И ты, Заступница скорбящим!
К Тебе о брате здесь лежащем,
К Тебе, Святая, вопием:
Моли Божественного Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы усопший на земли
Оставил здесь свои кручины!

Все – пепел, прах, и дым, и тень!
О, други, призраку не верьте!
Когда дохнет в нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем, как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах...
Прийми усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!
Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды.
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды.
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыдания,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье.
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает, –
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! в тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье, –
Прийми усопшего раба
В Твои блаженные селенья!¹⁶²

После горького плача новозаветного Иеремии (св. Иоанна Дамаскина) о разрушении величественного Иерусалима – человека, слышится сладчайший голос Иисуса Христа о разных видах блаженства, уготованных христианину в будущей жизни. После мрачной картины земной жизни человеческой, в резкой противоположности с нею представляется светлая и величественная картина будущей блаженной жизни, – и смерть этот ужас земнородных, перестает быть страшною в глазах христианина.

Следующее затем чтение *Апостола* и *Евангелия* возвещает нам о будущем воскресении мертвых.

Чтобы не оставить в страждущем сердце места для печали и ни одного облака сомнения, могущего родиться в душе при

виде разрушения прекраснейшего из творений Божьих, св. Апостол Павел возвышает свой утешительный глас, переносит мысль нашу за пределы гроба и раскрывает пред нами дивные тайны будущего славного преображения тела человеческого.

Заупокойный Апостол – зачало 270, 1-го послания к Солунянам глава IV, стихи 13 – 17.

«Братие, не хочу оставить вас в неведении о умерших, дабы вы не печалились, как и прочие, не имеющие надежды. Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божьей, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках на воздух, в сретение Господу, и таким образом всегда с Господом будем».

Наконец, Сам Иисус Христос, устами священника, утешает и обнадеживает нас, как верный друг, как милосердый и сострадательный благодетель, осушающий наши слезы и проливающий отраду и радость в сердце, растерзанное горем и печалью.

Заупокойное Евангелие – от Иоанна зачало 16 – е, гл. V, стихи 25 – 30:

«Сказал Господь пришедшим к Нему (уверовавшим в Него) иудеям: Истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божья и, услышав оживут. Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе, и дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын человеческий. Не дивитесь сему, ибо наступает время, в которое все находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божья и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения. Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен: ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца».

После чтения Евангелия произносится ектенья об упокоении: *Помилуй нас, Боже*. После этой ектеньи священник произносит вслух не только возглас: *Яко Ты еси воскресение и живот*, но и всю молитву: *Боже духов*; предшествующую этому возгласу. В Требнике сказано: «И по исполнении сего (ектеньи) глаголет первый от священников, или Архиерей прилучився, молитву: *Боже духов* велегласно, пришед близь умершего. Такожде и настоящий священники вси. Ведоможе буди, яко глаголему коемуждо прошению от диакона, во елико глаголется прошение от него, глаголет выше реченную молитву кийждо священник, по чину своему, тайно, близь умершего, и возглашает: *Яко Ты еси воскресение и живот*. Нынеже от первого священника или Архиерея глаголется *велегласно* молитва: *Боже духов*, якоже выше речеся. По возгласе – же бывает целование». (Последование погребения мирских человек).

Последнее целование, или прощание с умершим совершается при пении трогательных стихир, которые в состоянии потрясти самую нечувствительную душу. Но церковь прощальными песнями хочет только сильнее и живее напечатлеть в сердце живущих памятование о страшном дне смерти, а не возбудить в нас безотрадную скорбь. С другой стороны, снисходя к немощи нашей природы, она позволяет страждущему сердцу излить скорбь свою и заплатить дань природе.

Вот некоторые из этих прощальных стихир.

«Братья! Придите – отдадим последний поцелуй умершему, благодаря Бога. Вот он оставил родных своих и спешит в могилу. Теперь у него уже нет забот о суете земной и о требовании плоти многострастной. Где теперь родные и друзья? Вот – разлучаемся... О, помолимся Господу, чтобы Он упокоил его».

«О, какая разлука, братья! какая невыносимая скорбь, какая горечь слез в настоящие минуты! Вот, придите – еще раз поцелуйте того, который мелькнул среди нас. Затем засыплет его могильный песок, закроет надгробный камень, и он, разлучившись со всеми родными и друзьями, в гробовой тьме

соединится со всеми другими мертвецами. О, помолимся Господу, чтобы Он упокоил его».

«Теперь – то обличается обольстительное торжество суеты жизненной. Вот, дух оставил свою телесную храмину, и что – ж из нее стало? – почерневшее брение, пустой сосуд, безгласный, неподвижный, бесчувственный, мертвый. Провожая ее в могилу будем молиться Господу, чтобы Он дал почившему вечное упокоение».

«Какова наша жизнь? По истине – (скороувядающий) цвет, дым, утренняя роса. Подойдем ко гробу и всмотримся пристально: где ж стройность тела? где жизненные силы? где красота глаз и лица? Все завяло, как трава, все пропало... Пойдем ко Христу и припадем к Нему с рыданиями».

«Видя перед собой труп умершего представим себе все, что будет с нами в последние минуты жизни. Вот, он исчез с земли, как дым; отцвел, как полевой цветок; посечен, как трава; затем покрытый гробной пеленой, засыплется землей. Оставляя его навсегда скрывшимся от нас будем молиться Христу, чтобы он дал ему вечное упокоение».

«О, по истине все – суета и пустота; все, что обольщало в жизни, обращается в ничтожество. Все мы исчезнем все умрем: цари и сильные земли; судьи и притеснители, богатые и нищие, все, что только называется человеком. И вот они, красовавшиеся жизнью, одинаково все повергаются в могилу. Будем молиться, чтобы Господь упокоил всех».

«Все телесные органы теперь ни к чему; так легко прежде приводимые в движение, они сделались теперь неподвижными, ничего нечувствующими, мертвыми: очи закрылись, ноги и руки как скованные, слух закрылся, на язык наложена печать молчания, и все уже – достояние могильного тления. О, по истине все – суета у людей».

А вот и сам умерший, голосом церковной песни, вызывает к оставшимся живым:

«Братья, друзья и знакомые! видя, как я лежу безмолвный и бездыханный, плачьте обо мне. Давно ли я беседовал с вами? И вот как скоро застиг меня смертный час. О, все вы, которые любили меня! подойдите, отдайте мне последний поцелуй;

больше мне уже не быть и не беседовать с вами, потому что я отхожу к Судии, у которого нет лицеприятия, пред которым предстоят наравне раб и господин, царь и воин, богатый и нищий, – все равны и каждый за свои дела будет или прославлен или посрамлен. Но прошу всех и умоляю: непрестанно молитесь обо мне Христу, чтобы я не был, за свои грехи, ввержен в место мучения, но чтобы Он вселил меня туда, где свет жизни».

За пением стихир следуют молитвословия, составляющие литию за усопших, после которой бывает отпуст:

Воскресый из мертвых Христос истинный Бог наш, молитвами пречистая Своя Матере, святых славных и всехвальных Апостол, преподобных и богоносных отец наших и всех Святых, душу от нас преставившагося раба Своего (имя рек) в селениях праведных учинит, в недрах Авраама упокоит, и с праведными сопричтет, и нас помилует, яко благ и человеколюбец, аминь.

Диакон молит Господа, чтобы Он во блаженном успении подал вечный покой усопшему рабу и чтобы сотворил ему вечную память.

Архиерей или иерей сам произносит трижды:

«Вечная твоя память, достоблаженне и приснопамятне, брате наш».

Затем певцы поют трижды: «Вечная память».

Симеон Солунский говорит, что это возглашение означает то, что отшедшие сочетались со Святыми и удостоены наследия их¹⁶³.

е) Разрешительная молитва

После провозглашения усопшему вечной памяти, «Архиерей, аще приключится тамо быти, или иерей чет молитву прощальную велегласно»¹⁶⁴:

Господь Иисус Христос Бог наш, иже божественные заповеди святым Своим учеником и апостолом давый, во еже вязати и решить падших грехи, и от оных паки мы приемше вины тожде творити: да простит тебе, чадо духовное, аще что соделал еси в нынешнем веце, вольное или невольное, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Ныне, вместо краткой прощальной молитвы, обыкновенно читается другая, пространный, печатаемая особо (на отдельном листе): она называется *разрешительной молитвою*. Вот эта молитва:

«Господь наш Иисус Христос Божественною Своею благодатию, даром же и властью, данною святым Его учеником и апостолом, во еже вязати и решить грехи человеков, рек им: примите духа Святаго; ихже отпустите грехи, отпустятся им; ихже удержите, удержатся; и елика аще свяжете и разрешите на земли, будут связана и разрешена и на небеси. От оных же и на ны друг другоприимательно прешедшею (благодатию) да сотворит чрез мене смиренного прощенно и сие по духу чадо от всех, елика яко человек согреши Богу словом или делом или мыслию и всеми своими чувствами, волею или неволею, ведением или неведением; аще под клятвою или отлучением архиерейским или иерейским бысть, или аще клятву отца своего или матери своея наведе на ся, или своему проклятию подпаде, или клятву преступи, или иными некими грехи яко человек Связася, но о всех сих сердцем сокрушенным покаяся и от тех всех вины юзы и да разрешит его; еликаже за немощь естества забвению предаде, и та вся да простит ему, человеколюбия ради Своего, молитвами Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, святых славных и всехвальных Апостол и всех Святых. Аминь».

В настоящее время разрешительная молитва обыкновенно читается и дается в правую руку усопшему не после отпуста отпевания, но во время отпевания, по чтении Евангелия и самой молитвы. Чтение ее сопровождается (по крайней мере, должно сопровождаться) тремя земными поклонами всех молящихся.

Если ныне разрешительная молитва читается над всеми умирающими в покаянии, то это с одной стороны потому, что всякий православный христианин имеет в ней нужду, а с другой стороны, дабы этого благодеяния (как замечает блаж. Августин о молитве за умерших) не был лишен никто из тех, к кому оно может относиться. Ибо лучше преподать его и тем, которым оно ни пользует, ни вредит, нежели отнять у тех, коим оно полезно.

Обычай нашей православной церкви давать разрешительную молитву в руки умершему, получил свое начало при св. Феодосии Печерском. В княжение Ярослава I, пришел в русскую землю из земли варяжской некто Симон. Впоследствии он принял православную веру и отличался благочестием и особенно любовью к св. Феодосию. Однажды Симон просил св. Феодосия молиться о нем и о сыне его Георгии. Преподобный отвечал благочестивому Симону, что молится не только о нем, но и о всех любящих обитель Печерскую. Но Симон не переставал просить св. Феодосия о том, чтобы он молился о нем и о сыне его Георгии, говоря св. Феодосию: «Отче! не изыду тощ от Тебе, аще написанием не известиши ми». Тогда преподобный Феодосий написал Симону разрешительную молитву такого содержания»: «Во имя Отца и Сына, Святаго Духа, молитвами Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии, и святых сил бесплотных... да будеши прощен в сем веце и будущем, егда приидет праведный Судия судити живым и мертвым». «Юже молитву, замечается в Патерике Печерском, оттоле начата влагати умершим в руцы, якоже первый Симон вложити себе повеле»¹⁶⁵. Из лавры Печерской обычай давать разрешительную молитву умершим, легко мог распространиться по всей земле русской, если вспомним, что монастырь Печерский пользовался большим авторитетом в Русской земле

и церкви. Из смиренных келий Киевопечерской обители выходили святители русской церкви, переносившие в свои епархии священные обычаи своей духовной воспитательницы.

Нельзя не упомянуть здесь об одном чрезвычайном случае, очень много содействовавшем распространению и утверждению обычая давать разрешительную молитву в руки умершему. Случай этот был следующий: когда отпевали св. благоверного князя Александра Невского, и уже приблизилось время полагать в его руки разрешительную молитву, тогда умерший, как говорит летопись, сам простер свою руку для принятия ее¹⁶⁶. Такое необыкновенное событие не могло не произвести сильного впечатления на всех, кто или сам был очевидцем чуда или слышал об нем от других.

Примечание. Над костями, вырытыми из могилы и потом снова погребенными, не повторяется чин отпевания. Чин отпевания умерших приспособлен ко времени недавней смерти усопшего. В молитвословиях чина погребения приглашаются родственники и знаемые для отдания последнего целования тому, который вчерашний день беседовал с нами и который, находясь еще в среде живых, потому и просит молитв родных своих и знаемых. При погребении вырытого из могилы тела обыкновенно совершается лишь панихида. Если же бывал иногда совершаем дважды чин погребения над одним и тем же лицом, то это бывало над умершим, но еще не преданным земле, и притом в особых обстоятельствах. Так, например, святитель Димитрий Ростовский скончался в Ростове 28 октября 1709 года и отпет на третий день, но тело его оставалось не погребенным до прибытия друга его, Стефана Яворского, митрополита Рязанского, который вторично отпет его 25 ноября и предал его земле. Два друга заключили между собою условие, по которому, в случае смерти одного из них, оставшийся в живых должен был похоронить усопшего (Древние святыни Ростова Великого. Сочинение графа М. Толстого. М. 1860 г., стр. 53).

ж) Погребение

По окончании отпевания, «вземше мощи отходим ко гробу (т. е. к могиле), последующим всем людям, предидущим же священником и поющим: «Святой Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш и прочие»¹⁶⁷. В могиле усопший обыкновенно полагается *лицом к востоку*, с тою же мыслию, с какою мы и молимся на восток, – в ожидании наступления утра вечности, или второго пришествия Христова, и в знак того, что умерший идет от запада жизни к востоку вечности. При опущении тела умершего в могилу, совершается лития за усопшего. По окончании ее, архиерей или иерей, *взем перст* (землю) лопатою, крестовидно *мещет вверху мощей*, говоря: «Господня земля и исполнение ее, вселенная и вси живущие на ней». Таким образом мещут персть, предают земле усопшего, в знак покорности Божественному определению: «Земля еси – и в землю отыдеши» (Быт.3:9).

Кроме земли, метаемой на гроб, «Священник как сказано в Требнике – наливает верху мощей елей от кандила, или сыплет пепел от кадила»¹⁶⁸. То есть, если над усопшим, при жизни его было совершено таинство елеосвящения, то по кончине возливают на тело его крестообразно оставшийся от помазания освященный елей с вином.

Это помазание есть знамение Христово и печать того, что отшедшие во Христе подвизались за Христа во освящение телес своих, и благочестиво жительствоваали здесь; равно как это есть и знак чести для самих подвижников, поживших по образу Христа¹⁶⁹. При возливании елея на усопшего монаха произносится тропарь: «Образом креста Твоего, Человеколюбче, смерть умертвися». Иногда, вместо елея, посыпается пепел из кадила. Пепел знаменует тоже, что невожженный елей – угасшую жизнь на земле, но жизнь благоугодную Богу, как фимиам кадильный.

В первые три века христианства не было каких-либо определенных мест для погребения умерших. Так св. апостол Петр был погребен при Триумфальной дороге около Тибра, а св.

апостол Павел – при дороге Остиенской. Обычай погребать умерших вне города, был всеобщим в первые три века христианства не только у христиан, но и у иудеев и язычников. Уже с IV века начали погребать некоторых христиан не только при храмах, но и в самых храмах. Так св. Константин Равноапостольный и дети его были погребены в храме святых Апостолов. Церковный историк Евсевий повествует о Констанине Великом, что он повелел устроить в храме Мучеников 12 мест для погребения умерших. Впрочем честь быть погребенным при храме, а тем более в храме, и с IV века предоставлена была не всем, а только некоторым из христиан, как – то: государям, епископам, клиру и мирянам примерной христианской жизни; прочие же даже и в VI веке были погребены в открытом поле, вне города. С VI века позволено было и мирян погребать в городах при храмах, но не в самых храмах. С IX века мы уже не встречаем запрещений ни со стороны светской, ни со стороны духовной власти погребать мирян в самых храмах.

У нас главными местами погребения умерших служат в настоящее время отдельно устрояемые кладбища – эти нивы Божьи, на которых сеется в тлении то, что имеет восстать в нетлении; сеется в уничижении то, что имеет восстать в славе; сеется в немощи то, что имеет восстать в силе: сеется тело душевное, а восстанет тело духовное (1 Кор. XV, 42:44).

Крест – символ спасения возвышается над могилою всякого христианина, умершего с верою и покаянием. Умерший веровал в Распятого на кресте, был крестоносцем во время своей земной жизни и покоится сном смерти под сенью креста.

«Не знаем, братие куда ваши мысли склоняются от сей плащаницы, а наши – к нашему собственному гробу. И наша жизнь, думается нам, так пройдет, как прошла теперь Четырнадцатница; и для каждого из нас наступит потом великий пяток смерти, а за сим великая суббота успокоения в недрах земли, – великая по самому продолжению ее для нас. Господь нисшел во гроб токмо па три дня; а нам долго надобно будет оставаться под землею»¹⁷⁰.

Тих сон и мирен, усопшие братья!

Ничто не смущает ваш вечный покой...
Земля приняла вас в родные объятия
И скрыла на веки от злобы людской!
Не страшны вам больше тревоги, волненья!
Вы прах отряхнули – и к жизни иной,
На крыльях надежды, в обитель спасенья,
К Творцу воспарили бессмертной душой.
Там ждет вас награда. Слеза покаянья
Вам вновь возвратила утраченный рай.
Мы верим: не вечны земные страдания,
И нового с вами достигнем свиданья,
И дольному скажем: «на веки прощай!»

3) Катакомбы – место погребения древних христиан

«Я – гражданин двух городов; имя мое – Леонид. Вот что я говорю своим друзьям: будьте веселы, пируйте, живите, потому что некогда вам придется все таки умереть». Такова надпись на одном языческом надгробном камне в Малой Азии.

«Здесь покоится в мире Валерия, чтобы некогда воскреснуть во Христе?» Вот эпитафия одной галльской христианки IV века.

Таков язык двух резко противоположных воззрений – языческого и христианского. Между тем как для первого порог смерти представляет завершительный предел существования человека, последователи второго исповедуют: «Знаем, что когда земной, наш дом, сия хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный» (2Кор. V, 1).

По надгробным языческим надписям смерть – конец всего, или последний день существования; место погребения – дом смерти, или вечный дом; надгробный памятник – напоминание об исчезнувшем существовании, не говорящий ничего другого.

«Для христианина смерть – первый день жизни, или день рождения¹⁷¹, а гробница – место временного упокоения его земного праха до дня всеобщего воскресения и суда; почему древне – христианские кладбища и назывались *усыпальницами*, местом упокоения, а погребение – *полаганием*, то есть только на время и как бы на сбережение.

Чтобы иметь более наглядное понятие о резкой противоположности языческого и христианского воззрения на жизнь и смерть, приведем несколько надгробных надписей языческих и христианских.

Языческие надгробные надписи:

«Хотя я нахожусь, здесь, во гробе, но уже не существую более».

«Я не существовал до своего рождения, – не существую и теперь»

«Человек, еще недавно живший вместе с нами, теперь перестал быть человеком, так что никаких следов не остается от

него, – стоит только камень с его именем».

«Из ничего человек снова возвращается в ничто (de nil in nil), мрачный день смерти вдруг уничтожает цветущую жизнь, и от человека остается лишь одно пустое имя».

«Где нет бытия, там не может быть и страдания», – так утешает себя один овдовевший супруг.

«Она была дочерью смертного и потому должна была умереть», – с такими словами обращается к себе другой муж, лишившийся жены.

Холодное и бессильное утешение, за которым скрывается мрачное и безотрадное отчаяние!

Светлую надежду и утешением веет напротив того от христианских надгробных надписей:

«Душа возвращена Христу».

«Ты будешь жить в Боге».

«Мир духу твоему».

«Почивай в мире».

«Ты жив. Врата небесные отверзлись для тебя. Ты живешь в мире».

Перенесемся или, лучше сказать, спустимся в одно из знаменитейших древне – христианских кладбищ.

Опоясывая город Рим полукругом, будто подкопами, на огромном расстоянии простираются подземные ходы, галереи и комнаты, известные под названием *катакомб*, или *подземного Рима*.

Около всего Рима, в первое время его существования, были вырыты большие ямы, которые вскоре, по мере того как обстраивался город, превращались в большие рвы. Из них добывали глину и особого рода землю, употреблявшуюся вместо цемента при постройке беспрерывно сооружаемых зданий. По мере того как вырывали землю, мало – по – малу образовались под землею гроты и переходы от одного грота к другому. Первые христиане римские воспользовались ими и начали хоронить своих покойников в этих заброшенных подземных ходах и гротах. Рядом с своими подземными кладбищами они устроили небольшую церковь для совершения богослужений.

Эти катакомбы занимают в Риме, или вернее под Римом, такое огромное пространство, что если бы вытянуть их в прямую линию, то эта линия равнялась бы 1360 – ти верстам. В них похоронены 74000 мучеников.

Римские катакомбы производят самое разнообразное впечатление на посещающих их. Для человека холодного, ищущего одного только приятного, катакомбы – не более, как темные, сырые, однообразные коридоры, в которые спускаются со свечами. Эти длинные коридоры бесчисленное множество раз пересечены другими подземными четверугольными и круглыми комнатами, – если словом комната можно назвать небольшое, вырытое под землю, не имеющее ни окон, ни дверей, пространство, к которому примыкает несколько коридоров. В этих коридорах легко запутаться и очень опасно хотя на шаг отойти от проводника; один коридор похож на другой, одна комната на другую. В стенах коридоров христиане зарывали своих покойников, в комнатах устраивали алтари и служили литургии, панихиды и все церковные службы. Позднее, когда начались гонения, они спасались в катакомбах от жестоких преследований и хоронили там своих мучеников, умерщвленных за веру по повелению римских императоров или растерзанных в цирках хищными зверями.

«Человек холодный, сойдя под эти сырые и душные своды, увидит в них только сырые и душные своды. Человек мыслящий, чувствующий и понимающий увидит и испытает нечто другое. Эти темные коридоры, эти узкие комнаты расскажут ему великую и чудную повесть о горсти людей, которые любили и верили, которые умирали за то, во что верили и за то, что любили, которые отдавали состояние, привязанности, семейство, жизнь свою и жизнь своих близких за свою веру – и умирали геройски, умирали благословляя Бога, молясь за врагов. Эта горсть людей, скрывавшаяся в катакомбах, предназначена была произвести в мире великий переворот, уничтожить язычество, совершенно изменить все понятия и даже пересоздать основания общества. Сила первых христиан заключалась в их крепкой вере и пламенной любви; а с любовью и верою человеку все возможно¹⁷².

Вот один трогательный эпизод из времен гонений. Однажды, по дороге Аврелиевой, стража вела на казнь Артемия, Кандиду, жену его, и молодую дочь их Павлину. На дороге вдруг показалась толпа христиан, во главе которой шел священник Маркелл. Стража испугалась и убежала. Молодые христиане бросились за воинами и стали их уговаривать и увещевать. Между тем, пока они толковали с воинами, священник увел приговоренных к смерти в подземную церковь, отслужил литургию и причастил их. Вышедши оттуда он подошел к воинам и сказал им: «Мы могли бы убить вас, но не желаем сделать вам ни малейшего зла. Мы могли избавить наших братьев, осужденных на смерть, но не сделаем этого. Исполняйте, если смеее приговор нечестивый!» Воины смутились, однако не решились послушаться данного им приказания и поспешили убить несчастных христиан. Тела их были взяты и похоронены в катакомбах.

Часто христиане с опасностью жизни уносили тела своих мучеников. Обыкновенно они делали это ночью и вывозили в крытых повозках из ворот Рима, потом спускали в свои подземные кладбища и хоронили или с большими почестями. В годовщину их кончины христиане собирались и праздновали память их торжественным богослужением. Все это делалось тайно; втайне хранили имена священников и клириков; втайне хранили входы в катакомбы и расположение их.

Случалось, что убежище христиан бывало открываемо во дни гонений. Тогда гибель их становилась неизбежною. Так, например, император Нумериан, узнав, что множество мужчин, женщин и детей ищут убежища в катакомбах около дороги Саллара, велел заделать камнями и засыпать песком вход в подземелья, – и все христиане, скрывшиеся там, погибли. Иногда римские солдаты, отыскав вход, сходили в катакомбы и убивали всех, кого там находили. Оттуда же – из катакомб шли на смерть мученики, часто добровольно отдававшие в руки своих гонителей.

Таковы катакомбы, служившие и местом погребения, и местом убежища, и местом общественной молитвы для древних христиан.

Здесь встречаются возвышенно – красноречивые надгробные надписи. Приведем некоторые из них:

Диоген, могильщик, в мире положен в восьмой день октябрьских календ.

Могильщики, или гробокопатели, хоронившие мертвых, рывшие могилы и ставившие памятники с надписями, были членами церковного клира. Многие из них были знакомы с архитектурой и владели резцом и кистью. Образцы произведений их уцелели до сих пор. На многих могильных камнях были найдены портреты самих могильщиков, высеченные на камне. Один из таких портретов открыт на кладбище св. Калликста. Он представляет могильщика во весь рост. На нем надето платье, спускающееся до колен, а на ногах сандалии. С левого плеча ниспадает кусок лохматой ткани; на правом плече и около колен видно изображение креста. В правой руке – заступ, в левой – зажженный фонарь, висящий на небольшой цепочке. У ног его лежат инструменты его ремесла. Над головою его находится надпись, приведенная нами выше. В языческом Риме не было в обычае упоминать на могильном камне о простом ремесле; но христиане не делали в этом отношении никаких различий: они все считали себя равными, братьями, и всякое ремесло почтенным, лишь бы оно было честно. На надгробных памятниках они обозначали имя и ремесло каждого почившего: консул и простой работник были равно почтенны в их глазах.

В пятую календу ноября здесь был положен в мире Горгоний, друг всем и никому не враг.

Здесь Гордиан из Галлии, зарезанный за веру со всем своим семейством, почивает в мире. Феофила, служанка, поставила памятник.

Итак, из всего семейства осталась в живых одна служанка, похоронившая господ своих и поспешившая поставить над ними камень с надписью, уцелевшей до нас и увековечившей как любовь ее к господам, так и мученическую кончину их.

Клавдию достойному, ревностному и меня любившему.

Какое глубокое сердечное красноречие в немногих словах!

Дионисию, невинному младенцу. Он почивает здесь между святыми. Вспомните и помолитесь об авторе и гравере.

Кукумий и Виктория заживо сделали себе сей камень.

Живи в Боге и во Кресте!

Какая святая и возвышенная простота в надгробных надписях древних христиан! И как далеки от этой простоты наши многоречивые и широковещательные эпитафии, изобретаемые недостойною христианина и в особенности неуместною в данном случае суетностью и тщеславием!

и) Отпевание и погребение младенцев

Над младенцами, умершими по св. крещению, совершается особое отпевание, как над непорочными, безгрешными: святая церковь не молится об оставлении грехов умерших, а только просит сподобить их царствия небесного, по неложному обещанию Христову. Хотя младенцы после св. крещения сами не сделали ничего, чем могли бы заслужить себе наследие небесного царствия, но они во св. крещении очистились от прародительского греха, со делались непорочными и участниками заслуг Христовых, наследниками царствия Божья.

Отпевание младенцев совершается над умершими детьми до *семилетнего* возраста, с какого возраста они уже исповедуются как взрослые.

Отпевание младенцев короче отпевания возрастных мирских человек и отличается следующим:

1. В нем не поется 17-я кафизма.

2. Не поются «тропари непорочны».

3. Поется канон с припевом: «Господи, упокой младенца».

Для ознакомления с духом и сущностью этого канона, приведем из него три тропаря:

«Не о младенцах будем плакать, – будем лучше рыдать о самих себе, мы постоянно грешащие, чтобы избавиться нам геенны».

«Владыка! Ты лишил младенца земных наслаждений: удостой же его, как Правосудный, небесных благ»¹⁷³.

«Не рыдайте обо мне сродники и друзья! ибо я не сделал ничего, достойного плача; плачьте лучше о самих себе, потому что вы постоянно грешите, чтобы вам не подвергнуться мукам: так взывает умерший младенец»¹⁷⁴.

4. Ектенья об упокоении младенца отличается от произносимой об умерших в возрасте: в ней усопший младенец называется блаженным и нет моления о прощении согрешений. И молитва, тайно читаемая священником после ектеньи, иная, нежели при ектении об усопших возрастных.

Паки и паки миром Господу помолимся.

Еще молимся о упокоении блаженного младенца (имя рек) и о еже по неложному Своему обещанию, небесному Своему царствию того сподобити.

Яко да Господь Бог наш учинит дух его, идеже вси праведнии почивают.

Милости Божья, царства небесного и со Святыми упокоения у Христа бессмертного Царя и Бога нашего тому и сами себе просим.

Господу помолимся.

Священник (тайно):

Господи Иисусе Христе Боже наш, породившимся от воды и Духа и в непорочном житии к Тебе преставляющимся царство небесное дати обещавай и рекий: оставите дети приходите ко Мне, таковых бо есть царство небесное! смиренно молимся, ныне от нас преставленному рабу Твоему, непорочному младенцу (имя рек), по Твоему неложному обещанию, царствия Твоего наследие даруй, нас же беспорочное сподоби прейти и христианское скончати житие, со всеми Святыми Твоими в небесных чертозах водворитися.

Возглашает:

Яко Ты еси воскресение, живот и упокоение всех рабов Твоих и ныне преставленному рабу Твоему младенцу (имя рек), Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем...

5. По 6-й песни канона и кондаке: «Со Святыми упокой» с икосом:

«Сам един еси бессмертный», поются еще три икоса, изображающие скорбь родителей по умершим младенцам.

6. По 9-й песни малая ектения и ексапостиларий¹⁷⁵:

Ныне упокоихся и обретох ослабу многу, яко преставихся от нетления и преложихся к животу: Господи, слава Тебе (Трижды).

(Слава и ныне): Ныне избрах Богоматерь Отроковицу, яко родился из Нея Христос, всех Избавитель: Господи, слава Тебе.

7. После канона читается Апостол и Евангелие иные, нежели при отпевании мирских человек.

Апостол – зачало 162 – е (1Кор.15:89–46) – о состоянии человека по воскресении.

Евангелие – зачало 21 – е (Ин.6:35–89) – о воскресении мертвых силою воскресшего Господа.

8. После Евангелия «бывает последнее целование», при пении прощальных стихир (числом 5-ти): в этих стихирах выражается скорбь родителей об усопшем младенце и утешение им, что он вселился к ликам Святых, как «непричастный житейских зол» и «чистый от тления грехолюбного».

9. После прощальных стихир лития и отпуст:

Воскресый из мертвых, и живыми и мертвыми обладая, Христе истинный Боже наш, молитвами Пресвятыя Твоея Матере и всех Святых Твоих, душу от нас преставленного младенца (имя рек) в скиниях Святых всели и с праведными причти, яко благ и человеколюбец.

По отпусте же глаголет иерей:

Вечная твоя память, достоблаженне и приснопоминаемый младенче (имя рек).

Лик же поет трижды: Вечная память.

10. Вместо разрешительной молитвы, положенной при отпевании возрастных, священник читает следующую молитву:

Храняй младенцы, Господи, в нынешнем житии, в будущем же веце уготовавый им пространство, Авраамово лоно и по чистоте ангельская светобразная места, в них же водворяются праведных души! Ты Сам, Владыко Христе, душу раба Твоего младенца (имя рек) приими с миром. Ты бо рекл еси: оставите дети приити ко Мне, таковых бо есть царство небесное. Тебе бо подобает всякая слава, честь и поклонение, со Отцем и святым Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

«И взявше тело идут ко гробу (могиле), предыдущим иереем и диаконом и всему клиру, поющим «Святой Боже». Вложившеже мощи во гроб, иерей началствует, взял лопату, сыплет землю во гроб, глаголя: «Господня есть земля и исполнение ее, вселенная и вси живущий на ней». И отходят благодаряще Бога»¹⁷⁶.

Примечание. Над умершими младенцами, которые не сподобились св. крещения, не совершается отпевания так как они не очищены от прародительского греха.

Что же касается до судьбы младенцев, умирающих без крещения, то об этом известны два главных мнения древних учителей церкви. Одни (Августин и Фульгенций) полагали, что такие младенцы терпят муку, хотя сколько возможно, легкую. Другие помещали их в каком – то среднем состоянии между блаженством и осуждением. Эту последнюю мысль высказывают: а) св. Григорий Нисский: «Преждевременная смерть младенцев не дает еще мысли, чтобы так оканчивающий жизнь был в числе несчастливых; равно как и чтобы наследовал одинаковую участь с теми, кои в сей жизни очистили себя всякою добродетелью» (к Гиарию о младенцах, похищаемых преждевременною смертью, в Христ. Чтении 1838 г. IV); б) св. Григорий Богослов. «Последние (не сподобившиеся крещения по малолетству) не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны, потому что, хотя не запечатлены, однако же и не худы, и больше сами потерпели, нежели сделали вреда. Ибо не всякий, недостойный наказания, достоин уже и чести; равно как не всякий, недостойный чести, достоин уже наказания» (Слов. на св. Крещение в Твор. Св. Отец III, 294).

й) Общий взгляд на дух погребальных обрядов

Рассмотрев выше обряды, совершаемые православною церковью над умершим христианином, считаем не излишним сказать нечто о том общем духе, который выражается в этих священных обрядах.

Язычник почти ничего не знал о загробной жизни или представлял себе ее неясно и темно. Немногие из язычников только напряженнейшими исследованиями доходили до мысли о бессмертии души, но и эта высокая мысль, будучи шаткою и нетвердою в уме слепотствующего язычника, не могла проливать полной отрады в его скорбную душу над гробом собрата, не могла рассеивать всех его сомнений касательно загробной жизни. Неудивительно поэтому, что скорбь и сетования язычников при погребении умершего были так безотрадны и выражались такими неистовыми действиями: рванием на себе волос, терзанием лица, биением себя в грудь, бичеванием и т. п. Неудивительно, что и погребальные обряды языческие не выражали ни одной светлой мысли, напротив, носили на себе отпечаток суеверия, нелепостей и бесчеловечия. Мрачный взгляд язычника на смерть и будущую жизнь выражался и в символическом изображении смерти, употреблявшемся у язычников. Этот прекрасный юноша с бледным лицом, с потухшим взором, погасшим факелом в руках, этот гений смерти выражал не отрадную мысль о воскресении, как можно было бы подумать с первого взгляда, не ту христианскую истину, что в этом потухшем взоре некогда засветится жизнь и мертвый труп снова воспрянет к деятельности нескончаемой и бесконечной, – нет, здесь выражалась страшная мысль об уничтожении: *вечная ночь* (*perpetua nox*) – вот что начертано было на бледном челе уснувшего юноши. Мысль, возбуждающая в душе болезненную скорбь, убивающая все наши святыя надежды¹⁷⁷.

Но светло и ясно христианская вера представляет христианину его будущее состояние и успокоительно отвечает на все вопросы, возникающие иногда в уме человека и

волнующие его сердце при мысли о могиле. Божественная вера приподнимает пред взором христианина край завесы, скрывающей от нас будущее, указывает ему на чудесное и величественное преобразование тела человеческого, представляет нам новое небо и новую землю, где верующие будут жить в союзе с Богом и с бесчисленным сонмом Ангелов и Святых. Владыка жизни, благоволивший умереть за нас, победоносно разрушил державу смерти и избавил нас от страха нетления (Евр. II, 14, 15); а потому смерть в глазах христианина есть сон утомленного и усталого путника, после которого (сна) он опять пробудится для новой и лучшей жизни (1 Кор. XV, 42). При таком взгляде верующего на смерть и будущую жизнь, ему неприлично скорбеть и печалиться о разлуке с любезными его сердцу; напротив, он должен радоваться и, провожая умершего брата в страну вечности, петь хвалебный торжественный гимн Победителю смерти. «Нам не должно, – говорит *Киприан*, – оплакивать наших братьев, оставивших мир по призыву Господа; так как мы знаем, что они не потеряны для нас, «только предупредили нас»¹⁷⁸. Потому – то погребальные обряды нашей церкви проникнуты утешением, служат символами, в которых выражается мысль о воскресении и будущей бессмертной жизни. Когда увлажненный слезами взор православного христианина видит во гробе добычу тления и разрушения, и сердце уже готово бывает предаться безутешной скорби, – тогда св. церковь своими трогательными погребальными обрядами утешает, ободряет живущих, рассеивает все их сомнения, обращается в пламенных молитвах к Богу о помиловании умершего и прощении ему всех согрешений и, наконец, все свои молитвы завершает и запечатлевает разрешительною молитвою: умерший брат наш идет в другой мир в мире с Богом, Отцем своим, и с церковью, матерью своею.

Пред взором верующего, понимающего смысл погребальных обрядов нашей православной Церкви, как бы повторяется чудесное видение Иезекииля, как иссохшие кости оживают, облакаются плотью, связываются жилами и, по гласу Всемогущего, начинает веять в них дух жизни (Иезек. 37:1–10).

Самые погребальные песни, которые поются над гробом нашего собрата во Христе, включают в себе полное догматическое учение о воскресении и будущей жизни, выраженное только трогательным, сильным и пламенным языком сердца и прерываемое пламенной молитвою к Богу о помиловании умершего. Уже св. Иоанн Златоуст выразил общий дух погребальных обрядов нашей православной Церкви, «Скажи мне, – спрашивает он своих слушателей, – что означают сии светлые лампы? Не то – ли, что мы провожаем умерших, как борцов? Что выражают сии гимны? Не Бога ли мы прославляем и благодарим Его за то, что Он увенчал усопшего?»¹⁷⁹ – «Размысли, – говорит он в другом месте, – что выражают псалмы? Если ты веришь тому, что произносишь, то напрасно плачешь и скорбишь»¹⁸⁰.

Но не должно думать, что церковь запрещает нам всякое проявление нежной дружбы, сердечной привязанности к нашим усопшим братьям. Христианская вера не запрещает естественных и невинных движений и чувствований сердца, но только умеряет их, облагораживает и возвышает. Св. церковь не запрещает умеренного плача по умершим: она «знает могущество нашей природы, знает, что мы не можем не плакать о тех, к которым при жизни их питали любовь и дружбу»¹⁸¹, знает, что запрещать умеренный плач по умершем есть то же, что запрещать дружеские разговоры и разрывать все человеческие связи. Она не допускает только безграничных и непристойных проявлений скорби, свойственных язычникам. «И я также плакал», – признается св. Амвросий Медиоланский, – «но плакал также и Господь – Он о постороннем (Лазаре), а я – о своем брате»¹⁸². Поэтому- то Св. церковь и поет трогательные прощальные песни над гробами наших собратий. Но, по намерению ее, наше сетование и плач должны растворяться радостью и упованием: пусть взор христианина, орошенный слезами, будет возведен на небо и последнее прощальное целование умершего и молитва о нем к Богу пусть будут заключены словами скорбящей сестры Лазаря: «Знаю, что воскреснет брат мой в последний день» (Ин. XI, 24).

Таким образом православная церковь в совершении погребальных обрядов является сердобольною матерью, которая то утешает и ободряет живых и сочувствует их горести, то в пламенных молитвах обращается к Богу о прощении согрешений усопшему, забывая все содеянное им злое, чтобы исходатайствовать ему у Бога царство небесное. Радуетя сердце, когда представишь себе, что в то время как мы оставляем все земное и все земное оставляет нас, у нас остается на земле нежная мать, которая любит нас, ходатайствует об нас и молится за нас Богу. А с другой стороны сердце наше не может не скорбеть об участи тех, которые до того разорвали союз с этою св. матерью, что она не дерзает уже молить об них Бога и заключает для них свое любвеобильное сердце.

2. Поминовение православного христианина

Прошу всех и молю: непрестанно о мне молиться Христу Богу, да не низведен буду по грехам моим на место мучения, но да вчинит мя, идеже свет животный.

Стихира при отпевании.

а) Связь и общение живых с умершими

За смертью кого бы ни было из наших присных как бы ни был он близок к нам в здешней жизни, для нас уже решительно порваны всякие нити или узы нынешних чувственных связей с ним. Смерть полагает и утверждает между живыми и умершими великую пропасть, разобщает между собою тех и других. Но она разобщает их только чувственно, а не духовно: духовная связь и общение не прекращаются и не прерываются между продолжающими жить в этом мире и переселившимися в мир загробный.

Живем ли, – говорит Апостол, – живем ли для Господа; умираем ли для Господа. И потому живем ли мы или умираем, мы Господни (Рим. 14:8). Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова не есть Бог мертвых, но живых. Ибо у него все живы (Лук. 20:38). Все верующие составляют одно духовно–нравственное царство Божье, одно духовное тело, церковь Христову (Ефес. 1:23, Колос. 1:18). И так основание связи и общения живых с умершими есть Господь наш Иисус Христос и Его вседейственная благодать. Единый Бог, пред лицом Которого все живы, есть Творец, Царь, Отец и Спаситель душ, как пребывающих еще на земле в своих телах, так и разрешившихся от уз и плоти и находящихся в загробном мире.

Вера и любовь – вот те духовные узы, которые соединяют живых с умершими. Вера соединяет настоящее с будущим, видимое с невидимым. Вера соединяет человека с невидимым Богом, с невидимым ангельским миром и с переселившимся в невидимый мир братьями его. Любовь, соединяющая нас здесь на земле часто до готовности жертвовать жизнью за любимое лицо, переходит за гроб. Любовь бессмертна, никогда не отпадает, не умирает (1Кор. XIII, 8). А проявлением или плодом любви является живое сочувствие, принятие, к сердцу состояния ближнего. Если только душа не потеряла божественной любви, то где бы она ни была – за гробом ли или еще в теле на земле, она не может не принимать живого, деятельного участия в состоянии душ, ей близких, где бы они ни

находились. При этом условии умершие сочувствуют живым и живые должны сочувствовать умершим. Живые и умершие, как члены одного духовного тела Христова, находятся во взаимном между собою сочувствии: *страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1Кор. XII, 26).

Умершие всегда пребывают с нами своим духом, и мы, живые, верую всегда можем видеть наших усопших и слышат их голос ¹⁸³.

«Можно быть далеко и близко к умершему. Чем сильнее любовь к умершему, чем сильнее и наша молитва о нем, тем ближе и умерший к нам. Молитва веры до такой степени может приблизить к нам умершего, что мы сами почувствуем его приближение, почувствуем дыхание души его около нас. Во время молитвы преимущественно сердце подает весть¹⁸⁴.

В притче о погибшей (пропавшей) овце Господь поучает, что св. Ангелы радуются на небе о каждом кающемся грешнике (Лук. 15:10).

Евангелие повествует, что в минуту смерти Христовой «многие тела усопших святых воскресли и вышедши из гробов, по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» (Мф. XXVII, 52, 53). «Спрашивается: что привлекло этих воскресших святых (говорю о собственном их движении духовном) во святой град и побудило явиться в нем многим? Не глубокое ли участие к бедному городу, не узнавшему своего и всемирного Избавителя Христа? Не стремление ли вошедших в радость Христова воскресения отцов поделиться этою радостью по возможности, и с своими живыми детьми? Так может быть сочувственно состояние отошедших в другую жизнь состояния еще живущих. И таким образом как мы, живущие, можем самую свою судьбою и деятельностью способствовать или препятствовать успокоению усопших, так и они с своей стороны своим состоянием и движениями, во свете лица Божья, заботливо соучаствуют в нашей судьбе. И вот оба мира, загробный и наш земной, находятся во взаимной связи и живом соотношении между собою¹⁸⁵.

Но не одни только умершие совершенные или святые сочувствуют остающимся на земле грешным собратьям. «По Евангелию Христову, даже дух богача немилосердного, *сы́й в муках*, и притом таких, что для него желанною и, однако, недоступною отрадой было бы хоть одно чувственное прикосновение к нему омоченным пальцем или что-нибудь подобное тому в порядке и образе загробной жизни, озабочивается судьбою своих еще живущих братьев, – жалобно умоляет Авраама послать к ним Лазаря с предостережением, чтобы и они (путем своей жизни и мысли, конечно) не пришли на то же место мучения (Лук. 16:27–30). Положим, что жестокосердая душа богача умоляла об этом отчасти и по мрачному движению зависти к радостной судьбе Лазаря и бесчеловечного желания ему продолжения земных его озлоблений как с глубокою духовною проницательностью замечает св. Златоуст (в толковании этого места). Но, судя по ответу Авраамову прямо на его мольбу, никак нельзя вовсе отрицать в богаче немилосердом и действительного беспокойства его за своих братьев. Что же сказать теперь о душах добрых, любящих, всегда на земле бывших в озабоченности судьбою своих возлюбленных¹⁸⁶?!

Вера спасает и живых и умерших. Совершенные умершие ходатайствуют за нас, живых, а мы, живые, молим Бога за умерших несовершенных, содержащихся во аде. Так благоустроительно совершается наше спасение во Христе Господе нашем, взявшем на Себя грехи всех верующих в Него, находящихся как в этой, так и в загробной жизни. Он – Бог и Спаситель всех верных Ему.

б) Основания учения церкви о ходатайстве живых за умерших в Священном Писании

Как праведники, вдруг по смерти тела и частном суде над ними, восходят душами своими на небо и удостоиваются блаженства, точно так же грешники отходят душами своими во ад – место печали и скорби, хотя как первые не чувствуют еще совершенного блаженства, так и последние до всеобщего суда не терпят совершенного мучения. Впрочем, преподавая учение, что все грешники, после смерти своей и частного суда над ними, равно отходят во ¹⁸⁷ ад, православная церковь в тоже время исповедует, что для тех из них, которые до разлучения с настоящею жизнью покаяться, только не успели принести плодов, достойных покаяния (каковы: молитва, сокрушение, утешение бедных и выражение в поступках любви к Богу и ближним), остается еще возможность получить облегчение в страданиях и даже вовсе освободиться от уз ада. Такое облегчение и освобождение грешники могут получать не по собственным каким-либо заслугам или чрез раскаяние (ибо после смерти и частного суда нет места ни для покаяния, ни для заслуг), но только по бесконечной благодати Божьей ; чрез молитвы церкви и благодеяния, совершаемые живыми за умерших, а особенно силою бескровной жертвы которую в частности приносит священнослужитель для каждого христианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит католическая апостольская церковь¹⁸⁸.

Утешительное учение православной церкви о возможности для грешников, умерших с покаянием, получать облегчение и даже совершенное освобождение от мучений ада, по молитвам еще живущих братьев и их благодеяниям (цель этих благодеяний есть также возбуждение в других молитвы о преставившихся) или, что тоже по молитвам церкви, силою бескровной жертвы, – это учение имеет основание в Священном Писании.

Св. Апостол Иаков заповедует нам *молится друг за друга* (Иак. V, 16); и св. Апостол Павел просит *совершать молитвы за*

всех человеков (1Тим. II, 1; см. Ефес. VI, 18, 19). И тот и другой Апостол заповедают молиться друг за друга и за всех без ограничительного обозначения места, времени и других обстоятельств. Мы должны следовательно молиться за ближних наших и тогда, когда они находятся вместе с нами, и тогда, когда они бывают в отсутствии; и тогда, когда они живут еще на земле, и тогда, когда они чрез смерть переселяются в другой мир, потому что *живем ли мы или умираем, мы всегда Господни* (Рим. 14:8), и умершие как и живые, для Бога все равно живы (Лук. 20:88).

Предостерегая нас от молитвы за ближних, неугодной Богу и бесплодной для них, св. Апостол Иоанн Богослов дает нам другую заповедь: *Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть, согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился* (1Ин.5:16). Но все умершие с истинным раскаянием свободны от смертного греха уже потому одному, что они раскаялись: «ибо грех к смерти есть (говорят отцы 7-го Вселенского Собора), когда некие согрешая, в неисправлении пребывают и жестоковейно (упорно) восстают на благочестие и истину... В таковых несть Господа Бога, еще не смиряются и не истрезвляются от своего грехопадения (правило 5-е). Следовательно все умершие с истинным покаянием, хотя бы прежде и находились в смертных грехах, а тем более, если не находились, – принадлежат к числу тех ближних наших, за которых нам заповедано молиться без всякого сомнения и колебания. По этой заповеди апостольской, одни умершие в смертных грехах, в нераскаянности и вне общения с церковью, не удостоиваются ее молитв.

По учению апостольскому, молитвы наши за ближних могут быть для них вообще благотворны даже в нравственном отношении (2Сол.11:12; Ефес. 6:18,19), в особенности *много может усиленная молитва праведного* (Иак.5:16), и в частности наши молитвы за братии, не находящихся в смертном грехе, могут подавать им жизнь (1Ин.5:16). Следовательно, хотя мы не понимаем, каким образом действуют наши молитвы на ближних наших, пока они находятся еще в настоящей жизни,

тем не менее молитвы наши действенны и спасительны для них. Точно так же не постигая и того, как могут действовать наши молитвы на братьев наших скончавшихся, с истинным покаянием, мы не вправе сомневаться в действительности и спасительности для них этих молитв.

Если чего попросите во имя Мое, говорит Христос Спаситель, *то Я сделаю* (Ин.14:14). Итак, всякая наша молитва к Богу, а следовательно и молитва за ближних, как живых, так и умерших, может быть сильна и действенна только тогда, когда возносится во имя Господа Иисуса, Который есть единый Посредник между Богом и людьми (1Тим.2:5). Иисус Христос примирил нас с Богом и искупил от всякого греха, когда принес Ему на кресте в умилоостивительную жертву Самого Себя – собственное тело и собственную кровь (Евр.9:14,26; 10:10); и в таинстве Евхаристии доселе приносится Богу та же самая умилоостивительная жертва, преломляется то же самое честное тело нашего Искупителя за жизнь мира (Ин.6:51) и проливается та же самая честная кровь Его во оставление грехов (Мф.26:26–28; Лук.22:19, 20). Следовательно, если когда наша молитва как за живых, так равно и за умерших братьев наших, может быть угодна Богу и благотворна для них, то преимущественно в то время, когда она бывает соединена с приношением за них бескровной умилоостивительной жертвы.

Господь Иисус Христос говорит: *Если кто скажет слово на Сына человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф.12:32). Отсюда прямой вывод, что отпущение грехов грешникам возможно и по смерти их.

В Апокалипсисе говорится, что *Господь Иисус Христос имеет ключи ада и смерти* (Апок.1:18); следовательно Он может отверзать ими затворы адовы и освобождать оттуда грешников.

Но так как, по смерти, для самих грешников не остается места ни для покаяния, ни для заслуг, то объяснить возможность отпущения грехов грешникам и освобождения их от уз ада нет другого способа, кроме того, что Господь совершает это по молитвам церкви и в силу бескровной

умилостивительной жертвы, приносимой за умерших. О скончавшихся с хулою па Духа Святого, или – что то же – в смертном грехе, и не раскаявшихся, церковь не молится, – и вот потому – то, как сказал Спаситель, хула на Духа Святого не отпустится человеку ни в сем веке, ни в будущем.

Во второй книге Маккавейской повествуется о доблестном и благочестивом вожде иудейском Иуде Маккавее следующее: «Выступил же Иуда с тремя тысячами пеших и четырьмястами конных. Когда они вступили в сражение, случилось пасть немногим из иудеев... Так как наступал седьмой день, то они очистились по обычаю и праздновали субботу. На другой день бывшие с Иудою пошли, как требовал долг, перенести тела падших и положить их вместе с сродниками в отеческих гробницах. И нашли они у каждого из умерших под хитонами посвящения Иамнийским идолам вещи, что закон запрещал иудеям: и сделалось всем явно, по какой причине они пали. И так все прославили праведного Судию, Господа, открывающего сокровенное, и обратились к молитве, прося, да будет совершенно изглажен соделанный грех; а доблестный Иуда увещевал народ хранить себя от грехов, видя своими глазами, что случилось по вине падших. Сделав же сбор по числу мужей до двух тысяч драхм серебра, он послал в Иерусалим, чтобы принести жертву за грех, и поступил хорошо и благочестно, помышляя о воскресении. Ибо если бы он не надеялся, что падшие в сражении воскреснут, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвых. Но он помышлял, что скончавшимся в благочестии уготована превосходная награда, – как святая и благочестивая мысль! – Посему принес за умерших умилостивительную жертву, да разрешатся от греха (2Макк.12:88–84, 38–45).

У евреев было в общем обычае – *преломлять хлеб над умершими* (Втор.26:14; Иерем.16:7); Товит.4:14; Сирах.12:36). Существовал еще частный обычай – налагать на себя добровольно пост по случаю неблагоприятной кончины кого-либо из близких (1Цар.31:13; 2Цар.1:12; 3:35). Нет сомнения, что благочестивые из евреев соединяли с этими обычаями и молитвенные обряды.

в) Поминование усопших существует в церкви христианской со времен апостолов

Поминование усопших, как предание апостольское; существует в церкви христианской с самого ее начала. Доказательство этого мы находим в древних литургиях и свидетельствах святых Отцов и учителей церкви.

Все древние литургии, как те, которые употребляются или употреблялись в церкви восточной, православной, известные под именами: св. апостола Иакова, брата Господня¹⁸⁹, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоустого, св. Григория Двоеслова, – так и литургии церкви западной: римская, испанская или мозарабская, галликанская и др., наконец, литургии различных неправославных сект, издревле существующих на востоке: яковитов, коптов, армян, эфиопов, сирийцев, неоториан и прочих, как они ни многочисленны и ни разнообразны, содержат в себе молитвы за умерших. А это непрерываемо свидетельствует нам о том, что от дней самих апостолов предавших церкви чин Божественной литургии, не было времени, когда бы христиане не молились за своих усопших братьев и притом при совершении важнейшего из своих божественных богослужений.

Св. Дионисий Ареопагит говорит: «Священнослужитель творит молитву над усопшим и, по молитве целует его, а затем все предстоящие; в молитве же просят бесконечную благодать Божью, да простит усопшему все грехи, по немощи человеческой соделанные, и упокоит его в свете и стране живых, в недрах Авраама, Исаака и Иакова, в месте, откуда удалены всякая болезнь, печаль и воздыхание». И спустя несколько: «Об упомянутой молитве, которую произносит священнослужитель над покойником, пришедшее к нам от наших Богодухновенных наставников предание изложить необходимо¹⁹⁰.

Св. Афанасий Великий пишет: «Богоглаголивые Апостолы, освященные учителя и духовные отцы, по достоинству их, будучи исполнены Божественного Духа и по мере вместимости

приявшие исполнившую их восторга силу Его, Богодухновенными устами Богоугодно учредили литургии, молитвы и псалмопения и годовичные воспоминания об усопших, каковое обыкновение благодатью человеколюбивого Бога даже доныне усиливается и распространяется от востока солнца до запада, на севере и юге, в честь и славу Господа господствующих и Царя царствующих»¹⁹¹.

Св. Григорий Нисский: «Ничего без рассуждения, ничего бесполезного не предано от Христовых проповедников и учеников и не принято повсеместною церковью Божьей, но это есть дело весьма богоугодное и полезное – при Божественном и преславном таинстве совершать поминовение об усопших в правой вере»¹⁹².

Св. Иоанн Златоуст: «Не напрасно узаконено Апостолами творить пред страшными тайнами поминовение об усопших: они знали, что великая бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние»¹⁹³. – «Не напрасно бывают приношения за усопших, не напрасно моления, не напрасно милостыни: все это установил Дух Святой, желая, чтобы мы получили пользу друг чрез друга»¹⁹⁴.

Св. Иоанн Дамаскин: «Таинники и самовидцы Слова, покорившие круг земной, ученики и божественные Апостолы Спасителя не без причины, не напрасно и не без пользы установили при страшных, пречистых и животворящих тайнах совершать поминовение о верных усопших, что от конец до конец земли владычествующая апостольская и соборная церковь Христа и Бога и содержит твердо и бесприкословно с того времени даже доныне и до кончины мира содержать будет. Ибо вера христианская, чуждая заблуждений, ничего бесполезного не приняла и не стала бы ненарушимо содержать во веки, но все полезное, богоугодное и весьма спасительное»¹⁹⁵.

Тертуллиан: «Приношения за умерших мы творим ежегодно в день их кончины»¹⁹⁶.

Киприан: «Епископы, наши предшественники, благочестиво рассуждая и заботясь о спасении, определили, чтобы ни один умирающий брат не возлагал после себя попечительства и

покровительства на священнослужителя; и если бы кто сие сделал, то не творили бы за того приношения, и жертва о успении его не совершалась бы: ибо не заслуживает именоваться в молитве священников пред алтарем Божиим, тот, кто хотел отвлечь от него священников и слуг алтаря¹⁹⁷.

Евсевий: «Весь народ, вместе с священнослужителями, не без слез и глубоких воздыханий, возносил к Богу молитвы о душе Даря и этим исполнял желание боголюбезного»¹⁹⁸.

Св. Кирилл Иерусалимский: «Поминаем и прежде почивших, во первых, патриархов, пророков, апостолов, мучеников, чтобы их молитвами и предстательством принял Бог моление наше; потом молил о преставившихся святых отцах и епископах и вообще о всех из нас прежде почивших, веруя, что превеликая, будет польза душам, о которых моление возносится в то время, как святая предлежит и страшная жертва»¹⁹⁹.

Св. Амвросий: «Даруй, Господи покой рабу Твоему Феодосию (императору), тот покой, который предуготовал Ты рабам Твоим»²⁰⁰.

Св. Ефрем Сирин: «Если подзаконные священники служебными приношениями очищали грехи убиенных на брани, как оскверненных беззакониями, о коих упоминается в Писании (2 Макк. гл. XII), то кольми паче священники нового завета Христова могут действительно очищать долги отипедших от земли грешников святыми приношениями и молитвами уст своих»²⁰¹. – И в другом месте: «Не отступно будем умолять Его (Бога), чтобы изгладил вины паствы Своей – чад избранной и святой церкви Его и чтобы очистил грехи умерших, почивших в уповании на Него»²⁰².

Не упоминаем об Арнобии²⁰³, Епифании²⁰⁴, Григории Богослове²⁰⁵, Августине²⁰⁶ и многих других Отцах и учителях церкви, – тем более, что по сознанию даже иномыслящих (Кальвина, Бингама и других), все святые Отцы и учителя церкви, впродолжении первых тринадцати веков, единогласно учили молиться за умерших.

г) Святоотеческие объяснения, почему и как наши молитвы могут быть благотворны для умерших

В писаниях древних Отцов и учителей церкви мы находим сообразные с Словом Божиим объяснения того, почему и как наши молитвы могут быть благотворны и спасительны для скончавшихся в вере и покаянии.

Св. Кирилл Иерусалимский в 5-м тайноводственном поучении говорит: «Хочу я вас и примером уверить, – ибо, я знаю, многие говорят: какая польза душе, с грехами или без грехов отходящей от мира сего, если она поминается в молитве? – А что, если бы какой царь послал досадивших ему в ссылку, а их ближние потом, сплети венец, принесли бы ему оный за терпящих наказание, – то не сделал ли бы он им облегчение наказания? Таким образом и мы за усопших, если они и грешники, принося Богу молитвы, не венец сплетаем, но Христа, закланного за наши согрешения, приносим, умиловывая за них и за нас человеколюбца Бога».

Св. Иоанн Златоуст в беседе III на послание к Филиппийцам пишет: «Когда весь народ и священный собор стоят с простертыми в небу руками и когда предлежит страшная жертва, – как не умиловывим мы Бога, молясь за них (умерших)? Но это о тех только, которые в вере умерли». И в другом месте (в беседе XXI на Деяния Апостольские): «Есть еще, поистине есть возможность, если хотим облегчить наказание скончавшегося грешника. Если будем творить о нем частые молитвы и раздавать милостыни, то хотя бы он был и недостоин сам по себе, Бог услышит нас. Если Он ради апостола Павла спас других и ради одних щадил других, то как не сделает того же самого и для нас?»

Блаженный Августин учит (Олово CLXXII): «Не должно сомневаться, что молитвы св. церкви, спасительная жертва и милостыни, совершаемые за души умерших, воспомоществуют им к тому, чтобы Господь был к ним милостивее, нежели сколько заслужили они по грехам своим. Ибо вся церковь соблюдает это, как преданное от Отцов, чтобы за скончавшихся

в общении тела и крови Христовой молиться, когда вспоминаются они в свое время при самом жертвоприношении, и выражать, что жертва приносится и за них. Кто также усомнится, что и дела милосердия, совершаемые для умиловления за них, приносят пользу тем, за которых не все возсылаются Богу молитвы?»

Во всех приведенных отеческих изречениях раскрывается та мысль, что если Бог многократно благоволил являть милость Свою одним по вере и предстательству других (Мф.8:13; 9:2; 15:28), то нет основания сомневаться и в том, что Он не отвергнет наших молитв за наших умерших братьев, нуждающихся в милосердии Божьем. Другие Отцы указывали на то, что наши молитвы могут помогать и умершим точно так же, как они помогают живущим еще на земле, но разлученным с нами по телу братьям нашим, находящимся в путешествии, в плену, в заточении, в темнице, и как помогают молитвы родителей их немощным детям (Филин. 1:4, 19; Колос.1:9; 2Тим.1:3; 2Кор.1:11; Деян. 12:5, 12).

Св. Епифаний пишет (Ереси, LXX, Аэриане): «Живые и оставшиеся (на земле) веруют, что отшедшие и умершие не лишены бытия, но живы пред Богом. Как св. церковь научает нас о путешествующих братьях молиться с верою и упованием, что совершаемые о них молитвы полезны им: так надобно разуметь и о молитвах, совершаемых об отшедших от мира сего».

Св. Афанасий Великий говорит (у Иоанна Дамаскина в Слове об усопших): «Приносящий жертву за усопшего должен то же иметь в мыслях, что имеющий малолетнего сына, слабого и немощного, который, когда сын его занеможет, с верою приносит за него в храм Божий свечи и фимиам с елеем и все сие сжигает за отрока, но не сам отрок все сие держит и приносит, как бывает с отрицаниями и обетами при общественном возрождении. Так должно себе представлять, что и усопший сам держит и приносит свечи и елей и все дары, приносимые для спасения его: и таким образом благодатью Божьей не суетны будут усилия к достижению того, к чему он стремится с верою»²⁰⁷.

Наши молитвы могут действовать на души скончавшихся непосредственно, если только они скончались в правой вере и с истинным раскаянием, то есть в общении с церковью и с Господом Иисусом, – так как в этом случае, не смотря на видимое удаление от нас, они продолжают вместе с нами принадлежать к одному и тому же телу Христову (Ефес.1: 23; Колос.1:18), в котором точно так же не может не сохраняться сочувствия и взаимного влияния между членами, как естественно существует оно между всеми членами нашего тела (1Кор.12:26) и как обнаруживается оно и во внешней природе между существами одного рода, живущими хотя отдельно, но одною жизнью.

«Для умерших – говорит св. Ефрем Сирин – благодетельны поминовения, совершаемые святыми во время их жизни. Смотрите, вот и пример сему представляют некоторые творения Божьи, как то виноград – его зреющие грозди в поле и выдавленное вино в сосудах: когда созреют ягоды на виноградной лозе, тогда вино, стоящее в доме неподвижно, начинает пениться и волноваться, как бы желая убежать. То же бывает, кажется, и с растением – луком: ибо как скоро начнет созревать лук, посаженный в поле, в то же время дает отпрыски и лук, в доме находящийся. И так если и растения имеют между собою такое соощущение, то не более ли для умерших ощутительны молитвенные приношения? Когда же благоразумно согласишься на то, что сие происходит сообразно с природою тварей, то представляй себе, что ты – начаток тварей Божьих»²⁰⁸.

Равным образом и другой св. Отец замечает: «Как бывает с заключенным в сосуде вином, которое, когда цветет виноград в поле, слышит запах и цветет вместе с ним, – так думай и о душах грешников: они получают некоторое благодеяние от приносимой за них бескровной жертвы и благотворения, как знает и повелевает единый Владыка живых и мертвых, Бог наш»²⁰⁹.

«Как вещественная частица, усвоенная организмом, получает от него новые свойства и новую жизнь, так и верующий в живом союзе с телом Христовым способен

получить от него новые свойства и новую жизнь, лишь бы он не отторгался от Церкви своим личным неверием и нечестием. Поэтому молитвы в церкви одних за других возвышают несовершенных между ними и помогают им духовно возрастать до блаженного состояния в царстве Христовом. Это – не внешняя помощь богатых бедным, не внешнее заступничество сильных за слабых, не судебное зачисление заслуг одного лица другому, но внутреннее сообщение жизни и силы от целого к частям. Как на земле, так и за гробом каждый верующий объемлется любовью церкви, проникается ее духом и постепенно возрастает в любви Христовой, которая есть начало и верх совершенства христианского» (*Протоиерей Фаворов, Очерки Правосл. Догмат. Богословия*).

Наконец, наши молитвы могут быть благотворны для скончавшихся в правой вере и с истинным раскаянием потому, что, отшедши в другой мир в общении с церковью, они притом в самих себе перенесли туда начаток добра, или семя новой жизни, которого только не успели сами раскрыть здесь и которое, под влиянием наших теплых молитв, при благословении Божьем, может мало–по–малу развиваться и принести плод, как развивается доброе семя в земле под живительным влиянием солнца, при благорастворении воздуха, – между тем как для скончавшихся в нечестии и нераскаянности и совершенно погасивших в себе дух Христов (1Сол.5:19) ничего не помогут никакие молитвы живущих еще братьев, подобно тому, как ничего не могут сделать для оживления гнилых семян, потерявших начало растительной жизни, ни влияние солнца, ни благорастворенный воздух, ни питательная влага.

Такого рода рассуждения мы встречаем у блаж. Августина и у св. Иоанна Дамаскина.

Блаженный Августин говорит: «Ни мало не должно сомневаться, что (молитвы св. церкви, спасительное жертвоприношение и милостыни) приносят пользу умершим, – но лишь тем, которые прежде смерти жили так, чтобы по смерти все это могло быть для них полезным. Ибо для отшедших без веры, споспешествуемой любовью, и без общения в таинствах

напрасно совершаются ближними дела того благочестия, коего залога они не имели в себе, когда находились здесь, не приемля или всуе приемля благодать Божью, и сокровиществуя себе не милосердие, а гнев. Итак, не новые заслуги приобретаются для умерших, когда совершают за что либо доброе знаемые, а только извлекаются последствия из прежде положенных ими начал»²¹⁰.

Св. Иоанн Дамаскин пишет: «Каждый человек имевший в себе малую закваску добродетелей, но не успевший превратить оную в хлеб, – поскольку, не смотря на свое желание, не мог сего сделать или по лености, или по беспечности, или по тому, что отлагал со дня на день, и сверх чаяния постигнут и пожат кончиною, – не будет забыт праведным Судиею и Владыкою, но Господь по смерти его возбудит его родных, ближних и друзей, направит мысли их, привлечет сердца и преклонит души к оказанию ему пособия и помощи. И когда Бог подвигнет их, а Владыка коснется сердец их, они поспешат вознаградить опущение умершего. А тот, кто вел жизнь порочную, которая была вся усеяна тернием и исполнена скверн и нечистот, который никогда не внимал совести, но с беспечностью и ослеплением погружался в мерзость похотей, удовлетворяя всем пожеланиям плоти и ни мало не заботясь о душе, – которого все мысли заняты были плотоугодием и который в таком состоянии постигнут кончиною, – сему никто не прострет руки, но так будет с ним поступлено, что ему не подадут помощи ни супруга, ни дети, ни братия, ни родственники, ни друзья: поскольку Бог не призрит на него»²¹¹.

д) Ходатайство церкви за умерших

Святая церковь, как попечительная и любвеобильная мать, ежедневно молится не только за продолжающих еще воинствовать на земле, но и за отошедших в страну вечности чад своих: моления за умерших совершаются на *повечерии*, *полуночнице* и *литургии*. Затем для молитв за умерших назначен еще один день в седмице – *суббота*, день покоя. Кроме того св. церковь установила еще особенные дни для торжественного, всеобщего, *вселенского* поминовения всех умерших – *родительские субботы*. В России сверх того установлено еще поминать «православных воинов за веру и отечество на брани убиенных» 29-го августа и в субботу пред днем памяти Святого Великомученика Димитрия Солунского (пред 26-м октября). Независимо от этих общих поминовений св. церковь разрешила поминать каждому православному кого угодно и когда угодно, кроме воскресных и праздничных дней.

Литургия

Доколе будет существовать на земле церковь Христова, – и она будет существовать до самого второго пришествия Христова, – до тех пор будет совершаться непрестанная молитва за всех умерших в вере и покаянии. Литургия, ежедневно совершаемая церковью, есть непрерывное поминовение наших усопших братьев. В литургии не вспоминается только хладным воспоминанием, но именно священнодействуется тайна нашего искупления, приносится умиловительная жертва Богу, воспроизводящая ту великую жертву, которую принес на Голгофе за весь мир Искупитель мира. «Жрется Агнец Божий, взяв грехи мира, за мирский живот и спасение», говорит священник при самом начале Божественного служения. «Отмой, Господи, грехи поминавшихся здесь кровью Твоею честною», молится он, оканчивая принесение бескровной жертвы.

И жертва, совершаемая руками священника, есть жертва вполне божественная. Когда священник совершает это чудное служение, тогда он не один стоит пред престолом: по свидетельству св. Златоуста, престол окружен в это время ангелами, которые не с дерзновением смотрят на эту жертву, но со страхом и трепетом закрывают свои лица, по причине сияния, от нее исходящего. Отчего же так высока эта жертва? Оттого, что она есть, по словам св. Златоуста, «та самая, которую Христос предложил на Голгофе, и ничем не менее той. Нельзя сказать, чтобы ту устроил Христос, а эту человек: нет, ту и другую – Сам Христос». – «Священник приносит эту высокую жертву», говорит другой великий Отец (св. Василий Великий), – «и ангелы с трепетом предстоящие служат ему. Все небо в удивлении, видя Божественного Агнца в руках священника; самый ад трепещет; дьяволы трясутся от страха во время совершения этой жертвы; все силы небесные смотрят на это дивное чудо с глубочайшим благоговением».

В литургии, этом величайшем священнодействии, Сам Иисус Христос есть *Священник* и *Жертва* (Евр. VII, 17–27), или,

по выражению Василия Великого и Иоанна Златоуста (в чине их литургии), Принесли и Приносимый, или, по учению св. апостола Иоанна Богослова, «Ходатай пред Отцом и умилоствление за грехи всего мира» (1Ин. II, 1, 2), ибо «кровь Его очищает от всякого греха» (– I, 7).

Св. Кирилл Иерусалимский, называя Евхаристию «умиловительною жертвою», говорит: «Мы приносим (в ней) Христа, закланного за наши прегрешения, умиловляя за них (умерших) и за нас Человеколюбца Бога»²¹².

Св. Иоанн Златоуст в беседе ХЫИ на 1 – е послание к Коринфянам говорит: «Ее напрасно делаем мы поминовения об отшедших пред Божественными Тайнами и, приступая, умоляем за них подлежащего Агнца, взявшего грех мира, но чтобы отселе было им какое-либо утешение; не напрасно предстоящий пред жертвенником, на котором совершаются страшные Тайны, взывает о всех, во Христе почивших и о совершающих поминовение об них. Если бы не было за них поминований издревле, от времен апостольских, то и сего не говорили бы. Наше служение – не забава, – да не будет! – но совершается по устройению Духа... Да не обленимся помогать отшедшим и приносить за них молитвы, ибо предлежит общая для всего мира очистительная жертва. Посему с дерзновением молим мы тогда о вселенной и произносим имена почивших на ряду с мучениками, исповедниками и священниками».

Примечание. Если православная церковь, принося бескровную жертву, воспоминает – и притом прежде всего – и о Святых Божьих прославленных, о праотцах, пророках, апостолах, мучениках, исповедниках и даже о самой преблагословенной Богородице, то воспоминает не с тою целью, чтобы умиловлять к ним Бога, а с тою, чтобы их молитвами и предстательством усилить свои моления пред Ним о живых и умерших. Потому священнодействующий, оканчивая воспоминание Святых, присовокупляет: «их же молитвами посети нас, Боже, и помяни всех усопших о надежде воскресения живота вечного»²¹³. И св. Кирилл Иерусалимский говорит: «Поминаем и прежде почивших, сперва патриархов,

пророков, апостолов, мучеников, чтобы по их молитвам и предстательствам Бога принял наше моление»²¹⁴.

Св. Димитрий Ростовский говорит: «О упокоении душ блаженной памяти преставившихся рабов Божьих молитвы наши совершая, имеем надежду несомненно, яко принесенная за души их жертва, излиянная кровь и вода от ребр Христовых, во святом потире совершаемая, окропляет и очищает их, о них же приносится и о них же изливается.

И аще кровь Христова, единою древле на кресте излиянная всего мира грехи омыла есть, – ныне таяжде, а не иная, не имать ли наши грехи очистить? Аще тогда кровь Христова многие бесчисленные души искупила есть от работы вражия, – ныне таяжде, а не иная, не имать ли от нас поминаемых душ искупить? Аще тогда страдание Христово столь многие оправда, – тожде ныне Христово страдание, божественные жертвы совершением воспоминаемое, не имать ли и нами поминаемые оправдати? Веруем несомненно силе крови Христовой с водою от ребер Его истекшей, яко очищает, искупает и оправдает рабов Своих²¹⁵.

Родительские вселенские субботы

В нашем народе известно и обычно название покойников, своих и чужих, старых и малых, *родителями*. Так, напр., когда принесут в храм тело покойника, народ наш обыкновенно выражается об этом так: «в церкви родителей», хотя бы речь была о младенце или отроке умершем. А выражение: «идти на родителей» значит – идти на могилы умерших, родных и даже чужих. Представление покойников «родителями», то есть принадлежащими уже к ряду отцов, к которым они отошли, возбуждает в нас благоговение к их памяти. Отсюда дни или собственно субботы, в которые совершается вселенское или все церковное поминовение умерших, получили название *родительских* суббот. В субботы же, а не в другие дни, полагается моление об умерших потому, что во все седмицы года поминовение усопших бывает преимущественно по субботам. День субботы, как день покоя, по самому своему значению, есть наиприличнейший для моления об упокоении умерших со Святыми.

Вселенских родительских суббот пять: мясопустная, троицкая и субботы 2-й, 3-й и 4-й недель Великого поста.

Мясопустная родительская вселенская суббота

Заупокойная служба в субботу мясопустную озаглавляется так: «Память совершаем всех от века усопших православных христиан, отец и братий наших».

Сделаем небольшую выписку из синаксаря на этот день:²¹⁶.

«Святые отцы узаконили совершать поминовение по всех умерших по следующей причине. Многие весьма не редко умирают неестественною смертью, напр., во время странствования в морях, в непроходимых горах, в ущельях и пропастях; случается, гибнут от голода, в пожарах, на войнах, замерзают. И кто перечтет все роды и виды нечаянной и никем не ожидаемой смерти? И все таковые лишаются узаконенного псалмопения и заупокойных молитв. Вот почему святые отцы, движимые человеколюбием и установили, основываясь на учении апостольском, совершать это общее, вселенское поминовение, что бы никто, когда бы, где бы и как бы ни кончил земную жизнь, не лишился молитв церкви».

И так установление вселенской родительской субботы пред неделю мясопустную восходит к преданию апостольскому, что подтверждается уставом св. церкви, изложенным в V веке Преподобным Саввою Освященным на основании древнейшего предания, и обыкновением древних христиан стекаться в определенные дни на кладбище для поминовения умерших, о чем сохранилось письменное свидетельство из IV века (св. Златоуст в слове LXII и XVIII).

Основанием к установлению этого поминовения послужило то, что в воскресный день седмицы мясопустной св. церковь совершает воспоминание второго пришествия Христова, и потому накануне этого дня, как бы в день предшествующий страшному суду Христову, и притом приближая к духовным подвигам св. Четыредесятницы, когда нам должно войти в теснейший союз любви со всеми членами царства Христова – и Святыми, и живущими, и умершими, она (церковь) предстательствует о всех от Адама доднесь усопших во благочестии и правой вере праотцах отцах и братиях наших от

всякого рода: от рода царей, князей, монашествующих, мирян, юношей и старцев, и всех, яже вода покрое, брань пожат, трус объят, убийцы убиша, огонь попали, бывшая снедь зверям, птицам и гадам, погибшие от молнии и измершие мразом; яже уби меч, конь совосхити, яже удави плинеа или персть посыпа, яже убиша чаровные напоения, отравы, костная удушения, – внезапно умерших и оставшихся без узаконенного погребения, – предстательствует, умоляя Праведного Судию явить им Свою милость в день нелицеприятного всем воздаяния.

В заупокойной ектеньи в субботу мясопустную взывается: «Еще молимся о упокоении душ рабов Божьих, праотец, отец и братий здесь лежащих и повсюду православных христиан. При этом поименно вспоминаются, по особой книжке («Реестр, как по всех Высочайших персонах поминовение чинить на вселенских панихидах»), усопшие православные благочестивые Императоры, Цари, Великие князья, и благочестивые Императрицы, Царицы, Княгини. В иных храмах при этом ставится пред царскими дверями стол, на столе распятие и пред ним свеча, а иногда и кутия²¹⁷. В других же храмах ставится пред царскими дверями только свеча в большом подсвечнике.

Из службы в субботу мясопустную.

Стихиры на «Господи воззвах»:

«Верные! вспоминая всех усопших от начала мира, которые провели жизнь благочестиво, будем воспевать Спасителя и Господа, усердно прося, чтобы они могли дать ответ в час суда Ему, Самому Богу нашему, Судии всех живущих на земле, чтобы они радостные удостоились стать одесную Его, на стороне угодивших Ему, получили участие со Святыми, в светлом и вечно блаженном Его царстве небесном».

«Спаситель! Ты, искупивший людей Своею кровию, избавивший нас Своею смертью от горькой смерти и воскресением Своим дарующий нам жизнь вечную, – упокой, Господи, всех усопших в благочестии, где бы кто ни окончил жизнь в пустынях или городах, в море или на суше, всех – царей, священников, архиереев, монахов и мирских, всякого возраста, и удостой их небесного Твоего царства».

Христе! чрез Твое воскресение смерть уже не владеет скончавшимися в благочестии. Поэтому-то и молимся Тебе прилежно: упокой рабов Твоих в Твоем блаженном обиталище, там, где пребывает Авраам, – всех, от Адама и до сего дня послуживших Тебе верно, Отцов и братьев наших и друзей, и родных, переселившихся к Тебе разными образами. Боже! удостой их всех небесного Твоего царства».

«Плачу и рыдаю, когда размышляю о смерти и вижу, как в гробах лежит созданная по образу Божью наша красота – безобразная, бесславная, не имеющая уже вида. О, чудо! Что это за таинство совершается над нами? Как это мы предаемся тлению? Как подчинились смерти? Истинно повелением Бога, как писано, дарующего успокоение скончавшимся».

Тропарь. «Единый Создатель, глубиною мудрости человеколюбиво все устрояющий и всем дарующий полезное Господи, упокой души рабов Твоих, потому что они возложили свои надежды на Тебя, Творца, Промыслителя и Бога нашего».

Из канона, поющегося в субботу мясопустную:

«Яже покры вода, и брань пожат, трус же яже объят, и убийцы убиша, и огонь яже попали верные, Милостиве, в части учини праведных» (песнь 1, троп. 4).

«Яже уби меч, и конь восхити, град, снег и туча умноженная, яже удави плинеа или персть посыпа, Христе Спасе наш, упокой» (песнь 4, троп. 4).

«Умершим напрасно (внезапно) от случаев, от клича же зельного, скорого течения, и заушения, удавления же от искреннего, и лягания, Господи славы, верою усопшим ослаби во веки» (песнь 8, троп. 4).

«Умершие Божьим прещением, смертных громов всяких с небес нанесенных, земли разошедшиеся, морю восшумевшемуся, вся верные, Христе упокой» (песнь 9, тропарь 3).

Троицкая вселенская родительская суббота

Как пред воспоминанием о страшном суде в неделю мясопустную св. церковь обращает мысли христиан к будущей участи умерших и назначает моление об них в неделю мясопустную, так после воспоминания об искуплении всех людей св. церковь воспоминает об умерших и назначает особый день для молитвы за них, именно – субботу пред Пятидесятницею. В этот день совершается память всех усопших благочестивых христиан, отец и братья наших.

Начало Троицкой родительской субботы восходит также ко временам апостольским. Указание на это находим в словах св. апостола Петра, произнесенных им в день первой христианской Пятидесятницы, в которых он говорит о воскресшем Спасителе: «Его же Бог воскреси, разрешив болезни смертные» (Деян. II, 24), и в постановлениях Апостольских, где говорится, что апостолы, исполняясь Святого Духа в день Пятидесятницы, проповедали иудеям и язычникам об Иисусе Христе, Сыне Божьем, Судии живых и мертвых (книга V, глава 19).

В день Пятидесятницы искупление мира было запечатлено освячительно–совершительною силою Животворящего Пресвятого Духа, благодатно и спасительно простирающеюся на живущих и умерших. Потому и св. церковь как в мясопустную субботу, представляющую как бы последний день мира, так и в Троицкую, представляющую последний день церкви ветхозаветной пред открытием во всей силе церкви Христовой в день Пятидесятницы, молится за всех усопших Отцов и братья, а в самый день Пятидесятницы возносит за них следующую молитву к Господу:

«Приснотекущий, животный (животворный), просветительный Источниче, соприсносушная Отцу содетельная Сила, все смотрение за спасение человеческое прекрасно исполненный, Христе Боже наш, смерти узы неразрешимые и заклепы адовы расторгнутый, лукавых же духов множество поправый, приведи себе о нас непорочное заклание и тело давший пречистое в жертву, всякого греха неприкосновенное же

и непроходное, и страшным сим и неисповедимым священнодействием живот нам вечный даровавый, во ад сшедший и верей вечно сокрушивший, и во тьме сидящим восход показавший, начало злобного же и глубинного (в глубине кроющегося) змия богомудростным льщением уловивший и веригами мрака связавший в тартаре и огни негасимом, и во тьме кромешной неисчетнословно Твоею затвердивый крепостию, Великоименитая Премудросте отчая, нападствуемым великий Помощник явился и просветивший сидящие во тьме и сени смертной, Ты, славы присносущный Господи и Отца вышнего Сыне возлюбленный, присносущный Свете от присноеущного Света, Солнце правды! услыши нас молящихся Тебе и упокой души рабов Твоих, прежде усопших отец и братьев наших, и прочих сродников по плоти, и всех своих в вере, о них же и память творим ныне, яко в Тебе всех держава и в руке Твоей содержиши вся концы земли. Владыко Вседержителю, Боже отец и Господи милости, рода смертного же и бессмертного и всякого естества человеческого Содетелю, составляемого же и паки разрешаемого, живота же и скончания, еже здесь пребывания и еже там преложения, лета измеряя живым и времена уставляя смерти, низводя во ад и возводя, связуя в немощи и отпуская 'в силе, настоящая потребне строя и будущая полезно управляя, смертным жалом уязвленных воскресения надеждами веселя! Сам убо, Владыко всех, Боже Спасителю наш, Надежде всех концов земли и сущих в море далече, Иже в сей последний и великий спасительный день Пятидесятницы праздника тайну святая и единосущная, и соприсносущная, и неразделимая, и неслиянная Троицы показывай нам, и наитие и пришествие Святого и Животворящего Твоего Духа, в виде огненных языков, на святые Твоя Апостолы излиывый и благовестника тех поставивый благочестивые наши веры и исповедники и проповедники истинного богословия показывай. Иже и в сей всесовершенный и спасительный праздник очищения убо молитвенная о иже во аде держимых сподобивый приимати, великие же подавая нам надежды ослабления от обдержавших скверн и утешению Тобою ниспослаться обдержимым ими: услышь нас смиренных и Твоих

раб молящихся Ти и упокой души рабов Твоих прежде усопших на месте светле, на месте злачне, на месте прохладения, от онудуже отбеже всякая болезнь, печаль и воздыхание, и учини духи их в селениях праведных, и мира и ослабления сподоби их, яко не мертвые восхвалят Тя, Господи, ниже сущий во аде исповедание дерзнут принести Тебе, но мы живые благословим Тя и молим и очистительные молитвы и жертвы приносим Тебе о душах их». «Боже великий и вечный, Святой, человеколюбивый, сподобивший нас в сей час стати пред неприступною Твоею славою на пение и хвалу чудес Твоих! очисти ны недостойные рабы Твоя и подаждь благодать, еже сокрушенным сердцем невозносительно (неуклонно) приносить Тебе трисвятое славословие и благодарение о великих Твоих дарах, яже сотворил еси к нам и твориши всегда в нас. Помяни, Господи, немощь нашу, и да не погубиши нас со беззаконии нашими, но сотвори великую милость со смирением нашим, да, греховные тьмы избежавше, во дни правды ходити будем, и одеявшеся оружием света, ненаветно пребудем от всякие козни лукавого и со дерзновением прославим о всех Тебе, единого истинного и человеколюбца Бога. Твое бо есть истинное и великое воистину таинство, Владыко всех и Творче, временное решение Твоих тварей и еже по сих совокупление и упокоение во веки. Тебе благодарение о всех исповедуем, о входах наших яже в мир сей, и исходах, иже надежды воскресения и жизни нетленные по Твоему неложному обещанию предобручают (предначинают) нам, яже и приимем в будущем втором пришествии Твоем: Ты бо еси воскресения нашего Начальник, и поживших неумытный и человеколюбивый Судия, мздовоздаяния Владыка и Господь, Иже и приобщившийся нам преискренно плоти и крове снисхождения ради крайнего, и за милосердие щедрот приемый наша страсти кроме греха, да волею испытавши я, и в немже пострадал еси Сам искусився, искушаемым нам быв самообещанный помощник, тем же и совозвел еси нас в Твое бесстрастие. Приими убо, Владыко, мольбы и моления наша, и упокой вся отцы коегождо и матери, и чада, и братию, и сестры, единокровные и сродные, и вся прежде почившие души в надежде воскресения жизни вечной,

учини души их и имена в книге животней, в недрах Авраама, Исаака и Иакова, в стране живых, в царствии небесном, в рай сладости, светлыми Ангелы Твоими вводя вся во святые Твоя обители, совоздвигая и телеса наша в день, в оньже определил еси по святым Твоим и неложным обетованием. Нестъ убо, Господи, рабом Твоим смерть, исходящим нам от тела и к Тебе Богу нашему приходящим, но преставление от печальнейших на полезнейшая и сладостнейших и на упокоение и радость. Аще же и что согрешим к Тебе, милостив буди нам же и тем, зане ни един есть чист пред Тобою от скверн, ниже аще един живота его есть, разве Ты точию един на земли явивыйся безгрешный Господь наш Иисус Христос. Имже вси уповаем милость получитьи и оставление грехов. Сего ради нам же и оним, яко благ и человеколюбец Бог, ослаби, остави, прости грехопадения наша, вольная и невольная, яже в ведении и не в ведении, пред явленная и забываемая, яже в деянии, яже в помышлении, яже в словеси, яже во всех наших житиях и движениях. И отшедгаим убо свободу и ослабу даруй, нас же сущих здесь благослови, конец благий и мирный даруя нам же и всем людям Твоим, и милости и человеколюбия утробу отверзаяй нам на страшном и ужасном Твоем пришествии, и царствия Твоего достойных нас сотвори»²¹⁸.

Субботы Мясопустная и Троицкая по преимуществу называются вселенскими.

Родительские субботы 2-й, 5-й и 4-й седмиц св. Четыредесятницы

Вводя нас при наступлении Великого поста в теснейший союз христианской любви со всеми членами своими – со Святыми, с живущими и умершими, св. церковь особенно утверждает для нас этот союз среди самых подвигов благодатного освящения: непрестанно ободряя и утешая верующих призыванием, предстательством и примером Святых, возбуждая к делам благотворения ближним живущим – дать алчущим хлеб и разрешить всякий союз неправды, она в субботние дни 2-й, 3-й и 4-й седмиц Великого поста благовременно руководствует нас также к прилежнейшему молитвенному ходатайству и об оставлении «вольных и невольных прегрешений верою представившихся человек и вечном их упокоении со святыми».

Кроме того, так как в обыкновенное время поминовения усопших совершаются ежедневно (так называемые сорокоусты и другие добровольные поминовения), а в Великий пост непрерывные поминовения при общественном церковном богослужении не совершаются, потому что они всегда бывают соединены с совершением полной литургии, которой в св. Четыредесятницу не бывает ежедневно: то св. церковь, чтобы не лишить умерших спасительного предстательства своего, установила, вместо ежедневных поминовений, совершать трижды вселенские поминовения в субботы 2-й, 3-й и 4-й недель Великого поста. Прочие же субботы Великого поста посвящены особнным празднованиям: *первая* – Св. Великомученику Феодору Тирону, *пятая*, – Похвале Богоматери, а *шестая* гiesta – воскресению праведного Лазаря.

Частные родительские дни

Частных родительских дней три: вторник Фоминой недели, 29 – е августа и Димитриевская суббота.

Вторник Фоминой недели

Во вторник (а в иных местах в понедельник) на Фоминой неделе православные христиане обыкновенно поминают усопших. В службе этих дней в уставе не положено особых молитвословий об умерших. Обыкновение же помянуть в эти дни умерших имеет основание в том, что в неделю (то есть в воскресенье) апостола Фомы вспоминается, между прочим, сошествие Иисуса Христа во ад, и с понедельника Фоминой седмицы устав позволяет начинать сорокоусты об умерших²¹⁹.

Древность поминовения умерших в этот день подтверждается свидетельством св. Амвросия Медиоланского и св. Иоанна Златоуста. Первый говорит: «Достойно и праведно есть, братие, после торжества Пасхи, которое мы праздновали, разделить радость нашу со святыми мучениками и им, как участникам страданий Господа, возвестить славу Воскресения Господня²²⁰. Хотя святитель и говорит здесь о св. мучениках, но так как поминовение усопших в вере положено в церкви новозаветной благочестивым обыкновением творить в память мучеников, среди которых погребали древле и прочих умерших²²¹, то слова его могут также свидетельствовать и о древности нашего обыкновения совершать память умерших после Пасхи в понедельник²²² или во вторник Фоминой недели, Святой же Иоанн Златоуст о поминовении усопших после Пасхи говорит так: «Почему отцы наши установили, оставив молитвенные дома в городах собираться нам сегодня вне города и на сем именно месте (то есть на могилах мучеников и других христиан)? Потому, – отвечает св. отец; – что сегодня Господь Иисус Христос сошел к мертвым: потому здесь и собираемся мы²²³.

День поминовения усопших во вторник Фоминой недели называется *радоницею* или *радоницами*, потому что в этот день приветствуют умерших радостною вестью о воскресении Господа: живые христосуются с умершими, принося с собою на могилы и окрашенные яйца, которые иные, уходя домой, оставляют на могилах.

29 – е августа

29-го августа, в день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, совершается поминание православных воинов, за веру и отечество на брани убиенных. В «Чине поминовения» на этот день сказано: «Сей день, в рассуждении пострадавшего за истину Предтечи Господня, есть приличный, дабы в оный всеобщую Богу молитву принести и о подобнострадающих и положивших живот свой за веру и отечество».

Поминание православных воинов, 29-го августа установлено в церкви русской при императрице Екатерине II (по указу 1769 года августа 17 – го), во время войны с турками и поляками.

Чин поминовения о православных воинах, совершаемый 29-го августа, печатается особою книжкою.

Димитриевская суббота

Димитриевская суббота, бывшая первоначально днем поминовения православных воинов, установлена великим князем Димитрием Иоанновичем Донским. Одержав знаменитую победу на Куликове поле над Мамаем 8-го сентября 1380 года, Димитрий Иоаннович, по возвращении с поля брани, путешествовал в Троице–Сергиеву обитель, игумен которой, преподобный Сергей Радонежский, благословил его на брань с неверными и дал ему из числа братии своей обители двух иноков – Александра Пересвета и Андрея Ослябю (оба они пали в битве с неверными и погребены на Старом Симонове, близ Симонова монастыря). Совершив в Троицкой обители поминовение православных воинов, павших в Куликовской битве, великий князь предложил церкви творить это поминовение ежегодно в Димитриевскую субботу (пред 26-м числом октября – днем тезоименитства победителя Мамаю).

Впоследствии православные христиане стали в этот день творить память не только православных воинов, за веру и отечество живот свой на брани положивших, но купно с ними и всех вообще усопших братий своих.

Поминовение усопших особ царского дома (царские панихиды)

В 1548 году, 21-го июня, великий князь и царь Иоанн Васильевич, но благословению митрополита Макария, установил общую память усопшим благоверным Князем и Бояром и Христолюбивому воинству и Священническому и Иноческому чину и всем православным Христианам, и оттоле повелел написать ту память в Соборные книги²²⁴, для чего в древности существовал в России особый *панихидный приказ*. Поэтому и список ежегодно в известные дни поминаемых преставившихся Великих Российских Императоров, Императриц, Царей и Цариц и прочих особ Высокой их фамилии начинается с Царя Иоанна Васильевича Грозного, скончавшегося в 1584 году.

Святейшим Синодом предписано, как отправлять царские панихиды во дни, назначенные для этого в Реестре поминовения царственных особ. Поминовение чинить архиереям и монастырским властям и прочим священнослужителям так: 1) По великих Государях Императорах и Императрицах и по Государыне Цесаревне Анне Петровне панихиды служить архиереям, в монастырях монастырским настоятелям в числа, показанные в Реестре, равно и в прочих кафедральных архиерейских и градских соборах протопопам соборне, и в ружных, приходских и городских церквах – священнослужителям. 2) По великих Государях Царях и Царицах и по прочих высоких персонах отправление панихиды оставляется на произволение архиерея; только она неопустительно должна совершаться если не архиереем, то прочими духовными лицами. В монастырях же настоятелям и во всех прочих соборах и церквах священнослужителям служить панихиды самим по всех членах царствующего дома.

Только уважительные причины (благословные вины) освобождают архиереев и настоятелей от совершения царских панихид: это – болезнь, отсутствие по делам не терпящим отлагательства и другие, тому подобные обстоятельства.

Городских соборов, ружных и приходских церквей священнослужителям оное поминовение отправлять помесечно, то есть сколько в коем месяце тех персон по именам показано, но всех в последних числах каждого месяца за одною панихидою. Если бы по какой благословной вине в те числа исполнить данного не случилось, то в иной день исполнить неотменено.

Когда же кому–либо из членов царствующего дома поминовение случится во дни Великого поста или в воскресные и праздничные дни, тогда поминовение отправлять по субботам тех седмиц.

Если же поминовение по ком–либо из членов царствующего дома случится во дни между Лазаревою субботою и Фоминым понедельником, вообще в неделю Ваий, на Страстной и Светлой седмицах, то поминовение отправлять в Фомин вторник.

е) Частное поминовение умерших

Св. церковь молится постоянно о *всех* преждепочивших отцах и братиях наших; но она совершает также особое молитвенное поминовение о *каждом* усопшем отце и брате нашем по нашему благочестивому желанию и вызову.

К частному поминовению умерших относятся: *третины, девятины, сорочины и годовщина.*

Поминование усопших в третий день после смерти есть предание апостольское. Оно совершается *во-первых* потому, что скончавшийся крещен был во имя Отца и Сына и Св. Духа, Бога единого в Троице, хранил невреждимую веру, принятую во св. крещении, и так как он в течение жизни молился об отпущении грехов единому в Троице Богу, то по и преставлении его св. Церковь творит о нем поминование в третий день; *во-вторых* потому, что он сохранил три богословские добродетели, служащие основанием нашего спасения, именно: веру, надежду и любовь; *в третьих* потому, что существо его имело тройственный состав – дух, душу и тело, которые согрешают вместе и потому, по переходе человека в загробный мир, требуют очищения от грехов.

Кроме такого богословского значения поминования усопших в третий день, оно имеет еще значение таинственное, касающееся загробного состояния души. Когда св. Макарий Александрийский просил ангела, сопровождавшего его в пустыне, объяснить ему значение церковного поминования в третий день, то ангел отвечал ему: «Когда в третий день бывает в церкви приношение, тогда душа умершего получает от стрегущего и Ангела облегчение в скорби, которую чувствует от разлучения с телом, – получает потому, что славословие и приношение в церкви Божьей за нее совершено, от чего в ней рождается благая надежда, ибо в продолжение двух дней позволяется душе, вместе с находящимися при ней Ангелами, ходить на земле, где хочет. Посему душа, любящая тело скитается иногда около дома, в котором положено тело, и таким образом проводит два дня, как птица, ища себе гнезда. Добродетельная же душа ходит по тем местам, в которых имела обыкновение творить правду. В третий же день Тот, Кто Сам воскрес в третий день из мертвых, повелевает, в подражание Его воскресению, вознестись христианской душе на небеса, для поклонения Богу всяческих».

Девятый день

В девятый день св. церковь совершает молитвы и бескровную жертву об усопшем также по преданию апостольскому. Она молит Господа, чтобы душа усопшего удостоилась быть причтенною к лику Святых молитвами и предстательством девяти ангельских чинов. Св. Макарий Александрийский, по откровению ангельскому говорит, что после поклонения Богу в третий день, повелевается показать душе различные приятные обители Святых и красоту рая. Все это рассматривает душа шесть дней, удивляясь и прославляя Творца всяческих, Бога. Созерцая все это она изменяется и забывает скорбь, которую чувствовала, находясь в теле. Но если она виновна в грехах, то при виде наслаждений Святых, она начинает скорбеть и укорять себя: «Увы мне! Сколько я осуетилась в том мире! Увлечшись удовлетворением похотей, я провела большую часть жизни в беспечности и не послужила Богу как должно, дабы и мне удостоиться сей благодати и славы. Увы мне, бедной! По рассмотрении же, в течение шести дней всей радости праведных, она опять возносится ангелами на поклонение Богу.

Сороковой день

Дни плача по умершим в самой глубокой древности продолжались сорок дней. Так израильтяне оплакивали Моисея сорок дней.

Вообще число сорок есть число знаменательное, часто встречающееся в Священном Писании. Евреи питались в пустыне манною сорок лет; Моисей постился сорок дней и сорок ночей, приемля закон от Бога; Илия провел сорок дней и сорок ночей в путешествии к горе Хориву; Господь Иисус Христос после Своего крещения провел в пустыне сорок дней и сорок ночей, а после Своего воскресения также в продолжении сорока дней учил Апостолов тайнам царствия Божья.

Основываясь на предании Апостолов, узаконивших в церкви Христовой древний обычай иудеев – оплакивать умерших сорок дней, св. церковь справедливо и благочестно с древнейших времен постановила правилом творить поминовение по усопшим в продолжение сорока дней (сорокоуст) и особенно в сороковой день (сорочины). Как Христос победил диавола, пробыв сорок дней в посте и молитве так точно и св. церковь, принося в продолжение сорока дней молитвы, милостыни и бескровные жертвы по усопшем, испрашивает ему у Господа благодать победить врага, воздушного князя тьмы, и получить в наследие царство небесное.

Святой Макарий Александрийский, рассуждая о состоянии души человеческой по смерти тела, продолжает: «После вторичного поклонения, Владыка всех повелевает отвести душу в ад и показать ей находящиеся там места мучений, разные отделения ада и разнообразные нечестивых мучения, в которых души грешников непрестанно рыдают и скрежещут зубами. По этим разным местам мук душа носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой ей не быть заключенной в оных. В сороковой день она опять возносится на поклонение Господу Богу и теперь уже Судия определяет приличное ей по делам место заключения.

Симеон Солунский пишет (глава 372): «Сорокоусты совершаются в воспоминание вознесения Господня, случившегося в сороковой день после воскресения, и с тою целью, чтобы и умерший восстав из гроба, вознесся в сретение Господу, быв восхищен на облацех, и тако был всегда с Господом»²²⁶.

«В сороковой день твоего дорогого покойника, сетующая по нем с верою душа, возведи взоры своей мысли и сердечного чувства к Господу и Спасителю нашему, в сороковой день Своей прославленной жизни восшедшему Своим, пострадавшим за нас до смерти человечеством *в самое небо, ныне да явится лицу Божью за нас* (Евр. IX, 24), живых и усопших. Открой свое сердце для такого Его человеколюбия что он восседает одесную Отца, в открытой Его любви, самым человечеством Своим, ходатайственно представляющим нас, человеков. Откажет ли ему в этом ходатайстве всещедрый Отец, имея пред Собою Его – Своего возлюбленного Сына в крестных за нас язвах? Держись же верою крепко такой любви Господа, и в славе Своей занятого вечною судьбою нашею, судьбою твоею и твоего покойника, и умоляй Его за усопшего, да благодатью Своею немощное в отшедшей душе уврачует, оскудевающее восполнит, все согрешения простит и очистит, и *такো вчинит* ее в жребий помилованных, оправданных, в предначатии вечного блаженства. Твоя вера и молитва, споспешествуемые св. церковью много поможет представившемуся на определяющем жребий его до всеобщего воскресения, так называемом частном суде Христовом.²²⁷

Годины и годовщины

День смерти христианина есть день рождения его для новой, лучшей жизни. Вот почему мы празднуем память наших братьев, по истечении года со дня их кончины. Празднуя второе рождение их для неба, мы умоляем благоутробие Божье, да милостив будет Господь душам их, да подаст им вожделенное отечество в вечное наследие и сотворит их паки жителями рая.

Так как *любовь*, по слову Апостола, *никогда не прекращается* (1Кор. XIII 8), то смерть не расторгает нашего союза любви с усопшими нашими братьями: они живут духом с нами, пребывающими на земле, и мы сохраняем в сердцах своих живую память об них. С особенною живостью возобновляется в нас память их во дни кончины их – годовщины, и мы прибегаем в эти дни к молитве, веры и любви, как к действительнейшему средству с одной стороны удовлетворить требованию своего горящего любовью сердца, а с другой – доставить отраду и облегчение душам переселившихся от нас в горний мир.

Годины, или поминовение покойника в день его смерти, спустя год после нее, и *годовщины*, повторяющие поминовение с возвращением этого дня и в последующие годы, надо совершать непременно под управлением той мысли живой веры, что ради совершившегося подчинения самого Господа, по Его вочеловечению, человеческим условиям времени для нас, годовые и многодовые возвращения или как бы повторения дня отшествия покойного в другую жизнь, имеют живой смысл и соотношение к его душе и судьбе. Надо вере и человеколюбию нашему пользоваться этим для споспешествования успокоению усопших²²⁸.

ж) Несколько примеров спасительности молитв за умерших

Святой Григорий Двоеслов, папа Римский, представляет замечательный пример действия молитвы и жертвоприношений за умершего, случившийся в его монастыре. «Один брат, говорит он, за нарушение обета нестяжания, лишен был по смерти, в страх другим, церковного погребения и молитвы в течение 30 – ти дней; а потом из сострадания к его душе, в продолжение следующих 30 – ти дней за него была приносима бескровная жертва с молитвою. В последний из этих дней, усопший явился в видении оставшемуся в живых родному брату своему и сказал: «Доселе худо было мне, а теперь уже я благополучен, ибо сегодня получил приобщение» (Беседы, книга IV, глава 55).

Тот же св. Отец, в разговорах своих с диаконом Петром, повествует о явлении одного умершего пресвитеру, которого он просил помочь ему молитвою о нем к Богу, и в заключение говорится: «Из сего видно, как полезно душам приношение священной жертвы, когда и сами духи (умерших) просят о том живущих и указывают на знаки, чрез кои они очищаются от грехов» (там же).

Блаженный Кир Лука рассказывает о самом себе, что когда умер родной его брат в крайнем небрежении, он просил Бога открыть ему участь умершего. Стоя однажды на молитве, старец увидел душу брата своего в руках бесовских. Тогда он послал некоторых из братий осмотреть келью умершего. Посланные нашли золото и дорогие вещи, которые старец приказал отнести в ближайший город и раздать бедным и нищим. Сделав это, старец опять стал молиться и увидел судилище Божье и ангелов света, спорящих с бесами за душу его брата. Бесы вопияли: «Ты праведен, так суди же: душа наша, ибо она творила дела наши». Ангелы говорили, что она избавлена милостынею, розданною за нее. Бесы противились и восклицали: «Да разве он роздал милостыню? Не сей – ли старец?» Устрашенный подвижник отвечал: «Да, я сотворил

милостыню, но не за себя, а за сию душу». Тогда бесы исчезли, и видение кончилось (Пролог, августа 24 дня).

Преподобный Макарий, сделав вопрос сухому черепу, узнал важные истины касательно состояния умерших. Он, между прочим, спросил: «Ужели вы никогда не чувствуете никакого утешения». (Преподобный обыкновенно совершал молитвы за усопших и желал знать, служат ли они в пользу). Милосердующий о душах Господь восхотел открыть об этом Своему угоднику и, чтобы уверить раба Своего, вдохнул иссохшему черепу слова истины: «Когда – отвечивал череп – ты приносишь молитвы за мертвых, то мы чувствуем некое утешение» (Слово об усопших в вере).

Святая игуменья Афанасия завещала сестрам своего монастыря, незадолго до своей кончины, творить нищим трапезу в течение сорока дней после ее смерти, в память ее. Но сестры исполняли это завещание только в течение десяти дней, и такое забвение ее воли вызвало святую из другого мира. Явившись в сопровождении двух Ангелов некоторым из сестер она сказала: «Для чего преступили вы заповедь мою? Да будет вам известно, что творимая до сорока дней за душу милостыня, питание алчущих и молитвы священников умилоствуют Бога: если души усопших грешны, то чрез это они получают от Господа отпущение грехов; а если безгрешны, то благотворительность за них служит ко спасению благотворителям» (Четии – Минеи и Пролог, 12-го апреля).

Св. мученица Перпетуя, во время общей молитвы в темнице, нечаянно произнесла имя своего умершего брата Динократа. Вразумленная этою нечаянностью, она стала молиться о нем Богу и в следующую ночь удостоилась видения. Она видела брата выходящим из темного места, в сильном пламени, мучимого жестокою жаждой, нечистого видом и с раной на лице, с которою он умер. Между ним и св. мученицей была глубокая пропасть, так что они не могли приблизиться друг к другу; а подле того места, где стоял Динократ, был полный водоем (колодезь), край которого был гораздо выше его роста, так что брат ее никак не мог достать напиться из него. Из этого святая мученица уразумела, что брат ее находится в муках, и с

сильным воплем и слезами стала ежедневно молиться о спасении его. Вскоре она удостоилась второго видения: темное место, в котором находился ее брат, сделалось светлым, и брат ее, чистый лицом и в прекрасной одежде, наслаждался прохладой; где у него была рана, там остался только след ее; край водоема был только по пояс ему, и на краю водоема стояла полная золотая чаша, из которой он пил, и потом стал веселиться. Этим и кончилось видение, из чего св. Перпетуя поняла, что он освобожден от мук (Деяния мучеников *Рюикара*. Изд. 1802 г. III, гл. 7 и 8: (Страдания Святой Перпетуи).

Св. Иоанн Милостивый, патриарх александрийский, часто совершал божественную литургию об усопших и говорил, что она весьма много помогает душам их. В подтверждение этого он приводит следующее обстоятельство: «Один узник, за которого родители, почитавшие его умершим, трижды в год совершали божественную литургию – в день Богоявления, св. Пасхи и Пятидесятницы, по освобождении из плена, явившись неожиданно к своим родителям, вспомнил, что в эти самые дни приходил к нему в темницу со светильником некий славный муж: оковы спадали с ног его, и он делался свободным; в прочие же дни он опять содержим был в оковах, как узник» (Четии – Минеи, ноября 12-го дня).

Св. Иоанн Дамаскин повествует, что «у одного из святых мужей был ученик, живший беспечно. Что же? Смерть застигла его в таковой беспечности. Милосердый Отец Небесный, подвигнутый слезами и воплями старца, открыл ему того юношу горящим в пламени даже до выи, подобно немилосердому богачу, упоминаемому в притче о Лазаре. Когда же Святой подверг себя строгим подвигам поста и молитвы, с крепким воплем умоляя Бога, то увидел его, объятого пламенем до пояса; наконец, когда св. муж присоединил болезни к болезням (то есть еще более усилил свою молитву), то Бог в видении явил его (юношу) старцу изъятым из пламени и совершенно свободным» (в Слове об усопших в вере).

Св. Григорий Двоеслов повествует, что во время жизни св. Венедикта были две постницы, имевшие несчастную привычку говорить много не в пользу ни себе, ни другим. Св. старец

увещевал их оставить эту привычку и грозил за непослушание отлучением. Не исправившись они умерли, подлежа отлучению вследствие угрозы праведника; и хотя, как постницы, были похоронены в церкви, но, как отлученные, не могли остаться в ней. Когда диакон возглашал: «Оглашенные, изыдите!» – они выходили из церкви, что было открыто многим из христиан. Узнав об этом преподобный Венедикт послал в церковь, в которой они были погребены, просфору и повелел вынуть из нее часть за упокой души их и поминать их при совершении Христовых Таин. Так как после этого никто из верных уже не видал их выходящими из церкви, то из этого уразумели, что, вследствие заупокойных молитв св. церкви и жертвоприношений, преставившиеся постницы получили от Бога прощение (Беседы Св. Григория Двоеслова, книга II, гл. 23).

А вот еще два примера из весьма близкого к нам времени.

Один из афонских схимников открыл Святогорцу, известному отцу Серафиму, следующее: «Причиною моего поступления в монашество было – видение во сне загробной участи грешников. После двухмесячной болезни, я пришел в сильное изнеможение. В этом состоянии я вижу двух юношей, вошедших ко мне. Они взяли меня за руки и сказали: следуй за нами! Я, не чувствуя болезни, встал, оглянулся на свою постель и увидел, что тело мое лежало спокойно на постели. Тогда-то я понял, что оставил земную жизнь и должен явиться в загробный мир. В лице юношей я узнал ангелов, с которыми и отправился. Мне показаны были огненные места мучений, я слышал там вопли страдальцев. Ангелы, показывая мне, за какой грех какое огненное место, прибавили ежели и ты не бросишь своих привычек к греховной жизни, то вот и твое место наказания! Вслед затем один из ангелов восхитил из пламени одного человека, который был черен, как уголь, весь обгорел и с ног до головы окован. Тогда оба ангела приступили к страдальцу, сняли с него оковы, – и вместе с ними мгновенно исчезла вся его чернота, он стал чист и светел, как ангел; потом ангелы облекли его в блестящее одеяние, подобное свету. – «Что значит это изменение человека?» решили спросить ангелов. – Эта грешная душа, – отвечали ангелы, – быв отлучена от Бога

за свои грехи, должна была вечно гореть в этом пламени; между тем родители сей души много подавали милостыни, много делали поминовений при литургиях, отправляли панихиды, – и вот, ради родительского ходатайства и молитв церкви, Бог умиловился, и грешной душе даровано совершенное прощение. Она избавлена вечного мучения и теперь предстанет пред лицо своего Господа и будет радоваться со всеми Его Святыми. – Когда видение кончилось, я пришел в себя и что же увидел? – вокруг меня стояли и плакали и готовили тело мое к погребению» (Странник, 1862 г., май).

В одном селе скоропостижно умер дьячок старик. У него был сын – чиновник. Нечаянная смерть отца поразила сына. Загробная участь умершего не давала покоя доброму сыну почти в течение года. Зная, что в литургии самое важное время для поминовения умерших есть время пения: «Тебе поем, Тебе благословим» печальный сын, находясь в это самое время в церкви (это было в Духов день), с особенным усердием стал молиться Богу об упокоении своего отца. И что же? В ночь на вторник он видит своего отца, который три раза поклонился ему до земли и при последнем поклоне сказал: «Благодарю тебя, сын мой» (Странник, 1864 г., декабрь).

3) Решение некоторых вопросов и недоумений²²⁹

Нельзя оставить без разрешения некоторых вопросов и недоумений, которые или сами собою возникают в уме при рассматривании церковного учения о молитвах за умерших или предлагаются и высказываются неправомыслящими.

1) «О всех ли умирающих без покаяния и приобщения Святых Христовых Таин не должно молиться?» Нет св. церковь строго различает тех, которые умирают в нераскаянности и без приобщения Христовых Таин по собственной вине и упорству, и тех, которые только не успевают пред своею кончиною сподобиться таинства покаяния и евхаристии потому, что подвергаются, по независящим от них причинам, внезапной или насильственной смерти. Вследствие этого – тогда, как напр., о вольных самоубийцах или нераскаявшихся еретиках церковь не молится, – о всех чадах своих, скончавшихся напрасною смертью, она, с сокрушением истинной матери, умоляет Господа помиловать их (см. выше: «Мясопустная родительская вселенская суббота»).

2) «Для чего молиться за тех умерших, которые покалялись пред смертью и следовательно получили уже от Господа чрез таинство покаяния прощение и разрешение грехов своих?» Но, во – первых, все ли кающиеся пред смертью приносят надлежащее покаяние, искреннее, глубокое, живое, вполне достаточное для того, чтобы удостоиться от праведного Судии совершенного разрешения от грехов? Все ли даже бывают способны к такому покаянию в тяжкие и страшные минуты смерти? Для всех этих покаявшихся, очевидно, необходимо предстательство церкви, которое бы могло восполнить то, чего у них недоставало. Во вторых, от приступающих к таинству покаяния требуется, чтобы они не только исповедовали пред Богом свои грехи, но потом действительно обратились от них и принесли плоды, достойные покаяния (Иезек. XVIII, 21, 22; Мф. III, 8; Деян. III, 19; Апок. II, 5). А все, умирающие вскоре после принесенного ими покаяния, не успевают самым делом оправдать и докончить то, чему в покаянии полагают только

начало. Вот это – то недостающее у всех, умирающих вскоре после покаяния, и восполняет мало – по – малу церковь своими молитвами (Посл. восточных Патриархов о прав. вере, член 18). В третьих, для того, чтобы удостоиться по смерти небесного блаженства, недостаточно только получить от Бога прощение грехов, а необходимо действительно очиститься от грехов и исцелиться; ибо грешник, и прощенный, но остающийся со грехами своими, чувствовал бы себя не на месте посреди праведных небожителей пред лицом Святейшего Святых и был бы даже неспособен, по духовной расстроенности своей, ко вкушению райского блаженства. Но молитвы Церкви, благотворения, совершаемые живыми за умерших и особенно приношение бескровной жертвы, могут способствовать всем, скончавшимся с семенем новой жизни, чтобы это доброе семя мало – по – малу раскрывалось в них, возросло в древо, принесло плод, и чтобы таким образом они всецело обновились и совлеклись ветхого человека.

3) «Как согласить предстательство церкви и молитвы живых за умерших с учением Слова Божья, что Христос есть *единый Посредник между Богом и человеками* (1Тим.2:5) и принес совершенное удовлетворение за всех грешников (Галат. III, 13; Евр. VII, 28)». – Точно так же, как соглашаются предстательство церкви и молитва живых за живых, которые заповедует само же Слово Божье (Иак. V, 17). Церковь предстательствует пред Богом за умерших, как и за живых, не собственным именем, а именем Господа Иисуса (Ин. XIV, 13, 14) и силою Его же бескровной жертвы, которую не перестает приносить о спасении всех живущих и умерших. Церковь заботится своими молитвами и ходатайством только усвоить чадом своим бесконечные заслуги *единого Посредника между Богом и человеками, предавшего Себя для искупления всех* (1Тим. II, 5, 6).

4) «Как согласить учение о благотворном влиянии молитв церковных на умерших с учением Слова Божья, что *человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. IX, 27), и что на суде Бог воздаст каждому по делам его (Рим. II, 6). По смерти, действительно, бывает для каждого суд Божий и мздовоздаяние еще нерешительное. И в этом – то снова обнаруживается

бесконечная благодать и милосердие к нам Господа, что даже по смерти, после частного суда, Он не окончательно наказывает грешников, а только предначинательно, и оставляет еще длинный период времени, в продолжение которого семя добра, с каким переходят покаявшиеся грешники в вечность, могло – бы развиться в них и очистить их от всякой скверны, под благотворным влиянием молитв церкви. По истечении уже этого периода, когда бесконечная благодать Господа успеет, так сказать, совершить все, что можно совершить для блага искупленных Его честною кровью, бесконечная правда Его произведет всеобщий и последний суд, на котором окончательно воздаст каждому по заслугам²³⁰.

5) «Если и по смерти отпускаются некоторым христианам грехи, вследствие молитв церкви, то как же исполнится слово Апостола, что в день последнего суда *каждый получит соответственно тому, что к делам, живя в теле* (2Кор. V, 10)». Слова апостола непреложно, и оно исполнится как на всех людях, так точно и на христианах, которые, по смерти, силою молитв церковных удостоятся получить отпущение грехов. Ибо эти христиане сами, находясь еще в теле, положили начало к тому собственным раскаянием во грехах пред своею кончиною и таким образом еще в теле сделались достойными молитв церковных и способными воспользоваться ими за гробом.

6) «Если и умершие с покаянием грешника находятся во аде, то как же вспомоществуют освобождению их молитвы церкви, когда из ада нет избавления и на небо оттуда *не приходят* (Лук. XVI, 27)». Правда, в одном месте Свящ. Писания говорится, что из ада нет избавления и перехода на лоно Авраамово; но в другом месте читаем, что Христос Спаситель нисходил, по смерти, душою Своею в ад, яко Бог, чтобы *проповедать* там избавление, и, как верует церковь, извел оттуда всех ветхозаветных праведников, или всех уверовавших в Него (1Петр. III, 19, Правосл. Испов. Ч. I, отв. на вопр. 49). Что же отсюда следует? То, что, если для одних, каков был евангельский богач (Лук. XVI, 25), нет избавления из ада, то для других, именно, верующих в Господа Иисуса, оно сделалось возможным после того, как Он уже разрушил ад и извел оттуда

многих. Как на небе, соответственно нравственному состоянию праведников, есть *обители многи* и различные мздовоздаяния (Ин. XIV, 2), так, без сомнения, и во аде, соответственно неодинаковому нравственному состоянию грешников, есть свои разные обители, затворы и хранилища душ (3 Ездры, IV, 32, 35, 41); и тогда как в одной из этих страшных обителей, подобно евангельскому богачу, страждут во пламени умершие в нераскаянности и неверующие (Лук. XVI, 23 в других могли обитать, – конечно, без подобных страданий, – даже ветхозаветные праведники до самого пришествия к ним Христова и могут обитать умершие с истинным покаянием и верою в Господа Иисуса грешники. Как из первых обителей или затворов адских нет избавления для узников по самому их нравственному состоянию; так из обителей последнего рода такое избавление уже было для праведников ветхозаветных и может быть для скончавшихся в вере и покаянии грешников. И в темницах обыкновенных бывают преступники такие, для которых, по законам, невозможно избавление и уже определена смертная казнь, и преступники менее виновные, которые, при помощи ближним, могут получать и часто получают свободу: тоже самое должно представлять и о *темнице духов* – аде (1Петр. III, 19). Посему – то православная церковь молит Господа об избавлении именно из ада, а не из какого – либо другого места²³¹ душ, отшедших из мира с покаянием, как это особенно видно из молитвы ее на вечерне дня св. Пятидесятницы²³².

7) «Не суетны ли наши молитвы за умерших когда мы с достоверностью, не знаем, какая их постигает участь, и может быть, многие, за которых мы молимся, находятся уже в царствии небесном, а другие, по частному суду Божью, принадлежат к числу отверженных». Не смотря на все это, наши молитвы об умерших не суетны. Церковь научает нас молиться за всех, скончавшихся в православной вере и с покаянием, исключая явных нечестивцев и нераскаянных; но о ком принять, о ком отвергнуть наши молитвы – это уже принадлежит Господу, который знает *сущие Своя* и достойные Его милости (2Тим. II, 19). Наши молитвы о тех, которые, быть может, находятся уже

на небеси или в числе отверженных, если не полезны им, за то и не вредны. Но наши молитвы о всех, благочестиво скончавшихся, только не успевших принести плодов достойных покаяния и потому не удостоившихся еще царствия небесного, без всякого сомнения, им полезны. А кроме того молитвы за умерших во всяком случае полезны самим молящимся, по слову Псалмопевца: *молитва моя в недро мое возвратится* (Псал. XXXIV, 13) и Спасителя: *мир вам к вам возвратится* (Мф. X, 13). «Если кто – нибудь замечает св. Иоанн Дамаскин – хочет помазать больного миром или иным священным елеем, то сперва делается причастным помазания сам, то есть помазующий, а потом помазует больного: так всякий подвижающийся о спасении ближнего, сперва получает пользу сам, потом приносит оную ближнему; ибо не правосуден Бог, чтобы забыть дела, по слову Божественного Апостола²³³.

«Если церковь молится за всех, с покаянием скончавшихся, и ее молитвы сильны пред Богом и благотворны для них, то все, за кого она молится, спасутся и никто не лишится блаженства». На это скажем вместе с тем же св. Иоанном Дамаскиным: «Пусть так, и – о, если бы сие исполнилось! Ибо сего – то и жаждет и хочет, и желает, о сем радуется и веселится преблагий Господь, да никто не лишится божественных даров Его. Ибо неужели ангелам Он уготовал награды и венцы? Неужели для спасения духов Он пришел на землю, нетленно воплотился от Девы, со делался человеком, вкусил страдания и смерть? Неужели ангелам Он скажет: *приидите, благословенны Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие*? Ты не можешь сего сказать, противник; но все Он уготовал для человека, за которого и пострадал. Ибо кто, составив пир и созвав друзей, не пожелает, чтобы они все пришли и насытились благ его? Иначе для чего ему и пиршество готовить, как не для того, чтобы угостить друзей своих? И если мы о сем только заботимся, то что сказать должно о Великодаровитом, Едином по естеству, преблагом и человеколюбивом Боге, Который, раздавая и подавая, более радуется и веселится, нежели тот, кто приемлет и приобретает себе величайшее спасение»²³⁴. Надобно также не забывать, что *обители* у Отца Небесного *многи* и степени

блаженства вечного будут весьма различны, соответственно самому достоинству тех, которые удостоятся этого блаженства.

9) Древние еретики Ариане выставляли против пользы молитв за умерших следующее возражение: «Если молитвы, приносимые за усопших, для них полезны, то пусть никто не живет благочестиво и не творит добра, а снискивает себе друзей каким угодно образом – щедрым ли раздаянием денег или просьбою пред концом жизни – молиться за него Богу, чтобы ему не страдать в другой жизни и не подвергнуться казни за великие грехи».

Когда в землю брошено зерно, потерявшее начало растительной жизни еще в житнице и внутренне повредившееся до того, что неспособно изникнуть из земли, тогда сколько бы ни орошали это гнилое зерно, сколько бы ни старались подвергать его влиянию животворного солнца и благорастворению воздуха, оно не разовьется и не сделается прекрасным растением. Так и молитвы друзей и сродников не могут помочь душе того умершего, который во время земной жизни пророками и нечестием *погасил в себе дух Христов* (1Сол. V, 19), который, называясь христианином, был по душе язычник, а по жизни и делам фарисей; не могут молитвы их помочь душе его выйти из вечной тьмы в царство Святых, где присещает свет лица Божья, ибо отверженному *нет части со святыми* (2Кор. VI, 15).

и) Из слова Филарета митрополита Московского, о молитве за умерших

Что есть душам усопшим польза от совершаемых за них молитв и жертвоприношений, о том не будет неуместно сказать несколько слов, ради общего нашего утешения и назидания.

Есть в христианстве люди, которые сами себя лишают утешения молиться за усопших. Какие это люди? – Без сомнения те, которые приметным и неприметными для себя образом, больше любят умствовать, нежели веровать. Почему не приемлют они молитв за усопших? Не видно другой тому причины, кроме той, что непонятно, как действие молитвы простираться может так далеко, даже из одного мира в другой, из видимого в невидимый.

Человека, рассуждающего таким образом, спросил бы я: понятно – ли обыкновенному разуму действие молитвы человека, живущего за другого живущего, особенно если молитва приносится за отсутствующего или же и за присутствующего, но приносится для испрошения чего – либо нравственного и духовного, как-то: прощения грехов, исправления от пороков, укрощения страстей, просвещения, утверждения в добродетелях? Две души, каждая с своим собственным умом, волею, склонностями, свободою, не суть ли одна для другой два отдельные мира, отдельные тем более, что преграждены телами? Как же молитва одной простирает свое действие на другую.

Пусть отвечают на сии вопросы, как хотят. Если возьмутся изъяснить, как отдельность существа и свободы не мешает действовать молитве за живых, сим самым изъяснится, как та же отдельность не мешает молитве за усопших. Если скажут, что действие молитвы за живых возможно, хотя необъяснимо разумом, то я скажу: не отвергайте же и действия молитвы за усопших потому только, что оно неизъяснимо или таковым кажется.

А по моему мнению, в предметах веры безопаснее, то, чтобы меньше умствовать, а более верить и утверждаться не на

мудровании собственном, а на Слове Божьем. Слово же Божье говорит: *о чем помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. VIII, 26). Следственно по разуму, без благодати, не знаем, можно ли молиться за кого – нибудь. Но сам Дух – продолжает апостольское слово – *ходатайствует о нас воздыхании неизглаголаннми*, в молитве каждого, по его состоянию особенной; и тот же Дух, для общего руководства в молитвах наипаче общественных, явственно изрекает, о чем подобает молиться. Например: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки* (I Тим, II, 1). Еще: *аще кто узрит брата своего согрешающа грех не к смерти, да просит, и даст ему живот, согреишающим не к смерти. Есть грех к смерти; не о том глаголю, да молится* (1Ин. V, 16). И еще: *молитесь друг за друга, яко да исцелеете. Много бо может молитва праведного поспешествуема* (Ин. V, 16). Послушаем еще, как Святой Апостол Павел и молится за других, и требует молитвы других. Молимся всегда о вас, пишет он к Солунянам, *да вы сподобит званию Бог наш и исполнит всяко благоволение благодати, и дело веры в силе, яко да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас и вы в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа* (2Сол. I, 11, 12). А далее в том же послании: *прочее, молитесь о нас, да слово Господне течет и славится, якоже и в вас* (III, 1). И в другом послании: *всякою молитвою и молением молящиеся во всяко время духом, и в сие истое бдяще в всяком терпении и молитве о всех святых и о мне, да дастся ми слово во отвержение уст моих, с дерзновением сказати тайну благовествования, о немже посольствую во узах* (Ефес. V, 18, 19).

Не собирая более свидетельств Священного Писания о молитве вообще, как о деле известном, приложим к особенному предмету настоящего размышления те свидетельства, которые доселе приведены.

Если мы не знаем, о чем молиться, а для вразумления нашего незнания дано нам Священное Писание, *могущее умудрити во спасение, даже до того, что совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован* (2Тим. III, 15,

17), то от премудрости и благодати Духа Божья, изглаголавшаго сие Писание, надлежит ожидать, что оно не только удовлетворительно наставит нас, о чем молиться, но и предохранит запрещениями, чтобы нам не молиться о том, о чем молитва была бы неужгодна Богу. Чаяние сие оправдывается самым делом. Теперь же видели мы, как Священное Писание, заповедуя молитау за *вся человеки*, от молитвы, Богу неужгодной и человекам неужгодной, предохраняет верующего запрещением: *есть грех к смерти; не о том глаголю, да молится*. Из сего следует, что если о молении за усопших и нет в Священном Писании особенной, определенной заповеди, а выводится оное только из понятий и заповедей о молитве, более общих; но если притом нет против сего моления в Священном Писании никакого запрещения: то самое сие незапрещение, самое молчание Священного Писания есть уже доказательство того, что моление за усопших Богу не противно и человекам не бужгодно.

Охотник до сомнений спросит: не излишне ли молиться о тех, которые умерли с верою и упованием? – Ответствую: не излишне ли, повидимому, молиться о Святых? Однако, св. Павел велит молиться о *всех святых*. Не излишне ли молиться о апостолах, которые суть распространители благодати на всех прочих и первые из святых в церкви: *положи Бог в Церкви первее Апостолов* (1 Кор. XII, 28). Однако апостол Павел требует, чтобы молились о нем и не апостолы, и притом тогда, как он уже приближался к венцу за подвиги апостольства. Есть молитва в пользу самого Евангелия: *да слово Господне течет и славится*, хотя Евангелие само есть *сила Божья во спасение всякому верующему* (Рим. I, 16): – можно ли бояться излишества в молитве за верующих?

Или спросят, – не туждетна ли молитва за умерших во грехе? – Ответствую: туждетна – за умерших во грехе смертном, смертью духовною, и в сем состоянии постигнутых смертью телесною, – за тех, которые внутренне отпали от духовного тела церкви Христовой и от жизни по вере, своим неверием, нераскаянностью, решительным и конечным противлением благодати Божьей . Где просвещенному и безпристрастному оку

явны признаки сей горькой смерти, там нет места утешению молитвы: есть грех к смерти: не о том глаголю, да молится. – Но что может сделать молитва *о брате, согрешающем грех не к смерти?* Может *дать ему живот*. Неужели и умершему телесно? Св. Иоанн, которого словами теперь мы руководствуемся, не говорит *да*; но не говорит и – *нет*. Он не запрещает молиться о умершем, тогда как запрещает молиться о грешнике отчаянном и безнадежном.

Всепрощательная премудрость Божья, в Божественном Писании, не провозглашает довольно громко заповеди молиться за усопших, может быть, для того, чтобы, в надежде на сие подобие, не обленились живущие ранее телесной смерти со страхом свое спасение соделовать. Но когда и не возбраняет сего рода молитв, не то ли сие значит, что еще позволяет бросать, хотя не всегда решительно надежную, но иногда – и, может быть, часто – *благопомощную вервь*, отторгшимся от берега жизни временной, но не достигшим вечного пристанища душам, которые между смертью телесною и последним всемирным судом Христовым зыблются над бездною, то возвышаясь благодатию, то низводясь останками поврежденной природы, то восторгаясь божественным желанием, то запутываясь в грубой, еще не совсем совлеченной, одежде земных помышлений?

И вот, может быть, почему моление за усопших издревле существовало и существует в церкви не как торжественно возвешенный, существенный член веры и строгая заповедь, но как благочестивое предание и обычай, всегда поддерживаемый свободным послушанием веры и частными духовными опытами. Приведем на сие некоторые свидетельства.

Благодать даяния, пишет сын Сирахов, *пред всяким живым да будет, и над мертвецом не возбрани благодати* (Сирах. VII, 36). Что значит здесь *благодать даяния*? Если это дар алтарю, то слова: *над мертвецом не возбрани благодати*, очевидно, значат: принеси жертву по усопшем или, что то же, молись за усопшего. Если же кто хочет признать более вероятным, что *благодать даяния* значит *благотворение бедному*, то слова: *над мертвецом не возбрани благодати* будут значить: *подай*

милостыню в память усопшего. Ту ли, другую ли мысль имел сын Сирахов, – они обе предполагают одно, им общее основание, – то, что живущий может и должен делать добрые и душеполезные дела ради усопшего.

В истории Маккавеев находим именно жертву и молитву за усопших. Иуда принес оную за воинов, умерших во грехе взятия военной добычи *от даров идольских*, которыми благочестивый не должен был осквернять рук своих (2 Макк. 12:39–46).

С тех пор, как образовалось общественное богослужение христианское, моление за усопших вошло в оное, как часть постоянно к составу оною принадлежащая. Свидетельствуют о сем все древние чиноположения Божественной литургии, начиная от литургии св. Иакова, брата Господня. Посему нет никакого сомнения, что моление за усопших есть предание апостольское.

«Аще и грешен отыде», говорит, св. Златоуст, «елико возможно есть, помогать достоин: обаче не слезами, но молитвами и мольбами, и милостынями и приношениями. Не просто бо сия умышлена быша, ниже всеу творим память о отшедших в божественных тайнах, и о них приступаем, молящися Агнцу лежащему, взявшему грех мира, но да отсюду будет им некая утеха. Ниже всеу предстояй жертвеннику, страшным тайным совершаемым, вопиет: о всех во Христе усопших и памяти о них совершающих» (1 посл. к Коринф. беседа 41). И далее говорит: «Не ленимся убо отшедшим помогающе и приносяще о них молитвы. Ибо общее лежит вселенная очищение. Сего ради благонадежно о вселенной молимся тогда, и с мучениками, со исповедниками, со священниками именуем их. Ибо едино тело есмы вси, аще и светлейшие суть уды удов. И возможно есть отвсюду прощение им собрати, яко то от молитв, от приносимых за них даров, от святых с ними именуемых».

«Благочестивейший Государь», пишет Евсевий о Константине Великом, «избрал местом своего погребения церковь апостолов, созданную им в Константинополе в надежде участия в молитвах, совершаемых там в честь святых, и для того, чтобы, соединяясь в церкви с народом Божиим,

сподобиться иметь участие в Божественной службе, в таинственной жертве, в молитвах верующих, даже и после смерти своей» (О жизни Константина кн. IV, гл. 71).

«Не должно отрицать», говорит блаженный Августин, «что души усопших от благочестия ближних живущих получают отраду, когда за оных приносится жертва Ходатая или творима бывает милостыня в церкви: но сие полезно только тем, которые в жизни заслужили то, чтобы им сие после было полезно» (О вере, надежде и любви гл. 110).

Святой Григорий Двоеслов представляет примечательный опыт действия молитвы и жертвоприношений за усопшего, случившийся в его монастыре. Один брат за нарушение обета нестяжания в страх другим, лишен был по смерти церковного погребения и молитвы в продолжение тридцати дней, а потом, из сострадания к его душе, тридцать дней приносима была бескровная жертва с молитвою за него. В последний из сих дней усопший явился в видении оставшемуся в живых родному брату своему и сказал: *Доселе худо было мне, а теперь уже я благополучен, ибо сегодня получил приобщение* (Беседы кн. IV, гл. 55).

Но остережемся, чтоб, после некраткого священнослужения, не продлить слова до утомления. Для внимательных довольно сказанного, чтобы каждый подтвердил себе следующие, не незнакомые, но нередко забываемые правила.

Первое: молись за усопших с верою и надеждою милосердия Божья.

Второе: не живи сам небрежно, а старайся чистою верою и неотлагательным исправлением от грехов упрочить себе надежду, что и за тебя по твоей кончине молитвы принесут душе твоей отраду и помогут ей в достижении вечного покоя и блаженства в Боге, присноблаженном и препрославленном во веки²³⁵.

й) Взгляд на учение римской церкви о чистилище

В заключение этого отдела считаем не лишним сделать сравнение между учением православной церкви о возможности для некоторых грешников освободиться из уз ада, по молитвам живущих, и учением римской церкви о *чистилище*. Последнее имеет с первым некоторое сходство, хотя имеет и свое отличие.

Сходство между учением православной и учением римской церкви мы находим в основной мысли, или идее. Как римская, так и православная церковь учат: *во-первых*, что души некоторых умерших, именно умерших в вере и с покаянием, но не успевших при жизни принести плодов достойных покаяния, и следовательно не успевших заслужить от Бога полного прощения своих грехов и самым делом очиститься от них, терпят мучения, пока не удостоятся действительно прощения и не очистятся; *во-вторых*, что для получения прощения и очищения помогают душам умерших молитвы об них живущих еще братьев о Христе, милостыни и особенно приношение бескровной жертвы.

Несходство же мы видим в частностях этого учения:

Во-первых, по учению православной церкви, души означенного разряда умерших терпят мучения потому, что они, хотя и покаялись пред кончиною, но не успели принести плодов достойных покаяния и заслужить от Бога полного прощения грехов, действительно очиститься от них и через то освободиться от естественных следствий греха – наказаний; а по учению римской церкви, души этих умерших терпят в чистилище муки собственно потому, что не терпели на земле временного наказания за грехи для удовлетворения правде Божьей и терпят именно для того, чтобы удовлетворить ей.

Во-вторых, по учению православному, души очищаются от грехов и заслуживают от Бога помилование не сами собою и не через свои мучения, но по молитвам церкви, силою бескровной жертвы, и эти то молитвы не только помогают страждущим, облегчают их участи, но и освобождают их от мучений (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64); а по учению римской церкви, души

очищаются в чистилище и удовлетворяют правде Божьей через самые свои страдания, в чем бы они ни состояли, а молитвы церковные только способствуют облегчению этих страданий.

Обе указанные разности в римском учении чистилищ с учением православным о молитвах за умерших, хотя касаются частных, тем не менее важны и не могут быть приняты, потому что обе несправедливы и низводят самую основную мысль догмата.

а) Несправедлива та мысль, будто грешники покаявшиеся должны еще принести некоторое удовлетворение правде Божьей за свои грехи, потерпев для сего какое-либо временное наказание, и будто не претерпевшие такого наказания здесь должны потерпеть его в чистилище для той же самой цели: полное и даже преизбыточествующее удовлетворение правде Божьей за всех грешников принес однажды навсегда Христос Спаситель, поднявший на Себя и все грехи мира, и все казни за грехи. А грешники, чтобы получить от Бога совершенное прощение грехов и избавиться от всяких наказаний за грехи, должны только усвоить себе заслуги Исккупителя, то есть уверовать в Него, истинно раскаяться во грехах и принести плоды, достойные покаяния – добрых дел. Следовательно, если некоторые грешники, покаявшиеся пред своею кончиною подвергаются по смерти мучениям, то потому единственно, что не успели еще вполне усвоить себе заслуги Исккупителя, по слабости ли веры в Него или по недостаточности покаяния, а главное, – потому, что не принесли плодов, достойных покаяния, и самым делом не очистились от грехов, как и учит православная церковь.

б) Несправедлива и другая мысль, будто грешники очищаются в чистилище и удовлетворяют правде Божьей через самые свои мучения. Как-бы ни понимали огонь чистилищных мучений – в смысле ли буквальном или метафорическом, – ни в том, ни в другом случае нельзя приписывать ему таких действий. Если это огонь вещественный, то он, по самой природе своей, не способен очищать душу, существо простое, от скверн духовных. Если – огонь метафорический, то есть внутренняя терзания самой души, при постоянном сознании своих прежних

грехов и глубокое сокрушение об них, – и это все не может очищать душу в жизни загробной, потому что там нет уже места ни для покаяния, ни для заслуг, ни для какого-либо личного самоисправления, как веруют и римские католики. А пока человек остается во грехах, не очищенным и не обновленным до тех пор, сколько бы ни терпел мучений, он не может удовлетворить правде Божьей одними страданиями своими и избавиться от этих неизбежных следствий греха (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 66).

в) Если души некоторых умерших терпят в чистилище мучения потому собственно, что необходимо самим грешникам покаявшимся понести некоторое временное наказание за грехи для удовлетворения правде Божьей, и если эти души через самые свои мучения в чистилище действительно очищаются и удовлетворяют за себя Богу: то спрашивается, к чему служат им молитвы и вообще всякое предстательство церкви? Находящиеся, в чистилище, очевидно, должны мучиться дотоле, пока сами собою не принесут требуемого от них удовлетворения и не очистятся чрез свои мучения; если же молитвы церкви только ослабляют и облегчают эти мучения, то они (молитвы) не только не сокращают, напротив еще продолжают период пребывания душ в чистилище и следовательно не столько полезны, сколько вредны. Не явно ли ниспровергается этим основная мысль догмата о молитве за умерших²³⁶.

Указав на самые *существенные* различия учения римской церкви о чистилище с православным учением о молитве за умерших, обратим теперь внимание на различия *менее существенные*, составляющие предмет богословских мнений. Из многих разностей последнего рода приведем две, более замечательные.

Во-первых, по учению православной церкви, по смерти нет среднего разряда людей: есть только или *спасаемые*, отходящие на небо, или *погибающие*, отходящие во ад; нет особого среднего места, где находилсь бы души людей, покаявшихся пред кончиною, за которых молится церковь: все они также отходят во ад, откуда могут освободиться только по

молитвам церкви (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64. Посл. вост. Патриархов о прав. вере, чл. 18). Между тем большинство римских богословов принимают чистилище за особое – среднее место, которое помещают то в соседстве ада – во внутренности земли, то в соседстве неба, то на воздухе, – хотя другие признают чистилище только за особое состояние душ, а не за особое место. В последнем случае души могут нести свое временное наказание и очищаться в том же самом месте, где находятся и осужденные на вечные муки, (то есть во аде). Это можно уподобить тому, как в одной и той же темнице могут быть заключены люди двоякого рода – и осужденные на заключение только до известного времени, и осужденные навсегда.

Во-вторых, учение православной церкви решительно отвергает чистилищный огонь, огонь в собственном смысле, будто бы очищающий души (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 66). Между тем очень многие римские богословы принимают этот огонь за действительный и вещественный (в самой массе народа римского исповедания это верование можно считать общепринятым) и в доказательство своего учения стараются собирать из Св. Писания и из писаний древних учителей церкви места, в которых, повидимому, упоминается о таком огне. Другие же римские богословы напротив того понимают чистилищный огонь в смысле не собственном, принимая его за духовные мучения и присовокупляя, что сами древние учителя имели об этом огне только *мнения* и притом мнения *различные*. Наконец, третьи богословы римские вообще замечают, что церковь их не определила, в чем состоит чистилищный огонь – вещественный ли он или не вещественный, и потому понимать его так или иначе – не относится к вере.

Допущение чистилища вызывает еще много других вопросов, каковы напр.: долго ли находятся в нем души и все ли одинаковое время; наказания, испытываемые ими там, сильнее ли наказаний настоящей жизни и слабее ли адских; молятся ли там души за самих себя и за нас, еще живущих; упражняются ли они там в добрых делах и т. п. Мнения по этим вопросам весьма различны, и сами римские богословы не придают им почти никакой цены.

Примечание. Римско-католики основывают свое учение о чистилище на следующих местах Писания.

а) Иуда Маккавей принес очистительные жертвы за своих соотечественников, павших в битве за свой грех. Но здесь идет дело о принесении жертв *живыми* за умерших, а не о перемене умершими своего состояния при помощи наказаний в загробной жизни.

б) Св. апостол Петр говорит о преисподней, или о *темнице духов* (1Петр. III, 19). Но это место относится исключительно к положению ветхозаветных праведников, находившихся во аде, как бывшем единственном месте обитания их, ничего не говоря об удовлетворении правде Божьей.

в) *Каждого дело обнаружится, ибо день покажет; потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон, впрочем сам спасется, но так как бы из огня* (1Кор. III, 1В, 15). Здесь св. Апостол Павел говорит об участии учения и дел служителей проповеди, имеющих получить мзду по своему труду (– ст. 18). Если учение и дела каждого назидającego на основании, которое есть Христос, будут плодотворны, то они будут чисты, как золото или серебро от огня; а если не хороши, то сгорят, как дрова, сено, хворост, т. е. уничтожатся. Под днем (ст. 13) разумеется день обыкновенной жизни, в которой обнаружится состоятельность или несостоятельность учения и дел.

Отдел четвертый. Первый период загробной жизни

Загробная жизнь есть продолжение настоящей земной жизни, только в новой сфере, при совершенно иных, новых условиях. Она есть дальнейшее продолжение в вечность нравственного развития добро – истины или зла – лжи. Переходя за гроб душа уносит с собою все, что принадлежит ей: все наклонности, привычки добрые и худые, все страсти, с которыми она сроднилась и сжилась, сопровождают ее и за гроб. И как на земле жизнь или приближает человека к Богу или отдаляет его от Бога, так и за гробом одни души пребывают с Богом и в Боге, а другие – в удалении от Него, одни переходят в место блаженства, а другие – в место мучения.

Первый период загробной жизни человека начинается тотчас по разлучении души его с телом на земле и будет продолжаться до воссоединения ее с воскресшим телом, для получения воздаяния за земную жизнь. В этот период загробного бытия для некоторых душ есть еще возможность избавления от адских мук до наступления страшного суда, как это раскрыто нами в предыдущем отделе.

1. Состояние умерших вообще

Каково будет состояние душ в загробной жизни до всеобщего воскресения? Состояние это будет во – первых, *бессознательное* или *сонное*, как утверждали и утверждают не признающие личного бессмертия души. Такое утверждение с одной стороны противоречит понятию о душе, которая хотя и находится в тесной связи с телом, однако, отнюдь не находится в такой зависимости от него, чтобы без него не могла сознать себя; из опыта известно напротив, что душа сознает себя тем глубже и яснее, чем юнее и слабее союз ее с телом. А с другой стороны это утверждение противно и Священному Писанию, которое учит, что сейчас же по смерти человека ожидает частный суд, а после него следует ощущение, или блаженства, или мучения. Это ясно видно из притчи Христа Спасителя о богатом и Лазаре: «Лазарь, говорит Авраам богачу, – здесь *утешается*, а ты *страдаешь*» (Лук. 16:25). Утешение же и страдание в состоянии бессознательном невозможно.

Но, во – вторых, несомненно и то, что продолжая жить сознательною жизнью, душа не будет уже иметь в загробной жизни полной самостоятельности, не в состоянии будет начать там свободно нового ряда действий, принять и усвоить новый образ мыслей и чувствований, вообще изменить себя радикально, явиться совсем другою, нежели каковою она была в настоящей жизни: в ней будет только раскрываться начатое здесь. Загробная жизнь будет только продолжением жизни, а не началом ее. Там будут для человека только новые, не здешние условия существования, но не дано будет ему нового существа для того, чтобы начать совершенно новую жизнь, независимую от земной жизни. Вот почему после смерти нет ни покаяния, ни исправления. Да иначе это и быть не может. Ведь полная самостоятельность души обуславливается телом, как составною частью человека в качестве самосознающей личности; а затем если бы после смерти была возможность исправления, в таком случае настоящая жизнь не имела бы никакой цели и цены по отношению к жизни будущей. Настоящая жизнь есть время

сеяния, а будущая – только жатва, как об этом учит и Священное Писание: *что посеет человек, то и пожнет. Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную (Галат. VI, 7, 8)*. Каков посев, такова и жатва, – закон общий и неизменный как для естественной, так и для духовно-нравственной жизни. *Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы (Мф. VII, 16)*. В притче Господа Иисуса Христа о богатом и Лазаре, загробная жизнь поставляется в неразрывную связь с земною жизнью: «чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое: ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь» (Лук. XVI, 25), – если бы, то есть ты жил иначе там, то иная была бы твоя участь здесь. С другой стороны эта же притча говорит нам и о бесплодности позднего раскаяния за гробом: богач не может ничего сделать сам для облегчения своих страданий и обращается для этого к чужому посредству, хотя тоже тщетно.

В – третьих, состояние душ в загробной жизни не будет состояние *безразличное и неопределенное*, состояние одного праздного ожидания и мертвой бездейственности. Такое состояние немыслимо уже само по себе в живой и самосознающей душе; затем в таком случае оказывался бы ненужным частный суд, предрешающий участь каждой души. Напротив того из притчи Иисуса Христа о богатом и Лазаре мы видим, что богач терпел мучение в аде, а Лазарь утешался на лоне Авраамовом.

Однако, в-четвертых, состояние по смерти не будет также и *решительное и совершенное*. Решительное и окончательное определение на целую вечность будет произнесено на последнем суде, и полнота как блаженства, так и мучения, настанет уже тогда, когда души вновь соединятся с телами, потому что без тела человек не есть полный человек: тогда каждый получит соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор. V, 10). Поэтому в Апокалипсисе говорится, что души святых, хотя и теперь уже вкушают блаженство пред престолом Агнца, однако не чужды еще и скорби о братьях своих, подвигающихся под крестом в церкви

воинствующей следовательно не наслаждаются еще полным блаженством (Апок. XI, 18). «Веруем, что души умерших блаженствуют или мучатся смотря по делам своим. Разлучившись с телами, они тотчас переходят или к радости или к печали и скорби, впрочем, не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Ибо совершенное блаженство или совершенное мучение, каждый получит по общем воскресении, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно» (Посл. восточн. патриархов о прав. вере, чл. 18).

Св. Иоанн Златоуст, изобразивший блаженное состояние на небеси души св. Филогона, среди ангелов и святых, пред лицом Самого Бога, в других местах ясно учит: «Бог уготовал любящим Его то, чего око не видело, ухо не слышало и что на сердце человеку не восходило; но они еще не получили, а ожидают, почивши в толикой скорби. Сколько протекло лет, как они победили, а еще не получили уготованного: и вам ли печалиться, когда вы еще сражаетесь? Помыслите, что вы, и сколько сидеть Аврааму и апостолу Павлу ожидающим, когда ты достигнешь совершенства, чтобы им тогда можно было получить мзду? Что сотворил Авель, который прежде всех победил и сидит невенчанным? Что – Ной?... Видишь ли провидение Божье? Не сказал Апостол, да не без нас увенчаются, но – *да не без нас совершенство примут*" (Евр. XI, 40)²³⁷. И еще: «Хотя душа по смерти пребывает, и пусть будет она бесконечно бессмертна, каковою подлинно и есть, но без плоти она не получит тех неизглаголенных благ, равно как и не будет наказана. Ибо все откроется пред судом Христовым, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое.» (2Кор. V, 10)²³⁸.

2. Состояние умерших в частности

Из временной жизни в вечную переселяются души двоякого рода – души людей добродетельных и души людей порочных. Вследствие этого в будущей жизни возможны только два состояния – состояние блаженное и состояние мучительное. Это видно из Свящ. Писания, которое нигде не указывает нам какого – либо среднего места между раем и адом и ясно учит, что там возможна только двоякая жертва: *от плоти тление – и от духа – жизнь вечная* (Галат. VI, 8). Но с другой стороны несомненно и то, что, по различию и многообразию степеней нравственного совершенства и порочности людей, и степени блаженства и мучения различны и многообразны, находясь в самом строгом соответствии с первыми. Это необходимо требуется понятием о совершеннейшем правосудии Бога Мздовоздаятеля.

а) Состояние святы.

Состояние душ праведных на небе и их блаженство, хотя, без сомнения, неодинаковое, соответственно заслугам каждого, состоит:

в покое или успокоении от трудов (Евр. IV, 3 11; Апок. XIV, 13);

в непричастности никаким печалям и страданиям (Апок. VII 16, 17);

в возлежании и следовательно в ближайшем общении с Авраамом, Исааком, Иаковом и прочими святыми (Мф. 11; Лук. VIII, 28, 29);

во взаимном общении с тьмами ангелов (Евр. XII, 22, 23; Лук. XVI, 22);

в стоянии пред престолом Агнца, в прославлении Его и служении Ему (Апок. VII, 9 – 17);

в сожитии (Ин. XIV, 3, Филип. I, 26) и соцарствовании со Христом (2Тим. 11, 12);

в лицезрении Бога (1Кор. XIII, 12; 2Кор. V, 8; Евр. XII, 14).

«Ты, божественная и священная глава, – вызывает св. Григорий Богослов в надгробном слове брату своему Кесарию, – вниди в небеса, успокойся в недрах Авраамовых (что ни знаменовали бы оныя), узри лик ангелов, славу и великолепие блаженных, или лучше, составь с ними один лик и возвеселись... И да предстоишь великому Царю, исполняясь горнего света, от которого и мы, прияв малую струю, сколько может изобразиться в зеркале и гаданиях, да взойдем, наконец, к Источнику блага, чистым умом созерцать чистую истину и за здешнее ревнование о добре, обрести ту награду, чтобы насладиться совершеннейшим обладанием и созерцанием добра в будущем!» – И вскоре затем, в другом надгробном слове – сестре своей Горгонии, говорил к ней: «Я уверен, что гораздо лучше и превосходное видимого твое настоящее состояние – глас празднующих, веселье ангелов, небесный чин, видение славы, а паче всего чистейшее и совершеннейшее сияние всевышней Троицы, уже не сокрывающейся от ума, как

связанного и рассеиваемого чувствами, но всецело целым умом созерцаемой и приемлемой, и озаряющей наши души полным светом Божества. Ты наслаждаешься всеми теми благами, которых потоки достигали до тебя еще и на земле, за искреннее твое к ним стремление»²³⁹.

Впрочем, хотя души праведных, после частного суда, отходят на небо, и удостоиваются блаженства, но это блаженство их не есть еще полное и совершенное, а только предначатие вечного блаженства.

Св. Григорий Богослов, вслед затем, как выразил такое сильное благожелание скончавшемуся брату своему Кесарию – внити в небеса, упокоиться в недрах Авраама, возвеселиться в лике ангелов и блаженных душ и предстоять пред Царем небесным, – продолжает: «Для меня убедительны слова мудрых, что всякая добрая и боголюбивая душа, как скоро, по разрешении от сопряженного с нею тела, освободится отселе, приходит в состояние чувствовать и» созерцать ожидающее ее благо, а по очищении, или по отложении (или еще, не знаю, как выразить) того, что ее омрачало, услаждается чудным каким – то услаждением, веселится и радостно шествует к своему Владыке; потому что избегла здешней жизни, как несносного узилища, и свергла с себя лежащая на ней оковы, которыми крыла ума влеклись дому. Тогда она в видении как бы уже пожинает уготованное ей блаженство. А потом и соприрожденную себе плоть, с которою упражнялась здесь в любомудрии, от земли, ее давшей и потом сохранившей, восприяв непонятным для нас образом и известным только Богу, их соединившему и разлучившему, – вместе с нею вступает в наследие грядущей славы»²⁴⁰.

«Награда на суде (последнем), без сомнения, получит приращение. Ибо праведники ныне только по душе наслаждаются; а тогда и по телу будут наслаждаться блаженством, будут радоваться и в том теле, в котором они переносили болезни и мучения за Господа. Об этой сугубой славе писано: *на земле своей сугубая стяжут* (Исаи LXI, 7). О душах же святых, пребывающих на небе до дня воскресения, написано: *даны быша комуждо их ризы белы, и речено бысть*

*им, да почнут еще время мало, дѡндеже скончаются и клевети их, и братия их (Апок. VI, 11)... Праведники ныне сияют только славою душ, а тогда возрадуются славою души и тела».*²⁴¹

б) Состояние грешников

Как праведники, вдруг по смерти тела и частном суде над ними, восходят душами своими на небо и удостоиваются блаженства, точно так же грешники отходят душами своими во ад – место печали и скорби.

Мучения грешников во аде состоят в том, что они – удалены от света лица Божья (Мф. VII, 23) и заключены в *темницу духов* (1Петр. III, 18), – а одно это отвержение от Бога есть уже величайшее наказание; лишены участия в царствии небесном, в блаженстве праведников, и ввержены *во тьму кромешную* (Мф. XXII, 13); чувствуют угрызения совести за свои грехи, которая терзает их непрестанно, как *червь неумирающий* (Марк. IX, 44); находятся в обществе злых, отверженных духов; наконец, терпят разные положительные муки (Лук. ХТИ, 23; Мф. XXII, 13 и друг.).

Должно, впрочем, помнить, что, во-первых, мучения грешников во аде неодинаковы, а соразмерны преступлениям каждого, и что, во-вторых, эти неодинаковые мучения их после частного суда не суть мучения полные и совершенные, а только предначинательные.

Св. Афанасий Великий говорит: «Самая радость, которую ощущают теперь души Святых, есть наслаждение частное, как и печаль грешников есть наказание частное. И как, когда царь призывает друзей своих, чтобы разделить с ними трапезу, равно и осужденных, чтобы наказать их, то званные на вечерю даже до часа вечера пребывают в радости пред домом царя, и осужденные, быв заключены в темнице, доколе не придет царь, предаются печали: так должно думать и о душах праведников и грешников, ныне переселившихся туда от нас».²⁴²

Св. Амвросий. «Пока ожидается исполнение времени, души (умерших) ожидают себе должного воздаяния. Одних ждет наказание, других награда, – и, однако ж, ни те не остаются без страдания, ни эти без наслаждения».²⁴³

3. Местопребывание праведников и грешников

Место, куда, отходят души праведников после частного суда, как в Священном Писании, так и в писаниях святых Отцов называется: *раем* (Лук. XXIII, 43), *лоном Авраама* (Лук. XVI, 32), *царством небесным* (Мф. V, 3, 10; VIII, 11), *царством Божиим* (Лук. XIII, 28, 29; Мф. VI, 33; 1Кор. XV, 50), *домом Отца небесного* (Ин. XIV, 2), *градом Бога живого Иерусалимом небесным* (Евр. XII, 22; Галат. IV, 26).

Каким бы кто именем из числа упомянутых ни назвал это место, по учению православной церкви, он не погрешит, – только бы знал, что души скончавшихся праведников пребывают в благодати Божьей и, как гласят церковные песни *на небеси* (Прав. Испов. ч. I, ответ на вопр. 67).

Мнение о некотором различии между раем, лоном Авраама и самым небом было мнением немногих.

Место, куда отходят души грешников после частного суда, в Свящ. Писании и в писаниях древних учителей церкви называется: *адом* (Лук. XVI, 23; Деян. II, 51), *тьмою кромешною* (Мф. XXII, 13; XXV, 30, 46), *темницею духов* (1Петр. III, 18), *бездною* (Лук. VIII, 31), *преисподнею* (Филип. II, 11), *геенною* (Мф. V, 22; X, 28); *печью огненною* (Мф. XIII, 50; Лук. XII, 2) и другими именами, которые, впрочем, все выражают одну мысль, что место для отшедших отсюда во грехах, есть место осуждения и гнева Божья (Прав. Испов. ч. 1, отв. на вопр. 68).

Где именно находится место мучения грешников – ад, об этом были только мнения. Само Слово Божье оставляет этот вопрос нерешенным. Этот вопрос, наравне с другими вопросами: где престол Божий? когда и как совершится кончина мира? и проч. – принадлежит к числу тех вековых вопросов, которые искони занимали и занимают пытливый ум человеческий и для решения которых он употребляет все свои усилия... Но теперь, когда мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, и когда знаем все только отчасти (1Кор. XIII, 12), многое и на небе, и на земле, должно навсегда оставаться для нас неразгаданным и неразрешимым.

Одни, на основании слов Писания (Числ. XVI, 30 – ,34; Иезек. XXVI, 20; XXXI, 18 и др.), представляли себе ад во внутренности или чрезвычайной глубине земли, в преисподней (самое слово ад – греческое – означает низменное, весьма глубокое место). Другие, как напр., св. Иоанн Златоуст, полагали, что геенна находится вне мира. «Ты спрашиваешь: в каком месте будет геенна? По моему мнению, где–нибудь вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопни бывают вдали, так и геенна будет где–нибудь вне этой вселенной»²⁴⁴. – Но всего лучше помнить здесь слова того же Златоуста: «Спрашиваешь, где и в каком месте будет геенна? Но что тебе до этого за дело? Нужно знать, что она *есть*, а не то, *где* и в каком месте скрывается... И так будем доискиваться не о том, где она, но как избежать ее»²⁴⁵.

Впрочем, св. Златоуст, не одобряя одно *любопытство* при определении места аду, не только не воспрещает тех размышлений и изысканий об аде, которые приводят к страху Божью и уклонению от зла, но и завещает непрестанно погружаться в них, непрестанно иметь пред очами геенну огненную, ожидающую беззаконников (Слово 1 – е о покаянии к Димитрию). Во времена после св. Златоуста церковь выразила свое мнение о местонахождении ада во внутренности земли со всею определенностью, каковое мнение и огласила и оглашает священными песнопениями и чтениями во всеуслышание и научение верующих. Да, это мнение не противоречит притом и мнению самого св. Златоуста о местонахождении ада вне вселенной, напротив того подтверждает его: какой может быть более удобный способ скрыть ад от взоров вселенной, как не помещение его в недрах земли?

Итак, ад помещается во внутренности земли. Бог, произнося определение Адаму при изгнании его из рая, сперва исчислил земные казни преступнику райской заповеди, потом возвестил, что этим казням Адам будет подвергаться дотоле, пока не возвратится в землю, из которой он взят. *Земля еси*, сказал ему Господь, *и в землю отыдеши* (Быт. III, 19). Здесь не сказано, что он пойдет в землю одним телом: приговор изреченный,

дерзнувшему восстать против Бога, страшнее, нежели каким он представляется для легкого, поверхностного взгляда²⁴⁶.

Праведники ветхого завета постоянно признавали земные недра местом ада. *С печалью сойду к сыну моему в преисподнюю* (шеол – ада), говорил св. патриарх Иаков, когда ему принесли ложную весть о кончине любимого сына его, Иосифа (Быт. XXXVII, 35). *Оставь отступи от меня, чтобы я немного ободрился*, – умоляет Бога праведный многострадальный Иов, – *прежде нежели отойду, – и уже не возвращусь, в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма* (Иов. X, 20–22). Св. пророк Моисей, объявляя народу гнев Божий на Корея и его сообщников, сказал: *Если они умрут, как умирают все люди, и постигнет их такое наказание, какое постигнет всех людей, то не Господ послал меня. А если Господь сотворит необычайное, и земля разверзет уста свои и поглотит их (и дома их и шатры их) и все, что у них, и они живые сойдут в преисподнюю: то знайте что люди сии презрел Господа. Лишь только он сказал слова сии, – продолжает повествовать Писание, – расселась земля под ними, и разверзла земля уста свои, и поглотила их... и сошли они со всем, что принадлежало им, живые в преисподнюю* (Числ. XVI, 29 – 33). Пророк Давид воспевает Господу: *Велика милость Твоя ко мне Ты избавил душу мою от ада преисподнего* (Псал. LXXXV 13). Когда душа св. пророка Самуила была вызвана волшебницей, по просьбе царя израильского Саула, для совещания о предстоящей битве с врагами, то волшебница, увидев эту душу сказала: *Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил* (1 Дар. XXVIII, 14). Пророк Исаия говорит о Царе Вавилонском: *Ты низвержен в ад, в глубины преисподней* (Исаии XIV, 15). Подобно этому выражается о царе Вавилонском, от лица Божья, пророк Иезекиль. *Шумом падения его Я привел в трепет народы, когда низвел его в преисподнюю, к отшедшим в могилу, и обрадовались в преисподней стране все деревья Эдема... Теперь наравне с деревьями Эдемскими ты будешь*

низведен в преисподнюю (Иезек. XXXI, 16, 18). Возвещая о Своем нисшествии во ад душою Своею и неразлучным с нею Божеством, Богочеловек сказал: *Сын человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. XII, 70). Объясняя слова Спасителя, блаженный Феофилакт Болгарский говорит, что Господь исполнил это предсказание Свое, «сошед в преисподнюю земли до ада». Господь, по словам св. апостола Павла, *нисходил в преисподние места земли* (Ефес. IV, 9), а по словам св. апостола Петра, *находящимся в темнице духам сошедши проповедал* (1Петр. III, 19). «Обожженная душа Христова – говорит св. Иоанн Дамаскин – нисходит во ад для того, чтобы как живущим на земле воссияло Солнце правды, так и для сидящих под землею во тьме и сени смертной воссиял свет» (Точное изложение прав. веры, кн. III, гл. 29). В XIV огласительном поучении св. Кирилла Иерусалимского читаем: «Господь наш Иисус Христос во Евангелии сказал: *Как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. XII, 40). Рассматривая повесть об Ионе, мы находим в ней действие очень подобное действию Иисуса. Иисус был послан проповедовать покаяние: и Иона послася (Ион. I, 2; III, 2). Но он бежал, не ведая будущего. Иисус же добровольно пришел на покаяние спасительное... Иона был ввергнут во чрево китово: Иисус же сошел волею туда, где был мысленный кит, чтоб смерть извергла пожранных ею, по сказанному в Писании: *От власти ада Я искуплю их от смерти избавлю их* (Осии XIII, 14). Иона из чрева китова молился, говоря: *к Господу воззвал я в скорби моей, из чрева преисподней я возопил* (Ин. II, 3). Это говорил он, еще находясь в ките. Но, находясь в ките, он говорил о себе, что находится в *преисподней (во аде)*; потому что он был пред изображением Христа, долженствовавшего низойти во ад. Несколько далее, очень явственно, пророчествуя, он сказал от лица Христова. *Попре глава моя в расселине гор* (Ион. II 6). Если он был во чреве китовом, то какие там горы? Знаю это, отвечает он; но я служу образом Того, Кто будет положен в иссеченном каменном гробе. Находясь в море Иона говорит: *До основания гор я нисшел, земля своими*

запорами навек заградила меня (Ион. II, 7); потому что он носил образ Христа *нисшедшего в землю*». Подобным образом св. Епифаний Кипрский указывает со всею ясностью и определенностью местонахождение ада во внутренности земли, описывая в Слове своем на Великую Субботу спасение людей Богочеловеком. Вот выдержки из этого Слова:

«Отчего толикое безмолвие на земле? Что значит это безмолвие и молчание великое? Безмолвие великое: Царь погрузился в сон. Земля убоялась и замолкла, потому что Бог во плоти уснул. Бог во плоти уснул, и ад ужаснулся. Бог уснул на краткое время – и спящих издревле, от Адама, воскресил. Ныне спасение сущим на земле и от века сущим *под землю*; ныне спасение всему миру – и видимому, и невидимому. Ныне сугубое пришествие Христово, сугубое промышление, сугубое человекам посещение: Бог приходит с небеси на землю, с земли *под землю*. Врата ада отворяются, и вы, спящие от века, радуйтесь. Сидящие во тьме и сени смертной, свет великий приимите: с рабами Господь с мертвыми Бог, с умершими Жизнь, с находящимися во тьме свет невечерний, с плененными Свободитель, с *преисподними* Сый превыше небес. Христос между мертвыми: снидем туда с Ним, да познаем тайны этой страны, да познаем тайну Божью *под землю* и разумеем чудеса Господни; да научимся, какую благовествует Господь проповедь сущим *во аде* и что со властью повелевает связанным. Изыдите, вещает, сущий во тьме, и просветитесь; изыдите и восстанете, лежащий. И тебе повелеваю, Адаме: восстань, спяй. Я не для того сотворил тебя, чтобы ты остался связанным *во аде*: воскресни от мертвых. Я – живот человеков и воскресение. Для тебя Бог твой был сын твой. Для тебя Я, Господь твой, принял образ раба. Для тебя Сущий превыше небес, Я пришел на землю и *под землю*. Восстань и изыди отсюда. Восстаньте, идите отсюда: из тьмы в вечный свет, от страданий к веселью. Восстаньте, идите отсюда: из рабства в свободу, из *темницы* в горний Иерусалим, из уз к Богу, *из под земли* на небо».

В торжественные службы Великой Субботы и Святой Пасхи, церковь, празднуя и воспевая спасение людей пострадавшим за нас Богочеловеком поправшим смертью смерть,

сокрушившим врата и заклепы адовы, воскресившим человечество в Себе и с Собою, с особенною ясностью выражает свое мнение о местонахождении как ада, так и рая. Церковь не занимается собственно изысканием, где ад и где рай; но, славословя, Господа и говорит об аде и рае, по необходимости, хотя и мимоходно, высказывает свое мнение о месте их, говори об этом как о предмете общеизвестном. Величественное песнопение на утрени Великой Субботы, после прочтения шестопсалмия и великой ектеньи, начинается с двух глубоко умилительных и вместе изящно–поэтических тропарей, из которых в первом воспевается погребение Господа, а во втором нисшествие Его во ад.

«Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями, во гробе нове покрыв положи».

"Егда *снисшел еси* к смерти, Животе бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества, егда же и умершие от *преисподних* воскресил еси, вся силы небесные *взываху*: Жизнодавче Христе, Боже наш, слава Тебе!»

После этого все священнослужащие выходят с возженными свечами на средину храма, становятся пред плащаницею и начинают возглашать так называемые, *похвалы* Господу, соединяя их со стихами 118-го псалма. Выписываем из этих похвал те, в которых с наибольшею ясностью упоминается о том, что ад находится внутри земли.

"Зашел еси *под землю* Светоносец правды и мертвые якоже от сна *воздвигл еси*, отгнав всякую тьму, сущую *во аде*« (похвала к 56-му стиху 118-го псалма).

«Землю *содержай дланию*, умерщвлен *плотию*, *под землею* ныне *содержится*, мертвые *избавляя адова содержания*» (к стиху 17-му).

«На землю *сшел еси*, да спасеши Адама, и на земли не обрет его, Владыко, даже *до ада снисшел еси ищай*» (к стиху 25-му).

«О радости оныя! о многия радости! их же *во аде* наполнил еси, во *днах мрачных* свет *воссияв*» (к стиху 48-му).

«Волею снисшел еси, Спасе, *под землю*, умерщвленные человеки оживил еси и возвел еси во славе Отчей» (к стиху 53-му).

«Послушав Слове, Отца Твоего, даже *до ада* лютого сошел еси и воскресил еси род человеческий» (к стиху 59-му).

"Зашел еси *под землю*, рукою Твоею создавый человека, да воздвигнеша от падения соборы человеческие всеильною державою» (к стиху 80-му).

«Убояся Адам, Богу ходящу в рай: радуется же, *ко аду* сошедшу, падый прежде и ныне воздвигаем» (к стиху 58-му).

«Недр Отческих неисходен пребыв, Щедре, и человек быти благоволил еси, и *во ад снисшел еси*, Христе» (к стиху 117-му).

«Восстали, Щедре, от *пропастей адских* восставляяй нас» (к стиху 166-му).

Под землю хотением нисшед яко мертв, возводиши *от земли к небесным оттуду* падшия, Иисусе» (к стиху 46-му).

«Аще и мертв виден были еси, но живой, яко Бог, возводиши *от земли к небесным оттуду* падшия, Иисусе» (к стиху 47-му).

В последних двух похвалах церковь во всеуслышание объявляет не только о местонахождении ада, но и о местонахождении *рая*. Церковь определяет место *рая*, говоря, что люди ниспали с неба.

В каноне утрени Великой Субботы воспевается: «Да Твоя славы вся исполниши; шел еси в *нижняя земли*» (песнь 1, троп. 3).

Далее говорится, что Господь явил Себя сущим *во аде*, что он приобщился сущим *во аде*, что *ад*, Слове, срет Тя, огорчися, что душа Твоя *во аде*, не оставлена, что *ад* низу стенет, что уязвися *ад*, в *сердце* прием Уязвленного копьем в ребра, что Господь *сниде* даже до *адовых* сокровищ".

В синаксаре Великой Субботы читается, что в этот день мы празднуем *погребение* Господа и Его *сошествие во ад*, что Он сошел нетленною и Божественною Своею душою, разделившеюся от тела смертью. Употреблены выражения об *аде*, как о глубокой пропасти, которая, как очевидно из всей

службы, признается подземною и находящеюся внутри земли (Триодион).

То же мнение о местонахождении ада и рая видим и в службе на Святую Пасху. С наибольшею определительностию выражено мнение о месте ада в ирмосе 6-й песни канона: «Снисшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси верей вечные, содержащая связанныя, Христе».

В синаксаре по 6-й песни говорится: «Господь ныне из адовых сокровищ человеческое естество похитив, на небеса возведе и к древнему достоянию приведе нетления. Обаче, сошед во ад, не всех воскреси, но елицы веровати ему изволиша. Души же от века святых, нуждею держимыя, от ада свободи и всем даде на небеса взыти. Здесь опять древнее достояние, то есть рай, указывается на небе: «Воскресением Твоим, Господи, рай паки отверзется (1-я стихира в понедельник Светлых Седмицы вечера) и иже на небеса восход обновил еси нам» (1-я стихира во вторник Светлой Седмицы вечера).

Мнение о местонахождении ада внутри земли усматривается на всем пространстве богослужения православной Церкви. Она повсюду говорит об этом предмете как об общепринятом и общеизвестном: по этой причине выражение определенное встречается изредка, – но оно встречается, и именно по той причине, что встречается как общепринятое и общеизвестное, служит яснейшим свидетельством и доказательством.

«Завеса раздрася, распеншуся Тебе, Спасе наш, и отдаваше мертвые, яже пожре, смерть, и ад обнажися, Тебе зря в преисподних земли бывша» (тропарь 1, песнь 8 канона утрени в 4 – ю неделю по Пасхе).

"С душею пришедшу Тебе во утробу земли, души, яже стяжа, ад издаваше со тщанием, вопиющая державе Твоей песнь благодарную» (тропарь 2, песнь 3 канона на утрени в 4 – ю неделю по Пасхе).

"С душею сшед в страны преисподния ада, возвел еси мужеством связанныя вся, яже от века смерть прият, горький мучитель» (тропарь 2, песнь 7-я канона на утрени в 5 – ю неделю по Пасхе).

"Тебе, *сошедшего до последних земли*, и человеки спасшего, и восхождением Твоим сего возвысившего, величаем» (припев на 9 песни в 5 – ю неделю по Пасхе).

«Не ктому боюсь еже *в землю*, Владыко, возвращения: Ты бо *от земли* возвел мя еси, забвенна» (тропарь 2, песнь 5 канона на утрени в 7 – ю неделю по Пасхе).

«Адам низведен бысть, лестию запенся, ко *адове пропасти*: но естеством Бог же и милостив, сошел еси ко исканию, и на раму понес, совоскресил еси» (тропарь 2, песнь 6 канона на утрени в 7 – ю неделю по Пасхе).

"Из *преисподнего ада* вознесша мя падшаго благословите вся дела Господа и превозносите Его во веки» (тропарь 2, песнь 8 канона на утрени в неделю Всех Святых).

«Дошедшу Ти *во врата адова*, Господи, и сия сокрушившу, пленник сице вопияше: кто сей есть, яко не осуждается в *преисподних земли*, но яко сень разруши смертное узилище» (воскресная стихира на хвалитех 8-го гласа).

«Вострепеташа *доле преисподняя* днесь, ад и смерть, Единого от Троицы: земля поколебася, *вратницы же адовы*, видевше Тя, ужасошася» (воскресный икос 7-го гласа).

«Во глубины достигши морские и тридневствовавши в китовых персех морского зверя, древле Иону подражаяй, зову Ти: Спасе мой, возведи мя из *ада преисподнего*» (ирмос 6-й песни 2-го гласа).

«Да не прииду в *землю плача*, да не вижу *место тьмы*, Христе мой, Слове» (служба по вся дни, канона песнь 4).

"Несть во *аде* покаяния, несть тамо прочее ослабы: тамо червь неусыпаемый, тамо *земля темна*, и помрачена вся» (чин погребения священников).

Также мимоходно, как о предмете общеизвестном, упоминает) о местонахождении ада во внутренности земли св. Иоанн Лествичник. Он советует подвижнику благочестия непрестанно вспоминать о бесконечной пропасти преисподнего пламени, о *подземных*, страшных местах и пропастях, о тесных сходах, чтобы таким размышлением и воспоминанием отторгнуть душу от усвоившегося ей сладострастия (Лествицы степень 7-я о радостотворном плаче).

Учение, что ад находится внутри земли, есть учение православной церкви. Оно встречается во многих сочинениях святых Отцов. Ни один из них не отвергает его.

Св. Димитрий Ростовский во втором поучении на Вход Господа Иисуса Христа в Иерусалим говорит: «На страшном судищи Христос Бог наш егда речет на грешники: идите от Мене и проклятии во огонь вечный – и в той час под грешники земля расступится, якоже расступилась под Кореем, Дофаном и Авироном при Моисее, и тогда впадут вси грешнии во ад, потом паки земля в место сомкнется. Грешницы же будут во аде под землею, яко в сосуде железне, тесне заперты и во веки неисходны».

Ад есть общее название состояния грешников по смерти или местопребывания их. Так как мучения грешников не одинаковы, а соразмерны преступлениям каждого, то можно думать, что ад имеет свои частные обители, затворы и хранилища душ (3 Ездры IV, 32, 35, 41), свои особые отделения, из которых одно называется собственно *адам*, другое *геенною*, третье *тартаром*, четвертое *озером огненным* и т. д. По крайней мере, в Апокалипсисе есть место, где ад и озеро *огненное* различаются²⁴⁷.

Ад второго периода загробной жизни – уже не то, что ад первого периода: что составляло наказание для душ в аде в первый период, то уже не может служить наказанием для совершенно *полного человека* во второй период.

4. Почитание святых

Удостоивая праведников, по кончине их, прославления на небеси – в церкви торжествующей, хотя прославления еще предначинательного, Бог удостоивает их вместе с тем прославления и на земле – в церкви воинствующей. Это прославление выражается тем, что церковь земная *почитает* скончавшихся праведников, как угодников и друзей Божьих, *призывает* их в молитвах, как предстателей пред Богом, и *читит* мощи их и священные изображения их, или *иконы*.

Почитание Святых, в смысле благоговейного уважения памяти их и прославления их подвигов и добродетелей, есть догмат нашей веры, имеющий самое твердое основание как в Священном Писании, так и в священном предании.

Священное Писание, решительно запрещая воздавать кому либо божеское поклонение и служение, кроме единого истинного Бога (Второз. VI, 13; Исаии XLII, 8; Мф. IV, 10; 1Тим. I, 17), вовсе не запрещает этим воздавать низшее почтение и верным слугам, угодникам и друзьям Божиим, и притом так, чтобы вся честь относилась при этом к Нему же единому, как *дивному во Святых Своих* (Псал. LXVII, 36). Кроме того писание с одной стороны указывает примеры почитания Святых: так в книге Царств говорится, что царедворец Авдий поклонился пророку Илии (3Цар. XVIII, 7), сыны пророческие торжественно поклонились Елисею, как верному рабу и другу Божью (4Цар. II, 15); апостол Павел одобряет Галатян за то, что они приняли его как ангела Божья или Самого Христа Иисуса (Галат. IV, 14). С другой стороны оно дает наставления касательно почитания Святых. Господь Иисус Христос говорит Своим апостолам: *Кто принимает вас, принимает Меня. Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает, праведника, во имя праведника, получит награду праведника* (Матф. X, 40, 41). Апостол Павел заповедует: *Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божье, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их* (Евр. XIII, 7).

Отцы и учителя церкви так учат о почитании Святых, раскрывая и основания, и образ, и цель этого почитания.

Св. Василий Великий. «Любителю мучеников наскучит ли когда творить память мучеников? Честь, воздаваемая добрым из наших сослуживцев, есть доказательство нашего благорасположения к общему Владыке»²⁴⁸.

«Когда пересказываем жития прославившихся благочестием, прежде всего Владыку прославляем в рабах Его; восхваляем же праведников засвидетельствованием о том, что знаем, и людей увеселяем слышанием прекрасного. Так жизнь Иосифа есть увещание к целомудрию, а повествование о Сампсоне – побуждение к мужеству».²⁴⁹

«Памятью мученика (Маманта) вся страна подвигнута; весь город принимает участие в празднике; не сродники стекают на гробы Отцов, но все притекают на место благочестия... Видишь, как чествуется добродетель, а не богатство. Так церковь чем чтит предваривших, тем самым возбуждает живущих еще. Не домогайся, говорит она, ни богатства, ни мудрости мира престающей (1Кор. II, 6), ни славы увядающей, – все это исчезает вместе с жизнью: но будь делателем благочестия, – оно и на небо вознесет тебя, оно приуготовит тебе и бессмертную жизнь, и продолжительную славу у людей»²⁵⁰.

Св. Иоанн Златоуст. «Скажи мне, где гроб Александров? Укажи и скажи, в который день он умер?

А гробы рабов Христовых славны и находятся в царственном городе; дни кончины их известны, ибо составляют торжество для целой вселенной. Александрова гроба не знают и свои, – а гроб Христов знают и варвары.

И гробы рабов Распятого блистательнее царских дворцов, не только по величине и красоте строений, – ибо и в сем они превосходнее, – но, что гораздо важнее, по ревности стекающихся к ним. Ибо и тот, кто носит багряницу, приходит лобызать гробы сии и стоит пред ними, и молит Святых, чтоб предстательствовали за него пред Богом. В предстательстве уже умершего скинотворца и рыбака, имеет нужду облеченный в диадиму»²⁵¹.

Блаженный Августин: «Христианский народ чествует память мучеников торжеством веры, но так, что мы не приносим жертвы никому из мучеников, а только Богу мучеников, хотя и устроаем алтари в память мучеников... То, что приносится, приносится Богу, увенчавшему мучеников, в память тех, которых Он увенчал... Мы чтим мучеников тою честью любви и общения, которою и в этой жизни чествуются святые Божии человеки. Но тем чествованием, которое по гречески называется служением и есть собственно Божеству подобающее служение, мы и не чтим, и не учим чтить никого, кроме одного Бога»²⁵².

Отцы второго Никейского собора, VII вселенского: «Храним слова Господни, апостольские и пророческие, чрез которые мы научились чтить и величать – во первых, собственно и истинно Богородицу и св. ангельские силы, апостолов, пророков и славных мучеников, святых и богоносных учителей и всех святых мужей и просить их предстательства, потому что они могут соделать нас угодными Царю всех – Богу» (деяние IV).

Св. Иоанн Дамаскин: «Должно почитать Святых, как друзей Христовых, как чад и наследников Божьих... Они царствовали и господствовали над страстями и сохранили невредимым подобие образа Божья, по которому сотворены; они добровольно соединились с Богом, приняли Его в жилище своего сердца и, приобщившись Его, сделались по благодати тем, чем Он есть по естеству. Как же не почитать тех, которые суть и слуги, и друзья, и сыны Божии? Честь, воздаваемая усерднейшим сослужителям, доказывает любовь к общему Владыке. Святые сделались сокровищницами и чистыми жилищами Бога; *вселюся в них*, говорит Бог, *и похожду, и буду им Бог* (2Кор. VI, 16)... Как же не почитать одушевленные храмы, одушевленные жилища Божии? Истинно, должно почитать, воздвигать во имя их храмы Богу, приносить дары, чтить дни памяти их и в оные веселиться духовно... Будем почитать Богородицу, как истинную Матерь Божью, пророка Иоанна – как предтечу и крестителя, апостола и мученика: ибо, как сказал Господь, *не возста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя* (Мф. XI, 11). И он был первый проповедник

царствия Божья. Будем почитать апостолов, как братьев Господа, как самовидцев и служителей Его страдания, *их же Бог и Отец предвидь и представи сообразных быти образу Сына Своего* (Рим. VIII, 29; 1Кор. XII, 28); во первых, – апостолов, во вторых, – Пророков, в третьих, – пастырей и учителей (Ефес. IV, 11). Будем почитать мучеников Господних, избранных из всякого звания, как воинов Христовых, крестившихся крещением, смерти Его, как участников в страданиях и славе Его, и их чиноначальника, архидиакона Христова, апостола и первомученника Стефана. Будем почитать преподобных Отец наших и Богоносных подвижников, претерпевавших более продолжительное и трудное мученичество совести, *скитались в мѣлотах и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли.* (Евр. XI, 37, 38). Будем почитать живших до благодати пророков, патриархов, праведников, предвозвестивших пришествие Господа. Взирая на образ жизни всех сих Святых, поревнуем их вере, любви, надежде, ревности, житию, твердости в страданиях, терпению даже до крови, дабы и нам с ними сподобиться венцев славы»²⁵³.

«Поклоняемся мы тем, в которых почивает Бог, един Святой и во святых почивающий, как–то: Святой Богородице и всем Святым. Ибо они всевозможно уподобились Богу – и по действию собственной своей воли, и по обитанию в них Бога, и по Его содействию. Достопоклоняемы они не по естеству своему, но потому, что имеют в себе Того, Который по естеству Своему достопоклоняем: так как раскаленное железо не по природе своей неприкосновенно и жжет, потому, что приняло в себя огонь, коего естественное свойство есть жечь. И так мы поклоняемся им потому, что Бог их прославил и соделал страшными для врагов и благодетелями для приходящих в них с верою; поклоняемся им не как богам и благодетелям по естеству своему, но как рабам и служителям Божиим, имеющим дерзновение к Богу, по любви к Нему; поклоняемся им потому, что Сам Царь относит к себе почтение, когда видит, что

почитают любимого им человека, не как царя, но как послушного слугу и благорасположенного к нему друга». ²⁵⁴

5. Призывание святых

«Почитая святых угодников Божьих св. церковь учит еще призывать их, то есть обращаться к ним с благопотребными приношениями, не так, конечно, как бы они были самостоятельными подателями благ, но как к таким лицам, которые, имея ближайший доступ и дерзновение к Иисусу Христу и вместе с тем будучи Его слугами в исполнении благих Его намерений касательно нас, суть таким образом ближайшие посредники между Ним и нами и могут споспешествовать нашим недостойным молитвам к Нему и наперед преклонять Его к милости своим предстательством²⁵⁵.

Догмат о призывании святых основывается на Священном Писании, священном предании и бесчисленных опытах предстательства и помощи, каковую во все времена церкви оказывали верующим святые, преимущественно же Пресвятая Мать Божья, милосердая Заступница рода христианского.

Священное Писание внушает нам обязанность молиться друг за друга и придает молитвам святых великую силу пред Богом. Так, напр., св. апостол Иаков говорит: *Молитесь друг за друга: много может усиленная молитва праведного* (Иак. V, 16). Сам Бог повелел Авимелеху просить молитв за себя Авраама, говоря: *Он пророк, помолится о тебе, и ты будешь жить* (Быт. XX, 7), а также согрешившим друзьям Иова просить молитв этого праведника: *Возьмите себе семь тельцов и семь овов и пойдите к рабу Моему Иову, и принесите за себя жертву, и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лице его Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов* (Иов. XLII, 8). Израильтяне просили молитв за себя у Самуила: *И воззвал Самуил к Господу, и услышал его Господь* (1Цар. VII, 8–9). Апостол Павел неоднократно просил молитв за себя у своих учеников (Рим. XV, 30, 31; Ефес. VI, 18, 19. Кол. IV, 3; 2Кор. I, 10, 11; Сол. V, 25).

Далее Священное Писание представляет многоразительных примеров того, что святые могут слышать наши молитвы и знать

наши нужды и по отшествии своем на небо, не смотря на отделяющее их от нас расстояние. «Так же свидетельствует, что угодники Божии, которых мы призываем в молитвах, находясь еще в теле, нередко имели дар презирать во глубину сердца человеческого, как св. Петр прозрел в сердце Анании (Деян. V, 3), и знать события, совершавшиеся в отдаленности, как Елисей узнал о поступке Гиезия (4Цар. IV, 19, 25, 26), и, что еще удивительнее, открывал царю израильскому все тайные намерения двора сирийского (4Цар. 12). Свидетельствует, что святые, находясь еще на земле, проникали духом в мир горний, и одни видели сонмы ангелов, как Иаков (Быт. XXII, 1) и Елисей (4Цар. VI, 17), другие удостоивались созерцать самого Бога, как Исаия (VI, 1 – 5) Иезекииль (II, 1 – 8), третьи восхищались до третьего небеси и слышали там неизреченные глаголы, как св. Павел (2Кор. XII, 2 – 6). Свидетельствует, наконец, что святые на небеси *равны суть ангелом* (Лук. XX, 36), которые действительно знают внутреннее состояние и обращение грешников к Богу: *ибо радость бывает пред ангелы Божьими о едином грешнике кающемся* (Лук. XV, 10), – что Авраам находясь на небеси, мог слышать вопль богача, страждущего во аде, не смотря на великую, отделяющую их пропасть, и что этот праотец сказал богачу между прочим: *братия твои имут Моисея и пророк, да послушает их*, – чем ясно выразил, что находясь на небеси, праведники имеют возможность, знать совершающееся на земле, после их кончины: ибо Моисей и пророки жили после Авраама (Лук. гл. ХUI). Без всякого сомнения, все это – примеры не какого-нибудь естественного ведения человеческого, а ведения благодатного, вследствие чрезвычайных дарований от Бога; но почему же не допустить, что души праведников на небеси удостоиваются все такого же высочайшего просвещения от Бога, – что, предстоя непосредственно Его престолу, они созерцают происходящее на земле в свете лица Божья? *Ныне видим*, пишет св. апостол, *якоже зеркалом в гадании, – тогда же лицом к лицу; ныне разумею отчасти, – тогда же познаю, якоже и познан бых* (1Кор. XIII, 12)²⁵⁶.

Наконец, Свящ. Писание удостоверяет нас в том, что святые действительно молятся за нас пред престолом Божиим. Иуда Маккавей видел в видении Онию, умершего первосвященника, который и сам молился за весь народ иудейский, и, указывая на другого мужа, бывшего с ним, сказал Иуде: *это братолюбец, который много молится о народе и святом городе, Иеремия, Пророк Божий* (2 Макк. XV, 12, 14). Св. апостол Петр довольно ясно обещает своим ученикам не прекращать своего попечения об них пред Богом и после своей смерти: *Потщуся же и всегда имети вас по моему исходе память о сих творити* (2Петр. I, 15). А св. Иоанн Богослов удостоился видеть в откровении на небеси, как двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых (Апок. V, 8), потом как дано было ангелу множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который пред престолом, и как вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога (VIII, 3, 4).

Учение церкви о призывании святых и верование в их предстательства за нас пред Богом находим во всех древних литургиях, в сказаниях о святых мучениках и в писаниях Отцов и учителей церкви.

Св. Дионисий Ареопагит говорит: «Что молитва святых еще при жизни их, а тем более по смерти, приносит пользу только достойным святых молитв, этому научают нас истинные предания мудрых... Так неисполнимою и суетною надеждою обольщается тот, кто просит молитв святых и отвергает свойственные им святые дела, не радит о божеских дарованиях и отступает от яснейших и спасительных заповедей²⁵⁷.

Св. Иоанн Златоуст поучает: «Будем прибегать к предстательству святых и призывать их, чтобы они за нас молились; но не будем только полагаться на их молитвы, а и сами станем действовать по примеру их, как должно²⁵⁸.

Св. Ефрем Сирин обращается с следующей молитвою к святым мученикам: «Победоносные мученики, добровольно претерпевшие скорби из любви к Богу и Спасителю и имеющие

дерзновение пред Самим Владыкою! ходатайствуйте, о, святые, за нас расслабленных и грешных и исполненных лени, да приидет на нас благодать Христова и просветит сердца всех ленивых, чтобы возлюбил нас Господь²⁵⁹.

Св. Григорий Нисский обращается к св. мученику Феодору: «Ходатайствуй за отечество у общего Царя и Господа. Нам угрожают величайшие опасности... Воин, сражайся за нас; мученик, предстательствуй с дерзновением за своих соотечественников. Хотя ты в другом мире, но всегда знаешь о напастях и нуждах человеческих. Испроси нам мир, чтобы наши св. собрания не прекращались... Молим тебя, не лиши нас и впредь твоего покровительства. Если нужно ходатайство еще более сильное, – собери лики мучеников, твоих братьев, и помолись со всеми вместе. Молитвы многих праведников покроют грехи народов».

На 8-м вселенском Соборе Отцы, рассуждая о почитании и призвании святых, между прочим, положили: «Если кто не исповедует, что все святые, сущие от века и угодившие Богу, как до закона, так под законом и под благодатью, досточестны пред Ним по душе и по телу, или не просят молитв святых, как имеющих позволение предстательствовать за мир, по церковному преданию: анафема».

Примечание. Призывание святых не оскорбляет ли благодати Отца небесного и не уничтожает ли достоинства нашего Спасителя, единого ходатая Бога и человеков (1Тим. II, 5).

На это, столь обычное возражение протестантов, будто «от призывания иных ходатаев обида и презрение бывает Христу», Стефан Яворский в своем *Камне Веры* отвечает следующее:

1) «Един ходатай Бога и человеков – Христос Иисус. Убо все Павел призывает живущих на земли, просящих о молитве. Все и апостол Иаков глаголет: *молитесь друг за друга* (Иак. V, 16). Все же и вы, противницы, друг друга призываете, и о молитве друг друга просите, и просить научаете. Понеже един ходатай Христос, убо и Павел, и Иаков, и вы обиду и презрение Христу творите»...

2) Христос в Евангелии глаголет: *не нарицайтесь учителя: един бо есть ваш учитель, Христос, вси же вы братья есте.*

И отца не зовите себе на земли; един бо есть Отец ваш, иже на небесах *Ниже нарицайтесь наставницы; един бо есть наставник ваш, Христос* (Мф. XXIII, 8). Понеже убо един есть учитель Христос, един наставник Христос, един Отец, иже на небесах, – убо согрешил ли есть Павел, нарицая себе учителем языков? Почто же и вы, противницы, на земли. нарицаете себе отца, учителя, наставника? Иначе бо родившего вы нареци не можете, точию отцем, и учащихся вы иначе не зовете, точию учителями и наставниками. Чего ради убо приступаете заповедь Господню? рцыте нам. Инако отвещати не можете, точию с нами согласующе и глаголюще, яко един есть Отец на небеси превосходством, един учитель и наставник Христос превосходством. От того бо единого Отца вси отцы на земли происходят, от единого учителя и наставника Христа вси учителя и наставницы учение правое и наставление восприимлют. Земнии же отцы суть поистине отцы, но в чине нижайшем, суть отцы отечеством, от единого Отца небесного происходящим. Такожде учителя и наставницы земнии суть поистине учителя и наставницы, но в чине нижайшем: сиречь, учительством правым и наставлением, от единого учителя Христа начало приемлющим. – Тожде разумеется имать, егда слышим или чтем: един свят, един Господь Иисус Христос. Но како един свят Христос, како един Господь Христос, аще и иных Святых Писание святыми нарицает и иных господей господами? На сие ответ тойже, что и выше. Един свят Христос, един Господь Христос, святостью и господством превосходительным, никому же подлежащим, ни от кого же происходящим и никому же сравнительны. Прочий же Святые и господии суть в чине нижайшем, от Христа далече расстоянием, суть святыми, суть господами, святостью и господством свыше происходящим. И якоже разжженное железо жжет и палит не от себе, ибо железо само собою есть хладно, но жжет и палит причастием огня, силу пламенную железу дающего: тако и о святости и о господстве иных Святых и господей рещи подобает.

Весьма раздельно изложена в *Камне Веры* мысль о том, что Святые суть предстатели и ходатаи наши, имеющие силу ходатайства от Христа:

*«Един есть ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус, давший Себе избавление за всех. Якоже убо единство Отца небесного не отменяет Отцов земных, ниже единство наставника и учителя Христа наставников и учителей земных, ниже единство святости и господства Христова отъемлет святости от прочих Святых и господства от господий земных: тако ниже единство ходатай Христа отменяет прочих ходатаев различие, точию ходатайства и расстояние несравненное посредствует. Христос бо ходатай есть по превосходительству, якоже речеся: Святые же суть ходатаи низшего и от Христа далечайшего степени. Христос есть ходатай искупления и моления ко Отцу сыновнего: Святые же суть ходатаи единого моления дружеского, но глаголу псаломску: *мне же зело честна быта друзи Твои, Боже* (Псал. СXXXVIII, 17). Христос есть ходатай, иных за Себе ходатаев не требующий: Святые же, zde живуще, требоваху ходатай Христа, и ныне требуют, не себе ради, но нас ради. Христос есть ходатай, силу ходатайства от Себе имуще: Святые же суть ходатаи, силу ходатайства имуще от Христа и от заслуг Его крестных, по подобию железа, еже не, от себе имать силу паления, но от причастия огня. Христос есть ходатай естеством: Святые же суть ходатаи благодатию»...*

И далее: «Егда Апостол глаголет: яко един есть ходатай и посредственник между Богом и человеком, Христос, сие того ради глаголет, яко Христос не точию есть посредственник по своему званию, яко умилоствляющий Бога к человеку, но и по Своему естеству, посредствуя между Богом и человеком: понеже Он есть Бог и человек, еже к примирению человека с Богом весьма нужно бяще. Сея ради вины един таков есть ходатай и посредственник Христос. Святые же не суть, ниже могут быть таковы ходатаи. Тако богомудрствуют и научают Отцы Святые: Златоуст, Амвросий, Феофилакт, Епифаний, Кирилл и прочий». (Догмат о призывании святых, ч. II, гл. 1).

6. Почитание святых мощей

Воздавая должное почитание угодникам Божиим, св. церковь вместе с тем чествует и остающиеся на земле мощи или тела их, также удостоившиеся быть храмами Св. Духа (1Кор. VI, 19); снеси III, 16, 17), равно и другие останки Святых, получившие от них или чрез них освящение, каковы: риза пояса Богоматери, вериги св. Апостола Петра и проч. (Пространный Христианский Катихизис о IX члене символа веры).

Почитание сбытых мощей основывается на Священном Писании, на священном предании и постоянном примере вселенской церкви и на бесчисленных чудесах, как прежде во все времена бывших, так и до сих пор продолжающихся.

Священное писание *во-первых*, представляет нам примеры хранения и особенного уважения к останкам Святых. Так израильтяне, по завещанию Иосифа, хранили кости его в Египте и, выходя оттуда, взяли их с собою в землю обетованную (Быт. L, 25). Тело Боговидца Моисея Сам Бог почтил особенным попечением, повелев погребсти его ангелам (Второе. XXXIV, 6; сн. Иуд. 9). Гроб и кости пророка иудейского, предрекшего царю израильскому Иеровоаму разрушение идольских жертвенников, построенных им, были в известности и почитании у иудеев (4Цар. XXIII, 18). И вообще иудеи хранили в известности и окружали особенным уважением гробы праотцов и пророков, о чем засвидетельствовал и Сам Иисус Христос в своей обличительной речи против фарисеев (Мф. XXIII, 29 – 31). *Во-вторых*, Священное Писание представляет примеры чудотворений от мощей и других останков Святых. Так

а) тело одного мертвеца, едва только коснулось костей св. пророка Елисея во гробе его, тотчас ожило, и мертвый восстал (4Цар. XIII, 21; снеси Сирах. XLVIII, 14, 15²⁶⁰).

б) Самая милоть пророка Илии, оставленная им Елисею при вознесении его на небо, разделила прикосновением своим воды Иордана, чтобы Елисею можно было перейти чрез него (4Цар. II, 14).

в) Даже платки и полотенца св. апостола Павла, возлагавшиеся на недужных одержимых бесами в отсутствие его, исцеляли и прогоняли нечистых духов (Деян. XIX, 12).

С самых первых времен церкви христианской, верующие тщательно хранили останки св. Иоанна Предтечи и апостолов, а во времена гонений уносили с места казни тела и растерзанные члены святых мучеников, скрывали их в потаенных местах и собирались на гробы их совершать богослужение, преимущественно литургию. «Отсюда всеобщий и самый древний обычай – полагать в основание святых алтарей мощи мучеников, что и доселе соблюдается и догмат о почитании святых мощей неразрывно соединен у нас с таинством евхаристии, которое не иначе может быть совершаемо, как на антиминсе, имеющем в себе частицу мощей»²⁶¹. В IV веке, по прекращении гонений, гробы и останки святых делаются общеизвестными. Над ними создаются храмы или же самые останки переносятся с торжеством в города и полагаются в храмах. Поэтому у отцов этого века – св. Златоуста, Василия Великого и у других находим много бесед, по случаю перенесения святых мощей. Равно и другие Отцы – Григорий Богослов, Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский, Амвросий Ефрем Сирин, весьма часто указывают на обычай церкви почитать святые мощи.

Св. Григорий Богослов в Слове св. мученику Киприану говорит: «Вы сами должны вспомнить все прочее, как-то: изгнание бесов, исцеление болезней, предвидение будущего. Все сие, при помощи веры, может подавать даже прах Киприанов, как знают изведавшие сие опытом, от которых и нам передана память о чуде и будет передаваться будущим временам»²⁶². И в другом Слове: «Они (св. мученики) прославляются великими почестями и праздниками, они прогоняют демонов, врачуют болезни, являются, прорекают; самые тела их, когда к ним прикасаются и чтут их, столько же действуют, как святые души их; даже капли крови и все, что носит на себе следы их страдания, так же действительны как их тела»²⁶³.

Св. *Ефрем Сирийский* в Похвальном Слове св. мученикам говорит: «И по смерти действуют они (мученики), как живые, исцеляют больных, изгоняют бесов и силою Господа отражают всякое лукавое влияние их мучительского владычества. Ибо святым мощам всегда присуща чудодействующая благодать Святого Духа»²⁶⁴.

Св. *Иоанн Златоуст* в Похвальном Слове св. *Игнатия Богоносца* говорит: «Не только тела, но и самые гробницы святых исполнены благодати. Ибо если во время Елисея совершилось нечто подобное, и мертвый чрез прикосновение ко гробу его разрешился от уз смерти и возвратился к жизни, тем более ныне, когда благодать обильнее и действия Духа благотворнее, естественно прикасающемуся с верою к самой гробнице (святых) извлекать из неё великую пользу. Посему Бог и оставил нам мощи святых, желая как бы рукою привести нас к той ревности, какая была в них, и даровать нам некоторую пристань и надежное врачевство против зол, отовсюду нас окружающих»²⁶⁵. «Кости святых... покоряют и подвергают истязаниям демонов, разрешают связанных жестокими их узами. Прах, кости и пепел мучат существа невидимые»²⁶⁶. «Не на то смотри, что лежит пред тобою ногое и лишенное душевной деятельности тело мученика, но на то, что в нем присутствует иная, большая самой души сила – благодать Святого Духа, которая своими чудодействиями удостоверяет нас в истине воскресения. Ибо если Бог сообщил мертвым и превратившимся в прах телам такую силу, какую не обладает никто из живых, то кольми паче даст Он им, в день воздаяния, жизнь лучшую блаженнейшую прежней»²⁶⁷.

Блаженный Иероним писал к пресвитеру Руперию: «Не говорю – мы чтим останки мучеников да не послужим твари более, нежели Творцу. Но мы чествуем останки мучеников, чтобы божески чтить Того, Коего они суть мученики. Чествуем слуг, чтобы чествование их восходило ко Владыке, который сказал: *уже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф. X, 40)²⁶⁸.

Отцы VII-го вселенского Собора постановили (деяние VI): «Господь наш Иисус Христос даровал нам мощи святых, как спасительные источники, многообразно изливающие

благодаяния на немощных. И так дерзнувшие отвергать... мощи мучеников, о которых знали, что они подлинные и истинные, – если это епископы или клирики, да низложатся; а если иноки и миряне, – да лишатся приобщения».

«Особенно разительнейшее чудо, которым Господь прославляет тела многих угодников Своих, есть их нетление, когда осуществляются на деле – и предсказание царя–пророка: *не даси (Господи) преподобному Твоему видети истления* (Псал. XV, 10), и исполнившееся прежде всего на Первенце из мертвых, Иисусе Христе (Деян. II, 27), и благожелание древнего мудреца израильского праведникам: *кости их процветут от места их* (Сирах. XLVI, 14; сп. LIX, 12; Исаии LVIII, 11). Это нетление св. мощей, это изъятие их чудодейственной силою Божьею из всеобщего закона тления, как бы в живой урок нам о будущем воскресении тел и в сильнейшее побуждение для нас – почитать самые тела прославляемых Богом праведников и подражать вере их, не подлежит ни малейшему сомнению. В Киеве и Новгороде, Москве и Вологде и во многих других местах, нашего богохранимого отечества открыто почивают многие нетленные останки св. угодников и непрестающими чудесами для притекающих к ним с верою громогласно свидетельствуют об истине своего нетления»²⁶⁹.

Приснопамятный митрополит Московский *Филарет* в своем Слове о нетлении мощей поучает: «Как сосуд, в котором долго хранится благовонная масть, заимствует от нее силу благоухания, так самое тело христианина, в котором постоянно обитает благодатная сила Христова, пронизывается ею во всем составе своем и даже благоухает ею для других. И поскольку *сила Христова* нетленна, то естественно, что она, *вселяясь* (2Кор. XII, 9), в человеков, *уже Христовы суть* (Галат. V, 24), и телесам их сообщает нетление; поскольку сила Христова всемогуща, то с естеством ее согласно и то, что она чрез них чудодействует, когда то благоугодно Господу, подобно как некогда чудодействовала чрез *главотяжи и убрусцы*, которые были на теле св. апостола Павла и приняли в себя пот его (Деян. IX, 12), и чрез одно осененье тенью св. апостола Петра (Деян. V, 15)»...

«Доныне тела усопших Святых являются в нетлении, с силою чудодейственной и живописною для нас живущих, для удостоверения, – если, к стыду времени, есть и такие между нами неверующие, – для удостоверения в воскресении Христовом и в нашем будущем воскресении, для укрепления немощных в подвигах противу греха и смерти, для возбуждения невнимательных и нерадивых к подвигам благочестия»²⁷⁰.

7. Почитание святых икон

Почитая святых угодников Божьих, призывая их в молитвах и чувствуя их священные останки, православная Церковь благоговейно употребляет и почитает и священные изображения их, вместе с изображениями Самого Господа Бога и Святых ангелов.

Седьмой вселенский собор так излагает догмат о почитании святых икон:

«Последующие богоглаголивому учению святых Отец наших и преданию кафолические церкви (вемы бо, яко сия, есть от Духа Святого, в ней живущего), со всякою достоверностью тщательным рассмотрением определяем: подобно изображению честного и животворящего креста полагать во святых Божьих церквах, на освященных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях, честные и святые иконы, написанные красками и из добрых камней, и из другого способного к тому вещества устрояемые, якоже иконы Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и непорочной Владычицы нашей святой Богородицы, такожде и честных ангелов и всех святых и преподобных мужей. Елико бо часто чрез изображение на иконах видимы бывают, потолику взирающий на оныя подвизаемы бывают воспоминати и любити первообразных им и чувствовать их лобызанием и почтительным поклонением, не истинным, по вере нашей. Богопоклонением, еже подобает единому Божескому естеству, но почитанием по тому образу, якоже изображению честного и животворящего Креста и святому Евангелию и прочим святыням, фимиамом и поставлением свечей честь воздается, яковый и у древних благочестный обычай был. Ибо честь воздаваемая образу, преходит к первообразному, и поклоняющийся иконе покланяется существу изображенного на ней. Тако бо утверждается учение святых Отец наших, сие есть, предание кафолические церкви, от конец до конец земли приявша Евангелие»²⁷¹.

Учение православной церкви о почитании икон имеет твердые основания в Священном Писании и священном

предании.

По свидетельству Писания, Сам Бог повелел Моисею устроить *ковчег завета* и поставить его в важнейшей части первого ветхозаветного храма – во святом святых, (Исход. XXV, 10 и дал.; XXVI, 33; Втор.10:1–5). А ковчег завета был не иное что, как видимый образ присутствия невидимого Бога, – образ, всегда напоминавший ветхозаветным верующим Господа и возводивший мысль их к Первообразу.

Сам Бог повелел Моисею сделать два изваянных изображения херувимов и поставить их во святом святых, по двум сторонам оцтилища, которое покрывало ковчег и служило как бы престолом Господа (Исход. XXV, 19 – 22); повелел также сделать истканые изображения херувимов на церковной завесе, отделявшей святое святых от святилища (Исход. XXVI, 31 – 33), подобно тому, как ныне в христианских храмах иконостас отделяет алтарь от самого храма.

Наконец, Сам Бог повелел Моисею воздвигнуть медного змия в пустыне (Числ. XXI, 3); а этот змий был собственно образом Спасителя, вознесшегося на кресте (Ин. III, 14, 15).

Еще более ясные и ближайшие основания догмат о святых иконах имеет в священном предании нового завета. Св. Василий Великий так говорит в своем исповедании: «Приемлю и святых Апостолов, Пророков и Мучеников и призываю их к ходатайству пред Богом, да чрез них, то есть, по их предстательству, милостив будет мне человеколюбец Бог и да подаст мне оставление прегрешений. Почему чту и начертание их икон и покланяюсь пред ними, *особенно же потому, что они преданы от святых Апостолов* и не запрещены, но изображаются во всех наших церквах»²⁷².

Что догмат об иконопочитании есть апостольское предание, доказательством этого служат два древнейших сказания:

Первое – о том, что Сам Господь наш Иисус Христос благоволил изобразить чудесным образом Свой лик на плате и послать этот нерукотворенный образ к Авгарю, одесскому владельцу, – сказание, которое и Отцы VII-го вселенского собора не усомнились признать истинным (деяние VI).

Другое – о том, что один из четырех евангелистов, св. Лука, знавший живописное искусство, писал и оставил после себя иконы Божьей Матери, которые с благоговением передавались и передаются из рода в род в церкви православной. (Некоторые из этих икон находятся ныне в нашем отечестве, каковы по преданию: Владимирская, Смоленская и Ефесская иконы Божьей Матери) (См. Сахарова. Исследов. о русском иконописании. Спб. 1849 г. Кн. 2, стр. 20 – 28).

В первые три века христианства, по тесным обстоятельствам церкви Христовой, отовсюду окруженной и гонимой врагами, употребление святых икон не могло быть ни столь открытым, ни столь повсеместным, как в последующие времена. Христиане принуждены были в это тяжкое время скрывать и часто переменять места своего богослужения и постоянно должны были опасаться, как бы не подверглись поруганию от гонителей предметы их благоговейного чествования. Вот почему и нужда, благоразумие, и самое почтение к св. иконам требовали употреблять их не всюду и скрывать их, а в иных местах даже и совсем не употреблять их. В IV веке, с торжеством церкви, повсюду являются, вместе с иконами Христа Спасителя, и иконы Святых Божьих, как благолепнейшее украшение храмов и как предмет благоговейного почитания.

Одним из сильнейших побуждений к чествованию св. икон служат те бесчисленные знамения и чудеса, какие Господь благоволил совершать чрез иконы для верующих. Сказаниями об этих чудесах наполнены летописи как церкви вообще, так в особенности нашей русской церкви. Некоторые иконы Христа Спасителя, Его пречистой Матери, святителя Николая и других угодников Божьих, по обилию совершавшихся от них чудес, издревле известны под именем *чудотворных*. Находясь в разных местах православной церкви они доселе не перестают быть как бы протоками или проводниками спасительной для нас чудодейственной силы Божьей.

8. Ответы на возражения против почитания св. икон²⁷³

Вооружающиеся против почитания св. икон выставляют преимущественно следующие возражения:

1) «Сам Бог запретил почитание всяких кумиров и изображений, когда дал заповедь: *Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонившись им, ни послуживши им* (Исход. XX, 4)».

Но чтобы правильно понимать эти слова, надобно брать их в полном составе речи, которая читается так: *Аз есмь Господь Бог твой, изведый тя от земли Египетские, от дому работы. Да не будут тебе иные, разве Мене. Не сотвори себе кумира и всякого подобия...; да не поклонившись им, не послужиши им: Аз бо есмь Господь Бог твой, Бог ревнитель* (ст. 2 – 5). Очевидно, что Бог запрещает здесь, во-первых, творить кумиры и всякие подобия собственно богов иных, ложных, и, во-вторых, запрещает поклонение и служение этим подобиям именно Божеское, какое подобает Ему одному. Но мы творим и употребляем свящ. изображения не ложных богов, а Бога истинного и Святых Его, в которых Он почивает; мы покланяемся и воздаем чествование св. иконам не как богам каким или идолам, а только относительно, то есть, относя наше чествование к первообразам, на иконах изображенным. В этом смысле Бог не только не запрещает употребление и почитание свящ. изображений, напротив, как мы видели, даже заповедал его, повелев Моисею устроить ковчег завета, бывший для иудеев видимым образом присутствия Иеговы, поставить во святом святых изображения двух херувимов, украсить такими же изображениями завесу и самые стены скинии, воскурят пред ковчегом и завесою фимиам, возжигать светильники и проч.

2) «Древние язычники укоряли христиан за то, что они не имели у себя свящ. изображений, – и защитники христианства не отвергали этого укора, замечая, что образ Божий начертан в душе самого человека».

Но

а) язычники укоряли христиан собственно за то, что они не имели у себя *кумиров*, изваяний, какие были у язычников, – а христианские иконы не то, что кумиры;

б) укоряли за то, почему христиане не имели у себя известных или открытых *изваяний*, напротив старались постоянно скрывать предметы своего почтения, – а это отнюдь не значит, будто христиане вовсе не имели у себя изображений;

в) язычники вместе с тем укоряли христиан и за то, будто они не имели храмов и жертвенников; но так как это последнее совершенно ложно, то можно судить, что несправедлив и первый укор:

г) защитники христианства, отвечая на эти укоры язычников, если умалчивали о христианских иконах, то точно также умалчивали и о христианских храмах и жертвенниках, хотя последние несомненно существовали, – умалчивали, конечно, потому, что не хотели выдавать врагам своего дела и обнаруживать пред ними святыни, которую церковь действительно тогда скрывала.

3) «Древние учителя церкви ставили почитание икон в преступление еретикам – гностикам и последователям Карпократа»²⁷⁴.

Но не почитание икон вменяли в преступление древние учителя означенным еретикам, а то, что эти еретики

а) наравне с изображениями Христа Спасителя и апостола Павла чтили изображения Гомера, Пифагора, Платона, Аристотеля, и притом

б) воздавали всем этим изображениям чествование Божеское, по обрядам языческим, и следовательно впадали в идолопоклонство.

4) «Один, из соборов Испании, ельвирский, бывший в 305-м году, 36-м правилом своим прямо запретил употребление икон во храмах».

Но

а) прежде всего этим правилом несомненно предполагается, что иконы употреблялись тогда во храмах;

б) есть основание думать, что правило это постановлено по обстоятельствам места и времени; в Испании свирепствовало тогда гонение Диоклитианово, и язычники, часто вторгаясь в христианские храмы, подвергали поруганию священные изображения Господа и угодников Его, в предотвращение сего и принято было в то время означенное правило.

Отдел пятый. Кончина века

1. Беседа Господа на горе Елеонской

Во вторник пред Своими страданиями Господь Иисус Христос вышел с Своими учениками из храма, где поучал народ и обличал слепых и неверующих руководителей его. И приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне, – все будет разрушено. Затем Господь пошел с учениками из Иерусалима в Вифанию. Дорога туда лежала Елеонскою, или Масличною горою. С горы открывался величественный вид на город. Божественный Учитель, окруженный Своими верными друзьями – учениками, сел на горе и обратил еще раз взор Свой на город и храм. Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики (в особенности Петр, Иаков, Иоанн и Андрей) наедине и спросили: скажи нам, когда это будет и какой признак Твоего пришествия и кончины века? (вопрос их истекал из того предположения, что разрушение Иерусалима совпадает с концом мира)». И вот Господь в величественной пророческой картине раскрывает пред ними развитие царства Божья. Пророчество Его относилось в особенности к двум главным фактам – разрушению Иерусалима и концу мира. Разрушение Иерусалима служит пред изображением кончины мира.

«Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, – и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежит всему тому быть; но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это – начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга. И многие лжепророки восстанут и прельстят многих. И, по причине умножения беззакония, во многих охладее любовь. Претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет сие

Евангелие царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец. И так, когда увидите мерзость запустения, реченую чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте (читающий да понимает), тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни. Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу. Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира до ныне и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни. Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос или там, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. И так, если скажут вам: вот, Он в пустыне, – не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, – не верьте. Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына человеческого. Ибо где будет труп, там соберутся орлы. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда явится знамение Сына человеческого на небе: «тогда восплачутся все племена земные, и увидят Сына человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою. И пошлет ангелов Своих с трубою громогласною; и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето. Так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях. Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет. Небо и земля прейдут; но слова Мои не прейдут. О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один. Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына человеческого. Ибо как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех: так будет и пришествие Сына

человеческого. Тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется. Две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет. Но это вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы; ибо в который час не думаете, придет Сын человеческий».

Внушив ученикам Своим, что нужно постоянно бодрствовать в ожидании будущего суда, Господь сказал им *притчу о десяти девах*, имеющую тот же смысл. Притча эта примыкает к восточному обычаю: в вечер брака жених приходит за своею невестою, ожидающею его в доме своих родителей. Подруги ее, девицы, выходят навстречу жениху с горящими светильниками и вводят его к невесте.

Вот эта притча:

«Тогда подобно будет царство небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе с светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. После приходят и прочие девы и говорят: Господи, Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын человеческий» (Мф. XXIV, 1 – 44; XXV, 1 – 13; сн. Марк. XIII, 1 – 37; Лук. XXI, 5 – 36).

Первая половина пророчества, произнесенного Господом на горе Елеонской, исполнилось спустя 36 лет после произнесения его, В 70 году по Р. Хр. Иерусалим был взят римлянами, причем

храм был разрушен и обращен в развалины. Римский полководец Тит, при взятии города, хотел было сохранить храм, – но ничто не могло отклонить суда и определения Божья. Иудеи сами зажгли притворы храма, а один из римских воинов, вопреки приказанию военачальника, бросил огонь чрез окно в самый храм, и он тотчас же был охвачен пламенем. Напрасно Тит дал приказание потушить огонь: оно не было исполнено. Солдаты бросились грабить горящее святилище, – и ни приказания, ни угрозы не могли остановить их: храм был сожжен и разграблен.

Осада и взятие Иерусалима сопровождались такою великою скорбью, какой не было от начала мира до ныне (Матф.. ХХИТ, 21). «Да не подумает кто либо, – говорит св. Златоуст, – что это сказано преувеличенно, но пусть прочитает сочинения Иосифа²⁷⁵ и узнает истину слов сих. Никто не может сказать того, что Иосиф, как верующий увеличил изображение оных бедствий для того, чтоб подтвердить сказанное; ибо он был иудей и иудей весьма строгий, ревнитель, и из числа тех, кои были по пришествии Христовом. Что же он говорит? То, что оные бедствия превзошли всякое описание бедствий, и подобной войны никогда не случалось с каким-нибудь народом».

Вот несколько выписок из сочинения Флавия: «О войне Иудейской», показывающих всю жестокость тогдашнего бедствия.

Все несчастья, какие постигали народы от начала мира, были ничто сравнительно с теми, какие обрушились на иудеев. По взятии города, римские солдаты умерщвляли без различия всех, кого только встречали, и жгли дома с их жителями. Врываясь в дома для грабежа, они находили их полными – чем же? – трупами умерших от голода. И если они чувствовали некоторую жалость при виде мертвых, за то были беспощадны к живым, без милосердия убивая все, что только им встречалось. Город до такой степени был наполнен кровью, что во многих местах пламя пожара потухло от нее. В продолжение осады Иерусалима погибло не менее 800000 человек и в окрестностях города 240000 человек, следовательно всего более миллиона.

Из них великое множество были распяты на крестах. Многие сперва сечены, потом истязаемы всякими способами и, наконец, повешены на крестах, причем римские солдаты, из ненависти или мщения, находили удовольствие пригвозждать одного к другому и одну к другой. Распятых было такое множество, что неоставало места для поставления крестов для распятия. Невероятное на первый взгляд число погибших объясняется тем, что осада Иерусалима началась во время праздника Пасхи, когда в Иерусалим собиралось до 2000000 иудеев, кроме женщин и детей. Тот же Флавий описывает страшные подробности голода, свирепствовавшего во время осады Иерусалима. Осажденные употребляли в пищу то, к чему отказывались прикасаться животные, самые неразборчивые на пищу... Ограбленная солдатами, одна женщина из высокого рода, доведенная голодом до отчаяния и исступления, убила и ела собственное дитя и съела уже половину, когда открыто было это ужасное преступление...

Исполнилась половина пророчества, произнесенного Господом на горе Елеонской, – остается нам ожидать исполнения и другой половины его. А что она несомненно исполнится в свое время, за это нам ручаются слова Господа: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф. XXIV, 35).

2. Ожидание конца мира

Не ваше дело знать время или сроки, которые Отец положил в Своей власти.

(Деян.1: 7).

Предсказание Господа о кончине мира глубоко запало в сердца апостолов. Впечатление его усилилось для них еще более, когда они слышали на той же горе Елеонской от ангелов, явившихся им во время вознесения Господня, что вознесшийся теперь Господь опять придет на землю. С падением Иерусалима в мысли их соединялись – второе пришествие Христово, воскресение мертвых, окончательный суд и конец мира. Поэтому в учении их мы встречаем, между прочим, и учение о близком конце мира. Св. апостол Петр пишет, что Господь не замедлит исполнить Свое обещание скорого пришествия: «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долго терпит нас, не желая чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2Петр. III, 9, 10). св. апостол Павел пишет: «Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит» (Евр. X, 37), св. евангелист Иоанн в Апокалипсисе пишет: «Се гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делом его» (Апок. XXII, 12). Он же в другом месте пишет: «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко» – (I, 3). Далее, развивая мысль о близости кончины мира, а следовательно и о воскресении мертвых, и о втором пришествии Христовом на землю для суда апостол любви пишет: «Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время (1Ин. II, 18). Во дни святых апостолов ожидание Мессии, или Христа, а следовательно и конца мира, было сильно возбуждено, и действительно около этого времени появлялось много лже

мессий – обольстителей. По свидетельству Иосифа Флавия, страна наполнена была обольстителями и чародеями, которые водили народ в пустыню, чтобы там показывать чудеса, производимые будто бы силою Божьею. Из таких лже мессий в особенности известны: *Домфей* самарянин, называвший себя Христом, *Симон*, – волхв, самарянин же называвший себя сыном Божиим, *Февда* (Деян. V, 36) и *Бар-Кохба* («сын звезды»).

В первые века христианства, вера в близкий конец мира была повсеместно распространена между христианами и заставила их во всем выдающемся из ряда обыкновенного видеть признак пришествия антихриста и кончину мира. Затем не проходило почти ни одного столетия, в которое не появлялось бы предсказания о конце мира. Ожидание конца мира усиливалось всегда еще более, под влиянием разных общественных бедствий: голода, моровой язвы, войн и т. п. Но особенно сильно и всеобщее было ожидание конца мира на западе с исходом первого тысячелетия христианской эры.

Сделаем несколько выписок из сочинения *Фламаргона*: «История Неба», имеющих отношение к нашему предмету.

С приближением этого времени (1000 года от Р. Хр.), мы встречаем самые частые и самые убедительные увещания проповедников. Так, например, Бернард тюрингенский начал публично проповедовать около 960 года, что мир не замедлит разрушиться, причем уверял, что Сам Господь открыл ему это. Он принял за тему своих проповедей следующие слова Апокалипсиса: чрез тысячу лет диавол выйдет из своей темницы и соблазнит народы, находящиеся в четырех странах земли. Книга жизни будет открыта; море извергнет своих мертвых; каждый будет судим сообразно с своими делами Тем, который восседает на великом сияющем престоле. И будет новое небо и новая земля.

«Бернард тюрингенский назначил день конца мира: мир, по его мнению, должен был разрушиться, когда Благовещение совпадает со Страстною пятницей. Это совпадение случилось в 992 году, – и ничего необычайного из этого не последовало.

«В течение X столетия королевские хартии начинались следующими характеристическими словами: «Так как

приближается конец мира».

«В 1186 году астрологи напугали Европу, объявив, что произойдет соединение всех планет. Ригор, тогдашний писатель, говорит в «Жизни Филиппа – Августа»: Астрологи востока, евреи, сарадины и даже христиане разослали во все концы вселенной письма, в которых с уверенностью предсказывали, что в сентябре месяце разразятся великие бури, произойдет землетрясение, появится смертность между людьми, возмущения и распри, революции во всех государствах, уничтожение и гибель всего живущего. Но, прибавляет этот писатель, – ничто не оправдало их предсказаний.

«Несколько лет спустя, в 1198 году, разнесся слух о конце мира. Но на этот раз миру предстояло разрушиться без посредства небесных явлений: предсказывали, что в Вавилоне народится антихрист, и через него погибнет род человеческий.

«В конце XIII столетия алхимик Арно де – Вильнев объявил, что антихрист народится в 1335 году.

«Винцент Ферье, знаменитый испанский проповедник уверял, что мир просуществует еще столько лет, сколько стихов в Псалтири, т. е. около 2537 лет.

«XVI век представляет быть может, такую эпоху, когда всего чаще занимались предсказаниями о гибели рода человеческого. Вот, например, объявление внесенное Симоном Гуляром в его «Сокровищницу удивительных историй»: Великий командор Мальты приказал опубликовать в 1532 году по всей Европе о чудесном явлении, случившемся в Ассирии. Около 7-го марта женщина, по имени Рашиэн, произвела на свет прекрасного мальчика со сверкающими глазами и блестящими зубами. В самую минуту его рождения небо и земля поколебались, солнце вошло в полночь и было столь же ярко, как полдень, а среди дня сделалось до того темно, что с утра до вечера в этом краю не было видно ни зги. Затем солнце снова показалось, но совершенно в новом виде, в сопровождении новых звезд, которые блуждали там и сям по небу; и показалось оно над домом, где родился этот ребенок, и кроме некоторых других чудес – с неба упал огонь, убивший многих людей. После затмения солнца разразилась страшная буря в воздухе; затем с

неба начали падать жемчужины. На следующий день видели, как по всей стране летал огненный дракон. Появилась вдруг новая гора, выше всех прежних высоких гор, треснула на две части; и посредине была найдена колонна, на которой была греческая надпись, гласящая, что приближается конец мира, и в воздухе был слышен глас, увещевавший всех приготовиться к этому.

«Так как предсказание не сбылось и в этот год, то оно было перенесено Леовициусом, знаменитым астрологом на 1584 год. Луи Гюйон рассказывает, что страх был так велик, что церкви не могли вмещать всех, искавших в них убежища, что многие писали духовные завещания, не рассуждая о том, что это совершенно излишне, если должен погибнуть весь мир.

«Один из знаменитейших математиков Европы, по имени Стофлер, процветавший в XVI веке и долго работавший над реформой календаря, предложенною на Констанцском соборе, предсказал, что в 1524 году будет всемирный потоп. Этот потоп должен был случиться в феврале месяце, потому что тогда Сатурн, юпитер и марс должны были соединиться в знаке рыб. Все народы Европы, Азии и Африки, прослышавшие об этом предсказании, были поражены унынием и страхом. Не взирая на радугу, все ожидали потопа. Многие писатели того времени передают, что жители приморских провинций Германии спешили продавать по самой низкой цене свои земли и что люди, имевшие деньги и не очень доверявшие предсказаниям, скупали эти земли. Каждый запасался лодкою на манер ковчега. Доктор Тулузы, по имени Ориол, заказал для себя, своего семейства и своих приятелей ковчег, отличавшийся особенно большими размерами. Подобные же предосторожности принимались в большей части Италии. Наконец, наступил февраль месяц – и не выпало ни единой капли дождя. Никогда, ни в одном месяце не было такой засухи, и никогда астрологи не чувствовали такого смущения. Однако, эти достойные люди не упали духом, и им не перестали верить. Тот ясе Стофлер, сообщая с знаменитым Региомонтаном, снова предсказал, что в 1588 году будет конец миру или, по крайней мере, последуют

какие–нибудь ужасные происшествия, долженствующие привести в беспорядок и всколебать землю.

«Новое предсказание – и новое разочарование! 1588 год не ознаменовался никаким необычайным происшествием. В 1572 году было, правда, явление весьма странное, которое могло оправдать все опасения: неизвестная звезда внезапно зажглась в созвездии Кассиопеи; эта звезда отличалась ослепительным светом и была видна даже днем. Астрологи об явили, что это была *Звезда Волхвов*, которая возвратилась и возвещала последнее пришествие Иисуса Христа.

«XVII и XVIII столетия переполнены новыми предсказаниями, и предсказаниями крайне противоречивыми, относительно конца мира...

«В небольшом сочинении о религиях, напечатанном в 1826 году, граф де – Сальмар Монфор искренно доказывал, что миру остается существовать всего только десять лет: мир, говорит он, стареется, и скоро придет его конец. Я полагаю, что это ужасное событие не замедлит случиться. Иаков, родоначальник двенадцати колен Израиля и следовательно первосвященник древней церкви, родился в 2168 году от сотворения мира, то есть за 1836 лет до Иисуса Христа. Древняя церковь, первообраз новой, существовала следовательно 1836 лет. Теперь, когда я пишу эти строки, у нас еще 1826 год; а так как, по слову Господню, новая церковь должна существовать до скончания веков, то, если древняя точно была (что несомненно) первообразом новой, из этого ясно видно, что миру остается существовать всего около 10 – ти лет.

«Госпожа Крюднер, друг императора Александра, тоже пророчила разрушение нашей планеты. Она назначала это событие на 13 января 1819 года.

«Погибель мира назначалась также на 1832 и на 1840 годы. Предсказание на 1840 год долго служило предметом всеобщих ожиданий и страхов. 1840 год был отмечен роковым. Предсказания самые грозные и ужасные сыпались со всех сторон. На 6 января назначена была последняя великая развязка человеческой драмы. Весьма многие приготовились к

роковому событию, покончили со всеми своими делами и с твердостью ожидали конечной гибели.

«Сочинение, написанное в 1840 году священником Пьером Луи в Париже и посвященное папе Григорию XVI, заключает толкование Апокалипсиса, назначающее конец мира на 1900 год. Вот на каких основаниях Пьер Луи назначил этот год:

«Апокалипсис говорит, что язычники занимали святой город в продолжение 42 – х месяцев.

Святой город – это Иерусалим, взятый Омаром в 636 году.

Сорок два месяца = 1260 дней, или символических 1260 лет.

Всего 1896 лет.

Даниил предвещает пришествие антихриста чрез 2300 дней после восшествия Артаксерса на персидский престол – в 4000 году до Рождества Христова; а $2300 - 400 = 1900$.

Предзнаменования уже появились:

Появляется белая лошадь (у пророка Захарии лошади служат эмблемою империй). Сидевший на этой лошади держал лук: это – корсиканец Наполеон. Вы услышите о войнах и услышите звук оружий. Ему дана была корона.

Енох и Илия должны явиться в 1892 году. В 1896 году израильтяне снова войдут в Иерусалим. Наконец, по новому пророчеству, Иисус Христос должен был появиться на облаках 11 апреля 1900 года. (История Неба, стр. 513 – 518).

В нашем отечестве ожидание кончины мира было особенно сильно и всеобще в конце XV века. Как на западе этой кончины ожидали с исполнением 1000 лет от Рождества Христова, так у народов восточного вероисповедания подобное ожидание перенесено было на 7000 год от сотворения мира. Истечение семи тысяч лет падало на 1492 год от Рождества Христова ($5508 + 1492 = 7000$).

Сообразно с этим верованием и пасхальное расчисление, то есть празднование Пасхи, заранее было сделано не на весь пасхальный круг, а доведено только до этого года. С приближением этого последнего умы многих верующих приходили в тревожное состояние. Оно выражалось и в разных заметках, которыми переписчики пасхалии сопровождали

роковой 7000 год. Об этом свидетельствует одна русская летопись в следующих выражениях: «Писано в пасхалии: братия! здесь страх, здесь беда великая, здесь скорбь немалая; как и в распятие Христово, сей круг солнца будет 23, луны 13, и сие лето будет последнее, в оное чаем всемирного пришествия Христова».

И в наши дни не прекращаются слухи о кончине мира, основывающиеся на таких или иных признаках...

Если предсказания и ожидания конца мира в разные времена не сбывались в назначаемый для него срок, то из этого нельзя еще умозаключать, что пророчество о кончине мира, быть может, и не оправдается. Из этого можно умозаключать только об ограниченности ума человеческого, которому не дано знать времен и сроков, положенных Отцем Небесным в Своей власти. Даже ангелы небесные, которым доступны многие неведомые нам тайны, не знают о дне и часе кончины мира и второго пришествия Христова. А что от нас сокрыт этот великий и страшный день, это сделано для нашего же блага: милосердый Господь хочет, чтобы мы всегда бодрствовали и были постоянно готовы, чтобы никто из нас не погиб, но чтобы все пришли к покаянию. «Для того, – рассуждает св. *Иоанн Златоуст*, – чтобы не заботились об одном только дне смерти, Иисус Христос не означает ни дня общей кончины, ни дня смерти каждого: Он желает, чтобы всегда ожидали одного, чтобы оный день был предметом непрестанной заботы... Я предсказал все будущия события, довел тебя до самого преддверия (такую речь влагает святитель в уста Господа). Если ж Я не отворил тебе дверей, то для твоей же пользы²⁷⁶».

3. Признаки приближения конца мира

Хотя от нас сокрыты самый день и час кончины мира, но зато нам открыты некоторые признаки, по которым мы можем судить о приближении этого дня и часа, как по распускающимся листьям смоковницы узнаем о приближении лета. Если ты спрашиваешь о дне и часе, не услышишь от Меня ничего, говорит Господь; если же вообще о времени и предварительных признаках, то не скрывая ничего, объясню тебе все подробно²⁷⁷. Для ободрения праведников и вразумления грешников Христос Спаситель как Сам непосредственно, так и чрез апостолов благоволил предуказать некоторые знамения Своего второго пришествия и кончины века, некоторые признаки приближения Великого дня судного.

Два предшествующие события ясно изображаются в Писании: одно, что *Евангелие будет проповедано во всем мире* и в церковь войдет полнота язычников, а затем и народ израильский; другое есть – имеющее открыться великое *отпадение*, из которого разовьется последний, все бывшее зло превосходящий вид греха²⁷⁸.

Итак, *первый* признак, указываемый Самим Господом в Его беседе на горе Елеонской, есть следующий: *И проповедано будет сие Евангелие царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам, и тогда придет конец* (Мф. XXIV, 14).

Проповедь христианская, начавшись с Иерусалима, мало–по–малу обнимает все народы и страны земли. Уже в век апостольский, во исполнение слов Самого Господа: *надлежало проповедано быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима* (Лук. XXIV, 47), и даже до края земли (Деян. I, 8), вера во Христа проповедана была в Иерусалиме, потом в Иудее, Самарии и далее. Предел Евангельской проповеди: *край земли* – это не границы только земли обетованной, или Палестины, ясные уже из обозначения стран: Иудеи, Самарии, а – границы всей земли, всего земного шара. В таких-то широких пределах проповедь о Христе,

начатая святыми апостолами, неустанно продолжается преемниками их и будет продолжаться, пока при конце времен не дойдет до последних пределов вселенной.

При обширном круге распространения проповеди Евангельской нельзя дело представлять так, чтобы один народ за другим в преемственном порядке приходил в общение жизни со Христом; но распространение веры совершается то здесь, то там, то в странах ближних, то в дальних. Какого-нибудь средоточного пункта постепенно расширяющихся кругов миссионерства веры Христовой указать нельзя, ибо проповедование и принятие веры совершается по воле Бога призывающего; а не наперед рассчитанным человеческим произволением путям. Как бы то ни было, ко второму пришествию Господа не останется ни одного уголка земли куда бы не проникла проповедь Евангельская; не будет ни одного народа и племени, которые не услышали бы слова спасения.

Что же касается иудеев, то об них засвидетельствовал св. апостол Павел, когда писал к христианам из язычников: *Не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей (чтобы вы не мечтали о себе), что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; итак, весь Израиль спасется (Рим. XI, 25, 26)*. Как ни казалось некоторым из современников апостола обстоятельство обращения Израиля ко Христу мало понятным или даже невозможным, сам св. апостол признает, что по идее Израиль имеет преимущественное право на принятие христианства, ибо он издревле приготовлялся ко Христу: ему принадлежат и усыновление, и слава, и заветы, и законоположение и богослужение и обетования, его, отцы и от него Христос по плоти. Перемена теперешнего политического положения Израиля сравнительно с ветхозаветною его эпохою приготовления к Мессии–Христу, фактическое положение Израиля – рассеяние его между всеми народами, но всему земному шару, способствующее Израилю быть впоследствии проводником религиозных христианских идей, еще более убеждает апостола в мысли о весьма важном значении Израиля в деле миссии христианской. Вот почему он тех из своих

современников, которые высказывали решительное сомнение в будущем обращении Израиля ко Христу, называет людьми, считающими себя не в пример умными, слишком доверчивыми к своим собственным умственным силам и понятиям, а следовательно и мало основательными. С Израилем, – говорит апостол, – случилось ослепление только временное, которого нельзя считать неизменным и имеющим продолжаться до конца истории Израиля. Если теперь Израиль не верует во Христа, то в будущем он обратится ко Христу. В основе этой уверенности апостола лежит глубокое убеждение: «дары и призвание Божье непреложны». (Рим. XI, 29). Частные, нередко случающиеся и в наше время примеры обращения евреев ко Христу служат уже оправданием пророчества апостола языков о судьбе Израиля. Но, говоря о происшедшем ожесточении Израиля как о временном явлении, апостол определяет далее, до какого момента времени оно продлится: оно продлится до того времени, «пока войдет полное число язычников». Как скоро войдет в церковь Христову полнота язычников как народов, то к церкви же Христовой обратится и весь Израиль: фактом обращения всех языческих народов ко Христу возбудится и в народе израильском ревность обращения ко Христу.

Мысли апостола об историческом моменте обращения иудеев нисколько не противоречит свидетельство того же апостола в послании к Фессалоникийцам: «приближается на них гнев до конца» (1 Фесоал. II, 16)²⁷⁹. Это свидетельство апостола языков не означает того, что гнев Божий сотрет с лица земли неверный Богу народ иудейский еще во время и в состоянии его ослепления. Смысл свидетельства скорее противоположный: тяготеющий теперь на иудеях гнев Божий получит конец, достигнет своего предела, сделает вполне свое дело. Все выражение этой мысли приравнивается таким образом к выражению пророка Даниила: «кончится рассеяние горсти народа Святого» (XII, 7).

Учение апостола Павла об обращении израильского и языческих народов ко Христу в их взаимном отношении имеет для себя твердое основание в учении Христа Спасителя о том же предмете. В беседе Своей на горе Елеонской (по изложению

Евангелиста Луки) Господь говорит: «Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Лук. XXI, 24). «Судьба Иерусалима тесно связана с нравственным и религиозным состоянием народа, коего он был богослужебным центром и священной столицей. По одному пророчеству, сказанному Христом незадолго до эсхатологической речи (беседы на горе Елеонской), Иерусалим подвергнется опустошению (Мф. XXIII, 37, 38) и осаде со стороны язычников, так как не хотел собрать чад своих ко Христу. Теперь, по другому пророчеству Божественного Учителя, печальной судьбе Иерусалима предсказывается счастливая перемена; тяжелому его современному состоянию предвидится в будущем предел. Само собою понятно, что это обстоятельство опять должно стоять в тесной связи с переменой нравственно–религиозного состояния чад Иерусалима. Так как Иерусалим считается представителем и местом национального единства всего Израильского народа, как народа Божественного обетования и благодатного избрания, то благоприятный поворот в судьбе Иерусалима предполагает действительный и решительный переворот в религиозно–нравственном сознании современного Израиля, переход его от теперешнего неверия в веру, и именно Израиля, как народного целого, народной единицы. Благоприятная судьба столицы необходимо отразится на доброй судьбе целого народа. Правда, при первом взгляде на современное положение Израиля, находящегося в рассеянии, по истине отведенного во вся языки и разделенного, по-видимому, на атомы, трудно предположить возможность обращения его, как народного целого, ко Христу. Но и в современном печальном и расстроенном состоянии связь между разбросанными членами еврейской нации не порвана: она постоянно дает себя так или иначе чувствовать и будет сохраняться до времени исполнения пророчества о последней судьбе Иерусалима и мира... Не смотря на свое теперешнее рассеяние между всеми языками, народ иудейский сохранит свое национальное единство, народную целостность, и не исчезнет со сцены жизни и истории; подобно тому, как Иерусалим, столица иудеев, будет только попираем, а не попан, то есть,

будет в попании продолжительное время, пока исполнятся времена язык... Не наступление карательного и испытующего суда над языками должно видеть в выражении: «исполнение языческих времен», а завершение периода исторической жизни язычников, предназначенного им для исполнения карательного суда над Иерусалимом. Так как не один языческий народ (римский) враждебно относился к Иерусалиму, а несколько, каждый в свое время, то и не замечается: «времена язык», а не «время»: и так как с другой стороны историческая жизнь языческих народов находила и находит для себя завершение или окончание в христианстве, то и в выражении: «исполнение времен язычников» можно видеть указание на время призвания и обращения языческих народов в христианскую веру. С наступлением этого отрадного для истинно-христианской души времени согласуется как нельзя лучше и окончание долгого срока попания Иерусалима со стороны язычников. Лишь только язычники делаются христианами, они перестают быть орудиями карательного суда над Иерусалимом: Иерусалим становится для них не местом богомерзкого попания, а местом благоговейного почитания и священной памяти. Таким образом в течение долгого периода времени языческие народы, с разных стран света (Мф. VIII, 11; Лук. XIII, 29), действительно ли подходившие с боевою силою к Иерусалиму или знавшие о нем только понаслышке, обратятся, согласно предсказанию Самого Христа Господа об исполнении времен языков, с благоговейным чувством к Иерусалиму, как месту страданий, смерти и воскресения Христа Спасителя. Народ Иерусалимский не исчезнет с лица земли за все время, пока все это произойдет, пока совершится распространение и действие Евангелия по всему земному шару. А когда все это произойдет в виду и на глазах, так сказать, народа Иудейского, то и у него пробудится способность веры и слышания слова Божья²⁸⁰.

Предвещая будущую печальную судьбу Иерусалима, Христос сказал сынам Израиля: «Глаголю вам, яко не имате Мене видети отселе, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне (Мф. XXIII, 39). Смысл заключительных слов этого пророческого изречения показывает, что евреи некогда признают

божественное достоинство грядущего Спасителя, выражая это признание в обычном приветствии восточных пилигримов к Нему, грядущему во славе. Расположившее к этому приветствию признание иудеями Божественного Учителя за Мессию; очевидно, должно предшествовать событию второго пришествия Христова, а не вызваться им.

Второй признак приближения конца мира – великий нравственный и религиозный упадок.

«Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры» (Тим. IV, 1). Отпадение от веры Христовой в последние времена будет иметь некоторое отношение ко времени первоначальных гонений на церковь Христову. Сам Божественный Основатель нашей религии сказал: «Тогда будут гнать вас (то есть, учеников Христа, а в лице их и всех верных последователей Христа), и некоторых из вас умертвят, и будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Лук. XXI, 12, 16, 17). Подобно тому, так было в первое время христианства, – и в последнее время, когда вера христианская распространится между всеми народами, обнаружится слепая ненависть по отношению к христианам, прямое предательство их в скорбь и смерть, и это нередко за одно имя христиан за то, что они исповедуют имя Христа, готовы быть его верными учениками и последователями. Но как же это будет возможно при всеобщем распространении веры христианской? Распространение проповеди Евангельской; слышанье ее не предполагают необходимо для сердечного усвоения ее слушателями. Проповедь Евангельская на известного рода слушателей может действовать обличающим и ожесточающим образом. Из этих – то обличенных и ожесточенных и составляет первое общество противников Евангелия и христианства. Число их увеличится еще слабыми в вере христианами; этим усилится сомнение относительно веры Христовой в лицах, находящихся вне церкви Христовой; и таким образом произойдет то, что «соблазняются многие» (Мф. XXIV, 10). Затем не смотря на сходство ложного направления, слабоверующие и совсем неверующие будут предавать друг друга и ненавидеть, и это

даже в ближайших земных отношениях родства и дружбы (Лук. XXI, 16; Марк. XIII, 12).

«На почве нравственного разлада и нестроения людей разовьется в будущем, по словам Божественного Учителя, ложное пророчество или учительство: явятся выразители мрачного настроения общества – ложные пророки, выдающие себя за истинных пророков Христа. Выступив в одежде овец эти волки хищные призрачным и примрачным своим учением прельстят многих, иначе сказать – увлекут многих силою своего ложного красноречия на лживый путь грубого неверия и губительного отпадения от веры Христовой. В тесной связи с этим начнется развитие беззакония, которого главное место действия вне церкви, но которое, усилившись, окажет влияние и на членов самой церкви: во многих из них охладет огонь (Лук. XII, 49) христианской любви: «за умножение беззакония иссякнет любви многих» (Лук. XXIV, 12). Мысль об иссякании любви, этого истинного христианского начала, есть заключительная мысль в предсказании Христа Спасителя об отрицательном направлении, имеющем развиться по отношению к христианству как вне церкви, так и среди самой церкви. По связи этой заключительной мысли с рядом мыслей, ей непосредственно предшествующих, видно, что предсказание об этом отрицательном направлении в обществе человеческом не может относиться только к печальным обстоятельствам Иудеи пред разрушением Иерусалима или вообще ко времени первохристианскому. Если подобное тому, что изображают эти мысли, и случилось пред разрушением Иерусалима, о чем и повествует нам Иосиф Флавий (в своем сочинении о войне Иудейской), то это был только слабый отобраз предсказанного Спасителем сильного и беспримерного упадка в церкви к концу времен, упадка, который св. апостолом Павлом обозначен даже особым именем апостасии – *отпадения* и на котором собственно и осуществится предсказание Господа о будущем иссякновении любви между людьми»²⁸¹.

В высшей степени прискорбный факт иссякания чувства любви среди людей примет в будущем самые широкие размеры. Имея в виду будущие тяжелые времена в жизни и

истории человечества, великий апостол языков во втором своем пастырском послании к ученику своему, епископу Ефесскому Тимофею, прямо и решительно говорит: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся». (III, 1 – 5).

Последовательнее людей, которые только внешним образом будут христианами, в последние дни окажутся те «некоторые», о которых св. апостол Павел свидетельствует, что они решительно отступят от веры (1Тим. IV, 1). К последним дням мира чувство неверия у людей антихристианского направления усилится и разовьется в положительное отступление от веры. Указывая именно на этот печальный факт будущего в роде человеческого, Божественный Учитель наш кратко, но сильно сказал: «Сын человеческий, пришедши, найдет ли веру на земле» (Лук. XVIII, 8).

Ближайшими виновниками или производителями этого отпадения явятся лжеучители–лжехристы и лжепророки. Вере христиан будет грозить великая опасность от этих лжеучителей, и притом сильнее от лжепророков, чем от лжехристов. «Последние, как самообольщающиеся фанатики, станут выдавать себя за посланников Божьих, как некогда в эпоху до 70 или 80 г. по Р. Хр. гоеты Февда и какой-то Египтянин, упоминаемый и в книге Деяний Апостольских (XXI, 38). Появление их то здесь, то там одновременно, сопровождаемое быстрой вестью: «здесь Христос» или «там» (Мф. XXIV, 23), будет резким изобличением их лжи, ибо Христос один и когда явится вторично, то явится как молния, исходящая от востока и сияющая до запада. Что касается лжепророков или лжеучителей, то они как по характеру своей личности, так и по смыслу и силе своей деятельности, будут служить к большему соблазну и прельщению верующих. По видимому ревностные поклонники христианства, выразители его духа в духовной,

удаляющейся от всего чувственного, жизни и мысли, лжеучители на самом деле будут иметь только образ благочестия, силы же его отвергнутся... Отвергшись силы истинного благочестия, они станут действовать под влиянием силы выше земной, но темной. Как сами лжесловесники, по внутреннему своему состоянию будут находиться под сильным, неотразимым влиянием отца лжи, так и учение их будет, по Апостолу, учением бесовским (1Тим. IV, 1). Оно будет происходить от демонов, начнет проповедоваться не без их лукавого внушения, от чего и зависит и тайна влияния этого учения... На кого будущие лжепророки окажутся не в состоянии подействовать демонскою прелестью своего учения, для тех они сотворят знамения и чудеса: «дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. XXIV, 14). В чудесной деятельности лжеучителей еще более обнаружится действительная связь их с злою сатанинскою силою, так как не иначе, как этою силою, они будут иметь возможность производить знамения и чудеса, с ложною целью и значением. Таковые чудеса суть очевидные проявления злого духа, над вещественною, видимою природою. Насколько видимая, бьющая в глаза действительность производит более сильное и глубокое впечатление, чем отвлеченное учение, настолько и чудесная деятельность лжеучителей пред концом мира может произвести более чарующее действие сравнительно с их учением, хотя бы то и на избранных. Кто эти избранные, в возможности соблазна которых указывается мерило опасности от будущих лжеучителей? Избранные это – истинные и верные последователи Христа, члены непреодолимой церкви Христовой, главный состав Царства Божья на земле... В отношении к таковым-то избранным Господь, вслед за упоминанием о соблазне от лжеучителей, предостережительно замечает: «Вот Я наперед сказал вам все». Господь Иисус Христос Сам не раз замечал, во время Своей общественной проповеди, относительно избранных: «Много званых, мало же избранных» (Мф. XX, 16; ср. XXII, 14). Многим, очень многим или даже всем (по употреблению слова «многие» в Свящ. Писании) возвещено будет слово Евангельское, но, по своему

обличающему и ожесточающему образу действия на закоренелые сердца, далеко не всеми оно будет принято, далеко не все окажутся в числе истинных и твердых последователей Христа. Скользкий путь нравственного упадка и растрепанности, безграничного доверия к лжеучителям доведет несчастную часть человечества до совершенного отпадения от истинной веры Христовой. Апостол языков – св. Павел понимает эту часть человечества под неопределенным местоимением «некоторые»; апостол же и тайнозритель св. Иоанн Богослов говорит в своем Апокалипсисе о части человечества, отделившейся от религиозного союза с Богом, такой части, которая обнимает собою множество людей, народов, племен и языков (Апок. XVII, 15). Этой части человечества, в параллель наименованию другой части – «избранные», усвоится также образное ветхозаветное наименование *великой любодейцы* (там же, ст. 1). Церковь неверная, или та часть человечества, которая не обнаружит, на закате дней теперешнего хода жизни и истории, истинной веры в Бога и должного исполнения Его Святого закона, действительно вступить в тесное сношение с миром духовным, ему будет служить и опираться на его грубую силу (1Ин. II, 16)... При упадке истинной веры, при упадке характера совершенной нравственности, одним словом, при пустоте своего внутреннего душевного состояния, несчастная часть человечества пред концом мира не останется, однако ж, без всякой веры: потерявши силу благочестия, она сохранит некоторый его вид. Непреложный закон психической жизни, что у всякого человека, переставшего верить совершенной истине, всегда на место ее в уме и сердце выступала ложь в форме суеверия с дикими и вредными ее последствиями, – еще раз и во всей силе оправдается на этой несчастной части человечества. Люди последних времен, отказавшись верить абсолютной истине христианской, поверят абсолютной лжи в лице антихриста»²⁸².

Таковы два существеннейших признака приближения конца мира, открытые нам в слове Божьем, для того, без сомнения, чтобы мы не были невнимательны к *знамениям времени* и не

оказались спящими в то время, когда потребно сугубое бодрствование...

«Внимательно различая знамения предуказанные, кажется, мы должны сказать: и то, и другое находится на пути к исполнению.

«Ибо прежде всего *близ есть*, что христианство сделается верою всего мира. Знающие говорят, что чрез все языческие религии уже проходит предчувствие, что дни их сочтены. Ислам – полуживой; да и вообще он есть иудейство, остановившееся на полдороге к христианству. Миссионерство – во всем мире. Само внешнее господство христианских народов, как бы оно не удалялось от целей церкви, есть орудие в руках Божьих к собранию всех народов в лоно церкви, чтоб концы земли стали, наконец, и пределами церкви. Что касается Израиля, – уже существование этого чудесного народа показывает, что Бог бережет его для будущего времени. По пророчеству, не отдельные только личности, но весь народ обратится. И связь, в которой еще находится между собою этот народ, по видимому разбитый на атомы, должна дать понять, что лишь только в нем возникает религиозное движение, оно легко сделается всеобщим. Теперь у них очи закрыты.

Когда же войдет в церковь полнота язычников, тогда ослепление Израиля пройдет: так открывает апостол. И чем больше этот парод изначального Божья избрания пренебрегал тем, Который, однако, был и есть исполнением его надежд, тем благоговейнее будет его поклонение в вере и любви.

«Но с будущностью обращения Израиля к церкви совпадает по слову пророчества, время страшного *отпадения* в церкви. История в конце концов идет навстречу времени, когда христианский мир решительно разделится на два стана – христианский и нехристианский. Когда это совершится, известно одному только Богу. Но процесс разделения уже не начался ли? Имеющий очи видеть да видит! Когда отпадение достигнет последней степени, тогда оно воплотится в человеке отпадения, которого пророчество называет антихристом. Церковь будет в гонении, как бы на кресте, ее конец совпадает с ее началом²⁸³.

4. Антихрист

Все великие двигатели человечества в том или другом духе и направлении являются в свое время: они бывают живым плодом своего времени, необходимым произведением той среды, в которой являются. Точно также не подлежит ни малейшему сомнению связь антихриста со своим временем, со своею средою. Из антихристианства, или Великого отступления последних людей выродится антихрист, или великий отступник. Выродившись сам из Великого отступления, антихрист с другой стороны доведет великое отступление до конца, организует его, даст ему на короткое время прочный и устойчивый уклад.

В Свящ. Писании имя *антихриста* употребляется в двояком смысле – в смысле *общем*, означая всякого противника Христу, противоборствующего успехам Евангелия и низвращающего или отвергающего его догматы (1Ин. II, 22; IV, 3; 2Иоан. 7), – и в смысле *особенном*, означая собственно противника Христу, имеющего явиться пред кончиною мира для противодействия христианству (2Сол. II, 3 – 12; 1Ин. II, 18).

О лице этого антихриста, его свойствах и действиях нужно различать в слове Божьем с одной стороны учение прямое и довольно ясное, а с другой – только намеки и таинственные предсказания, смысл которых для нас недоступен и на основании которых издревле существовали между учителями церкви одни частные мнения.

а) Ясное учение об антихристе изложено преимущественно во втором послании к Солунянам (Фессалоникийцам), которое и открывает нам следующее:

Антихрист будет *определенное лицо* и именно человек, но только человек беззаконный, находящийся под особенным действием сатаны. *Откроется, говорит св. апостол Павел, человек греха, сын погибели, беззаконник, которого пришествие – по действию сатаны (2Сол. II, 2, 3, 8, 9).* И святые Отцы и учителя церкви – Ириней, Ипполит, Тертуллиан, Евсевий, Иоанн Златоуст, Амвросий, Иероним, Феодорит и другие единогласно признавали антихриста за определенное

лицо и за человека. Если же иногда учителя церкви и называли антихриста *отступлением*, то это отнюдь не в смысле отождествления самого антихриста с антихристианским духом и направлением в последние времена, как думают некоторые из протестантских богословов и большая часть русских раскольников, признающих не *чувственного*, а *духовного* антихриста: у святых Отцов и учителей церкви антихрист называется отступлением только в том смысле, что как сам он будет *отступником*, так и других будет стараться принудить к *отступлению* от Христа. И св. апостол Павел ясно различает отступление, антихристианство от антихриста, предполагая наступление первого прежде явления последнего: «да не обольстит вас никто никак; ибо день тот – день Христов – не придет, доколе не придет *прежде* отступление и не откроется человек греха, сын погибели» (2Сол. II, 3²⁸⁴). Антихрист будет такое лицо, которое всеми силами и способами будет стремиться уничтожить самую идею о Христе: в этом – резкое и существенное отличие антихриста от лжепророков и лжемессии, которые признают идею о Христе: но ложно ее истолковывают. Антихрист – это выразитель, или воплоитель антихристианства, или отступления последних дней. «Всякая господствующая идея – говорит один немецкий богослов – настолько воплощается, наконец, в одной или в нескольких личностях, что они становятся представителями ее. Поэтому, если бы даже Библия ничего не говорила об антихристе как о лице, то самый дух последних времен потребовал бы, чтобы явился, наконец, некто антихрист, который двинет восстание на Бога к последним пределам его²⁸⁵». Антихрист явится в сопровождении своего ложного пророка. Этот ложный пророк последнего противника Христа и церкви как его пособник будет действовать в духе и направлении антихриста. Лжепророк антихриста составит прямую противоположность двум пророкам древности – Илии и Еноху, имеющим явиться в последние времена для утешения и ободрения истинно верующих. По общему смыслу и значению своего лица и дела ложный пророк будет относиться к антихристу так же, как истинный пророк и креститель Иоанн относится ко Христу. Ложный пророк своим появлением и

деятельностью определит грядущего противника Христа, как антихриста. – Касательно отношения к антихристу диавола одни (Лактанций, Гезихий Иерусалимский, Иероним) полагали, что он будет как бы сыном или исчадием сатаны; другие (Кирилл Иерусалимский, Иоанн Дамаскин), – что сатана как бы поселится в нем и будет употреблять его орудием, действуя в нем сам собою. А. Феодорит принимает, что в лице антихриста воплотится непосредственно сам диавол: «До пришествия Христова явится в мир, облеченный в человеческое естество, враг людей и противник Божий, демон, похититель Божья имени²⁸⁶.

По характеру своему, антихрист будет отличаться необычайною гордостью и выдавать себя за Бога: *Противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божьем сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога (2Сол. II, 4).* Антихрист есть богохульная сила, притязаящая самолично на божеское почитание и поклонение. Мысль об антихристе, как о силе, имеющей выдавать себя за Бога и потому отрицать все то, что относится к истинному богочтению и богопоклонению, находим в беседе Господа на горе Елеонской. «Увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте (читающий да разумеет²⁸⁷)». Что это за *мерзость запустения*, неоднократно упоминаемая у пророка Даниила (IX, 27; XI, 81; XII, 11). *Мерзость* – это в общем смысле «все содержание и весь объем идолопоклонения», в так называемой «мерзости» культ идолопоклонения находит полное свое выражение, заслуживающее поистине полного отвращения. Св. Иоанн Златоуст в объяснении пророчества Исаии: «отринет человек мерзости своя златая и серебряная» (II, 20), замечает: «мерзостью называется в Писании ненавистное и достойное отвращения». *Мерзость запустения* есть нечто такое, что навлекает опустошение, что производит опустошение в области богочтения и богопоклонения. «По силе такого действия, вторгающегося в сферу самых высоких и дорогих проявлений жизни человека, само это нечто не может быть только отвлеченным понятием или учением: нет, оно

должно иметь наглядное значение и живой смысл, указывать на живую, для всех понятную и очевидную действительность. Не без особенного же значения эта мерзость запустения представляется на взгляд священных писателей стоящею в святом месте, или там, «где не должно» (Марк. XIII, 14). Углублявшиеся в изучение пророчеств Даниила видят мерзость, навлекающую опустошение или запустение, в грубой и богохульной силе мира, вторгшейся в святилище Иеговы и соединившейся с безбожниками, нарушителями Святого завета с Богом. Такое дикое вторжение необузданной силы мира в святилище Иеговы – Иерусалим лет почти через 500 после Даниила было совершено сирийским царем Антиохом Епифаном. Он, как известно из книг Маккавейских (1 Макк. 1 и 2 гл.), совершил беспримерное дотоле оскорбление святыни Иерусалимской. Возмечтавши ввести во всех своих областях культ Юпитера Олимпийского, он мысленно самого себя объединил с этим богом и пожелал, чтобы ему в Иерусалимском храме воздавалась божеская почесть. Имея в виду это ближайшее ко времени пророка опустошение Иерусалима, пророческий взор Даниила видел мерзость запустения Иерусалима представлялась пророку в перспективе; луч его пророческого зрения при мысли о мерзости запустения преломлялся и доходил до времени конца дней этого мира (см. Даниила XI и XII гл.). Наш Божественный Учитель при словах о мерзости и запустения ссылается на Даниила пророка и поэтому говорит относительно этой мерзости так кратко, предполагая ее уже понятною слушателям из пророчества Даниила и известною по первому ее обнаружению и действию, описанному в 1-й книге Маккавейской. При этом умственный взор Божественного Учителя, устремляясь в сторону прошедшего, вызывая в сознании учеников представление о мерзости запустения, произведенной в Иерусалиме Антиохом Епифаном, в то же время направлялся и в сторону будущего: в далекой исторической перспективе он прозревал ту мерзость запустения, которая еще обнаружится в Иерусалиме со стороны антихриста, коему Антиох, по свидетельству всех учителей церкви, был прообразом²⁸⁸». Св. Григорий Богослов (в слове

XLVII) говорит по поводу слов Господа о мерзости запустения: «Говорят, что храм в Иерусалиме будет выстроен впоследствии, когда иудеи поверят антихристу как Христу, и он воссядет в нем и видимо будет царем всей вселенной. Придет же он для опустошения мира, ибо мерзости принадлежит признак опустошения». Блаженный Феодорит Кипрский подобным же образом замечает относительно мерзости запустения: «Действительно, истинная мерзость запустения мира – человек беззакония, сын погибели, – разумею именно антихриста, который воссядет в храме Иерусалимском, богохульствуя и показывая себя за бога». А Ориген в объяснение свидетельства Даниила: «скончание дается на опустение» (IX, 27) говорит: «Если и выстроен будет храм, то выстроится для того, кто воспротивится и превознесется выше всего, что называется или почитается Богом, так что сядет в храме Его, показывая себя как бы за Бога, – для того, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и умертвит явлением пришествия Своего. Следовательно, как бы ни было приятно кому, что воздвигнут будет этот Иерусалим на земле, все таки не ложно будет сказанное: «свершение будет дано на разорение его».

Господь Иисус Христос сказал неверующим иудеям: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. V, 43). Всякий без малейшего затруднения заметит, что в этих словах речь идет о какой-то темной личности, как противоположности Господа, о ком-то *ином*, решительно противоположном лицу Христа, – противоположном как со стороны свойств и действий, так и со стороны отношения к нему иудеев. Если, по общему нашему верованию, Христос Спаситель есть истинный Бог, – то и тот иной, который, по словам Христа, будет прямою и решительною противоположностью Его, должен непременно выдать себя за Бога. Если далее Иисусу Христу, пришедшему во имя Отца Своего Бога, подобает истинная честь и поклонение, – то и пришедший во имя свое, как очевидная противоположность Христу, будет притязать на неподобающую ему честь и поклонение. В силу такой противоположности понятно также, что этот *иной* будет представлен *единичною*, при конце дней

мира особенно ярко выступающею *личностью*, а не многими личностями, как думают некоторые, насчитывающие до 64 лже-мессий, находивших веру у иудеев после Христа.

Однако, то, что иной, имеющий прийти во имя свое, принят будет иудеями, не уверовавшими в истинного Мессию Христа, не противоречит ли собственному предсказанию Господа обращению иудеев ко Христу (Мф. XVII, 11; XXIII, 39) и учению апостола Павла о том же предмете (Рим. гл. XI). Нет, не противоречит. «Господь сказал о принятии *иного*, то есть, антихриста, иудеями к лицам, обнаруживающим крайнюю закоснелость и ожесточении своего сердца, к лицам из иудейской среды, которые, не смотря на великое чудо исцеления Иисусом расслабленного при овчей купели, лежавшего в расслаблении 38 лет, не хотели признать в чудотворце Мессию Сына Божья. Такое ожесточение сердца иудеев стояло в связи с предвзятым их взглядом на Иисуса. В Нем они не встретили лица, которое осуществляло бы все их земные надежды и ожидания, не видели в Нем земного царя, который доставил бы им всесветное обладание, сделал бы их первыми гражданами всего мира. Антихрист, который будет силою политическою, который поставит «царственная, своя» в иерусалиме, сделает Иерусалим столицею своего царства, будет как раз по сердцу закоснелым иудеям. Он найдет среди них первый себе прием, как некогда находили его себе 64 лже-мессии. Но не забудем, что антихрист явится силою богохульною: он придет во имя свое, самолюбие будет основным началом его жизни и деятельности. Сатаническое обещание, некогда объявленное прародителям в награду за восстание их против владычества Божья: «будете яко бози», – найдет прямое свое исполнение в антихристе. Атеизм самый полный, атеизм доросший до антитеизма и до обоготворения самого себя, автотеизм, – вот что осуществится в антихристе, на что прямо указал Божественный Учитель словами: «иной придет во имя свое», и о чем не проминул упомянуть Его возлюбленный ученик, при объяснении самого этого имени. Как такой, антихрист, явившись, отменит богоустановленный закон и праздники иудеев. И вот иудеи, только что, быть может,

обратившиеся к антихристу как к Мессии и принявшие его, в надежде на осуществление своих мечтаний, должны будут – крайности сходятся! – отвергнуться его. Начавшаяся тогда у иудеев новая жизнь, – жизнь под гневом антихриста, – будет залогом непрямого исполнения пророчеств об них. Надо думать, что время этой новой для иудеев жизни и есть время явления и действия среди них двух ветхозаветных пророков – Илии и Еноха, которые, явившись на земле, снова будут, как некогда в ветхозаветное время Зоровавель и Иисус, «двумя маслинами и двумя светильниками, стоящими пред Богом земли» (Апок. XI, 4; см. Захар. IV, 3; XI, 14), – образные выражения, указывающие на нравственно плодотворную деятельность двух будущих пророков. В виду их личности и чудесной их деятельности, о которой также можно читать в Апокалипсисе (XI, 6), многие из иудеев и совсем не последуют антихристу. Эта часть иудеев, конечно, будет счастливее той, которая, по крайнему ожесточению своего сердца и религиозному ослеплению, поверит сначала антихристу, пришедшему во имя свое, хотя потом вскоре и отвергнется его²⁸⁹.

И так мы показали, что антихрист будет определенное лицо и что он будет выдавать себя за Бога. Далее св. апостол Павел в послании к Солунянам говорит, что антихрист будет проповедовать ложное учение, противное спасительной вере Христовой, учение обольстительное, которым и увлечет многих, слабых и недостойных: *пришествие его будет... со всяким неправедным обольщением погибающих, за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, неверовавшие истине, но возлюбившие неправду* (II, 10 – 12). Блаж. Феодорит в толковании на эти слова апостола говорит: «Не всеми возобладает антихрист, но достойными гибели, теми, которые и без его пришествия сами себя лишили бы спасения».

В подтверждение своего учения и для большего обольщения людей, антихрист будет совершать ложные знамения и чудеса: *его пришествие будет со всякою силою и*

знамениями и чудесами ложными (II, 9). Чудеса антихриста, подобно чудесам египетских волхвов, суть чудеса ложные, потому что они, будучи в сущности своей не истинными, не действительными, способны будут производить такое чарующее впечатление и действие на людей, как будто они в самом деле – произведение силы самостоятельной и истинной. Чудеса антихриста – это не пустые скоморошества, но чародейства, которые будут иметь при случае неотразимую силу действия на людей. В Апокалипсисе рассказывается одно из таких чудес, именно: внезапное исцеление смертельно раненной головы антихриста, или зверя, как он там называется, и передается вместе с тем впечатление, произведенное этим чудом: «и дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю» (Апок. XIII, 3). Св. Кирилл Иерусалимский, говоря об антихристе, замечает: «Зная, что не будет уже ему прощения на суде, откроет явную брань не чрез служителей своих, как обыкновенно, но сам собою, во всех знамениях и чудесах ложных. Будучи отец лжи, он посредством ложных действий будет обольщать воображение, так что народу представится, будто видит воскрешенного мертвеца, между тем как он не воскрешен; будто видит хромых ходящих и слепых презирающих, тогда как не было исцеления.²⁹⁰ Св. Ефрем Сирин в Слове на пришествие Господне и антихристово говорит: «в присутствии многолюдной толпы из многих народов и сословий, восхваляющих его (антихриста) на мечтательные чудеса, подаст он краткий глас, от которого поколеблется место, где собраны предстоящие ему толпы, и скажет: «познайте, все народы, великую силу моей власти. Вот пред всеми вами повелеваю этой великой горе, стоящей напротив, чтобы она, по слову моему, из за моря перешла сюда через море». И в глазах зрителей гора пойдет, ни мало не подвижись в своем основании». То же случится и с островом и т. д.²⁹¹ То же самое о ложных чудесах антихриста говорят и блаж. Феодорит и св. Иоанн Златоуст в толковании на вышеприведенные слова апостола Павла.

Наконец, антихрист погибнет от действия Христа Спасителя, когда Он придет судить живых и мертвых *откроется*

беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего (II, 8).

«Много дней тяжелых и черных было и будет в жизни как частных лиц, так и целых народов до времени явления антихриста. Но в его и при его деятельности наступят такие дни, которые по степени и силе своей мрачности и горечи превзойдут все дни подобного же рода: сравнительно с этими последними днями, дни антихриста будут самыми скорбными для человечества; их содержанием и их характером будет *скорбь безутешная*, какой уже более не повторится. Соответственно напряженности борьбы и силе скорби и несчастий дней антихриста, – гибель его будет быстрая и мгновенная. Явится Господь Иисус и убьет беззаконника духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего. «Дуновение уст» – такое легкое средство употреблено будет Христом Спасителем для истребления антихриста – личной силы, которой ничто и никто без этого прямого средства всемогущества Божья не будет иметь возможности устранить или уничтожить в мире. Другое средство, указываемое апостолом для погубление антихриста, нераздельное от первого средства, это – явление пришествия Христова... Хотя антихрист из мира удалится от одного дыхания уст Господних, однако, совершенное упразднение антихриста в мире, прекращение антихристового влияния и действия на мир, исчезновение всякой памяти о нем совершится не от одного только этого действия уст Господних. Если в начале мироздания мановение уст Господних изошло для утверждения порядка в высших сферах бытия, именно небе (Псал. XXXII, 6); то теперь для истребления антихриста в мире, дуновение уст Господних должно будет изойти от Господа, видимо явившегося на земле. Это дуновение уст Господа будет с отрицательным действием, как было положительное на учеников Господа вскоре после Его воскресения (Ин. XX, 22). Господь наш Иисус Христос снова явится во славе, и тогда от духа уст Его исчезнет антихрист и изгладится в мире всякое, хотя малейшее, представление и памятование о нем. Антихрист вместе со своим великим лжепророком брошен будет в озеро

огненное, горящее серою, по словам Тайнозрителя (Апок. XIX, 20)²⁹²".

б) На основании некоторых намеков в слове Божьем и таинственных предсказаний об антихристе, издревле существовали об нем следующие мысли:

Антихрист произойдет от колена Данова. Это выводили из слов патриарха Иакова: *Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути* (Быт. XLIX, 17); затем из слов пророка Иеремии: *От Дана слышен храп коней его* (VIII, 16) и особенно из того, что в Апокалипсисе (гл. VII), при перечислении всех колен Израилевых, из которых в каждом запечатлено ангелом по двенадцати тысяч рабов Божьих, вовсе не поименовано одно колено Даново. Это колено, в уделе которого был поставлен Иеровоамом золотой телец, считалось представителем всякого безбожья. Таково мнение Иринея, Ипполита, Илария, Амвросия, Иеронима, Августина. Иудейское происхождение признавалось за антихристом вследствие его противоположности Христу, а также в вследствие того, что антихрист усвоит себе миссианское достоинство.

Другие приписывают антихристу языческое происхождение, руководствуясь следующими основаниями. В каждом человеке замечаются более или менее следы наследственного первородного греха; каждый человек является в той или другой степени греховным. Антихрист будет, так сказать олицетворением греха; грех, этот принцип зла, найдет в антихристе своего человека, в котором вполне осуществится и обнаружится всем своим темным и пагубным содержанием. Так как затем грех царствует преимущественно в мрачном язычестве и так как современное антихристу общество отступников от Христа образует новое язычество, то антихрист произойдет из язычества и именно этого нового язычества. Предполагать, что антихрист произойдет из обыкновенного, невежественного и грубого язычества, как оно Священным Писанием противопоставляется иудейству и христианству совершенно произвольно: в одном названии «человек греха», нельзя видеть основания для такого предположения, потому что на крайней вершине антихристианского направления общества,

при полном развитии антихристианских, анархических взглядов, убеждений и действий, в обществе исчезает всякое различие между иудеем и язычником, подобно тому как и при добром, светлом направлении общества в христианстве²⁹³. Защитники языческого происхождения антихриста полагают, что он явится в Сирии или в Вавилоне, здесь обоснует свое господство и двинется отсюда в Иерусалим, восстановит в нем разрушенный храм и сядет в храме для принятия божеского поклонения.

Затем антихрист будет могущественный властелин, который похитит себе власть насильно и распространит свое влияние на все народы. У пророка Даниила говорится: *и будет поступать царь тот по своему произволу и вознесется и возвеличится выше всякого божества* (XI, 36; сн. VII, 24), и в Апокалипсисе: *и дал ему (зверю) дракон (змий) силу свою и престол свои и великую власть* (XIII, 2); *и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем* (– 7).

Св. Иринеи Лионский, сближая символическое значение голов и рогов апокалипсического зверя из моря, говорит: «Очевидно, что оный имеющий придти (при кончине мира) трех из них (десяти царей) умертвит, остальные же покорятся ему, и сам он сделается осьмым: вместе нападут они на церковь».²⁹⁴

Человек богохульник и законопреступник, который получит царство не от предков, но похитит власть посредством волхвования²⁹⁵.

Далее антихрист воздвигнет сильное гонение на христиан, будет требовать себе от всех поклонения Божеского, многих увлечет, а тех, которые не последуют ему, будет предавать смерти²⁹⁶. Господство его будет господством грубой силы и принуждения, будет сопровождаться диким попранием всякого человеческого достоинства и авторитета. *И дано было ему вести войну со святыми и победить их* (Апок. XIII, 7; сн. Дан. VII, 21). *И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира* (– 8). *И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя* (– 15).

Для противодействия антихристу, Бог пошлет с неба двух свидетелей, которые, как говорится в Апокалипсисе, будут *прорицати* истину, сотворят чудеса и, егда скончают свидетельство свое, будут умерщвлены змием, потом чрез три с половиною дня воскреснут и вознесутся на небо.

«И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. Это суть две маслины и два светильника, стоящие пред Богом земли. И если кто захочет их обидеть, то огонь выйдет из уст их и пожрет врагов их; если кто захочет их обидеть, тому надлежит быть убиту. Они имеют власть затворить небо, чтобы не шел дождь на землю во дни пророчествования их; и имеют власть над водами – превращать их в кровь и поражать землю всякою язвою, когда только захотят. И когда кончат они свидетельство свое, зверь выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице Великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят. И многие из народов и колен, и языков, и племен будут смотреть на трупы их три дня с половиною, и не позволят положить трупы их во гробы. И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться, и пошлют дары друг другу, потому что два пророка сии мучили живущих на земле. Но после трех дней с половиною вошел в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои, и великий страх напал на тех, которые смотрели на них. И услышали они с неба громкий голос, говоривший им: «взойдите сюда». И они взошли на небо на облаке. И смотрели на них враги их». (Апок. XI, 3 – 12).

Под этими двумя свидетелями св. Отцы, на основании некоторых указаний в Слове Божьем, разумеют Илию Фесвитянина и Еноха (Сирах. XLIV, 15; XLVIII, 9, 10; Малах. IV, 6).

«Посредником в деле прощения тяжчайших грехов Израиля и обращения его к Господу и Христу, восстановителем истинных теократических отношений народа избрания к своему заветному Богу явится пророк Илия, «второй предтеча пришествия Христова». Он, как свидетель, лица и дел Господа пред ожесточенными иудеями, имеет подле себя еще другого

свидетеля. Издавна утвердившееся церковное мнение, признает в этом другом свидетеле Еноха. Св. Отцы Церкви думали, что предсказание о будущем пришествии этого пророка заключается в словах: «Енох был взят на небо, – образ покаяния для всех родов» (Сирах. XLIV, 15). Образом своей деятельности (превращением воды в кровь и поражением земли язвою), направленным на возбуждение в Израиле чувства покаяния, этот другой свидетель может напомнить древнего Моисея; однако, таинственная участь его тела, поднятие на небо после трехдневной смерти, – легко сопоставляемая с более ясным и живо утвердившимся в сознании чудесным взятием Еноха «яко на небо», издавна послужила поводом к признанию в нем именно Еноха. Что касается самого Илии, как свидетеля славы грядущего Господа, то на него указывает не только его чудесная деятельность, упоминаемая в Апокалипсисе, сходная с деятельностью пророка Еноха; но и разговор Самого Господа нашего со Своими учениками, бывший вскоре после события Преображения (Матвф. XVII, 10 – 13; Марк. IX, 11 – 13). Ученики Христа обратились в Нему за разрешением вопроса по поводу утвердившейся в народе еврейском молвы об Илии пророке, который будто должен предшествовать Мессии и уготовлять Ему путь. Молва эта основывалась на пророчестве последнего из ветхозаветных пророков – Малахии, который от лица Божья говорит: «Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, Великого и страшного» (IV, 5). Ученики спрашивали Христа: «как же книжники (представители народной молвы) говорят, что Илии подлежит прийти прежде?» Вопрос выражал недоумение учеников, соединенное с чувством недоверия к книжникам. Как то, так и другое могло быть вызвано в сознании учеников явлением Илии при преображении Господнем. Известно, что Илия тогда скрылся вместо того, чтобы остаться на земле, согласно народной молве, и заняться подготовительной деятельностью, пред лицом Мессии–Христа. На предложенный вопрос учеников, Божественный их Учитель отвечал: «Правда, Илия должен прийти прежде и устроить все. Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его» и т. д. Смысл ответа

Господа толкуют так: без сомнения, Илия должен прийти (как и пророчествуется об этом); а Я вам говорю, что он уже пришел (пророчество о нем уже исполнилось в лице Иоанна Крестителя). Но толковать смысл рассматриваемых слов Спасителя исключительно об одном Иоанне Крестителе односторонне. Правда, Христос в другом замечании относительно Иоанна Крестителя называет его Илиею (Мф. XI, 14) и к нему прибегает известное пророчество Малахии, пророчествовавшего об Илии грядущем; но высказывая положение: «он, т. е. Иоанн Креститель – есть Илия», обуславливает это положение словами: «если хотите принять» чем показывает, что Иоанн есть Илия в известном определенном смысле, а не безусловно. Как ревностный проповедник покаяния, Иоанн Креститель легко может разумеется под образом Илии, в ответе Спасителя на вопрос учеников об Илии, но только во второй половине этого ответа. Что же касается первой половины ответа: «Илия должен прийти прежде и устроить все», то здесь под Илиею никак нельзя разумеать Иоанна Крестителя. Пришествие Крестителя было уже совершившимся фактом, как и замечается об этом далее в ответе Христа: говорить об этом факте как о будущем было бы анатронизмом... Что никакие иные нарушенные отношения, как именно теократические, и не у какого-либо другого народа, кроме еврейского, послан будет восстановить Илия, – об этом можно заключать с одной стороны по личности самого восстановителя отношений, с другой – по самому смыслу и значению восстанавливаемых отношений. Восстановитель должных отношений Израиля к Богу – пророк Илия, великий ревнитель по истинной религии во времена без Божья и религиозного оупения народа Божья, горячий проповедник покаяния. Где же он должен явиться и действовать, как не у народа, отступившего от истинной веры предков, закоснелого в своем неверии ко Христу–Мессии? Отношения, восстановителем которых явится Илия, обнимают всю жизнь частную и общественную, окрашивают своим колоритом все проявления той и другой жизни, почему и восстановление их мыслится, как восстановление *всего*. Но, разумея под

«восстановлением всего» восстановление теократических отношений народа обетования, с которыми соединялось для народа избрания все для него дорого мы никак не должны понимать эти восстанавливаемые отношения в грубо-чувственном виде, то есть думать, что евреи некогда чрез веру в обетованного Мессию—Христа сделаются всесветными обладателями, властителями над всеми народами вне еврейского происхождения. Такое грубо-чувственное понимание недостойно слов Спасителя. Иисус Христос, говоря о грядущем Илии, что он *устроит все*, разумел под этим не иное что, как то, что и пророк Малахия в словах: «обратит сердца детей к отцам их» (IV, 6), или: «приготовит путь предо Мною» (III, 1). Оба эти текста обобщаются и объединяются в слова Господа: *устроит, восстановит все*²⁹⁷.

Отцы и учителя церкви толкуют слова пророка Малахии, об обращении сердца отцов к детям в смысле обращения сердца евреев ко Христу. Так блаженный Августин говорит: «Обратит сердце отца к сыну, т. е. сердца отцов к детям, ибо LXX приняли единственное за множественное. И смысл тот, чтобы сыны (т. е. иудеи) так разумели закон, как разумели его отцы, т. е. пророки, в числе коих был и Моисей»²⁹⁸. Св. Иоанн Златоуст, объясняя занимающие нас слова из Евангелия Матфея, говорит: «Слова эти показывают, что Фесвитянин придет пред тем пришествием, когда будет суд. Он (т. е. Христос) вместе показывает и причину пришествия его. Что это за причина? Дабы он, пришедши, убедил иудеев принять веру в Иисуса Христа, и дабы когда Сей придет, не все они совершенно погибли. Посему Он, приводя им на память сие, сказал: *и устроит все*, т. е. исправит неверие иудеев тогдашнего времени»²⁹⁹. В том же смысле блаженный Феофилакт Болгарский на слова св. Евангелиста Марка: «Илия пришед устроит вся» замечает: «Это значит вот что: когда придет Илия Фесвитянин, он умиротворит непокорных иудеев и приведет их к вере, и таким образом сделается предтечею второго пришествия Христова, Илия должен устроить все, и не будет тогда еврея неверующего, но все поверят проповеди, кто только услышит ее от Илии»³⁰⁰.

Сколько времени будет продолжаться ужасное владычество антихриста? К радости и утешению избранных Божьих, владычество этого противника Христа будет непродолжительно: оно будет обнимать три года с половиною. В книге пророка Даниила говорится: *и они (святые Всевышнего) преданы будут в руку его до времени и времен и полувремени* (VII, 25; сн. XII, 7), и в Апокалипсисе: *и дана ему власть действовать сорок два месяца* (XIII, 5), – *они (язычники) будут попираť Святой город сорок два месяца* XI, 2). Там же о двух свидетелях, которых Бог пошлет для противодействия антихристу, замечено, что *они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней* (– 3), и о жене, облеченной в солнце (т. е. о церкви), повествуется, что она убежала от дракона в пустыне, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней (XII, 6), и действительно она там питалась в продолжении времени, времен и полвремени (–14).

«Благодарение Богу, Который великость скорби ограничит немногими днями! Ибо говорит: *избранных же ради прекратятся дни оные* (Мф. XXIV, 22). Царствовать будет антихрист только три года с половиною. Мы говорим сие, заимствуя не из книг, коих богодухновенность неизвестна, но из Даниила. Он говорит: *и дастся в руку его даже до времени, и времен, и полувремени* (VII, 25). Под временем разумеется один год, в который он явится и усилится; под временами – следующие два года его законопреступного владычества, которые вместе с первым составят три года; а под полувременем разумеются шесть месяцев. И еще в другом месте тоже говорит Даниил: и кляťся Живущим во веки, яко во время, и во времена, и в полвремени (XII, 7)³⁰¹».

«Со креста на Голгофе изглагола̀но: *совершишася*. И тот же глас, но уже в шествии с неба с знаменiem креста изречет Своей церкви в ее последнем крестном подвиге: *совершишася* (Апок. XXI, 6). Се, второе пришествие Сына Божья, Богочеловека, и уже не в уничижении, оставляющем свободу неверию, но в славе, преклоняющей всякую свободу. И тогда откроется последний суд. Пророческое слово под различными

образами описывает это будущее время победы церкви Христовой над ее врагами. Трудно разграничить здесь то, что составляет образ, от того, что есть ныне неизобразимая действительность: ибо она выходит из пределов понятных отношений настоящего времени. И намерение пророчества заключается, конечно, не столько в том, чтобы вполне раскрыть нам собственные события будущего времени, сколько в том, чтобы быть *ныне* словом вразумления и утешения. Вразумление: *будь верен в страданиях*, хотя бы путь, по-видимому, вел тебя в ночь смерти. Утешение: *ради избранных прекратится скорбь* и обратится в радость высшей жизни в истиннейшем общении со Христом Спасителем. Ветхозаветные пророчества предсказывают с ясностью и в подробностях: ибо предмет их – первое пришествие Господа должно было совершиться в тиши и уединении, следовательно долженствовало быть ясно предсказанным. А второе Христово пришествие будет столь очевидно, что его узнают даже и враги Его. Посему новозаветное пророчество прикровеннее: оно есть *апокалипсис*³⁰².

Примечание. Предсказания об антихристе не раз уже и в древние, и в новые времена, прилагаемы были к разным лицам. Так одни, по свидетельству блаж. Августина видели антихриста в императоре римском Нероне, при котором было первое гонение на христиан со стороны язычников; другие видели – в еретиках гностиках; третьи – в римском первосвященнике или вообще в папстве. Последняя мысль возникла и была довольно распространена в средние века на западе между сектантами, но особенно усилилась с появлением протестантских обществ, проникла в их богословские системы и многократно раскрывалась в особых сочинениях.

5. Для чего Бог допустит явление антихриста?

Явление антихриста, этого беспримерного гения зла и разрушения, в конце дней будет завершением истории человечества и церкви Божьей на земле. Является вопрос: какую роль играет антихрист в домостроительстве нашего спасения? какие цели и намерения Божьи осуществляются в нем и чрез него?

«Конечную цель, с которою Бог пошлет антихриста и допустит людям верить в него, выражает св. апостол Павел в следующих словах: «да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2Сол. II, 12). Здесь прежде всего поставляется на вид одновременность, с которою все за раз, и безъизъятность, с какою все вместе, назначенные к осуждению, подпадут суду; потом указывается и то, за что осужденные подпадут своей горькой участи. Между тем как сатана – непримиримый враг истины и в силу злой своей природы постоянно замышляет и делает зло, грешный человек только по извращенности своей природы склоняется сначала мыслию, а потом волею к неправде, греху. Грех, иначе называемый ложью обманом, пленяет человека, представляет ему, что может дать удовлетворение страстным его желаниям, и человек имеющий потускневший светоч совести, отвращается от истины и правды, лежащей в тайнике его души. За отвращение от истины грешник сначала наказывается тем, что подпадает неудержимому потоку лжи, а потом тем, что несет суд, который совершатся над самою этою ложью. Чтобы этот суд был заключением истории человеческого рода, должна, наконец, крайняя ложь в мире придти к господству в полной своей силе, обнаружиться во всей своей мере. Только тогда может произойти решение между нею и истиною, решение, которое и исполнится в суде, обнимающем всю совокупность людей, полных безбожия и нечестия. Об этом то суде говорит апостол, как о цели, осуществление которой будет иметь в виду Правосудный Бог, допуская явление антихриста. Божественная цель при явлении антихриста будет диаметрально

противоположна цели сатанинской при том же явлении. Бог допустит явление антихриста, чтобы в нем и чрез него обнаружилось все зло в мире, который во зле лежит (1Ин. V, 19), чтобы затем осудить это зло и подвергнуть вечному осуждению, вечной гибели мир злых существ. Сатана проявится в антихристе, воспользуется этим человеком греха с тою целью, чтобы в лице его утвердить свое господство в грешном мире и сохранить мир как свое владычество в том рабском положении в каком он теперь находится, со времени грехопадения человека. Хорошо понимая, что впервые (1Тим. III, 6; см. II, 14) передало мир из под власти первого человека в настоящее его порабощение, сатана постарается горделивую мысль – «будете яко бози» внушить последнему человеку, человеку греха. И последний человек будет стараться, хотя и тщетно, показать себя богом, зная, что с одной стороны было всегда орудием темного господства над миром, и что с другой было следствием этого господства (Ефес. I, 12; см. Евр. II, 14), князь мира–сатана и то, и другое постарается применить на человеке–антихристе: последний будет и человек греха, и сын гибели и смерти по преимуществу. Наконец, ясно сознавая то, что (Лук. IV, 5–7) может служить поразительным свидетельством сатанинской власти над миром, князь мира в лице антихриста сотворил в мире многие ложные знамения и чудеса (Апок. XIII, 13). Некогда Христос Спаситель при Своем первом явлении на земле, творил знамения и чудеса в природе и тем показал или, вернее сказать, предначал ее будущее славное обновление. Решительный противник Христа и Его царства, при явлении антихриста, также сотворит знамения и чудеса в мире, с целью удержать мир в его рабском положении и безграничной зависимости от *миродержателя тьмы века сего*. Очевидно, за время жизни и деятельности антихриста, борьба князя мира за суетный мир и безусловную власть над ним будет беспримерная, не знающая никаких границ и пределов: сатана в лице антихриста употребит все, что имеет – и грех, и смерть, и волшебную магическую силу, чтобы только сохранить за собою мир, невольно подпавший игу суеты и тления». ³⁰³

6. Второе пришествие Христово

Верую в Господа Иисуса Христа, Сына Божья, паки грядущего со славою судити живым и мертвым. (Символ веры).

Антихрист будет царствовать на земле до самого дня явления на землю Царя славы, до самого дня судного. В этот великий, единственный по своему значению и по своим последствиям день совершатся следующие события: прейдет с неба Господь – Судия живых и мертвых, Который упразднит Своего противника; по гласу Господа мертвые воскреснут на суд и живые изменятся; произойдет самый суд над теми и другими; последует кончина мира и благодатного Царства Христа.

«Эти великие события совершатся одно за другим так быстро или даже так совместно, что разделять их между собою и строго показать их преемственность почти невозможно. Впрочем, для удобнейшего рассмотрения каждого из них не несправедливо будет расположить их, применительно к главной мысли о всеобщем суде, в таком порядке: а) предварительные обстоятельства всеобщего суда – пришествие Господа–Судии живых и мертвых, воскресение мертвых на суд, по гласу Господа (Ин. V, 25), и изменение живых; б) самый суд, его действительность, образ и свойства; в) наконец, сопутствующие обстоятельства всеобщего суда – кончина мира и преобразование его посредством огня (ибо нельзя же представить, чтобы это совершилось до суда, прежде воскресения мертвых и изменение живых, которые иначе должны бы сгореть вместе с землею – 2Петр. III, 10 и не могли бы остаться в живых до самого пришествия Господа – 1 Кор. XV, 51, занимаясь своими обыкновенными делами (Мф. XXIV, 37 – 41), кончина благодатного царства Христова и начало царства славы» (Правславо–Догматическое Богословие Макария. Том II, § 262).

Се Жених грядет в полунощи...» Среди глубокого мрака, наступившего во вселенной, и потемнения сознания людей мира вдруг засияет никогда невиданный свет на небе, и все

люди, даже те, которые хотели бы скрыться в пещерах и в ущельях гор (Апок. VI, 15), увидят его. Свет этот осветит подсолнечную, как молния, от востока до запада, осветит вдруг и повсюду.

То будет знамение *Сына человеческого на небе* (Мф. XXIV, 30). Сын человеческий придет с неба, – и знамение Его явится на небе.

Что это будет за знамение? По толкованию Отцов церкви, это будет *крест*. «Тогда явится знамение Сына человеческого на небеси, то есть, крест, который светлее солнца, поскольку солнце помрачается и скрывается, а крест является: он не явился бы, если бы не был гораздо светлее солнечных лучей»³⁰⁴. «Честный крест явится опять и во второе пришествие Христово, как честный, животворящий, достопоклоняемый и Святой скипетр Царя Христа»³⁰⁵.

Увидев знамение Сына человеческого на небе, *восплачутся все племена земные* (Мф. XXIV, 30), восплачутся все те, которые сделали себя чадами осуждения и гибели, и возрадуются те, которые претерпели до конца и теперь дождались своего освобождения...

Имеющие уверовать к этому времени, иудеи, при виде Святого знамения, которое они прежде считали соблазном для себя, а теперь признали орудием искупления, воскликнут торжественным хором на встречу Грядущему вслед за этим знамением: *Благословен грядый во имя Господне!*

По отношению к самому пакипришествию Христову знамение креста на небе будет означать славное, победное, торжественное шествие Христа с неба. *И увидят Сына человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою* (Мф. XXIV, 30), *со святыми Ангелами* (Марк. VIII, 38), *со тьмами святых Ангелов Святых* (Посл. Иуды 14).

Второе пришествие Господа на землю будет совершенно отлично от первого пришествия. Тогда Он приходил в унижении, в образе раба (Филип. II, 3), подвергался преследованиям и бесчисленным оскорблениям и поруганиям, был распят, как злодей: теперь Он *придет во славе Своей, и все святые Ангелы с Ним, и сядет на престоле славы Своей*

(Мф. XXV, 31), и пред Ним преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних (Филип. II, 10). Тогда Он приходил не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф. XX, 28), не для того, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Небо (Ин. III, 17): теперь Он придет праведно судить вселенную (Деян. XVII, 31) и воздать каждому по делам его (Мф. XVI, 27).

«Мы проповедуем пришествие Христово не одно только, но и другое, которое будет гораздо славнее первого. Ибо в первом доказал Он Свое терпение, а во второе явится в венце Бога Царя... В первое пришествие Он лежал в яслях, обвитый пеленами, – во второе оденется светом, яко ризою (Псал. CIII, 2). В первое претерпел крест, пренебрегши посрамление (Евр. XII, 2), – во второй придет в сопровождении воинства ангельского, во славе... Придет Спаситель не для того, чтобы опять судиму быть, но придет судить судивших Его. Тот, Который прежде, будучи судим, молчал, припомнит законопреступным, явившим при кресте дерзость свою, и скажет: *ты это делал, и Я молчал*. (Псал. XLIX, 21). Как домостроитель пришел Он тогда, увещаниями наставляя людей; а ныне по необходимости, хотя бы и не хотели, они подвергнуться его владычеству»³⁰⁶.

Как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег; и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех: так будет и пришествие Сына человеческого (Мф. XXIV, 38, 39). Иисус Христос сказал это в доказательство того, что Он придет вдруг и неожиданно, когда большая часть будут утопать в удовольствиях. То же самое говорит и апостол Павел: *когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба (1Сол. V, 3).* И в объяснение сей нечаянности апостол прибавляет: *подобно как мука родами постигает имеющую во чреве.* Как же Иисус Христос сказал: *после скорби дней тех?* Если тогда (в последнее время) будут удовольствия, мир и безопасность, как сказал апостол Павел, – то для чего же Он говорит: *после скорби дней тех?* При радостях что за скорбь? – У тех только будут удовольствия и

мир, которые не имеют никакого чувства. Посему-то апостол и не сказал: когда будет мир; но: *когда будут говорить: мир и безопасность*, изображая тем их бесчувственность, так как и во дни Ноя беззаконные люди пресыщались удовольствиями, праведные же проводили жизнь в скорби и печали. Откуда видно, что с пришествием антихриста между нечестивыми и отчаявшимися о спасении своем умножится необузданное сластолюбие: тогда будет чревоугодие, объедение и пьянство. Таким образом приведенный Иисусом Христом пример совершенно объясняет дело. Как в то время, говорит Он, когда приготавлился ковчег, люди не верили, и даже тогда, когда был готов и предвещал им близкое несчастье, они спокойно смотрели на него и предавались удовольствиям, как будто не предстояло им никакое бедствие: так и теперь, хотя и явится антихрист, за которым будет кончина, после кончины – наказания и неизреченные мучения; но в людях, опьяневших от разврата, и эти будущие бедствия не произведут никакого ощущения страха. Посему-то, *как мука родами постигает имеющую во чреве*, как говорит апостол, так и их постигнут сии ужасные и неотвратимые бедствия»³⁰⁷.

«Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством, и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» (Лук. XXI, 34).

Се жених грядет в полу нощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща!³⁰⁸

7. Воскресение мертвых и изменение живых

Чаю воскресения мертвых. (Символ веры).

Вместе с явлением знамения Сына человеческого на небе вострубит громогласная труба Архангела: как все увидят явившееся знамение Сына человеческого, точно так же все, во всех концах земли, *услышат* все звуки превосходящий звук архангельской трубы. По зову высшего из ангелов, Архангела, ангелы Божьи трубным гласом возвестят роду человеческому второе пришествие Христово, как некогда возвестили и первое пришествие. Но если тогда ангелы возвещали людям о мире, о миролюбивом и миротворном Царе–Искупителе, то теперь, при втором Его пришествии, будут громогласно возглашать о Нем как о грозном и праведном Судии живых и мертвых.

Грядущий с неба Сын человеческий *пошлет ангелов Своих с трубою громогласною* (Мф. XXIV, 31), *и мертвые услышат голос Сына Божья* (Ин. V, 25): *потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божьей, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде, потом мы, оставшиеся в живых, изменимся* (1Сол. IV, 16, 17; 1 Кор. XV, 52).

Итак, с славным пришествием Христовым *воскреснут мертвые и восстанут сущий во гробех*, последует общее воскресение.

Истина воскресения мертвых была известна еще в Церкви ветхозаветной (Деян. XXIII 6; XXIV, 5; Иов. XIX, 25; 2 Макк. VII, 9; сн. XI, 14; XII, 43. Иоан. XI, 23, 24). В церкви же христианской она составляет такой догмат, которым необходимо предполагаются все другие основные догматы нашей веры, в особенности догмат об искуплении.

«Если о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша, вы еще во грехах ваших, и умершие во Христе погибли. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как

смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор. XV, 12 – 22).

«Но высказывает сам же апостол возражение против *возможности* воскресения мертвых – скажет кто–нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле прейдут» (1 Кор. XV, 35)?

«Не знающие Писания и силы Божьей вопрошают нас о воскресении тела совершенно так же, как саддукеи вопрошали Господа: *семь братьев имели одну жену, – в воскресении которого будет женою?* «Тело разлагается на атомы, атомы входят в новые сочетания, – в воскресении как разберутся эти части без спора между их обладателями? – Не знают Писания, ни силы Божьей. Пусть читают разрешение у апостола Павла: «семя бросаемое в землю хотя сгнивает, однако, воскресает», то есть, воскресает не то самое тело, которое опускается в недра земли и истлевает, а что есть в нем неистленного, то Божьей силою воссоздается некогда в лучшее тело. Как и где сберегается это неистленное, ведает Бог; и как оно воссоздается, ведает сила Божья. Мы знаем творческое: *да будет*; и сие знание выше всех земных познаний. Воскреснет тело наше, и упокоенный до времени дух восчувствует, наконец, полноту своего существования»³⁰⁹.

Действие воскресения, или восстановление разрушенного телесного состава нашего, произойдет силою всемогущества Божья, того самого всемогущества, которое некогда вызвало человека к бытию из праха земного. Живо верить в это будущее воссоздание человека даже легче и удобоприемле – мее, чем в бывшее в шестой день творения, первоначальное создание человека. Там, при первоначальном происхождении человека, не было еще личного человеческого духа, который должен был воодушевить телесный состав: здесь, при воссоздании нашего тела, есть уже самосознающий дух, который и устремится в воссозданное Богом тело наше.

И самая материя разрушенных чрез смерть тел наших сохраняется промыслительною силою Божьею и таким образом является готовою для воссоздания. Это последнее и совершится, лишь только всемогущею силою Божьею составные

части наших тел из сокровенных недр земли, из глубин моря и других случайных мест смерти возвращены будут к первоначальному своему совместному существованию, только более славному, чем прежде.

«Как ртуть, пролитая на каком–нибудь покатом и пыльном месте, раздробляется на мелкие шарики и рассыпается по земле, но, будучи кем–нибудь опять собрана в одно целое, сама собою сливается с однородным, ничего постороннего не принимая в свою смесь: так и человеческий состав без всякого затруднения и сам собою соединится в прежних своих частях, коль скоро последует Божье на то повеление».³¹⁰

«Если Бог сотворил Адама из ничего, то гораздо удобнее Он может воскресить его в таком виде, в каком он был уже, потому что это семя было уже брошено в землю... Если земля произвела то, семени чего она не имела в себе; и если, не быв осемененною родила она в своей девственности: то что за несбыточное дело произрастить ей то, чего она имеет в себе семена, и родить, будучи осемененною».³¹¹

«Пусть будут смешаны различные семена растений (тебе слабому в вере и примеры представляю слабые), и сии различные семена растений будут находиться в одной горсти твоей: для тебя, человека, трудно ли или напротив легко различить, что находится в твоей горсти, и семена каждого растения по свойству их отделить и дать им свое место, чтоб росли? Так, ты можешь различить и привести в прежнее состояние, что находится в руке твоей: а Бог ужели не может различить и привести в прежнее состояние, что содержится в горсти Его».³¹²

Но если не может быть никакого сомнения в возможности воскресения тел для *воссоединения* их с душами, то на чем мы можем основать *необходимость* этого *воссоединения*? По смерти тела, душа продолжает существовать одна, без тела, и могла бы продолжать это существование вечно, удостоившись – в качестве главной составной части существа человека – заслуженной награды или получив заслуженное возмездие за свою прошлую жизнь.

Преосвященный *Макарий* в своем Православно–Догматическом Богословии (том II, § 264) отвечает на этот вопрос так:

«На основании Слова Божья, вслед за св. Отцами церкви, можем рассуждать о самой необходимости воскресения мертвых.

Во-первых, Слово Божье учит, что Сын Божий приходил на землю с целью спасти нас от греха и от всех следствий греха (Мф. XVIII, 11; Тит. II, 14; Евр. II, 14, 15) и что Он приобрел для нас Своими заслугами даже более, нежели сколько потеряли мы в Адаме (Рим. V, 15, 17). Но одно из губительнейших следствий греха есть смерть: *оброцы греха смерть* (Рим. VI, 23); одна из величайших наших потерь во Адаме – потеря жизни по телу (Быт. III, 17). Итак, по самому существу христианства необходимо, чтобы, *якоже о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси некогда ожили* (1Кор. XV, 26), чтобы не только был побежден первый враг – диавол, но упразднился и последний враг – смерть (1Кор. XV, 26). Иначе цель пришествия Христа на землю, цель всего христианства не будет достигнута вполне: человек спасется не весь, враги его будут не все побеждены, во Христе мы получим менее, нежели сколько потеряли во Адаме.

Во-вторых, Святые Отцы и учителя церкви утверждали, что воскресения наших тел требуют и правда Божья, и премудрость. Правда: ибо тело человека участвует как в добрых делах души, так и в ее беззакониях; след. по справедливости должно участвовать и в ее вечных наградах или наказаниях.³¹³ Премудрость, ибо, по премудрости, Бог создал человека двухчастным, из тела и души, чтобы в этом виде он достигал своего предназначения: след. премудрость Божья не оправдалась бы от дел, если бы, рано или поздно, тело человека, по разлучении с душою, снова не соединилось с нею для составления полного человека.

Какими качествами будут отличаться воскресшие тела?

Они будут существенно те же, каковыми были в соединении с известными душами в продолжение земной жизни. Это видно из примера Христа Спасителя. Первенца из умерших, воскресшего из гроба в Своем собственном теле (Ин. XX, 25 –

27). Да это же прямо явствует и из самого понятия о воскресении, которое есть только восстановление или сотворение чего-либо нового.

Но с другой стороны воскресшие тела будут и *отличны* от настоящих тел: они восстанут в *преображенном* виде, по подобию воскресшего тела Христа Спасителя, *который уничтоженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его* (Филип. III, 21). *Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничтожении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное* (1Кор. XV, 42 – 44). В этих словах апостола указаны те *новые* качества, которые наши тела приобретут после воскресения: они будут *нетленны* и *бессмертны* (1Кор. XV, 53), *славны* или *светоносны*, подобно телу Христа Спасителя во время преобразования Его на Фаворе (Филип. III, 21; Мф. XIII, 43)³¹⁴, *сильны* и *крепки*, непричастны немощам настоящей жизни, *духовны*³¹⁵, весьма тонки и легки. Одним словом, *сподобившиеся достигнуть того, века и воскресения из мертвых будут равны Ангелам* (Лук. XX, 36; Мф. XXII, 30).

Будут ли воскресшие тела праведников отличаться чем либо от воскресших тел грешников? Несомненно будут. *Общими* свойствами как тех, так и других будут *нетление* и *бессмертие*. *Вострубит* последняя труба, *и мертвые воскреснут нетленными* (1Кор. XV, 52). Но несообразно было бы с существом дела думать, что и тела грешников восстанут в славе и просветятся. «Мы восстанем и все будем иметь вечные тела, но не все подобные. Если кто праведен, получит тело небесное, в котором бы мог он, как надлежит, обращаться с Ангелами; если кто грешен, получит вечное тело долженствующее терпеть мучение за грехи, дабы вечно гореть в огне и не разрушаться» (Св. Кирилл Иерусалимский, огласит. поучение XVIII).

Даже и тела самих праведников не все будут обладать поименованными выше свойствами в одинаковой мере, а соответственно заслугам каждого. *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд: и звезда от звезды разнится в славе.*

Так и при воскресении мертвых (1Кор. XV, 41, 42). «Все восстанут и в той же силе, и в том же нетлении, и в той же славе нетления, – но не все в той же чести и несокрушимости» (Св. Иоанн Златоуст на 1–е послание в Коринфянам беседа XVIII).

Одновременно с воскресением умерших и живые подвергнутся изменению, которое будет для них равнозначительно воскресению. *Говорю вам тайну, не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе, ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление и смертному сему облечься в бессмертие* (1Кор. XV, 51–53). Св. Иоанн Златоуст, объясняя это апостольское изречение, замечает: «Смысл его следующий: не все мы умрем, но все мы изменимся, даже и те, которые не умрут; ибо и они смертны»³¹⁶.

Примечание. Существовали еще некоторые частные мнения или гадания касательно других свойств воскресших тел, как-то: касательно их пола, возраста и т. п. Но об этих мнениях нельзя сказать ничего решительного, по недостатку прямого, непререкаемого учения Слова Божья. Так напр., одни (Ориген, Василий Великий) думали, что по воскресении тел различие в полах уничтожится; другие напротив, что оно останется (Тертуллиан, Иероним); третьи наконец, полагали, что все умершие восстанут в одном мужеском поле, – против этого мнения вооружался блаженный Августин (О граде Божьем, XXII, 17, 18). Затем одни гадали, что все умершие – и старцы, и мужи, и юноши, и дети – восстанут в одном и том же возрасте; другие говорили, что не в одном, хотя и не допускали, чтобы младенцы и юноши воскресли в возрасте младенческом и юношеском, а не в зрелых летах.

Св. Ефрем Сирий держится первого мнения относительно возраста: «Младенец, которого мать умерла вместе с ним во время чревоношения, при воскресении предстанет совершенным мужем и узнает мать свою, а она узнает детище свое... Равными воскресит Творец сынов Адамовых: как сотворил их равными, так равными же пробудит и от смерти. В

воскресении нет ни больших, ни малых: и преждевременно родившийся восстанет таким же, как и совершеннолетний. Только по делам и образу жизни будут там высокие и славные, и одни уподобятся свету, другие тьме». (О страхе Божьем и о последнем суде, в Твор. св. Отец, XV, 306, 307).

Держащиеся мнения, что все без исключения умершие воскреснут в зените жизни, в возрасте вполне зрелом и свежем – от 30 до 33 лет, согласно пределу земной жизни, Христа Спасителя и соответственно тому возрасту, в котором, по общепринятому мнению, создан был и родоначальник человечества Адам, – основывают свое мнение на словах св. апостола Павла: *доколе все пройдем в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Ефес. IV, 13). Но в этих словах речь идет о духовном росте для познания Христа. Таким образом это мнение должно остаться не более как только мнением, не восходящим на степень непреложной истины.

Есть другое предположение, более основательное – то, что каждый из нас воскреснет в том возрасте, в каком умер. Это предположение опирается на одно место в Апокалипсисе: *И увидел я мертвых малых и великих, стоящих пред Богом* (XX, 12). При таком предположении слава воскресших будет проявляться в многоразличии и многообразии тел воскресших. Для этой славной картины воскресших тел не может быть лучшего сравнения, как указание на приятное разнообразие в хорошо устроенном саду или же на многообразие, господствующее в небесном своде. Как опытный садовник убирает свой сад деревьями и цветами разной величины и как в видимом небе одна звезда превосходит другую не только по яркости света, но и по величине: так, нужно полагать, – будет и в другом мире.

Еще несколько слов относительно различия полов в другой жизни.

Сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых – говорит Христос Спаситель – ни женятся, ни замуж не выходят» (Лук. XX, 35). *Сподобившиеся достигнут воскресения* – этим выражением обозначается не начальный только момент новой жизни, которого сподобляются достигнуть

люди верующие, но и все вообще состояние воскресших людей в будущем веке, как показывает соответствующее место у Евангелиста Матфея (XXII, 30). Относительно образа лиц воскресших у Матфея говорится: «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах». Как Ангелы Божии – этими свойствами ясно обозначается, что воскресшие не совершенно и не всецело будут подобны ангелам, но что их жизнь и взаимные отношения в духовном теле воскресения будут таковы же, как отношение ангелов Божьих между собою, дышащее чувствами искреннейшей любви и полнейшего сочувствия. Эта внутренняя, духовная сторона брачных отношений не прекратится; а потому и различие пола (которого, впрочем, нет в природе ангелов) в лицах воскресших не отменится, – устранился только теперешнее физиологическое отношение полов между собою. Да оно и не будет нужно, как не было нужно в раю. Те души, которые, находясь еще в настоящем земном теле, взаимно себя ищут, дополняют и имеют содружество, лежащее глубоко в природе обоих полов, а чрез освящение благодатью Св. Духа существенно влияющее и на вечное спасение обоих полов, сохраняют это брачное содружество и по воскресении. Продолжение в будущей жизни различия полов в этом смысле утверждали древние и многие из новейших богословов, защищая истину о неотменной различимости полов против тех, которые основывали свои возражения против этой истины, между прочим, на замечаемом несовершенстве женского пола. Против этого основания уже блаж. Августин выставлял довольно веское соображение. «Тогда – говорил он – только изгонится из плоти недостаточное, но сама природа ее сохранится. Род (пол) женщины не есть недостаток, но есть природа, которая тогда не будет ни зачинать, ни рождать, однако, будет продолжать свое существование; и никогда она не будет раздражать страстность того, кто на нее взглянет, там, где прекратится всякая страстность, и женщина будет служить новым основанием к тому, чтобы прославлять мудрость и милосердие Бога, создавшего то, чего не было, и освободившего от гибели то, что Он создал. Таким образом

Создавший оба пола – оба и сохранит». Примыкающие к взгляду блаж. Августина на различие полов в воскресших духовных телах подтверждают этот взгляд мыслью о воскресении каждого из нас в той же индивидуальности (духовном облике), в какой каждый из нас был на земле; а эта индивидуальность характеризуется и очерчивается прежде всего различием пола. В противоположность же Оригену и оригенистам, утверждавшим, что воскресшие духовные тела будут пола мужеского, как пола более совершенного, приближающегося к своему, неразличимому по полам, Первообразу–Богу, указывают на известные слова Христа Спасителя о царице Савской (южно – аравийской): «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его; ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» (Мф. XII, 42). Эта царица, слабый, *немоцнейший сосуд* (1Петр. III, 4), поверила мудрости Соломоновой, между тем как книжники, фарисеи, народ еврейский, в лице своих представителей мужского пола, относились с неверием к божественной премудрости Самого Господа.

8. Всеобщий суд

Яко страшен суд Твой, Господи, ангелом предстоящим, человеком вводимым, книгам разгибаемым, делом испытуемым помыслом истязуемым! Какой суд будет мне, зачатоу во гресех? Кто ми пламень угасит? Кто ми тьму просветит, аще не Ты, Господи, помилуеши мя, яко человеколюбец.

Когда придет сын человеческий во славе Своей, и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле³¹⁷ славы Своей: и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов по левую³¹⁸. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира. Ибо алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим – и накормили? или жаждущим – и напоили? Когда мы видели Тебя странником – и приняли? или нагим – и одели? Когда мы видели Тебя больным или в темнице – и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. – Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. Ибо алкал Я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице – и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. – И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. XXV, 31 – 46).

«Слово Божье изображает всеобщий суд так, что, с наступлением Великого дня отчета, народы уже стоят по правую и левую сторону прежде произнесения приговора. Предшествовавшее этому воскресение облекло уже всякого в свойственное ему тело чести или позора. Итак, правда суда ясна людям прежде приговора. Таково полное *откровение* в конце времен и полное, изнутри исходящее, следовательно *всеправедное решение* в последнем суде»³¹⁹.

«Как будет Христос Господь судить мир? – Совесть каждого человека откроется пред всеми, и обнаружатся не только все дела, какие кто сделал во всю свою жизнь на земле, но и все сказанные слова, тайные желания и помышления. *Прейдет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога (1Кор. IV, 5)*»³²⁰.

«Ни один сердечный помысел не останется там не открытым, ни один взор очей не избежит суда. И срамное слово, сказанное тайно и шепотом, будет в тот день обнаружено пред правдивым Судиею, Который сокровенное судит открыто»³²¹).

«Писание представляет сие (изображение всеобщего суда) олицетворено, не потому, что Судия каждому из нас будет предлагать вопросы или давать ответы судимому, но чтобы внушить нам заботливость и чтобы мы не забыли подумать о своем оправдании. Вероятно же, что какою-то несказанною силою, во мгновение времени, все дела нашей жизни, как на картине, напечатлеются в памяти нашей души. И таким образом услышим сие: *теперь окружают их дела их, – они пред лицом Моим (Осии VII, 2)*. И книги, упоминаемые у Даниила (VII, 10), что иное означают, как не возбуждение Господом в памяти человеческой образов всего соделанного, чтобы каждый вспомнил свои дела и чтобы мы видели, за что подвергаемся наказанию»³²².

На чем будет основываться приговор Судии, пред Которым соберутся на суд все народы в последний день мира? – По слову Самого Господа, приговор на последнем суде основывается на делах, особенно на плодах веры в любви и милосердии.

Итак, суд, имеющий быть при кончине мира будет:

а) *всеобщий*, потому что будет простираться на всех людей – живых и умерших, добрых и злых, и даже на падших ангелов.

«Царь сходит со своего места, чтобы совершить суд над землею; с великим страхом и трепетом сопровождают Его воинства Его. Мощные чины сии приходят быть свидетелями грозного суда; и все люди, сколько их было и есть на земле, предстают Царю. Сколько ни было и пи будет рожденных на свет, все прейдут на сие позорище – видеть суд»³²³.

«Когда говорится, что *не воскреснут нечестивы на суд*, то сие означает, что они воскреснут не для суда, а для осуждения. Ибо для Бога не нужно долговременное испытание, но, вместе с тем, как воскреснут нечестивые, последует и наказание»³²⁴.

Ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, Господь соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд Великого дня (Посл. Иуды ст. 6; 2Петр. II; 4).

Всеобщий суд начнется именно с этих ангелов, не сохранивших своего достоинства – с миродержителей тьмы века сего, с духов злобы поднебесных. Начало действия этого суда над ними усматривается в первом акте явления Сына человеческого на страшный суд – в моментальном истреблении антихриста, этого прямого орудия злой силы – дьявола. В Апокалипсисе (XX, 10) последняя участь антихриста отождествляется с конечною участию дьявола. Следовательно и действие суда по отношению к дьяволу и подчиненным ему злым ангелам можно считать продолжением действия суда, впервые проявившегося на антихристе. – Если в евангелии Иоанна (XII, 31) и в послании апостола Павла к Колоссянам (II, 15) свидетельствуется о совершенной уже Христом победе над сатаною и его духами, то эта победа Христа Его крестом и воскресением над царством адской тьмы совершилась только в принципе: уничтожение властью Христовою власти дьявола произошло только в общей сущности и в Лице Самого Иисуса Христа, а не в частных проявлениях и жизни всей церкви. Действительное и полное обнаружение победной власти Христовой в мире совершится в тот великий день, в который

Христос придет судить вселенную: тогда Он «низложит всех врагов под ноги Свои» (1Кор. XV, 25).

Вслед за судом над миродержителями тьмы века сего право и власть суда Богочеловека проявится и над всем родом человеческим.

«Известно, что одни экзегеты думают видеть в этой Евангельской картине (Мф. XXV, 31–46) изображение суда только над христианами, другие – только над язычниками, наконец, третьи признают в этом картинном изображении Евангелиста суд над всеми – и над христианами, и над нехристианами, общее сказать – над всем родом человеческим. При взаимном сличении всех этих пониманий истина остается за взглядом третьих толкователей, взглядом, примиряющим мнения толкователей двух первых классов. Правда в нашем картинном описании страшного суда упоминается о «божественном избрании» (ст. 34) и о «праведных» (ст. 37); но в то же время говорится и о таких, кои не захотели вступить в личные живые отношения со Христом, Спасителем мира. Если первым упоминанием ясно предполагаются истинные христиане, то вторым замечанием несомненно указываются язычники – или христиане, настроенные язычески, христиане только по имени. В виду тех и других самое производство суда, по изображению Евангелиста Матфея, ведется не по закону веры во Христа, а по обнаружениям и действиям истинной любви к человечеству. По отношению к язычникам или людям настроенным язычески производство суда на таком нравственном практическом основании является единственно правильным и вполне возможным; к христианам оно также имеет полное применение. Многие места Новозаветного Откровения (Мф. VII, 21; Рим. II, 6; 1Кор. IV, 4; 2Кор. II, 10; Галат. VI, 8), равно как и весь дух христианства доказывают несомненно ту истину, что Господь и самих христиан в конце дней будет судить по плодам их живой веры – добрым делам, а не по одной их вере.

«Положенное в основание последнего суда, как его норма, самое общее обнаружение веры в делах взаимной, гуманной любви и человеколюбивого милосердия указывает на суд над

всем родом человеческим и с той еще стороны, что этими единственно делами милосердия может определяться взаимное дружественное отношение между всеми членами обширной семьи рода человеческого на всем земном шаре. Иного более общего признака, определяющего братское взаимоотношение между людьми, – к какому бы роду, племени, званию и состоянию они ни принадлежали, – кроме взаимных дел искреннего милосердия нельзя, кажется, и придумать. А как скоро берется во внимание этот признак взаимоотношения между людьми, обобщение или об единение рода человеческого на всеобщем суде является делом вполне возможным и даже необходимым. Если бы это об единение рода человеческого на всеобщем суде доходило даже до того, что все члены этого рода исповедовали единую веру во Христа, то допустить и это предположение не встречается существенного затруднения, так как ко времени суда всеобщего, по учению Новозаветного Писания, ожидается всеобщее охристианизирование всего рода человеческого. Можно сказать даже больше: проповедование Евангелия среди всего языческого мира, распространение церкви Христовой по всему земному шару необходимо даже требуется идеею о последнем страшном суде Христа, ибо прежде чем Христос станет судить людей по отношению их к Нему как Искупителю. Он должен чрез Евангельскую проповедь сделаться известным этим людям».³²⁵

б) Суд, имеющий быть при кончине мира, будет *торжественный и открытый*, потому что Судия явится во всей славе Своей со всеми святыми ангелами и произведет суд пред лицом целого мира – небесного, земного и преисподнего.

в) *Строгий и Страшный*, потому что совершится по всей правде Божьей – и только одной правде: то будет день гнева и откровения праведного суда Божья (Рим. II, 5).

Суд сей будет единственный, окончательный и страшный, а еще более праведный, нежели страшный, или лучше сказать, потому и страшный, что он праведен³²⁶.

г) *Решительный и последний*, потому что неизменно и бесповоротно определить на всю вечность участь каждого из подсудимых.

Слыша Павла, говорящего, что *нам подобает явиться пред судищем Христовым (2Кор. V, 10)*, вообразим мысленно суд оный и представим, что он же совершается теперь, и что требуют от нас отчета в делах наших. Я намерен подробнее изобразить оный. Ибо св. Павел, как уже много говорил скорбного и не хотел возбуждать еще новых скорбей в Коринфянах, потому не рассудил далее продолжить слово о своем суде, но коснувшись слегка главного его действия, т. е. что каждый получит по делам своим, тотчас перешел к другому рассуждению.

«Итак, представим, что уже наступил суд оный. Пусть каждый испытает совесть свою и вообразит, что пришел Судия, и все открывается и делается ясным. Ибо мы не только будем предстоять, но и будем обличены на сем суде. Не краснеете ли вы? Не смущаетесь ли от сего? Но если и ныне, когда еще не наступил день суда, когда мы просто напомнили о нем и только мысленно его представили, совесть привела нас в смущение, то что будет с нами, когда действительно наступит день тот, когда вся вселенная предстанет на суд, все ангелы и архангелы и другие небесные Силы? Когда люди будут стекаться от всех концов земли, восхищаемые на облаках, когда все будут объаты страхом, когда повсюду вострубят трубы и будут слышимы неумолкаемые оные гласы? Подлинно, если бы и не было геенны, то быть отверженным в присутствии столь величественного и светлого собрания и отойти с бесчестьем – одно это сколь великое было бы наказание! Если и ныне, когда царь входит с своею свитою в какой–нибудь город, каждый из нас, сознавая свое убожество, не столько получает удовольствия от сего зрелища, сколько печали от того, что нисколько не может участвовать в великолепии, окружающем царя, и не находится близь него: то что будет при встрече Царя Небесного? Ужели ты считаешь маловажным наказанием – не быть включенным в оный сонм ликующих, не быть удостоенным неизглаголанной оной славы, быть отлученным далеко некуда и навсегда от одного торжества и тех неизреченных благ? Но когда и мрак, и скрежет зубов, и неразрешимые узы, и червь неумирающий, и огонь неугасающий и скорбь, и теснота, и

страждущий в пламени язык, – как это случилось с оным богачом, будут уделом человека; когда мы будем испускать вопли, и никто не будет нас слышать; будем стенать, терзаться от невыносимых болезней, и никто не будет внимать тому; будем всюду озираться – и ни откуда не получим утешения: с чем сравнить жребий бедствующих таким образом? Какие души несчастнее оных, какие достойнее сожаления? Ибо если, входя в темницу и видя в оной одних иссохшими от печали, других – обремененных оковами и страждущих от голода, иных – заключенных во мраке, мы приходим в ужас, цепенеем и всячески остерегаемся, как бы не попасть в это место: то что будет с нами, когда насильно повлекут нас в геенну? Не из железа оковы там, но из огня никогда не угасающего; и не таковы у нас будут приставники там, чтобы можно было когда привести их в сострадание. Это будут ангелы, на которых и взглянуть устрашимся; потому что они чрезвычайно будут раздражены против нас за нашу непокорность Богу. Там не так, как здесь: для облегчения бедствия твоего не принесут тебе – один серебра, другой – пищи, иной – утешительного и отрадного слова, – там все будут чужие. Даже и Ной, Иов и Даниил, хотя бы увидели кого из своих родных страждущими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастных. Ибо тогда отнимется у нас всякое сострадание, свойственное теперь природе нашей. поскольку и благочестивые дети имеют нечестивых родителей, и благочестивые родители нечестивых детей, то, чтобы радость праведников всегда была чистая и светлая, и чтобы наслаждающиеся благами не возмущались состраданием, то и самое, говорю, сострадание у них отнимется, и они вместе с Господом вспыхнут гневом даже против единокровных своих. Ибо если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются от детей своих и исключают их из своего родства, когда видят их живущими распутно, тем более так поступят тогда праведники. Посему никто не надейся иметь утешение в той жизни, ничего не сделав доброго в здешней, хотя бы кто имел бесчисленное множество праведных из своих предков: *кийждо бо приимет, яже с телом содела*. Этими словами апостол желает привести всех грешников в страх, ожидающими

их наказаниями. Посему воспользуемся и мы его угрозами. Если тебя палит огонь похоти плотской, противопоставь ему огонь геенский – и огонь похоти твоей тотчас погаснет и исчезнет. Хочешь ли сказать что-нибудь, гнусное, помысли о том скрежете зубов, – и страх одного обуздает язык твой. Желаешь ли сделать какое похищение, послушай, что Судия оный повелевает и говорит: *свяжите ему руце и нозе и вверзите его во тьму кромешную* (Мф. XXII, 13), – и таким образом изгонишь и сию страсть. Если ты предан пьянству и ведешь жизнь невоздержную, то послушай, что говорил богач оный: *посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой, яко стражду в пламени сем*, – и не получил помощи (Лук. XVI, 24, 25). Часто приводя сие на память, наконец, ты отстанешь от страсти невоздержания. Если ты любишь увеселения, – рассуждай о тесноте и скорбях, имеющих быть там: после сего ты и думать не станешь об увеселениях. Если ты жесток и немилосерд, то почаству припоминай тех дев, которые за то, что погасли их светильники, небыли допущены в чертог жениха, – и ты скоро сделаешься человеколюбивым. Нерадив ты и беспечен? Размышляй о судьбе скрывшего талант свой, – и ты сделаешься быстрее огня. Тебя снедает страсть, как бы завладеть ближнего твоего? воображай непрестанно тот неумирающий червь, – и сим образом легко освободишься и от сей болезни, и все прочие слабости свои исправишь. Бог ничего не заповедал нам трудного и тяжкого. Отчего кажутся нам тяжкими заповеди Его? – От нашего расслабления. Ибо как самое трудное при нашем старании и ревности, соделывается легким и удоисполнимым, так и легкое от нашего разленения делается тяжким. Рассуждая о всем этом, мы должны смотреть не на то, как одни предаются роскоши и невоздержанию, а на то, каков конец их будет. Но конец их в здешней жизни – гной и утучнение плоти, а в будущей – червь и огонь. Равно должны смотреть не на то, как другие похищают, а на конец их жизни. А их и в сей жизни снедает беспокойство, страх, мучение совести, а в будущей ожидают неразрешимые узы. Мы должны рассуждать не о людях славлюбивых, а о том, что следует за славлюбием; но за ним последуют – ласкательство и

лицемерие здесь, а там – невыносимое мучение в вечном пламени. Таким образом размышляя о сем сами с собою и противопоставляя те или другие размышления нашим злым пожеланиям, мы скоро изгоним из себя и любовь к настоящим благам, и возжем в себе любовь к будущим»³²⁷.

День он страшный помышляючи, душе моя, побди...

Настанешь, вот грядет и близко страшный день!

В сравненьи с ним ничто или одна лишь тень –

Все роды бедствия, ужас, страх, томленье,

Болезни все и тяжких мук и зол мученье,

Кровопролитие войны и лютыя терзанья,

Землетрясение и всяких бед страданья –

Всемирного потопа и внезапного всех мора,

Пожаров всех и казнь Содомы и Гоморы.

Вот он грядет – последний мира день!

Его мы верой зрим, как бы чрез тень:

Ниспали звезды с мест и солнца уже нет, –

Потух его, луны, светил небесных свет;

Стихии все горят; весь мир поколебался,

Лишь страшный глас трубы по всей земле раздался,

Конец ее настал, исчезла вся краса;

Как ветхо рубище, свились и небеса.

Так все величие и славу мира в миг

Неотразимый Божий гнев постиг !

Моря и реки все огнем пылают,

Всех тварей гибелью конечной поражают...

И вот из пропасти земной, из ада, из гробов

Выходят в миг один все роды мертвецов;

Явились и те, что пожраны зверями

И коих плоти пыль развеяна ветрами.

Предстали! О, какой несчетный сонм людей

Как звезд или леску на берегу морей!

Над ними молния потоками сверкает

И грома страшный шум вселенну потрясает..

Явилось в облаках и знаменье креста.

Для устрашенья всех противников Христа.

Смутились грешные, неверные народы,

Как грозной бурей на океане воды.
И правду вечную увидели глазами,
И книги совести раскрылись сами,
Все обнажилось: кто мыслил что, творил,
Чего когда желал и с кем что говорил.
Все люди ждут себе последнего суда...
Но скрыться бы, бежать? – не ведают куда!
Здесь в пропасти с огнем течет река,
А там простерла тьму невидима рука.
И вот с небес, с полками Ангелов, притек
Вселенный Судия – и Бог и человек !
Его всевидящих очей рождают взгляды
В одних страх мук, в других надежду на награды.
С Ним тут и сонм Святых из всех племен,
Подвижников-мужей, дев, юношей и жен.
К ним некие еще, как будто окрыленны,
С земли летят веселые, блаженны.
Внизу смущенные толпы со всех сторон
Подняли вопль и плач, рыдание и стон:
«Обруштесь вы на нас, холмы! надите, горы!
Да не пронзает нас молниеносны взоры Судьи,
сидящего в небесной высоте!
Ах, Он ведь это – Он, висевший на кресте!
А мы, безумные, отринули Его, презрели,
Учению о том и верить не хотели,
Что Он – Спаситель всех и что Его любовь
Заставила излить за род наш Его кровь!
И вот за то мы кару вечну заслужили,
Что по Его путям совсем мы не ходили,
Но жизнь свою в одном нечестьи провели
И бесконечный огонь себе на веки тем зажгли.
О, горе, горе нам ! Увы! тому причиною – мы сами,
Что гибель вечную приобрели себе грехами!» –
Но вот и Судия отверз уста: Его небесный глас,
Как гул громов, всех ужасом потряс
И разлучил людей... О, Боже правосудный!
Ужель и я навек погибну, безрассудный?

Суд совести моей гласит во мне,
Что следует гореть и мне, несчастному, в огне
За тяжкие мои, велики согрешенья,
За то, что я не шел путем спасенья.
О, сжался, пощади меня, Спаситель мой!
Очисти все грехи и смой с души моей.
Не ты ли за меня невинно осужден,
Был на кресте замучен, пригвожден?
Чтобы спасти меня от вечных мук,
Не Ты ли был убит от беззаконных рук?
О, сжался, заступись, спаси, исхить меня
Всесильною десницею от вечного огня!
Доброго ответа на страшнем судищи Христове просим !

9. Обновление мира

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежняя земля миновали.

(Апокал.21: 1).

«Мир не имеет другой истории, кроме истории, связанной с историей человека; и как мир вовлечен в следствия греха человеческого, так на нем отпечатлется и преобразование человечества. Равным образом история целого человечества не имеет другой цели, кроме цели церкви, или царства Христова. Посему-то последняя судьба всего, судьба человека и мира поставляется в ближайшее отношение с собственной судьбою церкви... Слово Божье возвещает ее только о воскресении нашего тела, но еще о конечном преобразении мира: ибо для прославленного тела и мир должен быть соответственного естества. Что создание Божье не исключает возможности другого высшего образа мира, это довольно ясно нам уже из хода первого творения, которым на положенной однажды основе мир был возводим от низшего порядка к высшему, как бы от естественного к вышеестественному. Ибо каждая степень миротворения могла казаться завершенным миром; но он был завершен лишь тогда, когда Божье творчество положило ему предел. Знающие, хотя немногие, и в нынешнем состоянии мира изощряются усматривать уже некоторое изменение условий его существования; и это знание сближается с истиной Божьей. *Нового небесе и новой земли чаем, в них же правда живет.* Если знание познает изменение условий жизни мира, не обещающих бесконечности настоящего его существования; то вера знает и причину этих изменений – грех человека влияющий и на вселенную и в нее вносящий смерть, и знает также силу, имеющую победить грех и смерть, силу Святыни Христа, прославляющей и человека, и с человеком мир³²⁸».

Окружающая человека природа как вместе с человеком и за его грехопадение подпала игу суеты и тления, так вместе с человеком же должна испытать и освобождение от рабства тлению. Чрез все части творения бессознательно проходит

глубокая скорбь и сильная тоска по освобождению, невольно дающая себя знать в различных ненормальных явлениях жизни природы... «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божьих; потому что тварь покорила суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божьих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится до ныне» (Рим. VIII, 19 – 22).

Те колебания и потрясения мира, которыми предварится второе славное пришествие Христово, будут муками, среди которых возродится новый мир, первыми признаками начинающегося возрождения его. «Смотрите, не отвратитесь и вы от Говорящего. Если те (ветхозаветные люди), не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес, которого глас тогда (при Синайском законодательстве) поколебал землю и который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо» (Евр. XII, 25, 26; см. прор. Аггея II, 7). Колебание земли при Моисее, во время Синайского законодательства, было только преобразовательным по отношению к тому более сильному колебанию земли, которое последует в конце времен. *Еще раз поколеблю.* Если Бог теперь *только еще раз* поколеблет не только землю, но и небо, то, без сомнения, колебание это будет последнее и решительное: оно изменит колеблемое до такой степени, что ничего и не для чего уже будет колебать после. Небо и земля поколеблются, силы и законы теперешнего мира изменятся, но среди этих изменений и превращений возникает из своего доселе скрытого состояния новое устройство мира («царство непоколебимое» – Евр. XIII, 28), соответственно имеющему наступить новому порядку в царстве Христовом.

Св. апостол Петр, сопоставляя будущий переворот мира с бывшим некогда всемирным потопом, говорит, что тогдашний мир, при творении которого Божьим словом вода имела весьма важное служебное значение, погиб, быв потоплен водою, а нынешние небеса и земля, содержимые тем же словом, сберегаются огню на день суда (2Петр. III, 6, 7) . Небеса с

шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят (ст. 10). Стихия огня выделится и возьмет верх над прочими стихиями; стихия воздуха обнаружится в бурном дыхании, или шуме, необходимом спутнике необыкновенного движения небес. Вода от огня превратится в пар; земля же и все на ней дела, т. е. продукты органической жизни, от того же огня разрушатся. Общим же следствием такого огненного переворота в мире будет не уничтожение стихий мира (об уничтожении мира апостол Петр не говорит ни единым словом), а только коренное изменение их теперешних отношений и состояния.

Новое небо и новая земля, имеющие произойти вследствие Великого огненного переворота, характеризуются у апостола еще одним положительным, весьма озабочивающим признаком – удалением с них неправды. «Ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (ст. 13). Так как теперь зло, нестроение, неправда вкрались в самые внутренние отношения частей мира насквозь проникают природу, подвергшуюся суеверию, то и процесс будущего преобразования мира посредством огня можно представлять себе так, что стихии мира превратятся в какую-то газообразную водяную массу – туманную, непроницаемую для света; и из этой-то массы всемогущая сила Божья восстановит новое небо и новую землю, на которых будет обитать светлая и чистая правда.

Послушаем как учили об обновлении и кончине мира Отцы и учителя церкви.

Св. Ириней: «Не сущность и не вещество творения упраздняется (ибо истинен и силен Тот, кто устроил его), но приходит образ мира сего, т. е. то, в чем произошло расстройство... Когда же прейдет этот образ и человек обновится и восстанет для нетления, тогда явится новое небо и новая земля³²⁹».

Св. Кирилл Иерусалимский: «Придет с небес Господь наш Иисус Христос, придет со славою при скончании мира сего в последний день. Ибо будет скончание мира сего, и сотворенный мир сей обновится. поскольку разврат, *татъба и любоддеяния* и всякий род грехов *разлился по земли, кровь с кровями*, (Осии

IV, 2) смесилась в мире, то, чтоб сие чудесное обиталище тварей не осталось на всегда исполненным беззакония, прейдет мир сей, дабы снова явиться лучшим... Свие Господь небеса не для того, чтоб истребить оныя, но чтобы опять явить их в лучшем виде. Выслушай слова пророка Давида: *в начале Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку Твоею суть небеса* (Псал. CI, 26), *Та погибнут, Ты же пребывавши* (– 27). Но, скажет кто-либо, почему же он говорит ясно: *погибнут*? Сие видно из следующего *и вся яко риза обитают, и яко одежду свиши я, и изменятся*. Ибо как о человеке говорится, что он погибает, как то сказано: *видите, како праведный погибне, и никто же не приемлет сердцем* (Исаии LVII, 1), между тем как он ожидает воскресения: так равно ожидаем некоторого воскресения и небу³³⁰.

Св. Василий Великий: «Предвозвещением догматов о скончании и изменении мира служит и то, что предано нам ныне кратко в самых начатках богодухновенного учения: *в начале сотвори Бог*. Начавшееся со времен по всей необходимости и кончится во времени. Если имеет *начало* временное, то не сомневайся о *конце*... Но они (ученые язычники) не нашли одного из всех способа, как уразуметь Бога, Творца вселенной, праведного Судию, воздающего каждому достойно по делам, и как вместить в уме, вытекающую из понятия о суде, мысль о скончании; потому что миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо как настоящая жизнь умеет качества, сродные сему миру, так и будущее существование наших душ получит жребий, свойственный своему состоянию³³¹.

Блаж. Иероним. «Ясно показывается (Псал. CI, 27), что кончина гибель мира означает не обращение его в ничто, но изменение в лучшее. Равным образом и то, что написано в другом месте: *будет свет луны, аки свет солнца* (Исаии XXX, 26), значит не гибель прежнего, но изменение в лучшее. Размыслим о сказанном: переходит образ, а не существо. То же выражает и св. Петр (2Петр. II, 13)... Не сказал: узрим *иные* небеса и *иную* землю, но прежние и древние измененными на лучшие³³².

Пятый вселенский Собор, опровергая разные заблуждения оригенистов, торжественно осудил и то их лжеучение, будто вещественный мир не преобразится только, но совершенно уничтожится.

10. Кончина царства благодати и начало царства славы

Вместе с кончиною мира вещественного и преобразованием его в мир новый, лучший, последует кончина и благодатного царства Христова и откроется вечное царство Божье, царство славы.

С устроением царства славы, Творец осуществляет Свою цель, с которою Он создал мир и ввел в него человека. Человек, сотворенный для блаженного единения с Богом, был увлечен врагом Божиим, пал и вместе с собою увлек весь человеческий род в бездну зла и гибели. Зло возрастало и разливалось в мире с ужасающею быстротою. Скоро Бог был совершенно забыт людьми. Весь мир погрузился в глубокую тьму идолопоклонства и крайнего развращения. Раз единение человека с Богом было, по видимому, решительное и безвозвратное. Дьявол торжествовал. Между Богом и людьми было такое средостение, которого не могли разрушить ни сам человек, ни какое-либо сотворенное существо. Но недомыслимая Божья премудрость находит средство спасти человека и возвести его в прежнее блаженное состояние и союз с Богом. Единородный Сын Божий принимает на Себя дело искупления и спасения человека, восстанавливает его и воссоединяет с Богом: совершая это чудное дело, Он с одной стороны совершеннейшим образом удовлетворяет Божескому правосудию, а с другой сохраняет ненарушимую свободу самого человека, ибо не насильно влечет его ко спасению. Таким образом постоянно продолжается и будет продолжаться до конца мира восстановление людей благодатью Христовою, подаваемою всем в Его церкви.

Христос, ходатай Бога и человеков, Глава церкви, Царь благодатного царства, будет царствовать до тех пор, пока не доведет совершенное Им дело искупления человечества до самого последнего, predetermined конца. Ему (Христу) *надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои*. Каких врагов? – *Когда упразднит всякое*

начальство и всякую власть и силу и когда истребится, поглощен будет победою последний враг людей – смерть (1Кор. XV, 25, 24, 26, 54). Когда же все покорит Ему (Богу Отцу, Богочеловеку), тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все (– ст. 27). «Христос, как сын Божий, Сияние славы Бога Отца и Образ ипостаси Его, находятся в вечном, живом общении любви и существа с Богом Отцом. В силу этого общения, заключающего всякое отношение подчинения, Христос, и по покорении Ему всего таким образом по достижении Им Своего высокого назначения, в земном Своем служении роду человеческому снова подчинится Богу Отцу³³³.

И тогда наступит вечное царство славы, тогда будет Бог все во всем (1Кор. XV, 28). Во всем обновленном творении, во всем освобожденном от всех зол мира не будет ничего богопротивного или боговраждебного; напротив, все будет живым выражением Божественной воли, святой и совершенной; все будет служить к славе Божьей . Конечно, Бог как Творец и теперь, при настоящем порядке вещей, открывается в мире, давая знать в нем Свою присносущную силу и Свое Божество (Рим. I, 20). Но в будущем мире, на новом небе и новой земле, где не будет никакого настроения и тени беспорядка, а всюду будет витать одна совершенная правда, как присутствие так и действие Бога станет выражаться полнее и совершеннее.

И воцарится Господь Иисус Христос, купно со Отцем и Св. Духом, над домом Иакова во веки, и царствию Его не будет конца (Лук. I, 33).

Вечную славу Его будут разделять с Ним и избранные Его, которым уготовано царство от создания мира.

Если мы будем стараться делать твердым наше звание и избрание, то нам откроется свободный вход в вечное царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа (2Петр. I, 11).

Я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе, с вечною славой (2Тим. II, 10).

Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ними оживем. Если терпим, то с ним и царствовать будем (– ст. 11, 12).

Если мы – дети Божьи, то и наследники, – наследники Божьи, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем,

чтобы с ним и прославиться (Рим. VIII, 17).

Избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего небесного царства. Ему слава во веки веков (2Тим. IV, 18).

Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел со Отцем Моим на престоле Его (Апок. III, 21).

Св. Зенон Веронский учит: «Апостол Павел (1 Кор. XV, 24) говорит о временном вочеловечившегося Бога царстве, по скончании которого Сей придет и сотворит суд живым и мертвым, что подтверждает самая связь речи, в которой говорится, что Христос должен царствовать со Святыми Своими до тех пор, пока не прекратит всякое начальство, всякую власть и силу, пока не низложит всех врагов под ноги Свои, пока не истребится последний враг – смерть (1 Кор. XV, 24 – 26). Но Евангелист Лука (I – 34) и Соломон (Премудр. III, 4 – 8) разумели первоначальную власть, в которой имея непрерывное от века и до века участие. Сын никогда не получал царства от Отца и никогда не будет передавать его Отцу. Ибо он всегда царствовал с Отцем Своим, как Сам говорит: *царство Мое несть от мира сего (Ин. XVIII, 36)*. Яснее выразил сие апостол Павел: *сие бо да веете, говорит он, яко всяк блудник или нечист или лихоимец, иже есть идолослужитель, не имать достояния в царствии Христа и Бога (Ефес. V, 5)*, показывая тем, что едино есть царствие Отца и Сына»³³⁴.

Св. Кирилл Иерусалимский говорит: «Царствовать будет во веки Тот, который будет судить живых и мертвых, который за живых и за мертвых умер, как говорит Павел: *на сие бо Христос и умре и оживе, да и мертвыми и живыми обладает (Рим. XIV, 9)*. Дерзнул некто говорить, что по скончании мира Христос не будет царствовать; дерзнул утверждать, что Слово, из Отца исшедшее, паки возвратившись в Отца, не будет более существовать. Богохульствует таким образом к своему осуждению; ибо не внимал словам Господа *Сын пребывает во век (Ин. VIII, 35)*, не внимал словам Гавриила: *и воцарится в дому Иаковли во веки и царствию Его не будет конца (Лук. I, 38)*. И хочешь ли узнать, от чего те, которые учат противному,

дошли до такого безумия? Читали они со злым намерением добрые слова апостола: *подобает бо Ему царствовати, дѡндеже положит вся враги под ногама Своима* (1Кор. XV, 25), и говорят, что когда враги низложены будут к ногам Его, то Он не будет более царствовать; но говорят худо и бессмысленно. Ибо Тот, Который царствовал прежде, нежели низложил врагов, не будет ли тем, паче царствовать после того, как победит их»³³⁵.

11. Хилиазм, или тысячелетнее царство Христово

«И увидел я ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змея древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на *тысячу лет*, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится *тысяча лет*; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время. И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божье, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом *тысячу лет*. Прочи еже из умерших не ожили доколе не окончится *тысяча лет*. Это первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом. Над ними смерть вторая не имеет власти; но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним *тысячу лет*. Когда же окончится *тысяча лет*, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань. Число их как песок морской» (Апокал. XX, 1 – 7).

На основании этих слов Апокалипсиса уже в самые первые христианские времена возникло учение о *хилиазме*, или о *тысячелетнем царстве Христовом*. Сущность этого учения заключается в следующем: «Задолго до кончины мира Христос опять придет на землю, поразит антихриста, воскресит одних праведников, устроит новое царство на земле, в котором праведники, в награду за свои подвиги и страдания, будут царствовать вместе с Ним в продолжение тысячи лет, наслаждаясь всеми благами жизни; затем уже последует второе всеобщее воскресение мертвых, всеобщий суд и всеобщее вечное мздовоздаяние».

Нужно, впрочем, заметить, что учение хилиастов известно было в двух видах.

Одни говорили, что Христос, когда устроит на земле тысячелетнее царство свое, восстановит Иерусалим во всей красе, снова введет исполнение обрядового закона Моисеева со всеми жертвами, и что блаженство праведников будет состоять во всевозможных чувственных удовольствиях, напоминающих Магометов рай. Так начал учить в первом веке еретик *Керинф*, проникнутый ложными верованиями иудейскими и гностическими³³⁶, а за ним продолжали другие иудействовавшие еретики – евиониты, монтанисты, и в четвертом веке – еретик *Аполлинарий* с своими последователями. Это – грубые хилиасты, стоявшие при том вне церкви.

Другие хилиасты (которых, в противоположность первым, можно назвать *церковными*) напротив, утверждают, что блаженство праведников во время тысячелетнего царства Христова будет состоять только в удовольствиях невинных, чистых, духовных, и вовсе не проповедовали ни о возобновлении тогда Иерусалима, ни о восстановлении обрядового закона Моисеева. В таком виде мнение о тысячелетии в первый раз высказано было *Папием* Иерапольским, жившим еще в век Апостольский (Евсевий, Церк. Ист. III, 89); затем оно встречается у *Иустина Мученика* (Разговор с Трифоном иудеем, 80, 81), *Ириней* Лионского, ученика *Папия Иерапольского* (Против ересей, V, 31; сл. *Евсевия*, Церк. Ист. III, 39)³³⁷, *Ипполита*, *Мефодия*, *Тертуллиана*³³⁸ и *Лактантия*; в позднейшие времена оно возобновлено, с некоторыми особенностями, анабаптистами, последователями *Шведенборга*, *мормонами* и другими мистиками и иллюминатами.

Основная мысль хилиазма, та мысль, что христианство должно быть силою не только поборающею и воинствующею, но всемирно-побеждающею и всемирно господствующею, – верна в своей сущности и имеет глубокое и важное значение. Этою основною мыслию и объясняется особенная живучесть этого учения, являющегося в различные времена истории церкви то в плотском, то в духовном виде. Но кроме этой основной мысли,

все остальное в хилиастическом учении противоречит духу и характеру всего Новозаветного Писания.

Учение хилиазма, как мы видели, основывается на предположении двукратного воскресения. Между тем Христос Спаситель со всею ясностью учил, что будет только одно воскресение мертвых всеобщее в последний день, когда, по гласу Его, восстанут из гробов все – и праведники, и грешники, и непосредственно примут от Него последний суд и окончательное мздовоздаяние (Ин. V, 25, 28, 29; VI, 40, 54; Мф. XIII, 40–42; XXV, 31 – 46). Затем Слово Божье проповедует только два пришествия Христова – первое, уничиженное, и второе, славное, и два царства – царство благодати и царство славы. А хилиасты допускают еще какое-то среднее, третье царство Христово по окончании царства благодати и прежде царства славы, имеющее окончиться после тысячелетнего существования.

Не говорим уже о том, что допущение внешних благ и чувственных удовольствий в царстве Христовом после воскресения есть явно черта не христианская. *В воскресении не женятся и не выходят замуж* (Мф. XXII, 30; Лук. XX, 34). *Царствие Божье – не пища и питье* (Рим. XIV, 17).

Божественный Основатель христианства вообще учил о чисто нравственном, духовном, неземном характере Своего царства и всегда уклонялся (см. напр. Иоан. VI, 15), когда Ему представлялся случай основать земное царство под видимым Своим главенством. Поэтому все выражения Его о царстве (не исключая и выражения о наследовании земли кроткими – Мф. V, 5) должно понимать в образном смысле о высших благословениях, о высших благах как в Его церкви на земле, так еще более в будущей вечной жизни на небе.

Отдельные места в свящ. книгах Нового Завета, на которые обыкновенно ссылаются хилиасты, представляют только кажущиеся основания для их учения. Так, напр., слова Самого Господа о том, что оставивший отца и мать, жену и поле ради Него получит *сторицею* и живот вечный наследит (Мф. XIX, 20), без сомнения, следует понимать о замене земных благ высшими духовными; иначе было бы в высшей степени

непристойно, основываясь на этих словах, считать будущей наградой каждого добродетельного мужчины, целую сотню жен. Точно также выражение Христа Спасителя на тайной вечери, что Он не будет более пить от плода виноградного, пока не станет пить с учениками *новое вино* в царстве Отца (Мф. XXVI, 29), указывает на вино в высшем смысле, т. е. на духовные наслаждения в будущем небесном мире.

Что касается апокалипсического выражения «тысяча лет», то его следует признать за символическое число, подобно другим числовым обозначениям в Апокалипсисе. Для правильного понимания этого символического числа нужно припомнить известное выражение во 2-м послании св. апостола Петра: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (III, 8; см. Псал. LXXXIX, 5). Это апостольское слово высказывает не только то, что время для Бога не представляет определенного промежутка или предела, но прежде всего и главным образом то, что Бог, в Своем высшем управлении родом человеческим в один день может произвести действие столь же важное и с такими же многоплодными последствиями, как в другой раз в тысячу лет, и наоборот. Бог по Своей премудрости может замедлить историческое развитие так, что род человеческий в тысячу лет не уйдет далее, чем как в иной раз может уйти в продолжение одного дня.

Выражение о «заклучении сатаны» издавна принято толковать о победе христианства над языческим идолопоклонством, которою у сатаны отнята власть над землею и вследствие которой, Христос с Своими Святыми и ангелами воцарился на земле, именно в Своей Церкви, невидимо, духовным образом.

Под «первым воскресением» в Апокалипсисе разумеется наступающая после телесной смерти духовная жизнь праведных на небе, которые принимают участие в небесной славе Христа и здесь на земле прославляются в нетленных мощах своих. Если в Апокалипсисе говорится, что не все умершие участвуют в первом воскресении, то этим высказывается ни более, ни менее, как – то, что продолжение

жизни безбожников и нечестивых в муках осуждения нельзя назвать собственно жизнью, что на их физическую смерть нельзя смотреть как на воскресение к духовной жизни, но следует видеть в ней осуждение на духовную смерть. «Второе воскресение» есть общее воскресение плоти в обыкновенном смысле, а «вторая смерть» – вечное осуждение на последнем суде. Если, наконец, в Апокалипсисе говорится, что скованный дракон, по истечении определенного срока, опять будет освобожден на короткое время, то этим, без сомнения, пророчески указывается на великое отступление пред кончиною мира, в связи с явлением антихриста – орудия сатаны.

«Известно, что Апокалипсис есть книга пророческая и глубокотаинственная, смысл которой в точности нам недоступен. А толковать буквально места пророческие, если они представляются, в этом виде противоречащими другим местам Писания, прямым и ясным, совершенно противно правилам священной Герменевтики которая справедливо предписывает в подобных случаях изъяснять пророчества в смысле таинственном; потому что Бог, давший людям Откровение, Сам Себе противоречить не может³³⁹».

Если учения о хилиазме (в его более духовном виде) держались, как мы видели, и некоторые из древних учителей церкви, то держались единственно как частного мнения, а не как догмата. Один из таких учителей церкви, именно Иустин Мученик, сам замечает, что он думает так вместе с некоторыми, а многие другие христиане не разделяют его верования. Другие учителя церкви прямо восставали против учения о хилиазме, каковы: Каий, Римский пресвитер, св. Дионисий Александрийский, Ориген, Евсевий Кесарийский, Тихон Африканский, Василий Великий, Григорий Богослов, св. Епифаний, блаж. Иероним, Филастрий и блаж. Августин.

Если и можно было держаться учения о хилиазме даже как частного только мнения, то лишь до тех пор, пока вселенская церковь не высказала об этом своего голоса. Но когда второй вселенский Собор (в 381 году), осуждая все заблуждения еретика Аполлинария, осудил и учение его о тысячелетнем царстве Христовом «для того внес в самый символ веры слово

о Христе: «Его же царствию не будет конца», – держаться этого учения, даже в качестве частного мнения, совершенно непозволительно православному христианину.

Отдел шестой. Второй бесконечный период загробной жизни

И пойдут сии (грешники) в муку вечную, а праведники в жизнь вечную. (Мф. XXV, 46).

1. О вечных муках грешников

а) Виды адских мук

Приговор, ужасный для одних, бесконечно–сладостный для других, произнесен. В ответе на него праведников сказывается чувство истинного смирения и умаление своего достоинства; в ответе же грешников слышится дерзкий вопрос с оттенком упрека. Правосудный Судия остается верен раз высказанному приговору – как оправдательному, так и обвинительному.

Отверженные, несчастные грешники *идут в муку вечную*, идут безвозвратно, навсегда, на веки: таков приговор хотя и бесконечно Милосердного, но и Всеправедного, Непогрешимого, Нелицеприятного Судии.

В чем же будут состоять муки грешников в месте осуждения – аде?

Первый и самый ужасный вид мучения для человека, созданного по образу Божью, будет – удаление от Бога *Идите от Меня, проклятые* (Мф. XXV, 41). *Не знаю вас: отступите от Меня, делатели неправды!* (Лук. XIII, 27; снеси Мф. VII. 21). «Для имеющего чувство и разум быть отверженным от Бога значит вытерпеть уже геенну³⁴⁰». «Нестерпимая геенна и мучение в ней; впрочем, если представить и тысячи геенн, то все это ничего не будет значить в сравнении с несчастьем лишиться оной блаженной славы, возненавидену быть от Христа и слышать от Него: *не знаю вас*, и обвинение, что мы, видя Его алчущего, не напители. Ибо лучше подвергнуться бесчисленным ударам молнии, нежели видеть кроткое лицо Господа от нас отворачивающееся, и ясное око Его, не могущее взирать на нас³⁴¹. Вечное удаление от Источника жизни будет для грешников смертью второю (Апок. XX, 14), смертью лютейшею.

Затем грешники будут лишены всех благ царствия небесного, которых удостоятся праведники. *Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю* (Маф. VIII, 11, 12; сн. XXII, 13) и, находясь в муках, будут видеть издалека Авраама и праведников на лоне его

(Лук. XVI, 23). «Это лишение благ причинит такую муку, такую скорбь и тесноту, что если бы и никакая казнь не ожидала согрешающих здесь, то оно само по себе сильнее геенских мук может растерзать и возмутить наши души... Многие безрассудные желают только избавиться геенны: но я считаю гораздо мучительнейшим геенны наказанием не быть в оной славе; и тому, кто лишился ее, думаю, плакать должно не столько о геенских мучениях, сколько о лишении небесных благ; ибо это одно есть жесточайшее из всех наказание³⁴².

Далее грешников будут терзать положительные внутренние мучения, которые будут происходить от воспоминания протекшей жизни, безрассудно погубленной на порочные дела, от постоянных укоров совести за все соделанья беззакония, от позднего сожаления о том, что не воспользовались богодарованными средствами ко спасению, от мучительного, гнетущего сознания, что уже нет возможности покаяться, исправиться и спастись. *И, раскаиваясь и вздыхая от стеснения духа, будут говорить сами в себе: мы заблудили от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас. Мы преисполнились делами беззакония и погибли и ходили по непроходимым пустыням, а пути Господня не познали. Какую пользу принесло нам высокомерие и что доставило нам богатство с тщеславием? Все это прошло как тень и как молва быстротечная. Так и мы родились и умерли, и не могли показать никакого знака добродетели, но истощились в беззаконии нашем* (Премудр. Солом. V, 3, 6 – 13). «Те, которые делали зло, воскреснут на поругание и стыд, чтобы увидеть в самих себе мерзость и впечатление соделанных ими грехов. И, может быть, страшнее тьмы и вечного огня тот стыд; с которым увековечены будут грешники, непрестанно имея пред глазами следы греха, соделанного во плоти, подобно какой-то невыводимой краске, навсегда остающейся в памяти души их³⁴³.

К этим внутренним мучениям присоединятся положительные же муки внешние, которые будут происходить частью от местопребывания грешников, потому что это будет место мрачное, смрадное и тесное; частью от сообщества,

потому что каждый грешник, безмерно удаленный от Бога и от Святых Его, будет видеть около себя только подобно себе несчастных и, что хуже, злых духов, и не услышит вокруг себя ничего отрадного, а будет слышать только вопли отчаяния, хулы, ругательства, плач и скрежет зубов; частью, наконец, и больше всего от ощущения всем существом страшной и невообразимо мучительной болезни от действия огня адского.

б) Огонь адский и червь неумирающий

Если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромотою, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь

не угасает (Марк.9:43–46). Евангельский богач по смерти страдает в пламени (Лук. XVI, 24). Грешники на последнем суде услышат: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный (Мф. XXV, 41). Господь Иисус Христос с Ангелами Силы Своей в пламенеющем огне совершит, отмщение непознавшим Бога и непокоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа (2Сол. I, 8). Кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное (Апокал. XX, 15).

Что такое огонь неугасающий и червь неумирающий, от которых грешники будут мучиться во аде, Слово Божье не определяет этого. Св. Иоанн Дамаскин выражается так: «Грешники преданы будут огню вечному, не такому вещественному, как у нас, но такому, какой известен одному Богу³⁴⁴. Вообще же древние учителя церкви представляли, что огонь адский не будет похож на здешний, какой мы знаем, будет жечь, но ничего не сжигать и не истреблять, будет действовать не только на тела грешников, но и на души и на самых духов бесплотных – демонов, будет какой-то мрачный, без света и таинственный. Некоторые только думали, что огонь неугасающий и червь неумирающий могут быть понимаемы в смысле переносном, как символы жесточайших мучений адских, что червь выражает преимущественно *внутренние* угрызения совести, а огонь – страшные мучения *внешние*.

«Потом (после суда) к совершившему в жизни много худых дел приставляются страшные и угрюмые ангелы, у которых и взор огненный, и дыхание огненное, по жестокости их воли, и лица подобны ночи, по унылости и человеконенавидению;

потом непроходимая пропасть, глубокая тьма, огонь несветлый, который во тьме содержит попадающую силу, но лишен светозарности; потом какой-то ядоносный и плотоядный червь, пожирающий с жадностью, никогда не насыщаемый и своим пожиранием производящий невыносимые болезни; потом жесточайшее из всех мучений – вечный позор и вечный стыд³⁴⁵. «Услышавши об огне не думай, будто тамошний огонь похож на здешний: этот, что захватит, сожжет и изменит на другое; а тот, кого однажды обымет, будет жечь всегда и никогда не перестанет, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием – не в честь, но чтобы быть всегдашним напутием тамошнего мучения: а сколь это ужасно, того и представить ум никогда не может; разве из опытного познания маловажных бедствий можно получить малое понятие о тех великих мучениях³⁴⁶». Один и тот же огонь тою же самую силою будет и жечь нечестивых, и не сжигать; и сколько будет отнимать у них, столько же и возвращать и тем доставлять себе самому вечную пищу³⁴⁷. Такое страшное и ужасное действие вечного огня будет тем сильнее, что ему будут соответствовать не только необычайные свойства телесного состава лиц, воскресших для осуждения, но и страшные состояния их душевные.

Св. Димитрий Ростовский так рассуждает об огне геенском:

«О, коль страшен тот огонь, которого и сам сатана трепещет! Если для бесов бездна геенская страшна, кольми паче для людей должна быть ужасна и трепетна. Если и здесь огненная казнь, на которую когда человек бывает осужден, страшна: то несравненно страшнее то наказание, которое последует в геенне огненной. Бесы не боятся здешнего огня так же, как и мы не боимся огня, изображенного на доске (на картине), – а геенского огня трепещут. Сей огонь сжигает только телесное вещество, а оный жжет и мучит и бесплотных духов. Сей огонь, при недостатке горючего вещества, угасает, а геенский никогда не угаснет, по свидетельству Самого Господа: *червь их (грешников) не умирает и огонь не угасает* (Марк. IX, 44). Здешний огонь, когда горит, светит; а пламя оно, огня,

когда горит, только жжет, но нисколько не освещает тьмы внешней; а если бы сколько–нибудь и осветило, то для большего страха и трепета осужденных, – для того, чтобы видеть страшные образы демонов, которых самое зрение страшнее всякой муки, – для того, чтобы видеть мучимые лица грешников, с которыми в жизни сей грехами своими вместе прогневали Господа. Здешний огонь, объявши человека, вверженного в него, тотчас умерщвляет и в один час сжигает и обращает в пепел; а оный геенский огонь жжет, но не умерщвляет: грешники, вверженные в геенский огонь, не умрут, будучи жегомы и мучимы вечно. И если один час быть жегомым мучение велико и нестерпимо, – помыслим, сколь ужасно будет мучение тех, которые будут гореть и не сгорать в бесконечные веки!³⁴⁸

При представлении вечного огня адского никак нельзя отрешиться совершенно от его вещественности, хотя эта вещественность и утончится соответственно тонкости и проницаемости наших воскресших тел. Новозаветное Писание дает ясные указания на эту вещественность будущего огня, представляя его с одной стороны местом мучений для грешников, облеченных плотью воскресения, а с другой указывая, как на подобие ему, на огонь Содомы и Гоморры (2Петр. II, 6), или же называя геенною, по имени долины сынов Еннома в Иерусалиме, в которой постоянно поддерживался действительный огонь для очистки нечистот. Не смотря, однако, на свою вещественность, огонь будущих мучений будет резко отличаться от теперешнего огня. В том будущем огне совершенно утратится признак благотворности огня, освещающего и согревающего; напротив, качества вредоносности его возрастут в своей степени и силе. Так огонь вечных мучений не будет давать света; почему место этих мучений называется *тьмою кромешною*, или *внешнею*. Хотя смысл этого наименования объясняют и образно³⁴⁹; однако, нельзя отказать ему и в некоторой степени соответствия будущей горькой действительности для грешников, наименование неугасимого огня тьмою кромешною указывает на то, что этот огонь будет давить на грешников непроницаемою

ничем извне тьмою, и это тем более, что закоснелые грешники удалены будут от истинного Света и Жизни – Бога. С другой стороны будущий вечный огонь лишен будет такой теплоты, которая предохраняла бы от холода и цепенения: осужденные на пребывание в вечном огне испытывают скрежет зубовой – действие чрезмерного холода.

в) Тяжесть адских мучений

Совокупность всех адских мучений будет сопровождаться такою *скорбью и теснотою* (Рим. II, 9), которую мы теперь не можем себе и представить, потому что на земле нет ничего такого, с чем бы можно было сравнить ее. Крайняя тяжесть и нестерпимость адских мучений понятна несколько из того, что, по словам Тайновидца, *в те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее пожелают умереть, но смерть убежит от них* (Апок. IX. 6). Душа, находящаяся в адских муках, будет томиться в терзаниях – и не истребляться, будет умирать – и продолжат жить, будет гибнуть – и оставаться, будет близиться к концу – и пребывать без конца... В аде нет надежды – нет жизни: здесь жизнь – вечные муки. Над входом в ад можно бы поместить следующую надпись:

«За мною вход в царство скорбей,
За мною – путь к вечной скорби:
Оставь надежду всяк сюда идущий».

(Данте, Божественная Комедия, III, 1 – 2, 9).

Следующий рассказ может несколько приблизить к нашему пониманию невообразимую и неизобразимую силу и томительность адских мучений.

Один расслабленный, изнемогая в духе терпения, с воплем просил Господа прекратить его страдальческую жизнь.

– Хорошо, сказал явившийся больному ангел, – Господь, будучи неизреченно благ, соизволяет на твою молитву, – Он превращает твою временную жизнь, только с условием: вместо одного года страданий на земле, которыми каждый человек очищается, как золото в огне, согласен ли ты пробыть три часа в вечных мучениях? Твои грехи требуют очищения в страданиях собственной твоей плоти; ты должен бы быть в расслаблении еще год, потому что как для тебя, так и для всех верующих, нет другого пути к небу, кроме крестного, проложенного Безгрешным Богочеловеком. Этот путь тебе наскучил на земле, – испытай, что значит вечные муки в аде, куда идут все грешники; впрочем,

испытай эти муки только в течение трех часов, а после, молитвами св. церкви, ты будешь спасен.

Страдалец задумался. Год страданий на земле – это ужасное продолжение времени! лучше же я вытерплю три часа в этих бесконечных муках, – сказал он сам себе – чем год на земле.

– Согласен в ад ! – сказал он, наконец, ангелу.

Ангел тихо принял его страдальческую душу и, заключивши ее в преисподнях ада, удалился от страдальца с словами утешения: «Через три часа явлюсь я за тобою».

Господствующий повсюду мрак, теснота, долетающие отовсюду звуки неизъяснимых грешнических воплей, видение духов злобы в их адском безобразии, – все это слилось для несчастного страдальца в невыразимый страх и томление. Он всюду видел и слышал только страдание и вопли и ни ползвуча радости в необъятной бездне зла; одни лишь огненные глаза демонов сверкали в преисподней тьме, и носились пред ним их исполинские тени, готовые сдавить его, сожрать и сжечь своим геенским дыханием. Бедный страдалец затрепетал и закричал; но на его крики и вопли отвечала только адская бездна своим замирающим вдали эхом и клокотаньем геенского пламени, которое клубилось в виду трепетавшего заключенника. Ему казалось, что протекли уже целые века страданий; с минуты на минуту ждал он к себе светоносного ангела, – но ангела не было. Наконец, страдалец отчаялся в его райском появлении и, скрежеща зубами, застонал; но никто не внимал его воплям. Все грешники, томившиеся в бездне геенской, были заняты собою, своим собственным только мучением, и ужасные демоны в адской радости издевались над мучениями грешников.

Наконец, тихий свет ангельской славы разлился над бездною. С райскою улыбкою приступил ангел к добровольному страдальцу и спросил:

Что, каково тебе, брат?

Не думал я, чтобы в устах ангельских могла быть ложь, – прошептал едва слышным, прерывающимся от страданий голосом заключенник.

Что такое? – возразил ангел.

Как что такое? – произнес страдалец: – ты обещался взять меня отсюда чрез три часа, а между тем целые годы, целые века протекли в моих невыразимых страданиях.

Помилуй, что за годы, что за века? – кротко и с улыбкою отвечал ангел. – Час, один только час прошел со времени моего отсутствия, и два часа еще сидеть тебе здесь.

Как, два часа? – в испуге спросил страдалец, – два часа? а это час только протек? Ох, не могу более терпеть, нет силы! Если только можно, если только есть воля Господня, – умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на земле буду я страдать годы и века, даже до последнего дня, до самого пришествия Христова на суд, – только выведи меня отсюда. Невыносимо! Ох, пожалей меня! – со стоном воскликнул страдалец, простирая руки к светлому ангелу.

Бог, как Отец щедрот и утех, – отвечал ангел, – удивляет на тебе благодать Свою. Но ты должен знать и помнить, сколь жестоки и невыносимы адские мучения³⁵⁰.

г) Степени адских мучений

Не все грешники подвергнутся мучениям в одинаковой степени: адские мучения, по роду и по степени их, будут различны. Вообще наказания будут определяться правилом: «Кто чем согрешил, тем и казнится», т. е. наказание будет строго соответствовать роду вины. Следовательно адские муки, распределяясь по степеням, будут столь же разнообразны, как разнообразны разветвления порока, сводящего человека в ад. *Раб тот, который знал волю господина своего и не был готов и не делал по воле его, бит будет много. А который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше* (Лук. XII, 47, 48). Фарисеи, которые поедают дома вдов и лицемерно долго молятся, примут тем большее осуждение (– XX, 47). Отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели тому городу, в котором не примут апостолов (Мф. X, 15), а Тиру и Сидону отраднее, нежели Хоразину и Вифсаиде (– XI, 21, 22). Праведный Судия на всеобщем суде *воздаст каждому по делам его* (Рим. II 6).

Согласно с Писанием и святые отцы и учителя церкви учили, что будут различные роды мучений для грешников.

Св. Василий Великий говорит: «Надобно знать, что выражения: *бит будет мною и бит будет мало* – означают не конец, а разность мучения. Ибо, если Бог есть праведный Судия не только добрых, но и порочных, воздающий каждому по делам его, то иной может быть достойным огня неугасимого или слабейшего или более пожигающего, другой – червя неумирающего, но опять или сноснее или нестерпимее причиняющего боль, по достоинству каждого, и иной – геенны, в которой, без сомнения, есть разные роды мучений, и другой – тьмы кромешной, где один доведен только до плача, а другой – от усиленных мучений и до скрежета зубов. Самая тьма кромешная, без сомнения, показывает, что есть в ней нечто и внутреннее. И сказанное в притчах: *во дне ада* (IX, 18) дает разуметь, что некоторые, хотя во аде, но не во дне ада, терпят легчайшее мучение. Это можно и ныне отличать в телесных

страданиях. Ибо один болен лихорадкою с припадками и другими недугами; другой чувствует только лихорадку, и то не в равной степени с другим; иной же не имеет лихорадки, а страждет болью в каком-либо члене, и то опять более или менее другого»³⁵¹.

Св. Ефрем Сирин рассуждает: «Разные есть роды мучений, как слышали мы в Евангелии. Есть *тьма кромешная* (Мф. VIII, 12): а из сего видно, что есть и другая тьма глубочайшая; *геенна огненная* (Мф. V, 22) – иное место мучения; *скрежет зубов* (Мф. XIII, 12) – особое тяжкое место; *червь неусыпающий* (Мф. IX, 48) – в ином месте; *озеро огненное* (Апок. XIX, 20) – опять иное место; *тартар* (2 Патр. II, 4) – также свое место; *огонь неугасающий* (Марк. IX, 43) – особая страна; *преисподняя* (Филип. II, 10) – и *пагуба* (Мф. VII, 13) – на своих местах; *дальнейшие страны земли* (Ефес. IV, 9) – иное место; *ад*, где пребывают грешники, и *дно адово* – самое мучительное место. На сии-то мучения распределены будут несчастные, каждый по мере грехов своих, или более тяжких или более сносных, по написанному: *пленницами своих грехов кийждо затягается* (Причт. V, 22), *биен будет много и биен будет мало* (Лук. XII, 47, 48). Как есть различия наказаний здесь, так и в будущем веке»³⁵².

«Иначе мучится прелюбодей, иначе блудник, иначе убийца, иначе вор и пьяница».³⁵³

Св. Иоанн Златоуст проповедует: Кто большее получил наставление, тот должен вытерпеть большую казнь за преступление. Чем мы сведущее и могущественнее, тем тяжелее будем наказаны за грехи. Ежели ты богат, от тебя требуется больше пожертвований, нежели от бедного; ежели умен – больше послушания; ежели облечен властью, – покажи блистательнейшие заслуги. Так и во всем прочем ты дашь отчет по мере сил своих³⁵⁴.

Отходящий туда со множеством и добрых, и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и в муках тамошних; напротив, кто не имея добрых дел, принесет только злые, тот, сказать нельзя, сколько пострадает, будучи отослан в вечную муку³⁵⁵.

д) Вечность адских мучений

Различаясь между собою по степени и силе, мучения грешников во аде нимало не будут различны по отношению к продолжительности: для всех равно они будут вечны и нескончаемы. Это – ясное и несомненное учение Священного Писания, не допускающее никакого перетолкования. Оно основывается на следующих местах: Исаии LXVI, 24; Мф. III, 12; XVIII, 8; сн. Марк. IX, 43–48; Мф. XXV, 41, 46; 2Солун. I, 9, 10; Апок. XIV, 11; XX, 10.

Православная церковь на пятом вселенском соборе торжественно осудила лжеучение Оригеново о восстановлении (апокатастасисе) демонов и нечестивых людей: «Кто говорит или думает, что наказание демонов и нечестивых людей временно и что после некоторого времени оно будет иметь конец, или что будет после восстановления демонов и нечестивых людей, – да будет анафема». В символе Афанасиевом читаем: «Благая содеявший пойдут в жизнь вечную, злая же – в огонь вечный».

Учение о вечности мучений есть общее учение святых Отцов и учителей церкви.

«Бессмертны все души и нечестивых, для которых лучше было бы, если бы они не были нетленны, потому что мучась бесконечным мучением в огне неугасающем и не умирая, они не будут иметь конца своему бедствию» (св. *Климент Римский* – у св. Иоанна Дамаскина).

«Ты грозишь мне огнем горящим временно и вскоре угасающим, потому что не знаешь об огне будущего суда и вечного мучения, который уготован нечестивым» (св. *Поликарп у Евсевия*, Церк. Ист. IV, гл. 15).

«Что он (диавол) с своим воинством и людьми, последующими ему, будут посланы в огонь и будут там мучиться в бесконечные веки, – это предвозвестил Христос» (св. *Иустин мученик*, Апология 1–я, гл. 28).

«Если кто грешен, получит вечное тело, долженствующее терпеть мучение за грехи, дабы вечно гореть в огне и не

разрушиться» (св. Кирилл Иерусалимский, огласит. поучение XVIII).

«Господь то решительно говорит, что *идут сии в муку вечную* (Мф. XXV, 46), то отсылает иных *в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его* (– 41), а в другом месте именует *геенну огненную* и присовокупляет: *идеже червь их не умирает и огонь не угасает* (Марк. IX, 47, 48), и еще древле о некоторых предрек чрез Пророка, что *червь их не скончается и огонь их не угаснет* (Исаии LXVI, 24); потому если при таком числе подобных свидетельств, находящихся во многих местах богодухновенного Писания, многие еще, как бы забыв о всех подобных изречениях и определениях Господних, обещают себе конец мучению, чтобы свободнее отважиться на грех, – то сие, конечно, есть одна из козней диавольских. Ибо если будет когда–нибудь конец вечному мучению, то и вечная жизнь, без сомнения, должна иметь конец. А если не смеем сего думать о жизни, то какое основание – полагать конец вечному мучению? И мучению и жизни равно придается одно слово! вечный» (св. Василий Великий, Прав., кратко излож., отв. на вопр. 207).

«Пусть будет так, что ты проживешь и много лет и не испытаешь никакой перемены: что же это в сравнении с бесконечными веками и с тяжкими и несносными оными муками? Здесь и счастье, и несчастье имеет конец, и притом самый скорый: но там то и другое продолжается в бессмертные веки и своим качеством столько различны от здешних, что и сказать нельзя... Если кто скажет: как же душа может стать на такое множество мук, когда притом она будет терпеть наказание бесконечные веки? Такой человек пусть подумает о том, что бывает здесь, как часто доставало многих на продолжительную и тяжкую болезнь. Если они и скончались, – это не потому, чтобы душа совершенно истощилась, но потому, что тело отказалось служить, так что если бы оно не уступило, то душа не перестала бы мучиться. Итак, когда душа получит нетленное тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность» (св. Иоанн Златоуст, Слово 1 – к Феодору падшему).

е) Ответы на возражения против вечности мучений³⁵⁶

Какой конец зла? – Зло физическое будет совершенно уничтожено. Какая же судьба зла нравственного? Что будет с людьми, осужденными на последнем суде и неспособными к блаженной жизни в царстве славы? Господь Иисус Христос говорит о них: *идут сии в муку вечную* (Мф. XXV, 48). Слова Господа так ясны и определены, что невозможно никакое толкование их, кроме буквального.

Нет ни одной откровенной истины, против которой с таким упорством вооружался бы слепотствующий разум с какою восстает он против вечности мучений. Различными вопросами и недоумениями он старается подорвать, или по крайней мере, оподозреть сие учение. Неужели, говорят противники сего учения, для Всемогущего возможны цели недостижимые? Бог воззвал к бытию тварь ради славы Своей, и назначил человеку высочайшую цель – богоподобие и вечное блаженное общение с Собою. И, однако, не смотря на все средства и меры, и естественные и сверх естественные, Бог не достигает Своей цели, или достигает ее не вполне. Вопреки Своей цели Творец вынужден устроить темницу, в которую на всю вечность будут заключены существа, сотворенные и назначенные для блаженства. Ограниченной человеческой мудрости очень возможно предположить себе какую-нибудь цель, не соразмерив ее с средствами, доступными человеку, и потому или вовсе не достигать своей цели, или достигать ее не вполне. Но можно ли думать, что бесконечная Творческая премудрость определила цель творений и предуготовила и не могла измыслить средств, достаточных для достижения этой цели? Правда, человек самовольно уклонился от своей цели, указанной ему Богом, и пал. Но Бог не отказался от Своей цели, и не восхотел оставить падшего человека на безвозвратную гибель. Человек восстановлен и спасен. Крестная жертва Христова не только равноценна ценности всех человеческих душ³⁵⁷, но имеет бесконечно высшую цену. В искупление людей

излиянная кровь Христова бесконечно превышает и ценность искупленных душ, и с бесконечным преизбытком, вознаграждает количество долга, уплаты которого требовало за людей Божеское правосудие. Неужели же и сей бесценный выкуп еще не достаточен для покрытия всех человеческих долгов, пред Богом? Неужели же и после жертвы, принесенной Исккупителем за людей, еще найдутся между ними существа столь виновные пред Богом, что будут подвергнуты мучениям, и притом вечным? Будто тяжесть человеческих грехов может перевесить бесконечные заслуги Христовы? Вечные мучения противоречат свойствам Божьим. Согласно ли с бесконечно Божьей благодатью – обречь тварь на вечные страдания? Правосудно ли за грехи временной и краткой жизни подвергать наказанию вечному? Притом же, вечное наказание есть наказание бесцельное. Всякое наказание имеет целью исправление наказуемого. Наказание не имеющее этой цели, есть простое мщение. Неужели же Бог вечным мучением будет мстить твари? Бог от вечности провидел судьбы всех созданных Им тварей. Зачем же Он создал существа, которых Он видел последнюю страшную судьбу? Неужели для страданий, для геенны? Апостол говорит что с откровением царства славы, *Бог будет всяческая во всех* (1Кор. XV, 28); а где Бог, там свет, жизнь и блаженство; где же будет геенна, если Бог будет *всяческая во всех*? Все изложенные здесь вопросы кажутся имеющими силу только на первый взгляд. Они потеряют свою кажущуюся силу, если мы всем им противопоставим один только вопрос, и если сможем отвечать на него положительно, именно следующий вопрос: Может ли существо ограниченное, как человек, вынеся из сей жизни нераскаянность и ожесточение в зле, оставаться в этом ожесточении на всю вечность, без всякого желания обратиться к Богу, без всякой нравственной возможности принимать какие-нибудь благие влияния или благодатную помощь? Может ли ограниченное существо, как человек, на всю вечность оставаться в ожесточении, которое, начинаясь, здесь с отчаяния в своем спасении, и с сомнения в действенность покаяния, постепенно возрастая и усиливаясь, неминуемо

дойдет до упорного противления Богу? Есть основания отвечать на этот вопрос положительно.

Содрогается мысль человеческая, представляя вечность мучений. Невозможно представление более ужасающее и потрясающее душу. И действительно, трудно представить, чтобы Бог осудил на вечные мучения существа хотя грешные, но покаявшиеся в грехах, хотя не успевшие оправдать своего покаяния делами, деятельным обращением к добру, но алчущие и жаждующие правды. Сам Спаситель обещает удовлетворение сей духовной алчбе и жажде (Мф. V, 6). По крайней мере, несомненно, что душам, отшедшим с верою и покаянием, хотя и незапечатлевшим свою веру добрыми делами, до времени всеобщего суда есть возможность освобождаться от уз ада, по молитвам церкви, и особенно по силе бескровной Жертвы, приносимой за умерших. Св. Апостол Иоанн говорит о дерзновении молитв верующих пред Богом: *вемы, то послушает нас, еже аще просим*. Посему Богослов внушает каждому верующему молиться о согрешениях брата своего с упованием, что молитва его будет услышана Богом. О прощении одного только греха не заповедует апостол молиться: *Аще кто узрит брата своего согрешающа грех не к смерти, да просит и даст ему (Бог) живот, согрешающим не к смерти. Есть грех к смерти: не о том глаголю да молится (1Ин. V, 14 – 16)*. Сам Господь свидетельствует, что все согрешения сынов человеческих могут получить отпущение или прощение. *Аминь глаголю вам, яко вся отпустятся согрешения сыном человеческим, и хуления, елика аще восхулят (Марк. III, 28)*. За один только грех никогда не будет прощения: это грех или хула на Духа Святого. *Иже речет на Духа Святого, не отпустится ему, ни в сей век, ни в будущий, не имат отпущения во веки, но повинен есть вечному суду (Мф. XII, 32; Марк. III, 29)*. Грех или хула на Духа Святого есть упорное противление очевидной истине Божьей, совершенное неверие и нераскаянность, упорное отвержение благодати, соединенное с отвращением от всего, что свято и богоугодно (Евр. X, 26, 29); или, говоря иначе – грех против Духа Святого есть ожесточение во зле, злоба

нераскаянная, окончательно. потерявшая всякую приемлемость благодати.

Теперь вопрос в том: может ли сотворенное существо, именно – человеческий дух, оставаться в таком нераскаянном ожесточении на всю вечность? – Нет никакого основания отвечать на этот вопрос отрицательно.. Дух человеческий сотворен с способностью нескончаемого развития, возрастания и преуспеяния; и эту способность нескончаемого развития он может обращать как к добру, так и ко злу. Цель человеческого духа есть уподобление Богу, отражение на себе совершенств Божеских. Если свободное существо принимает правильное, или доброе направление, то в нем открывается возможность нескончаемого усовершенствования в добре, безостановочного и вечного стремления к своей цели – к уподоблению Богу и теснейшему единению с Ним. Точно так же, если свободное существо принимает превратное, или злое направление, в нем открывается возможность безостановочного стремления по пути зла, безвозвратного и нескончаемого стремления от своей цели, удаления от Бога. И как любовь к добру, в своем нескончаемом стремлении к Богу, постепенно возрастает, крепнет и усиливается, так что, наконец, в свободном существе прекращается самая возможность зла, как прекратилась она в ангелах и прекратится в душах, отошедших из сей жизни с верою и покаянием: так и злоба, в постоянном стремлении по своему пути, будет постепенно возрастать и усиливаться, так что в существе, погрязшем во зле, пройдет самая нравственная возможность добра, как прошла она в бесах и конечно пройдет в душах людей, отошедших отсюда и пребывающих там в ожесточении и нераскаянности. Таким образом, по свойству человеческого духа, для него возможно и ему предназначено вечное преуспеяние и усовершенствование в добре; но возможно для него вечное коснение и нескончаемое возрастание во зле. Человеку даны силы для нескончаемого развития и деятельности, но путь для своей деятельности избирает уже человеческая свобода, и какой бы ни был избран путь, путь ли добра, или путь зла, человек имеет возможность идти по избранному пути нескончаемо и безвозвратно. Правда, во

время земной жизни обыкновеннее – человеческая злоба представляет собою страшную беспечность о спасении, а не сознательное отвержение ко всякой спасительной и благодатной помощи. Впрочем, и в настоящей жизни бывают примеры ужасающей силы зла. В продолжении жизни человек ничему не верит, живет так, как будто нет ни Бога, ни будущей жизни, издевается и ругается над верою, как над слабостью или мечтою, или как говорит апостол, не почитает за святыню Кровь Завета, которою он освящен, и ругается над духом благодати (Евр. VI, 29). Приходит смерть и при ее виде человек не вразумляется и остается нераскаянным: презрением отвечает он на советы и убеждения обратиться пред смертью с покаянием к Богу. Злоба, достигшая такой напряженной силы в краткое продолжение земной жизни, за пределами сей жизни, конечно, скоро может созреть и усилиться до нераскаянного ожесточения во зле. Судя по опытам настоящей жизни – естественно предполагать, что душа, вынесшая из сей жизни глубокое и закоренелое стремление ко злу, и за пределами сей жизни будет продолжать и постоянно усиливать свое стремление. Опыт неоспоримо свидетельствует, что нет для нас ничего труднее, как искоренение любимого греха, уничтожение в себе застарелой привычки; нет ничего труднее, как вырвать из души сроднившееся с нею убеждение и заменить его совершенно противоположным.

Чтобы верить в возможность нераскаянного ожесточения во зле, нужно вникнуть во внутреннее начало и в сущность этого ожесточения. Грех, который за свою нераскаянность будет осужден на вечные мучения, есть тот же грех, которым пал начальник зла и которым он увлек и человека. Это – духовная гордость, дерзкое стремление тварей к независимости от Бога, к равенству с Ним, самообожание или самообогащение. Только грех этот, постоянно возрастая и усиливаясь в мире существ нравственных, пред началом вечных мучений откроется с особенною страшною силою и обнаружит в себе явную и открытую вражду на Бога, презрение ко всем Его дарам и обетованиям, и до безумия гордое притязание твари на Божескую честь и достоинство. Мир по слову Спасителя,

подобен полю, на котором до жатвы растут вместе пшеница и плевелы. Жатва есть кончина мира. Ко времени этой жатвы, на поле мира и пшеница, и плевелы, и добро и зло, достигнут полной зрелости, – пшеница, для небесных житниц, а плевелы для огня неугасимого (Мф. XIII, 38, 39). Мрачными чертами описывает апостол нравственное состояние людей пред концом мира. В последние дни, говорит апостол, настанут времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, вероломны, клеветники, невоздержны, жестоки, враги добра, предатели, наглы, напыщенны и пр. (2Тим. III, 1–4). Но эти гордые и надменные враги добра, не имея силы благочестия, будут еще носить вид или личину благочестия (ст. 5). Пред самым же концом мира, злоба сбросит с себя всякий вид благочестия в лице антихриста. Этот человек греха, сын погибели, явится открытым врагом Божиим, с богохульною дерзостью отвергающим всякую зависимость от Бога и всякое поклонение Ему (2Сол. II, 3, 4). Таким же, конечно, духом, горделивого богохульства и ненависти к Богу будут проникнуты и его последователи (Луки XVIII, 8; Мф. XXIV 12). В таком-то ужасном состоянии ожесточенной вражды против Бога и ненависти к Нему, нераскаянные враги Божьи сойдут в место мучения. Вся вероятность на стороне мнения, что такая злоба, есть злоба нераскаянная, которая никогда не может смягчиться, но будет продолжаться целую вечность и постоянно возрастать и усиливаться. Мы знаем, что и в продолжении здешней, краткой жизни, если человек всем существом отдается какой-нибудь страсти, она делается непреодолимою и совершенно овладевает умом и волею человека. А гордость, и особенно духовная, есть самая упорная и несокрушимая из всех человеческих страстей. И невозможно представить – по каким бы побуждениям закоренелая горделивая вражда на Бога могла перейти когда-нибудь в искреннее смирение и в смиренное сознание ничтожества твари пред Творцом. Существо, ожесточенное против Бога, презирает Его дары и обетования, издевается над верою и молитвою, почитая их постыдною

слабостью. Возможно ли, чтобы такое существо, горделиво презирающее самые дары Божьи, примирилось с Богом за те мучения, которым оно будет подвергнуто по праведному суду Божью? Конечно, наказание или страдание имеет смягчающую и вразумляющую силу, но только над душами не загорелыми в зле, которые, поражаемые в своих земных привязанностях, обращаются к Богу и в Нем ищут себе утешения и успокоения. Но так ли действует наказание или страдание на человека глубоко порочного и нечестивого? Оно не смягчает его, а только ожесточает. Под гнетом страдания, его прежняя холодность к Богу обыкновенно переходит в чувство враждебное, в ненависть, в богохульство. Такое же влияние будут иметь и адские мучения на ожесточенных грешников. И на земле видим примеры, что человек, объятый гордостью, не только отрекается от благ, то и обрекает себя на тяжкие лишения и нищету, из за того только, чтобы не унижить своей гордости, или чтобы не стать в зависимость в подчинение другому, которого он считает если не хуже, то и несколько не лучше себя. В лишениях и бедствиях, претерпеваемых из гордости, есть для гордого своего рода удовлетворение, какое находит человек в дорогих и тяжких жертвах, приносимых своему самосознанию и убеждению. Если так упорна гордость и на земле, уступчивее ли она будет в аде, в существах, ожесточенных против Бога? Мысль о Божьем всемогуществе не может также ослабить враждебного чувства к Богу в ожесточенных врагах Божьих. Эта мысль будет только усиливать их ожесточение.

Они будут находить для себя пищу в сознании своего неподчинения и открытой вражды с Тем, могуществу Которого нет пределов.

Таким образом, если разумное существо на всю вечность может оставаться в состоянии нераскаянной злобы и непримиримой вражды с Богом: то как существо, неспособное к блаженному единению с Богом, оно должно быть удалено от Него, а как существо злобное – должно быть ограничено в своей злой деятельности, заключено в темницу, и притом – на всю вечность, потому что и злоба такого существа есть злоба нераскаянная и непримиримая, которая никогда не прекратится,

но будет продолжаться и усиливаться целую вечность. В царствах земных и временных – преступник, не показывающий надежды исправления, изгоняется из общества или заключается в темницу на всю жизнь, и обрекается на так называемую политическую смерть. Человеческое правосудие находит это совершенно законным и справедливым. Что же несправедливого, если в вечном, царстве Божьем, преступник нераскаянный и неисправимый изгоняется из сего царства и обрекается на заключение в адскую темницу, на целую вечность. Итак, для вечных и нераскаянных врагов Божьих должны быть вечные мучения так же, как для неисправимых преступников на земле, необходимы пожизненные изгнания или заключения.

Если дух человеческий, подобно падшим бесплотным духам, может на целую вечность оставаться в нераскаянном ожесточении и постоянно возрастать в своей злобе и ненависти к Богу: то при этой мысли уже не сильны делаются указанные выше возражения против учения о вечности мучений. Противники этого учения стараются поставить его в противоречие с свойствами Божьими – с Божьей премудростью, благостью, правосудием, всемогуществом, предвидением и т. д.; но нисколько не обращает внимания на природу человеческого духа, тогда как в этой-то природе и полагается человеком основание, обуславливающее неизбежность для него вечных мучений. Скажем по несколько слов, на каждое из приведенных возражений.

Если будут вечные мучения, то Бог, говорят, не достигает цели творения, или достигает ее не вполне. Но такая недостижимость цели возможна ли для премудрости Всемогущего? – Правда, Бог воззвал к бытию разумные и свободные существа для вечного и блаженного единения с Собою; но если Бог творит существа свободные, но тем самым обуславливает Свою цель, или поставяет ее в зависимость от свободы тварей. Свобода есть высокий дар Творца и высокое преимущество твари. Без свободы невозможно и нравственное блаженное единение тварей с Богом, и их любовь к Нему, как стремление сердечное и непринужденное. Свободное существо

свободно должно идти к указанной ему цели, не влекомое какою-либо постороннею непреодолимою силою. И Бог, непреложный в Своих дарованиях, никогда не действует на свободу тварей силою одного только Своего всемогущества. Не насильно влечет он и человека ко спасению. Следовательно не падает вины на Божье всемогущество, если свободная тварь не хочет идти к предназначенной ей цели. Всемогущество все может, – но не разрушает нравственного царства, не превращает всего мира в машину, движимую силою необходимости, не отнимает у существ того преимущества, посредством которого они, как говорит Марк Ефесский, могут не только располагать и управлять сами собою, но и уподобляться Всемогущему, и которое так же необходимо для существ одаренных умом и словом, как дыхание для животных. «Неужели же мы одни только из всех существ, заключает св. Марк, будем неблагодарны пред Богом, и станем порицать свою природу, потому что знаем и некоторым образом сами определяем свои обязанности? Это было бы похоже на то, как если бы кто-нибудь, быв поставлен царем над всем миром, снял с себя порфиру и диадиму, и вздумал вести жизнь низкую и развратную, а потом, когда бы его свергнули за то, стал бы жаловаться не на себя, а на того, кто дал ему власть»³⁵⁸.

Премудрость Божья требует, чтобы свободная тварь имела достаточные средства для достижения предназначенной ей цели. Совершенно достаточные средства даны были и человеку невинному, и с преизбытком достаточные дарованы человеку, по падению, восстанавливаемому. Божественною силою Христа Иисуса Господа нашего, говорит апостол, даровано нам все потребное к жизни и благочестию (2Петр. VIII, 2, 3). Следовательно, не премудрость виновна, если свободное существо, имея все средства ко спасению и блаженству, не принимает этих средств, а отвергает их (Евр. X, 29), и тем лишает себя блаженства. Виноват ли отец, который дал сыну все средства для благоустроенной жизни, а тот изжил свое состояние блудно и впал в нищету! Таким образом, вечные мучения ожесточенных тварей нисколько не противоречат ни Божью всемогуществу, ни Божьей премудрости. Бог достигает

Своей цели творения в такой мере, в какой достижение ее делает возможным свобода тварей, следовательно достигает ее вполне, потому что и первоначально в уме Божьем цель эта была не безусловная; но условливалась свободой тварей.

Находят вечные мучения невозможными после искупления человека. Неужели, говорят заслуги Исккупителя несильны еще покрыть пред Божеским правосудием все согрешения человеческие? Неужели и после искупительной жертвы, принесенной за людей Сыном Божиим, некоторые из них еще будут осуждены на вечные мучения? – Отвечать на этот вопрос нетрудно. Искупительная жертва, принесенная за людей Спасителем, действительно превышает все человеческие долги пред Божеским правосудием. Как бы ни были тяжки и бесчисленны грехи человеческие, все же они в сравнении с бесконечною полнотою искупительных заслуг Христовых, – то же, что капля в сравнении с морем. *Идеже умножися грех преизбыточества благодать* (Рим. V, 20). Но благодать, приобретенная нам Исккупителем, не есть сила, необходимо и насильно влекущая человека ко спасению. Благодать не действует насильственно, с непреодолимую силою. «Бог, говорит Дамаскин, не вынуждает добродетели и не силою похищает человека у смерти»³⁵⁹. Благодать требует со стороны человека свободного согласия, сочувствия и содействия. Путь ей в свою душу человек должен приготовить желанием спасения и покаянием во грехах, принять ее с верою по крайней мере, – не затворять дверей сердца (Апок. III, 20), когда она приходит, не противиться ей; не угашать и не оскорблять ее, когда она пришла (Деян. VII, 51; 1Сол. V, 29; Ефес. IV, 10). Что же делать благодати с ожесточенными грешниками, которые не имеют ни веры, ни покаяния, но с гордостью отвергают благодатные средства, и снова распинают Сына Божья, поносят и попирают Его, не почитают за святыню Кровь Завета, которою освящены, и ругаются над Духом благодати? (Евр. VI, 6, 10, 29). Кровь Исккупителя, ими попранная, благодать Его, ими отвергнутая и поруганная, будут вопиять на них пред Богом, и только усугубят вину их. Таким образом и бесценные заслуги Исккупителя не принесут спасения ожесточенным грешникам, не

потому, что искупительные заслуги Христовы не сильны спасти их, но потому, что сами они своим произвольным упорством делают себя неспособными к участию в дарах, заслугами Спасителя приобретенных.

Неверие в вечность мучений думают основывать на понятиях о Божьем правосудии, благодати и всеведении. Правосудно ли, говорят, за кратковременные грехи земной жизни осуждать на вечные мучения? Но, скажем словами Св. Златоуста, – «не по времени согрешения судимы бывают, но по естеству прегрешений»³⁶⁰.

Притом, в вечных мучениях будут казнимы не только временные грехи земной жизни, глубоко повредившие и ожесточившие душу, но гораздо более – нераскаянная злоба и непримиримая ненависть к добру, так что вечное мучение будет сопутствовать вечному ожесточению твари и ее нескончаемому пребыванию в греховности.

Бог есть благодать и любовь. Как же согласить с благодатью Божьей вечные мучения тварей, по благодати вызванных к бытию? Действительно сам Господь свидетельствует, что любовь Его к человеку сильнее, чем любовь матери к своему сыну (Исаии (XLIV, 15), или любовь отца к своему сыну (Мф. VII, 9, 10). Все, что только может сделать земной отец для воспитания и образования своего сына, все это совершенно ничтожно в сравнении с теми средствами, которые употребил Бог для умудрения и спасения человека. При всем том найдутся существа, которые отвергнут все сии спасительные и благодатные средства, подавят в себе все семена добра, и на целую вечность останутся в ожесточенной злобе, и во вражде против Бога. Ужели же и на такие существа благодать Божья должна изливать свои дары и щедроты? Не значило ли бы это (что запрещает Господь апостолом), – давать святая псом, и пометать бисер пред свиньями (Мф. VII, 6). Еще могла бы низойти благодать Божья, как и нисходит, к грешникам, которые решили по человеческой немощи, по неведению, – к грешникам, которые каются в своих вольных согрешениях, и просят прощения и помилования: но на вечные мучения будут осуждены нераскаянные грешники, враги Божьи, презирующие дары и

щедроты Божьей благодати. Конечно, не от Бога зависит их гибель: благодать Божья спасла бы их, если бы они хотели только принять спасение. Если гибнут: – значит отвергают спасение. Благодать Божья есть такое свойство Божественной воли, по которому Бог сообщает столько благ каждой твари, сколько она только может вместить по своей природе. Что же благодать Божья может сделать с такими существами, которые сами сделали себя неспособными к духовным благам и к благодатным дарам, и еще с гордостью отвергают их? Благодать Божья может только оставить им бытие, которое сами они наполнили муками бессильной злобы и страданиями.

Но, говорят, Бог знал несчастную судьбу таких существ: зачем же Он создал их? Не лучше ли было бы им вовсе не существовать, чем существовать в вечных мучениях? – Представьте, что какой либо отец имеет десять сыновей. Девять из них умны, благочестивы, совершенно счастливы, служат честью своего отца и украшением своего общества. Но один из десяти – человек потерянный, неисправимый, впал в пороки и преступления, и навсегда изгнан из общества. Не смотря на гибель этого несчастного, можно ли не назвать отца девяти умных и благочестивых сынов счастливым отцом? Конечно, горько отцу потерять и одного сына: но неестественно думать, чтобы отец, радуясь счастью и совершенствам девяти сынов и скорбя об одном, стал жалеть, что он родил их на свет, и если бы заранее знал судьбу сынов своих, из за одного отказался бы и от рождения девяти. Пример этот представляет некоторое подобие отношения Творца к твари. Бог, конечно, еще до творения мира знал число людей, которые вместе с дьяволами и ангелами его подвергнутся вечным мукам; но Бог также от вечности провидел, что бесчисленное множество людей будут наслаждаться вечною блаженною жизнью. Если бы провиденная Богом гибель ожесточенных грешников могла остановить творческую благодать, восхотевшую создать разумных тварей; то почему же и блаженство праведных и спасаемых, также провиденное Богом, не могло подвинуть Его к творению? Неужели хотят (чтобы из за злых Бог отказал в бытии и во всех радостях и добрым? «В таком случае, замечает Дамаскин, зло

победило бы благодать Божью³⁶¹). «Бог знал, говорит св. Златоуст, что Адам падет; но видел, что от него произойдут Авель, Енос, Енох, Ной, Илия, произойдут Пророки, дивные апостолы – украшение естества, и богоносные облака мучеников, источающих благочестие»³⁶².

Что касается до того – будто вечные мучения ожесточенных тварей кладут пятно на творение Божье, то всякий благомыслящий без труда согласится, что вечные мучения нисколько не противоречат ни Божьему всемогуществу, ни Божьей премудрости. Премудрость дала все средства человеку ко спасению; всемогущество не разрушает свободы тварей, без которой невозможно было бы и нравственное царство и блаженство тварей в союзе любви с Богом. И кто же из них, имеющих ум и свободу, захочет, чтобы Бог превратил его в бессознательную машину?

Говорят, что вечные мучения, как наказание, не имеющее целью исправление наказуемых, есть бесцельная жестокость и мщение, недостойное Бога. Но что бы сказало человеческое право судье, если бы ему представили следующее соображение. В обществе есть преступники, ожесточенные и закоренелые; никакое наказание не исправит их: следовательно, всякое наказание, на них налагаемое, есть бесцельная и бесполезная жестокость. Следовательно, такие злодеи должны быть освобождены от всякого наказания и им должна быть предоставлена полная свобода действия. И человеческое правосудие, опираясь на непреложный и всеми признаваемый закон правды, не только обрекает преступника на пожизненное изгнание или заключение, но за великие преступления осуждает злодея на смертную казнь. Причем, конечно, уже не имеется в виду исправления казнимого. Закон правды требует, чтобы нарушение этого закона было наказано, независимо от других целей, каковы, напр., исправление наказуемого, устрашение других и пр. Цели сии могут быть и не быть; но прямая цель наказания есть воздаяние за преступление, требуемое законом правосудия. И сам преступник, основываясь на собственном сознании, принимает назначенное ему наказание не в виде исправительной меры,

хотя оно и может быть такою мерою, но принимает его как возмездие за нарушение закона.

Наконец, в словах апостола думают находить проповедь о всеобщем восстановлении всех тварей в состояние славы и блаженства. По откровении царства славы, Бог, говорит апостол, будет всяческая во всех (1Кор. XV, 28). А где Бог, там свет, жизнь и блаженство. Где же, говорят, будет геенна, если Бог будет всяческая во всех? – Но что апостол, – не проповедник всеобщего восстановления, об этом он сам свидетельствует, когда говорит, что на последнем суде незнающие Бога и непокоряющиеся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа в наказание подвергнутся вечной гибели от лица Господня и от славы могущества Его (2 Фесс. I, 7 – 9). Не противоречит же сам себе апостол. Правда, где Бог, там свет, жизнь и блаженство; но только для тех, которые имеют очи видеть (Рим. XI, 8 – 9), имеют чистое сердце, способное жить в Боге и наслаждаться блаженством лицезрения Божья (Мф. V, 6, 8). И естественный свет для больных глазами бывает тяжел и невыносим: тем паче нестерпимо свечение Божественного света для душ, омраченных грехом. Для чистых сердцем Бог действительно есть свет и жизнь; для омраченных грехом Бог есть огонь поядаяй (Евр. XII, 29). И тогда как первые будут вкушать неизреченное блаженство в лицезрении Божьем (Мф. V, 8), последних одна мысль о Боге будет приводить в ужас и трепет (Иак. II, 19). Бог будет всяческая во всех: но от сего не будут блаженны неспособные к блаженству и недостойные блаженства. И естественный свет освещает все вещи видимого мира: но от этого не делаются прозрачными и светящимися тела темные и непроницаемые светом.

2. О вечном блаженстве праведников

а) В чем будет состоять блаженство праведников?

Праведники наследуют царство, уготованное им от создания мира. В этом царстве, граде, доме Божьем первым источником блаженства будет для них постоянное сопребывание, сожительство с Самим Богом и Господом Иисусом Христом и постоянное соучастие в Божественной славе, сколько это возможно и доступно для твари. Они удостоятся зреть Триипостасного лицом к лицу: *блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. V, 8)*. В этом лицезрении Всесовершенного они будут находить полнейшее удовлетворение для всего своего богоподобного существа.

Ум, жаждущий истины, достигнет совершенного ведения. *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, – тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, – и тогда познаю подобно как я познан (1Кор. XIII, 12)*. Тогда то, что отчасти, прекратится (– 10), вера прекратится и настанет одно непосредственное видение (2Кор. V, 7).

Воля жаждущая добра, получит полное удовлетворение своему стремлению. *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф. V, 6)*. *Возлюбленные! мы теперь дети Божьи; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть (1Ин. III, 2)*.

Сердце, жаждущее блаженства, найдет себе полное успокоение в единении с Богом, Источником блаженства. *Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем (1Ин. IV, 16)*. На праведниках исполнятся во всей силе слова Спасителя: *Да будут все едино: как Ты, отче, во Мне, и я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Я в них, и Ты во Мне, да будут совершены во едино (Ин. XVII, 21, 23)*.

К этому присоединится ближайшее, блаженнейшее общение праведников между собою и с ангелами: они будут связаны между собою узами чистейшей взаимной любви, как дети одного общего Отца, который будет все во всем (1 Кор. XV, 28).

Блаженному состоянию праведников по душе будет соответствовать в царствии небесном состояние их по телу. Кроме того, что тела их восстанут для будущей жизни *нетленными, славными, сильными, духовными*, они будут изъяты от всех назойливых нужд настоящей жизни. *Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной* (Апок. VII, 16). *И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет* (– XXI, 4).

Вообще же блаженное состояние праведников на небеси будет таково, что теперь мы ни представить, ни изобразить его не можем: *не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1Кор. II, 9).

Известный германский сатирический поэт Генрих Гейне представляет будущую жизнь бесконечно скучною, монотонною, и потому с своей стороны не желает достижения ее. Такое представление основывается на ошибочном перенесении в будущую жизнь несовершенных условий здешнего существования. Состояние наше в будущей жизни не будет состоянием бездеятельного, скучного покоя, мертвым квиэтизмом: оно будет представлять гармоническое, всецелое удовлетворение всех потребностей и стремлений нашей души путем непрерывного, бесконечного развития. Ум, сердце и воля человека найдут для себя много достойных предметов и обильную пищу в этом развитии. Один Бог – бесконечное море сущности – будет уже служить неисчерпаемо–возвышеннейшим предметом для нашего ума в его коренном стремлении постигнуть виновника всего существующего, для нашего сердца с его ненасытною жаждою любви, для нашей воли в ее стремлении к нравственному совершенству, к богоуподоблению. Вот первый и главный предмет, который не будет давать покоя всем нашим душевным силам, будет держать их в постоянном напряжении и в то же время доставлять им бесконечно–блаженное удовлетворение! Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершенное Сыном Божиим, то великое и чудное дело, в

которое желают проникнуть и ангельские умы. Третьим предметом нашего познания будет мир ангельский, мир совершенных духов, принимавших и принимающих благотворное участие в нашей земной судьбе и в особенности в нашем вечном блаженстве. Сам человек в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии будет также предметом, размышление о котором будет представлять для нас величайший интерес и бесконечное удовлетворение. Наконец, преображенный и обновленный мир во всей его красоте и разнообразии будет равным образом привлекать умственный взор наш и возбуждать чувства удивления и благоговения к Сотворившему все премудростью. Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности! Какой неисчерпаемый источник блаженства!

«Какая будет слава, какая радость – удостоиться того, чтобы зреть Бога и вместе со Христом, Господом Богом твоим, вкушать радость спасения и вечного света, приветствовать Авраама и Исаака и Иакова, и всех Патриархов, и Пророков, и Апостолов, и Мучеников, вместе со Святыми и друзьями Божьими наслаждаться сладостью дарованного бессмертия, и получить то, чего око не видело, ухо не слышало и что на сердце человеку не приходило»! (Св. Киприан, послание IV).

Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы в горнем граде, где все Святые Мои упокоеваются в великой радости... Там Авраамово лоно приемлет претерпевших скорби, как прияло некогда нищего Лазаря; там отверзаются сокровища вечных благ Моих; там горний Иерусалим – мать первородных; там блаженная земля кротких. *Приидите ко Мне вси, и Аз упокою вы*, упокою там, где все тихо и безмятежно, где все светло и приятно для зрения, где нет ни обидящего, ни притесненного, где нет уже ни греха, ни покаяния, где свет неприступный и радость неизглаголанная, где нет ни труда, ни слез, ни заботы, ни попечения, ни сетования, где нет ни диавола, ни смерти, ни поста, ни печали, ни ссоры, ни рвения, но радость и мир, упокоевание и, восторг, где глас празднующих, где открываются недо – ведомыя сокровища

мудрости и ведения (св. *Ефрем Сирийский*, Слово на второе пришествие Господа, в Твор. Св. Отец, XIII, 403 – 404).

Царство небесное есть созерцание. Теперь, как в зеркале, видим тени вещей, а впоследствии, освободившись от сего земного тела и облекшись в тело нетленное и бессмертное, увидим их первообразы. Увидим же, если жизнь свою управим по прямому пути, и будем заботиться о правой вере, без чего никто не узрит Господа (св. *Василий Великий*. Письмо к Кесарию монаху VIII).

«Думаю, что оно (царствие небесное) не иное что есть, как достижение чистейшего и совершеннейшего. А совершеннейшее из всего существующего есть ведение Бога. Сие-то ведение частью да храним, частью да приобретаем пока живем на земле, а частью да сберегаем для себя в тамошних сокровищницах, чтобы в награду за труды приять всецелое познание Святой Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будет выразиться так), в Самом Христе Господе нашем, которому слава и держава во веки веков» (св. *Григорий Богослов*, слово о поставл. епископ., в Твор. Св. Отец, II, 174 – 175).

«Представь себе состояние той жизни, сколько возможно это представить, ибо к надлежащему изображению ее не достанет никакого слова; только из того, что слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное представление об ней. *Отбеже, сказано, болезнь, и печаль, и воздыхание* (Исаии XXXV, 10). Что же может быть блаженнее этой жизни? Не нужно там бояться бедности и болезни; не увидишь ни обижающего, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распаляемого гнусною похотью, ни мучимого заботою о снискании потребного к жизни, ни скорбящего о начальстве и власти: ибо вся буря наших страстей, затихнувши, перестанет, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день и ясность, и свет, свет не этот нынешний, но другой во сто крат светлее этого, во сколько этот (солнечный) ярче света от свечи. Ибо там свет не помрачается ни ночью, ни набегом облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара,

ни другой какой перемены времен; но иное какое – то состояние, такое, которое узнают одни достойные. Нет там ни старости, ни спутников старости; но все тленное изгнано, потому что повсюду господствует нетленная слава. А что всего этого важнее, – это непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с ангелами, с Архангелами, с горними Силами... Ни в чем не будет тогда смятения и борьбы, потому что велико будет согласие в лице святых, по причине непрерывного взаимного между всеми единомыслия» (св. *Иоанн Златоуст*, слово к Феодору падшему, в Христ. Чт. 1844 г. I, 370 – 372).

б) Степени блаженства праведников

Подобно мучениям грешников, и блаженство праведников будет иметь свои степени, соответственно нравственному достоинству каждого. *В доме Отца Моего обителей много* (Ин. XIV, 2), сказал Господь Иисус Христос. И еще Он же сказал: *Приидет Сын человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими; и тогда воздаст каждому по делам его* (Мф. XVI, 27). *Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (X, 41, 42). В притче о талантах верные рабы за различное употребление талантов получили от своего господина различные награды (Лук. XX, 17 – 20). *Каждый получит награду по своему труду* (1Кор. III, 8): таков закон строгой справедливости.

Многими обителями у Отца Спаситель называет меры разумения водворяемых в оной стране; разумею же те различия и разности, с какими наслаждаются там, сообразно с своим разумением. Ибо Господь наименовал многие обители не по разности мест, но по степени дарования. Как лучами солнца чувственного наслаждается всякий по мере чистоты зрительной силы и впечатления и как от одного светильника, освещающего один дом, каждый луч бывает различен, между тем как свет не делится на многие светильники: так в будущий век все праведные водворятся нераздельно, в одной радости, но каждый в своей мере озаряется единым мысленным Солнцем и по степени достоинства почерпает радость и веселие» (св. Ефрем Сирин, о блаж. обител., в Твор. св. Отец, XIV 496).

Поелику многие обители в доме Отца и различные жребии назначены в земле наследия, которую наследуют кроткие (Мф. V, 4), то, явно, что иные упокоятся во светлости Божья явления, а иные под покровом небесных сил, другие же во славе света закроются как бы дымом (св. Василий Великий, Толков. на Исаию IV, 5, Твор. св. Отец, VI, 182).

В сем (т. е. в различии мздовоздаяния) убеждает нас не только наше умозаключение, но и Слово Божье. Ибо Сам (Иисус Христос) говорит: *воздаст коемуждо по деянием его* (Мф. XVI, 27). Да не только в геенне, но и в царстве найдешь множество различий: *в дому Отца Моего, говорит, обители многи суть, и: ина слава солнцу, ина слава луне* (1Кор. XV, 41). И что удивительного в этом, что (апостол) представил такое различие, когда еще говорит, что там будет и такое различие, какое есть между одною звездою и другою» (св. Иоанн Златоуст, Слово 1 – е к Феодору падшему).

в) Вечность блаженства праведников

Как мучения грешников во аде представляются особенно страшными потому, что не будут иметь конца, так с другой стороны и блаженство праведников на небе становится еще вожделеннее оттого, что точно также будет нескончаемо во веки.

Я даю им (Моим овцам) жизнь вечную, и не погибнут во век (Ин. X, 28). Я есмь воскресение и жизнь верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет во век (XI, 25, 26). Обетование, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная (1Ин. II, 25). И идут праведники в жизнь вечную (Мф. XXV, 46). Так откроется нам свободный вход в вечное царство Господа нашею и Спасителя Иисуса Христа (2Петр. I, 11). Хотя Он и Сын, однако, страданиями навыв послушанию и совершившись сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного (Евр. V, 8, 9). Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные вечному наследию получили обетованное (IX, 15). Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно (2Кор. IV, 17, 18). Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище не оскудевающее на небесах (Лук. XII, 38). Вы и Моим узам сострадали и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее (Евр. X, 34). Когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы (1Петр V, 4). Итак, всегда с Господом будем (1Сол. IV, 17).

Если кто пойдет сими узкими вратами и сим тесным путем, то примет он блаженное воздаяние, воздаяние небесное, которому не будет никогда конца (св. Ефрем Сирин. Слово на второе пришествие Господа).

То, что будет после (всеобщего суда), какое изобразит нам слово, т. е. происходящую от сообщения со Христом сладость, пользу и веселье? Ибо душа, получивши опять свое благородство и пришедши, наконец, в состояние с дерзновением видеть своего Господа, нельзя сказать какое обретет наслаждение, какую выгоду в том, что увеселяется не только обладаемыми благами, но и уверенностью, что сии блага никогда не окончатся (св. *Иоанн Златоуст. Слово 1 – к Феодору падшему*).

Господи! даруй нам живую память Твоего будущего, последнего, славного и страшного пришествия, Твоего страшного суда над нами, Твоего праведного и вечного воздаяния праведникам и грешникам, чтобы мы, вспомоществуемые Твоею всесильною благодатью, *целомудренно, и праведно и благочестиво жили в нынешнем веке (Тит. II, 12)*.

**Дополнение. Историческое
доказательство бессмертия души
человеческой и будущей жизни.**

Предварительные замечания

Свет во тьме светит, и тьма не объяла его. (Ин.1:5).

Изложив учение православной церкви о загробной жизни и последней судьбе человека, считаем не лишним дополнить это изложение кратким историческим очерком, в котором постараемся показать, что учение о бессмертии души и будущей жизни принадлежит не исключительно столько богооткровенной христианской религии, но составляет общее достояние и всех естественных, или языческих религий.

Выше (в отделе первом) мы говорили, что непосредственное сознание бессмертия души присуще всем людям без исключения и что оно составляет отличительную, неотъемлемую черту, необходимое достояние человека, душа которого, по выражению Тертуллиана, *по природе – христианка*. Если это действительно так, в таком случае нужно ожидать, что раскрытие и выражение этого сознания мы должны встречать у всех народов во все времена, что вера в бессмертие и будущую жизнь должна быть достоянием всего человечества. Это и подтверждается на самом деле. Вера в бессмертие и будущую жизнь, составляя существенный элемент религиозного сознания, так же всеобща, как и вера в Бога. Нет и не было ни одного народа, который не ожидал бы будущей жизни, который ограничивал бы существование и цель жизни человеческой одною землею. Конечно, форма выражения этой веры, характер и степень ее развития не у всех народов (дохристианских и внехристианских) одинаковы, как неодинаково и все вообще умственное и нравственное развитие их. Только уже христианство сообщило истине бессмертия души и загробной жизни полную достоверность и истинное выражение: дохристианские же религии представляют по большей части только более или менее ясные гадания об этой истине, более или менее верное предчувствие ее.

Обратимся прежде всего к языческим народам древнего мира.

Считаем нужным сделать предварительно следующее общее замечание. Язычество представляет нам собою не начало в истории религии, не первобытный вид ее, а уклонение от этого последнего, затемнение и искажение истинных религиозных понятий и стремлений. Следовательно в языческих религиях мы не можем и не должны искать полного, ясного и истинного выражения идеи бессмертия души и будущей жизни. Но с другой стороны нельзя не видеть и того, что среди самого мрака изжитых человеческих заблуждений, по временам светили лучи того света истины, который никогда совершенно не оставлял человека (Ин. I, 5), что среди самых суеверий встречаются следы истины. «В этих призрачных мечтаниях языческой древности, в этих чарах, созданных воображением древнего человека, в этих мифах и легендах древнего мира, в этих причудливых образах фантазии по временам высказывалось искание истины, тяготение невольное, полусознательное к тому, что открыто нам; в них мы находим гадание об истине, ее предчувствие... Словом, в отживших верованиях язычества мы находим историческое свидетельство об истине христианства. Вполне справедлива в этом отношении мысль известного лингвиста Макса Мюллера, высказанная им в заключение его публичной лекции об индийских Ведах, читанной в Лондоне в 1865 году: «Изучение древних религий научает нас лучше ценить то, что дано нам нашей религией. Только тот, кто терпеливо и беспристрастно обсудил все другие исторически известные религии, может знать, что такое христианская истина, и с полным убеждением и уверенностью сказать вместе с апостолом Павлом: «я не стыжусь благовествования Христова»³⁶³.

В своей проповеди в Афинском ареопаге св. апостол Павел раскрывает ту мысль, что Бог и Его вечная истина близки человеку, потому что человек носит в своей душе образ Божий и в нем – некоторое таинственное откровение истины. *От одной крови Он (Бог) произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас –* ,

ибо мы Им живем, и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили; мы Его род и (Деян. 17:26–28). *Неужели* – говорит тот же апостол в другом месте – *неужели Бог есть Бог иудеев только, а не и язычников? Конечно и язычников* (Рим.3:29), которым Он также не переставал свидетельствовать о Себе (Деян.14:17) и которые, хотя и лишены были особенного положительного откровения Божья, какое дано было избранному народу Божью, но не лишены были естественного откровения Божья, данного в разуме и природе, и при помощи этого откровения могли познавать и познавали невидимое Божье – вечную силу Ею и Божество (Рим.1:20), и вечную истину, лучи которой пробиваются сквозь тусклую оболочку их представлений.

Поищем же в языческих религиях древнего мира того, что может быть найдено в них относительно занимающего нас вопроса.

Начнем с крайнего востока, и именно с древнейшего из существующих народов – *китайцев*.

Миросозерцание Китая – сухое, механическое, без идейное. Китаец – это реалист и практик в дурном, одностороннем смысле этого слова. Его мысль и чувство всецело привязаны к непосредственности явлений, к видимому и осязаемому; все идеальное, все, что выходит за пределы действительности, ему, по-видимому, совершенно чуждо. Он руководится в своей жизни исключительно сухим рассудочным расчетом. У него не заметно стремлений к сверхчувственному, и можно бы подумать, что у него нет для этого даже органа: до такой степени он привязан к чувственному, видимому, осязаемому; до такой степени заглушено в нем всякое тяготение к идеальному... Его религия едва достойна этого имени даже по сравнению с религиями язычества: так она суха и несложна ³⁶⁴.

Китаец и в решении вопроса о последней судьбе человека отличается особою сдержанностью и сухостью. В древних религиозных преданиях Китая нет слова о бессмертии. В И – цзин (книге превращений) о жизни и смерти всех существ без исключения говорится как о необходимом законе жизни; переход из состояния небытия, или рождение (пиен),

заканчивается превращением существа в ничто (Хоа). Везде, где говорится о наградах за добродетель, перечисляются только блага временные: долгая жизнь, богатство, счастье или благой и спокойный конец, а мудрым обещается только историческое бессмертие... Единственным следом бытия человека остается только его могила³⁶⁵.

Впрочем, позднее, мы находим и в Китае веру в бессмертие. В V столетии по Р. Хр. отрицание бессмертия признавалось вольномыслием, противным религии. Один ученый, утверждавший, что душа относится к телу, как цветок к дереву, и умирает вместе с ним, был преследуем как противник религии. Еще позднее, мыслители Китая утверждали далее, что бессмертие – существенная принадлежность человека, и говорили, что смерть есть только отрешение от тела того начала, которое его оживляло, и что тело есть только дом, в котором обитает дух. Обитатель остается и по разрушении тела³⁶⁶.

Таким образом даже и таким сухим и грубым реалистам, каковы китайцы, во всяком случае не была совершенно чужда вера в бессмертие души.

Переходим к соседям китайцев – *индийцам*.

В древний период религиозных верований индийцев, в гимнах Вед, проникнутых свежими чувствами, мы встречаем мысль о бессмертии и, по видимому, личном, хотя Веды и редко обращаются к вопросу о будущей жизни. Кто дает милостыню, – говорит один стих Вед, – тот идет на высоты неба, восходит в богам. В другом гимне составитель высказывает надежду увидеть после смерти своего отца и мать³⁶⁷.

Вот что, между прочим, говорилось в молитве при совершении жертвы в честь бога Сомы (посредника между богами и людьми): «Сома! возведи меня туда, где светит вечный свет, в мир беспредельной славы, туда – в мир бессмертия, туда, где таинственное жилище царя Вивасваты (первого человека, или идеального, вечного человека); сделай меня бессмертным, Сома, и возведи в небеса, где желания находят себе успокоение, где живут светоносные существа, где пьют из

чаши светлого живительного питья, где одно счастье и радость³⁶⁸.

С другой стороны существовала вера, что нечестивых в будущей жизни ожидает наказание. Вообще вера в бессмертие была так всеобща, что закон Ману запрещает приносить жертвы тем, кто не верит в будущую жизнь.

Но таково было собственно народное верование, принадлежащее ранней эпохе. Вместе с появлением браминства место его заступает иной взгляд на бессмертие – в смысле пантеистическом. «Уже в объяснениях на Веда мы встречаем характеристический в этом отношении рассказ о беседе бога смерти Ямы с одним из браминов по вопросу о бессмертии. Молодой брамин, посланный своим духовным отцом к богу Яме и не заставший его дома, в награду за терпение в ожидании бога, получил от последнего предложение просить у него три дара, какие хочет. Брамин обратился к Яме с вопросом, ответ на который, по-видимому, всего скорее можно было получить от бога смерти: «что делается с человеком после смерти? скажи мне!» сказал он Яме «Одни говорят, что он исчезает, другие, – что остается. Вот что желал бы я узнать от тебя». Вопрос этот смутил бога смерти. «Это трудно решить, это – *тонкая вещь*», – отвечал он. – «Ибо боги в недоумении относительно этого вопроса, и они не знают об этом³⁶⁹. Затем бог смерти раскрывает брамину идею всепроникающего мирового духа, который, как огонь, распростерт по всему миру, как ветер, наполняющий воздух, проникает собою все разнообразные виды живых существ.

Брамины поставляли бессмертие и вечную жизнь в слиянии и тождестве с Брамою (великим духом, который есть единство и целость). «В Бrame все живое и все миры пропадают. Как капля воды, брошенная в море, не выйдет на поверхность и не может быть узнана среди целой массы вод, так и единичный дух, соединившийся с Брамою, не покажется после, затеряется в этом целом. Дух наш – только капля из моря жизни божественной. Как реки, текущие в океан, пропадают в нем, теряя свой вид и свои имена, так и отдельные живые существа,

погружаясь в море беспредельной сущности, теряют свою отдельную форму бытия³⁷⁰.

Если браминский пантеизм, отрицая личное бессмертие человека, допускал все таки бессмертие его в смысле слияния с всеобъемлющею сущностью, с Брамою, то выродившийся из браминства буддизм, составляющий логический вывод и последнее его слово, является самым крайним нигилизмом и атеизмом, отрицающим не только Бога, но и мир, проповедующим абсолютную пустоту, небытие.

Между тем этот атеизм стал религией и притом одною из самых распространенных в мире религий. Явление, по-видимому, в высшей степени странное. Но сердце человеческое так устроено, что нашло Бога и среди этого отрицания. Самого проповедника этого всеуничтожающего учения последователи его признали своего рода богом – могучею, сверх естественною силою. К тому же – и это главное – с отрицанием в теории в буддизме связано нравственное учение очень строгое и во многом замечательное, вносящее в жизнь новый элемент, давно желанный и ожидаемый. В этой практической стороне буддизма – все его историческое значение и разгадка его первоначального распространения в Индии и за ее пределами³⁷¹.

Что касается специально занимающего нас вопроса, то основатель буддизма Шакия–Муни (или Будда, то есть мудрый) не допускал ни личного, ни пантеистического бессмертия человека: последнею целью жизни, по его учению, является *нирвана* (бытие угасшее), то есть совершеннейшая пустота. Блаженство в нирване есть блаженство небытия, в противоположность бытию, с его неизбежными скорбями. Таково было учение самого основателя буддизма. Однако, этот взгляд далеко не был всеобщим впоследствии. С самых первых времен появления буддизма понятие о нирване в самих буддистах возбуждало недоумение. Уже на третьем собрании буддийских духовных предложен был вопрос о ней и разрешен тем, что нирвана *непостижима*, что она есть тайна, в которую нельзя проникнуть. Вообще ни один предмет не возбуждал столько разнородных мнений у последующих буддистов, как

нирвана. Различные школы представляли ее различно, и для некоторых она имела положительный характер и значила соединение со всеобщим, блаженство. В представлении же народных масс пустота нирваны обратилась в настоящий рай. Одним словом, общее понятие о нирване сводится к тому представлению, что она есть *уничтожение скорбей* и вместе с ними нынешних свойств бытия.

Таким образом буддизм не может быть выставлен как возражение против всеобщности в человечестве веры в бессмертие. Ведь даже и в недрах христианства появляются мыслители, проповедующие буддийскую нирвану. Но метафизическая доктрина никогда не заменит собою для человека религии; а религия без веры в Бога и в бессмертие человека немыслима и невозможна. Вот почему и учение Будды, подавляющее чувство, отнимающее у человека Бога и будущую жизнь, не могло в чистом своем виде сделаться народной религией, оставшись достоянием только небольшого числа буддийских ученых.

Если бы допустить, что более 300.000,000 подобных нам людей исповедуют сознательно столь страшное учение, в таком случае действительно нельзя было бы и утверждать, что в глубине человеческой души есть инстинкт бессмертия. Но мы уже видели, что мертвящее учение Будды о нирване даже первыми последователями этого родоначальника пессимизма было признано неудобоприемлемым и получило затем совсем иное значение и смысл, возвративший сердцу человеческому его наилучшие чаяния и надежды.

От индийцев обратимся в последователям учения Зороастра древним персам.

Особенно выдающуюся черту Зороастрова учения о человеке и о его достоинстве составляет учение о бессмертии. Ормузд, по воззрению Зороастра, одарил человека двумя благами: счастьем на земле и бессмертием в будущей жизни: «Дух человеческий как дух, нисшедший с неба и существующий независимо от тела живет и по разрушении его и исчезновении жизненной силы. После смерти тела он восходит на гору Альбарда, от которой к жилищу Ормузда, или месту

блаженства, ведет мост Циквит или Сикват, страшный для нечестивых и безопасный для праведных. Только те проходят через него, кто верно служил Ормузду; нечестивый же низвергается в бездну ада³⁷².

При конце мира последует воскресение всех людей вместе с телами их. «Пред наступлением последней, решительной битвы между Ормуздом и Ариманом, или что то же, в последние времена мира, силы добра и зла будут проявляться в особенно напряженной деятельности. Ариман пошлет беды и горе на землю, откроются жестокие войны, кровь будет литься рекою... Наконец, явится последний из пророков и потомков или сыновей Зороастра – победитель дэвов (злых духов) Сосиош. Время его появления будет последним временем настоящей жизни. Ариман и его духи будут повержены и лишатся своей власти на земле и во всем мире. По одухотворении людей и победе над духом смерти последует обновление или воскресение тел

Перейдем теперь в таинственную страну мудрости и чудес – *Египет*.

Учение о последней судьбе человека составляло один из самых выдающихся пунктов в религии Египта и служило предметом изумления для древних греческих писателей, знакомых с Египтом.

В самом деле, ни у одного из народов исторически известных, вопрос о смерти не имел такого значения и важности, как у египтян, у которых с ним связаны были все религиозные верования и чаяния. Из Египта греческий историк (Геродот) изводил первую мысль о бессмертии, увлеченный тем, что нигде в древнем мире идея о бессмертии не была так полно и сложно раскрыта, как в Египте³⁷³. С удивлением замечал о египтянах другой греческий историк³⁷⁴, что они нимало не ценят настоящую жизнь, называя дома живых гостиницами, в которых человек останавливается только на время, как путешественник, и признавая истинными и вечными жилищами гробы мертвых. Но египетское учение о последних судьбах человека замечательно не этою общею мыслию о бессмертии, которая могла удивлять грека времен Геродота и

которая далеко не чужда была и другим народам, не силою и всеобщностью веры в бессмертие, а своеобразными понятиями о жизни души по смерти тела, теми странными обрядами, какими сопровождалась смерть человека и которые придавали какой-то особый, загадочный смысл самому учению о загробной жизни. Изумительно, в самом деле, у древних египтян усиленное желание на всегда сохранить от тления тело умершего, чего не находим ни у одного из народов. Труп каждого умершего египтянина бальзамировали, пеленали и затем относили в Некрополь (город мертвых). Эти города мертвых в Египте были зданиями, на устройство которых тратились и силы, и материальные средства; этому желанию сохранить храмину души мы обязаны такими гигантскими зданиями, каковы Хеопсова и другие пирамиды³⁷⁵.

На смерть египтянин смотрел как на закат жизни, после которого ожидал нового восхода ее. Умирая человек уходил на время в *аменти*, то есть в сокровенную, темную область жизни. Но это пребывание в аменти должно быть только переходною ступенью к новой жизни для умершего: за ним последует *день явления*, для жизни, откроется начало какой-то другой жизни.

Одною из отличительных, выдающихся сторон в религии семитических народов служит слабое, сравнительно, развитие учения о бессмертии, что, в связи с грубыми, чувственными формами культа, ставит их на не высокую ступень в ряду других религий.

Нравственный идеал в *Вавилоне* стоял очень не высоко. Народ был предан чувственности и не отличался гуманностью, как египтяне например. Ясного и развитого учения о бессмертии не было.

Замечательно, впрочем, одно выражение в переведенном Смитом (английских ассириологом) рассказе о потопе. В заключение его упоминается о созданном «великим богом» *блаженстве Ану*, то есть бога бездны, или нижнего неба, иначе – бога айда. Область, где царствует Ану, представляется таким образом *местом блаженства*. Трудно найти какой-либо иной смысл в этом отрывочно высказанном выражении.

Погребальные обычаи ассирийян и вавилонян, по замечанию Геродота, были подобны египетским³⁷⁶.

Нравственное воззрение мореплавателей и торговцев древнего мира – финикиян мало известно, но, по-видимому, как и вавилонское, не отличалось возвышенностью. Это был народ – материалист по преимуществу. Как и в халдее, мы не находим у финикиян развития учения о бессмертии. Впрочем, в теогоническом отрывке у Санхониатона встречаются боги с греческими именами Плутона и Прозерпины. Это, по-видимому, служит доказательством, что идея бессмертия не была совершенно чужда и финикиянам³⁷⁷.

Идея бессмертия не чужда была и арабским племенам, не смотря на сравнительную грубость их нравственного быта. Если некоторые из них думали, что со смертью все кончится, то другие верили в будущую жизнь и воскресение. Когда умирал родственник или друг, они зарезывали на его могиле верблюда или морили его голодом, в убеждении, что он оживет вместе с умершим и будет служить ему в пути, когда он пойдет на суд Аллаха. Они думали также, что по смерти, душа улетает из тела под формую птицы Ката или Зада (род ночной совы), которая не перестанет порхать над могилой умершего, испуская жалобные звуки, и приносит ему весть о его детях³⁷⁸.

Мы дошли таким образом до греко-римского мира, которым завершилось развитие языческого человечества древности. Обратимся сначала к грекам и спросим у них ответа на наш запрос относительно веры в бессмертие и будущую жизнь.

Древнейшее, до гомеровское учение о смерти и бессмертии мало известно. О нем можно судить только по следам, которые остались от него в эпоху Гомера. «У Гомера есть смутное чувство человеческого бессмертия под формою бледной тени когда-то бывшей жизни. Об этом говорят также и сохранившиеся у него же следы древнего взгляда на умерших как на существа, не прекратившие вполне своего бытия. Следы этого верования у него выражаются в почтительной памяти к умершим. Одиссей даже приносит им жертвы, по повелению Цирцеи: это, очевидно, остаток древнего обычая приносить предкам жертвы, указывающий на присутствие некоторых, хотя и смутных

представлений о загробном их существовании. Этого мало: Одиссей вопрошает одного из умерших пророков, Тирсия, или Тирезия, о своем будущем. При гробах умерших, по свидетельству Павзания, действительно издревле были оракулы. Таинственная область смерти была источником иместилищем тайн самой жизни. Пророк Тирсий даже сохраняет, как мы видели, разум и в аиде. Но и это еще не все. Рядом с мрачным аидом стоит представление об Элизиуме и об островах блаженных. Менелаю и другим героям обещано, что они не умрут, как умирают другие, но сохранив тело, переселятся на острова блаженных, где нет ни холода, ни зноя, ни ветра, ни бури. Гезиод также говорит о переселении на небо и о вечной жизни древних предков золотого века и героев... Очевидно, полного отрицания бессмертия никогда не было: напротив, всегда было смутное чувство какого-то таинственного бытия за гробом, что выражалось и в принесении жертв умершим. Гомер представляет уже своеобразное осмысление этого древнего верования, которое, исходя, из непосредственного явления, смерти, не могло, конечно, признавать умершего живым, но с другой стороны, побуждаемое духовным инстинктом и чувством таинственного, не могло помириться и с мыслию о совершенном уничтожении человека и шло за пределы видимого факта смерти. У Гомера души умерших являются не исчезнувшими, но живущими под формою призрака, или утонченной сущности человека. Это – не пантеистическое учение о поглощении человека всеобщей сущностью и не грубое представление диких о душах умерших, которое приписывало им фантастические, страшные формы³⁷⁹.

В греческой мысли и жизни совершилась весьма значительная перемена в четыре века, протекшие между Гезиодом и Персидскими войнами: в этот период времени изменился также и взгляд на нравственный порядок жизни. «С этой стороны возникла в сознании новая для древнего языческого мира вообще и в частности для греческого сознания, идея всеобщей греховности, отчуждения от Бога, первоначального падения, мера или степень которого представлялась тем большею, чем чище и возвышеннее

становилось представлением Божества. Восстановление этой первобытной чистоты – освобождение души от покрывающего ее зла, примирение с Божеством возможно только посредством особого порядка религиозной и нравственной жизни, элементами которого в сфере религиозной были известны очищения, посвящения и проч., в сфере нравственной – соблюдение известных правил и предписаний, назначенных для нравственного очищения души, возвышения ее над чувственными пожеланиями и приближения к Божеству. Выражением этого зарождающегося сознания были в религиозной сфере *мистерии*, отличавшиеся от обыкновенной, народной религии тем, что вступление в них совершалось чрез особые посвящения³⁸⁰.

Элевзинские и орфические мистерии посвящены были хтоническим (подземным) божествам – Деметре, Персефоне и Дионису и отвечали пробудившемуся в гелленском сознании чувству греховности и потребности в оправдании и очищении. Они направлены были к возбуждению и укреплению в душе веры в будущую жизнь и потому могут быть названы *праздниками бессмертия*. В этих религиозных мистериях греков выразились лучшие религиозные представления и лучшие чаяния греческого мира. «Счастлив тот, – поет Пиндар, – кто после этого таинства сходит в недра земли! знает конец жизни, он знает ее божественное начало.

Учение о бессмертии выросло и развилось у древних греческих философов, как это и естественно было, на религиозной почве, на религиозных основаниях, и имело характер более религиозного, традиционного догмата, нежели собственно–научного исследования. Но религиозные основы сами требовали прояснения. Надо было поставить их в связь со всем мировоззрением, ввести в общий план мирового порядка, согласить с высшими потребностями человеческого духа и осветить светом идеи мироправящего начала – Бога. Философское мышление не могло оставаться равнодушным к такому великому вопросу, как вопрос о бессмертии.

Первый, перенесший этот вопрос на философскую почву, был *Платон*.³⁸¹

Платон излагает учение о бессмертии в следующих диалогах: Тимее, Меноне, Федре и Государстве. Но специальное философское исследование о бессмертии изложено им в Федоне, составляющем первый и важнейший опыт научного обоснования истины бессмертия духа человеческого. В нашу задачу не входит подробное изложение Платоновых доказательств бессмертия души человеческой: мы представим в коротких словах только самую суть его учения об этом предмете.

Слово Платона остается последним и заключительным словом древней философии и древнего мира. На то, во что он веровал (религиозная сторона его философии), и чему учил (философский элемент его религиозного сознания), мы можем смотреть как на последнее слово, изреченное древностью о будущей жизни человека. Душа человеческая бессмертна. Все ее надежды и стремления перенесены в другой мир. Истинный мудрец желает смерти как начала истинной жизни. Потустороннее – предмет его созерцания, всех его помыслов. В том только мир открывается истинная сущность вещей. Здешний же мир сам по себе не имеет никакой цены, но имеет значение только по отношению к другому, как его отобраз, подобие. В этом заключается величие Платонова учения, возвышающего и устремляющего душу к свойственной ей свободе, к господству над всеми чувственными ограничениями³⁸².

Платонов Федон – это как бы заключительный аккорд, последний гармонический звук, которым разрешается и завершается стремление гелленского духа к бессмертию, стремление, прошедшее сквозь целый ряд всяческих противоречий; это гимн бессмертию и вместе с тем мастерское произведение диалектического искусства, возводящее к тому, во что в детской простоте верили и что исповедовали предки индогерманского семейства народов.

Однако, говоря строго, бессмертие, защищаемое Платоном, не есть чисто личное бессмертие: это есть бессмертие вообще духа, а не индивидуальных душ. Но с другой стороны нужно все – так сказать, что сам Платон убежден именно в личном

бессмертия и старается защитить его перед своими слушателями, что личное бессмертие, оставаясь у него без диалектически – научной опоры, утверждается на нравственных основаниях: те же нравственные навыки, те же сердечные привязанности, те же слабости и пороки, вообще вся жизнь сердца – пойдут за человеком в тот мир, с ними он явится на суд Божий и получит за них оправдание или наказание.

Нужно еще заметить, что душа представляется у Платона *вечно-живущею* по самой своей природе, и эта жизнь ни по своему началу, ни по своему вечному продолжению не возводится к высшему, то есть божественному основанию; между тем как только это основание и может быть единственно-твердым, положительным основанием бессмертия.

Философия Платона преимущественно пользовалась уважением христианских учителей. Это же предпочтение выразилось и в отношении к учению его о бессмертии. Так, напр., Иустин Мученик в *увещании к Эллинам* говорит: «Платон прямо сказал: душа вся бессмертна... Платон ясно излагает учение о суде после смерти...»³⁸³.

Теперь нам остается еще выслушать голос *римского народа* – народа-победителя, стоящего в конце древней истории, подчинившего своей власти почти весь известный тогда, свет.

Римлянин был создан не для интеллектуальных и идеальных стремлений. Это был характер чисто практический; утилитарные стремления составляли основу всей его жизни и деятельности. Призванием его была жизнь политическая. С точки зрения пользы и интересов гражданских, он смотрел на все от начала до конца своей истории. От народа с таким анти-идеальным характером трудно было бы ожидать чего-нибудь особенного, самобытного и возвышенного в идеальной области религии. Древние формы его религиозных верований рано начали смешиваться с греческими и другими культами. Его религия последнего времени представляет смесь древних национальных верований с чужеземными, преимущественно же с греческими.

Как вообще религия римлян выражалась не столько в богатых мыслях и образами мифах, сколько в благочестивых

обрядов и действиях, так и римская вера в бессмертие насколько богата практическими проявлениями, настолько же бедна идеями и представлениями. У римлян точно так же, как и у греков, был особенный бог – владыка подземного царства: это бог мрака – Оркус. К этой таинственной области принадлежала также и богиня – Dea Muta, или Tacita, олицетворявшая собою жизнь умерших обитателей аида, которые назывались *taciti*, или *silentes*, т. е. молчаливые. Сюда же относилась богиня – Мана, названная так по имени умерших (*manes*), со сродными ей нимфами Оркуса – фуриями или фуринами. По верованию римлян, к каждому человеку приставлен свой гений, руководящий его судьбою при жизни и даже определяющий его состояние после смерти. Однако, гения, этого существа, принадлежащего к царству света, не следует смешивать с душою, нисходящею в подземный мир. Души умерших, маны или лары, были почитаемы как божественные существа. «Когда я умру», – пишет знаменитая мать Гракхов своему сыну, – ты будешь приносить мне жертвы и призывать божество твоей матери». Погребальные обряды у римлян были многочисленны и весьма торжественны, свидетельствуя о высоком и почтительном уважении живых к умершим, переселявшимся для продолжения жизни в другой мир.

Закончим обзор языческих религий древнего мира по отношению к занимающему нас вопросу свидетельством Цицерона, ссылающегося в доказательство истины бессмертия души на согласие народов (*Tusc. I, 16*): «*Ut deos esse natura opinamur, qualesque sint ratione cognoscimus, sic permanere animos arbitamur, consensu omnium nationum*» как в бытии богов мы уверяемся чрез природу, а свойство их познаем разумом, так о пребывании душ по смерти судим на основании согласия всех народов.

Древний мир совершил цикл своего исторического развития. На поприще истории выступают новые деятели – народы германского и славянского племен, вносящие новые элементы в общечеловеческую жизнь.

Что касается *германцев*, о языческой религии которых мы узнаем из Эдды, то и у них существовала еще до принятия ими

христианства, вера в будущую жизнь. По религиозным представлениям их, только храбрые, павшие в битве, переходили в Валгаллу, жилище Одина, чтобы продолжать там земную жизнь на высшей ступени, между тем, как все прочие отправлялись в печальное жилище Гелы. Эта то надежда на блаженную жизнь в Валгалле придавала непреодолимое мужество толпам кимвров и тевтонов в кровавой борьбе с римскими легионами. По позднейшему верованию перехода в Валгаллу удостоивались не герои только, павшие со славой в битве, но все вообще добрые, а в мрачную Гелу отправлялись все злые. Германцы верили, что земля уничтожится некогда посредством огня, но из моря возникнет новая, лучшая земля, и тогда начнется новый лучший и высший порядок мира, при котором не будет уже никаких зол и бед.

И наши языческие предки – *восточные славяне*, наравне с другими славянскими племенами, верили также в загробную жизнь.

Религия восточных славян поразительно сходна с первоначальной религией арийских племен: она состояла в поклонении физическим божествам, явлениям природы и душам усопших, родовым, домашним гениям... При вере в загробную жизнь, естественно было придти к тому мнению, что душа умершего родоначальника и по смерти блюдет за благосостоянием рода: отсюда происхождение духов – покровителей для целого рода и каждого родича – *рода и рожаниц*... Младенчествуящий народ не мог понимать духовного существования за гробом и представлял души праотцов доступными для всех ощущений этого белого света; думали, что зима есть время ночи, мрака для душ усопших, но как скоро весна начнет сменять зиму, то прекращается ночной мрак для душ, которые поднимаются к небесному свету, восстают к новой жизни... В непосредственной связи с верованием, что весной души умерших встают для наслаждения новою жизнью природы, находится праздник русалок, или русальная неделя. Русалки не суть речные, или какие бы то ни было нимфы (имя их происходит не от русла, но от *русьй* – светлый, ясный): русалки суть не иное что, как души

умерших, выходящие весною насладиться оживленной природою... Русальские игры в честь мертвых, на что указывает переряживание, маски, – обряд, который не у одних славян был необходим при празднике теням умерших³⁸⁴.

Самое олицетворение души умершего свидетельствует, что предки наши имели понятие о том, что не все оканчивается земною жизнью, и что свидетельство Титмара, говорящего, будто, по мнению славян, все оканчивалось временною смертью³⁸⁵, показывает только, что у них не было христианского понятия о будущей жизни³⁸⁶.

В таком же смысле нужно понимать и следующее место в нашей «Повести временных лет»: «Се же после, – говорил Владимир своим боярам и старцам, – придоша Грьци... и много глаголаша, сказующе от начала миру, о бытии всего мира... *и другой свет поведают быти*: да аще кто, дееть, в нашу веру ступить, то *паки, оумер, станет, и не оумрети ему веки*» (год 6495). Здесь речь идет не об общем веровании в бессмертие души, а о специально христианском учении о будущей жизни и о воскресении мертвых.

Если в нравственной жизни и религии славян должно признать существование определенных понятий, то одним из важнейших должно быть понятие о будущей жизни, или *бессмертии души*: никакая другая мысль не была такою народно–психологическою необходимостью, как мысль бессмертия. Тогда как одни религиозные понятия стояли на высоте чисто нравственных идей, доступных и сознаваемых немногими, а потому лишенных силы общенародной необходимости и лишь случайно входивших в действительность, другие же держались в жизни по преданию, в образах безотчетного верования, часто заглохшего или готового заглохнуть, – понятия о загробной жизни, вытекающая из неизбежного, постоянно деятельного закона смерти и чувства любви к близким усопшим, никогда не теряли живого значения, должны были сохраняться и поддерживаться непрерывно. Мы не хотим сказать, что каждое отдельное представление, каждый обычай, относившийся к области понятия бессмертия и загробного существования, всегда имел ясный и определенный

смысл для язычника–славянина: нет, – традиционная безотчетность господствовала и здесь, как в представлениях, так и в образах; но в основании их лежало твердое, почти догматическое понятие о бессмертии. И когда послы князя Игоря скрепляли свой мирный договор с греками религиозно–юридической клятвой, что нарушители его «да будут рабы в се век и в будущий», они говорили совершенно в духе славянского язычества: когда воины Святослава, по свидетельству Льва Диякона³⁸⁷, не надеясь на спасение, предавали себя сами смерти, они верили, что чрез это избегнут позорной повинности быть рабами своих победителей на *том свете*³⁸⁸.

Говоря о народах древнего мира мы обошли молчанием один из семитических народов, именно народ израильский – единственного носителя и представителя истинной, богооткровенной религии в дохристианском мире. Народ строго монотеистический, находившийся под особенным покровительством и руководством Божиим, не мог быть поставлен рядом с политеистическими языческими народами, которым Бог, по Своим премудрым целям, *пустил ходить своими путями, хотя и не переставал и им также свидетельствовать о Себе* (Деян. XIV, 16–17). Теперь мы считаем благовременным обратиться и к этому народу с тем же запросом, какой предъявляли прежде другим народам.

Если уже у языческих народов древности, имевших более или менее искаженные религиозные понятия, мы находили веру в бессмертие человека, то народ с чистыми, правильными понятиями о Боге и человеке тем более должен был иметь – и действительно имел – и более чистое и возвышенное верование в бессмертие и будущую жизнь. Между тем некоторыми писателями отрицательного направления этот несомненный факт, – что то есть у народа еврейского существовала вера в бессмертие и будущую жизнь, – подвергался и подвергается сомнению. В наше время известный Ренан во всем ветхозаветном Писании не находит никаких следов учения о бессмертии, утверждая, что это учение появилось в среде израильского народа только тогда, когда он почувствовал необходимость придать чрез это учение разумный смысл

мученичеству, то есть во время гонения Антиоха Епифана и появления маккавейских мучеников. Сообразно с таким предвзятым воззрением на происхождение библейского учения о бессмертии Ренан видит первые ясные указания на вечную жизнь только во 2-й книге Маккавейской³⁸⁹ и в книге Премудрости Соломона³⁹⁰, относя происхождение этой последней книги, конечно, к эпохе, совпадающей с появлением Маккавейских книг. До этой же эпохи у иудеев не было, будто бы, не только какого-нибудь определенного учения, но и никаких вообще представлений о загробной жизни. Следуя совершенно невежественному в данном случае показанию Тацита, не имевшего достаточных сведений об иудейской религии, тому показанию, что иудеи приписывали бессмертие душам только тех людей, которые умерли в войнах или казнены, Ренан думает найти в свидетельстве Тацита твердую историческую опору для своей гипотезы о происхождении учения о бессмертии у иудеев под влиянием гонений за веру, воздвигнутых Антиохом.

Против этого ложного и неосновательного взгляда мы должны высказать следующее. Если бы даже во всем ветхозаветном Писании не содержалось, так сказать, буквальных указаний на верование древних евреев в бессмертие, – и в таком случае человек непредубежденный не решился бы сделать априорного предположения о происхождении этого верования только со времен гонения Антиоха, потому что одного библейского сказания о падении человека, его последствиях и надежде избавления от них было бы совершенно достаточно для того, чтобы видеть, как глубоко заложена и вкоренена была идея бессмертия во внутреннем духе библейского воззрения. Отсутствие чаяния бессмертия возможно и мыслимо только в таком мировоззрении, где смерть представляется естественным явлением, свойственным природе человеческой в силу естественной необходимости. В Библии же смерть признается противоестественным, ненормальным явлением в роде человеческого, наказанием Божиим за грех падшего человека, и вместе с тем относится к числу преходящих зол, долженствующих уничтожиться с

восстановлением падшей природы человеческой. Там, где бессмертие представлялось изначальным назначением человека, где смерть рассматривалась как случайное и преходящее явление, где надежда на освобождение и избавление от зол падения служила одушевляющим началом всего религиозного мировоззрения, – там представления и чаяния бессмертия должны были существовать просто даже в силу психологической необходимости. Таким образом, вопреки гипотезе Ренана, уже первые страницы первой книги Библии заключают в себе ясное указание на идею бессмертия, твердое ядро веры в будущую лучшую жизнь.

Но в книгах Ветхого Завета есть и прямые, положительные указания на существование у ветхозаветного народа Божья веры в бессмертие и будущую жизнь гораздо раньше эпохи гонений Антиоха Епифана. Уже патриархи этого народа веруют в бессмертие, что видно из следующего:

а) они называли себя странниками и пришельцами на земле, ясно выражая этим, – по замечанию глубокого и авторитетного изъяснителя духа Ветхого Завета, св. апостола Павла, – *что они ищут отечества лучшего, небесного* (Быт. XLVII, 9 – Евр. XI, 13–16);

б) Бога они называли обыкновенно Богом своих Отцов, уже скончавшихся, что, по объяснению Самого Иисуса Христа, также служило доказательством их веры в бессмертие, потому что *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Исход. III, 6; Мф. XXII, 32; сн. Лук. XX, 38);

в) на смерть они смотрели как на приложение, присоединение к народу своему, причем отличали это приложение от погребения тела во гробе и следовательно указывали на переселение другой части человека, души, в страну, где уже обитали прежде отшедшие души;

г) они действительно верили в существование *шеола* – места, куда переселяются души по смерти людей. Так, оплакивая потерю Иосифа, патриарх Иаков, не смотря на утешения со стороны всех сыновей и дочерей своих, не хотел утешиться и сказал: *с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю* (Быт. XXXVII, 35). Под словом «преисподняя»

(шеол) патриарх разумел, без сомнения, не гробницу Иосифа, а место, куда отошла душа сына его, потому что Иаков не считал Иосифа погребенным в каком-либо гробе, а был уверен, что он растерзан зверем³⁹¹.

В позднейший период еврейской истории вера и надежда на бессмертие высказывается еще яснее и решительнее. В учительных книгах Ветхого Завета раскрывается мысль, что дух человеческий, по самой природе своей, есть начало неумирающее, что он *должен возвратиться к Богу, Который дал его* (Екклес. XII, 7), что смерть есть явление не необходимое, но превзошедшее в мир случайно, так как *Бог смерти не сотворил, а создал человека для нетления* (Премудр. Солом. I, 13; II, 23). Наконец, в книгах пророков Исаии (XXVI, 19) и Даниила (XII, 2) высказывается мысль о воскресении тел для будущей жизни и о вечности наград и наказаний.

Независимо от всего этого, истина бессмертия души и воскресения мертвых самым осязательным образом открывалась для ветхозаветного человека в некоторых наглядных, чудесных явлениях, каковы: взятие Еноха и Илии на небо живыми, а также воскрешение мертвецов пророками Илиею и Елисеем. Здесь уже истина бессмертия находила свое предуказательно-фактическое подтверждение и осуществление.

Во времена Иисуса Христа только либеральная секта саддукеев, не знавшая *ни Писаний, ни силы Божьей*, и не пользовавшаяся особою популярностью и сочувствием в народе, отвергла бессмертие и воскресение мертвых (Мф. 23).

Знаю, что воскреснет брат мой в воскресение, в последний день (Ин. XI, 24) – эти слова сестры Лазаря Марфы представляют цвет и завершение ветхозаветной веры в бессмертие и будущую жизнь.

Известный нам петербургский профессор-гебраист Д. А. Хволесот нашел в Крыму надгробные памятники евреев, умерших до Р. Хр.: в надписях на этих камнях ясно высказывается вера древних евреев, в будущую жизнь.

Из начал древнего богооткровенного учения иудейского, но смешанных с началами языческой религии и философии и потому сильно искаженных и обезображенных, образовалась новая религия, – так называемое *новоиудейство*. Искажение богооткровенной религии иудейской языческими воззрениями началось со времени плена вавилонского и продолжалось до VI века по Р. Хр. В это самое критическое время в своей истории народ иудейский постигнут был бедствиями, подобных которым он прежде не испытывал и которые даже угрожали полным и совершенным истреблением его с лица: земли. В таком положении иудеи ухватились за свой закон, который прежде постоянно нарушали и в исполнении которого увидели теперь, на краю гибели, единственное средство спасения. Но, ухватившись за закон и вдумываясь в него, они решили, что доселе они не только не исполняли, но и не понимали закона, как следует, что за это именно Иегова так сильно и разгневался на них, что впредь нужно иначе понимать и исполнять закон, чем как было доселе, и что только под этим условием Иегова снова помилует их. И вот, вследствие этого явились многочисленные толкования закона, целые кодексы правил и наставлений, искусственно извлеченных из закона и приспособленных ко всем возможным отношениям жизни, ко всем случаям жизни еврея. Определяя каждый шаг еврея такими правилами, основанными будто бы на божественном законе, учителя иудейские думали этим, так сказать, обязать Бога к милости, вынудить у Него помилование себе. Эти толкования и правила составлялись частью под влиянием фантазии иудейских законоучителей, частью под влиянием языческой религии и философии, с которыми иудеи, по изменившимся обстоятельствам своей истории, теперь волею – неволею должны были познакомиться. Такие толкования и правила могли, конечно, только обезобразить и исказить древнее богооткровенное учение; а между тем в глазах евреев они стали гораздо выше самого этого учения и мало по малу совсем заменили его собою. Из них составились так называемые *талмуд* и *кабалла*, заменившие для евреев писания Моисея и всех древних пророков.

«Обращаясь к вероучению талмуда, мы находим его страшно обезображенным сравнительно с ветхозаветным, откровенным. Учение о Боге искажено здесь самым крайним антропоморфизмом. Возможные снисхождения Бога в мир и Его отношения к человеку, имевшие особую видимость, необходимую для представления человека, талмуд признал самим Божеством и стал рассматривать божественную жизнь во времени и пространстве и Самого Бога представлять в образе человека громаднейшей величины. Этот Бог, говоря строго, не имеет ничего общего с ветхозаветным Иеговою, почему и получил в талмуде особое имя *Шехины*, т. е. божества видимого, чувственного, осязаемого. В талмуде математически высчитывается мера и определяется рост Шехины, подробно рассказывается, какие у Шехины плечи, руки, ноги, какая шея, борода, как велико расстояние между его глазами, бровями и т. п. Такой Бог, очевидно, и занятия должен иметь человеческие: и в талмуде, точно, говорится, будто Шехина несколько часов в сутки посвящает на изучение талмуда, потом играет – с левиафаном; всякое утро кладет на себя тефилимы (те значки, что евреи кладут себе на лоб, когда молятся) и молятся о том, чтобы гнев его не пересиливал его милости; часто плачет о разорении Иерусалима, рыкает, подобно льву, три раза в день... для того, чтобы показать, что ночь должна быть делима на три стражи, а не на четыре, как думал рабби Иегуда, и т. п. В течение каждого дня есть мгновение, в которое Шехина необыкновенно гневается, и есть также мгновение, когда он бывает необыкновенно милостив, так что исполняет всякую молитву, в это время к нему обращенную, какова бы ни была эта молитва.

«Миры творил Шехина от вечности, но они были несовершенны, и он разрушал их всякий раз тотчас после сотворения, пока, наконец, не сотворил настоящего мира, оказавшегося совершенным и вполне угодным ему. Он сотворен собственно для того, чтобы приложить к делу закон обрезания: без этого Шехине не зачем было бы и творить мир. Шехина сотворил также и человека; но собственно только евреи должны считаться происходящими от Бога, все же прочие народы

происходят от 70 низших божеств, живущих на семи планетах, – особенно же от Шатана (он же и Левиафан) и Лилиты. Души евреев сотворены Богом прежде создания мира, который назначался для их обладания, сотворены все вместе, в количестве 600 тысяч³⁹² посредством особого процесса в самом божеском существе, весьма близкого к естественному рождению. Сотворивши души евреев, Бог и промышляет собственно только о евреях; все прочие народы состоят под управлением тех 70 князей, или богов, от которых они произошли. Хотя язычники взяли теперь верх над евреями и управляют ими; но придет Мессия, и настоящий порядок вещей изменится. Воцарению Мессии будет предшествовать междоусобная война Гога и Магога, в которой будут истреблены все язычники, за исключением лишь некоторых, которые будут оставлены для того, чтобы служить рабами в царстве Мессии. Далее в Иосафатовой долине наступит воскрешение всех верных евреев; трупы же евреев, умерших вне Палестины, перекажутся к Иосафатовой долине как бочки, подземными трубами. Ангел смерти будет воскрешать трупы евреев посредством удара палкой по устам. Каждого приведенного таким образом к сознанию, ангел будет спрашивать об имени его, и каждый должен будет сказать свое имя текстом Библии, первая и последняя буквы коего соответствуют первой и последней букве имени спрошенного. Отсюда необходимо как можно крепче затвердить свое имя, еще при жизни подобрать такой текст и хоть по разу в день повторять его в своих молитвах. После воскрешения евреев (другие народы не будут воскрешены) последует восстановление Иерусалима и храма, всех жертв и обрядов. Наконец, воцарится Мессия и будет видимо и славно царствовать с верными израильтянами тысячу лет. После царства Мессии наступит царство небесное, которое уже будет продолжаться вечно»³⁹³.

По учению каббалистов, душа нисходит на землю чистой, разумною и притом на некоторое малое время, для своего воспитания и укрепления в добродетели. Лишь только чистый и разумный дух приходит в соприкосновение с чувственным миром, он вспоминая небесное и сверхчувственное, получает

ясное сознание о самом себе, о своем высоком происхождении и назначении, и тем сильнее жаждет возвращения к своему божественному источнику. Если душа желает стремиться и делает только злое, то ее загробная жизнь – вечное мучение. Душа же, исполняющая волю Божью, по смерти получает вечную жизнь.

Для душ добродетельных, однако, имеющих и свои падения, каббалисты принимают за гробом средством очищения душепереселение, как педагогическую меру, как вразумляющее наказание, как средство возвращения людей к Богу, как средство исправления и усовершенствования. В Адаме – так учили ученые раввины–каббалисты – находилось 600,000 еврейских душ, которые вместе с ним согрешили. Они должны для исправления, постоянно вращаться в различных человеческих телах до самого пришествия Мессии. Душепереселение некоторые из раввинов подтверждали между прочим, существованием одержимых нечистыми духами, считая последних душами злых людей. Весь мир веровал, что души преходящи и человек не имеет никакого преимущества пред животным, пока праотец Авраам не открыл всем, что души живут и по смерти и из одного тела переходят в другое. Душа Авеля – учили раввины, перешла в Сифа, а душа Каина – в тело египтянина, убитого Моисеем. У Каина было три души: одна вошла в Иофора, другая в Корея, а третья в египтянина. Душа Иафета вошла в Сампсона, душа Фарры – в Иова, душа Евы – в Исаака и т. д. Души же обыкновенных людей, смотря по степени греховности и нужды в очищении, переселяются в животных – в львов, змей, ослов и т. п. Души евреев безбожных, убивших еврея или изменивших иудейской вере, по смерти переходят в растения и животных, потом мучатся в аду в течение 12 месяцев, а после этого срока мучения переходят для исправления, сначала в неодушевленные предметы, потом в зверей, далее в язычников, и наконец, опять в евреев.

После всех переселений, душа чистою восходит к Богу, Который принимает ее к Себе с поцелуем, после чего она восходит на высшую степень бытия в седьмую палатку жизни, называемую *Святое Святых*. Такое путешествие душ

еврейских показывает милосердие Божье, имеющее целью сделать весь иудейский народ участником вечной жизни. Здесь все души соединяются с Высочайшею Душою, объемлющею и проникающею весь мир. Тогда все приходит в единство и совершенство, все смешивается в одной мысли, обнимающей и наполняющей вселенную. В этом состоянии тварь не может отличаться от Творца: у нее та же мысль, та же воля, она повелевает вселенною, и Бог исполняет ее повеления.

В VII веке по Р. Хр. в Аравии явился некто Магомет (632), выдававший себя за пророка Божья, посланного в мир для окончательного восстановления в роде человеческом единой истинной религии, какой еще в раю Бог научил наших прародителей. Магомет приобрел себе много последователей, и новая религия быстро распространилась из Аравии по всему Старому свету, сделавшись одною из господствующих религий в мире.

Магометанство, или ислам, признает единого Бога, Творца и Промыслителя всего, бессмертие человека и будущую загробную жизнь с ее наградами и наказаниями. Но эти здоровые религиозные истины, заимствованные частью из древнего иудейства, частью из христианства, Магомет сильно исказил и обезобразил, примешав к ним много чуждых им элементов из талмуда, из христианских апокрифов, из арабских и других языческих преданий и наконец, от своего собственного измышления.

Самый первый и основной догмат магометанства – о единстве Божьем имеет в системе Магомета такой своеобразный колорит, который лишает всякого достоинства это «естественное и разумное» (как величают его некоторые) учение о Боге и даже приравнивает магометанство к пантеизму. Слова Магомета: «Нет другого Бога, кроме Бога» – не только устанавливают собою единство Божье против языческого многобожия и христианского учения о Троичности, но содержат еще и тот смысл, что один только Бог есть деятель всего существующего, единственная действующая сила во вселенной; а все творения Его – от высших ангелов до человека и далее до дерева и камня – суть только Его слепые орудия, не имеющие

никакого самоопределения, никакой свободы. «Всякое дело, всякий предмет, все прошедшее, настоящее и будущее вселенной заранее предопределено Магомедовым Аллахом и зависит вполне и исключительно от его безусловного и произвольного предрешения. На долю и распоряжение своих разумно – свободных тварей Аллах не оставил ничего, потому что и деяния и способности, которыми они, по видимому, располагают, существуют только в нем одном, и чтобы они ни делали, делают только чрез него, только по его определению. Составив такое понятие о Боге, Магомет, естественно, должен был лишиться Его тех высоких нравственных качеств, которые обыкновенно заставляют человека любить Бога. Аллах Магомета не только в мире физическом, но и в мире существ разумных и духовных делает, что хочет и как хочет, не водясь при этом никакими другими мотивами, кроме одного своего безусловного произвола или каприза. Это – тип восточного деспота, который делает все, что только ему вздумается, и только потому, что ему именно так захотелось. Аллах сам производит добрые и дурные дела в человечестве, вдыхает в людей «благочестие и безумие» (нечестие), «заблуждает кого хочет и направляет кого хочет» – и кого он направил, тот направлен хорошо; а кого он заблуждает, тот погиб». Он сотворил великое число духов (джиннов) и людей для геенны и сам посылает этих духов к неверным, чтобы подстрекать их к злу и т. п. Сам в себе он не столько благ и милостив, сколько грозен и мстителен, особенно по отношению к тем, которые посягают на его абсолютное единодержавие»³⁹⁴.

Каково учение Магомета о загробной жизни и будущем воздаянии?

«Если таково отношение Аллаха к свободно – разумным тварям, что все они суть только его слепые орудия и ничего более, то, казалось бы, что в Коране³⁹⁵ не будет учения о загробном воздаянии; потому что не за что же, в самом деле, наказывать того, кто не имеет своей воли и кому поэтому не должны быть нравственно вменяемы никакие действия и поступки. Тем не менее, однако ж, Магомет, как будто именно для того, чтобы еще больше показать чудовищность своего

Аллаха, учит и о райских наградах и об адских наказаниях в будущей жизни. После всеобщего суда, все неверующие (кяфиры), т. е. язычники, евреи и христиане (вместе с джиннами), будут подвергнуты вечным мукам в геенне, или в аду. Они будут жариться на страшном огне, который будут постоянно мешать, чтоб лучше горел. Когда сгорит на них одна кожа, им будет дана другая, чтобы заставить их сильнее чувствовать боль и т. д. Кроме того здесь будут язвить их змеи, громадные, как горы, и скорпионы – как оседланные лошаки; а ангелы мучители станут еще бить их при этом железными дубинами. Все это будет так мучительно, что они пожелали бы отдать в два раза больше того, что содержит в себе небо и земля, лишь бы только избавиться от адских страданий. В самом верхнем отделении геенны (в ней – семь отделений)³⁹⁶ будут мучиться и грешники из магометан, но не вечно по прошествии некоторого времени, они по ходатайству Магомета, будут выведены отсюда в рай, где присоединятся к остальным магометанам, чтобы вместе с ними наслаждаться райскими утехами. Что такое рай Магомета – более или менее известно, так как рай этот обратился даже в пословицу. Это – сады, мускусная почва которых орошена потоками воды, катящимися среди зеленых берегов, усеянных цветами. Кроме водных источников, здесь текут реки молока, меду и вина. Тут растут также деревья с прекрасными плодами всех родов и сортов, и ветви их сами гнутся к руке, чтобы легко было срывать с них эти плоды, и даже – ко рту, чтобы можно было прямо есть их. В таких – то садах устроены великолепные шелковые беседки, в которых собственно и живут праведники. Одетые в штофные, атласные и парчовые одежды, украшенные драгоценными запястьями, они едят самые лучшие яства и пьют разнообразные напитки из серебряных и золотых сосудов. У каждого из них кружок прислужников – молодых людей или мальчиков, вечно юных, как низанный жемчуг. Кроме того им даны будут в жены особые красавицы с большими черными глазами, также вечно юные и притом вечно девственные, подобные гиацинту и кораллу» (гурии³⁹⁷).

Примечание. По учению Магомета, «мужчины выше женщин по качествам, какими возвысил их Бог, а женщины ниже мужчин». Женщины – существа несовершенные, созданные собственно для того, чтобы рождать детей и служить своим мужьям. Полнейшее бесправие мусульманской женщины совершенно лишает ее в этой жизни всякого человеческого достоинства. Но Магомет простер свое унижение женщины еще дальше: изображая свой рай он говорит, что праведникам даны будут там в жены особенные существа – *гурии*–, стало быть, нынешние мусульманские женщины или будут лишены в раю тех наслаждений, какие обещаются мусульманам – мужчинам, или вовсе не будут в раю, а будут где–нибудь в другом месте (только не в аду, потому что Магомет *всем* мусульманам обещает рай), или же и совсем не будут воскрешены для будущей жизни, как не нужные уже при существовании гурий. Как бы то, впрочем, ни было, несомненно только, что, увлекшись прелестными гуриями, Магомет вовсе и позабыл об обыкновенных, земных мусульманках и не отвел им никакого места в загробном мире; и его последователи, мусульманские богословы, до сих пор не решили еще, будет ли у женщин какой–нибудь свой рай с наслаждениями, соответствующими райским наслаждениям мужчин.

Нам остается еще покончить в нашем историческом доказательстве, утверждающем всеобщность веры в бессмертие души и будущую жизнь в роде человеческом, с одним важным вопросом, именно – с вопросом о *дикарях*, или нецивилизованных племенах.

Когда ведется спор о религиозных и нравственных вопросах, то писатели отрицательного направления выставляли и выставляют между прочим, как один из важнейших аргументов против внутренней необходимости и истинности идеи Бога и неразрывно связанной с нею идеи бессмертия человека – отсутствие этих идей у, так называемых, дикарей, или нецивилизованных племен. В лице дикарей думают наблюдать первобытного человека: дикари – это люди, которые, при полном развитии в телесном отношении, имеют рассудок детский, совершенно чуждый идей *изобретенных* и верований,

составленных искусственно и навязанных массам пронырством жрецов. Еще Локк (английский мыслитель) первый указал на важность изучения мышления дикарей, как вел борьбу с Декарсом (французским философом) по вопросу о «врожденности идей». Одним из доказательств прежней философии, на котором утверждали основные истины метафизики, естественной религии и морали, было согласие в признании этих истин всеми племенами рода человеческого. Локк обратился к описаниям путешествий и на основании их думал доказать, что идеи о Боге как Творце мира, о бессмертии души, об основных правилах нравственности совершенно чужды сознанию некоторых диких племен. Французская философия XVIII века пошла тем же путем. Дикари вошли в моду: их выставили против мистифического учения предыдущего столетия; их заставляли говорить почти все, что хотелось и требовалось тем, которые заставляли их говорить. Под знаменем Руссо они вооружались и ратовали против убеждений в пользу цивилизации; под знаменем Гельвеция они сражались за кодекс морали, основанный на эгоизме и чувстве удовольствия. И в наше время с одной стороны материалисты, а с другой дарвинисты (трансформисты), дающие нам в родоначальники вместо Адама обезьяну или троглодита, также обращаются к дикарям за доказательством того, что религиозные и нравственные истины не составляют необходимого и существенного достояния человека.

Против этого злоупотребления дикарями в пользу известных предвзятых мнений и шатких гипотез мы должны сказать следующее. Во первых, печальное положение диких, есть признак и следствие отклонения от прямого и истинного пути человеческого развития, а не натуральное свойство и не характер первого периода этого развития, как хотят видеть материалисты и дарвинисты. Следовательно состояние дикости есть болезненное явление в истории человечества, вызванное разными неблагоприятными обстоятельствами; и потому делать его нормою человеческого существования, по меньшей мере, неосновательно и нелепо. А во вторых, не отрицая важности наблюдений, сделанных учеными путешественниками

относительно диких народов, нельзя не признать возможности больших ошибок в передаче сведений об них и не допустить поспешности тех выводов, какие делаются из этих сведений. «Рассказы путешественников, откуда почерпываются эти сведения, иногда очень сомнительны. Если не вполне верными оказываются их описания орудий, жилищ, обычаев, племенных особенностей и естественных произведений местностей, обитаемых дикими, то с какою осторожностью должны мы принимать свидетельства путешественников о религиозном и нравственном состоянии племен, посещенных им. Религиозно–нравственные идеи смутны и неясны в самых душах их, да и высказываются они ими на самых бедных и неразвитых наречиях; а на языке неразвитом трудно выражаются истины отвлеченные, как бы они ни казались нам просты. Притом большая часть дикарей не любят, когда их расспрашивают об их убеждениях. Кажется, суеверные мнения диких делаются для них более страшными, когда они выражают их словами, и вместе с тем они боятся чтобы насмешки белых людей не коснулись верований, которыми они дорожат более всего. Нужно присовокупить к этому особенную леность ума диких и почти положительную неспособность следовать в мышлении правильному, магическому пути. Поэтому они относятся почти совершенно безразлично ко всему, выходящему из круга предметов, имеющих отношение в удовлетворению их физических потребностей. Самые верования, религиозные и нравственные, стали для них как бы обычаем, который они исполняют, не давая себе отчета в его значении и происхождении³⁹⁸. Таким образом, если где, то здесь в особенности нужно с крайнею осторожностью пользоваться так называемым аргументом *от молчания*, чтобы не придти к ложным выводам. Необходимо заметить, что число диких племен, не имеющих будто бы верований в будущую жизнь, весьма преувеличено. Новейшие исследования все более и более открывают такие верования у племен, которые прежде считались не имеющими их. Доктор Причард и особенно Алжер³⁹⁹ собрали в большом числе поразительные факты, свидетельствующие об убеждении диких племен в воздаянии по

смерти. Нет сомнения, что убеждение в Высочайшей Правде, воздающей каждому по его делам в будущей жизни, так же древне и так же всеобще, как и вера в бессмертие души. Даже у неразвитых дикарей убеждение это поражает нас такою тонкостью нравственного чувства, которой нельзя не удивляться.

Дикари племени *фежъян*, которых путешественники представляют нам последним по развитию племенем рода человеческого, убеждены, что по смерти душа предстает перед судилищем *нденжей*. Во всех мифологических сказаниях, под формой более или менее грубой, у всех почти народов есть представление о первоначальном испытании душ, предшествующем суду над ними. По представлениям *гуроков*, души умерших сначала должны испытать путешествие, исполненное всяких трудностей и опасностей. Им нужно перейти через быструю реку по утлой перекладине, дрожащей под их ногами; свирепый пес, находящийся на другом берегу, не допускает их переправляться и старается сбросить их в пучину. Далее они должны идти по тропинке, вьющейся между колеблющимися утесами, которые падают на них, сокрушая путников, не умевших избежать опасности. По мнению негров *аниманов*, души добрых людей, на пути к Божеству, должны испытывать преследования со стороны злых духов – *дидис*; отсюда у этого племени появился обычай приносить жертвы за умерших этим *дидис*. *Гвинейские* негры убеждены, что два духа – добрый и злой сопровождают душу по смерти. На пути встречается препятствие: стена заграждает путь. Добрая душа, при помощи доброго гения, легко перелетает через стену; злая, напротив, разбивается об нее. Это представление очень напоминает известный мос «Аль–Сират» у магометан, непереходимый для нечестивых. Ад, в большей части представлений об нем, находится под землей. Им управляет или царь или царица. Так у *грендландцев* адом управляет царица, напоминающая Прозерпину древности, восседающая на троне в глубине пещеры. Души людей порочных наказываются или тем, что отдаются в пищу демонам, или тем, что влачат печальное существование, питаясь змеями, насекомыми и

ящерицами. Чаще других встречается убеждение, что души злых людей наказываются возвращением их на землю, где они должны блуждать около своих жилищ и наводить ужас на живущих. Души добрых людей, напротив, не возвращаются. По представлению некоторых негритянских племен, злые души, под влиянием злых духов, принуждены, в наказание за свои злые дела при жизни, наполнять воздух шумом и смущать сон тех людей, которых они ненавидели при жизни. Не показывает ли это верование особенно тонкого чутья нравственного закона, как убеждение, что величайшее наказание для человека – продолжать делать зло другим и после смерти!

Таким образом мы видим, что представления дикарей. о будущей жизни бывают, правда, подчас чувственны и низменны, но весьма редко нечисты и недостойны.

Итак, голос человечества, выражающий собою голос природы человеческой высказывается в пользу бессмертия души и будущей жизни человека. Все религии без различия, не исключая даже *религии отчаяния* – буддизма, проповедают эту истину. Этот факт не может не иметь большого значения и важности. Религия, носительница и выразительница великих и глубоких тайн бытия человеческого, представляет всегда свидетельство цельной, нераздвоенной природы человеческой, потому что в ней все духовные силы проявляются в нераздельном еще единстве и чистой непосредственности, между тем как наука есть всегда односторонняя сила и основывается на одностороннем пользовании сферою только рассудочного мышления. Поэтому никакой науке не удастся никогда заставить человека отказаться от веры в свое бессмертие, находящей живой отголосок в самой глубине его существа. Да и никакой добросовестный искатель не отнесется с пренебрежением и неуважением к этой вере, выражающейся в добром предании всего рода человеческого, – предании, которое в своей непрерывности с одной стороны восходит, можно сказать, до первых дней существования человечества на земле, а с другой имеет прекратиться только с осуществлением всех надежд и чаяний человеческих в вечности. Это предание должно несомненно иметь и действительно имеет в пользу

своей внутренней истинности веские предположения и основания, – что мы и старались раскрыть в первом отделе этой книги.

Примечания

¹ - Иннокентия, архиепископа херсонского и таврического, слово о смерти из бесед на св. Четыредесятнику о смерти.

² - Иоанна, епископа смоленского, беседы в день Успения Божьей матери (15-го августа 1867 года).

³ - Иннокентия, архиепископа херсонского и таврического, беседы на св. Четыредесятницу о смерти.

⁴ - Священное Писание не показывает, сколь долго первобытная Церковь сохранила свой мир и благоденствие от козней сего врага (дьявола). Кажется, сие молчание заключает в себе тайну, особливо если противоположит его столь точному счислению дней, заключивших дала Божьи. Оно дает разуместь, что мрачная эпоха падения должна изгладиться из книги бытия человеческого, между тем как память Творения и Суббота Божья, будут сохраняться и совершаться во времена определенные. Сие примечание вернее тех, по которым полагают падение Адама в шестой, седьмой, третий надесять день или тридесятый год мира. Впрочем, мнение, что искушение Адама в Раю было не четырехдесятидневное, так как не четырехдесятидневным же искушением в пустыне заплатил за сие Искупитель, достойно внимания. Филарета, митрополита московского Начертание Церковно-Библейской Истории. Издание 11-е М. 1866 г., стр. 13.

⁵ - И сказал змей жене (Быт. 3:1)... Разве природе змей свойственно было говорить? Конечно, нет. Из этого-то именно обстоятельства, а также из того, что райский змей действует разумно и по предначертанному плану, с целью погубить человека, – открывается, что это было не простое животное, но что в нем скрывалось некоторое высшее существо и, притом, злое и богопротивное. Это существо, этот искуситель первых людей в раю называется в Слове Божьем древним змеем, дьяволом, сатаню (Апок. 20:2. Зах. 3:1), человекоубийцею от начала, отцом лжи (Иоан. 8:44). И сказала жена змею (– ст. 2)... Как не ужаснулась Ева при виде говорящего змея и не удалилась? До падения своего наша прародительница не могла

испытывать страха ни пред каким животным, как повелительница и госпожа всей земли. Но, конечно, она ни одной минуты не сомневалась, что пред ней – не змей обыкновенный, а какой-нибудь небесный посланник, прявший его форму и желающей разъяснить ей заповедь Божью: светлый ум Евы не мог, конечно, допустить словесного дара в простом животном и предположить, чтобы животные могли лучше, чем она, понимать волю Божью. Видя пред собою только змея, она не поддавалась бы обману.

⁶ - Заимствовано сокращенно из книги: „Премудрость и благодать Божия в судьбах мира и человека». Ф. А. Голубинского. Изд. 3-е. М. 1885 г.

⁷ - Филарета, митрополита московского «Записки на книгу Бытия» Изд. 1867 г., стр. 43.

⁸ - Точное изложение православной веры, гл. XII, стр. 91, 92.

⁹ - О повреждении и благодати, гл. XII.

¹⁰ - Твор. Св. Отец. III, 243.

¹¹ - Твор. Св. Отец. VIII, 161, 156.

¹² - «Мы знаем, что закон духовен, а я плотен, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр; а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, т. е. в плоти моей, доброе: потому, что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Добра, которого хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. И так я нахожу закон, что когда хочу делать добро, прилежит мне зло. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божьем, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих». (Римл. 7:14 – 23).

¹³ - Твор. Св. отцов VI, 182; III, 240.

¹⁴ - Там же. VIII, 150.

- 15 - Размышление над псалмом 70.
- 16 - Толкование на послание к Римлянам, стр. 270.
- 17 - Толков. на посл. к Римлянам, стр. 270 274.
- 18 - Твор. Св. Отец, VIII, 157.
- 19 - Твор. Св. Отец, VIII, 157.
- 20 - Твор. Св. Отец. II, 231.
- 21 - Точное изложение православной веры, стр. 287.
- 22 - Библиотека Фотия. 327, стр. 1648.
- 23 - Эрнест Навил, вопрос о зле. Дерев. свящ. Протопопова, стр. 34.
- 24 - Четьи – Минеи 15 августа.
- 25 - На книгу Бытия беседа XVIII в христ. чтении 1851 г.
- 26 - Творения Св. Отец. III, 244.
- 27 - На книгу Бытия беседа XVIII в христ. чтении 1851 г.
- 28 - Творения Св. Отец. XVIII, 211.
- 29 - Иоанна, еписк. Смоленского, беседа в день Успения Божьей Матери (16 августа 1867 г.).
- 30 - Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, беседы на Св. Четырдесятницу о смерти.
- 31 - Иоанна, еписк. Смоленского, беседа в день Успения Божьей Мотери.
- 32 - Иннокентии, архиеппскопа Херсонского и Таврического, слово о лютой кончине, ожидающей грешника.
- 33 - Иоанна, еп. Смоленского, беседа в день Успения Божьей Матери.
- 34 - Преп. Макария Великого, беседа 29, глава 2.
- 35 - Добротолубие. Том первый. Изд. 2-е. М., 1886, стр. 107.
- 36 - Гуфеланд, Макровиотика. Стр. 204.
- 37 - Гамлет, трагедия Шекспира, в перев. Кронеберга. Действ. V, сц, 1-я.
- 38 - Из поучения об историческом бессмертии преосвященного Никанора, епископа Херсонского и Одесского, произнесенного 24 июня 1885 года.

³⁹ - В. Соловьев. Религиозные основы жизни. Православное Обозрение 1884 г. январь, стр. 114–115.

⁴⁰ - М. Достоевский, Дневник Писателя, 1876 г., № 12, стр. 320.

⁴¹ - Мысли Паскаля. Французское издание Шарля Луандра 1866 г. гл. I, тр. 116.

⁴² - Дневник писателя – там же стр. 321.

⁴³ - Белинский, его жизнь и переписка. Соч. Пыпина, т. 2, стр. 51–53.

⁴⁴ - Анна Каренина. Часть восьмая, стр. 76.

⁴⁵ - Дневник Писателя 1876 г., № 12, стр. 319 и 321.

⁴⁶ - Дневник Писателя 1876 г., № 12, стр. 322, 323.

⁴⁷ - Из Слова Филарета, митрополита Московского, в день воскресный и Святителя Алексия 1848 г.

⁴⁸ - Обрыв. Роман Гончарова. Сиб. 1870 г. Том второй, стр. 487 – 488.

⁴⁹ - Дуэ, Азбука знания для мыслящих. Лейпциг. 1875 г., стр. 16.

⁵⁰ - Еврейский раввин Манассия бен Израиль высказывает как общепринятую у иудеев веру, что все души созданы во время шестидневного творения мира.

⁵¹ - Человек не имеет ни малейшего понятия о своем существовании до рождения; следовательно мы не в праве предполагать такое существование. Природа разума состоит в сознании; а потому и продолжение жизни разумного существа определяется продолжением сознания. Если же сознание прерывается, то лежащая в основании субстанция может перейдя в другую форму и начать новую жизнь, но это будет уже жизнь другого разумного существа, а не того же самого (Б. Чечерин. Наука и Религия. М. 1879 г., стр. 185 – 186).

⁵² - Наставления Антония Великого 93, 94, 98, 126, 131, 136. Добротолюбие, часть 1-я.

⁵³ - Мнения этого держались еретики Люцифериане. «Если бы и душа», – говорится в Православном Исповедании Кафол. и Апост. Церкви Восточной, – «происходила от того же семени,

от которого происходит и тело, то он вместе бы и умирали» (ч. I-я, отв. на впр. 28).

⁵⁴ - Этому мнению следовали, по свидетельству блаж. Иероним, Тертуллиан, Аноллиярий-еретик и многие из западных христиан. Вооружались против него: Ориген, Иероним, Лактанций, Геннадий и другие.

⁵⁵ - См. способ примирения, предложенный Стефаном Яворским в статье: Изъявление Богословских вопросов (Хр. чт. 1844, III, 400 – 413), и св. Православное Богословие Феофана Прокоповича (т. II, стр. 37 – 45).

⁵⁶ - Дневник Писателя, 1876 г., № 12, стр. 322.

⁵⁷ - Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, Мысли о бессмертии.

⁵⁸ - Дневник Писателя, 1876 г., № 12, стр. 322.

⁵⁹ - Метафизика I, 1.

⁶⁰ - Людовик Каро. О происхождении верований в будущую жизнь – в Revue des Deux Mondes 1-я декабрьская книжка за 1875 г.

⁶¹ - Августин. Исповедь I, 1.

⁶² - Протоиерей А. М. Иванцов-Платонов, Христианское учение о любви к человечеству сравнительно с крайностями учений социалистических. М. 1875 г., стр. 14.

⁶³ - В. Чичерин. Наука и Религия, стр. 200 – 203.

⁶⁴ - Творения св. Григория Богослова в русском переводе. Т. II, стр. 120.

⁶⁵ - Нравственное учен. св. отца вашего Исаака Сирина. Изд. Кораблева. Спб. 1874 г., стр. 134.

⁶⁶ - Слова слуги о Корнвалле, вырвавшем оба глаза у старика Глостера, в трагедии Шекспира. «Король Лир». Перевод Дружинина. Действие III, сцена. 7-ая. Спб. 1853 г., стр. 182.

⁶⁷ - На хвалитех стихиры воскресвы 2-го гласа, стихира 2-я.

⁶⁸ - Сколько известно, один только Реймар, автор «Вольфенбиттельских Фрагментовъ» разделял с иудеями эту нелепую мысль.

⁶⁹ - Вот что замечает Штраус против гипотезы о летаргическом сне Иисуса Христа: „Вышедший из гроба полумертвым, показывающийся всегда в болезненном виде, нуждающийся во врачебных пособиях, перевязках и уходе за собою и, наконец, изнемогающий от томительных страданий никак не мог бы произвести на учеников то впечатление победителя смерти и владыки жизни, которое послужило основанием всей дальнейшей их деятельности. Такое возвращение к жизни только ослабило бы то впечатление, какое Иисус производил на учеников своих при жизни и смерти, исторгло бы у них самые плачевные вопли, но никак не могло бы превратить их скорбь в воодушевление и довести уважение их к нему до обожания». Но ничуть не лучше и гипотеза визионерства, которую принимает сам Штраус, рассуждающий, по видимому, так здраво и основательно. Мы не станем спрашивать его о том, каким образом призрак, созданный болезненно-возбужденным воображением учеников Христовых, мог вкушать пищу пред ними, показывать им свои руки и ноги, давать осязать свои раны, беседовать с ними о царствии Божьем в продолжение сорока дней: все это Штраус считает легендами, сочиненными уже впоследствии. Поэтому нам остается спросить его: ужели и те пятьсот братьев, которым, по словам апостола Павла, явился воскресший Иисус в одно время (1Кор. 15:6), подверглись все одновременно одной и той же галлюцинации? И если так, то по каким же физическим и психическим законам могло это случиться? Каким образом далее и сам Павел, не бывший учеником Иисуса Христа и потому не заинтересованный лично Его смертью и воскресением, вдруг, чрез несколько лет после этого события, неожиданно подвергается той же самой галлюцинации, которой подвержены были первые проповедники воскресения, и увлекается ею до того, что позволяет даже посвятить себя в апостола мнимо воскресшего (1Кор. 15: 8; см. Деян. 9:4 и дал.). Наконец почему всех этих визионеров, разглашающих неслыханную дотоле вещь, ни разу не повели ко гробу Христову, чтобы, указав на лежавший там труп, сразу рассеять их иллюзию, что весьма легко и естественно было бы сделать

при самом первом появлении их видений? Зачем же дали этой иллюзии возможность все более распространяться и крепнуть – до того, что она, наконец, сделалась непоколебимою, готовою идти на смерть верою, произвела глубочайший нравственный переворот в человеческой мысли и жизни, или, как выражается апостол; победила мир (1Ин. 5:4).

⁷⁰ - Протоиерея Н. А. Сергиевского. Об основных истинах христианской веры апологетические публичные чтения. М., 1872 г., стр. 147 – 148.

⁷¹ - Даже отрицательная критика признает подлинность этого Павлова послания, а потому и она не может не признать всей важности приводимого из него свидетельства.

⁷² - Филарета, митрополита Московского. Слово в день воскресный и Святителя Алексия.

⁷³ - Богач осужден на мучение не за то, конечно, что был богат; равным образом и нищий получил блаженство не за то, что был нищий. Богач осужден за то, что у него при жизни было все, кроме веры благочестия и милосердия; а нищий удостоился блаженства потому, что у него при жизни не было ничего, кроме веры, благочестия и терпения. В „Стихе о Лазаре“ поется: Милостивый братец, богатый Лазарь! Помнишь ли ты, братец, памятуешь ли, Как мы жили-были на вольном свету. Ты нищую братию на двор не впускал, Ты босого, нагого не обул, не одел, От темной от ноченьки ты не укрывал, С широка подворья ты не провожал Пути и дороги ты не указал, Вдовиц и сирот ты не сберегал...

⁷⁴ - Св. Златоуст с глубокою духовною проницательностью замечает, что жестокосердная душа богача умоляла об этом отчасти и по мрачному движению зависти к радостной судьбе Лазаря и бесчеловечного желания ему продолжения земных его озлоблений.

⁷⁵ - Вызывание духов или умерших людей при посредстве так называемых медиумов, то-есть субъектов, обладающих особенным природным предрасположением или способностью к этой операции.

⁷⁶ - Профессор Вагнер в статье „Медиумизм». Русский Вестник 1875 г., октябрь, стр. 868 – 870.

⁷⁷ - Эммануил Герман Фихте. Новый спиритуализм, его важность и его ошибки. Лейпциг. 1885 г., 21, 31, 32.

⁷⁸ - К таким явлениям умерших людей из загробного мира, о которых у нас идет речь, отнюдь нельзя приравнять факта явления Христу Спасителю на горе Фаворе представителей ветхозаветного человечества – Моисея и Илии. Это было явление сверх естественное и притом совершенно исключительное, обусловленное особенно важными и высокими целями Провидения, и по внутреннему характеру своему не имеет никакого сходства с медиумическо – спиритическими явлениями. Равным образом и явление многих воскресших святых многим в Иерусалиме после воскресения Иисуса Христа, о котором мы упоминали выше, не может служить подтверждением учения спиритов. Мы не отрицаем того, что Бог может, когда находит это нужным по Своим великим целям, посылать на землю, вместо служебных духов – ангелов, наших умерших братьев вестниками о Своих великих и спасительных делах. Но Откровение Божие свидетельствует нам о том, как редко Бог находил нужным делать это. Между тем спириты сами произвольно широко раскрывают врата вечности, устраивают никогда не снимающуюся лестницу, постоянный мост в загробный мир для непрерывного ежедневного и ежечасного сношения с ним, (двигая так тесно и почти сливая границы двух миров) спириты тем самым и переступают границы естественно возможного.

⁷⁹ - Толков. на 1 кн. Царств. Вопрос 13.

⁸⁰ - Слово архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия в неделю Всех Святых, сказанное в Киевской, что на Щекавице, кладбищенской церкви во имя Всех Святых.

⁸¹ - Беседы на св. Четыредеслтницу о смерти.

⁸² - Спиритизм в разных видах существовал у всех народов, пребывавших во мраке суеверия. Уже Тертуллиану известно было стологадание и кроме того еще предсказывающие козы.

⁸³ - Вместо употребительного в Америке и Англии названия спиритуализм, во Франции и Германии употребляется название спиритизм, чтобы обозначить специфическое отличие нового мирозерцания от общего учение о духе (спиритуализм).

⁸⁴ - Иначе решает Фома Аквинский этот вопрос относительно души человеческой, которая по природе своей имеет только способность двигать свое собственное тело и лишь чрез него приводить в движение другие тела. Он утверждает, что по разлучении с телом она не может производить никаких движений в материальном мире.

⁸⁵ - С предметами бесцветными этот опыт удастся всего лучше, как сообщают некоторые духи, потому что духам бывает трудно при восстановлении предмета, восстановить его цвет.

⁸⁶ - И эта мысль также подтверждается духами; но они говорят, что только низшие духи есть существа четырехмерные: в высших сферах число измерений возрастает.

⁸⁷ - Эта книга появилась в 1847 году и выдержала множество изданий.

⁸⁸ - В подтверждение того, что в спиритических явлениях действует дух тьмы; отсылаем читателей к интересной и поучительной статье: «Из области спиритических тайподийействій». Странник, 1885 г., декабрь.

⁸⁹ - Относится к началу 50-х годов.

⁹⁰ - Из получения преосвященного Никанора об историческом бессмертии.

⁹¹ - Православно-Догматическое Богословие Макария. Том II, § 249. Изд. 4-е, 1883 г., стр. 526.

⁹² - Слово XXII похв. Афанасия Великого в Твор. Св. Отец II, 200.

⁹³ - На Еванг. Матфея беседа XIV.

⁹⁴ - На Еванг. Матфея беседа XIII.

⁹⁵ - Беседа о Лазаре.

⁹⁶ - О душе и о происхождении ее, II, 4.

⁹⁷ - Розыск о раскольнической брынской вере, стр. 117.

⁹⁸ - Собрание сочинений т. V, стр. 8.

⁹⁹ - Розыск, стр. 285 – 286.

¹⁰⁰ - Некоторые еретики учили, что душа умирает вместе с телом, чтобы потом вместе с ним воскреснуть в день воскресения. Несториане утверждали, будто душа, хотя и не умирает, но по смерти тела до его будущего воскресения остается в бессознательном состоянии. Это последнее мнение возобновили анабаптисты и некоторые протестанты.

¹⁰¹ - Догматическое Богословие Литония, § 341, изд. 8-е, 1862 г... стр. 244.

¹⁰² - Толкование на 1-ю главу Исаин, в Твор. Св. Отец VI, 69–70.

¹⁰³ - В таком сокращенном виде передается в подлинном житии, этот текст в послании к Ефесеянам VI, 12; несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и миродержителем тьмы века сего к духовом злобы поднебесным.

¹⁰⁴ - Жизнь Святаго Антония, глава XXXVII.

¹⁰⁵ - Слово на почивших о Христе, в Твор. Св. Отц. XV, 269, 270, 271. То же учение выражает св. Ефрем и в Слове «об утверждающих, что воскресения мертвых нет» (в Твор. Св. Отц. XV, 116 – 116) и в своем «Завещании (Христ. чт. 1827, XXVII, 275, 285, 292).

¹⁰⁶ - Беседы о двояком состоянии отшедших из сей жизни, в Христ. Чт. 1828, XXXI, 113 – 114.

¹⁰⁷ - Маргарит, слово о терпении и благодарении и о том, чтобы мы не плакали неутешно о умерших. Слово это положено читать в седьмую субботу по Пасхе и при погребении каждого усопшего.

¹⁰⁸ - На Евангелиста Матфея беседы 53, ч. 2, стр. 414 – 415. М. 1839 г.

¹⁰⁹ - Беседы побудительные к принятию крещения, в Твор. Св. Отц. VIII, 241.

¹¹⁰ - Письмо 43-е к падшей деве, там же X, 139.

¹¹¹ - Homil. i ad monach., in Birlioth. P. P. VII, h. 656.

¹¹² - См. Четы-Мнеи 21-го июля.

¹¹³ - Слово о исходе души, в Прологе под 29-м числом октября, лист 211 на обороте.

¹¹⁴ - Epist. Ad Cubicularium, in Biblioth. PP. T. XXVI. P. 581.

¹¹⁵ - Слово св. Исихия, пресвитера Иерусалимского, о трезвении, главы 149, 161 и 4. Добротолюбие, ч. 2-я.

¹¹⁶ - На смертном одре он так молился Господу Иисусу: «Владыко мой! Милостив буди души моей, да не срящет ю противных духов лукавство, но да примут ангелы Твои, проводящий чрез темная мытарства, приводящий же к свету Твоего милосердия» (Четьи-Минеи, 3-го мая).

¹¹⁷ - Он раскрывает учение о мытарствах очень подробно (Пам тн. Российской словесности XII века, стр. 92. Москва 1821 года).

¹¹⁸ - «Едва приидет страшный час разлучения души моя от тела, тогда, Искупителю мой, прими ю в руке Твои и сохрани от всех бедствий ненаветну, и да не узрит душа моя мрачного взора лукавых демонов, но да спасена преидет вся мытарства» (Собрание сочинений, ч. 1 стр. 179).

¹¹⁹ - Св. великомученик Евстарий, память которого празднуется 13-го декабря, пострадал при императоре Диоклетиане. Молитва его внесена в чин дванадцати псалмов. См. Канонник Киево-Печерский.

¹²⁰ - См. Четьи-Мішеи 23-го декабря.

¹²¹ - Православно – Догматическое Богословие Макария. Том 2, §260, стр. 535. Изд. 4-е, 1883 г.

¹²² - Беседа к Антиохийскому народу III, о Лазаре II.

¹²³ - «Есть и мысленное место, в котором бывает нами представляема и существует природа мысленная и бестелесная. В нем она находится действует и содержится не телесно, а мысленно; ибо не имеет очертания, чтобы могла быть содержима телесно... Ангел, хотя не заключается в месте телесным образом, так чтобы имел наружное очертание и вид, однако, и ему приписывается бытие на месте, потому что он там присутствует духовно и там действует по своей природе и не находится в другом месте, но там и имеет мысленное

очертание, где действует» (Св. Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры, кн. I, гл. 13, стр. 42 – 43).

¹²⁴ - Заимствовано из Православно-Догматического Богословия Макария. Том II, § 250.

¹²⁵ - Это Слово, излагающее сущность учения о мытарствах, печатается обыкновенно при Следованной Псалтири. Приводим его все сполна, ради его глубоко-назидательного характера.

¹²⁶ - Память его празднуется 26-го марта.

¹²⁷ - А. Бухарев, Об упокоения усопших и о духовном здравии живых М. 1866 г., стр. 37 – 38.

¹²⁸ - А. Бухарев, там же, стр. 41 – 44.

¹²⁹ - Слово о исходе душ, в «Хрнст. Чтении» 1831 г. XLIII, 126.

¹³⁰ - Православно-Догматическое Богословие Макария. Т. II, § 250.

¹³¹ - Испытание Господа в пустыне, Тренча, архиепископа Дублинского. Правосл. Обзор. 1887 г., март, стр. 576 – 577.

¹³² - См. у со. Димитрия Ростовского. Летопись. I, 12.

¹³³ - Иоанн Дамаскин. Точное излож. нрав. веры. Кн. II, гл. 4.

¹³⁴ - Слово 165 блаж. Августина.

¹³⁵ - Последование погребения мирских человек.

¹³⁶ - Беседа LXXXVI на Еванг. Иоанна.

¹³⁷ - Большой Требник, Последование исходное монахов.

¹³⁸ - Требник. Последование мертвенное над скончавшимся священником.

¹³⁹ - Св. Иоана Златауста беседа 116-я, т 6.

¹⁴⁰ - «Простирается мантия его косвенно, и поднесше мощи с рогозины, простирают ю под мощи от ног даже до главы: и тако над погребением вчиненный монах ножом обрезав край мантии, иже по обоим краям, свив же мощи мантиею, укроем вкупе связанным обвивает мощи: начен же от главы совершает кресты три – един у главы, второй у персий, третий у колен, оставшейся же частью двоих укромов связует ноги его» (Последование исходное монахов в Большом Требнике).

¹⁴¹ - Требник митрополита Петра Могилы, 1646г., стр. 441.

¹⁴² - Определение Константинопольского Патриаршего собора по вопросам Феогноста, епископа Саранского, 1301 года. Православный Собеседник 1863 года, Февраль, стр. 167.

¹⁴³ - В Последовании Крещения, в «Чин како в осьмой день приносят младенца в церковь, во еже омыти его», пелены, которые разрешает при этом священник, названы по гречески саваном.

¹⁴⁴ - Требник, Указ о провождении усопших на святую Пасху и во всю светлую неделю бываемый.

¹⁴⁵ - Св. Иоанна Златоуста беседа IV на послание к Евреям.

¹⁴⁶ - Новая скрижаль, часть VI, гл. 22, § 2.

¹⁴⁷ - Симеона Солунского, Разгов. о священпод. § 326.

¹⁴⁸ - Св. Григория Нисского. Жизнь Макрины, том 2, стр. 200.

¹⁴⁹ - Св. Иоанна Златоуста беседа XXIX об усопших.

¹⁵⁰ - См. св. Григория Нисского Слово на день Вознесения Господа и блаж. Августина предисловие к толкованию на Псалмы.

¹⁵¹ - Св. Афанасия Великого послание к Маркелдину о толковании Псалмов.

¹⁵² - Новая скрижаль гл. XX, § 4.

¹⁵³ - Св. Германа патриарха. Тайнозрение вещей церковных.

¹⁵⁴ - Требник, Последование погребения мирских человек.

¹⁵⁵ - Деяния Московского собора, бывшего в 1667 году, гл. 2, пункт 33.

¹⁵⁶ - История Церкви, книга III, пава 10.

¹⁵⁷ - Разговор о священнодействиях, § 329.

¹⁵⁸ - Новая скрижаль, ч. IV, гл. 20, § 9.

¹⁵⁹ - Этот погребальный канон есть плач Феофана Начертанного о любезном брате своем Федоре. Феофан жил при иконоборствующим государям от которых он потерпел много бедствий вместе с братом своим Феодором. Один их иконоборствующих царей приказал начертать на челе двух святых братьев, ревностных иконопочитателей позорные стихи, от чего Феофан и Феодор получили название Начертанных. Феодор прежде Феофана оставил землю и

переселился на небо. Расстроганное сердце оставшегося брата излило свою скорбь в трогательном каноне, котоыом св. Церьков напутствует и ныне всякого православного христианина в страну вечности.

¹⁶⁰ - Стихирами самогласными называются такие стихири, которые в отношении размера и тона пения написаны не по подобию других песней; а глас назначен для пения самогласно в сообразно с содержанием их и не зависимо ни от каких других песней, которые были бы образцом для них по содержанию или по размеру.

¹⁶¹ - Не можем удержаться, чтобы не рассказать здесь вкратце историю происхождения этих чудных стихир, принадлежащих перу знаменитейшего церковного песнописца, преп. Иоанна Дамаскина. Иоанн Дамаскин родился в VI в. по Р. Хр. в городе Дамаске, – отсюда и его прозвание. Воспитан он был ученым иноком, Косьмою Святоградцем . Еще в первой молодости Иоанн, по смерти отца, сделан был правителем города Дамаска, но, восстав на защиту святых икон, тогда гонимых он был оклеветан перед князем Сарацинским , которому принадлежала вся эта область, лишен должности и наказан жестоко: ему была отрублена правя рука. Пресвятая Богородица, в сонном видении, приказала ему приставить отрубленную руку. Он исполнил это, – и рука сделалась попрежнему. Вскоре и клевета обнаружилась, вследствие чего князь хотел возратить Иоанна на прежнее место. Но Иоанн от всего отказался, раздал все, что имел, нищим и удалился в лавру преп. Саввы Освященного, чтобы сделаться подвижником . Здесь имя его, как ученейшего и замечательнейшего мужа того времени, было хорошо известно; и потому сначала никто не решался принять его к себе на послушание. Наконец, один старец принял Иоанна, но с условием, чтобы он оставил самое любимое занятие, которому он был страстно предан – сочинять священные песни. Иоанн долго беспрекословно исполнял это условие. Но вот случилось, что у одного подвижника умер брат, и он приходил в отчаяние от этой утраты. Иоанн утешал его; но тот сказал, что одно средство – утешить его, если Иоанн напишет надгробный плач по умершим. После долгих

колебаний, Иоанн написал эти чудно-трогательные песни, которые и доселе поются над умершими: «Кая житейская сладость пребывает печали непричастна?» и т. д. За нарушение обета старец прогнал от себя Иоанна. Долго Иоанн умолял старца простить его и принять опять к себе. Наконец, старец назначил для этого самое унижительное условие: вычистить все «нечистоты в обители» думая, что Иоанн никак не решится на это и оставить его. Но Иоанн беспрекословно и безропотно выполнил возложенное на него. Изумленный и пораженный старец принял его к себе со всею любовью и уже сам назначил ему дело на всю жизнь – сочинять священные песни. Иоанн и посвятил этому всю последующую свою жизнь.

¹⁶² - Из поэмы графа А. Толстого «Преподобный Иоанн Дамаскин».

¹⁶³ - Разговор о Священнодействиях, § 533.

¹⁶⁴ - Требник, Последование погребения мирских человек.

¹⁶⁵ - Патерик Печерский, стр. 68 – 78.

¹⁶⁶ - Софийский Временник. Т. I, стр. 273.

¹⁶⁷ - Требник. Последование погребения мирских человек.

¹⁶⁸ - Об употреблении освященного елея, которым помазывался больной, в древних Требниках, в чине „освящения маслу», говорится следующее; „Аще ли случится болящего ради святити масло, то святити новое масло не освященное, и освятив, аще умрет боляй, то оставшим маслом полить умершего. Аще ли оздоровит боляй, то священное масло сжесши на паникадил или в кадиле. Буди же ведомо, яко и всякого усопшего, иноки же и миряны, в погребении поливати крестообразно святым сим маслом, по писанию св. Дионисия Ареопагита (Требник, изданный в Москв в 7133 – 1625 году, с. 4, л. 394. В стар. инок. Требн. Патриарха Филарета, л. 125. См. Истина св. Соловецкой обители, Преосв. архиерея Игнатия, Сдб. 1844 г., стр. 47).

¹⁶⁹ - Дионисия Ареопагита, Церк. Иерархия, гл. 7, Симеона Солунского о Свящ. 333. Новая Скрижаль, ч. IV, гл. 20, § 17.

¹⁷⁰ - Из Слова в Великую Субботу Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического.

¹⁷¹ - Вот почему в христианских надписях и мученических актах иногда вместо слов «умер тогда-то» говорилось «родился», а диптихи, в которые заносились имена умерших дни поминовения, назывались не «книгою мертвых или усопших», а «книгою живых».

¹⁷² - Катакомбы. Повесть из первых времен христианства. Сои. Евгений Тур. Соб. 1878 г., стр. 111.

¹⁷³ - Песнь 4-я, тропари 1-й и 2-й.

¹⁷⁴ - Песнь 5-я, тропарь 3-й.

¹⁷⁵ - Ексапостиларий – предпосылаемый: так называются песнопения поемые на утренней после канона потому, что в древности для их пения певец был посылаем на середину храма.

¹⁷⁶ - Требник чин погребения младенческого.

¹⁷⁷ - К крайнему прискорбию и на наших христианских кладбищах очень часто приходится встречать этот безотрадный языческий символ смерти, приличный только язычникам, не имущим упования...

¹⁷⁸ - Киприан о смертности гл. XX.

¹⁷⁹ - Св. Иоанна Златоуста беседа IV на послании к евреям.

¹⁸⁰ - Его же слово XXXIX об усопших.

¹⁸¹ - Августин. О граде Божьем книга XIX.

¹⁸² - Св. Амвросий. Слово на смерть брата.

¹⁸³ - Надгробное Слово Архиепископа Рижского Платона. Странник 1864 г., февраль, стр. 139.

¹⁸⁴ - Протоиерея Путятин поучение 263.

¹⁸⁵ - Л. Бухарев. Об упокоении усопших и о духовном здравии живых стр. 62.

¹⁸⁶ - Там же, стр. 60 – 61.

¹⁸⁷ - Там же, стр. 60 – 61.

¹⁸⁸ - Православное Исповедание, 9. I, отв. па вопросы 64, 65. Послание восточн. патриархов о прав. вере, член 18. Православно-Догматическое Богословие Макария, т. II, § 258.

¹⁸⁹ - В литургии св. Апостола Иакова находится следующая молитва за умерших: Господи, Боже духов и всякие плоти!

помяни православных, которых мы помянули и которых не помянули, от Авеля праведного до сего дня: Сам упокой их в селении живых, в царствия Твоем, в сладостях рая, в недрах Авраама и Исаака и Иакова, св. отец наших, откуда отбегла болезнь, печаль и воздыхание, где присещает свет лица Твоего и освещает всегда.

¹⁹⁰ - О церковной Иерархии, глава 8.

¹⁹¹ - Привод. У Св. Иоанна Дамаскина в Слове об усопших в вере.

¹⁹² - Там же у Дамаскина.

¹⁹³ - Беседа 3-я на послание к Филиппийцам.

¹⁹⁴ - Беседа 22-я на Деяния Апостольские.

¹⁹⁵ - Слово об усопших в вере Христ. Чтение 1827 г., XXVI.

309.

¹⁹⁶ - О единобрачии, глава 9.

¹⁹⁷ - Послание LXV к клиру и народу.

¹⁹⁸ - О жизни блаж. царя Константина, кн. IV, гл. 71, стр.

272 по русск. перев.

¹⁹⁹ - Поуч. тайноводств. V.

²⁰⁰ - Слово на преставление Феодосия.

²⁰¹ - Завещание в Христ. Чтении 1827 г., XXXVII. 294.

²⁰² - О покаянии XXXIII в Твор. Св. Отцев XVI, 343.

²⁰³ - Против язычников IV, 36.

²⁰⁴ - Ереси LXXV.

²⁰⁵ - Слово надгробное Кесарю в Твор. Св. Отцев. 1, 258,

261.

²⁰⁶ - Исповедь IX, 13. О граде Божьем XX, 9.

²⁰⁷ - Ведь и умерший не менее, если еще не более, чем немощный младенец, имеет нужду в духовной помощи других. Телом он совсем бездействен, а душою он – истинно как новорожденный в другую жизнь младенцев. Как же нам не оказать ему действительно нужной помощи? Как восприемник из являет веру во Христа за младенца и тем открывает последнему беспрепятственный, со стороны его бессознательности, путь для благодати крещения: так я мы за

умершего подвигаем собственную нашу веру в ту любовь к нему Господа, что за него пожертвовал Господь Самим Собою и уже присвоил Себе его смерть, умерши за него. И такая вера наша будет привлекать к умершему благодать Христовой смерти, заглаждающей его грехи и открывающей блага жизни вечной (А. Бухарев, об упокоении усопших, стр. 29).

²⁰⁸ - Завещание в Христ. Чтении 1827г., XXVII 293.

²⁰⁹ - Афанасия Великого посл. К Антиох., отв. На вопр. 34 в Хр. Чт. 1842 г., II 28.

²¹⁰ - Слово CLXXII.

²¹¹ - Слово об усопших в вере.

²¹² - Поучение огласительное 5-е.

²¹³ - См. в литургии св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого.

²¹⁴ - Поучение тайноводственное 5-е.

²¹⁵ - Слово в субботу 4-й недели Великого поста.

²¹⁶ - Синаксарь (от греческого слова синаксис – собрание, соединение) значит чтение выбранное, собранное из писаний святых Отцов и церковных преданий. В синаксарях, которые положено читать на утрени по 6-й песни канона, или содержится объяснение празднуемого события (синаксаря на все праздники), или указывается значение и причина того или другого учреждения церкви, (поминовения умерших и т. п.), или заключается толкование, почему с известным днем соединяется такое то воспоминание (синаксаря в недели мясопустную, сыропустную, в три первые дни страстной недели и друг.). В настоящее время они совсем не читаются.

²¹⁷ - Кутия, иначе коливо (т. е. вареная пшеница, смешанная с медом), поставляемая как при заупокойной литии, так и при панихиде, служит к напоминанию о воскресении умершего. Как зерно, чтобы образовать колос и дать плод, должно быть положено в землю и там истлеть, так и тело умершего должно быть предано земле и испытать нетление, чтобы потом восстать для будущей жизни (1 Кор. XV, 36 – 38; Иоан. XII, 24). Мед знаменует сладость благ будущей жизни.

²¹⁸ - Молитвы третьего коленопреклонения па вечерне.

²¹⁹ - Типик. Последование сырной недели вечера – «зри» и Последование недели Антипасти – утро.

²²⁰ - Слово LXXIV.

²²¹ - Его же Слово LXXIV.

²²² - Воскресное Чтение 1839 г., № 2. Фомин понедельник. В Киеве ежегодно в Фомин понедельник, по случаю церковного поминовения умерших, бывает на Щекавице городское полурелгиозное гулянье, и в это время на горе этой собирается почти весь Подол.

²²³ - Слово LXII.

²²⁴ - Акты Археографической Экспедиции том 1, 1836 г., №219.

²²⁵ - Обычай творить поминовение об умерших преимущественно в третий, девятый и сороковой день после их кончины существует в церкви издревле. Об нем ясно говорится еще в книге Постановлений Апостольских; потом более или менее ясно – у св. Ефрема Сирина (в его завещании) Макария Александрийского (в слове об исходе души), св. Амвросия Медиоланского (в слове па смерть Феодосия), Палладия (в Лавсаике, гл. 26), Исидора Пелусиота (Послания, кн. I, послание 114) – учителей четвертого ли начала пятого века; далее со всею ясностью – в новеллах императора Иустиниана (новелла 133), у Евстратия, Константинопольского пресвитера (560), у св. Иоанна Дамаскина (в Слове об усопших в вере), Филиппа пустынника (1095) и других. Объяснение этого обычая как у приведенных, так и у позднейших писателей, хотя неодинаковое, впрочем, вообще согласное с духом благочестия.

²²⁶ - Новая скрижаль, часть IV, § 2.

²²⁷ - О. А. Бухарев. Об упокоении усопших, стр. 38 – 39.

²²⁸ - А. Бухарев, так же, стр. 40.

²²⁹ - Заимствовало из Православно – Догматического Богословия Макария. Том II, § 253.

²³⁰ - Изречения: яко Ты воздаси комуждо по делом его, и: всяк пожнет, что посеял, и сим подобные, без сомнения, относятся к пришествию Творца, к имеющему быть тогда страшному суду и скончанию мира сего; ибо тогда не будет

места никакой помощи, и всякое моление будет не действительно. Ибо когда кончится торг, тогда уже поздно заниматься торговлею. Ибо тогда где будут бедные? Где священнослужители? Где псалмопения? Где милостыни? Где благодеяния? И так прежде наступления онаго часа будем помогать друг другу и любящему братство, человеколюбивому и милосердующему о душах Богу приносить жертвы братолюбия» (Иоан. Дамаск. Слово об усопших в вере).

²³¹ - Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 04 – 66. Послание восточн. Патриархов о прав. вере, чл. 18. Так же учили Марк. Ефесский, Гавриил Филадельфийский и другие православные учителя востока. Поэтому нельзя согласиться ни с теми, которые говорят, будто души, по молитвам Церкви, освобождаются не из ада, а от мытарств, составляющих таким образом как бы особое, среднее или третье место между небом и адом (см. Камень Веры, кн. 2, стр. 440 – о благотвор. престав., ч. 2, гл. 3); ни с теми, которые хотя допускают, что души освобождаются из ада, но признают ад за одно с мытарствами, как особое, среднее место между небом и геенною. Нельзя говорим, согласиться ни с теми, ни с другими потому, что среднего состояния души по смерти, третьего места между небом и адом, или геенною, православная церковь не допускает (Прав. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64, 67, 68).

²³² - Выше мы привели эту молитву, принадлежащую св. Василию Великому. См.; Троицкая родительская вселенская суббота.

²³³ - Слово об усопших в вере, Христ. Чтение 1827 г., XXVI, 324.

²³⁴ - Там же, стр. 326.

²³⁵ - Слово по освящении храма Святого Духа на Московском Даниловском кладбище, говоренное сентября 26 дня 1832 года.

²³⁶ - Православно-Догматическое Богословие Макария. Том II, § 259.

²³⁷ - Беседа XXXVIII на послание к Евреям.

²³⁸ - Беседа XXXIX на 1-е посл. к Коринфянам.

- ²³⁹ - Твор. св. Отцов I, 258, 288.
- ²⁴⁰ - Там же, стр. 262 – 263.
- ²⁴¹ - Св. Григорий Двоесловъ, Беседа IV, гл. 25.
- ²⁴² - Послание к Антиоху. Ответ на вопр. 20, в Христ. Чтении 1842 г. II, 224.
- ²⁴³ - О благе0 смерти, глава 10.
- ²⁴⁴ - На послание к Римлянам беседа XXXI, стр. 703 по русскому переводу.
- ²⁴⁵ - Там же, стр. 702, 703. Сл. Августина. О граде Божьем XX, 16.
- ²⁴⁶ - Земля еси, и в землю отыдеши. Святая церковь относит этот приговор Божий преимущественно к душе человека, который за преступление заповеди Божьей обречен на погребение в земле и телом, и душою. Приговор падает всею тяжестью на душу, которая, и по разлучении с телом, сохраняет при себе способности мышления и ощущения, которая одна чувствует на себе действие приговора: тело, по разлучении его от души, покоится в решительном нечувствии. (Тропарь 2-й, песни 5-ой канона на утрени в неделю 7-ю по Пасхи). Св. Афанасий Великий, в Слове на Пасху, говорит: „Человеческое естество, соединенное с Божеским (в лице Спасителя), привело в трепет преисподнюю. Воскликнул ад в сретение Похитителю умерших: Зачем Ты извращаешь определение, сделанное Тобою же в раю? Зачем расторгаешь рукописание, написанное и скрепленное против естества человеческого? Я знаю определение, справедливо произнесенное на человеков: Земля еси и в землю отыдеши.
- ²⁴⁷ - Смерть и ад повержены в озеро огненное (Апок. XX, 14)
- ²⁴⁸ - Беседа на св. четыред. мучен., в Твор. Св. Отецов VIII, 295.
- ²⁴⁹ - Беседа на св. мученика Гордия, там же 281 – 282.
- ²⁵⁰ - Беседа на св. мученика Маманта, там же 266.
- ²⁵¹ - На 2-е послание к Коринфянам беседа XXVI.
- ²⁵² - Против Фавста XX, гл. 21.
- ²⁵³ - Точное изложение прав. веры, кн. 4, гл. 15.

- 254 - Слово III, об иконах.
- 255 - Догматическое Богословие Архим. Антония, §352.
- 256 - Православно-Догматическое Богословие Макария. Том II, § 254.
- 257 - О Церковной Иерархии гл. VII, ч. 3, § 6.
- 258 - На Бытие беседа 44.
- 259 - Похвальное слово мученикам, в Твор. Св. Отц. 15, 250.
- 260 - «Он (Елисей), будучи в живых, совершил чудо воскресения своею душою. Впрочем, чтоб не только были почитаемы души праведных, а верили бы, что и тела праведных имеют таковую силу, то мертвый, упавший в гроб Елисеев, коснувшись мертвого тела пророка, ожил. Мертвое тело пророка совершило дело вместо души. Тогда как оно было мертво и лежало во гробе, даровало жизнь мертвому; я даровавши жизнь, само по-прежнему осталось мертвым. Для чего? Для того, чтоб не приписано было дело сие одной душе, когда бы воскрес Елисей; а чтоб показать, что и тогда, как не находится в теле душа, заключается в теле Святых некоторая чудодейственная сила, так душа, заключается в теле как в продолжение многих лет обитала в оном праведная душа, которой око было покорно» (Св. Кирилла Иерусалимского. Поучение огласительное XVIII).
- 261 - Догматическое Богословие Архит. Антония, § 351
- 262 - Твор. св. Отцов, II, 262.
- 263 - Слово первое обличительное на Юлиана, там же, I, 125.
- 264 - Там же, XIV, 128.
- 265 - В Христ. чтении 1835 г., III, 255 – 256.
- 266 - На 2-е послание к Коринфянам беседа XXVI.
- 267 - Беседа на память Св. муч. Вавилы, в Христ. чтении 1842 г., III, 309.
- 268 - Послание XXXVII.
- 269 - Православно-Догматическое Богословие Макария, том II, § 265.
- 270 - Слова и речи М.1884 Ч.2, стр. 174, 175.

- ²⁷¹ - Книга правил, стр. 5, 6.
- ²⁷² - Послание CCCLV – к Юлиану Отступнику.
- ²⁷³ - Заимствовано из Православно-Догматического Богословия Макария том 2, § 256.
- ²⁷⁴ - Ириней. Против ересей, I, 25; Епифаний. Ереси, XXVII; Августин. О ересьях, глава 7-я.
- ²⁷⁵ - Иосиф Флавий иудейский историкъ, оставил описание событий этого времени.
- ²⁷⁶ - На Евангелиста Матфея беседа LXXVII.
- ²⁷⁷ - Св. Иоанн Златауст, там же.
- ²⁷⁸ - Об основных истинах христианской веры апологетические публичные чтения Протоиерея Л. А. Сергиевского. М. 1872 г., стр. 173 – 174.
- ²⁷⁹ - Вот полный состав речи апостола; «Вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от иудеев, которые убили и Господа и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и чрез это всегда наполняют меру грехов своих: но приближается» и т. д.
- ²⁸⁰ - О конечных судьбах мира и человека Критико-экзегетическое и догматическое исследование Н. Виноградова. М. 1887 г., стр. 51, 52, 53, 54.
- ²⁸¹ - О конечных судьбах мира и человека. Н. Виноградова, стр. 73–74.
- ²⁸² - О конечных судьбах мира и человека. Н. Виноградова, стр. 79, 80, 81, 82, 83, 84.
- ²⁸³ - Об основных истинах христианской веры. Протор. Н. Сергиевского. Стр. 174 – 175.
- ²⁸⁴ - Название – «сын погибели» прилагается как к антихристу в этом месте, так и к Иуде Искаротскому в Евангелии Иоанна XVII, 12, чем еще раз указывается на антихриста как на определенную личность.
- ²⁸⁵ - Энциклопедия Герцога. 1, 134.

- ²⁸⁶ - Краткое изложение бож. догм., гл. 23, в Христ. Чтении 1844 г. IV, 355
- ²⁸⁷ - Мф. 24:15.
- ²⁸⁸ - О конечных судьбах мира и человека Н. Виноградова, стр. 103–104.
- ²⁸⁹ - О конечных судьбах мира и человека. Н Виноградова, стр. 109 – 111.
- ²⁹⁰ - Огласительное поучение XV.
- ²⁹¹ - Твор. Св. Отец, XIV, 31.
- ²⁹² - О конечных судьбах мира и человека. Н. Виноградова стр. 129–131.
- ²⁹³ - О конечных судьбах мира и человека. Н. Виноградова, стр. 114.
- ²⁹⁴ - Против ересей V, 26.
- ²⁹⁵ - Св. Кирилл Иерусалимский. Огласит. поучение. 15. Снес. Св. Иоанна Дамаскина, точн. излож. правос. веры, кн. 4 гл. 26.
- ²⁹⁶ - Иринеи и Кирилл Иерусалимский.
- ²⁹⁷ - О конечных судьбах мира и человека. Н. Виноградова, стр. 63 – 66.
- ²⁹⁸ - О граде Божьем LXX, гл. 29.
- ²⁹⁹ - На Евангелиста Матфея беседа LVII.
- ³⁰⁰ - Благовестник. Казань, 1857 г., ч. II, стр. 124, 125; сн. ч. I, стр. 302. – Снеси также Иоанна Дамаскина. Точное изложение прав.
- ³⁰¹ - Св. Кирилл Иерусалимский. Огласительное поучение. 15
- ³⁰² - Об основных истинах христианской веры апологетические публичные чтения протоиерея Н. Сергиевского, ст. 175.
- ³⁰³ - О конечных судьбах мира и человека Н. Виноградова, стр. 124 – 126.
- ³⁰⁴ - Св. Иоанн Златоуст на Евангелиста Матфея беседа LXXVI.

³⁰⁵ - Св. Ефрем Сирин, Слово на честный крест, в Твор. Св. Отец. XIV. Сн. св. Кирилла Иерусалимского огласит. поучение XV.

³⁰⁶ - Св. Кирилл Иерусалимский, огласит. поучение XV.

³⁰⁷ - Св. Иоанн Златоуст, на Евангелиста Матфея беседа LXXVII.

³⁰⁸ - В той же беседе св. Златоуст высказывает мнение, что второе пришествие Христова будет в полночь. Св. церковь установила особую церковную службу – полунощницу для молитвенного воспоминания второго пришествия и страшного суда Христова.

³⁰⁹ - Об основных истинах христианской веры, прот. Н.Сергиевского, стр. 176.

³¹⁰ - Св. Григорий Нисский. О душе и воскресении. Русский перевод Моск. Дух. Академии. Ч. IV. стр. 199.

³¹¹ - Св. Иакос Низибийский. Слово о воскресении мертвых, в Христ. Чт. 1837 г., II, 32, 33.

³¹² - Св. Кирилл Иерусалимский. Огласит. поучение XVIII.

³¹³ - Если бы одна душа упражнялась в подвигах добродетели, то одна бы и получила венец; а если бы одна предавалась удовольствиям, то, одна по справедливости была бы и наказываема. поскольку же душа не творит ни добрых, ни злых дел без тела, то по справедливости и душа, и тело вместе получают воздаяние (Св. Иоанн. Дамаск. Точное излож. прав. веры, кн. IV, гл. 27).

³¹⁴ - Тогда праведники, говорит Писание, просветятся, как солнце (Матф. XIII, 43) и луна и как светлость тверди (Дан. XII, 3). И Бог, предвидев человеческое неверие, малейшим червям во время лета даровал способность испускать из тела световидный блеск, дабы люди, судя потому, что видят, поверили тому, чего ожидают. Тот, который дает несколько, может подать и все: Тот, кто сотворил червя блистающим, кольми паче и просветит праведного человека (св. Кирилл Иерусалимский, огласит. поучение XVIII).

³¹⁵ - Наше душевное тело, имея в себе, уже при условиях здешней земной жизни, начаток духа, в будущей жизни так

одухотворится, что легко будет заметно отличие его, как духовного, от настоящего душевного. Св. апостол Павел свидетельствует (мы выставляем на вид одну из наиболее характеристических черт этого отличия), что теперешние органы для материального процесса питания в будущем духовном нашем теле упразднятся. Пища для чрева и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то, и другое (1Кор. VI, 13), и это потому, что плоть и кровь не могут наследовать царствия Божия (– XV, 50). В этом отношении воскресшее наше тело будет славнее того тела, которое наши прародители имели в раю «Сеется тело душевное, т. е. грубое и смертное, – восстает тело духовное, каково тело Господа во воскресении, проходившее сквозь затворенные двери, не утомлявшееся и не имевшее нужды ни в пище, ни в сне, ни в питье»» (св. Иоанна Дамаскина точное излож. прав. веры IV, гл. 27).

³¹⁶ - На 1-е послание к Коринфянам беседа XLII Сн. Блаж. Феодорита на то же послание VI, 51.

³¹⁷ - Будет ли это действие очевидным сидением Судьи на белом облачном престоле или же это – только символический образ величия Судьи, заимствованный от Архангельского предсказания о наследовании Христом престола Давидова, – во всяком случае этим действием ясно, живо и наглядно обозначается мысль о царском достоинстве Судьи мира.

³¹⁸ - Поставление судимых лиц – одних по правую сторону, других по левую есть обычное на языке Свящ. Писания обозначение счастья и несчастья. Оно идет из области еще в ветхозаветных иудейских понятий и взглядов на сторону правую и левую. Так по книге Екклесиаст (X, 2) противоположности между мудростью и глупостью живо обозначается противоположностью между правою и левою стороною; а так как начало премудрости есть страх Божий – корень истинного благочестия и праведности, то противоположность между мудростью и глупостью соответствует противоположность между праведностью и неправедностью. На практике такой смысл противоположности между правою и левою стороною выражался в установившемся обычае иудейского синедриона, по которому пред лицом председателей синедриона

становились двое судей, в качестве писцов, один по правую сторону – для обозначения оправдательных свидетельств а другой по левую – для записи обвинения. На последнем всемирном суде, правда, не будет писаться ни оправдание, ни обвинение: но значение правой и левой стороны останется то же, что и в обычном судебном присутствии иудеев.

³¹⁹ - Об основных истинах христианской веры прот. Н. Сергиевского стр. 178.

³²⁰ - Пространный христианский Катехизис, о VII члене Символа веры.

³²¹ - Св. Ефрем Сирин, о страхе Божьем и последнем суде, в Твор. Св. Отец, XV, 302.

³²² - Св. Василий Великий, толк. на Исаию, 1, 18 в Твор. Св. Отец, 6, 70.

³²³ - Св. Ефрем Сирин, о страхе Божьем и о последнем суде.

³²⁴ - Св. Кирилл Иерусалимский, оглас. поучение XVIII.

³²⁵ - О конечных судьбах мира и человека Н. Виноградова, стр. 262 – 264.

³²⁶ - Св. Григорий Богослов. Слово, говоренное в присутствии отца, в Твор. Св. Отец, II, 56.

³²⁷ - Св. Иоанна Златоуста на второе послание к Коринфянам, беседа X.

³²⁸ - Об основных истинах Христианской веры, прот. И. Сергиевского стр. 173, 176 – 177.

³²⁹ - Против ересей, V, гл. 36.

³³⁰ - Огласительное поучение XV.

³³¹ - Беседа на шестоднев I, в Твор. Св. Отец V, 6, 7.

³³² - На пророка Исаию LXV.

³³³ - О конечных судьбах мира и человека. Н. Виноградова ср. 292.

³³⁴ - На слова Кор XV, 24 в Христ. Чтении 1837 г., II, 18–19.

³³⁵ - Огласительное поучение XV.

³³⁶ - По свидетельству церковного историка Евсевия, передающего слова Кая, пресвитера Римского, Керинф

утверждал, что после воскресения по основании Христом тысячелетнего царства, люди будут жить телесно в Иерусалиме, служа страстям и удовольствиям, и что 1000 лет пройдет в брачных празднованиях. Евсевий, Церк. Ист. III, 28; VII, 25.

Как у Папия Иерапольского, так и у Ириния Лионского относительно хилиастического времени говорится: придут дни, когда на виноградных деревьях будет по 10,000 лоз на каждом, на каждой лозе по 10,000 веток, на каждой ветке по 10,000 прутьев, на каждом пруте по 10,000 кистей и в каждой кисти по 10,000 ягодин, и каждая выжатая ягода даст по 25 мер вина; и когда кто-либо из святых возьмется за кисть, то другая кисть возопиет к нему: «Я – лучшая кисть, возьми меня, чрез меня благослови Господа». Тоже относительно и других плодов.

³³⁸ - «Мы признаем, – говорит Тертуллиан в своем сочинении против Маркиона, – что нам на земле обетовано славное тысячелетнее царство, прежде нежели мы взойдем на небо в новое состояние, спустя 1000 лет после воскресения, во вновь созданном Иерусалиме, который ни спустится с неба и о котором говорит апостол, называя его нацией вышнею матерью и нашим небесным отечеством». Что касается столицы тысячелетнего царства, то не все хилиасты признавали ею Иерусалим: для монтанистов столицей был город Пепуза во Фунгии, колыбель их ереси, для анабаптистов (под главенством Иоанна Лейденского) – город Мюнстер в Вестфалии, для мормонов – Ута на Соленом Озере в Америке, и т. д.

³³⁹ - Православно-Догматическое Богословие Макария Т. II, § 267.

³⁴⁰ - Св. Иоанн Златоуст на послание к Римлянам беседа, V.

³⁴¹ - Его же, на Евангелиста Матфея беседа XXIII.

³⁴² - Его же, Слово 1-е к Феодору падшему, в Христ. Чтении 1881 г. I 370, 375.

³⁴³ - Св. Василий Великий. Беседа на псалом XXXIII, 6, в Твор. Св. Отец V, 293.

³⁴⁴ - Точное изложение прав. веры кн. 4, гл. 27.

³⁴⁵ - Св. Василий Великий, беседа на псалом 33, 12.

³⁴⁶ - Св. Иоанн Златоуст. Слово 1-е к Феодору падшему.

³⁴⁷ - Лактаниций. Божест. установ. 7, 21.

348 - Летопись об огне геенском, стр. 122–123.

349 - Извержены будут во тьму внешнюю и проч.: образ будущих мучений для тех, кто не удостоится получить блаженство в царстве Христовом. Образ взят от того же образа пира или вечери, как они происходят на востоке особенно в холодные вечера. Холод и темнота окружающая – противоположность светлой и теплой комнате, где происходила вечера. Гостей чем–либо виновных выводили из комнаты вечери и заставляли оставаться в темноте и на холоде в то время, когда другие в тепле и свете веселились, что для первых, конечно, было крайне неприятно; представляется, что они плачут и скрежещут зубами от досады и холода. Эта тьма кромешная, т. е. находящаяся вне (кроме) комнаты пира, плач и скрежет зубовный лишившихся веселья этого пира и представляются образом вечных мук грешников во аде» (Толковое Евангелие Архим. Михаила. Книга I, стр. 138).

350 - Письма Святогорца, стр. 224 (письмо 15-е).

351 - Нрав., краткое пзлож., отв. на вопр, 207, в Твор. Св. Отецъ, IX, 346–347.

352 - Слово на второе пришествие Господа, Твор. Св. Отец, XII, 390.

353 - Слово на честный крест и на второе приш. Господа, там же XVI, 50.

354 - На послание к Римлянам беседа V.

355 - Слово 1-е в Федору падшему, в Христ. Чтении 1844., 1, 413.

356 - Заимствовано из книги: «Премудрость и благодать Божья в судьбах мира и человека».

357 - Вас. Вел. Толк. на Псалом 18.

358 - Христ. Чт. 1846 г. ч. 3.

359 - Излож. прав. веры Стр. 130, 136.

360 - Златоуст. на Иоан. Боед. XXXVIII.

361 - Излож. веры стр. 287.

362 - Apud Phot Biblioth Cod CCLXXVII, p. 1548.

363 - Архимандрит Хрисанф, Религии древнего мира в их отношении к христианству. Спб. 1873 г. Том I, стр. 2 – 3.

364 - Архим. Хрисанф., тамъ-же, стр. 87, 88.

365 - Там же, стр. 120, 121.

366 - Там же, стр. 124.

367 - Там же, стр. 339.

368 - Там же, стр. 340.

369 - Там же, стр. 342.

370 - Там же, стр. 344–345.

371 - Там же, стр. 375.

372 - Там же, стр. 563 – 564.

373 - II, 123: Египтяне первые ввели учение о бессмертии

374 - Диодор Сицилийский I, 51.

375 - Архим. Хрисанф. Религия древнего мира. Т. 2, стр. 131–133.

376 - Там же стр. 263.

377 - Там же стр. 306, 307.

378 - Тамъ-же, стр. 321.

379 - Там же стр. 509–511.

380 - И. Чистович, Древне-греческий мир и христианство, в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. Спб. 1871 г. стр. 14,15.

381 - Там же стр. 95.

382 - Там же стр. 191.

383 - увещании к Эллинам, гл. 6 и 27.

384 - Соловьев. История России. Том I, изд. 4-е, стр. 81, 85, 86 и 87.

385 - «Qui cum morte temporali omnia putant finiri», Thietmarus (У Белевского, Monumenta Poloniae historica. 1, 224). Сл. И. Срезневского, О языческом веровании древних славян в бессмертие души (Журн. Министерства Народн. Просв. 1847 г., №2 стр. 193–194) и А. Котляревского, О погребальных обычаях языческих славян. М. 1868г., стр. 87–89.

³⁸⁶ - Бестужев–Рюмин, История России. Том I, глава 1-я, стр 24 – 25.

³⁸⁷ - Ed. Bonen, p. 151–152.

³⁸⁸ - А. Котляревский, О погребальных обычаях языческих славян. Стр. 187–188.

³⁸⁹ - Гл. VII, ст. 36: «Братья наши, претерпев ныне краткое мучение по завету Божьему, получили жизнь вечную» (слова последнего из семи братьев мучеников маккавейских).

³⁹⁰ - Гл. III, ст. 4. «Ибо хотя они (праведные) в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия».

³⁹¹ - Древние евреи строго различали слово шеол от слова кебер – гроб, и когда шла речь о месте или пещере, где погребались тела умерших, всегда употребляли последнее слово (см. в подлиннике Быт. 4, 6, 9; Исход. XIV, 2; Числ. XI, 34, Иов. V, 26; X, 21; XXI, 32; Псал. XCVIII, 19; Иезек. XXXVIII, 12, 13 и друг. места).

³⁹² - Каждый стих Библии включает в себе 600,000 смыслов, т. е. представляет 600,000 способов понимания и изъяснения, и каждый способ изъяснения стиха, имеет отношение к еврейской душе.

³⁹³ - Руководство в Основному Богословию Архим. Августина. Вильно, 1876 г. стр. 159–162.

³⁹⁴ - Архим. Августин. Руков. к Основному Богословию, стр. 174 – 175.

³⁹⁵ - Коран или Ал-Коран – это, книга, в которой собраны все мнимые откровения Магомета, приведенная в окончательный, настоящий вид свой уже после его смерти. Коран состоит из 114 сур или глав, из коих каждая имеет свое особое название (стол, человек, корова, Иосиф, муравей, и т. д.) и разделена на несколько аят, или стихов . Магометане считают Коран творением самого Бога и чудесным откровением Божьим, в котором выразилась вся полнота истины и в котором каждая иота имеет свой глубокий смысл . Сложилась даже между ними басня о том, что Коран от вечности существовал в Боге или у Бога; потом архангел Гавриил , по изволению Божью, снял с него копию и принес ее па последнее, низшее небо, а

отсюда уже снабжал Магомета главами и стихами своей копия, открывая их ему, в продолжении 23-х лет, по частям, смотря по нуждам и обстоятельствам. Откровения эти записаны, будто бы, были Магометом или его писцами и слушателями, также под непосредственным наблюдением самого архангела.

³⁹⁶ - Геенна имеет семь отделений, лежащих одно ниже другого. Первое и наиболее сносное отделение геенны предназначено для грешников из числа исповедников ислама, второе – для иудеев, третье – для христиан, четвертое – для сабеев, или учеников Иоанновых (Деян. XVIII, 24 и дал.), пятое – для, так называемых, магов, т. е. огнепоклонников персов, мидян, халдеев и парфян, шестое – для поклонников фетишей и других идолов, седьмое и мучительнейшее отделение – для лицемеров из всех религий. Вечно мучиться будут грешники только в последних двух отделениях.

³⁹⁷ - Архим. Амвросий. Руководство к Основному Богословию, стр. 175 – 177.

³⁹⁸ - Людовик Каро. О происхождении верований, в будущую жизнь, в *Revue des Deux. Mondes*, 1-я декабрьская книжка за 1875 год.

³⁹⁹ - В своей «Критической истории учения о будущей жизни».